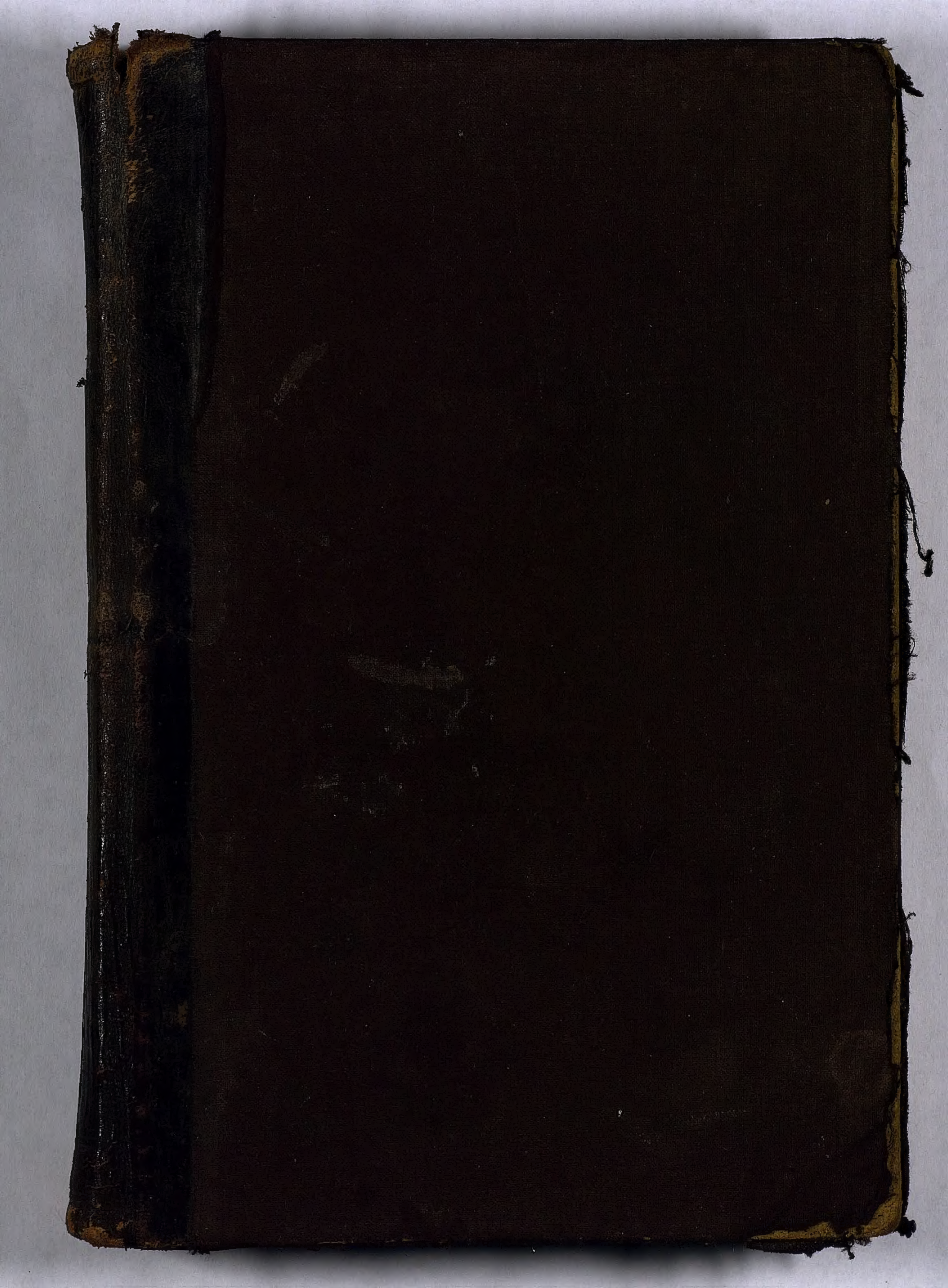

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный **М. М. Стасюлевичемъ** въ 1866 году.

СОРОКЪ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ.

ДЕКАБРЬ.

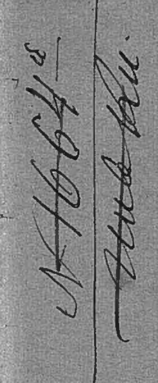

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1912.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Спб., Б. Подъяческая, № 39.

ИЗГНАНІЕ.

(Романъ).

(Окончаніе) [1]).

XI.

— Неужели я—женатый человѣкъ?...—мысленно спрашивалъ я себя всякій разъ, когда останавливался передъ звонкомъ домика, въ которомъ жилъ еще холостымъ...

Прошелъ уже цѣлый мѣсяцъ, а я все еще не могу свыкнуться съ этой истиной. На двери визитная карточка: «Зинаида Дмитріевна и Геннадій Николаевичъ Тархановы»... Какъ это странно: мужъ!.. Я—мужъ!.. Властно дергаю звонокъ, бѣжитъ Сусанна:

— Бѣгу, бѣгу... Поспѣешь...

— Барыня дома?

— Нѣтъ ея...

— Гдѣ она?..

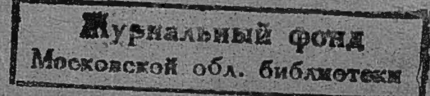
— Въ камунахъ вашихъ...

Вхожу въ комнаты. Здѣсь все такъ же, какъ было: половички, занавѣсочки, цвѣточки, бумажныя розы на иконахъ, даже бумажная балерина на лампѣ...

Тамъ, гдѣ я спалъ—комната жены. Тамъ похоже на дѣтскую: бѣлая кроватка, бѣлое одѣяльце, голубенькая занавѣска на окнѣ, образокъ въ изголовьяхъ постели, привязанный къ кроватной перекладинѣ, горящая лампадочка въ память покой-

---

1) См. ноябрь, стр. 3.

ной матери. Изъ-подъ кровати выглядываютъ маленькія туфельки, на стѣнѣ яркія цвѣтныя пятна шелковыхъ юбочекъ и кофточекъ... Здѣсь свой мірокъ, совершенно непохожій на мой. Я сплю въ залѣ на диванѣ и похожъ на постояльца: у меня— заваленный бумагами и книгами столъ и больше ничего. Весь мой мірокъ на столѣ, а главнымъ образомъ въ ящикахъ стола, которые я держу запертыми: тамъ тѣни прошлаго...

Странно, что прошелъ мѣсяцъ, а мы все еще не ближе другъ другу, чѣмъ были въ день свадьбы. Мы по прежнему стѣсняемся другъ друга и путаемъ «вы» и «ты»; по прежнему я не вхожу въ комнату Козочки безъ разрѣшенія: сперва долженъ постучать. На ночь она запирается, что возбуждаетъ любопытство и удивленіе нашей Сусанны:

— Не подпущаетъ къ себѣ... Вотъ тѣ крестъ!.. На запорѣ спитъ,—сплетничаетъ она вечеркомъ подругамъ, погрызывая сѣмячки у крыльца на лавочкѣ.

Быть можетъ, такъ лучше для нашей любви: дальше отъ прозаическихъ супружескихъ буденъ. Нѣжность къ дѣвушкѣ-женѣ, деликатная заботливость и какое-то тревожное безпокойство ростутъ во мнѣ съ каждымъ днемъ, и я начинаю убѣждаться, что люблю Зину какой-то особенной, застѣнчивой и красивой любовью. Особенно сильно это ощущеніе, когда я остаюсь одинъ. Тогда мнѣ дѣлается скучно, хочется слышать легкіе, знакомые шаги въ сосѣдней комнатѣ, жалобныя восточныя пѣсенки, видѣть странные большіе глаза моей гибкой серны, помучаться сладкимъ томленіемъ взглядовъ и прикосновеній... Изрѣдка набѣгаетъ волна бунтующей страсти: мы цѣлуемся и пьянѣемъ, но Зина всегда первая приходитъ въ полное сознаніе и, отстранившись, рѣшительно говоритъ:

— Будетъ!.. Не надо!..

И смотритъ дикой серной, съ подозрительнымъ испугомъ и опасеніемъ.

— Вы... ты меня боишься?...

— Да...

— Почему?

— Не скажу... Вы... сами знаете.

— Ты меня любишь?..

— Люблю... а все-таки...

Сконфуженно опускаетъ рѣсницы, вертитъ на пальцѣ обручальное кольцо и затрудняется сказать, почему «все-таки»...

Однажды послѣ такого приступа любовной лихорадки, она сказала мнѣ изъ своей комнаты:

— А помните разговоръ въ коммунѣ о семьѣ и... дѣтяхъ? Вы сами соглашались, что они закрѣпощаютъ человѣка... дѣлаютъ его рабомъ... и... вообще...

— Да, что-то подобное говорилось...

— Ну, такъ вотъ... Я хочу, чтобы вы были по-прежнему свободнымъ... Я совершенно согласна съ Марьей Петровной, что если мужчина закрѣпощается, то женщина еще болѣе...

Сказала, какъ отвѣтила хорошая ученица учителю на урокѣ. Я расхохотался.

— Миленькая!.. Ну, иди сюда, я тебя поцѣлую..!

— Знаю я... Не обманете...

— Козочка!.. Вы обворожительны... Не запирайтесь: это меня обижаетъ...

Бесѣды съ Марьей Петровной и Парашей, видимо, не проходятъ для моей жены безполезно. Теперь все ясно.

— Козочка!

— Что тебѣ?

— Тогда зачѣмъ намъ было вѣнчаться?..

— А-а!.. Вишь, какой!.. На всякій случай все-таки...

— На всякій случай?.. Это тоже—Марья Петровна?..

— Пиши лучше повѣсть, чѣмъ глупости болтать... Какъ женился, такъ и сталъ лѣниться...

— А ты вдохнови!.. Будь моей музой!..

— Небось, другимъ посвящалъ свои произведенія, а мнѣ...

— И тебѣ посвящу...

Обѣдали мы по-прежнему въ коммунѣ. Однажды я пошутилъ за обѣдомъ надъ слабостью моей жены къ авторитету Марьи Петровны. Та обидѣлась.

— Я понимаю... А вотъ вы не понимаете, и какъ-нибудь мнѣ придется съ вами поговорить серьезно.

— Не надо!—испуганно вскрикнула Зина и, покраснѣвъ до ушей, вскочила и спряталась въ другой комнатѣ.

Я не понялъ, въ чемъ дѣло, но почувствовалъ странную неловкость и разсердился.

— Неделикатно лѣзть въ чужія отношенія, Марья Петровна... Если вы позволите себѣ въ другой разъ...

— Я говорю, любя Зину и... васъ. Ничего дурного я не дѣлаю, а совершенно напротивъ. Вы же потомъ скажете мнѣ «спасибо»... Вы ничего не знаете...

На этотъ разъ такъ я и ушелъ съ недоумѣніемъ и раздраженіемъ, котораго не могъ сдерживать по отношенію Марьи Петровны очень долго.

Но вотъ однажды, послѣ новой схватки съ неделикатной женщиной, я, наконецъ, самъ потребовалъ отъ нея объясненія какихъ-то темныхъ и пошлыхъ намековъ. Улучивъ время, когда жены не было, я потребовалъ категорическихъ объясненій...

— Хорошо! Очень рада. Сама давно хотѣла начать разговоръ, да послѣ вашихъ дерзостей не рѣшалась... Пойдемте ко мнѣ въ комнату!

Пошли къ ней въ комнату, и тамъ она посвятила меня въ тайну.

— Имѣйте въ виду, что ваша жена не можетъ быть матерью!..

— Позвольте, вамъ-то какое дѣло?.. — вскипѣлъ-было я, но Марья Петровна остановила.

— Дайте же кончить, а потомъ уже ругайтесь!..

— Отлично.

— Я говорю, какъ человѣкъ науки...

— Что такое? При чемъ тутъ наука?..

— Ваша жена имѣетъ такое сложеніе... Ну, однимъ словомъ материнство для нея равносильно... смерти. Поняли? У нея настолько узкій тазъ...

— Понялъ!.. Довольно!..

Но Марья Петровна не унималась. Теперь, видя мою растерянность и свою правоту, она заговорила уже о той нравственной отвѣтственности, которая лежитъ на мнѣ.

— Вы будете ея убійцей... Поняли?..

— Понялъ, понялъ!.. Благодарю за предостереженіе...

— Ага!.. Теперь благодарите... Вотъ видите!.. Чья правда?..

— Ваша, ваша!..

— Ну вотъ и все... Было бы сказано... Я обязана была это сдѣлать и сдѣлала.

— Зина это знаетъ?

— Нѣтъ. Но я подѣйствовала на нее другимъ путемъ... общественнымъ...

— Общественнымъ?!.

— Да. Я постаралась внушить ей, что семья и дѣти съ точки зрѣнія...

— Да, да, понимаю!.. Но ради Бога, прошу васъ этимъ кончить и никогда больше ни съ кѣмъ не поднимать этого разговора!..

— Мнѣ-то что?.. Вы—мужъ, а не я... Совѣтую все-таки при случаѣ обратиться къ спеціалисту... Я могла ошибиться...

Такъ вотъ она, разгадка!..

— Она еще ребенокъ, а вы... вы уже взрослый и отвѣтственный человѣкъ.

— Да, конечно...

Вышелъ я изъ комнаты Марьи Петровны такимъ серьезнымъ, словно мы съ ней разрѣшали важный государственный вопросъ. Прошло раздраженіе; отлетѣло легкомысліе, осталась огромная отвѣтственность за жизнь человѣка, судьба котораго отнынѣ и до вѣка вручена мнѣ. Къ самому себѣ я питалъ въ этомъ отношеніи полное довѣріе и потому уважалъ теперь себя болѣе чѣмъ обыкновенно. Раскрытая тайна нисколько меня не опечалила; напротивъ, она осѣнила мою жизнь какимъ то новымъ смысломъ и новымъ содержаніемъ: я — хранитель прекраснаго, нѣжнаго и хрупкаго цвѣтка. Только теперь я понялъ, какъ необыкновенна моя новая любовь... Любовь издали... Часто, заработавшись до вторыхъ пѣтуховъ, я подходилъ на цыпочкахъ къ жениной спальнѣ и слушалъ ровное, спокойное дыханіе спящей дѣвушки...

— Спи спокойно, моя миленькая Козочка!...

Въ послѣднее время довѣріе съ ея стороны ко мнѣ возросло настолько, что она перестала запираться. Я тихо прокрадывался въ спальню, склонялся къ изголовью кровати, любовался своимъ сокровищемъ, тихо уходилъ и снова принимался писать повѣсть. Это не мѣшало мнѣ работать, а только усиливало процессъ творчества. Случалось иногда, что дѣвушка отъ моего пристальнаго взгляда просыпалась и раскрывала удивленные глаза:

— Ты?.. — спрашивала дѣвушка, торопливо пряча голое плечико.

Тогда я спѣшилъ поцѣловать сонное личико и... тоже уходилъ.

Послѣ коммунальнаго обѣда, къ намъ обыкновенно приходили Параша и Касьяновъ — пить чай, а игрѣдка стала заглядывать и племянница исправника, Александра Романовна, знакомство съ которой началось у жены еще съ того времени, когда она носила намъ въ полицейскій арестный домъ обѣды и ходила по нашимъ дѣламъ къ исправнику. Александра Романовна, видимо, ходила тайно отъ дяди-исправника, потому что она всегда пряталась отъ г. наблюдающаго, когда тотъ приходилъ насъ провѣдать. Александра Романовна была чужда всякой политики и общественныхъ вопросовъ, но что-то тянуло ее къ намъ: можетъ быть, она инстинктивно чувствовала нашу общечеловѣческую правоту, а, можетъ быть, просто здѣсь не было

подходящей молодежи. Лицо у ней было открытое, типично великорусское, съ миловидной улыбкой, съ сѣрыми глазами, безъ особенной красоты, но съ притягивающей пріятностью; при томъ она была безпричинно весела, любила похохотать и попѣть пѣсни хоромъ. Касьяновъ приносилъ гитару, и иногда у насъ выходилъ недурной хоръ. Книги, которыя брала у насъ читать Александра Романовна, незамѣтно прокладывали все новыя и новыя дорожки для взаимнаго пониманія, и скоро мы стали называть ее Сашенькой. Часто она угощала насъ музыкой. Заранѣе условившись, мы прохаживались мимо квартиры исправника, а Сашенька, раскрывъ окна, играла. Только въ одномъ домѣ, у исправника, здѣсь и слышалась музыка, и то только съ пріѣздомъ Сашеньки. Сдѣлавшись нашимъ тайнымъ другомъ, Сашенька очень благотворно вліяла на своего дядю въ смыслѣ разныхъ льготъ и послабленій по части «правилъ жизни». Это давало намъ возможность иногда устраивать общія загородныя прогулки. Любимымъ мѣстомъ такихъ прогулокъ былъ монастырь, верстахъ въ пяти отъ города. Сосновый боръ, тихоструйная рѣка, красивый монастырь въ древне-русскомъ стилѣ, особенная тихая задумчивость всей природы, старинный перезвонъ колоколовъ и черныя одинокія фигуры монаховъ въ лѣсу и на пестрыхъ лугахъ—все это было такъ хорошо и удивительно, что мы превращались въ ребятишекъ и напитывались здѣсь какой-то особенной радостью жизни...

Въ одну изъ такихъ прогулокъ, когда всѣ мы разбѣжались по лѣсу и лугамъ, мы съ Козочкой наткнулись на неожиданность. Выходимъ съ луговъ на лѣсную опушку, къ рѣкѣ, и видимъ: Касьяновъ цѣлуется съ Сашенькой.

— Тсс!..—прошептала Козочка и махнула мнѣ рукой.— Пойдемъ...

Мы сбѣжали съ горки въ луга и здѣсь, какъ заговорщики, шептались и смѣялись надъ неожиданнымъ открытіемъ.

— Ахъ, какой!.. Вотъ какой!.. Цѣлуются!.. Вотъ такъ Касьяновъ...

— Почему же опять виноватъ одинъ Касьяновъ?..

Козочка ударила меня по рукѣ вѣткой и погрозила пальцемъ:

— Знаю я васъ!..

Мы присѣли на лужкѣ, среди бѣлыхъ, синихъ, желтыхъ и розовыхъ цвѣтовъ.

Козочка стала плести вѣнокъ и напѣвать, а потомъ уронила мнѣ на колѣни голову и стала смотрѣть въ лицо...

— Поцѣлуй меня!..

Я поцѣловалъ...

— Крѣпче!.. Какъ они!..

Я наклонился и поцѣловалъ.

— Я хочу еще... еще!..

— Монахъ идетъ,—сказалъ я.

Козочка вскочила, какъ ужаленная пчелой, съ ужасомъ оглядѣлась по сторонамъ и, не видя никакого монаха, надула губы.

— Обманщикъ!.. Больше никогда-никогда не буду тебя цѣловать!.. Заруби себѣ это на носу, противный!..

Ахъ, въ этотъ моментъ мнѣ хотѣлось взять ее на руки и унести дальше, дальше, въ темный боръ, гдѣ зеленый сумракъ, одинъ зеленый сумракъ...

— Го-спода-а!.. Ау!..

— Ау!—откликнулся лѣсъ на рѣчной излучинѣ... Потомъ на берегу появились Касьяновъ съ Сашенькой.

— Зина, ты куда?..

— Сидите тутъ!.. Я пойду съ Касьяновымъ гулять... Въ лѣсъ... далеко-далеко!..

— На что ты сердишься?..

— А зачѣмъ вы придумали монаха?.. Ну и цѣлуйтесь съ монахомъ!..

Сдѣлала воздушный поцѣлуй и побѣжала прочь. Добѣжала до берега, разговариваетъ съ Сашенькой и Касьяновымъ. Что это значитъ: Сашенька идетъ ко мнѣ, а Зина съ Касьяновымъ направились по берегу...

— Зи-на!..

Обернулась и посылаетъ воздушный поцѣлуй.

— Взбалмошная дѣвчонка!..

Что-то непріятное кольнуло въ душу. Что это? Не ревность ли къ Касьянову?..

— Фу, какая гадость!..—обругалъ я свое самочувствіе и поднялся на ноги, навстрѣчу Сашеньки.

— Гдѣ вы были?

— Тамъ!..

— Съ кѣмъ?

— Съ этимъ... какъ его?.. ну, съ Касьяновымъ!..

— А что дѣлали?..

— Ничего не дѣлали... Гуляли...

Сашенька отвернулась и присѣла рвать цвѣты. Я тоже сталъ собирать цвѣты и медленно двигался въ ту сторону, куда ушли Зина съ Касьяновымъ.

Что-то безпокоило, сердило... Понемногу добрался до лѣсной опушки...

Здѣсь берегъ круто сворачивалъ и рѣка пропадала за изгибомъ. Туда, за этотъ поворотъ, ушли Зина съ Касьяновымъ. Ну, что-жъ... не бѣжать же мнѣ за ними! Это унизительно и противно... Съ оскорбленіемъ въ душѣ я рвалъ и бросалъ цвѣты, посвистывалъ и, наконецъ, сѣлъ и махнулъ рукой. Началъ было напѣвать что-то грустное; вдругъ кто-то сзади набросился и закрылъ мнѣ глаза ладонями рукъ. Я схватилъ подъ кисти рукъ и сейчасъ же понялъ, что это — Козочка: тонкія руки съ длинными пальчиками...

— Сашенька?—нарочно спросилъ я.

Козочка звонко расхохоталась и, захлопавъ въ ладоши, запѣла:

— Обманули дурачка на четыре кулачка!..

— Ну, а гдѣ же Касьяновъ?

— Я его поцѣловала и прогнала прочь...

— Не правда!.. Зачѣмъ ты лжешь?

— Тебѣ на зло... Зачѣмъ придумалъ монаха?..

— Неужели ты говоришь правду?.. Вѣдь это... это прежде всего глупо и...

— Браво! браво!.. Да я нарочно... подзадорить тебя... Эхъ ты, невѣрующій!..

И Зина начала безумно и радостно хохотать.

— Взбалмошная дѣвчонка!..

— Ну, ужъ это пожалуйста!.. Прошу не ругаться... Я вамъ не раба...

Возвращались изъ монастыря ночью, и Козочка на зло мнѣ пошла подъ руку съ Касьяновымъ... Есть въ ней что-то злостноженское. Откуда? Никогда не замѣчалъ. Гм!.. А сожженное подвѣнечное платье?

— Александра Романовна, позвольте вамъ предложить руку!.. Они идутъ подъ руку, а мы...

Козочка вдругъ бросила Касьянова и, подхвативъ меня подъ руку, сказала Сашенькѣ:

— Идите съ Касьяновымъ!.. Вамъ это будетъ пріятнѣе...

— Почему вы такъ думаете?.. Зиночка! Почему вы такъ думаете?..

— Потому что...

Не договорила, пожала мнѣ руку и расхохоталась...

А когда мы вернулись домой и остались одни, она прыгнула ко мнѣ на колѣни и приказала:

— Цѣлуй!.. Не боюсь никакихъ монаховъ.

Цѣловалъ, пьянѣлъ и все время помнилъ Марью Петровну. Даже во снѣ видѣлъ въ эту ночь Марью Петровну: будто она подошла подъ окно нашего домика, постукиваетъ въ стекло и грозитъ пальцемъ... Даже проснулся. Всходитъ солнышко, попискиваютъ птички, Козочка, подвернувъ тонкія ножки, крѣпко спитъ, одѣтая, на диванѣ. А я—на креслѣ... Спалъ, сидя въ креслѣ!..

— Зина, Зиночка!.. Иди на свою постель... Тебѣ неловко...

— А!.. Ты?.. Ой, какъ больно шеѣ!.. Отоспала шею...

— Ну-ка, Господи благослови!..

Схватилъ въ охапку и понесъ на мѣсто.

— Ой, уронишь!.. Боюсь!..

— Много ли въ тебѣ вѣсу-то?.. Перышко!..

Когда опускалъ на постель, она поцѣловала меня въ шею и, ткнувшись носомъ въ подушку, снова заснула...

— Нагулялась... нацѣловалась... наревновалась... Какъ мертвая! Дѣлай съ ней, что хочешь...

Постоялъ нѣсколько мгновеній въ тяжеломъ раздумьѣ, вздохнулъ и вышелъ.

— Надо спать... Хочется вытянуться во всю длину... Шпилька роговая!..

Посмотрѣлъ на шпильку, вспомнилъ, что Зина спитъ одѣтая. Нехорошо. Тихо вошелъ и снялъ съ нея ботинки... Даже не открыла глазъ. Покорно подставляетъ ножку, но не проявляетъ никакихъ признаковъ сознанія. Какая маленькая ножка!.. въ коричневомъ чулочкѣ... А на пяткѣ—дырочка!..

Ахъ, взбалмошная дѣвчонка!.. Что намъ съ тобой дѣлать?!. Спитъ одѣтая. Надо бы раздѣть... Вотъ не догадался... Раздѣть, что ли ее?.. Нѣтъ! Не надо... Еще разбудишь... Пусть спитъ.

— Эхе-хе!.. исторія...

XXI.

Быстро и незамѣтно пролетѣло коротенькое сѣверное лѣто. Въ среднихъ числахъ августа уже закружились въ воздухѣ желтые листочки, подуло холодомъ, скоро стало темнѣть, а по утрамъ лужокъ передъ окнами сталъ сѣдѣть отъ бѣлаго дыханія близкой уже зимы... Вечера стали длинными, ночи темными; печаль ложилась по полямъ, лѣсамъ и дорогамъ... За то привѣт-

ливѣе горѣли огоньки въ окнахъ и больше тянуло къ столу, къ книгѣ, къ уединенности и думамъ... Въ толстыхъ журналахъ громче заговорили о новыхъ пророкахъ русской интеллигенціи; начиналась легкая перестрѣлка съ какимъ-то невидимымъ еще отчетливо врагомъ, главная позиція котораго была за границей, а передовые дѣйствующіе посты обнаружились въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ газеткахъ. Здѣсь, впрочемъ, врагъ появлялся, подобно летучему отряду, на одно лишь мгновеніе: выстрѣлитъ статейкой противъ народничества, ударитъ Марксомъ и пропадетъ... Встревожились на своихъ постахъ старые идеалисты-народники: то и дѣло въ ихъ статьяхъ стали мелькать политическіе выпады противъ новой ереси, иногда довольно злые. Очевидно, гдѣ-то тамъ, далеко, въ умственныхъ центрахъ, началась борьба... интересная, захватывающая борьба. Подлинныхъ статей еретическихъ мы не читали,—онѣ до насъ не доходили,—но мы узнавали о нихъ косвенно изъ своихъ старыхъ друзей-журналовъ.

— Господа! Опять статья о марксистахъ...

И мы рвали журналъ изъ рукъ другъ у друга.

То въ коммунѣ, то у насъ съ Зиной устраивались длинными и темными осенними ночами «литературные вечера», и въ эти часы мы какими-то тайными нитями связывали свою жизнь съ той, далекой, невидимой и для насъ недоступной, которою жила въ это время вольная интеллигенція родины. Конечно, пока всѣ наши симпатіи были на сторонѣ старыхъ борцовъ, и потому мы, какъ дѣти, радовались остроумію и находчивости, съ которой высмѣивались новые пророки... Особенно Касьяновъ. Тотъ положительно дрожалъ отъ радостнаго волненія, когда попадалось особенно удачное мѣсто.

— Ловко!.. Жарь ихъ во всю!.. Пророки, чортъ бы ихъ...

— Ну, ты, Касьяша, лицо заинтересованное...

— Какимъ это образомъ?..

— Знаемъ мы ужъ!..

— Я, честное слово, объективенъ... До послѣдней степени объективенъ...

— А, по моему, тутъ больше остроумія, чѣмъ убѣдительности...

То и дѣло въ статьяхъ сталъ фигурировать К. Марксъ, цитаты изъ него и упреки въ непониманіи... А мы не читали въ подлинникѣ трудовъ Маркса, и намъ было какъ-то неловко и стыдно другъ передъ другомъ...

— Вѣдь у насъ, господа, есть «Капиталъ»?..

— А какъ же! есть!.. наслѣдство отъ арестованнаго пророка осталось.

— Онъ, Геннадій, былъ у тебя въ тюрьмѣ... Я тебѣ приносила...

— Да, да!.. Виноватъ... Совершенно забылъ... Писалъ тогда и было некогда читать...

— А говорилъ, что усидѣлъ Маркса!

— Я? развѣ говорилъ?.. Я началъ, но...

Отыскали Маркса и начали читать всѣ вмѣстѣ вслухъ. Дѣло двигалось тяжело, какъ непосильная тяжесть, потому что женщины, то и дѣло, требовали повторить «мѣсто, гдѣ онъ» и т. д. Начинался споръ, говорили всѣ разомъ и не понимали другъ друга.

— Чортъ ногу сломитъ...—сердился на Маркса Касьяновъ и совѣтовалъ бросить...

— Не слушайте!.. Убирайтесь, если надоѣло...

— Въ гробъ вы меня вгоните этимъ Марксомъ... Ей-Богу!.. Спѣть бы хоромъ для освѣженія головы...

— Не мѣшайте!

Не клеилось дѣло. Рѣшили читать въ одиночку. Марксъ одинъ, а насъ много. Рѣшили кинуть жеребій. Первымъ досталось Касьянову.

— Вотъ счастливый!..

— Уступаю, Геня, свою очередь тебѣ... въ знакъ дружбы и расположенія!..

Такъ насъ стало трое: я, моя жена и К. Марксъ...

— Зина, хочешь, будемъ читать вслухъ?...

— А то какъ же!.. Конечно!.. Ты думаешь, мнѣ не интересно?..

— Я не думаю этого, но ты... будешь ли внимательно слушать?

— Скажите, какъ онъ говоритъ!.. Читай же!..

Устраиваемся поудобнѣе: я—за столомъ, около картонной балерины, а Зина, съ поджатыми ногами, на диванѣ.

— Брось ты свои кружева!.. Точно старуха съ чулкомъ.

— Развѣ тебѣ это мѣшаетъ?..

— Это оскорбляетъ автора.

— Тебя?... Вотъ обидчивый писатель!..

— Да не меня, разумѣется, а автора, т. е. Карла Маркса! Безтолковая...

— Ему-то больно нужно!.. Смѣшной... Я слушаю...

— Не понимаю, какъ это можно разомъ дѣлать два дѣла, и притомъ одно такое серьезное, а другое...

— Вотъ надоѣлъ!.. Ну ладно, бросила, слушаю...

Начинаю читать. Читаю минутъ десять:

— Погоди, я сейчасъ!..

— Нѣтъ, это невыносимо!.. Я брошу.

— Ну, погоди секундочку! Марксъ не убѣжитъ.

Продолжаю читать про себя и, когда Зина возвращается, читаю вслухъ дальше. Зина не замѣчаетъ пропуска.

— Понимаешь?..

— Не совсѣмъ. Но продолжай...

— Какъ же это продолжать, когда...

— Слушаю, слушаю, г. профессоръ!.. Поцѣловать васъ можно, г. профессоръ?

— Ты издѣваешься...

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Читай!.. Не надо поцѣлуя... Извиняюсь.

Читаю, не поднимая головы съ полчаса, затѣмъ смотрю на Зину: сладкій такой позѣвокъ во весь красивый ротикъ.

— Спокойной ночи!.. Спрашивается: зачѣмъ я въ такомъ случаѣ болтаю безпрерывно языкомъ?..

— Отвѣчается: «милый, не сердись и не обижай беззащитную дѣвочку!..»

— Иди и спи на здоровье!

— Хорошо. Ты мнѣ потомъ разскажешь своими словами... Хорошо?

— Отлично!..

— Ну, до свиданья!..

Подходитъ, протягиваетъ шейку и оттопыриваетъ губки... Фу ты, пропасть!

Все вылетѣло изъ головы, все, что прочиталъ... Цѣлую и потомъ долго хожу, поглядывая на прикрытую дверь... Спустя часъ, прихожу въ полное душевное равновѣсіе и принимаюсь за основательное чтеніе, съ повтореніемъ трудныхъ мѣстъ, съ выписками, съ откидываніемъ головы на спинку стула. Въ комнатахъ тихо, на душѣ спокойно, книга такая умная, что даетъ радость мозгу... Увлекаюсь и всю ночь до разсвѣта не могу оторваться... Вотъ книга!.. Читаешь и чувствуешь, какъ ты самъ умнѣешь... Наслажденіе!.. Ложусь, а голова еще продолжаетъ работать и не хочетъ отпустить тѣло на отдыхъ...

На другой день утромъ:

— Иди, помоги мнѣ застегнуть сзади!.. Ты уже всталъ?

— Всталъ.

— Что дѣлаешь?
— Пью чай и читаю.
— Маркса?
— Да.
— Ну что?..
— Прекрасно!—говорю тономъ взрослаго съ дѣвочкой.
— Разскажи своими словами!..
— За чаемъ ужъ... Не могу я застегивать и объяснять Маркса...
— Поцѣлуй спинку!..
— Ахъ, Зинка!.. Мучительница...
— Я замѣчаю, что вы изъ-за Маркса стали холоднѣе ко мнѣ...
— Ты—озорница!.. вотъ что!
— Еще разлюбите меня изъ-за своего Маркса!..

Не могу: схватываю въ охапку и начинаю цѣловать. Но встаетъ грозный обликъ Марьи Петровны,—отрываюсь и выбѣгаю изъ комнаты. Потомъ съ иронической улыбочкой на губахъ появляется Козочка и садится разливать чай. Я въ краткихъ, общедоступныхъ словахъ объясняю теорію Маркса...

— Поняла?
— Ну, конечно...
— Умница...

Пьемъ чай. Я—съ Марксомъ. Жую булку, прихлебываю чай и не отрываю глазъ отъ книги.

— Посмотри на меня!..
— Погоди, Зина!..

Что-то говоритъ,—я не слышу. Сердится.

— Ну, ну, говори!.. что такое?.. Сонъ, говоришь?.. Ну, какой?..
— Ужасно смѣшной сонъ... Будто бы у насъ родился мальчикъ...
— У насъ? мальчикъ?... Какой мальчикъ?..
— Ну у меня... Какой мальчикъ?.. Ребеночекъ...
— Ахъ, ребенокъ!.. Да, да... А я не понялъ...
— Ты съ Марксомъ дѣлаешься безтолковымъ...
— Ну, ну!..
— Хорошенькій мальчикъ... И будто бы... Тутъ ужъ нельзя сказать...
— Нельзя?.. Почему?..
— Давай ухо...

Наклоняюсь и оглядываюсь, нѣтъ ли кого въ комнатѣ. Никого.

— Зачѣмъ же ухо?..

— Нѣтъ, лучше я тебѣ напишу на бумажкѣ...

— Отлично, на бумажкѣ, такъ на бумажкѣ...

Читаю на клочкѣ бумаги: «будто бы я кормлю его грудью»... Улыбаюсь.

— Трогательно!

— Даю тебѣ честное слово!..

— Я вѣрю.

Снова погружаю взоръ въ страницы Маркса, а Зина все болтаетъ.

— А скажи по правдѣ: ты желалъ бы имѣть ребенка?

— Это невозможно,—отвѣчаю строго, почти сердито.

— Это почему еще?..

— Дѣти связываютъ по рукамъ и ногамъ...

— Нѣтъ... одинъ ничего. Это когда много, другое дѣло... А я хотѣла бы...

— Начало всякихъ компромиссовъ.

— Ну, чѣмъ бы онъ помѣшалъ теперь намъ?..

— Пискъ, визгъ, пеленки, конвертики...

— Да вѣдь не ты будешь возиться, а мать!.. Вамъ что?.. Это матери возня, отцамъ—никакой заботушки...

Поднимаю глаза на Зину: на лицѣ досада и полное несогласіе.

— Это все потому, что ты... мало меня любишь!..

— Вотъ тебѣ разъ!.. Выводъ странный... Совѣтую тебѣ поговорить съ Марьей Петровной.

— Убирайся ты со своей Марьей Петровной!.. Она такую чепуху говоритъ, что...

— Здравствуйте!..

— А! Александра Романовна!..

— Марксъ освободился? Мы будемъ читать съ Касьяновымъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Что вы! Я еще и половины не проштудировалъ...

Козочка хохочетъ.

— Что вы, Козочка?..

— Такъ, вспомнила монастырь...

— Какой монастырь?..

— Такъ... Вспомнила чернаго монаха...

— Ничего не понимаю...

— Вы хотите читать съ Касьяновымъ?

— Да... Одна я ничего не вынесу...

— Вмѣстѣ читайте, вмѣстѣ веселѣе!.. Не обижайтесь, го-

лубушка Сашенька, на меня смѣхунъ нашелъ... Я сегодня видѣла такой сонъ, такой сонъ, что... Пойдемте ко мнѣ — разскажу...

Уходятъ въ спальню и тамъ шепчутся и хихикаютъ... Сержусь вообще на всѣхъ женщинъ: легкомысленны...

— Встали?..

— А! Параша!..

— Зина встала?

— Встала... Она—тамъ!..

Теперь въ спальнѣ три женщины, а кажется, что тамъ ихъ штукъ десять...

— Какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ смотритъ!— говорю себѣ въ назиданіе и закрываю Маркса. Мѣшаютъ. Не даютъ сосредоточиться.

— Что вы тамъ хохочете?.. и шушукаетесь?.. Кумушки!

— Сюда нельзя.

Запираютъ дверь. Совсѣмъ особая порода эти женщины. А, пожалуй, безъ нихъ все-таки было бы скучновато на свѣтѣ. Всѣ три появляются въ залѣ. И всѣ имѣютъ какой-то загадочный видъ. Что у нихъ за тайны? И, навѣрное, пустяки какія-нибудь, вродѣ рожденнаго во снѣ ребеночка. Понемногу дѣло разъясняется. Я не прошу, но онѣ сами имѣютъ непреоборимое желаніе что-то разсказать мнѣ.

— Знаешь, въ коммунѣ новость!..

— Не знаю...

— Интересная!

— Для кого?

— Вообще...

Переглядываются и совѣтуются, разсказать мнѣ или нѣтъ.

— Геннадію Николаевичу можно.

Начинаютъ разсказывать двѣ сразу, но потомъ Параша стушевывается и беретъ верхъ моя Зина. Новость заключается въ томъ, что вдовый докторъ, тотъ самый, который лѣчилъ Зину, сдѣлалъ предложеніе Марьѣ Петровнѣ.

— Ну, а она что?

— Счастлива безконечно, но пока только гордится, а не рѣшается.

— Стоитъ теперь на нее посмотрѣть... Подтянулась, перетянулась, сдѣлала новую прическу... А Павелъ Петровичъ подтруниваетъ: вы, говоритъ, Марья Петровна, похожи на Марію Стюартъ... Новую шляпу купила!..

— Эхъ, вы!.. сороки!..

— Со всѣми совѣтуется, выходить или не выходить...

— Посмотримъ!—съ хитрой улыбочкой говоритъ Зина.

— А тебѣ не хочется, чтобы Марья Петровна вышла замужъ?

— Не въ томъ дѣло, а... Однимъ словомъ—для меня особенно важно знать, какъ она поступитъ. У меня былъ съ ней *такой* разговоръ, что... Вообще она противъ браковъ... Посмотримъ, на сколько тверда она въ своихъ убѣжденіяхъ!

— Злорадствуешь, а сама вышла...

— Я никогда не высказывала такихъ убѣжденій...

Просидѣли съ часъ, потараторили и всѣ разомъ двинулись.

— Ты, Зина, тоже уходишь?

— Да. Тебѣ же лучше: будешь наслаждаться Марксомъ.

Ушли. Я смотрю въ окно: идутъ, взволнованныя и аффектированныя, торопятся и стрекочутъ, какъ воробьи. Событіе!. Гм!.. Неужели выйдетъ?.. Не хочется, чтобы выходила... Рухнетъ послѣдній авторитетъ и мнѣ не на что будетъ опереться... Эхъ, Марья Петровна!.. Вѣдь вамъ сорокъ лѣтъ, да пожалуй еще съ хвостикомъ!.. Впрочемъ, и ему тоже не меньше.

— Событіе!..

Начинается ассимиляція съ мѣстными жителями. Касьяновъ тоже что-то льнетъ больно къ Сашенькѣ. Не породнился бы съ исправникомъ. Вотъ будетъ протекція!..

Я ходилъ и громко хохоталъ. Заглянула Сусанна и вылупила на меня испуганные глаза:

— Что съ тобой?.. Въ умѣ ли ужъ ты?

— Не бойся... Въ умѣ...

— Ходитъ и хохочетъ... Что тебѣ смѣшно то?..

— Много будешь знать, скоро состаришься...

— А тебѣ какой убытокъ? У тебя—молодая жена... Можно посуду убирать?

— Убирай!..

— А барыня ушла?

— Ушла... Нравится тебѣ барыня?

— Тощая больно. Боязно, чай, тебѣ, ее въ руки-то взять... Того и гляди, переломится...

— Она гибкая... Вѣтка тонка, а не ломится...

— Правда ли, говорятъ, она у тебя изъ басурманокъ?

— Правда.

— А какъ же васъ перевѣнчалъ попъ-отъ?

— Да она христіанка.

— Обращенная?.. То-то!.. Русскую бы взялъ!.. Что ужъ съ бусурманкой-то путаться... Чудаки вы всѣ!..

Схватила подносъ съ самоваромъ и посудой и, вертнувъ торсомъ, пихнула ногой дверь.

До двухъ часовъ читалъ, а затѣмъ направился въ коммуну обѣдать. Дѣйствительно, Марья Петровна похожа на именинницу. Въ черномъ платьѣ, съ перетянутой таліей, съ часами и стоячимъ воротничкомъ. Мало говоритъ, держится какъ-то величаво, съ достоинствомъ отвѣчаетъ и жестикулируетъ. Высокая прическа, на вискахъ—кудряшки.

— Я васъ не узналъ, Марья Петровна.

— Богатой быть или умереть. Примѣта есть.

— Или выйти замужъ!—звенитъ голосъ Козочки.

— Такой примѣты, душа моя, нѣтъ. Это твоя выдумка.

— А гдѣ скрывается, господа, Гришенька?

— Онъ отказался обѣдать.

— Вотъ тебѣ разъ!.. Почему?

— На что-то обидѣлся. Написалъ, что всякій сверчекъ долженъ знать свой шестокъ...

—Съ тѣхъ поръ какъ онъ прочиталъ статью Вѣры Засуличъ объ интеллигенціи, онъ проникся къ намъ полнымъ презрѣніемъ.

— Марксистомъ сдѣлался?

— Сбили съ толку мальчишку!—проворчалъ Куренковъ.

— Что вы на меня смотрите, Геннадій Николаевичъ?

—Я?.. Очень ужъ вы, Марья Петровна, того..

— Одѣта, что ли?.. Я сейчасъ иду въ больницу. Вы знаете, что мнѣ разрѣшили служить въ больницѣ?

— Ахъ, вотъ въ чемъ дѣло!.. Поздравляю. Какъ же вы этого добились?..

— Черезъ Александру Романовну.

— И доктора!—ехидно добавила Козочка.

Марья Петровна покраснѣла и прикрылась салфеткой. Потомъ посмотрѣла на часики, сказала «однако мнѣ пора» и стала собираться. Ушла, и въ комнатѣ началась оживленная болтовня между женщинами все по тому же поводу. Вышла жена Куренкова и укоризненно сказала:

— Какъ вамъ не стыдно!.. Марья Петровна переживаетъ такой мучительный моментъ въ жизни, а вы надъ ней подтруниваете... Знаете ли вы, что она сегодня всю ночь на пролетъ не спала и плакала, какъ маленькая?..

Козочка прикусила язычекъ. Параша сконфузилась и отвернулась.

— Вы не понимаете, а вѣдь для нея—это драма!.. Вѣдь

этотъ человѣкъ не зналъ никогда въ жизни, что такое личное счастье... Она всю жизнь прожила для другихъ...

Куренковъ гнѣвно посмотрѣлъ на жену и, уходя въ свою комнату, хмуро проворчалъ:

— Драма!.. И хочется, и колется, и маменька не велитъ.

XXII.

Однажды вечеромъ, когда мы съ Козочкой попивали чаекъ и кокетничали другъ съ другомъ, пришла Марья Петровна, поздоровалась, подсѣла къ столу и, уронивъ голову на руку, заплакала.

— Марья Петровна!.. Голубушка!.. Что случилось!..

— Милые, родные, золотые мои!.. Что же мнѣ дѣлать?..

— Да перестаньте вы, ради Бога!.. Что случилось?..

— Дала согласіе... Я дала согласіе...

— Ну такъ что же?.. О чемъ же плакать?.. Вы его любите?..

— Не знаю... Зачѣмъ я это сдѣлала!..

— Да, вѣдь, вы еще не обвѣнчались?.. Всегда можно отказаться...

— Ахъ, Козочка!..

— Да вы въ него влюблены?.. Да?

— А почему я знаю!.. Странный вопросъ!.. Онъ мнѣ нравится, но...

— Такъ о чемъ же плакать?..

— Если бы могли понять!.. какая эта мука!.. Вѣдь все-таки онъ—человѣкъ совсѣмъ другого міра, другого общества... Вѣдь я тамъ, у нихъ, все-таки буду чужая... Вѣдь я—ваша, вся, до послѣдней капли крови, ваша... Мы во многомъ расходимся, часто ссоримся, но вѣдь все-таки мы всѣ, какъ братья съ сестрами... Всю жизнь прожить съ вами, всю жизнь!.. и потомъ уйти къ чужимъ людямъ... Мнѣ кажется, что я теряю васъ и теряю все, чѣмъ до сихъ поръ жила и во что вѣрила...

— А зачѣмъ вамъ выходитъ замужъ?.. Вы говорили, что...

— Ахъ, дѣточка!.. Вы еще ребенокъ... Не понимаете жизни... Хочется хотя немножко счастія... Вы вотъ счастливы, вы молоды и любите другъ друга, а я... Пойду домой... Извините, что помѣшала...

Пришла, поплакала и ушла. Зина разстроилась. Сердится и отираетъ слезы.

— Ну, кажется, и ты заплакать собираешься?.. Ты-то что?.. Вѣдь не тебѣ выходить за доктора!

— Чего ей нужно!.. Не понимаю, чего ей нужно!.. Хочешь,—выходи, а не хочешь не выходи... Точно ее заставляютъ... Только разстраиваетъ... И не знаетъ, любитъ ли его, или не любитъ!.. Сама говоритъ одно, а дѣлаетъ другое... Вотъ ужъ никогда бы за такого не вышла... Всегда пахнетъ водкой... Растрепанный, сопитъ, съ брюхомъ!.. Неужели онъ былъ когда-нибудь политическимъ?..

— Говорятъ, что былъ...

— Не вѣрю!..

— Такъ же вотъ пріѣхалъ молодымъ и красивымъ, какъ Касьяновъ, а потомъ прожилъ въ этой дырѣ много лѣтъ и началъ пить, а потомъ женился и пошли дѣти...

— Да нѣтъ у него никакихъ дѣтей!.. Врешь все... Онъ—бездѣтный вдовецъ.

— Дѣти, вѣроятно, умерли, и это еще болѣе повліяло на человѣка... Остался безъ жены и дѣтей... И, можетъ быть, въ одинъ годъ остался одинокимъ...

— Сочиняешь все!..

— Я рисую тебѣ общую картину, предположительную, какъ самъ себѣ объясняю паденіе этого интеллигента... Со всякимъ можетъ это случиться.

— И съ тобой?

— Со всякимъ. Значитъ, и со мной...

— Нѣтъ! Не вѣрю...

Зина посмотрѣла на меня и любовно такъ ухмыльнулась:

— Чтобы ты сдѣлался когда-нибудь такимъ!.. Да вѣдь ты же—писатель!..

— А сколько у насъ писателей спилось?..

Я пересчитывалъ спившихся писателей, а Зина смотрѣла на меня испуганными глазами. Потомъ она кинулась ко мнѣ на шею и, цѣлуя, зашептала:

— Нѣтъ, я не дамъ, я не дамъ... тебѣ спиться!.. Ты не можешь!.. Ты не такой!..

— Да о чемъ ты плачешь?.. Измотала себѣ всѣ нервы...

— Это все виновата Марья Петровна... Я ее теперь ненавижу!

— Вотъ тебѣ разъ!.. За что это?.. такая жестокость...

— Я ужъ знаю, за что... Она меня отговаривала выходить за тебя замужъ, говорила, что ты—непостоянный, называла тебя вертопрахомъ... Донъ-Жуаномъ, Ловеласомъ и еще, не

знаю, какъ... Все хотѣла разстроить нашу свадьбу, а теперь сама... выходитъ...

— И ты все-таки не повѣрила ей?..

— Никогда!.. Ни капельки!.. Я сразу, какъ увидала тебя, такъ и... влюбилась... Помнишь, когда я приходила къ тебѣ съ письмомъ Гришеньки?

— Помню.

— Въ то время я уже тебя любила... и скрывала.

— Хитрая!

— Поласкай меня!.. Хорошо?.. Мнѣ хочется поласкаться... Брось Маркса!..

— Ахъ, Зинка, Зинка...

— Мнѣ что-то грустно... Хочется плакать...

— Сдерживайся!.. Ради Бога не разводи истерикъ!.. Почему у тебя такія горячія руки?.. Да у тебя жаръ...

— Какой жаръ!.. Мнѣ холодно, а ты—жаръ... Ну, согрѣй меня!..

Жаръ. Несомнѣнно. Сухія губы. Потягота. Приласкалъ, уложилъ спать, а самъ читалъ и все время безпокойно прислушивался. По временамъ тихо входилъ и осторожно клалъ руку на лобъ Зины: жаръ и довольно сильный...

— Ты, Геня?..

— Да...

— Дай мнѣ пить!..

— У тебя лихорадка... Бѣгаешь въ лѣтнемъ, когда въ пору ходить въ шубѣ.

— Не брани меня!.. Я расплачусь... Мнѣ и безъ того нехорошо, а онъ бранится...

— Надо позвать доктора...

— Ни за что!..

— Гдѣ у насъ термометръ?..

Поставилъ термометръ и съ тревогой сидѣлъ у кровати, полный мрачныхъ предчувствій. Все можетъ быть: тифъ, воспаленіе легкихъ...

— Не болитъ въ груди?..

— Нѣтъ, пустяки... Поди, ложись!..

— Почти сорокъ градусовъ: тридцать девять, восемь десятыхъ!..

Всю ночь не спалъ, прислушивался, вскакивалъ, прокрадывался къ постели и мучался, что не позвалъ доктора. Былъ маленькій бредъ: смѣялась и разговаривала съ мамой... Къ утру—потъ...

— Зина, надо перемѣнить рубашку...

— Охъ, какъ я устала!.. Хочется спать...

— Нельзя, ты вся мокрая...

Сталъ искать рубашку, перевернулъ вверхъ дномъ весь комодъ и все-таки не нашелъ. Принесъ свою рубашку.

— Надѣвай!..

— Уйди!..

— Я помогу тебѣ...

— Уходи же, иначе я не буду...

— Надо обтереться до суха...

— Я сама!..

Разсердился, вышелъ, сталъ ворчать на глупыя церемоніи, а за дверью—разслабленный больной смѣхъ.

— Что съ тобой?

— Ты далъ мнѣ свою рубашку!..

— Все равно. Надѣвай мою!..

— Вотъ смѣшно какъ!.. Теперь можешь войти...

Точь въ точь мальчишка лѣтъ пятнадцати. Поразительно красивый мальчишка.

— Теперь мнѣ совсѣмъ хорошо... Иди, спи...

Тревожное чувство ослабѣло, разсвѣтъ прогналъ мрачныя предчувствія, и я заснулъ и проспалъ до десяти часовъ. Первой мыслью моей было: какъ Зина? Вскочилъ и направился къ больной: спитъ. Славу Богу! Вылитый мальчикъ... А позвать доктора все-таки надо. Не стоитъ говорить, а надо прямо привести и кончено. Одѣлся и пошелъ въ больницу. Встрѣтилъ Марью Петровну, разсказалъ ей. Она пошла на квартиру къ доктору и тотъ очень быстро пришелъ въ больницу.

— Вы, Марья Петровна, меня звали?.. Здравствуйте, молодой человѣкъ!

— Сходите, голубчикъ, къ Тархановымъ... Ваша паціентка опять захворала.

— Прекрасно... Идемте, молодой человѣкъ!..

Пришли, когда Зина валялась еще въ постели. Я растворилъ дверь въ спальню и пропустилъ доктора. Отчаянный визгъ встрѣтилъ наше появленіе. Разсердилась, закрылась одѣяломъ съ головой. Стоило большихъ усилій уговорить ее дать выслушать, помѣрять температуру и т. д.

Выслушавъ Зину, докторъ сказалъ:

— Въ легкихъ ничего нѣтъ... Слабогрудая... Беречься надо...

— А жаръ?

— Лихорадка... Не умиралъ кто-нибудь изъ родныхъ отъ чахотки?

— Умерла сестра старшая... и дядя...

— Беречься надо. Чего же тутъ... Хины надо принять, а не пройдетъ, такъ мышьячку можно дать... Думаю, что это наша мѣстная лихорадка... Всего лучше бы уѣхать на время куда-нибудь подальше, на югъ...

— Не пустятъ, докторъ...

— Да, да...Я и забылъ... Мѣряйте температуру и записывайте! Зайду еще...

Докторъ подалъ руку, я сунулъ свою съ двумя рублями.

— А этого не нужно... Съ вашего брата можно не брать...

Положилъ деньги на столъ и ушелъ.

— Зачѣмъ позвалъ?.. Кто тебя просилъ?.. Наговоритъ разныхъ страстей и будешь думать... Онъ тебѣ сказалъ, что у меня чахотка?..

— Нѣтъ. Съ чего ты взяла...

— Знаю я. Не притворяйся!..

— Велѣлъ не вставать съ постели...

— Ну, ужъ это извините!.. Я совершенно здорова... Ложитесь сами...

— Взрослая женщина, а хуже малюточки...

— Если хочешь, чтобы я лежала, сядь ко мнѣ на кровать и читай что-нибудь... Только не Маркса!..

Днемъ забѣжала встревоженная Марья Петровна.

— Ну что? Какъ?..

— Идите сюда!.. Я здорова, а они меня держатъ въ постели...

Марья Петровна посидѣла, сообщила, что все кончено: въ октябрѣ—свадьба и, помочивъ свой платочекъ въ слезѣ, поцѣловала Козочку и ушла. Когда я провожалъ ее, она серьезно сказала:

— Берегите ее! Докторъ сказалъ, что у ней есть предрасположеніе къ легочному заболѣванію... И помните нашъ разговоръ!.. Я еще зайду...

Тихая печаль легла на душу; все стоялъ у окна и смотрѣлъ, какъ моросилъ мелкій надоѣдливый дождикъ.

— Что ты тамъ дѣлаешь?

— Такъ себѣ...

— Иди, почитай мнѣ, а то скучно.

Беру томикъ Гейне, сажусь въ ногахъ и читаю. Временами взглядываю на Зину: сразу перевернуло, глаза сдѣлались опять

такіе же, какъ тогда, при первой болѣзни, испуганно-вопросительные и покорные; лицо матовое; тонкія руки лежатъ на одѣялѣ и теребятъ пальчиками бахромку. Стучится тревога въ сердце, и я начинаю читать безъ сознанія, машинально...

— Если умру, будешь очень плакать?..

— Не говори пустяковъ!.. Ты не слушаешь...

Продолжаю читать, а на душѣ скребутъ кошки...

— Поскучаешь годъ или два, а потомъ забудешь и...

— Опять!..

— И женишься на другой женщинѣ...

— Конечно не на мущинѣ... Перестань ерундить, а то уйду.

— Скажи — не забудешь?.. Разлюбилъ же одну... ту, которой посвятилъ свой разсказъ... Зою, что ли, какую-то... Такъ и меня... Разлюбилъ и женился на мнѣ... Донъ-Жуанъ!.. Ловеласъ!..

Хохочетъ: нравится, что обругала такъ потѣшно.

Къ вечеру встала, сдѣлалась веселой и безъ умолку болтала. Зашелъ докторъ и удивился.

— А кто разрѣшилъ встать?

— Не слушается...

— Сама себѣ разрѣшила, докторъ... Я совершенно здоровехонька...

Смѣется и подшучиваетъ надъ докторомъ:

— Знаете, вы ужасно похожи на медвѣдя!..

— Можетъ быть, можетъ быть... Благодарю за комплиментъ...

— А... какъ вамъ нравится Марья Петровна?..

Докторъ смущается, дѣлаетъ серьезное лицо и затрудняется.

— Говорятъ, она выходитъ замужъ?..

— Все можетъ быть, все можетъ быть..

— Не знаете, за кого?..

Мои недовольные взгляды не дѣйствуютъ; сердито кашляю, дѣлаю незамѣтные жесты рукой.

— Кажется, за меня...—ухмыляясь въ бороду, признается, наконецъ, докторъ и добавляетъ:

— А все-таки дѣло не въ томъ, кто на комъ женится, а въ томъ, что надо слушаться доктора. Дайте-ка еще послушаю легкія-то!..

— Ни за что!.. Языкъ покажу... Вотъ, смотрите!..

Высунула языкъ. Докторъ махнулъ рукой и, попрощавшись, покачалъ головой и пошелъ въ переднюю.

— Что ты, Зинка, озорничаешь?.. Вѣдь это просто нахальство съ твоей стороны спрашивать о такихъ вещахъ и въ такой формѣ...

Вечеръ, ночь и утро слѣдующаго дня прошли благополучно, а къ вечеру на третій день—опять лихорадка... Опять докторъ, безсонная ночь, тревога, мрачныя предчувствія... Перемежающаяся изнурительная лихорадка. Для такого слабенькаго организма—это болѣзнь очень серьезная. Докторъ надѣется на мышьякъ... А вдругъ...

И такой тревогой наполнялась вся душа, что я ничего не могъ дѣлать и ни о чемъ другомъ думать. Спалъ урывками, не ходилъ обѣдать и только пилъ чай и курилъ, курилъ до одурѣнія... Изъ темной бездны мрачныхъ пречувствій прилетала внезапно мысль о Калеріи... Опять вставало въ памяти ея лицо съ палящими чернымъ огнемъ глазами. Загадочно улыбалась и безъ словъ говорила:

— Я умерла... Я умерла...

— Что же дѣлать?..

Ходилъ и ломалъ голову, какъ быть. Надо увезти ее изъ этой проклятой гнилой дыры, но... глухой стѣной безъ дверей стояла «черта осѣдлости».

Никуда не уѣдешь. Мысленно я разговаривалъ съ какими-то далекими властями, съ генералами, съ министрами, со всѣмъ чиновнымъ Петербургомъ.

— Поймите, что это—вопросъ жизни или смерти!..

— Это насъ не касается.

— Вѣдь это ребенокъ!.. Какой это политическій преступникъ?!.. Вы посмотрите на нее!.. Неужели эта дѣвочка способна потрясти ваши «устои» и неужели государство очутится въ опасности, если она будетъ жить не здѣсь, а на югѣ, не въ сѣверной, а въ какой-нибудь южной дырѣ? Вѣдь черезъ годъ у ней кончается срокъ ссылки и она все-таки уѣдетъ...

— Лихорадка не можетъ служить достаточнымъ поводомъ... У меня самого лихорадка...

Тогда я принималъ другой тонъ: я громилъ, грозилъ, сыпалъ проклятія и ругательства...

Въ дни, когда не было лихорадки, Зина бродила по комнатѣ, печально улыбалась, шутила, но слабость увеличивалась. Кружилась голова, появлялся холодный потъ на лбу, плохо держали ноги. Днемъ у нея рождались надежды, что больше не будетъ приступа, но по ночамъ вставали мрачныя мысли и настойчиво толкались въ сердце.

«Мама!. Вотъ уже двѣ недѣли, какъ Зина хвораетъ перемежающейся лихорадкой. Она такъ похудѣла, что ты ее не узнаешь. Если такъ пойдетъ дальше, дѣло плохо. Докторъ велитъ уѣхать отсюда. Хлопочи, родная, о переводѣ на югъ, въ какой-нибудь Конотопъ, Миргородъ, куда пустятъ. Иначе грозитъ несчастіе. Если бы разрѣшили хотя къ намъ въ имѣніе! Нѣтъ ли у тебя какихъ-нибудь связей и протекцій съ Симбирскими властями? Бѣда! Я теряю силы и погружаюсь въ полное отчаяніе. Отвѣчай! крѣпко цѣлуемъ. Твой Геннадій.»

«Его превосходительству, г. начальнику государственной полиціи, проживающаго въ г. Грязовкѣ политическаго ссыльнаго Геннадія Тарханова прошеніе. Представляя при семъ докторское свидѣтельство о болѣзни моей жены, политической ссыльной Зинаиды Дмитріевны, урожденной княжны Довлетъ-Гильдѣевой, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство, въ виду грозящей ея жизни опасности дальнѣйшаго пребыванія въ здѣшнемъ краю, разрѣшить намъ съ нею окончить срокъ ссылки въ какомъ-нибудь болѣе южномъ климатѣ, а если можно, на моей родинѣ, гдѣ остается одинокою старуха-мать моя, дни которой тоже сочтены. Дворянинъ симбирской губерніи Геннадій Тархановъ.»

Письмо и прошеніе посланы. Хожу и терзаюсь: зачѣмъ я въ прошеніи написалъ жалобныя слова про мать? Что-то есть въ этомъ унизительное, подлое... Вотъ и компромиссъ!.. Капитуляція!.. Ахъ, зачѣмъ я написалъ такъ смиренно-унизительно?..

Заходила Марья Петровна, удивлялась тому, какъ измѣнилась моя Козочка, и совѣтовала хлопотать о переводѣ въ другой городъ.

— Я хлопочу.

— Сходите къ исправнику и попросите хорошенько. Къ нему будетъ запросъ и отъ его отзыва многое будетъ зависѣть...

— Тяжело просить, ходить къ нимъ и клянчить.

— А на что у насъ докторъ и Александра Романовна?.. Напустимъ ихъ на исправника! Онъ, право, не злой человѣкъ...

— Ну, пусть!...

— А потомъ сходите сами...

— Потомъ!.. послѣ!..

Всѣ эти разговоры о переводѣ на югъ, хлопоты и старанія другихъ помочь рождали въ насъ съ Козочкой надежду куда-то уѣхать, оставивъ здѣсь проклятую лихорадку. Козочка даже въ дни приступовъ продолжала мечтать о какомъ-то прекрасномъ краѣ съ бирюзовымъ моремъ, съ горячимъ солнцемъ, съ неувядающими цвѣтами...

— Тамъ будетъ такъ хорошо, такъ хорошо, что... какъ въ раю!..

Въ бреду она напѣвала грустныя восточныя пѣсенки и смѣялась.

Прошло еще двѣ недѣли, но результатовъ отъ моего прошенія не было.

Начинало закрадываться сомнѣніе... Нѣтъ, у этихъ господъ нѣтъ сердца, и напрасно я такъ унижался!.. Пришло письмо отъ матери: хлопочетъ и въ Петербургѣ, и въ Симбирскѣ, надѣется на успѣхъ, благословляетъ и т. д. «Пріѣхала бы, да дома тоже больные: хвораетъ тетка и нельзя бросить маленькаго Геничку. Отъ отца его ни слуху, ни духу. Все скучаетъ по матери и спрашиваетъ, когда же вернется мама изъ Симбирска. Онъ до сихъ поръ не знаетъ о ея смерти. Очень бойкій и умненькій мальчишка и такой же озорникъ, какимъ былъ ты въ эти годы»...

Опять всплыли тѣни прошлаго и, путаясь въ настоящее, погружали въ бездну мрачнаго отчаянія, въ которомъ, какъ въ темномъ заволоченномъ тучами небѣ, временами сверкалъ маленькій голубой просвѣтъ: маленькій Геня, «такой же озорникъ, какимъ былъ я въ эти годы»... Среди мрачной тревоги вдругъ рождалась радость, быстротечная, мгновенная, какъ мановеніе глазъ...

Зинѣ начали вспрыскивать мышьякъ. Нервничаетъ, мѣшаетъ... Вотъ уже пятый день нѣтъ лихорадки... Повеселѣла, опять шутитъ со смертью:

— Если умру, не смѣй жениться!..

— Эхъ, брось ты о томъ, о чемъ не стоитъ говорить!.. Ну, не все ли будетъ равно тебѣ, если я женюсь тогда...

— Нѣтъ! Я тогда буду приходить къ вамъ и мучать васъ...

Каждый новый день я встрѣчаю страхомъ: не появилась ли лихорадка?

Нѣтъ!..

— Боже мой, какъ я усталъ и нравственно, и физически... Кажется, самъ скоро свалюсь...

XXIII.

Пришла Александра Романовна за Марксомъ. Будутъ читать вмѣстѣ съ Касьяновымъ.

— Вы не читаете?..

— Нѣтъ, гдѣ ужъ тамъ читать!..

— Могу сообщить пріятную для васъ новость: дядя получилъ отъ губернатора бумагу относительно васъ обоихъ... От-

правилъ отвѣтъ, что онъ вами вполнѣ доволенъ и вообще похвалилъ васъ обоихъ... Вчера пировали на свадьбѣ у доктора. Дядя надѣялся васъ тамъ встрѣтить и самъ хотѣлъ вамъ что-то сказать...

Козочка стала разспрашивать про свадьбу, оживилась.

— Кто да кто былъ?.. Изъ нашихъ, политическихъ?..

— Только мы съ Касьяновымъ...

— Развѣ вы—политическая?..

— Нѣтъ, не я... а Касьяновъ. Одинъ Касьяновъ! Подвыпилъ и обличалъ дядю, а потомъ выпилъ съ нимъ на брудершафтъ... Марья Петровна ждала васъ, Геннадій Николаевичъ... Кажется, немного обидѣлась... Никто, кромѣ Касьянова, не пришелъ къ ней... Она была грустная...

— Мнѣ не до пировъ...

— Но теперь нѣтъ лихорадки?..

— Пока нѣтъ...

— Очень обидѣлъ Марью Петровну Куренковъ... Написалъ поздравленіе и извинился, что на свадьбѣ быть не можетъ принципіально, потому что много «званныхъ»... Поплакала она, когда прочитала...

— А Параша не была?

— Нѣтъ. Тоже извинилась... Жена Куренкова собиралась, да ее не пустилъ Павелъ Петровичъ: поставилъ ультиматумъ...

Разсыпалась наша коммуна: остались тамъ только трое, да и тѣ перессорились. Не ходитъ Касьяновъ; не появляется Гришенька, мы съ Зиной вотъ уже мѣсяцъ не были тамъ; теперь отдѣлилась Марья Петровна. Полный разгромъ. Заходила Параша и сообщила, что ищетъ комнату.

— Надоѣли супруги Куренковы... Все злятся и грызутся изъ-за Марьи Петровны.

Валитъ снѣгъ, крутятъ метели, потрескиваютъ дрова въ печкахъ. Мы сидимъ дома, притаились и все еще боимся возвращенія лихорадки. Зина замѣтно поправляется. Я усиленно пичкаю ее молокомъ, яйцами, сливочнымъ масломъ, заставляю, по совѣту доктора, ѣсть геркулесъ.

— Да не могу-же я весь день ѣсть!..

— Ну, маленько!.. Еще ложечку!..

— Ты тиранъ какой-то...

Питаю Зину и пишу повѣсть, которую забросилъ сперва изъ-за Маркса, а потомъ изъ-за лихорадки. Теперь на душѣ спокойно и появился какой-то особенный подъемъ духа. Пишется, какъ никогда. Пишу и каждую главу прочитываю Зинѣ. Очень

хвалитъ... Подойдетъ, погладитъ по головѣ и поцѣлуетъ. Прекратилось хожденіе компаніями другъ къ другу. Всѣ словно нашли что-то свое и этимъ своимъ живутъ. Что они всѣ дѣлаютъ?.. Касьяновъ—извѣстно: читаетъ съ Сашенькой Маркса, а Параша? Гришенька?..

— Геня!.. Неужели Марья Петровна цѣлуется съ этимъ медвѣдемъ?.. Вѣдь, отъ него водкой пахнетъ!..

— Вотъ ужъ не могу тебѣ сказать...

— Брр!.. противно подумать...

— Не думай, да и все тутъ!..

— Думается...

Въ началѣ декабря кончилъ, наконецъ, повѣсть, большую повѣсть. Пришла радость и грусть. Радость завершеннаго творчества—и особая авторская грусть, приходящая вмѣстѣ съ концомъ творческаго процесса. За время работы свыкаешься съ своими героями, живешь ихъ жизнью, начинаешь ихъ любить, все время они занимаютъ твою мысль и душу,—и вдругъ все обрывается и остается печаль. Нѣсколько дней не находишь мѣста и все смотришь на тетрадь, какъ на могилу любимаго дѣтища... Преслѣдуютъ созданные образы, пейзажи мѣстъ дѣйствія, отдѣльные яркіе моменты... Тоже тѣни прошлаго... Зина просила перечитать ей всю повѣсть отъ начала до конца, но пока мнѣ не хотѣлось. Требовалось время успокоить радость и грусть и отойти немного отъ своихъ творческихъ переживаній...

— Ну, прочитай же, Геня!.. Христа-ради!..

— Завтра, завтра!.. Не трогай!.. Пусть полежитъ...

— Давай позовемъ слушать всѣхъ... нашихъ!

— Нашихъ?.. Нѣтъ! Сперва только вдвоемъ...

Насталъ, наконецъ, день чтенія... Только было усѣлись, какъ вошла Сусанна.

— Ну, что тебѣ надо?.. Лѣзетъ, когда ее не зовутъ...

— Наблюдатель пришелъ, спрашиваетъ...

— Вотъ чортъ васъ дери!.. Именно придутъ тогда, когда... Что еще ему?..

— Можно войти?..

— Входите, но поскорѣе уходите!..

— Я отъ исправника. Къ себѣ требуютъ...

— Ахъ, чортъ!.. Въ чемъ дѣло?

— Секретная бумага... Объявить надо...

— Приду.

Наблюдающій вышелъ. Что тамъ еще имъ надо отъ меня?.

— Геня! Не отвѣтъ ли изъ Петербурга?..

— Отвѣтъ? Очень можетъ быть!.. Надо сходить...

— Иди, иди скорѣй... Господи, вотъ если бы... Милый, милый!.. Ахъ, какъ я рада!..

— Погоди радоваться-то!.. Пока нечему еще.

— Нѣтъ, я чувствую, чувствую... Господи!.. Вотъ если... Скорѣе!.. Я хочу идти вмѣстѣ... Подожду около полиціи... Вѣдь я уже совершенно здорова...

Поспорили, можно или нѣтъ идти Зинѣ. Ну, хорошо: только пусть не модничаетъ и одѣвается теплѣе... Согласна на всѣ условія... Закуталъ ее такъ, что только носикъ торчитъ. Пошли съ трепетнымъ волненіемъ, почти со страхомъ.

— Ну, иди!.. Господи, благослови!..

Пришелъ въ знакомый кабинетъ и встрѣтилъ улыбающуюся физіономію исправника.

— Поздравляю: вамъ съ женой разрѣшено кончить ссылку въ имѣніи матушки.

Слушаю и не вѣрю своимъ ушамъ.

— Какъ... намъ... на родинѣ?..

— Да. Въ виду хорошаго поведенія и болѣзни жены... Да вотъ садитесь и прочитайте бумажку. Она хоть и секретная, да вѣдь содержаніе ея я долженъ вамъ объявить, а вы—росписаться...

Взялъ бумагу, руки трясутся, глаза скачутъ черезъ строчку, въ головѣ радостный туманъ...

— Да. Правильно.

Не могу сдерживать улыбки; спѣшу подписаться, словно мнѣ могутъ не дать этого сдѣлать и тогда все останется по прежнему...

— Эхъ... Опять клякса!..

Когда-то посмѣялся надъ жандармомъ, который слизнулъ мою кляксу, а теперь сдѣлалъ самъ то же самое.

— Что вы дѣлаете!.. Есть промокашка... Вѣдь, въ чернилахъ есть купоросъ!..

— Развѣ есть купоросъ?

— А то какъ же!.. Идите туда... къ умывальнику, выполощите ротъ!..

— Да нѣтъ, не стоитъ...

Выглянула въ дверь Александра Романовна и стала кивать головой. Знаетъ уже. Радостно улыбается, дѣлаетъ видъ, что рукоплещетъ...

Эхъ, если бы не убѣжденія, поцѣловалъ бы я эту разбойничью физіономію исправника. Что-то говорилъ онъ еще назидательное:

— У васъ есть талантъ, можете быть полезнымъ обществу безъ политической дѣятельности...

— Конечно, конечно!.. До свиданія!..

— Когда же вы думаете ѣхать?

Тутъ только я вспомнилъ, что зимой трудно отсюда выбраться.

— Вотъ ужъ не знаю... А что, если мы останемся до весны, не могутъ потомъ...

— Измѣнить разрѣшеніе?.. Нѣ-ѣ-тъ... Кому это надобно?.. Напишите, что въ виду опасности перевозить больную въ холодное время, вы остаетесь до весны.

— А чортъ ихъ знаетъ...

— Кого чортъ знаетъ?..

— Виноватъ!.. Оговорился... А вдругъ что-нибудь случится и...

— А ужъ вы ведите себя такъ, чтобы ничего не случилось...

— Куй желѣзо, пока горячо...

— Какъ хотите!.. Подумаете и потомъ заявите мнѣ.

Выскочилъ я отъ исправника, какъ выпущенный изъ клѣтки благовѣщенскій чижикъ.

— Ура, Зина!.. Твоя правда...

— Куда насъ?..

Зина рванулась ко мнѣ, подхватила меня подъ руку, и мы быстро пошли къ дому...

— Куда насъ?.. Говори же!..

— Погоди, дай отдышаться...

— Ну! скорѣе!..

— На родину мою... На Волгу!.. Ты не видала Волги?.. Ахъ, ты не знаешь...

— А я думала, на мою родину...

— Голубушка, ей-Богу у насъ лучше!.. Ты не можешь представить, какъ у насъ хорошо... У васъ я бывалъ... Хорошо, но...

— Нѣтъ, у насъ лучше... У насъ такое море, что... и солнце...

— Но потомъ вѣдь можно и къ тебѣ... Лишь бы теперь-то выбраться изъ этой проклятой дыры...

— Конечно, конечно... Я рада, очень рада... Господи, какъ это хорошо!..

Пришли домой и начали совѣщаться, когда намъ ѣхать.

— Я боюсь тебя везти въ морозы на лошадяхъ... Пока

доберемся до желѣзной дороги, ты можешь такъ простудиться, что...

Зина настаивала не откладывать и тоже боялась, какъ бы не передумали.

Прибѣжалъ Касьяновъ. Взволнованный, торопливый.

— Правда, что ли, черти вы полосатые?..

— Правда... Уѣзжаемъ...

— Вотъ везетъ... Ахъ вы, дьяволы!..

— Да что ты ругаешься?.. Ты, братецъ, все-таки...

— Пришли въ семейный домъ и ругаетесь, какъ...

— Да вѣдь досадно, Козочка!.. Мнѣ годъ прибавили, а вамъ... Вѣдь это тотъ самый годъ, который мнѣ прибавили, вамъ убавили... Чужую кровь пьете!..

Только ушелъ Касьяновъ, явилась Параша. Та—грустная-грустная.

— Неужели правда, что вы уѣзжаете?..

— Да, Парашенька, правда...

— Ску-у-чно безъ васъ будетъ...

— Другихъ пришлютъ...

— А мнѣ еще полтора года... Счастливчики!..

— Ну, ну... не хотѣла къ вамъ ногой быть... Обидѣли вы меня, что не пришли ко мнѣ на свадьбу, да ужъ Богъ съ вами... Я такъ рада за васъ, что...

Это была Марья Петровна. Она не договорила и бросилась цѣловать насъ обоихъ.

— Милые вы мои!.. Голубчики мои!.. Всѣ-то вы разъѣдитесь, а я останусь здѣсь...

И Марья Петровна обняла Зину и расплакалась.

— Тутъ плачутъ... Кто? О чемъ?..

— А, Сашенька!.. Идите, идите!..

Шумъ, говоръ, смѣхъ, поцѣлуи и слезы. Опять обсужденіе, когда намъ ѣхать. Всѣ совѣтуютъ остаться до весны. Марья Петровна особенно. Она пугаетъ болѣзнями и всякими ужасами.

— Да если узнаетъ Коля, что вы повезете жену теперь, онъ вамъ...

— Коля? Какой Коля?..

— Ахъ, да мужъ мой, Николай Григорьевичъ!..

— Вы называете его Колей?—интересуется Козочка.

— Ну, а какъ же?..

На лицѣ Козочки полное недоумѣніе.

— Вы же называете своего мужа Геней, почему же мнѣ нельзя Колей?..

— Коля!.. Вотъ смѣшно... Вы не сердитесь на меня?..

— Я?.. на дѣвочку?.. На мою милую озорницу?.. Нисколько!.. Но только одно условіе въ награду: когда будете уѣзжать, зайдите къ намъ... Хотя одинъ-то разокъ!.. Коля васъ лѣчилъ, а я... васъ такъ любила, такъ я васъ любила...

— Ну, господа, ради Бога безъ слезоточенія...

— Мы зайдемъ. Мы непремѣнно зайдемъ...

— Смотрите же!.. Иначе вы меня оскорбите до глубины сердца...

Весь день прошелъ въ туманѣ. Всѣ побывали. Нѣкоторые даже два раза. Не были только Гришенька и Куренковъ. Жена его тоже на минуту зашла и справилась... Къ вечеру мы такъ устали отъ радости и суматохи, что почувствовали себя счастливыми, когда остались одни и некому уже было приходить.

— Заваривай чай и хозяйничай!.. Я не могу, — сказала Козочка, лежа на диванѣ, когда Сусанна подала самоваръ.

— Что это у васъ... кто уѣзжаетъ, что ли?..

— Мы, Сусанна...

— Куда васъ несетъ?..

— Домой, на родину...

— Въ Басурманію, значитъ...

— Куда?.. Въ Басурманію!..

А Сусанна отвернулась и отираетъ рукавомъ кофты слезы.

— Что ты?.. Съ чего это?..

— Чай, жалко... привыкла...

— Да мы еще нескоро...

— А кагды?

— Весной...

— Аа!.. Лучше что ли тамъ жить-то, куда хотите поѣхать?..

— Лучше... Тамъ тепло...

— А гдѣ это?..

— Далеко...

Козочка счастливымъ умиленнымъ голоскомъ разсказывала Сусаннѣ про свою родину, а я слушалъ и думалъ: «моя родина лучше, но пусть ее мечтаетъ, не буду напоминать ей, что мы ѣдемъ не въ Севастополь, а на Волгу, на мою родную Волгу!..» Отдохнули. Напились чаю...

— Знаешь, милый, давай теперь читать твою повѣсть!.. Вотъ хорошо-то!..

— Вѣрно. И мнѣ хочется теперь почитать ее, провѣрить себя...

— Вѣдь ты ее *мнѣ* посвящаешь?..

— Да, тебѣ...

— Господи, какое счастье!.. Если бы ты зналъ, какъ я... Давай читать!.. Пойдемъ въ мою комнату: тамъ уютнѣе... Мнѣ хочется снять ботинки и прилечь. Запремъ дверь, чтобы никто-никто не помѣшалъ намъ... Иди, иди!..

На улицахъ крутила метель. Въ окно комнаты бились бѣлыя птицы и жалобно поскрипывалъ желѣзный болтъ не закрытыхъ ставень. Такъ холодно, нехорошо теперь на улицѣ...

— А если бы мы поѣхали и попали подъ такую пургу?.. Въ полѣ теперь зги не видно. Можно потерять дорогу и... замерзнуть.

— Хорошо, что мы дома, одни. На душѣ такъ спокойно, а впереди... тамъ насъ ждетъ большущая радость!..

Начали читать: обоимъ очень нравилось, оба хвалили повѣсть и автора, прерывая чтеніе внезапными радостными порывами, которые, какъ бѣлыя птицы метели—въ окна, стучались въ наши сердца.

— Ну, теперь дальше, дальше!..

— А у тебя на глазахъ уже слезки... Ахъ, ты нѣжная моя!..

Дочиталъ я послѣднюю страницу, и мы оба тяжело такъ вздохнули...

— Ну вотъ, это мой подарокъ тебѣ!..

— Иди, иди ко мнѣ ближе! Благодарю тебя, мой хорошій, мой умный!.. Это такой драгоцѣнный подарокъ... Чѣмъ я отплачу тебѣ за него?..

— Поцѣлуемъ, только поцѣлуемъ!..

— Ахъ, сколько хочешь! Сколько хочешь!..

Порывъ какой-то дикой радости и счастія закружилъ насъ въ поцѣлуяхъ и ласкахъ, перешелъ въ безумную страсть и... мы не слыхали, какъ въ окно комнаты тревожно бились бѣлыя птицы метели...

И когда мы опомнились, то было уже поздно... Зина съ счастливой улыбкой на лицѣ, съ закрытыми глазами и полуоткрытыми губами, лежала въ полузабытьи, крѣпко сжавъ мою руку, а я склонился и свободной рукою закрывалъ свое лицо и пряталъ беззвучныя слезы...

Налетѣлъ вихрь и сломалъ всѣ преграды, которыми мы старались отгородиться отъ всесильнаго и непобѣдимаго закона природы...

На другой день Зина долго не появлялась въ залѣ, а когда

вышла, то вспыхнула отъ стыда, бросилась ко мнѣ на грудь и долго не хотѣла показать свои большіе испуганно-вопросительные глаза...

XXIV.

Да, это правда: любовь сильнѣе смерти... Есть въ ней великая и непобѣдимая сила, которая побѣждаетъ всѣ доводы разума, сокрушаетъ логику, отбрасываетъ всѣ препятствія и несетъ человѣка, какъ вихрь—лебединое перышко...

Теперь я уже не владѣю собою. Глаза пьянятъ глаза, дымомъ разлетаются стыдъ, долгъ, страхъ передъ будущимъ, жалость къ любимой женщинѣ... Ахъ, прекрасная, всемогущая, приближающая насъ къ богамъ любовь, какъ ты жестока!..

— Зина, Зина!.. Если бы ты знала, какой я жестокій, безсовѣстный и какъ я виноватъ предъ тобою!..

— Ты опять меня мучить?.. Я счастлива, а ты отравляешь мое счастье... Пусть будетъ, что будетъ... Мнѣ все равно... Я люблю тебя еще сильнѣе, еще... не знаю какъ тебѣ объяснить... Я лучше тебя поцѣлую...

— А не боишься ты... сдѣлаться матерью?..

— Нисколько!.. Не надо бояться, милый... Пусть будетъ, что будетъ!.. Не страшись: я, только я буду... страдать... Я хочу!.. Въ этихъ страданіяхъ будетъ потомъ такая радость, такая радость!..

Она говоритъ только о материнствѣ, и у меня нѣтъ силъ сказать, что материнство можетъ быть для нея концомъ счастія и самой жизни. Но я долженъ это сказать. Я не имѣю права скрывать это. Вѣдь это преступленіе, которому нѣтъ прощенія.

— Видишь, моя хорошая, моя любимая... Вѣдь, можно бояться не только материнства и связанныхъ съ нимъ страданій... мукъ рожденія... Иногда за материнство платятъ жизнью...

— Пусть! Я такая же смертная, какъ всѣ женщины... Никто изъ насъ, женщинъ, не застрахованъ отъ такого... несчастія...

— Но ты такая молоденькая и... такая слабенькая...

— Теперь я очень сильная... Я чувствую себя совершенно здоровой...

Нѣтъ, не могу сказать всей правды. Не умѣю, не нахожу словъ. Странно это сказать. И нужно ли?.. Развѣ теперь уже не поздно?.. И развѣ теперь, когда природа побѣдила, разумно

пугать смертью? Вѣдь это значитъ идти ей на встрѣчу... А, быть можетъ, еще она не будетъ и матерью... Надо только овладѣть собой и...

— О чемъ ты все думаешь, Геня!.. Смотрю я на тебя и мнѣ тоже дѣлается грустно... Почему ты сталъ хмуриться и сталъ неласковымъ?..

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Я просто задумался... хочу писать новый разсказъ...

— Ты сочиняешь? Да?.. Я тебѣ помѣшала... Тогда прости!.. Но когда будешь ложиться спать, непремѣнно приди со мной проститься... Вчера ты забылъ поцѣловать меня...

— Я приду.

— Смотри, не обмани!.. Я не буду гасить огня...

Уходитъ, посылая любящій призывающій взглядъ. Я сажусь къ столу и дѣлаю видъ, что собираюсь писать разсказъ. Я обманываю самого себя, пугливо ищу заглавій, сюжетовъ, черчу на бумагѣ силуэты, фигуры, животныхъ, сфинксовъ... Да, вотъ онъ, будущій разсказъ—«Сфинксъ»...

Заглавіе написано, подчеркнуто, но въ головѣ стоитъ мой проклятый вопросъ... Какъ это мучительно...

Сижу долго надъ заглавіемъ, пишу машинально слова и вдругъ пугаюсь: «Калерія умерла, умерла, умерла...». Словно кто-то завладѣлъ моей рукой и написалъ эти страшныя слова, чтобы напомнить мнѣ о неизбѣжномъ, что ждетъ меня гдѣ-то на пути жизни... можетъ быть, близко, на первомъ перекресткѣ дорогъ...

Тихо въ той комнатѣ, гдѣ таится страшное теперь будущее. Полоса свѣта, какъ длинный золотой мечъ, протянулась по полу изъ пріоткрытой слегка двери, словно ангелъ-хранитель съ огненнымъ мечомъ всталъ тамъ, за дверью, на стражѣ жизни. Ночь, тишина, золотой мечъ полны мистической тайны... Прислушиваюсь,—ни одного звука, ни одного шороха. Страшно... Кажется, что кто-то смотритъ въ окно, кто-то таится въ темной передней... Съ шумомъ отодвигаю стулъ, покашливаю, прогоняя зловѣщіе призраки фантазіи...

— Геня!...

— Развѣ ты еще не спишь?..

— Я проснулась... Опять приснилось, что летаю... Полетѣла и упала въ пропасть... Охъ, какъ бьется сердце!.. Дай мнѣ воды!.. И сонъ какой-то зловѣщій. Глупо придавать значеніе снамъ... Какъ купчиха замоскворѣцкая... А непріятно, пугаетъ.

— Ну, вотъ тебѣ, выпей!..

Пьетъ и продолжаетъ разсказывать, отрываясь отъ стакана:

— Спрыгнула съ высокаго-высокаго утеса и полетѣла надъ городомъ... А меня хотятъ поймать...

— Кто же?..

— Не знаю, но только кто-то хочетъ поймать, разбойникъ, должно быть... А я отчаянно машу руками... Рукава у меня, какъ крылья... И вдругъ упала въ пропасть... И проснулась... Послушай, какъ бьется сердце!..

Беретъ мою руку и прикладываетъ къ своему сердцу.

— Слышишь?

— Да...

Чрезъ тонкую батистовую рубашку чувствую трепетъ испуганнаго сердца и вздрагивающую грудь, и вотъ уже туманится въ головѣ и горячей волною пробѣгаетъ по тѣлу еще несознанное желаніе...

— Не уходи отъ меня!.. Я что-то боюсь...

— Чего же бояться?.. Вотъ глупышка!..

— Не знаю... Страшно мнѣ...

Беретъ и ласкаетъ руку. Смотритъ и зоветъ глазами и губами... И улетаютъ всѣ страхи, всѣ призраки... Остается одно желаніе...

И такъ идетъ время, унося насъ въ невѣдомую даль будущаго... Вотъ уже и солнцеворотъ: солнце на лѣто, зима на морозъ. Опять начались яркіе, солнечные, радостно сверкающіе дни, полные намековъ на далекую еще весну. Радостную тревогу пробуждаютъ эти сверкающіе дни и все тянетъ на улицу...

Однажды, послѣ продолжительной лыжной прогулки, когда мы, усталые, разомлѣвшіе, наглотавшіеся озонированнаго воздуха, вернулись домой, Зинѣ сдѣлалось нехорошо: закружилась голова и появилась тошнота...

— Ты упала?.. Ты опять ушиблась головой?.. Скажи правду!..

— Я упала въ мягкій снѣгъ и совершенно не ушиблась.. Было мягко, какъ на постели...

— Надо ледъ къ головѣ... Ахъ!.. Просто мука съ тобой...

Побѣжалъ въ аптеку за пузыремъ, набилъ его снѣгомъ и, уложивъ жену, поставилъ снѣжный компрессъ къ ея головѣ... Тошнота пропала... Поставилъ термометръ: температура нормальная...

— Больше ты кататься на лыжахъ не будешь.

— Буду!..

— Нѣтъ, не будешь... Ты бѣгаешь, сломя голову, и катаешься съ крутыхъ горъ, когда не умѣешь... Не слушаешься.

Я говорилъ безъ сердца, полушутя, а она почувствовала оскорбленіе и расплакалась. Опять поднялась тошнота... Побѣжалъ къ доктору.

— Опять, докторъ, несчастіе...

— Что у васъ?—спросила Марья Петровна, узнавъ меня по голосу изъ сосѣдней комнаты.

— Опять упала!.. Катались на лыжахъ и... тошнота!

— Не бережете вы ея... За ней, какъ за дѣвчонкой, смотрѣть надо. По бѣдамъ ходитъ... Сходи, Коля!..

— Сейчасъ не могу... Часа черезъ два...

А когда прошло два часа и пришелъ докторъ, Зина уже была на ногахъ и хохотала...

— Вотъ это—больная!.. Впервые такую вижу...

— Да это онъ все выдумываетъ... Здоровехонька!..

— Ахъ, господа!.. У меня такое дѣло, а вы...

— Простите, докторъ, но даю вамъ слово, что два часа тому назадъ ей было очень плохо...

— Температура? Мѣрили?

— Температура-то нормальная... А, быть можетъ, у насъ невѣрный термометръ...

Докторъ взялъ руку Зины, сосчиталъ пульсъ, попросилъ показать языкъ, спросилъ про желудокъ...

— Убирайтесь съ глупостями!..

Мнѣ было такъ неловко передъ докторомъ, словно я надулъ его. Я даже разсердился на жену.

— Озорничаешь... Это называется издѣвательствомъ надъ людьми...

Докторъ ушелъ, а мы опять поссорились.

— Ты недоволенъ, что я здорова?.. Для твоего доктора я должна была бы захворать?..

Опять слезы, почти истерика. Заперлась въ своей комнатѣ и, несмотря на мои ласкательныя слова, не только не отпирала двери, но даже не отвѣчала. Полное молчаніе. Такъ до другого дня и просидѣла въ заперти. На другой день:

— Взбалмошная дѣвчонка!.. Капризная!..

— Тогда лучше бы на мнѣ не женился!..

— Перестань капризничать, вѣдь ты уже не маленькая!.. Ты—взрослая женщина, жена...

— Такого мужа мнѣ не надо!.. И никогда не смѣй ходить въ мою комнату!..

— Зина!.. Вѣдь это—глупо ссориться безъ всякаго повода...

— И никогда не посвящай мнѣ своихъ разсказовъ!.. Посвящай той... которой раньше посвятилъ... Вашей Зоѣ!..

— Лучше сказать прямо, что не любишь, чѣмъ...

Проходитъ часъ въ молчаніи, а потомъ подходитъ сзади, перегибается, какъ вѣтка отъ вѣтра, и ласково заглядываетъ въ глаза...

— Ты сердишься?..

— Конечно...

— Ну извини меня!.. Не буду больше.. Помиримся!..

И опять порывъ нѣжности, вихрь ласкъ и, какъ похмелье, сознаніе своего преступленія...

Спустя двѣ недѣли приступы тошноты повторились и на этотъ разъ долго мучили бѣдную Козочку. Зашла Марья Петровна и долго возилась съ женой. А когда я ее провожалъ, она сердито, почти со злобой, сказала:

— Болѣзнь самая обыкновенная: она беременна.. Эхъ, вы!..

Повернулась и, не подавъ мнѣ руки, пошла...

Я долго стоялъ въ сѣняхъ, боясь появиться на глаза Зины. Меня словно ударили по головѣ дубиной. Опустились руки, задрожали ноги... Словно я уже убилъ мою Козочку...

— Геня! Геня!..—зазвенѣлъ въ раскрытую дверь радостный голосъ Зины.—Ты что тамъ дѣлаешь?..

— Сейчасъ иду...

— Скорѣе! Скорѣе!.. Что я тебѣ скажу!.. Ты не ожидаешь... Иди скорѣе!

Взяла меня за руку, отвела въ уголокъ, пугливо оглянулась по сторонамъ и на ухо прошептала:

— Я буду матерью... Понялъ?..

Потомъ повернулась на каблучкахъ, хлопнула въ ладоши и захохотала.

— Какъ?.. почему ты...

— Марья Петровна сказала! — радостно объясняетъ Козочка.

— Не вѣрю я что-то ей...

— Вотъ тебѣ разъ!.. Не вѣришь ей?.. Кому же тогда вѣрить?..

Говоритъ такимъ тономъ, словно обидѣлась за Марью Петровну.

— Нѣтъ, ужъ она лучше тебя знаетъ...

— Ну вотъ, видишь...

— Ну что ты, точно сердишься на меня? Я такъ счастлива, а ты...

Начинаетъ мечтать о ребеночкѣ, фантазируетъ, старается меня развеселить. Я улыбаюсь, но печально. Нѣтъ въ душѣ радости, а только страхъ и ощущеніе огромной непоправимой бѣды, угрозы, сознаніе преступленія... И смѣхъ, и радость жены теперь только сильнѣе терзаютъ мою душу.

— Чего ты такъ испугался?.. Вѣдь не ты, я буду мучиться!..

— Я боюсь, что...

— Что умру?—весело договариваетъ Зина.

— Ну, да, да!.. Вѣдь ты...

— Да не каркай ты пожалуйста, какъ черный воронъ!.. Я вовсе не хочу умирать и... и не умру...

— Все-таки хорошо бы посовѣтоваться съ какимъ-нибудь знающимъ, опытнымъ акушеромъ... Надо бы скорѣе поѣхать и тогда...

— Ни за что!.. Это такъ стыдно, что ужъ лучше умереть...

Говоритъ о смерти, а сама весело улыбается, шутитъ, начинаетъ танцовать лезгинку. И кончается тошнотой... Я мучаюсь, ахаю, жалѣю, а она уговариваетъ:

— Ничего!.. Это всегда такъ... Марья Петровна говоритъ, что потомъ это пройдетъ... Не безпокойся: это отъ того, что у меня зародился ребеночекъ...

Страхъ и радость теперь жили въ нашемъ домикѣ всегда рядомъ, неразлучно, какъ мы съ Зиной. И страхъ гналъ радость, а радость—страхъ, но ни тотъ, ни другая не хотѣли уступать въ борьбѣ, отравляя намъ жизнь... Зину раздражало мое угнетенное состояніе, а меня — ея легкомысленная радость. Прошелъ еще мѣсяцъ, и радость потускнѣла, а страхъ перешелъ въ глухое нервное раздраженіе. Капризы разрѣшались упреками, слезами, взаимными оскорбленіями, и все рѣже становились свѣтлые промежутки нѣжности и ласкъ. Словно съ нами невидимо поселился проклятый бѣсъ, злой и мелочный, ехидный, подлый бѣсъ, и мѣшалъ намъ понимать другъ друга. Это онъ, бѣсъ, посѣялъ въ душѣ моей Зины ревность, горчайшее изъ нашихъ несчастій, глупую ревность къ тѣнямъ прошлаго...

Однажды, когда я ушелъ на почту, Зина что-то искала и стала рыться въ ящикахъ моего письменнаго стола. Здѣсь ей попался подъ руки альбомъ, подаренный мнѣ Касьяновымъ, и тѣ клочки письма, которые я подобралъ когда-то на улицѣ, собственноручно изорвавъ и потомъ пожалѣвъ письмо Зои. Клочки далекаго прошлаго!..

Ничего не подозрѣвая, я вернулся домой въ пріятномъ на-

строеніи, потому что получилъ извѣстіе изъ журнала, что мой новый разсказъ принятъ. Хотѣлъ подѣлиться съ Козочкой своею радостью, но ея комната оказалась запертою на ключъ. Въ чемъ дѣло?..

— Зина, повѣсть приняли!..

Молчаніе.

— Ты что тамъ?.. Зина!..

— Вы—негодяй!..

— Что?!

— Негодяй! Ахъ, какой вы негодяй!.. Если бы я знала раньше...

Плачъ, рыданія, истерика... Двинулъ дверь плечемъ, выдернулъ крючекъ:

— Что это значитъ?.. За что?

— Вонъ!.. Донъ-Жуанъ!.. Ловеласъ гадкій!.. Я васъ ненавижу... Уйдите, иначе я васъ ударю по физіономіи...

— Вотъ какъ?!.

Я вышелъ, сѣлъ за письменный столъ и впалъ въ какое-то отупѣніе... За что? Что случилось въ тѣ полчаса, которые я провелъ внѣ дома?..

Но тутъ мой взглядъ упалъ на раскрытый ящикъ письменнаго стола, и я все понялъ...

— Ахъ, вотъ въ чемъ дѣло: вы изволили произвести обыскъ!.. Похвально!.. Дѣло, вполнѣ достойное жены политическаго преступника...

Никто никогда еще не умѣлъ оскорбить меня такъ больно, какъ оскорбила любимая женщина. Явилась ненасытная жажда самому оскорбить, какъ можно сильнѣе, ядовитѣе. Я кружился по комнатѣ, сжималъ голову руками и весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Вы ошиблись дверью: вамъ слѣдовало выйти замужъ за жандарма, а вы...

— Теперь, говорятъ, въ модѣ женщины-шпіонки... Вотъ бы вамъ поступить!..

Не помню, что еще я кричалъ въ злобномъ изступленіи. Зина молча вышла, одѣлась и ушла:

— Подло, мерзко, недостойно порядочной женщины!..— закричалъ я въ догонку.

Потомъ я повалился на диванъ и до самаго вечера плакалъ, метался, бился головой о ручку дивана... Нѣтъ, сразу ничего нѣтъ: была любовь и словно кто-то растопталъ ее въ грязи!.. Какъ я обманулся въ тебѣ!.. Я думалъ, ты перлъ чистоты, красоты, а ты...

— Мѣщанка!.. Мѣщанка до мозга костей...

Какъ больной, поднялся я съ дивана, зажегъ лампу и рѣ-

шилъ написать кому-то прощальное письмо... Какое, кому, почему прощальное, — не зналъ, но мысленно я называлъ это письмо «прощальнымъ»... Увидалъ вынутый мною альбомъ, перелисталъ до портрета Зои...

— Что ты, мѣщанка, сдѣлала?.. Что ты сдѣлала!..

Оба глаза Зои на любимомъ единственномъ портретѣ были проткнуты булавкой, и отъ этого лицо Зои казалось мертвымъ, страшнымъ...

— Эхъ, ты!.. Да ты мизинца не стоишь этой прекрасной дѣвушки...

Махнулъ рукой, погасилъ лампу и ушелъ къ Касьянову.

— Касьяновъ, давай, голубчикъ, пить! Я хочу пить, много, до забвенія...

— Что за метаморфоза...

— Именно метаморфоза... Жизнь, братъ, сочиняетъ такія метаморфозы, какихъ Овидій никогда еще не придумывалъ... Давай коньяку!..

— Да что ты такой сумасшедшій видъ имѣешь?.. Глаза, какъ у кролика...

— Ничего... Сейчасъ только у меня, братецъ, былъ обыскъ...

— Ну?.. Опять?.. Нашли что-нибудь?..

— Динамитъ, братецъ, динамитъ... А онъ взорвался, и все полетѣло къ чорту. Все! Понимаешь, все: вся жизнь, любовь, радость, поэзія, красота... Одна подлость, братецъ, осталась, подлость жизни!.. Давай коньяку!..

— Боюсь, что твоя жена меня потомъ ругать будетъ...

— Плюнь! У меня нѣтъ жены.

— Что ты мелешь-то?..

Касьяновъ изумленно смотрѣлъ на меня, а я хохоталъ...

Всю ночь мы съ Касьяновымъ пили коньякъ, сперва по дружбѣ и въ память далекаго невозвратнаго, потомъ изъ чувства солидарности и общности нашихъ неудачъ въ личной жизни, потомъ изъ чувства протеста противъ всѣхъ и всего на свѣтѣ... Было что-то анархическое въ нашемъ разгулѣ и въ хмельномъ бреду на разсвѣтѣ. Уснули мы съ нимъ рядомъ, обнявшись, на одной постели...

XXV.

На другой день было тоже. Кто-то приходилъ, торкался къ намъ въ дверь, но мы не пускали:

— Идите вы всѣ къ чорту!..

— Опомнитесь, Тархановъ, это я, Марья Петровна!..

— Никого намъ не нужно...

— Мнѣ нужно съ вами поговорить...

— Не о чемъ!.. Все давно сказано...

— Опомнитесь!..

— Оставьте меня въ покоѣ!.. Я не хочу съ вами разговаривать...

— Какая подлость!.. Ахъ, какая подлость!..—послышалось за дверями, и Марья Петровна ушла.

Потомъ приходилъ Гришенька. Его впустили и предложили ему выпить за русскую интеллигенцію. Гришенька былъ хмурый, отстранилъ рюмку и желчно сказалъ:

— А что она, эта самая интеллигенція, дѣлаетъ? Болтаетъ языкомъ да... пьянствуетъ... Мы, пролетаріи, съ исправниками на брудершафтъ не пьемъ!..

— Это что же, намекъ?—запальчиво крикнулъ Касьяновъ.—Вы пришли насъ обличать?.. Пророки!.. Идите къ чорту!..

Началась ссора, глупая, безпричинная, пьяная... И я тоже накинулся на бѣднаго Гришеньку, наговорилъ такихъ гадостей, отъ которыхъ потомъ долго не могъ опомниться.

— Вы пришли отъ предмета вашего увлеченія, Зинаиды Дмитріевны?.. Знаю, знаю!.. Она свободна!.. Можете!..

— Вы—подлецъ, Тархановъ!..

— Вонъ!.. Вонъ!..—закричалъ я, пьянѣя еще болѣе отъ злобы, и ударилъ Гришеньку по лицу...

Боже мой, какая грязь, какая грязь!.. Цѣлый омутъ грязи, попавши въ который, уже трудно выкарабкаться...

Вечеромъ пришла Сусанна.

— Иди домой!.. Жена зоветъ...

— Нѣтъ у меня, Сусанна, никакой жены!.. На вотъ, выпей-ка лучше!..

— Я вѣдь непьющая... Много благодарна вамъ на угощеніи...

— А ты пригубь!.. Да ну, чего тутъ...

— Ну, ладно, ладно, не мни меня!.. выпью сама, что ли...

— Всю, до дна!..

— Ой, какая у васъ водка-то!.. Инда жжетъ въ нутряхъ...

— Присядь, посиди съ нами!..

— Недосугъ, чай, мнѣ... Тамъ пришла твоя жена, ждетъ...

— Подождетъ да уйдетъ...

— Что это ты?.. Неужели разлюбилъ?..

— На еще!.. Да пей, говорятъ!..

— А ты не играй! У меня—мужъ, а у тебя—жена...

— У тебя—въ солдатахъ, а у меня... Нѣтъ у меня... никого нѣтъ!..

— Что я у васъ остальное-то выпью, тутъ самимъ вамъ мало осталось...

Касьяновъ взялъ въ руки бутылку, посмотрѣлъ, свиснулъ и побѣжалъ въ буфетъ трактира за новой. Масляные глаза и большія колыхающіяся подъ кофтой груди Сусанны рождали пьяную животную похоть. Въ головѣ мелькали грязныя картины похотливой фантазіи... Нѣтъ имъ теперь удержа, потому что теперь у меня все растоптано. Вся жизнь теперь рисуется подлой и незачѣмъ чистота...

— А ты оставь!.. Нехорошо... Вотъ онъ придетъ сейчасъ...

— Нѣтъ, ничего... Я запру... Не пустимъ...

— Вотъ ты какой!.. Ахъ, ты, батюшки... Что ты это?!.

— У, какая ты... кровь съ молокомъ!...

— Ну, поигралъ и будетъ ужъ...

— Нѣтъ...

Когда на слѣдующій день, я проснулся, хмель уже исчезъ и оставалась страшная головная боль, тупое отчаяніе, ощущеніе какой-то страшной пустоты и смутнаго сознанія мерзости и пакости, въ которыхъ прошли два послѣднихъ дня... Что-то непоправимо гадкое случилось со мной... Больной, разбитый, съ потухшимъ желаніемъ жить, смотрѣть на свѣтъ, валялся я на диванѣ своей квартиры и припоминалъ, что случилось...

— Проснулся, что ли, охальникъ?..—спросила заглянувшая въ комнату Сусанна. И вдругъ я вспомнилъ, что случилось, и почувствовалъ такое отвращеніе къ Сусаннѣ, что злобно, съ гадливостью, закричалъ:

— Не лѣзь сюда!.. Къ чорту, гадина!..

Сусанна бросила мнѣ письмо и съ ворчаніемъ ушла прочь отъ дверей...

«Хотя вы, Геннадій Николаевичъ, не захотѣли меня пустить и поговорить со мною по поводу извѣстнаго вамъ печальнаго случая, но я все-таки не могу успокоиться и хочу вамъ сказать. Не сердитесь, это не вмѣшательство въ чужую жизнь, а моя любовь и расположеніе къ вамъ и особенно къ бѣдной нашей дѣвочкѣ, Козочкѣ. Она на границѣ самоубійства. Стоитъ, право, отбросить гордость и подумать, какъ быть. Она разсказала мнѣ поводъ вашей размолвки. Положительно не могу себѣ представить, чтобы вы, такой умный человѣкъ и притомъ писатель, т. е. человѣкъ, которому больше, чѣмъ кому-нибудь

другому, дано понимать человѣческую душу, не приняли въ соображеніе, что со стороны Зины здѣсь сказалась просто больная женщина, беременная женщина, психика которой совершенно не та, какая бываетъ у здоровой женщины. Женщина въ такомъ положеніи часто дѣлается невыносимо капризной, нервозной, взбалмошной, а многія прямо становятся невмѣняемыми. Объ этомъ есть даже въ законахъ. Ревность въ такихъ случаяхъ—самый обычный спутникъ. Никакого обыска она не дѣлала, а случайно наткнулась на ваши секреты, и вотъ все объясненіе. Ей-Богу, это не такое уже преступленіе передъ любимымъ человѣкомъ, чтобы не только бросить, но даже оскорбить женщину такъ, какъ оскорбляли вы мою бѣдную, хорошую и несчастную Козочку. Объ этомъ подумайте хорошенько, чтобы мелочь не повела за собою очень серьезныхъ послѣдствій. Съ полнымъ уваженіемъ къ вамъ Марія Хохлова».

Внизу приписка рукой жены: «Прости меня, Геня, я сама не знаю, что я надѣлала. Если не простишь, то прощай навсегда. Зинаида Тарханова».

Прочиталъ я письмо, и такой жгучій стыдъ, отчаяніе, раскаяніе хлынули въ душу, что, казалось, лучше не жить, не сознавать, не думать, провалиться сквозь землю... Не было обиды и оскорбленія, исчезло преступленіе Зины, и глаза души моей остановились съ ужасомъ предъ загадкой моего собственнаго «я»... Что же такое самъ я, я, который весь въ грязи, весь потонулъ въ пьяномъ вихрѣ разнузданнаго разврата, а смѣетъ «прощать»... Прощать Козочку, мою чистую, какъ ребенокъ, дѣвочку, шалунью, больную шалунью!.. Мнѣ прощать ее?!. Какая злая, дьявольски-злая иронія жизни. Дьяволъ, радуйся!.. Она проситъ у меня прощенія... Правъ Касьяновъ, такъ оно и вышло: чортъ съ младенцемъ...

Медленно, съ поникшей головой, бродилъ, какъ осенняя муха, по комнатамъ, и было мнѣ такъ гадко, словно я носилъ въ себѣ всю скверну міра...

Забрелъ въ женину комнату: бѣлая, чистенькая, какъ бѣлый сугробъ только что выпавшаго снѣга, постель, болтающійся на голубой ленточкѣ образокъ въ головахъ, маленькія туфельки подъ кроватью и плачущая надъ младенцемъ Мадонна—надъ постелью... Погасъ огонекъ лампады, зажженный рукою Зины въ память ея умершей матери... Некому его зажечь!..

Тоска, отчаяніе, безграничное и безвыходное отчаяніе!.. Смотрю на Мадонну, съ глазъ которой упала тяжелая слеза скорби, грядущей еще скорби, ибо знаетъ уже вѣщее сердце

ея, что ждетъ ея ребенка... И у самого бѣгутъ слезы, и я глотаю ихъ, склоняя голову на бѣлую подушку, отъ которой струится тонкій знакомый ароматъ любимыхъ духовъ Зины... Снова поднимаю глаза на Мадонну, и вдругъ въ памяти встаетъ:

«Здѣсь, именно на этомъ самомъ мѣстѣ, висѣла раньше «Сусанна», та самая Сусанна, за честь которой вступился мой хозяинъ, отставной чиновникъ. Смѣется проклятый бѣсъ...»

— Что-же, отвѣтъ будетъ, или уходить?..

— Пошла вонъ!.. Къ чорту!.. Я тебѣ сказалъ, чтобы ты, гадина...

— А мнѣ наплевать... Ждутъ тамъ, а мнѣ наплевать...

— Погоди!..

— Отваливай!.. Ты мнѣ не мужъ, чтобы ругаться...

— Молчи, гадина!..

— Самъ лѣзъ, а теперь... Не стало море погано, коли собака полакала...

Нѣтъ, я не могу оставаться въ этихъ комнатахъ. Я долженъ уйти отсюда, уйти куда-нибудь, все равно куда, только бы не быть подъ одной кровлей съ этой омерзѣвшей бабой...

«Зина, прости, если можешь, и забудь все, что случилось. Я, только»... Я писалъ и рвалъ. Все не такъ, все не то, что чувствую... Нѣтъ словъ. Полный упадокъ силъ. Повалился на диванъ, и повисли, какъ плети, руки. Вотъ немножечко полежу, встану и напишу... Только четверть часа!..

Темная тяжелая гора ползетъ на меня и медленно валится мнѣ на грудь осыпающаяся земля... Тяжело. Трудно дышать... Хочу закричать о помощи, но нѣтъ силы крикнуть... Кто тамъ зоветъ меня, жжетъ меня расплавленными каплями свинца?.. Что вы меня мучаете?!.

Дѣлаю отчаянное усиліе освободиться отъ тяжести и раскрываю глаза...

— Прости меня!.. Ради-Христа, ради нашего ребеночка!.. Никогда я не буду такой гадкой... Только прости меня!.. Вѣдь ты добрый, а я гадкая... Ну, пожалѣй и прости!..

— Зина!..

Упала на грудь и трепещетъ, какъ умирающая птичка... А слезы жгутъ мнѣ щеки, а сбившіеся волосы щекочатъ лицо.

— Я, а не ты... Нѣтъ, не ты, не ты... Я долженъ упасть къ твоимъ ногамъ и...

— Ты добрый... Я знала, что добрый... Ты... у тебя золотое сердце!..

— Молчи, Зина... Не надо... Забудемъ... Все забудемъ!..

Уѣдемъ отсюда и все уйдетъ... Начнемъ жить снова и не будемъ вспоминать прошлаго...

— А ты говорилъ, что забыть нельзя... что тѣни прошлаго всю жизнь живутъ вмѣстѣ съ нами... Ахъ, какіе мы съ тобой несчастные, мы сами...

— Молчи!.. Все пройдетъ, все... У меня отчаянная боль въ головѣ... Иди, голубка, въ свою комнату... Потомъ я приду къ тебѣ...

— Слава Богу, слава Богу... Я просила покойную маму... я ей молилась...

— Не плачь!.. Иди и успокойся... Не будемъ объ этомъ говорить... Будто бы ничего не было... Все пройдетъ!.. Все какъ сонъ, все какъ дымъ...

Вотъ и донесъ огромную тяжесть до мѣста и свалилъ ее съ плечъ... Болятъ плечи, болитъ грудь, все еще давитъ пережитое ощущеніе, но теперь можно дышать и плакать... Ахъ, какъ я усталъ!.. Не могу встать... Если-бы мнѣ грозили обваломъ потолки, я все-таки не всталъ бы теперь...

Утромъ встали оба боязливые, тихіе и кроткіе, придавленные пошлостью жизни; боялись громко разговаривать и смотрѣть другъ другу въ глаза. Какъ больные, только что вставшіе съ постели... Какъ бѣлая тѣнь, бродитъ Зина, въ чемъ-то бѣломъ, и въ глазахъ ея есть что-то напоминающее скорбную Мадонну. Безстрастны наши ласки и поцѣлуи и безгрѣшны стыдливые взгляды... Она—счастливѣе меня, потому что у ней только тихая печаль и уже оправданіе въ чистотѣ ея думъ и чувствъ... А у меня... Мнѣ нѣтъ прощенія!.. Я самъ не могу себя простить... Нельзя себя простить; надо, чтобы тебя простили. А для этого необходимо полное признаніе, полное до самаго дна души, гдѣ столько страшнаго, грязнаго, непонятнаго самому себѣ... Развѣ можно сказать все?.. и то, самое страшное и самое грязное?.. съ Сусанной... Нельзя. Не надо. Самому страшно и омерзительно. Какъ же можно посвящать въ это почти дѣвочку...

Какъ могло это случиться?.. Какъ собака!.. О, мерзость, пакость, гадость!.. Подлецъ, самый настоящій подлецъ!.. Просить у тебя прощенія!..

Вотъ и примирились, а все-таки не возвращается прежняя радость и былое тихое удовлетвореніе отъ близости любимаго человѣка. Какая-то тѣнь легла на мою любовь, словно тучей закрылось солнышко, и не вспыхиваетъ яркій блескъ безсознательной радости бытія... Мы оба это чувствуемъ, всѣми силами стараемся отогнать отъ себя, а тѣнь стоитъ, не уходитъ...

Мы радуемся, когда кто-нибудь приходитъ къ намъ, а раньше мы такъ любили оставаться вдвоемъ, только вдвоемъ. Теперь намъ кажется, что мы непремѣнно должны говорить другъ съ другомъ, ибо молчаніе тягостно... Мы ходимъ въ гости; я вдвое внимательнѣе къ женѣ, чѣмъ обыкновенно бывалъ раньше, ухаживаю за ней, какъ за невѣстой, подаю ей шубку, вожу за руку, стараюсь предупредить желанія, угадываю ихъ... и все-таки чего-то нѣтъ въ нашихъ отношеніяхъ, что было и не хочетъ вернуться!..

Надо уѣхать съ этой квартиры. Вѣчно возвращается мысль къ случившемуся: каждое появленіе, шаги, голосъ Сусанны напоминаютъ объ этомъ, и испуганно бьетъ по сердцу вопросъ: а если она все разскажетъ женѣ?.. Тогда нападаетъ какой-то особенный подлый страхъ, сопровождающійся слабостью во всемъ тѣлѣ и холоднымъ потомъ на лбу... Подлая тайна, моя грязная тайна, живетъ теперь съ нами. Это отъ нея ложится тѣнь на всѣ наши взгляды, улыбки, тщетныя попытки вернуть радость чистой взаимности...

— Зина!.. Давай переѣдемъ на другую квартиру...

— Почему?..

— Мнѣ тяжело здѣсь оставаться...

— Да, да!.. Здѣсь случилось такъ нехорошо... Здѣсь я была такая скверная. Я тоже разлюбила нашъ домикъ... Я ненавижу этотъ столъ съ ящиками...

По улицамъ городка ищемъ себѣ комнату. Намъ кажется, что на новомъ мѣстѣ можно жить по новому, жить съ начала... Тщетное стремленіе убѣжать отъ самого себя! Все кажется, что причины кроются не внутри тебя, а около. Самообманъ и желаніе найти какое-нибудь самооправданіе...

Зина не можетъ видѣть письменнаго стола, онъ внушаетъ ей ужасъ и отращеніе, а я... я не выношу Сусанны. Къ ней у меня тоже ужасъ и отвращеніе. Ахъ, люди часто бываютъ похожи на страусовъ, которые, спрятавъ свою голову, воображаютъ, что они въ безопасности...

Торопливо, энергично и суетливо, словно грозитъ пожаръ, собираемъ свои вещи, завязываемъ чемоданы и узлы, чтобы поскорѣе перебраться на новую квартиру. Съ меня катится градомъ потъ,—такъ я стараюсь ускорить дѣло... Въ нашей квартиркѣ хаотическій безпорядокъ, все перевернуто вверхъ ногами...

— Уфъ, усталъ!.. Кажется, все готово...

Сажусь на узелъ съ постелями, чтобы покурить и отдохнуть. Въ окна льется яркій свѣтъ теплаго уже солнца, съ

крышъ прыгаютъ тяжелыя капли талаго снѣга, такъ хорошо солнечно и весело на улицѣ...

— Скоро весна...

— Да. И мы уѣдемъ отсюда навсегда...

— Какъ только спадетъ вода и можно будетъ ѣхать на колесахъ...

У воротъ стоитъ уже подвода для перевозки нашихъ вещей... Ямщикъ съ почтовой станціи съ кѣмъ-то разговариваетъ такъ весело...

— Съ кѣмъ это онъ кокетничаетъ?—произноситъ Зина и подходитъ къ окну:—Съ нашей Сусанной!.. Поди—полюбуйся, какъ они... Смѣшные!..

— Удивительно интересно...

Сразу тускнѣетъ настроеніе.

— Надо ѣхать...

— Сусанна! Сусанна!..

— Лучше позвать ямщика... Онъ сразу вытащитъ...

Появляется Сусанна. Я отвертываюсь и припадаю къ чемодану, чтобы покрѣпче стянуть ремни.

— Вынеси, Сусанна, вещи!..

— Мужика надо, барыня, позвать...

— Я говорилъ!.. Я говорилъ тебѣ!..

— Ну что ты сердишься по пустякамъ?..

— Говорятъ: изъ-за пустяковъ, а не по пустякамъ...

— Какой придира!.. Точно учитель...

Ну, наконецъ-то... Все вынесено, можно отправляться... Выходимъ на крыльцо. Здѣсь стоитъ, подперевъ груди руками, Сусанна.

— Прощай, Сусанна!..

— Прощайте, барыня!.. Дай вамъ Богъ...

Зина цѣлуетъ Сусанну. Я быстро отворачиваюсь и ускореннымъ шагомъ ухожу... Если бы она знала, если бы знала!..

— Геня! Куда такъ бѣжишь?.. Подожди меня!..

Замедляю шагъ, но не оборачиваюсь. Боюсь увидать Сусанну.

— Ты даже не простился съ Сусанной... Нехорошо. А мнѣ только ее, одну ее и жаль... Она такая веселая и смѣшная...

— Дуреха!.. Корова!.. Удивляюсь, что въ ней тебѣ можетъ нравиться...

— Такъ... нравится.

Цѣлый день устраиваемся на новой квартирѣ. Это отвлекаетъ меня отъ гнетущихъ мыслей и дѣлаетъ на нѣкоторое

время почти радостнымъ. Страусъ спряталъ свою голову. Зина тоже весела: тянетъ пѣсенку, устраиваетъ себѣ туалетъ. У насъ—письменный столъ, у жены—туалетъ. Маленькій, но какой характерный пустячекъ! Впрочемъ, у меня здѣсь нѣтъ настоящаго письменнаго стола, съ толстыми ножками, съ ящиками, съ сукномъ; я сооружаю подобіе такого стола изъ простого кухоннаго. Здѣсь лучше: похоже на бѣдную студенческую комнату. На старой больно ужъ отдавало мелкимъ мѣщанскимъ самодовольствомъ.

Вечеромъ новоселье: пришли Касьяновъ съ Александрой Романовной и Параша. Чаепитіе, гитара, чтеніе новой книжки только что полученнаго журнала. Хорошо. Освѣжились. Когда гости ушли, у меня было такое самочувствіе, словно я очистился, наконецъ, отъ своей скверны. Но на другой день утромъ пришла Сусанна, принесла забытый нами въ углу зонтикъ, и, увидя эту бабу, я снова палъ духомъ... Надо поскорѣе уѣзжать изъ этой проклятой дыры... Ненавижу этотъ городъ, его жителей, его улицы, дома...

— Ахъ, поскорѣе бы весна!.. Уѣдемъ отсюда далеко-далеко, за тысячи верстъ, и тогда я вздохну свободно, вычеркнувъ изъ жизни всю прошлую гадость.

XXVI.

Вотъ и весна!.. Опять гомонъ грачей и воронъ, непролазная грязь по улицамъ, дощечки для переходовъ, радостное сіяніе въ голубѣющихъ небесахъ, звонкіе голоса ребятишекъ, потемнѣвшія, наливающіяся соками земли вѣтки деревьевъ и веселая капель съ крышъ, украшенныхъ ледяными сосульками.

Зина, въ широкомъ капотѣ, сидитъ у окна и грустно смотритъ на улицу. Теперь она часто сидитъ на этомъ стулѣ и всегда грустно смотритъ на улицу. О чемъ-то все думаетъ, углубленная, сосредоточенная. Я смотрю на нее издали и думаю: подурнѣла, ужасно подурнѣла... словно стала совсѣмъ другая, не та, которую полюбилъ... Сонливая, неподвижная, вялая... Даже говоритъ и ходитъ по другому. Она чувствуетъ, что я смотрю на нее, и капризно говоритъ:

— Ну, что ты на меня смотришь?.. Некрасивая я стала... Сама знаю...

Слышалъ я отъ кого-то, что женщины въ такомъ положеніи иногда хорошѣютъ. Неправда все это... Отъ кого я это

слышалъ?.. Ахъ, да!.. отъ Калеріи. Она говорила, что у ней дѣлаются какіе-то особенно красивые глаза и голосъ... Глаза у Зины, пожалуй, стали глубже, интереснѣе, но вообще-то вся она подурнѣла... Точно увядшій цвѣтокъ. Что-то жалкое порой проглядываетъ въ ея фигурѣ. Вспомнилось:

Не расцвѣлъ и отцвѣлъ въ утрѣ пасмурныхъ дней...

Толкнется въ душу жалость. Пойду поглажу по головѣ,

— Что ты пригорюнилась?

— Такъ себѣ...

— Какъ чувствуешь себя?

— Обыкновенно...

— Взяла бы книжку, почитала!..

— Не хочется... Ничего мнѣ не хочется...

— Неужели тебѣ не надоѣло смотрѣть на улицу?

— Все равно, Геня...

— Надо больше ходить, а ты все сидишь. Это—вредно.

— Что же, пойдемъ, пройдемся, пожалуй. Сегодня такъ тепло и хорошо на улицахъ.

Одѣваемся. Шубка точно съ чужого плеча: узка, коротка и еще больше подчеркиваетъ перемѣну. Нижнія пуговицы не застегиваются. Некрасиво. Идемъ тихо по тротуарамъ, и мнѣ какъ-то досадно, что не застегиваются нижнія пуговицы. Мнѣ кажется, что встрѣчные жители смотрятъ на Зину иронически. Это меня раздражаетъ. Хотѣлось бы идти быстро, но нельзя; приходится идти искусственнымъ мелкимъ шажкомъ, приноравливаясь къ шагу Зины. Это тоже раздражаетъ. Какъ-то тяжело виснетъ Зина на рукѣ, а раньше она опиралась твердо, но не тяжело. Встрѣтилась Александра Романовна: стройная, бодрая, съ веселымъ румянымъ лицомъ, походка ровная, легкая, такая изящная. Идетъ и притопываетъ каблучками, и кажется, что вотъ-вотъ побѣжитъ и, если захочешь догнать, ни за что ни догонишь.

— Сашенька!.. Куда вы?..

Останавливаемся, перебрасываемся словами, не хочется разставаться.

— Куда вы?..

— На почту.

— Пойдемъ, Геня, и мы!.. Провожать ее. Намъ все равно гулять.

— Хорошо.

Идемъ вмѣстѣ, но недолго.

— Ну, господа, съ вами опоздаешь,—говоритъ Сашенька,

наскоро жметъ руки и отдѣляется. Вонъ уже она гдѣ!.. Только мелькаютъ каблуки, постукивая бодро и весело по доскамъ...

— Буксирный пароходъ!..

— Что ты говоришь?..

— Сашенька—пароходъ легкій, а я—буксирный...

— А я какой?..

— Ты выходишь баржой, которую тянетъ буксирный пароходъ...

Обидѣлась. Лицо сдѣлалось сердитое и еще болѣе некрасивое. Идемъ и молчимъ, но чувствуемъ оба, что насъ раздѣляетъ раздраженіе, тайное раздраженіе...

— Ну, будетъ, я устала... Хочу домой...

— Домой, такъ домой. Мнѣ все равно.

А мнѣ не хочется домой, я совершенно не усталъ. Мнѣ хотѣлось бы надѣть ботфорты и пойти по лужамъ, по грязи, какъ попало, куда-нибудь за городъ, и бродить тамъ до самой ночи. Хорошо бы теперь поохотиться на току... Устроить шалашъ въ лѣсу и засѣсть съ ночи съ ружьемъ караулить тетеревовъ. Я такъ давно не охотился. Кто здѣсь охотникъ? Да, да!.. вѣдь меня звалъ аптекарь съ собой на охоту. Вотъ бы съѣздить!..

— Зина, подожди нѣсколько минутъ, я забѣгу въ аптеку.

— Зачѣмъ?..

— Надо... Ну, за... зубнымъ порошкомъ.

— Есть у насъ!

Не слушаю. Вбѣгаю на крылечко и исчезаю въ дверяхъ аптеки.

— Мое почтеніе!..

— Ну какъ насчетъ охоты?..

— Я ѣду въ субботу. У меня все приготовлено: шалаши, чучела... Хотите?

— Какъ же, какъ же!.. Но вѣдь у меня нѣтъ здѣсь ружья...

— Пустяки! Я вамъ достану... У исправника возьму...

— Онъ не дастъ и потомъ... мнѣ вѣдь въ сущности воспрещается ходить съ ружьемъ.

— Пустяки... Исправникъ мнѣ кумъ... Ничего не будетъ... Ручаюсь.

Воодушевляемся, обсуждая планъ будущей поѣздки. Аптекарь увлекается, начинаетъ врать про разные удивительные случаи на охотѣ, а я слушаю и забываю о Зинѣ. Вспомнивъ, выбѣгаю на крыльцо: нѣтъ ея, ушла. Вѣроятно, обидѣлась. Да оно, конечно, нехорошо... Свинство. Почти бѣгу домой. Такъ и есть: грознѣе тучи...

— Бросилъ среди улицы и забылъ... Въ другой разъ гуляй одинъ, а не зови, если я тебѣ мѣшаю.

Начинаю объяснять, какъ это вышло.

— Мнѣ все равно... Скоро ты станешь забывать, что женатъ... Пора ужъ.

Впрочемъ, такъ все и выходитъ, какъ полагается...

Дальше начинается разсужденіе о семьѣ, о дѣтяхъ, о томъ, что вся тягота семейной жизни ложится на женщину, а мужчина...

— Все это я двадцать разъ слышалъ отъ Марьи Петровны...

— Вотъ видите: вамъ даже и слушать тяжело, не то что испытать...

— Чего ты отъ меня хочешь, наконецъ? Вѣдь я при всемъ своемъ желаніи, не могу самъ сдѣлаться женщиной, а тебя превратить въ мужчину...

Тяжело... Она дѣлается какой-то сварливой... Пусть ужъ лучше сидитъ и смотритъ въ окно...

И снова мы молчимъ. Я сижу за столомъ и пишу или читаю, а Зина, печальная и жалкая, сидитъ подъ окошечкомъ и, кажется, вотъ-вотъ заплачетъ... И опять мнѣ становится жаль ее и снова приходитъ на память:

Не расцвѣлъ и отцвѣлъ въ утрѣ пасмурныхъ дней...

Пришла суббота: сегодня въ лѣсъ, на охоту съ аптекаремъ.

Я еще ничего не говорилъ про охоту съ Зиной. Приготовляю большіе сапоги, смазываю ихъ жидкостью, которая сыграла, при обыскѣ у молодого Куренкова, роль динамита. Смѣшно. Посвистываю и улыбаюсь.

— Ты куда-то собираешься?

— Да. Сегодня подъ вечеръ мы ѣдемъ съ аптекаремъ на охоту...

— А когда вернешься?

— Завтра вечеромъ.

Зина вздохнула и отвернулась къ окну.

— Что ты все вздыхаешь?.. Словно нашъ наблюдающій!

— Если ты меня любишь, то... не поѣдешь на охоту.

Продолжительное молчаніе. Я продолжаю намазывать сапоги, стараюсь казаться равнодушно-спокойнымъ, но въ душѣ копится и просится на языкъ злость, раздраженіе. Пока я изливаю ихъ въ мысленныхъ разговорахъ съ самимъ собою. «Если любишь, то не поѣдешь»!.. Какое непреложное доказательство любви! Можно не поѣхать и все-таки не любить—это разъ, а затѣмъ, мужъ—не комнатная собачка на тесемочкѣ... Я—человѣкъ свободолюбивый; любить еще не значитъ вѣчно торчать около вашей юбки! Куриная любовь...»

— Я поѣду съ тобой...

— Ты? на охоту?

— Что же тутъ смѣшного? Ты самъ когда-то мечталъ ходить со мною на охоту!

— Да. Но ты... Какъ ты не поймешь, что въ такомъ положеніи глупо думать объ охотѣ?

Зина снова отвернулась къ окну. Въ ея рукѣ мелькнулъ бѣлый платочекъ.

— Ну, опять слезы!.. Чортъ съ ней, съ охотой!

Я сердито швырнулъ сапоги въ уголъ и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Поѣзжай!.. Мнѣ все равно... Я вижу, что ты меня не любишь...

— Есть въ Африкѣ какое-то племя дикарей—такъ у нихъ, когда жена родитъ, то мужъ тоже лежитъ на подстилкѣ и стонетъ...

Молчаніе, а потомъ:

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Не поняла?

— Нѣтъ.

— Вотъ что я скажу тебѣ, Зина, прямо и искренно: если женщина хочетъ, чтобы ее любили, она не должна оскорблять любовь подобными альтернативами, ультиматумами и т. п.

— Не понимаю. Я оскорбляю любовь?

— Да, оскорбляешь! Любовь—самое свободолюбивое изъ всѣхъ нашихъ чувствъ: она ломаетъ всѣ преграды, всѣ условности нашей жизни, ибо не терпитъ никакихъ стѣсненій. Всѣ жертвы въ любви добровольны—и только тогда онѣ цѣнны. Въ противномъ случаѣ всякая жертва есть оскорбленіе любви и... ея разрушеніе!..

— Сдѣлай одолженіе—поѣзжай, куда хочешь, на сколько времени хочешь, съ кѣмъ хочешь... Я не желаю стѣснять твоей свободы. Если тебѣ пріятнѣе провести день съ аптекаремъ, сдѣлай одолженіе!

— Туго понимаете.

— Ты хочешь сказать, что я—глупа?

Я промолчалъ. Зина вскочила и убѣжала въ свою комнату, заперлась и притихла.

— Опять та же исторія!

Плюнуть на эти капризы и ѣхать?—это значитъ осложнить конфликтъ, а себѣ отравить все удовольствіе. Какая ужъ это охота: все время злиться и безпокоиться и думать, какъ бы Зи-

наида Дмитріевна не изволили выкинуть какой-нибудь глупости, убѣдившись, что ихъ не любятъ!.. Наплевать на охоту! Какая ужъ тамъ охота! Сиди на веревочкѣ законнаго брака!

Я ходилъ и потихоньку насвистывалъ мотивъ изъ «Карменъ»: «Любовь свободна». Кто-то подъѣхалъ къ нашему домику. А, это—аптекарь, съ ружьями, съ собакой, обвѣшанный какими-то свисточками, фляжками, ремешками, кинжалами. Тартаренъ изъ Тараскона! Какъ онъ вретъ! какъ художественно вретъ!

— Ну-съ, готовы?

— Здравствуйте! Извиняюсь: я не поѣду.

— Вотъ тебѣ разъ! Почему?

— Жена... не совсѣмъ здорова.

— Ничего, Богъ милостивъ! У меня—тоже прихворнула, да, Богъ дастъ, до завтраго не помрутъ...

— Нѣтъ, я безпокоюсь... Не поѣду. Извините ужъ...

— Зачѣмъ врешь?—раздался голосъ Зины изъ сосѣдней комнаты.—Я совершенно здорова!

— Вы его отпускаете?

— На всѣ четыре стороны! Онъ мнѣ совершенно... лишній.

— Эге! А онъ ссылается на васъ! Ну, стало быть, ѣдемъ... Живо! Одѣвайтесь! Ружье досталъ...

— Нѣтъ, не поѣду.

— Сдѣлай одолженіе! Никакихъ жертвъ мнѣ не надо!

Долго аптекарь уговаривалъ меня ѣхать, каламбурилъ, разсказывалъ анекдоты про женъ и мужей-охотниковъ, заимствованные изъ «Будильника» и «Стрекозы», но я остался непреклоннымъ.

— Я васъ понимаю и одобряю: отъ такой молоденькой и хорошенькой жены грѣшно уѣзжать!—сказалъ очень громко аптекарь на прощанье и уѣхалъ.

Опустились надъ городкомъ грустные весенніе сумерки, а мы все еще сидѣли въ разныхъ комнатахъ и не разговаривали. Злость у меня пропала, но оставалось на душѣ что-то тяжелое, нудное, тоскливое. Быть можетъ, то шевелилося пока еще безформенное, неосознанное чувство разочарованія въ женщинѣ, съ которой я связалъ себя на всю жизнь. Розоватый отблескъ вечерней зори смутно напоминалъ о чемъ-то далекомъ и прекрасномъ, что прошло и не повторится... На лѣсопилкѣ, за городомъ, загудѣлъ свистокъ,—и вдругъ вся душа моя вздрогнула и насторожилась: въ воспоминаніи, яркомъ и рѣзкомъ, встала зеркальная гладь родной Волги, свистокъ отходящаго парохода,

суета и шумъ набережной съ пристанями, верхній трапъ «Гоголя», раскрытое окошечко каюты и смущенное, стыдливое личико дѣвушки... И такой сладкой грустью и печальной радостью пахнуло мнѣ вдругъ въ душу отъ этого далекаго воспоминанія, что слезы навернулись на глазахъ и трудно было подавлять желаніе упасть на подоконникъ и громко и горько разрыдаться...

— Геня! Геня! Что съ тобой, милый!

— Уйди! Оставь меня!

— Перестань же, ради Бога! Мужчина, а плачешь!

— Уйди! Оставь!

— Если бы я знала, что охота для тебя...

— Дай мнѣ побыть одному!

— Я тебѣ мѣшаю? Я мѣшаю?

— Да. Мѣшаешь.

— Значитъ, ты меня не любишь?

— Не... значитъ. Не знаю.

— Скажи прямо, и я не буду мѣшать... отравлюсь! Я мѣшаю?

— Сейчасъ, въ данную минуту мѣшаешь... Иногда можетъ мѣшать даже близкій человѣкъ. Какъ ты не поймешь, что нельзя жить только одной любовью и вѣчно твердить, какъ попугай, люблю, люблю, люблю! Я—не попугай.

— Ну, прости! Не сердись! Не буду... Я знаю, что ты меня любишь, а только такъ... капризничаю...

— Знаешь—и прекрасно!

— Побудь одинъ!.. Только выпей сперва воды и успокойся! На, пей! Я уйду и не буду мѣшать. Не буду, милый!

Я пью воду, а она цѣлуетъ меня въ щеку, и это меня опять раздражаетъ. Я дѣлаю нетерпѣливое движеніе плечомъ, морщусь. Наконецъ-то поняла.

— Ухожу!

Она ушла къ себѣ въ комнату и притворила дверь. Тамъ она потихоньку всхлипывала, некрасиво такъ всхлипывала, а я прислушивался къ ея вздохамъ и всхлипываніямъ, представлялъ себѣ ея лицо съ красными вѣками глазъ, съ расквашенными губами, и мысленно спрашивалъ себя:

«Неужели все кончилось? Не знаю... самъ не знаю... Должно быть, кончилось...»

И съ пугливымъ любопытствомъ и удивленіемъ я время отъ времени взглядывалъ на притворенную дверь и чувствовалъ, что мнѣ даже не жаль Зины... А что, если бы она въ самомъ

дѣлѣ отравилась? Не жалко. Какой я, однако, черствый человѣкъ!..

Прошелъ часъ въ тишинѣ и молчаніи. За дверью—ни одного шороха! Словно умерла уже.

— Зина!

Молчаніе. Заглянулъ въ комнату: спитъ... Какъ некрасиво она спитъ! Раскинуты, какъ у мертвой, ноги и руки, раскрытъ ротъ, дышетъ рѣдко и тяжело... Неужели это—она, моя тонкая, граціозная Козочка?.. Нѣтъ, та была совсѣмъ другая...

Тихо, крадучись, отошелъ я, плотнѣе притворилъ дверь и сѣлъ къ окну. Пусто и тоскливо на душѣ. Словно потерялъ что-то безвозвратно. Неужели я ее не люблю больше? Какъ же это все случилось? И какъ же теперь быть?

Уныло смотрѣлъ я на улицу и со страхомъ прислушивался къ тому, что творилось въ моей душѣ... Тупое раскаяніе и ощущеніе безвыходности...

Кончилось!..

Увидалъ Касьянова: размахивая рукавами накинутаго на плечи пальто, онъ торопливо переходитъ улицу... Счастливый человѣкъ! Вольная птица! А вотъ я... Что будетъ со мною и съ той бѣдной женщиной, которая называется моей женой? Она такъ увѣрена въ моей любви... Пришла ложь!.. Если-бы мы были смѣлыми, мы не запутывались бы въ ней, какъ мухи въ паучьихъ тенетахъ!

Звонокъ. Должно быть—Касьяновъ... Эхъ, не во-время! Никого не хочется мнѣ теперь видѣть, ничего не хочется слышать, ни съ кѣмъ не хочется говорить...

Шумно растворилась дверь въ зальце и появился въ пальто, шапкѣ и калошахъ Касьяновъ.

— Ты бы, братецъ, калоши-то...

— Гришенька, братцы, того... кончилъ... застрѣлился!

— Что случилось?—закричала Зина изъ своей комнаты.

— Гришенька застрѣлился!—еще громче крикнулъ Касьяновъ и, передохнувъ, добавилъ: — Вамъ, Зина, онъ оставилъ письмо!

Дикій крикъ вырвался изъ другой комнаты, и что-то упало и разбилось въ дребезги...

— Зина! Зина!..

XXVII.

Ко всему привыкаетъ, со всѣмъ примиряется человѣкъ; только одна смерть не можетъ его пріучить и примирить съ собою... Съ сотворенія міра, ежедневно, ежечасно, ежеминутно умираютъ люди—и все-таки, когда смерть выхватываетъ близкаго или любимаго, мы не можемъ свыкнуться съ мыслью, что такъ было и такъ будетъ отнынѣ и до вѣка...

Мы снова всѣ были въ сборѣ и тѣсной кучкой жались другъ къ другу, стоя около гроба, въ которомъ лежалъ Гришенька. Какой маленькій гробъ! Словно умеръ подростокъ-мальчикъ. И лицо у Гришеньки такое бѣленькое, худенькое и маленькое; вострый носикъ какъ-то странно выглядываетъ изъ-подъ широкой ленты бумажнаго вѣнчика... Гришеньку принарядили: онъ лежитъ въ черномъ не по росту сюртукѣ, въ рубашкѣ съ накрахмаленнымъ воротникомъ, въ черномъ галстухѣ... Никогда я не видалъ Гришеньку въ сюртукѣ съ манишкой и галстухомъ, и потому я съ трудомъ улавливаю знакомыя черты въ лицѣ и въ фигурѣ покойника...

Обѣдня кончилась, сейчасъ начнется отпѣваніе... Странное чувство: давно утратилъ вѣру въ Бога, забылъ, когда былъ въ церкви, отвергаю загробную жизнь и всѣ формальности религіи, а когда священникъ въ черной ризѣ съ серебряными крестами, сойдя съ амвона, направился къ гробу, я незамѣтно перекрестился. Оглянувшись по сторонамъ, я замѣтилъ, что то же самое сдѣлали Параша, Марья Петровна и Куренковъ. Послѣдній сдѣлалъ это такъ, что не знай — онъ перекрестился, а не знай— застегнулъ на груди пуговицу... Лица у всѣхъ насъ какія-то другія, необыкновенныя: испуганно-удивленныя, растерянныя. Кругомъ же только любопытныя. Скользнувъ по чужимъ лицамъ взорами, я замѣтилъ, что всѣ эти люди были въ церкви и тогда, когда меня вѣнчали съ Зиной... И такъ же вытягивали шеи и вставали наципочки, чтобы увидать жениха съ невѣстой, какъ это дѣлаютъ они теперь, чтобы получше разглядѣть покойника... Хлѣба и зрѣлищъ! Не такъ ли?

— Молодой какой!

— Не видать крови-то?

— Прямо въ сердце! Откуда крови быть? Маленькая дырочка и больше ничего...

— А лицо спокойное... Словно заснулъ.

Шептались позади и сбоку, проталкивались впередъ и удивлялись:

— И никто не плачетъ! Некому пожалѣть-то!

«Маленькая дырочка и больше ничего»... Хорошо сказано! Для нихъ только маленькая дырочка, и этой дырочкой они больше всего интересуются. Къ огорченію зрителей, не видать этой дырочки... Какъ противны бываютъ иногда люди!

Изъ всѣхъ церковныхъ службъ я больше всего люблю похоронную. Погребальныя пѣсни полны глубокой философской лирики и волнуютъ меня до невѣдомыхъ глубинъ души, куда сокрылись всѣ мистическія тайны жизни и смерти человѣческой, откуда ихъ не могутъ изгнать ни свѣтъ разума, ни свѣтъ науки...

— Нощь смертная мя постиже неготова, мрачна же и безлунна...

— Се, вси дни мои исчезоша воистину въ суетѣ...

— Ибо друзи мои и знаеміи оставиша мя нынѣ...

Прислушиваешься къ словамъ и печальнымъ напѣвамъ, и на душу опускается смиренный, кроткій покой, и начинаетъ казаться, что самъ ты лежишь въ гробу, а надъ тобою поютъ... Трагедія человѣческой жизни встаетъ въ своемъ мрачномъ величіи, и предъ нею потухаютъ всѣ страсти, всѣ желанія, всѣ радости и печали. Остается только одна, огромная печаль о неизбѣжной судьбѣ человѣческой, и клонится голова предъ чѣмъ-то невѣдомымъ и всесильнымъ... Ахъ, какъ грустны молитвы и напѣвы! Терзаютъ они умъ и сердце; въ глазахъ дрожатъ слезы, огоньки погребальныхъ свѣчъ, позолота иконъ... Смотрю на стоящую немного впереди Зину, и мнѣ дѣлается ее жалко-жалко. Она испуганными глазами смотритъ на икону Божіей Матери, и крупныя капли слезъ прыгаютъ съ ея рѣсницъ на щеки... Моя бѣдненькая дѣвочка! Только тебѣ, одной тебѣ лежащій въ гробѣ сказалъ свое послѣднее «прости» и раскрылъ предъ тобою свою тайну! И отъ этого тебѣ тяжелѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ...

— Яко земля еси, и въ землю отыйдеши, аможе вси человѣцы пойдемъ. Надгробное рыданіе творяще пѣснь, аллилуія!

Смотрю на Зину и тоской сжимается сердце: у всѣхъ насъ общая доля, всѣ мы вотъ такъ же будемъ лежать посреди церкви съ бумажными вѣнцами на челѣ. Но чья очередь первая? Не твоя ли, моя бѣдная скорбящая тайной скорбью подруга? Страшная мысль... Быть можетъ, дни твои сочтены: до рокового событія осталось немного: два мѣсяца, только два мѣсяца!

Смотрю на Зину, и мнѣ хочется упасть передъ ней на колѣни, заплакать, цѣловать ей ноги и молить о прощеніи...

— И сотвори ему вѣ-чную па-мять!

Хоръ поетъ «вѣчную память»; тухнутъ огоньки восковыхъ свѣчъ, люди тѣснятся у гроба... И вдругъ раздирающій душу вопль и суматоха... Кого это выносятъ изъ церкви?..

— Тархановъ! Сюда!

— Зиночка! Моя бѣдная Зиночка! Пропустите же меня!

— Дайте воды! Дайте воды!

— Жена, что-ли это?

— Сестра!

— Какое вамъ дѣло?! Отойдите же

— Потрите ей уши!

На зеленомъ лужку ограды положили Зину. Какъ мертвая... А мимо проходитъ толпа, и надъ ней колыхается крышка гроба... Поютъ вѣчную память...

— Гдѣ же докторъ? Ради Бога, Касьяновъ, доктора!

— Здѣсь я!

— Слава Богу!

— Не слѣдовало ее таскать сюда! Господа, разойдитесь! Ничего интереснаго нѣтъ!

Раскрыла глаза! Раскрыла глаза! Огромные страдальческіе глаза!

— Зина! Милая моя... Очнись! Это я, Геннадій!

— Ты?

Сѣла и испуганнымъ взоромъ обвела окружающихъ.

— Домой! Я очень устала...

— Надо-бы лошадь! Чья это лошадь?

— Господина исправника.

— Не стоитъ... Неудобно, господа...

— Почему это? Не все ли равно!.. Я поѣду съ ней.

— Спасибо, Марья Петровна!

— Если спроситъ исправникъ, скажите, что я взяла лошадь, я, Марья Петровна!

Уѣхали. Надо зайти, въ послѣдній разъ постоять около Гришеньки вмѣстѣ со всѣми товарищами. Подошелъ къ могилѣ, окруженной тѣснымъ кольцомъ провожающихъ... Уже зарыли. Что-то говоритъ слабенькимъ теноркомъ священникъ. Плохо слышно.

— Уберите вѣнокъ съ красной лентой! Немедленно!

— Не трогать!

— Говорите!

Рѣзкій споръ, ссора съ исправникомъ, замѣшательство въ толпѣ.

Стихло. Кто это говоритъ? Куренковъ... Ничего не разберешь... Говоритъ съ волненіемъ о томъ, что у молодежи пропадаетъ вкусъ къ жизни...

— Почему? А потому что люди сдѣлали изъ жизни каторгу!

Мнѣ не видать оратора, но видно исправника: голова его торчитъ надъ толпой и выраженіе лица — свирѣпое... Когда я не слышу словъ Куренкова, я догадываюсь о смыслѣ ихъ по лицу исправника... Вотъ опять оно насупилось... Смотритъ коршуномъ, такъ бы и растерзалъ!

— Да, господа, были хуже времена, но не было подлѣй!

— Прошу прекратить! Расходитесь, господа!

Небольшое смятеніе, а потомъ громкій голосъ Касьянова:

— Товарищъ закончилъ словами поэта: «не рыдай такъ безумно надъ нимъ, хорошо умереть молодымъ»! Неправда, товарищи! Во-первыхъ, никто здѣсь не рыдаетъ, а во-вторыхъ, и это самое главное,—тяжело и обидно умереть молодымъ! Да здравствуетъ жизнь! Я привѣтствую смерть, когда она нужна во имя жизни! Жизнь есть борьба, непрестанная борьба за лучшее будущее, и честь и слава, вѣчная память честно павшимъ въ этой борьбѣ!.. Я въ этой смерти вижу побѣду жизни! Вижу непримиренность, вижу протестъ, вызовъ самой смерти! Вѣчная память!!...

Обнажили головы, пропѣли хоромъ вѣчную память и стали расходиться по домамъ, погруженные каждый въ свои одинокія мысли. На нѣсколько часовъ соединилъ насъ въ тѣсную семью мертвый Гришенька, а теперь мы шли, какъ чужіе, и каждый думалъ по-своему... Когда я проходилъ мимо того домика, гдѣ жилъ Гришенька, я невольно пріостановился и заглянулъ въ калитку. И мнѣ вдругъ вспомнился тотъ зимній вечеръ, когда мы, возвращаясь съ лыжной прогулки — я, Параша и Касьяновъ—зашли къ Гришенькѣ, а онъ въ это время училъ латинскій языкъ и, какъ дьячекъ, пѣлъ за перегородкой:

«Сумъ, эсъ, эстъ, сумусъ, эстисъ, сунтъ!

«Сумъ» значитъ—«я существую»...

Вотъ тебѣ и «сумъ»!... Я вздохнулъ и вошелъ во дворикъ. Такъ же, какъ тогда, гдѣ-то хрюкаетъ свинья... Свинья жива... а Гришеньки нѣтъ! Какъ это странно, удивительно и возмутительно-безсмысленно! Меня потянуло зайти въ полуподвалъ, гдѣ училъ латинскій языкъ Гришенька.

— Кто тамъ?

— Здравствуйте! Это—я. Товарищъ Гришеньки...

— А! Простите ужъ... Полы мою, прибираюсь послѣ покойничка-то...

Худая женщина опустила подоткнутую юбку и спрятала обнаженныя руки, а потомъ пожаловалась:

— Не отмывается кровь-то... Ужъ я терла-терла, косаремъ надо...

— Хлопотъ вамъ надѣлалъ...

— Да ужъ это что!.. Богъ съ нимъ, а только самъ-то жилъ бы! Жалко...

И женщина потихоньку заплакала, отирая рукавомъ слезы. Я заглянулъ за перегородку: прибрано, на столѣ—книжки, у стѣны—кровать, а на полу, около нея—темныя пятна.

— Косаремъ надо!.. Яша мой больно ужъ жалѣетъ... Второй день пьетъ и дома не ночуетъ... Все имущество Гришенька намъ оставилъ, написалъ, чтобы отдали намъ, царство ему небесное! Хорошій былъ человѣкъ... Всѣхъ жалѣлъ...

Я постоялъ нѣсколько минутъ съ опущенной головой, вздохнулъ и пошелъ вонъ:

— Ну, прощайте!

— Прощайте!

Я вышелъ за ворота и еще разъ оглядѣлъ знакомый домикъ. Теперь этотъ домикъ выглядѣлъ какъ-то особенно, не такъ, какъ раньше: казалось, что онъ прячетъ какую-то значительную тайну человѣческой жизни. Тихо побрелъ, оглянулся на загадочный домикъ и вдругъ почувствовалъ молчаливый упрекъ своей совѣсти: есть на душѣ какой-то тяжкій грѣхъ, сдѣлалъ какую-то непоправимую ошибку! Медленно, съ понурой головою, шагалъ я по тротуару и прислушивался къ возрастающему безпокойству на душѣ и на совѣсти... Когда я послѣдній разъ видѣлъ Гришеньку живымъ? Давно... Неужели я не видѣлъ его съ того страшнаго дня, когда Гришенька приходилъ въ номера и... Да, больше мы съ нимъ не видѣлись... Встала въ памяти безобразная сцена дикаго насилія и тяжкаго оскорбленія, нанесеннаго товарищу въ чаду пьяной безшабашности. И шевельнулась въ сознаніи мысль: а что, если это оскорбленіе, ничѣмъ не смытое и непрощенное, было послѣднимъ толчкомъ, послѣдней гирей на вѣсахъ жизни и смерти покинувшаго землю Гришеньки? Эта мысль была такъ неожиданна и страшна, что я пріостановился и зачѣмъ-то пошелъ обратно къ домику.

— Прости, братъ, меня! Я такъ виноватъ передъ тобою, такъ виноватъ...—шепталъ я въ мукахъ поздняго раскаянія и съ пугливой торопливостью подыскивалъ ключъ къ разгадкѣ Гришень-

кинаго самоубійства всюду, только не въ нашихъ личныхъ отношеніяхъ... Такъ сложилось, такъ сложилось... Въ сущности никто тутъ не виноватъ, сама жизнь виновата... А я... я глубоко виноватъ передъ нимъ. Я скрою, что мы разстались непримиренными, что я остался непрощеннымъ въ своей подлости, или вѣрнѣе—въ томъ подломъ поступкѣ, но... Что онъ написалъ Зинѣ въ своемъ прощальномъ письмѣ? Почему она скрываетъ это отъ меня? Конечно, тамъ—главная причина, въ нераздѣленной любви... Вѣдь и раньше онъ говорилъ о самоубійствѣ, въ томъ письмѣ, которое Зина давала мнѣ читать, когда мы съ ней еще не были близки...

Поднялъ глаза на домикъ: смотритъ по-прежнему съ молчаливымъ упрекомъ прямо въ душу, знаетъ какую-то тайну.

Зачѣмъ-то торопливо перекрестился и, ускоривъ шагъ, направился къ своему дому. Что тамъ съ Зиной? Ползетъ въ душу какой-то невѣдомый страхъ, смутное безпокойство, пугающія предчувствія...

— Ну, какъ жена здорова?

— Тише! Заснула... Насилу успокоила... Валерьянки дала.

— Не уходите, Марья Петровна... Я что-то боюсь...

— Не надо было таскать ее на похороны. Въ такомъ положеніи надо избѣгать всякихъ волненій, а вы...

— Конечно...

Я съ досадой махнулъ рукой и сѣлъ въ уголъ, чувствуя невыносимую усталость въ душѣ и тѣлѣ. Тихо, шепотомъ, говорили мы съ Марьей Петровной о разныхъ случайныхъ пустякахъ, подбадривая этимъ другъ друга. Я больше всего боялся, какъ бы Марья Петровна не ушла. Марья Петровна казалась мнѣ теперь значительной, необходимой, какимъ-то якоремъ спасенія...

— Будемъ пить чай? У насъ что-то холодно...

— Откровенно говоря, я ѣсть хочу.

— Накормлю. Я—сейчасъ! Не уходите!

— Куда вы?

— Въ лавку.

— Не надо.

Я наскоро одѣвался и разговаривалъ съ Марьей Петровной больше жестами, чѣмъ словами: пусть сидитъ, а я куплю коечто перекусить, что тутъ за церемоніи! Проворно сбѣгалъ въ лавку, накупилъ разной снѣди, колбасы, яицъ, завалявшихся консервовъ, какихъ-то копченыхъ рыбокъ, и когда все это положилъ на столъ, Марья Петровна сердито пожала плечами.

— Куда это?

— Ничего... Кушайте! А сейчасъ и самоварчикъ устроимъ...

Странно, что все время я чувствовалъ себя въ чемъ-то виноватымъ передъ всѣми людями, умалялся въ собственномъ сознаніи, заискивалъ передъ Марьей Петровной и робко косился на ширмы, за которыми спала моя жена. Когда мы пили чай, я выронилъ чайное блюдечко и такъ испугался, словно совершилъ большое преступленіе.

— Что случилось? — прозвучалъ испуганный голосъ за ширмами.

— Ничего, ничего... Я уронилъ блюдечко... Не бойся: у насъ — Марья Петровна.

— У насъ?!

Скоро Зина вышла изъ-за ширмъ, тихая, печальная, покорная, и, кутаясь въ сѣрый пуховый платокъ, подсѣла къ намъ.

— Ну, какъ ты себя чувствуешь?

— Ничего... Все равно...

— Тутъ есть твои любимые омары. Хочешь?

— Нѣтъ.

Мы встрѣтились глазами: равнодушный, безразличный взглядъ! Что-то случилось, глухой стѣной встало между нами... Даже Марья Петровна почувствовала неловкость, натянутость момента.

— Надо вамъ ѣхать... Скорѣе ѣхать, — вздохнувши, произнесла она и значительно взглянула на тихую Зину.

— Какъ только спадутъ рѣки, мы сейчасъ же поѣдемъ... Теперь отсюда не выѣдешь.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! — сказала Марья Петровна и снова бросила значительный взглядъ, на этотъ разъ въ мою сторону.

— Все равно, — отвѣтила кому-то Зина, устремившая взоръ въ пространство.

Ушла Марья Петровна. Мы остались одни въ напряженномъ, зловѣщемъ молчаніи. Я пробовалъ заговаривать съ женой, но она отмалчивалась или отвѣчала односложно и нехотя, потомъ ушла за ширмы и легла въ постель, отвернувшись къ стѣнѣ. Не хочетъ говорить, лелѣетъ какія-то свои тайныя думы...

— Ты, Зина, сердишься на меня?

— Нѣтъ, нѣтъ... Оставь меня... Не говори... Не хочется...

Пришла ночь, темная, вѣтряная, непривѣтливая; дождь, рѣдкій, но крупный, хлесталъ въ стекла оконъ, вѣтеръ плакалъ въ трубѣ. Я сидѣлъ облокотясь обѣими руками на подокон-

никъ, неподвижно смотрѣлъ въ темное лицо ночи и думалъ о Гришенькѣ... Первая ночь въ могилѣ! Первая страшная ночь въ могилѣ... Моя мысль пронизывала мокрую землю, врывалась до самаго гроба, раскрывала его и рѣзко и выпукло рисовала мнѣ Гришеньку въ чужомъ черномъ сюртукѣ, въ накрахмаленной рубашкѣ со стоячимъ воротничкомъ, въ топорщащемся черномъ галстухѣ, съ острымъ носикомъ, выглядывающимъ изъ-подъ широкой ленты погребальнаго вѣнчика...

— Зина! Ты спишь?

Молчаніе... Странное, пугающее молчаніе...

XXVIII.

Какъ святыню бережетъ она прощальное письмо Гришеньки, носитъ его всегда съ собою въ сумочкѣ, которую прячетъ на ночь къ себѣ подъ подушку. Иногда я случайно застаю ее въ слезахъ за перечитываніемъ этого письма. Каждый день ходитъ на кладбище и сидитъ на свѣжей могилѣ, пронизывая землю напряженнымъ взоромъ затуманенныхъ слезами глазъ.

Стоятъ яркіе солнечные дни, зеленѣетъ по заборамъ травка, немолчно кричатъ грачи на старыхъ березахъ вокругъ собора. Съ каждымъ днемъ сильнѣе чувствуется пробужденіе и призывъ къ новой жизни, а моя Зина остается тихой, равнодушной, покорной и молчаливой, любитъ одиночество и никуда, кромѣ кладбища, не ходитъ...

— Зина! Куда ты?

— Туда...

«Туда»—это значитъ на кладбище.

— Опять?! Что съ тобой? Пойдемъ въ поле, за городъ, куда-нибудь... Будетъ ужъ...

— Развѣ я кому-нибудь мѣшаю?

— Странно...

— Пусть!..

— Не понимаю...

— Не ходи со мной. Я хочу одна...

— Я могу подумать, что ты...

Печальная улыбка скользитъ по губамъ, въ глазахъ загадочная снисходительность, вздохъ и отвѣтъ въ полголоса:

— Думай, какъ хочешь...

Уходитъ. Я остаюсь одинъ и, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, напряженно думаю о томъ, что творится съ Зиной.

Это, наконецъ, тяжело, невыносимо тяжело, такъ нельзя... Въ нашей комнатѣ мнѣ душно. У меня такое ощущеніе, словно вмѣстѣ съ нами живетъ покойникъ. Это мѣшаетъ жить, мѣшаетъ думать и чувствовать... Что онъ тамъ написалъ ей? Почему эта смерть, эта могила ворвалась въ нашу жизнь, въ наши отношенія, и не хочетъ уходить? Какъ положить этому конецъ? Надо скорѣе уѣхать... Самое вѣрное и радикальное средство вернуть ее къ жизни и радости. Вонъ какъ свѣтитъ солнышко! Не хочу думать о смерти, о могилахъ, о могильныхъ цвѣтахъ и вѣночкахъ... Жизнь такъ прекрасна, такая жажда радости пробуждается отъ весенняго солнца, отъ грачинаго шума, отъ зеленой травки, отъ сверкающихъ лужицъ и воробьиныхъ дракъ, что мертвый Гришенька возбуждаетъ во мнѣ не жалость, а какую-то необъяснимую враждебность... Не хочешь жить—умирай, но не мѣшай живымъ жить и чувствовать радости жизни!..

Я натянулъ пальто, схватилъ шляпу и почти выбѣжалъ на улицу... Какъ хорошо! Точно вылѣзъ изъ склепа... Точно воскресъ изъ мертвыхъ! Улица довольно безлюдна, а жизнь бьетъ ключемъ изо всѣхъ уголковъ, изъ каждой щелки и ямки. Иду бодро, громко звучатъ мои шаги въ весеннемъ воздухѣ, врываясь въ грачиный гамъ и воробьиную суматоху... Вонъ два воробья нахохлились и дерутся на дорогѣ! Молодцы, воробьи! Всталъ и заглядѣлся на воробьевъ... А мимо стремглавъ несутся подравшіеся ребятишки... Одинъ карапузъ ударился мнѣ въ животъ и, отскочивъ въ сторону, принялъ оборонительную и угрожающую позу...

— Ты смотри! Я тебя...

И показываетъ мнѣ маленькій кулачишко...

— А ну-ка, попробуй!

Карапузъ бросилъ въ меня комкомъ липкой глины и засверкалъ голыми пятками босыхъ ногъ...

— Держи, держи его!

Съ веселымъ шумомъ, прыгая по камнямъ и пѣнясь въ ямкахъ, бѣжитъ внизъ по улицѣ ручей мутной снѣговой воды. Я слѣжу за его бѣгомъ и невольно уношусь мыслями въ географію: ручьи бѣгутъ въ овраги, изъ овраговъ—въ маленькія рѣченки, изъ нихъ—въ настоящія большія рѣки... Вспомнилъ Волгу. Милая, родная рѣка! Скоро я увижу тебя... Горячей радостью облилось сердце, словно весеннее солнышко ворвалось въ мою душу и засверкали тамъ яркими красками дорогія полузабытыя воспоминанія... Жить! жить! Огромная, захватывающая жажда жить... Откуда? Почему именно теперь?... Развѣ что-

нибудь угрожаетъ моей жизни? Развѣ кто-нибудь хочетъ встать поперекъ дороги моей жизни? Или это просто инстинктивный протестъ бытія, почуявшій свое отрицаніе въ свершившемся самоубійствѣ... Не знаю, но никогда еще я не испытывалъ такого сильнаго и громкаго призыва къ жизни... Я безцѣльно ходилъ торопливой походкою по улицамъ, жадно всматривался во все окружающее, прислушивался къ радостнымъ голосамъ пробуждающейся жизни, пилъ весенній воздухъ, влажный и вкусный, запахъ сырой земли, дегтя, дыма, гніющей листвы... Что это загромыхало, словно посыпало дровами? А, телѣга! Первая весенняя телѣга! Привѣтъ тебѣ, неуклюжая скрипучая телѣга! Твое громыханіе, твои мелькающія спицами колеса— вѣстники моего скораго отлета въ далекія родныя края!

А вонъ чинно шествуютъ подъ ручку влюбленные, Касьяновъ и Сашенька! Ахъ, соблазнитель! Наклоняется и воркуетъ на ухо... О чемъ онъ воркуетъ?.,. А вонъ и голуби тоже воркуютъ, ухаживая другъ за другомъ по узенькому карнизу дома...

— Здравствуйте! Даже не замѣчаете...

— А, Тархановъ!

— А гдѣ Зина?

— Тамъ!

— Гдѣ тамъ?

— На могилахъ...

— Одна?

— Одна... А вотъ вы все вдвоемъ... Завидно смотрѣть!

Касьяновъ переглянулся съ Сашенькой и многозначительно спросилъ ее:

— Сказать ему?

Сашенька покраснѣла и опустила глаза въ землю:

— Сказать? Ему можно: единственный другъ!

— Да я знаю, знаю!

— Ничего вы не знаете,—сердитымъ шепотомъ произнесла Сашенька и спряталась за спину Касьянова.

— Поздравить, что ли?

Касьяновъ оглядѣлся по сторонамъ и, взявъ меня подъ руку тихо сказалъ:

— Только, братъ, никому ни полслова! Послѣ Пасхи сочетаемся... Саша! Саша! Куда ты? Погоди меня!.. Вотъ чудачка!.. Извини, братъ...

Касьяновъ наскоро пожалъ мнѣ руку и побѣжалъ догонять Сашеньку. Догналъ, подхватилъ подъ руку и снова сталъ нашептывать что-то на ушко... Счастливчики! Какіе они оба

здоровые, сильные, красивые и веселые! Славная подобралась парочка... Смѣшно и весело на нихъ смотрѣть. А вотъ мы...

Я направился было къ кладбищу, чтобы утащить оттуда Зину, но не дошелъ: въ душѣ вспыхнулъ протестъ... Зачѣмъ я пойду на кладбище? Что мнѣ тамъ дѣлать? Проливать слезы? Но у меня нѣтъ ихъ, мнѣ хочется смѣяться, а не плакать. Не желаю!..

И я круто свернулъ и пошелъ по проулку. Вспомнилъ, что въ этомъ проулкѣ живетъ Параша... Славная дѣвушка! Давно уже не видалъ я ее, не зайти ли?

— Кто тамъ?

— Я, Параша, Тархановъ!

— Погодите маленько! Я очень ужъ по-домашнему...

Продолжая тихо напѣвать оборванную пѣсенку, Параша что-то тамъ дѣлала, а я стоялъ у закрытой двери и прислушивался къ ея голосу и пѣсенкѣ. Какой пріятный голосокъ у Параши! Низкія контральтовыя нотки какъ-то безпокоятъ и дразнятъ... Топаетъ каблучками такъ положительно; даже черезъ дверь чувствуется въ этой походкѣ здоровая, красивая, жизнерадостная дѣвушка...

— Можно!

Я вошелъ и немного растерялся: очень ужъ красивой показалась мнѣ Параша, красивой и какой-то новой, словно эту Парашу я еще никогда не видалъ...

— Что это... Вы какая-то другая? Прическу перемѣнили, или... вообще...

Параша звонко расхохоталась и, оправляя голову, сказала:

— Да нѣтъ же! Я была въ банѣ и теперь не слушаются волосы... Ну вотъ и бѣда!—Развернулся тяжелый узелъ золотистыхъ волосъ и, какъ жирныя змѣи, поползли по плечамъ дѣвушки косы...

— Не смотрите...

— Оставьте косы!.. Ей-Богу съ косами лучше!

— Ну ладно ужъ... Не справишься... А Зина? Почему она прячется?

Я махнулъ рукой.

— Что это значитъ? Жестъ?

— Она... все оплакиваетъ еще Гришеньку... Носитъ ему вѣночки, подаетъ за него просвирочки на поминаньѣ, скорбитъ денно и нощно... Вообще что-то странное, ненормальное...

Я говорилъ, а самъ смотрѣлъ на Парашу, на ея румяное лицо, каріе съ огонькомъ глаза, на ея косы и грудь. Все сильнѣе смущался подъ ея взглядомъ и неожиданно для себя спросилъ:

— Помните, какъ мы катались на лыжахъ?

— Когда?

Параша остановила на моемъ лицѣ немного изумленный взглядъ и тоже смутилась:

— Ахъ, да, вспомнила!.. Почему вы... Такой неожиданный переходъ!

— Хорошо тогда было!..

Параша не отвѣтила. Опустила глаза и занялась разсматриваніемъ своихъ пальчиковъ. А я смотрѣлъ на нее и до мельчайшихъ подробностей переживалъ то далекое время, тотъ яркій зимній день, когда я, свободный какъ птица, бѣгалъ на лыжахъ и ссорился шутливо съ Парашей. Что-то начиналось тогда между нами и оборвалось... Были моменты, когда насъ тянуло другъ къ другу и нѣжныя симпатіи робко прорывались наружу... Все могло выйти иначе... А женился на Зинѣ... Странно...

— Хорошо тогда было!..—повторилъ я, но Параша не отвѣтила. Лицо ея сдѣлалось серьезнымъ и чужимъ, въ комнатѣ наростала какая-то неловкость.

— Скоро вы уѣзжаете?—спросила вдругъ Параша, не поднимая глазъ.

— Да, черезъ недѣлю, полторы... Вамъ меня не жаль?

— Когда-нибудь встрѣтимся... Вы какой-то странный...

— И смѣшной?..

— Что вы такъ на меня смотрите? Не смотрите! Я разсержусь...

Не понимаю, что творится со мной... Мнѣ кажется, что я влюбленъ въ Парашу и что она тайно любитъ меня... Сижу, смотрю на Парашу и мнѣ не хочется уходить. Чрезъ раскрытую фортку доносится грачиный гомонъ, воробьиная трескотня, звонкіе голоса ребятишекъ. Солнышко играетъ на подоконникѣ, грѣетъ мнѣ затылокъ...

— Ну, надо идти...

— Пишете что-нибудь?

— Да, пишу романъ... О томъ, какъ герой любилъ одну, а женился на другой...

— Почему?

— По ошибкѣ... Бываютъ, Параша, такіе случаи...

Параша смутилась еще болѣе, а мнѣ такъ нравилось это смущеніе, румянцы на щекахъ, опущенные взоры, рука, смущенно сплетающая и расплетающая косу! Что-то напоминало это мнѣ изъ дней далекихъ, далекихъ...

— Въ юности я любилъ одну дѣвушку, у которой были золотистыя косы...

Эхъ, кабы Волга-матушка да вспять побѣжала,
Кабы можно было жить, братцы, сначала!..

— Странно,—вымолвила Параша и вздохнула.

— Что странно?

— Да такъ, вообще... Ваше желаніе жить сначала и...

— Весной, Параша, всегда хочется жить сначала... Прощайте!

— Поцѣлуйте бѣдную Козочку,—сказала какъ-то подчеркнуто Параша и протянула мнѣ руку.

— Бѣдную?.. Да, пожалуй... Мнѣ ее тоже жалко.

Я хотѣлъ поцѣловать протянутую руку, но Параша испуганно выдернула ее.

— Не надо! Что съ вами!..

— Ну, ладно, Богъ съ вами!

Я шелъ подъ солнцемъ, слушалъ радостные голоса весны и думалъ: почему я женился на Зинѣ, а не на Парашѣ? И какъ это случилось, что я женился? Думалъ я объ этомъ какъ-то машинально, безсознательно, и самъ удивился, когда поймалъ себя на этихъ думахъ. Словно въ глубинѣ души кто-то сидѣлъ и думалъ за меня, а я нечаянно подслушалъ... Подслушалъ и удивился...

— Бѣдная Козочка!—прошепталъ я и, поднявъ съ земли взоръ, увидалъ впереди Зину. Она шла съ кладбища тихо, задумчиво, какая-то потерянная и пришибленная, несчастная... Острой жалостью кольнуло въ мое сердце, душа на мгновеніе рванулась къ ней въ порывѣ найти что-то потерянное, дорогое, разбитое. Я догналъ Зину.

— Зина!

Испугалась.

— Ахъ, ты!..

Легкая, едва замѣтная улыбка шевельнула ея губы, и ласковая доброта сверкнула въ глазахъ...

— Я по тебѣ очень соскучилась... Дай мнѣ руку, я очень устала... Точно мы съ тобой не видались давно-давно... Ты—хорошій!.. Ты не сердись на меня! Намъ надо скорѣе отсюда уѣхать... Скорѣе уѣхать!.. Все пройдетъ, все...

Зина освободила руку и, выхвативъ изъ кармана платокъ, стала отирать слезы.

— О чемъ плакать? Что ты все плачешь?.. Это, наконецъ, невыносимо...

— Больше не буду! Больше не буду! Даю тебѣ слово...

Пропала жалость, осталось одно раздраженіе:

— Не люблю несчастныхъ... слезоточивыхъ... Они напоминаютъ нищихъ...

— Не любишь ты меня... Ну, потерпи!.. Не долго ужъ... Скоро я умру... Я знаю, что умру...

Мы замолчали и тихо шли, я — позади. Пришли домой. Долго не разговаривали, избѣгая встрѣчъ глазами. Я сидѣлъ подъ окномъ и смотрѣлъ на улицу, гдѣ было такъ солнечно и гдѣ изъ каждаго уголка пробивалась воскресающая жизнь... Вотъ зазвенѣли колокольчики, все ближе, ближе... Мимо веселой рысью бѣжала тройка почтовыхъ лошадей, запряженная въ крытый тарантасъ; за тройкой гнались собаки и ребятишки. И вдругъ сердце мое вздрогнуло и облилось горячей радостью: словно это я ѣхалъ, наконецъ, на родину... Все ярче, тревожнѣе разгоралась эта радость, огромная, свѣтлая радость надеждъ и ожиданій, словно все у меня было впереди, только впереди!..

Неслышно подошла Зина, тихо склонилась и обвила мою шею руками:

— Милый мой... Намъ надо скорѣе уѣхать! Все пройдетъ и будетъ по-старому...

— Да, да...

Что-то еще шептала Зина, а я слушалъ, какъ звенятъ вдали милые колокольчики, и отдавался пробуждающимся въ душѣ воспоминаніямъ и смутнымъ, радостно-безпокоящимъ предчувствіямъ новаго, невѣдомаго, что прячется гдѣ-то впереди на путяхъ моей жизни. Руки жены казались мнѣ тяжелыми, давили горло и мѣшали думать о чемъ-то далекомъ и прекрасно-радостномъ. Я снялъ тяжелыя руки съ плечъ и сказалъ:

— Пусти! Мнѣ трудно дышать...

А колокольчики все еще звенѣли... Я прислушивался къ этимъ замирающимъ вдали колокольчикамъ, и мнѣ смутно вспоминалась милая родина, ненаглядная Волга, будоражущій ея гладь пароходъ, зеленыя горы, какой-то городъ на горахъ съ бѣлыми колокольнями и синими куполами, сады съ цвѣтущей сиренью и таинственными сумерками аллей, чьи-то застѣнчивые взоры, робкіе взгляды, звѣзды, огоньки, музыка въ раскрытыхъ окнахъ, сладкое томленіе ожиданій...

— Надо уѣхать... — съ тоской шепталъ позади меня чей-то голосъ.

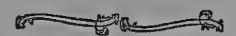
— Да, да! Надо уѣхать... Мы скоро уѣдемъ туда...

— И будемъ любить другъ друга какъ прежде... Да?

— Что ты говоришь?

Молчаніе, а потомъ взрывъ отчаянія, слезы, рыданія... Почему мнѣ не жаль ея? даже не жаль? Почему мнѣ не хочется подойти къ ней и сказать хотя бы одно ласковое слово утѣшенія? Не могу... Вся природа моя противится жалости и лжи. Я молчу, потому что не могу солгать... Развѣ я виноватъ?

Евгеній Чириковъ.

НА БОЛЬШОЙ ДОРОГѢ.

Какъ дымъ пожара, туча шла.
Молчала старая дорога.
Такая тишина была,
Что въ ней былъ слышенъ голосъ Бога,
Великій, жуткій для земли
И внятный не земному слуху,
А только внемлющему духу.
Жгло солнце. Блеклыя, въ пыли
Сѣрѣли травы. Степь роняла
Беззвучно зерна—рожь текла
Какъ бы крупинками стекла
Въ суглинокъ жаркій. Тонко, вяло,
Сѣдыя крылья распустивъ,
Птенцы грачей во ржи кричали,
Но въ воздухѣ песчаныхъ нивъ
Терялся крикъ.—И выростали
На югѣ тучи. И листва
Ветлы, склоненной къ ихъ подножью,
Вся серебристой млѣла дрожью
Въ грядущемъ страхѣ Божества.

Ив. Бунинъ.

ИЗЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ ПРОХОДЯЩАГО.

На рѣкѣ, противъ города, семеро плотниковъ спѣшно чинили ледорѣзъ, ободранный за зиму слободскими мѣщанами на топливо.

Весна запоздала въ томъ году, юный молодецъ Мартъ смотрѣлъ Октябремъ; лишь около полуденъ—да и то не каждый день—въ небѣ, затканномъ тучами, являлось бѣлое, по зимнему, солнце и ныряло въ голубыхъ проталинахъ между тучъ, поглядывая на землю непривѣтливо и косо.

Уже была пятница Страстной недѣли, а капель къ ночи намерзала синими сосулями въ полъ-аршина длиною; ледъ на рѣкѣ, оголенный отъ снѣга, тоже былъ синеватый, какъ зимнія облака.

Работали плотники—а въ городѣ печально и призывно пѣла мѣдь колоколовъ. Головы поднимались вверхъ, голубые глаза задумчиво тонули въ сѣроватой мглѣ, обнявшей городъ, и часто топоръ, занесенный для удара, нерѣшительно, на секунду останавливался въ воздухѣ, точно боясь разрубить ласковый звонъ.

Тамъ и тутъ на широкой полосѣ рѣки криво торчали темныя сосновыя вѣтви, обозначая дороги, полыньи и трещины во льду; онѣ поднимались вверхъ, точно руки утопающаго, изломанныя судорогами.

Томительной скукой вѣетъ отъ рѣки: пустынная, прикрытая ноздреватой коростой, она лежитъ безотрадно прямою дорогой во мглистую область, откуда уныло и лѣниво дышитъ сырой, холодный вѣтеръ.

Староста Осипъ, чистенькій и складный мужичекъ, съ правильной серебряной бородкой, аккуратно завитой въ мелкія

кольца на розовыхъ щекахъ и гибкой шеѣ, — всегда и всюду замѣтный, староста Осипъ покрикиваетъ:

— Шевелись поживѣй, курицыны дѣти!

И обращается ко мнѣ, насмѣшливо внушая:

— Наблюдающій, ты чего въ небѣ ковыряешь тупымъ твоимъ носомъ? Ты для какого дѣла приставленъ, спросить тебя? Ты—отъ подрядчика, отъ Василь Сергѣича? Стало быть—подобатъ тебѣ наяривать насъ: работай живо, такой-сякой народъ! Вотъ, для какого подвигу ты налаженъ, а ты на свое дѣло моргаешь, дитё мое, горькій сухостой! Моргать тебѣ не положено, ты гляди въ оба, да покрикивай, коли тебя вродѣ десятника до насъ приспособили... Ты — командуй, кукушкино яичко!

Онъ снова кричитъ на ребятъ:

— Не зѣвай! Лѣшіе! надобно сегодня конецъ дѣлу положить, али нѣтъ?

Самъ онъ—первѣйшій лѣнтяй артели. Превосходно знаетъ свое дѣло, умѣетъ работать ловко, споро, со вкусомъ и увлеченіемъ, но не любитъ утруждать себя и постоянно разсказываетъ волшебныя исторіи. Какъ разъ въ разгаръ работы, когда люди вопьются въ нее и работаютъ молча, сосредоточенно, вдругъ плѣненные желаніемъ сдѣлать все ладно и гладко,—Осипъ заводитъ журчащимъ голоскомъ:

— А вотъ, братцы мои, былъ случай...

Двѣ-три минуты люди какъ будто не слушаютъ его, самозабвенно тешутъ, строгаютъ, рубятъ, а мягонькій тенорокъ мечтательно течетъ и вьется, опутывая, связывая вниманіе людей. Голубые ясные глаза Осипа сладко прищурены, онъ покручиваетъ пальцами курчавую бородку и, чмокая отъ удовольствія, нижетъ слово за словомъ...

— Поймалъ онъ этого линя, положилъ въ пещеръ, идетъ лѣсомъ—думаетъ: а будетъ же уха у меня.. Только вдругъ—не знай откуда—кричитъ голосъ женской, тонкой: Елеся-а, Елеся-а...

Длинный костлявый мордвинъ Ленька, по прозвищу Народецъ, съ маленькими изумленными глазками, опустилъ топоръ и стоитъ, открывъ ротъ.

— А изъ пещера отвѣчаютъ басищемъ, густо: Здѣся-я!.. И въ тую самую минуту крышка съ пещера—хлобысь, линь оттедова—прыгъ и пошелъ, пошелъ назадъ, въ омутъ свой...

Старикъ солдатъ Санявинъ, угрюмый пьяница, страдающій одышкой и давно чѣмъ-то обиженный на всю жизнь, хрипитъ:

— Какъ это онъ, линь, пошелъ по суху, ежели онъ—рыба?

— А говорить рыбѣ назначено?—ласковенько спрашиваетъ Осипъ.

Мокѣй Будыринъ, мужикъ сѣрый, съ собачьимъ лицомъ—скулы и челюсти выдвинуты впередъ, а лобъ запрокинутъ—человѣкъ молчаливый и непримѣтный, не торопясь выпускаетъ черезъ носъ три любимыя свои слова:

— Это совсѣмъ вѣрно...

Каждый разъ, когда разсказываютъ что-нибудь чудесное, страшное, грязное или злое,—онъ негромко, но непоколебимо-увѣренно отзывается

— Это совсѣмъ вѣрно...

И словно трижды бьетъ меня въ грудь жесткимъ тяжелымъ кулакомъ.

Работа встала, потому что Яковъ Боевъ, косноязычный и кособокій, тоже хочетъ разсказать что-то рыбье и уже началъ, но ему никто не вѣритъ, смѣются надъ его измятою рѣчью; онъ божится, ругается, сердито суетъ долотомъ въ воздухъ и, захлебываясь злой слюною, кричитъ, на смѣхъ всѣмъ:

— Одинъ—чего не ври—принимаютъ, а какъ я вамъ правду—ржете, галманы, пострѣли васъ въ душу...

Всѣ бросили работу и шумятъ, размахивая пустыми руками; тогда Осипъ снимаетъ шапку, обнажая благообразную серебряную голову, съ плѣшью на темени, и строго кричитъ:

— Будя, ой! Позвонили, отдохнули—и ладно!

— Самъ завелъ,—хрипитъ солдатъ, поплевывая на ладони.

Осипъ пристаетъ ко мнѣ:

— Наблюдающій-й...

Мнѣ кажется, что онъ сбиваетъ людей съ работы со своими росказнями, имѣя какія-то цѣли, но я не понимаю—хочетъ ли онъ болтовней прикрыть свою лѣнь или же хочетъ дать людямъ отдыхъ? Передъ подрядчикомъ Осипъ держится льстиво, низкопоклонно,—«ломаетъ дурака» передъ нимъ и каждую субботу умѣетъ выклянчить у него «на чаишко» для артели.

Вообще онъ человѣкъ «артельный», но старики его не любятъ, считаютъ шутомъ, бездѣльникомъ и относятся къ нему неуважительно, да и молодежь, любя слушать его болтовню, смотритъ на него не серьезно, съ недовѣріемъ, плохо скрытымъ и часто злымъ.

Мордвинъ, парень грамотный, съ которымъ я говорю иногда «по душамъ», однажды, на мой вопросъ—что за человѣкъ Осипъ, сказалъ, усмѣхаясь:

— Не знай... песъ его знаетъ... такъ себѣ—ничего...

И подумавъ добавилъ:

— Михайло, который померъ, рѣзкій былъ мужикъ, умный, такъ онъ разъ лаялся съ имъ, съ Осипомъ-то, да и говоритъ: «али—говоритъ—ты человѣкъ? Работникъ въ тебѣ подохъ, а хозяинъ—не родился, такъ —говоритъ—ты и будешь всю жизнь болтаться на углу, какъ забытый отвѣсъ на ниткѣ»... Вотъ это, поди-ка, вѣрно про него...

И еще подумавъ, мордвинъ безпокойно договорилъ:

— А такъ онъ ничего, добрый человѣкъ... ничего!

У меня глупѣйшая позиція среди людей: пятнадцатилѣтній парень, я приставленъ подрядчикомъ—дальнимъ родственникомъ моимъ—записывать расходъ матеріала, слѣдить, чтобы плотники не воровали гвоздей, не таскали въ кабакъ досокъ. Гвозди они воруютъ, нимало не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, и всѣ усердно показываютъ мнѣ, что я на работѣ среди нихъ—человѣкъ лишній, непріятный. И если кому-нибудь представляется случай незамѣтно задѣть меня доскою или инымъ способомъ причинить мнѣ маленькую обиду—они это дѣлаютъ очень умѣло.

Мнѣ съ ними неловко, стыдно и скучно; я хочу сказать имъ что-то, что помирило бы ихъ со мною, очень напрягаюсь, но не нахожу нужныхъ словъ, и меня давитъ угрюмое чувство моей ненужности.

Каждый разъ, когда я записываю въ книжку количество взятаго матеріала, Осипъ, не торопясь, подходитъ и спрашиваетъ:

— Нарисовалъ? Ну-ко-сь покажь...

Смотритъ на запись прищуря глаза, говоритъ неопредѣленно:

— Мелко пишешь...

Онъ умѣетъ читать только по печатному, пишетъ тоже печатными буквами церковнаго устава; гражданская пропись непонятна ему.

— Это—корытцемъ-то—какое слово?

— Добро.

— Добро-о! Ишь петля какая... А что написано строкой этой?

— Досокъ вершковыхъ, девятиаршинныхъ, пять.

— Шесть.

— Пять.

— Какъ же пять? Вотъ солдатъ перерѣзалъ одну...

— Это онъ напрасно, надобности не было...

— Какъ же не было? Онъ половинку въ кабакъ снесъ...

Спокойно глядя въ лицо мнѣ голубыми, какъ васильки,

глазами, съ веселой усмѣшечкою въ нихъ, онъ навиваетъ на палецъ колечки бороды и неотразимо безстыдно говоритъ:

— Рисуй—шесть, право! Ты гляди, кукушкино яичко, мокро, холодно, работенка тяжелая—надобно людямъ побаловать душеньку, винцомъ-то ее обогрѣть? Ты не строжись, Бога строгостью не подкупишь...

Говоритъ онъ долго, ласково, кудревато; слова сыплются на меня, точно опилки, я какъ бы внутренно слѣпну и молча показываю ему переправленную цифру.

— Ну, вотъ, это вѣрно! И чифра красивше, вонъ какой купчихой сидитъ, пузатенька, добренька...

Я вижу, какъ побѣдоносно онъ разсказываетъ плотникамъ о своемъ успѣхѣ; знаю, что они всѣ презираютъ меня за уступчивость. Мое пятнадцатилѣтнее сердце, уже больное неутомимой жаждой чего-то неяснаго ему, обиженно плачетъ, а въ головѣ вертятся скучныя сѣрыя мысли.

«Все это странно и глупо. Почему онъ увѣренъ, что я снова не переправлю 6 на 5 и не скажу подрядчику, что они пропили доску?»

Однажды они украли два фунта пятивершковыхъ костылей и желѣзныя скобы.

— Слушай,—предупредилъ я Осипа,—я это запишу!

— Вали!—согласился онъ, играя сѣдыми бровями.—Что, въ самъ дѣлѣ, за баловство? Вали, рисуй ихъ, маминыхъ дѣтей...

И закричалъ ребятамъ:

— Эй, шалыганы, костыли и скобы на штрафъ вамъ записаны!..

Солдатъ угрюмо спросилъ:

— Почто?

— Проштрафились, стало быть,—спокойно пояснилъ Осипъ.

Плотники заворчали, косо поглядывая на меня, а у меня не было увѣренности, что я сдѣлаю то, чѣмъ пригрозилъ, и что если сдѣлаю—такъ это будетъ хорошо.

— Уйду отъ подрядчика,—сказалъ я Осипу,—ну васъ всѣхъ къ чертямъ! Съ вами воромъ станешь.

Осипъ подумалъ, погладилъ бороду, сѣлъ рядомъ со мною, плечомъ, и сказалъ тихонько:

— Это правильно.

— Что?

— Все! Надо уйти. Какой ты десятникъ, какой прикащикъ? Въ должностяхъ этихъ надобно понимать, что есть имущество, собачій характеръ надобенъ тутъ, чтобъ охранять хо-

зяиново, какъ свою родную шкуру, мамино наслѣдство... А ты для этого дѣла—молодъ-пёсъ, ты не чувствуешь, чего имущество требуетъ. Если бы сказать Василь Сергѣичу, какъ ты намъ мирволишь, онъ бы те въ тую самую одну минуту по шеѣ,—вполнѣ рѣшительно! Потому ты для него—не къ доходу, а на расходъ, человѣкъ же долженъ служить доходно хозяину. Понялъ?

Свернувъ папиросу, онъ далъ ее мнѣ:

— Покури, легче будетъ въ мозгѣ. Кабы у тебя, крандашъ, не такой совкій и спорный характеръ былъ—я бы тебѣ-тко сказалъ: иди, Макарей, въ монахи! Ну, характеръ у тебя для этого не подходящій, топорный характеръ, неотесъ ты въ душѣ; ты, буде, и самому игумну не сдашь. Съ эдакимъ характеромъ въ карты играть невозможно! А монахъ—онъ на подобіе галки: чье клюетъ—не знаетъ, корни дѣла его не касаются, онъ зерномъ сытъ, а не корнемъ. Все это я тебѣ говорю отъ сердца, какъ вижу, что человѣкъ ты чужой дѣламъ нашимъ, кукушкино яичко въ не ея гнѣздѣ...

Снялъ шапку—онъ это дѣлалъ всегда, когда хотѣлъ сказать что-либо особенно значительное,—поглядѣлъ въ сѣрое небо и громко, покорно выговорилъ:

— Дѣла наши воровскія предъ Господомъ, и спасенья намъ не буде отъ Него...

— Это совсѣмъ вѣрно,—отозвался Мокѣй Будыринъ, точно кларнетъ.

Съ той поры кудрявый, среброголовый Осипъ съ ясными глазами и сумеречной душою сталъ мнѣ пріятно интересенъ; между нами зародилось нѣчто подобное дружбѣ, но я видѣлъ, что доброе отношеніе ко мнѣ чѣмъ-то смущаетъ его—при другихъ онъ на меня не смотритъ, васильковые зрачки свѣтлы и пусты, они суетливо бѣгаютъ, дрожатъ, и губы кривятся лживо, непріятно, когда онъ говоритъ мнѣ:

— Эй, Макарей, поглядывай въ оба, оправдывай хлѣбъ, а то вонъ—солдатъ гвозди жуетъ, прорва...

А одинъ на одинъ со мною, онъ говоритъ поучительно и ласково, въ глазахъ его свѣтится, играетъ невеселая умненькая усмѣшечка и смотрятъ они голубыми лучами прямо въ мои глаза. Слова этого человѣка я слушаю внимательно, какъ вѣрныя, честно взвѣшенныя въ душѣ, хотя иногда онъ говоритъ странно.

— Надо быть хорошимъ человѣкомъ,—сказалъ я однажды.

— А конешно!—согласился онъ, но тотчасъ же, усмѣхнувшись, спряталъ глаза, тихонько говоря:

— Однако, какъ понимать хорошаго человѣка? Я такъ думаю, что людямъ-то наплевать на хорошесть, на праведность твою, ежели она не къ добру имъ; нѣтъ, ты окажи имъ вниманіе, ты всякому сердцу въ ласку будь, побалуй людей, потѣшь... можетъ, когда-нибудь и тебѣ это хорошо обернется! Конечно—спорозъ нѣту—очень пріятное дѣло, будучи хорошимъ-то человѣкомъ на свою харю въ зеркало глядѣть... Ну, а людямъ, я вижу, все едино какъ: жуликъ ты, али святой—только до нихъ будь сердечнѣй, до нихъ добрѣе будь... Вотъ оно, что всѣмъ надо...

Я очень внимательно присматриваюсь къ людямъ; мнѣ думается, что каждый человѣкъ долженъ возвести и возводитъ меня къ познанію этой непонятной, запутанной, обидной жизни. И у меня есть свой безпокойный, неумолкающій вопросъ: что такое человѣчья душа?

Мнѣ кажется, что иныя души построены какъ мѣдные шары: — укрѣпленные неподвижно въ груди, они отражаютъ все, что касается ихъ одной своей точкой—отражаютъ неправильно, уродливо и скучно. Есть души плоскія, какъ зеркала,—это все равно, какъ будто нѣтъ ихъ.

А въ большинствѣ своемъ, человѣчьи души кажутся мнѣ безформенными, какъ облака, и мутно-пестрыми, точно лживый камень опалъ: онѣ всѣ и всегда податливо измѣняются, сообразно цвѣту того, что коснется ихъ.

Я не знаю, не могу понять, какова душа благообразнаго Осипа; неуловима она умомъ...

Объ этихъ дѣлахъ я и думаю, глядя за рѣку, гдѣ городъ, прилѣпившійся на горѣ, поетъ колоколами всѣхъ колоколенъ, поднятыхъ въ небо, какъ бѣлыя трубы любимаго мною органа въ польскомъ костелѣ. Кресты церквей—точно тусклыя звѣзды, плѣненныя сѣренькимъ небомъ; они, скучая, сверкаютъ и дрожатъ, какъ бы стремясь вознестись въ свое чистое небо за сѣрымъ пологомъ изодранныхъ вѣтромъ облаковъ. А облака бѣгутъ и стираютъ тѣнями пестрыя краски города; каждый разъ, когда изъ глубокихъ голубыхъ ямъ между ними упадутъ на городъ лучи солнца, обольютъ его веселыми красками, они тотчасъ, закрывъ солнце, побѣгутъ быстрѣй, сырыя тѣни ихъ становятся тяжелѣе, и все потускнѣетъ, лишь минуту подразнивъ радостью.

Дома города—точно груды грязнаго снѣга; земля подъ ними черная, голая, и деревья садовъ—какъ бугры земли; тусклый блескъ стеколъ въ сѣрыхъ стѣнахъ зданій напоминаетъ о зимѣ, и надо всѣмъ вокругъ тихо стелется разымчивая грусть блѣдной сѣверной весны.

Мишукъ Дятловъ, молодой бѣлобрысый парень, съ заячьей губою, широкій, нескладный, пробуетъ запѣть:

Она пришла къ нему, но утромъ,
А онъ скончалси въ тую ночь...

— Эй, ты, курвинъ сынъ!—кричитъ на него солдатъ.—Али забылъ какой седни день?

Боевъ тоже сердится, грозитъ Дятлову кулакомъ и свиститъ:

— С-собачья душа...

— Народъ у насъ лѣсной, долголѣтній, жилистой,—говоритъ Осипъ Будырину, сидя верхомъ на вершинѣ ледорѣза и прищуреннымъ глазомъ измѣряя откосъ.—Выпусти конецъ бруса на вершокъ лѣвѣй—такъ!.. А ежели просто сказать—дикой народъ! Однова ѣдетъ алхирей, они—къ нему, обкружили, пали на колѣни, плачутся: заговори-де намъ, преосященное владыко, волковъ, одолѣли насъ волки! Кэ-экъ онъ ихъ: «ахъ, вы, говоритъ, православные христіане, а? Да я, говоритъ, всѣхъ васъ строжайшему суду предамъ!» Очень изгнѣвался, плюетъ даже въ морды имъ. Старенькій такой былъ, личность добрая, глазки слезятся...

Сажень на двадцать ниже ледорѣзовъ матросы и босяки окалываютъ ледъ вокругъ баржъ; хряско бьютъ пешни, разрушая рухлую, сѣро-синюю кору рѣки, маячатъ въ воздухѣ тонкіе шесты багровъ, проталкивая подъ ледъ вырубленные куски его, плещетъ вода, съ песчанаго берега доносится говоръ ручьевъ. У насъ шаркаютъ рубанки, свиститъ пила, стучатъ топоры, загоняя желѣзныя скобы въ желтое, гладко выструганное дерево—и во всѣ звуки втекаетъ колокольный звонъ, смягченный разстояніемъ, волнующій душу. Кажется, что сѣрый день всею своею работою служитъ акафистъ веснѣ, призывая ее на землю, уже обтаявшую, но голую и нищую...

Кто-то оретъ простуженнымъ голосомъ:

— Нѣмца-а... позо-ови-и! Народу не хвата-атъ...

Съ берега откликаются:

— Гдѣ онъ?

— Въ кабакѣ, гляди-и...

Голоса плывутъ въ сыромъ воздухѣ тяжело, растекаются надъ широкой рѣкою уныло.

Работаютъ торопливо, горячо, но плохо, кое-какъ; всѣхъ тянуло въ городъ, въ баню и въ церковь. Особенно безпокоился Сашокъ Дятловъ, такой же, какъ братъ, бѣлобрысый, точно въ щелокѣ вареный, но кудрявый, складный и ловкій. То

и дѣло поглядывая вверхъ по теченію, онъ тихонько говоритъ брату:

— Чу, будто трещитъ?

Ночью была «подвижка» льда; рѣчная полиція уже со вчерашняго утра не пускаетъ на рѣку лошадей; по линейкамъ мостковъ, точно бусы, катятся рѣдкіе пѣшеходы, и слышно, какъ доски, прогибаясь, смачно шлепаютъ по водѣ.

— Потрескиваетъ,—говоритъ Мишукъ, мигая бѣлыми рѣсницами.

Осипъ, глядя изъ-подъ ладони на рѣку, обрываетъ его:

— Это стружка въ башкѣ у тебя сохнетъ-скрипитъ! Работай знай, вѣдьминъ сынъ! Наблюдающій, погоняй ихъ, что ты въ книжку воткнулся?

Работы оставалось часа на два; уже весь горбъ ледорѣза обшитъ желтымъ, какъ масло, тесомъ, осталось только наложить толстыя желѣзныя связи. Боевъ и Санявинъ вырѣзали гнѣзда для нихъ, но не угодили, вышло узко—полосы не входили въ дерево.

— Мордва слѣпокурая,—кричалъ Осипъ, постукивая себя ладонью по шапкѣ.—Али это работа?

Вдругъ откуда-то съ берега невидимый голосъ радостно завылъ:

— По-оше-олъ... о-го-го-о!

И какъ бы сопровождая этотъ вой, надъ рѣкою потекъ неторопливый шорохъ, тихій хрустъ; лапы сосновыхъ вѣшекъ затрепетали, словно хватаясь за что-то въ воздухѣ, и матросы, босяки, взмахивая баграми, шумно полѣзли по веревочнымъ трапамъ на борта баржъ.

Было странно видѣть, какъ много явилось на рѣкѣ людей: они точно выпрыгнули изъ-подо льда и теперь метались взадъ-впередъ, какъ галки, вспугнутыя выстрѣломъ, прыгали, бѣгали, тащили доски и шесты, бросали ихъ и снова хватали.

— Собирай струментъ! — крикнулъ Осипъ. — Живо, такъ вашу... на берегъ!

— Вотъ те и Свѣтло Христово Воскресенье!—горестно воскликнулъ Сашокъ.

Казалось, что рѣка неподвижна, а городъ вздрогнулъ, покачнулся и вмѣстѣ съ горою подъ нимъ тихо всплываетъ вверхъ по рѣкѣ. Сѣрыя песчаныя осыпи, въ десяткѣ саженъ передъ нами, тоже зашевелились и потекли, отдаляясь отъ насъ.

— Бѣги,—крикнулъ Осипъ, толкнувъ меня,—чего разинулъ ротъ?

Жуткое ощущеніе опасности ударило въ сердце; ноги, почувствовавъ, что ледъ уходитъ изъ-подъ нихъ, какъ-то сами собою вскинулись, понесли тѣло на песокъ, гдѣ торчали голые прутья ивняка, обломанные зимними вьюгами. Тамъ уже валялись Боевъ, солдатъ, Будыринъ и оба Дятловы. Мордвинъ бѣжалъ рядомъ со мною и сердито ругался, а Осипъ шагалъ сзади, покрикивая:

— Не лай, Народецъ...

— Да вѣдь какъ же, дядя Осипъ...

— Также все, какъ было.

— Застряли мы тутъ сутокъ на двое...

— И посидишь...

— А праздникъ?

— Безъ тебя отпразднуютъ въ семъ году...

Солдатъ, сидя на пескѣ, раскуривалъ трубку и хрипѣлъ:

— Струсили... три пятка саженъ мѣста до берегу, а вы— бѣжать, сломя голову...

— Ты первый побѣгъ,—сказалъ Мокѣй.

Но солдатъ продолжалъ:

— А чего испугались? Христосъ-Батюшко и то померъ...

— Чать Онъ воскресъ опосля того,—обиженно пробормоталъ Мордвинъ, а Боевъ заоралъ на него:

— Ты молчи, щенокъ! Твое дѣло разсуждать про то?

— Седни—Пятница, а не Воскресенье,—поучительно и строго сказалъ солдатъ.

Въ голубой пропасти между облаковъ вспыхнуло мартовское солнце; ледъ засверкалъ, смѣясь надъ нами. Осипъ поглядѣлъ изъ-подъ ладони на опустѣвшую рѣку и сказалъ:

— Встала... Только это ненадолго...

— Отрѣзало насъ отъ праздника,—угрюмо проговорилъ Сашокъ.

Безбородое, безусое лицо Мордвина, темное и угловатое, какъ неочищенная картофелина, сердито сморщилось. Онъ часто мигалъ и ворчалъ:

— Сиди тутъ... Ни хлѣба, ни денегъ... У людей—радость, а мы... Жадностямъ служимъ; какъ собаки, все одно...

Осипъ, не отводя глазъ отъ рѣки и, видимо, думая о чемъ-то другомъ, говоритъ, словно сквозь сонъ:

— Тутъ вовсе не жадности, а надобности! Быки-ледорѣзы—для чего? Охранять ото льда баржи и все такое. Ледъ глупый, онъ навалится на караванъ и—прощай имущество...

— А наплевать... наше оно, что ли?

— Толкуй съ дуракомъ...

— Чинилъ бы раньше...

Солдатъ скорчилъ лицо въ страшную гримасу и крикнулъ:

— Цыцъ, мордва народская!

— Встала,—повторилъ Осипъ.—М-да...

На караванѣ орали матросы, а съ рѣки вѣяло холодомъ и злою, подстерегающей тишиной. Узоръ вѣшекъ, раскинутый по льду, измѣнился, и все казалось измѣненнымъ, полнымъ напряженнаго ожиданія.

Кто-то изъ молодыхъ парней спросилъ, тихонько и робко:

— Дядя Осипъ, какъ же?

— Чего?—дремотно отозвался онъ.

— Такъ намъ и сидѣть тутъ?

Боевъ, явно издѣваясь, гнусаво заговорилъ:

— Отлучилъ Господь васъ, ёрниковъ, отъ святаго праздника Своего, что-о...

Солдатъ поддержалъ товарища— вытянулъ руку съ трубкой къ рѣкѣ и, посмѣиваясь, бормоталъ:

— Охота въ городъ? Идите! И ледъ пойдетъ. Авось утопнете, а то въ полицію возьмутъ... на праздникъ-то. Хорошо?..

— Это совсѣмъ вѣрно,—сказалъ Мокѣй.

Солнце спряталось, рѣка потемнѣла, а городъ стало видно яснѣй, молодежь уставилась на него сердитыми и грустными глазами и замолчала, замерла.

Мнѣ было скучно и тяжко, какъ всегда бываетъ, когда видишь, что всѣ вокругъ тебя думаютъ разно и нѣтъ единаго желанія, которое могло бы связать людей въ цѣлостную, упрямую силу. Хотѣлось уйти отъ нихъ и шагать по льду одному.

Осипъ, точно вдругъ проснувшись, всталъ на ноги, снялъ шапку и, перекрестясь на городъ, сказалъ очень просто, спокойно и властно:

— Нуко-съ, ребята, айда тихо, съ Богомъ...

— Въ городъ?—воскликнулъ Сашокъ, вскакивая.

— А куда, кромѣ?

Солдатъ, не двигаясь, увѣренно заявилъ:

— Потонемъ!

— Тогда оставайся.

И, оглянувъ всѣхъ, Осипъ крикнулъ:

— Ну, шевелись, живо!

Всѣ поднялись, сбились въ кучу; Боевъ, поправляя инструменты въ пещерѣ, заныль:

— Сказано иди, стало быть—надо идти! Кѣмъ приказано—того и отвѣтъ... а какъ?

Осипъ словно помолодѣлъ, окрѣпъ: хитровато-ласковое выраженіе его розоваго лица слиняло, глаза потемнѣли, глядя строго, дѣловито; лѣнивая, развалистая походка тоже исчезла—онъ шагалъ твердо, увѣренно.

— Каждый бери по доскѣ и держи ее поперекъ себя, въ случаѣ, не дай Богъ, провалится кто—концы доски на ледъ лягутъ—поддержка! И трещины переходить... Веревка есть? Народецъ, дайко-сь мнѣ ватерпасъ... Готовы? Ну, я впередъ, а за мной—кто всѣхъ тяжеле? Ты, солдатъ! Потомъ Мокѣй, Мордвинъ, Боевъ, Мишукъ, Сашокъ; Макаръ всѣхъ легче, онъ позади... Сымай шапки, молись Богородицѣ! Вотъ и солнышко-батюшко встрѣчу намъ...

Дружно обнажились лохматыя сѣдыя и русыя головы; солнце глянуло на нихъ сквозь тонкое бѣлое облачко и спряталось, точно не желая возбуждать надеждъ.

— Айда!—сухо, новымъ голосомъ сказалъ Осипъ.—Съ Богомъ! Глядите на ноги мнѣ. Не напирай въ спину, держись другъ ко другу не ближе сажня, а чѣмъ далѣ—то и лучше! Пошелъ, дѣтки!

Сунувъ шапку за пазуху, держа въ рукѣ ватерпасъ, Осипъ, какъ-то осторожно и ласково шаркая ногами, сошелъ на ледъ, и тотчасъ за спиной у него, на берегу раздался отчаянный крикъ:

— Ку-уда, бараны, ма-а...

— Шагай, не оглядывайсь!—звонко командовалъ вожатый.

— Наза-адъ, дьяво-олы..

— Айда, ребята, Бога помня! Въ гости на праздникъ онъ насъ не позоветъ...

Свистѣлъ полицейскій свистокъ, а солдатъ громко ворчалъ:

— Во-отъ, ерои, такъ вашу... Затѣяли дѣло! Теперь депеша будетъ дана тому берегу въ полицію... Коли не утопнемъ—въ часть, клопамъ насъ... Я на себя отвѣтъ не беру...

Бодрый голосъ Осипа велъ людей за собою точно на веревкѣ:

— Гляди подъ ноги зорче!..

Шли наискось, противъ теченія и, мнѣ, заднему, хорошо видно было, какъ маленькій аккуратный Осипъ, съ бѣлой, точно у зайца, головою, ловко скользитъ по льду, почти не поднимая ногъ. За нимъ гуськомъ, какъ бы нанизанныя на невидимую нить, тянутся, покачиваясь, шесть темныхъ фигуръ; иногда рядомъ съ ними явятся тѣни ихъ, лягутъ подъ ноги имъ и сте-

лятся по льду. Головы опущены, точно люди идутъ съ горы и боятся упасть, оступившись.

Сзади кричатъ все гуще—видимо, сбѣжался народъ большою толпой, словъ уже нельзя разобрать, слышенъ только непріятный гулъ.

Это осторожное шествіе становится для меня механической, скучной работой; я привыкъ ходить быстро и теперь погружаюсь въ то полусонное настроеніе, когда душа какъ бы пустѣетъ: перестаешь думать о себѣ, уходишь отъ себя и въ то же время все видишь особенно четко, слышишь особенно ясно. Подъ ногами синевато-сѣрый свинцовый ледъ, изъѣденный водою; его разсѣянный блескъ ослѣпляетъ глаза. Кое-гдѣ ледъ лопнулъ, выгорбился, истертъ движеніемъ въ мелкіе куски, лежитъ кучами, ноздреватый, какъ пемза, и острый, какъ битое стекло. Синія трещины, холодно улыбаясь, ловятъ ногу. Шлепаютъ широкія подошвы, надоѣдно звучатъ голоса Боева и солдата—оба они, какъ двѣ дудочки въ однихъ устахъ.

— Я отвѣта не беру...

— Конешно, и я...

— Мнѣ сказано—иди, я иду, а дальше меня не касаемо...

— Во-отъ...

— Одному дозволено распоряжаться, а другой, можетъ, въ тыщу разовъ умнѣе...

— Развѣ умомъ живутъ у насъ? У насъ глоткой живутъ всѣ...

Осипъ заткнулъ полы полушубка за поясъ; его ноги, въ сѣрыхъ штанахъ солдатскаго сукна, шагаютъ легко и гибко, точно пружины. Идетъ онъ такъ, какъ будто передъ нимъ все время вертится кто-то, видимый только ему, вертится и мѣшаетъ идти прямо, кратчайшимъ путемъ, а Осипъ борется съ нимъ, стараясь обойти его, ускользнуть, подается вправо и влѣво, иногда круто повертываетъ назадъ и такъ все время танцуетъ, описывая по льду петли и полукружія. Голосъ его звучитъ немолчно, пѣвуче, и очень пріятно слышать, какъ хорошо сливается онъ со звономъ колоколовъ...

Уже подходили къ серединѣ четырехсотъ саженной полосы льда, когда въ верху рѣки зашуршало зловѣщимъ шорохомъ; въ ту же минуту ледъ поплылъ изъ-подъ ногъ у меня, я покачнулся и, не устоявъ, припалъ на колѣно, удивленный. Но тотчасъ же, какъ только я взглянулъ вверхъ по рѣкѣ, испугъ схватилъ меня за горло, лишилъ голоса, потемнилъ зрѣніе: сѣрая корка льда ожила, горбилась, на ровной поверхности вспухали

острые углы, въ воздухѣ растекался странный звукъ, точно кто-то тяжелою ногой шелъ по битому стеклу.

Съ тихимъ свистомъ около меня струилась вода; трещало дерево, взвизгивая, какъ живое; орали люди, сбиваясь кучей и въ глухомъ жуткомъ гулѣ, размѣшивая его, звенѣлъ голосъ Осипа:

— Разойдись... расходись—держись порознь, Божьи дѣти!.. Пошла матушка, пошла-а! Веселѣй, ребятки! Вотъ, пошла-а...

Онъ прыгалъ, словно на него осы напали, и, держа саженный ветерпасъ, какъ ружье, тыкалъ имъ вокругъ себя, точно сражаясь съ кѣмъ-то, а мимо него, вздрагивая, плылъ городъ. Ледъ подо мною заскрежеталъ, мелко ломаясь, на ноги мнѣ хлынула вода. Я вскочилъ, слѣпо бросился къ Осипу.

— Куда? — замахнувшись ватерпасомъ, крикнулъ онъ. — Стой, чортъ!

Показалось, что это не Осипъ—лицо странно помолодѣло, все знакомое стерлось съ него, голубые глаза стали сѣрыми, онъ словно выросъ на полъ-аршина. Прямой, какъ новый гвоздь, плотно сжавъ ноги, вытягиваясь вверхъ, онъ кричалъ, широко открывъ ротъ:

— Не крутись, не сбивайся кучей, башки поразобью!

И снова замахнулся на меня ватерпасомъ.

— Ты куда?

— Испугался!..

— Это чего?

— Потонемъ,—тихонько сказалъ я.

— Цыцъ! Молчи...

Но, оглянувъ меня, онъ прибавилъ, тише и мягче:

— Потонуть и дуракъ съумѣетъ, а ты, вотъ, выберись... ты вылѣзь, на...

И снова залился, закричалъ ободряющія слова, выгибая грудь, закинувъ голову.

Ледъ потрескивалъ и хрустѣлъ, неспѣшно ломаясь; насъ медленно сносило мимо города; какая-то силища проснулась въ землѣ и растягиваетъ берегъ: часть его—ниже насъ—неподвижна, а та, что противъ, тихо отходитъ вверхъ по рѣкѣ, и скоро земля разорвется.

Это жуткое, медленное движеніе лишало чувства связи съ землею: все уходило, щемя грудь тоской, ослабляя ноги. Въ небѣ тихо плыли красныя облака; изломы льда, отражая ихъ, тоже краснѣли, точно напрягаясь, чтобы достичь меня. Ожила вся огромная земля къ весеннимъ родамъ, потягивается, высоко вздымая лохматую влажную грудь; хрустятъ ея кости, и рѣка въ мощномъ мясѣ земли, словно жила, полная густой, кипучей крови.

Угнетало обидное ощущеніе своей малости и безсилія въ

этомъ увѣренномъ, спокойномъ движеніи массъ. А въ душѣ,—на обидѣ,—ростетъ, разгорается дерзкая человѣчья мечта: протянуть бы руку, властно положить ее на гору, на берегъ и сказать:

— Стой, пока я не дойду до тебя!..

Грустно вздыхаетъ гулкая мѣдь колоколовъ, но я помню, что черезъ сутки, въ ночь, они грянутъ весело, возвѣщая Воскресеніе.

Дожить бы до этого звона!..

Семь темныхъ фигуръ качались въ глазахъ, подпрыгивая на льду; онѣ размахивали досками, точно гребли въ воздухѣ, а впереди ихъ вьюномъ вертится старичекъ, похожій на Николая Чудотворца, и немолчно звенитъ его властный голосъ:

— Не зѣва-ай!..

Рѣка стала шероховатой, ея живой хребетъ вздрагивалъ и извивался подъ ногами, напоминая о китѣ изъ Конька-Горбунка, и все чаще изъ-подъ чешуи льда выплескивалось жидкое тѣло рѣки—мутная, холодная, сѣрая вода, жадно облизывая ноги людей.

Люди шли по узкой жердочкѣ надъ глубокимъ оврагомъ. Тихій, зовущій плескъ воды вызывалъ представленіе о бездонной глубинѣ, о томъ, какъ безконечно долго будетъ опускаться тѣло въ эту холодную, тѣсную массу, какъ ослѣпнешь въ ней и замретъ сердце. Вспоминались объѣденные раками утопленники, осклизлые черепа, вздутыя лица, со стеклянными, выпученными глазами, растопыренные пальцы вспухшихъ рукъ, отмокшая на ладоняхъ кожа, точно тряпка....

Первымъ провалился подъ ледъ Мокѣй Будыринъ; онъ шелъ впереди Мордвина, какъ всегда молчаливый, отсутствующій; шелъ спокойнѣе всѣхъ и вдругъ—точно его дернули за ноги—исчезъ; на льду осталась только его голова и руки, вцѣпившіяся въ доску.

— Помога-ай! — завылъ Осипъ,—не толпись всѣ, одинъ, двое—помоги!

А Мокѣй, отфыркиваясь, говорилъ Мордвину и мнѣ:

— Отойдите, парни... я самъ... ничего...

Выбрался на ледъ и отряхаясь сказалъ:

— Пострѣли-те горой, эдакъ-ту, гляди и въ самъ дѣлѣ потопнешь...

Теперь, щелкая зубами и облизывая большимъ языкомъ мокрые усы, онъ особенно сталъ похожъ на большого, смирнаго пса.

Мимолетно вспомнилось, какъ онъ, мѣсяцъ тому назадъ, отсѣкъ себѣ топоромъ напрочь суставъ большого пальца лѣвой руки,

поднялъ блѣдный обрубокъ, съ посинѣвшимъ ногтемъ, и разглядывая его темнымъ взглядомъ непонятныхъ глазъ, виновато, тихонько говорилъ:

— Сколькй разовъ я его, чудашку, портилъ, прямо—счету нѣтъ!.. Вывихнутъ онъ у меня, неправильно дѣйствовалъ... Теперь схороню...

Тщательно завернулъ обрубокъ въ стружку, положилъ въ карманъ и тогда уже перевязалъ пораненную руку.

За нимъ выкупался Боевъ. Казалось, онъ самъ нырнулъ подъ ледъ и тотчасъ закричалъ неистово:

— А б-батюшки, тону, смертынька, братцыньки, дайте помощь...

Онъ такъ бился въ судорогахъ страха, что вытащили его съ трудомъ, и въ хлопотахъ около него едва не погибъ Мордвинъ, окунувшись съ головою въ воду.

— Вотъ, попалъ бы къ чертямъ ко всенощной,—выбравшись на ледъ и сконфуженно усмѣхаясь, сказалъ онъ, теперь еще болѣе тонкій и угловатый.

Черезъ минуту снова провалился и завизжалъ Боевъ.

— Не ори, Яшка, козлиная душа!—кричалъ Осипъ, грозя ему ватерпасомъ.—Нашто пугаешь людей? Я-те задамъ! Распояшься, ребята, карманы выворотй, ловчѣй будетъ...

На каждомъ десяткѣ шаговъ открывались хрустя и брызгая мутной слюною зубастыя челюсти, синіе острые зубы хватали ноги: казалось, рѣка хочетъ всосать въ себя людей, какъ змѣя всасываетъ лягушатъ. Намокшая обувь и одежда, мѣшая прыгать, тянули къ низу; всѣ стали скользкими, точно облизанными, неуклюжими и нѣмыми, двигались тяжко, медленно и покорно.

Но Осипъ, словно заранѣе сосчиталъ трещины во льду и такой же мокрый, какъ всѣ, скакалъ зайцемъ съ льдины на льдину; перескочитъ, остановится на секунду и, осматриваясь, звонко кричитъ:

— Гляди, какъ надо, эй!

Онъ игралъ съ рѣкою: она его ловила, а онъ, маленькій, увертывался, умѣя легко обмануть ея движенія, обойти неожиданныя западни. Казалось даже, что это онъ управляетъ ходомъ льда, подгоняя подъ ноги намъ большія, прочныя льдины.

— Не падай духомъ, Божьи дѣтки, э-эй!

— Ай-да дядя Осипъ!—тихо восторгался Мордвинъ.—Ну, человѣкъ... Это, дѣйствительно, человѣкъ... Ты гляди-ка, гляди!

Чѣмъ ближе къ берегу, тѣмъ болѣе измельченъ, истертъ ледъ и все чаще проваливались люди. Городъ уже почти про-

плылъ мимо, скоро насъ вынесетъ на Волгу, а тамъ ледъ еще не тронулся и насъ подтянетъ подъ него.

— Пожалуй, потонемъ,—тихонько сказалъ Мордвинъ, поглядывая налѣво въ синюю муть вечера.

Но вдругъ, точно пожалѣвъ насъ, огромная чка уперлась концемъ въ берегъ, полѣзла на него, ломаясь, хрустя, и встала.

— Бѣги-и!—яростно закричалъ Осипъ.—Валяй, во всю мочь...

Прыгнулъ на чку, поскользнулся, упалъ и, сидя на краю льдины, заплескиваемый водою, пропустилъ всѣхъ мимо себя—пятеро убѣжали на берегъ, толкаясь, обгоняя другъ друга. Мордвинъ и я остановились, желая помочь Осипу.

— Бѣгите, щенки свинячьи, ну!..

Лицо у него было синее и дрожало, глаза погасли, ротъ странно открылся.

— Вставай, дядя...

Онъ опустилъ голову.

— Ногу я сломалъ, будто... не встать...

Мы подняли его, понесли, а онъ, закинувъ руки на шеи намъ, ворчалъ, щелкая зубами:

— Утопнете, лѣшманы... ну слава Те Богу, не попустилъ Батюшко... Глядите—троихъ не сдержитъ, шагай осторожно! Выбирай, гдѣ ледъ снѣгомъ не покрытъ, тамъ онъ тверже... бросить бы вамъ меня!..

Заглянулъ прищуреннымъ глазомъ въ лицо мнѣ и спросилъ:

— А книжка-то грѣховъ нашихъ, поди, вовсе размокла у тебя, пропала, а?

Когда мы сошли съ куска льдины, навалившагося на берегъ, раздавивъ въ щепы какую-то барку, вся часть льда, лежавшая въ водѣ, хрустнула и, покачиваясь, захлебываясь, поплыла.

— Ишь ты,—одобрительно сказалъ Мордвинъ,—поняла дѣло!

Мокрые, иззябшіе и веселые, мы на берегу, въ толпѣ слободскихъ мѣщанъ. Боевъ и солдатъ уже ругаются съ ними. Мы кладемъ Осипа на какія-то бревна; онъ весело кричитъ:

— Ребя, а книжка-то Макарьева рѣшилась, размокла вѣдь!..

Эта книжка, точно кирпичъ за пазухой у меня; незамѣтно вынувъ, я швыряю ее далеко въ рѣку, и она шлепается о темную воду, какъ лягушка.

Дятловы помчались въ гору, въ кабакъ за водкой; бѣгутъ, колотятъ другъ друга кулаками и орутъ:

— Р-ря!

— Ихъ ты-и!..

Высокій старикъ, съ бородою апостола и глазами вора, убѣжденно говоритъ надъ моимъ ухомъ:

— А за то, что вы взбулгачили народъ мирный, надо бы васъ, анафемовъ, по мордамъ...

Боевъ, переобуваясь, кричитъ:

— Чѣмъ мы васъ потревожили?

— Христіане тонутъ,—ворчитъ солдатъ, еще болѣе охрипшій,—а вы что дѣлали?

— А что намъ дѣлать?

Осипъ лежитъ на землѣ, вытянувъ ногу и щупая полушубокъ дрожащими руками, жалуется тихонько:

— Ахъ, мать честная, какъ измочился... Спорчена одежа на нѣтъ... а года не носилъ!..

Сталъ онъ маленькій, сморщился, какъ раздавленный, и словно таетъ, лежа на землѣ, становясь все меньше.

Вдругъ, приподнявшись, онъ сѣлъ, охнулъ и злымъ, высокимъ голосомъ заговорилъ:

— Понесли васъ бѣси, дураковъ... въ баню, въ церковь, вишь ты! Чертогоны!.. Туда же... Не проживетъ Богъ безъ васъ?.. Свой праздникъ... На смерть наткнулись было... одежу всю спортили, чтобъ васъ розорвало!..

Всѣ, переобувались, отжимали одежду, устало сопя, охая, переругиваясь съ мѣщанами, а онъ кричалъ все горячѣе:

— На-ко, что удумали, окаянные! Баня имъ надобна... вотъ полицію бы, она бы вамъ показала баню...

Кто-то изъ мѣщанъ услужливо сказалъ:

— За полиціей послано...

— Ты что?—закричалъ Боевъ Осипу.—Ты зачѣмъ притворяешься?

— Я?

— Ты.

— Стой! Это какъ же?

— Кто подбилъ народъ, чтобъ идти, а?

— Кто?

— Ты!

— Я?

Осипъ задергался, точно въ суудоргѣ, и сорвавшимся голосомъ повторилъ:

— Я-а?

— Это совсѣмъ вѣрно,—спокойно и внятно сказалъ Будыринъ, и Мордвинъ тоже подтвердилъ, тихонько, печально:

— Ей Богу, ты, дядя Осипъ!.. Ты забылъ...

— Конешно, ты заводчикъ дѣлу,—угрюмо и вѣско крикнулъ солдатъ.

— За-абылъ онъ!—яростно кричалъ Боевъ.—Какъ же, забылъ! Нѣтъ, это онъ пробуетъ, нельзя ли свою вину на чужую шею хомутомъ одѣть, знаемъ мы!

Осипъ замолчалъ и, прищуривъ глаза, оглядѣлъ мокрыхъ, полуодѣтыхъ людей...

Потомъ, странно всхлипнувъ—смѣясь или плача,—дергая плечами и разводя руки, сталъ бормотать:

— А вѣдь вѣрно... и впрямь—моя затѣя-то... скажи на милость!

— То-то!—побѣдоносно крикнулъ солдатъ.

Глядя на рѣку, кипѣвшую какъ просяная каша, Осипъ, сморщивъ лицо и виновато спрятавъ глаза, продолжалъ:

— Прямо затменіе... ахъ, ты, батюшки! И какъ не утонули? Даже понять нельзя... Фу ты, Господи!.. Ребята... вы того... не сердитесь, праздника ради... простите ужъ... Помутилось въ умѣ у меня, что-ли-то... Вѣрно: я подбилъ... экой старый дуракъ...

— Ага?—сказалъ Боевъ.—А какъ бы я утопъ, чего бы ты говорилъ?

Мнѣ казалось, что Осипъ искренно пораженъ ненужностью и безуміемъ сдѣланнаго имъ. Скользкій, точно облизанный, напоминая новорожденнаго теленка, онъ сидѣлъ на землѣ, покачивая головою, шаря руками по песку вокругъ себя, и не своимъ голосомъ все бормоталъ покаянныя слова, ни на кого не глядя.

Я смотрѣлъ на него, думая, гдѣ же тотъ воевода-человѣкъ, который, идя впереди людей, заботливо, умно и властно велъ ихъ за собою?

Въ душу наливалась непріятная пустота. Я подсѣлъ къ Осипу и, желая что-то сохранить, тихо сказалъ ему:

— Будетъ тебѣ...

Онъ искоса взглянулъ на меня и, распутывая бороду пальцами, такъ же тихо молвилъ:

— Видалъ? То-то, вотъ...

И снова заворчалъ громко, для всѣхъ:

— Какая штука-а...

На вершинѣ горы, на фонѣ уже потемнѣвшаго неба, стоитъ черная щетина деревьевъ, и гора прилегла къ берегу, точно большой звѣрь. Появились синія тѣни весенняго вечера; онѣ выглядывали изъ-за крышъ домовъ, прижавшихся къ темной корѣ горы, точно болячки; смотрѣли изъ рыжей, влажной

пасти глинистаго оврага, широко разинутой на рѣку: чудилось, будто она тянется къ водѣ, чтобы выпить ее.

Рѣка потемнѣла, шорохъ и скрежетъ льда сталъ глуше, но ровнѣе, непрерывнѣе; иногда льдина тыкалась краемъ въ берегъ, какъ свинья рыломъ, минуту стояла неподвижно и, покачнувшись, отрывалась, плыла дальше, а на мѣсто ея лѣниво вползала другая. Быстро прибывала вода, заплескивая землю, смывая грязь, и грязь расходилась темнымъ дымомъ по мутно-синей водѣ. Въ воздухѣ стоялъ странный звукъ: хрустѣло и чавкало, точно огромное животное, пожирая что-то, облизывалось длиннымъ тяжелымъ языкомъ.

Изъ города плылъ приглушенный разстояніемъ сладкозвучно-грустный колокольный звонъ.

Съ горы, какъ два веселыхъ щенка, катились Дятловы, съ бутылками въ рукахъ, а на перерѣзъ имъ,—вдоль берега—шелъ сѣрый околодочный и двое черныхъ полицейскихъ.

— Ахъ Ты, Господи!—стоналъ Осипъ, тихонько поглаживая колѣно.

Мѣщане, завидя полицію, раздвинулись шире, выжидающе примолкли, а околодочный, сухонькій человѣчекъ съ маленькимъ лицомъ и рыжими усами въ стрѣлку, подошелъ вплоть къ намъ, строго говоря сиповатымъ, дѣланнымъ баскомъ:

— Это вы, дьяволы...

Осипъ опрокинулся спиною на землю и торопливо заговорилъ:

— Это—я, ваше благородіе, я всему затѣйщикъ! Простите, праздниковъ великихъ ради, ваше благородіе...

— Какъ же ты, с. с.,—закричалъ околодочный, но крикъ его пропалъ, потонулъ въ быстромъ потокѣ умильныхъ, ласковыхъ словъ.

— Квартера у насъ здѣсь, въ городу, на томъ берегу ничего намъ нѣтъ, и денегъ нѣтъ у насъ на хлѣбъ, а послѣ завтра, ваше благородіе, великъ Христовъ день, — въ баньку надобно, за церковную службу хочется, какъ мы христіане, ну —я и говорю: айдате, ребята, что Богъ дастъ, не по худому дѣлу пойдемъ. И за продерзость наказанъ я, вотъ — ноженьку разбилъ вовсе...

— Да!—сурово крикнулъ околодочный.—Ну, а еслибъ вы утопли—что тогда было бы?

Осипъ глубоко и устало передохнулъ.

— Что же было бы, ваше благородіе? Ничего бы, чать, не было, извините...

Полицейскій сталъ ругаться; всѣ слушали его молча и

внимательно, точно человѣкъ не матерей оскорблялъ, грязно и цинично, а говорилъ важныя слова, которыя всѣмъ необходимо знать и помнить.

Потомъ, переписавъ наши имена, онъ ушелъ; мы, распивъ жгучую водку, согрѣтые и пріободренные, стали собираться домой. Осипъ, усмѣхаясь, поглядѣлъ вслѣдъ полиціи и вдругъ, легко поднявшись на ноги, истово перекрестился.

— Вотъ и конецъ всему, слава Тебѣ Господи!..

— Стало быть, — изумленно и разочарованно загнусавилъ Боевъ,—стало быть нога-то цѣла? Не сломалъ, значитъ?

— А тебѣ надо, чтобъ сломалъ?

— Ахъ... комедьянъ! Петрушка ты, несчастный...

— Пошли, ребята!—скомандовалъ Осипъ, натягивая на голову мокрую шапку.

Я шелъ рядомъ съ нимъ сзади всѣхъ. Припадая на ногу, онъ говорилъ мнѣ, тихонько, ласково и какъ бы сообщая одному ему извѣстную тайну:

— И что ни дѣлай, какъ ни кружись, ну — безъ хитрости, безъ обману — никакъ нельзя прожить. Такая жизнь, Макарей, такая она есть, пострѣли ее въ душу... Ты бы—на гору, анъ тебя—за ногу...

Темно; во тьмѣ вспыхиваютъ красные, желтые огни, какъ бы говоря:

— Сюда идите!..

Идемъ, въ встрѣчу звону на гору; журчатъ ручьи, сбѣгая подъ ноги намъ, и ласковый голосъ Осипа утопаетъ въ ихъ шумѣ.

— Ловко я полицію-то обошелъ! Вотъ какъ надобно, Макарей, дѣла дѣлать—чтобы никто ничего не понялъ, а каждому чудилось, будто онъ и есть — главная пружина... Да... и пускай каждый думаетъ, будто его душа дѣло совершила!..

Я поддерживаю его подъ руку, слушаю, не перебивая, его рѣчь—и плохо понимаю ее.

Да мнѣ и не хочется понимать. Въ душѣ у меня просто и легко: я не знаю, нравится мнѣ Осипъ или нѣтъ, но готовъ идти рядомъ съ нимъ всюду, куда надобно—хоть бы снова черезъ рѣку, по льду, ускользающему изъ-подъ ногъ.

Гудятъ, поютъ колокола, и радостно думается:

«Еще сколько разъ я встрѣчу весну!..»

Осипъ говоритъ, вздыхая:

— А душа человѣчья—крылата; во снѣ она летаетъ...

Крылата? Чудесно!..

М. Горькій.

* * *

Задумчивое сѣверное море!
Пустынныхъ береговъ тебя гнететъ печаль.
Покорно дремлешь ты, не жалуясь, не споря,
Туманно-сѣрое, холодное, какъ сталь.

Безрадостно ты встрѣтишь часъ заката.
Въ твоихъ волнахъ погаснетъ красный шаръ,
Но ты не вспыхнешь, пламенемъ объято,
И не зажжется въ небесахъ пожаръ.

Наступитъ ночь безъ звѣздъ, безъ аромата,
Нѣмая ночь безъ тайны, безъ чудесъ.
И хочется бѣжать, бѣжать куда-то...
Отъ моря скорбнаго, отъ сумрачныхъ небесъ.

Екатерина Бунге.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АДВОКАТА.

Сердце плакало.

Тюрьма еще не справилась съ днями свободы. Изъ общихъ камеръ несся гулъ нестройныхъ голосовъ, распѣвавшихъ похоронный маршъ; «одиночные», облѣпивъ рѣшетки оконъ, громко перекликались; выборный староста дѣловито разговаривалъ въ канцеляріи съ дежурнымъ помощникомъ объ обѣдѣ арестантовъ... И дежурный точно не слышалъ всего этого гама... Я глядѣлъ во дворъ тюрьмы и не узнавалъ ея. Заборы клѣтокъ для одиночныхъ прогулокъ были сняты, и «одиночные» гуляли всѣ вмѣстѣ...

— Камеры для свиданій заняты,—сказалъ мнѣ старшій надзиратель,—этакъ придется ждать... Можетъ быть вы не откажетесь прямо къ нему... Онъ одинъ...

— Пожалуйста.

И мы пошли по корридору во второй корпусъ...

Меня встрѣтилъ молодой человѣкъ съ блѣднымъ, интеллигентнымъ лицомъ. Смотрѣлъ онъ исподлобья, въ сторону, не останавливая своихъ выпуклыхъ, большихъ глазъ. И они у него все время бѣгали. Точно какіе-то испуганные...

Мы усѣлись. Онъ—на кровать, я—на табуретъ. Надзиратель вышелъ, прикрывъ плотно двери.

Мы молчали.

— Вы уже знаете мое дѣло?—спросилъ онъ.

— Да.

— Васъ поразило, что я бросилъ бомбу?

— Конечно! Я все-таки никакъ не могу понять...

— Да, я и самъ иногда удивляюсь... Вѣдь я былъ агентомъ четыре года. Настоящимъ агентомъ!

Онъ вдругъ засмѣялся.

— Вы чего?

— Я вспомнилъ, какъ удивился и нашъ жандармскій вахмистръ. Когда я бросилъ въ пристава бомбу, то побѣжалъ въ первый попавшійся дворъ и спрятался въ какомъ-то чуланѣ. На взрывъ сбѣжались люди. Весь дворъ оцѣпили городовые и жандармы. И меня нашли. Я былъ оборванъ, въ землѣ и пыли. Когда городовой вывелъ, жандармскій унтеръ сразу же узналъ меня.—«Да что вы, братцы», сказалъ онъ; «вѣдь это—нашъ, не троньте его. Надо отпустить!..»

— Ну?

— А городовой въ отвѣтъ:—«арестуйте, братцы, и унтера. Это не жандармъ, а его переодѣтый сообщникъ?» И тогда арестовали не только меня, но и жандармскаго унтеръ-офицера... Онъ—громадный, рослый, изъ гвардейцевъ. Меня связали съ нимъ, я повисъ на немъ; и онъ буквально несъ меня всю дорогу, до самаго управленія... И онъ такъ ругался и ворчалъ, что я даже тогда смѣялся...

— Но какъ вы рѣшились?..

— Вы раньше спросите, какъ я попалъ въ агенты,—отвѣтилъ онъ совершенно просто и, скользнувъ своими безпокойными глазами по моимъ, быстро отвелъ ихъ въ уголъ.

— А какъ?

— Представьте себѣ, въ этомъ я разобрался только здѣсь, въ тюрьмѣ... Еще въ семинаріи я окунулся въ революцію. Вѣрнѣе говоря, не окунулся, а метался около нея, нисколько не входя въ нее душою. Мнѣ нравилась одна гимназистка и больше ради нея, чтобъ казаться интереснѣе, я таскалъ какіе-то листки рабочимъ, совалъ имъ ихъ на улицѣ, расклеивалъ съ нею воззванія на заборахъ. И при этомъ у самого не хватало терпѣнія дочитать до конца гектографированныя прокламаціи. Учился я плохо, и меня исключили. И такое, казалось бы, тяжкое событіе нисколько не убило меня. Я съумѣлъ скрыть его отъ отца и занялся мелкимъ репортажемъ и самообразованіемъ. Я только выигралъ въ глазахъ Нади... Отъ революціи я поотсталъ, но по прежнему дѣлилъ людей на жандармовъ и политическихъ.

Меня арестовали на вечеринкѣ и привезли въ жандармское управленіе. Обыскали комнату, взяли всю переписку... И при первомъ же допросѣ полковникъ выразительно предъявилъ мнѣ чужую рукопись съ моими правками. Я не сразу сообра-

зилъ, откуда она. Товарищъ - семинаристъ какъ-то занесъ показать, какую онъ составилъ прокламацію. Я прочелъ и, считая себя литераторомъ, предложилъ исправить слогъ. Онъ согласился. О содержаніи я при этомъ не думалъ. Такъ какъ послѣ моего маранія ему трудно было разобраться, то я продиктовалъ ему текстъ его же прокламаціи по исправленному черновику. Онъ ушелъ, а черновикъ завалялся! Я забылъ о немъ. И теперь жандармскій полковникъ, показавъ мнѣ мои собственноручныя правки, протянулъ ту же прокламацію въ печатномъ видѣ. Подъ нею стояли печать и подпись: «N.-ская боевая дружина». Я сразу понялъ, что погибъ.

— Что это значитъ?—спросилъ полковникъ.

Я совершенно чистосердечно разсказалъ ему, какъ было дѣло въ дѣйствительности, но, несмотря на всѣ убѣжденія, отказался назвать товарища-семинариста.

— Вы думаете, — сказалъ мнѣ вдругъ полковникъ,—что мы, жандармы, только и желаемъ губить молодежь... Мы часто ее спасаемъ, во время арестуя. Оставить такого молодца на свободѣ—и онъ Богъ знаетъ чего потомъ натворитъ. А такъ, опомнится и будетъ человѣкомъ. Представьте себѣ: я и безъ вашего разсказа зналъ, что эти правки—какая-то случайность: я прочелъ всю вашу переписку, ваши литературныя рукописи и понялъ, что вы не революціонеръ... А между тѣмъ, если васъ не изучить по всему этому матеріалу, а брать по одной черновкѣ, то вамъ не уйти отъ вѣрной каторги. Васъ невинно рѣжетъ эта бумага!—Полковникъ пристально посмотрѣлъ на меня, оглянулся, зажегъ спичку надъ пустой пепельницей и сжегъ страшную рукопись... Потомъ меня продержали еще два мѣсяца и безъ всякихъ послѣдствій отпустили на волю. И этотъ случай съ жандармскимъ полковникомъ произвелъ на меня громадное впечатлѣніе. Представьте себѣ: я сразу привязался къ полковнику. И я почувствовалъ, что среди жандармовъ, также какъ и среди другихъ людей, могутъ быть люди хорошіе и плохіе, умные и глупые... И именно это обстоятельство болѣе чѣмъ что-нибудь отодвинуло меня отъ революціи. Я сталъ относиться къ ней равнодушно. Правда, къ этому времени я охладѣлъ и къ Надѣ, а вѣдь въ сущности вся моя революція была вокругъ нея... И Надя почувствовала это. Теперь она часто пѣла мнѣ, смѣясь въ лицо: «Сидитъ милый на заборѣ съ революціей во взорѣ»...

И я разошелся съ революціей.

Прошелъ годъ репортерской работы. Я переѣхалъ въ N., гдѣ газета была богаче. О чемъ только не писалъ... Каждое

утро я выходилъ на поиски матеріала... И скоро такъ жить мнѣ надоѣло. Я началъ думать о своей карьерѣ. Нуженъ былъ аттестатъ, его не было. Въ революціонной средѣ аттестатовъ не спрашиваютъ. Знанія нужны, но ихъ дало мнѣ самообразованіе... И я снова, нехотя, безъ интереса, завертѣлся среди революціонеровъ. Черезъ знакомаго фельетониста — Сергѣя. Мои отношенія къ газетѣ выдѣляли меня, и я попалъ даже въ секретари группы. По существу группа ничего не дѣлала. Устраивала вечеринки... Но аттестата не было. И какъ-то среди революціонеровъ я услышалъ разсказъ о какомъ-то «раскрытомъ» провокаторѣ. Онъ сознался товарищамъ, что пошелъ на такое дѣло ради аттестата... И тогда наединѣ я задалъ себѣ вопросъ: согласился ли бы ты давать свѣдѣнія въ охранное отдѣленіе за аттестатъ и студенческую фуражку? И не колеблясь самому себѣ отвѣтилъ: да, согласился бы! Эта мысль преслѣдовала меня цѣлый мѣсяцъ. О томъ, что агентурой завѣдуетъ ротмистръ Степановъ, хорошо знали въ революціонной средѣ. И я два раза набрасывалъ проекты писемъ къ нему и къ начальнику охраннаго отдѣленія, съ просьбой принять по важному дѣлу. Но раздумалъ. Мнѣ казалось проще сдѣлать попытку переговорить лично...

Мучился ли я идя къ нему? — Нисколько. Меня самого сейчасъ удивляетъ то равнодушіе, которое было въ душѣ. Просто надоѣло такъ жить; хотѣлось новаго и лучшаго. А какимъ путемъ? Не все ли равно?—«Если я увижу, что долженъ буду брать на свою совѣсть жизнь и годы товарищей, то брошу такую службу». Этимъ я успокоилъ себя. Съ аттестатомъ въ карманѣ я попаду въ университетъ, на «жалованье» буду беззаботно учиться...

И я пошелъ. Охранное отдѣленіе помѣщалось въ большомъ домѣ-особнякѣ. У воротъ его подъ видомъ дворника всегда стоялъ агентъ, который и докладывалъ о приходящихъ жандармскому унтеру, а тотъ дальше. Какъ я потомъ узналъ, на обязанности этого агента было пропускать только своихъ и вызванныхъ повѣстками. Чужихъ если и впускать, то лишь очень точно выяснивъ ихъ личность, и притомъ обязательно по докладѣ...

Я подошелъ къ нему и, не желая показать, что иду предложить свои услуги, заставилъ себя говорить возможно проще.

— Какъ мнѣ пройти къ Василію Андреевичу... Степанову?

— Я не сразу произнесъ фамилію Степановъ, такъ какъ вдругъ забылъ ее. А между тѣмъ вышло такъ, точно для меня «капитанъ» Степановъ былъ лишь добрымъ знакомымъ Василіемъ

Андреевичемъ. И такой мой вопросъ возымѣлъ неожиданное дѣйствіе. Агентъ даже не спросилъ меня, кто я и для чего иду.

— Идите прямо, вонъ туда,—показалъ онъ.—Тамъ кухня, въ ней спросите...

Потомъ уже, вращаясь въ средѣ агентуры и людей, недоступныхъ для внѣшняго міра, я понялъ этотъ секретъ попадать куда угодно мимо часовыхъ, стражи и доклада: нужно только идти спокойно и увѣренно, называть недосягаемое лицо по имени и отчеству, произнося фамилію его пониженнымъ голосомъ, какъ ненужный придатокъ, почему-то здѣсь необходимый... И всѣ двери будутъ раскрыты! Особенно для дамъ...

Я вошелъ въ открытую дверь. Въ передней, похожей на кухню, увидѣлъ двухъ парней. Одинъ стоялъ у крана и мылъ бутылку. Я обратился къ другому.

— Можно ли видѣть Степанова?

— Подождите, сейчасъ скажу,—равнодушно отвѣтилъ онъ.

Я прождалъ нѣсколько томительныхъ минутъ. Вышелъ молодой человѣкъ и спросилъ, мнѣ ли нуженъ Степановъ.

— Да,—отвѣтилъ я коротко.

Онъ повелъ въ отдѣльную комнату.

— Вы сотрудникъ?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ...

— Что же вамъ угодно?

— Развѣ вы господинъ Степановъ?

— Нѣтъ. Онъ сейчасъ ушелъ и потому вы можете сообщить мнѣ ваше дѣло.

И я ему разсказалъ. Упомянулъ, что состою секретаремъ группы и потому смогу доставать многія свѣдѣнія. Сказалъ, что пишу въ газетѣ, около которой постоянно вращается публика.

— Въ такомъ случаѣ придите ко мнѣ на квартиру въ пять часовъ... Мы обо всемъ подробно потолкуемъ. Вотъ вамъ мой адресъ.

Въ назначенное время я сидѣлъ у него. Онъ былъ предупредителенъ и любезенъ со мною, откровенничалъ, разсказалъ, что уже шесть лѣтъ служитъ по полиціи, по воскреснымъ днямъ «работаетъ» на бульварѣ, выслѣдилъ такихъ-то и такихъ-то, которыхъ и удалось арестовать. Онъ назвалъ три знакомыхъ имени. Я не дрогнулъ. Все то же равнодушіе...

— Хотя у меня на визитной карточкѣ напечатано, будто я—Александровъ, но въ дѣйствительности я—Хрѣнченко, тотъ самый, который въ Вильнѣ извѣстенъ подъ кличкой «Коська-красавчикъ»,—сказалъ онъ.

Въ концѣ нашей бесѣды Хрѣнченко сдѣлалъ мнѣ комплиментъ: сказалъ, что я уменъ, несмотря на свою молодость, тогда какъ ему уже 28 лѣтъ... И «Коська-красавчикъ» предложилъ мнѣ «быть товарищами».

— Но вы обращайтесь къ высшему начальству черезъ меня, чтобъ я могъ показать, что имѣю въ виду успѣхъ дѣла, для котораго работаю... Согласны?—спросилъ онъ.

— Да,—твердо отвѣтилъ я и почувствовалъ, что это слово, его короткій, рѣзкій звукъ были точно звякнувшимъ поворотомъ ключа, которымъ я заперъ всю мою прежнюю жизнь...

— Въ такомъ случаѣ сегодня вечеромъ къ десяти часамъ приходите на бульваръ и садитесь на скамью напротивъ польскаго ресторана. Если скамья будетъ занята, ходите около нея взадъ и впередъ. Я устрою вамъ свиданіе съ начальникомъ охраннаго отдѣленія и Степановымъ...

Мнѣ недолго пришлось его ждать. Мы вошли въ отдѣльный кабинетъ ресторана. Входя, Хрѣнченко приказалъ слугѣ пустить къ намъ двухъ господъ, которые скоро явятся.

Начальникъ охраннаго отдѣленія и «капитанъ» Степановъ пришли въ штатскомъ. Рыжеволосый Степановъ имѣлъ видъ студента, полковникъ — его отца. И оба они сразу понравились мнѣ... Я назвалъ себя первымъ попавшимся именемъ: «Сидоровымъ». Хрѣнченко представилъ мнѣ начальника отдѣленія, какъ «хозяина», ротмистра Степанова—какъ «капитана».

Потребовали пива. «Винца бы лучше»—предложилъ Степановъ.—«Лишнее!» —отвѣтилъ полковникъ.

Я разсказалъ имъ, что какъ секретарь группы могу попадать всюду, что одна знакомая оставила у меня на храненіе какія-то комитетскія бумажки, кажется съ разными адресами, и предложилъ на просмотръ. Они отвѣчали любезностями.

Въ двѣнадцать часовъ Хрѣнченко ушелъ. Я почувствовалъ себя свободнѣе и сразу же изложилъ условія.

— Аттестатъ зрѣлости, призывное свидѣтельство и жалованья первое время—сто рублей въ мѣсяцъ.—Они согласились и обѣщали за особо важныя услуги еще добавочное вознагражденіе. Я никогда не забуду дня, когда получилъ первые сто рублей, «честно» мною заработанные... Стезя такого заработка идетъ по наклонной плоскости. На ней легко поскользнуться. И я поскользнулся и упалъ далеко внизъ... И только внизъ. Никакого аттестата я не получилъ и на вершины науки такъ и не поднялся... Что вспоминать бесѣды этой ночи!.. Въ два часа мы разошлись.

— Какую книгу вы сейчасъ читаете?—спросилъ меня полковникъ.

— Тургенева—«Отцы и дѣти»... А что?—удивился я.

— Ну, такъ сегодня—5 августа... Мы изберемъ эту книгу для переписки шифромъ, начиная съ пятой ея страницы.—Первая цифра—какая строка, вторая цифра мѣсто буквы въ строкѣ... А ваша кличка въ честь этого ресторана—«Польскій».

Мы условились еще о разныхъ деталяхъ; Степановъ задалъ мнѣ «рѣшить задачу»: узнать составъ областного комитета эсъэровъ...

На другой день я снова былъ у «Коськи-красавчика». Онъ сообщилъ, что «хозяинъ» и Степановъ «довольны» мною. Они говорятъ, что если только я не дутый, то для нихъ—находка. Велѣли сегодня снова быть въ томъ же ресторанѣ въ то же время и принесть бумаги.

И началась моя новая жизнь агента охраннаго отдѣленія...

«Капитанъ» устраивалъ «постоянныя свиданія» каждую субботу. Мы, агенты, шли къ нему переодѣваясь, стараясь быть неузнанными. Собирались у одного изъ «своихъ» за чайнымъ столомъ. «Капитанъ» приходилъ въ штатскомъ, производя въ сосѣдней комнатѣ опросы каждаго, разсматривая наши дневники, куда мы должны были заносить «работу» каждаго дня, указывалъ, какія мѣры слѣдуетъ принять, а затѣмъ мы по прежнему пили чай, дружески сидѣли на диванахъ и бесѣдовали между собою.

Иногда мы являлись къ «капитану» или полковнику и въ охранное отдѣленіе, причемъ обыкновенно поджидали ихъ «на кухнѣ». Пріемной избѣгали, такъ какъ тамъ легко можно было встрѣтить кого-нибудь изъ знающихъ насъ, хотя бы родителей арестованныхъ по нашимъ же указаніямъ.

Сговариваясь по телефону, устраивали свиданія съ глазу на глазъ и въ ресторанахъ или квартирѣ, если рѣчь шла объ отдѣльныхъ порученіяхъ. И тогда приходили даже загримированные.

И это новое дѣло для меня являлось уже какимъ-то спортомъ... Разъ я навязалъ черезъ организацію свой паспортъ нелегальному, чтобъ его легче было арестовать, и его схватили какъ только онъ предъявилъ къ пропискѣ мой документъ... И тогда я не зналъ даже, кого именно предалъ...

Другой разъ я искренно сошелся, даже сдружился съ однимъ конспираторомъ-студентомъ. Онъ мнѣ разсказалъ, что познакомился въ Парижѣ съ Надеждой, участвовавшей въ страшномъ

взрывѣ, что теперь она въ Женевѣ, и онъ скоро получитъ ея адресъ... И тогда я подъ всякими предлогами началъ бывать у него каждый день, стараясь приходить утромъ, когда подаютъ письма, а его не бываетъ дома. Я рылся въ его вещахъ, карманахъ домашняго платья, пока не нашелъ письмо съ ея адресомъ. И, конечно, поскорѣе сообщилъ его полковнику. Онъ разспросилъ меня, какъ мнѣ это удалось, и расхвалилъ всему отдѣленію мою настойчивость.

Такъ шло время, и я жилъ безъ оглядки на себя. И если когда-нибудь на что-нибудь оглядывался, то лишь для того, чтобы узнать, не слѣдятъ ли за мною революціонеры, не напали ли они на мой слѣдъ. По моимъ указаніямъ арестовали много разныхъ моихъ знакомыхъ и незнакомыхъ, о которыхъ я только что-нибудь слышалъ. И бывали моменты, когда я чувствовалъ и сознавалъ свою силу, свою власть—великую власть сажать въ тюрьму, высылать, заставлять страдать всякаго, кто казался мнѣ врагомъ моимъ... Моему слову теперь вѣрили и моего слова, только слова, было вполнѣ достаточно. И это сознаніе власти часто пьянило и радовало меня.

«Капитанъ» пожелалъ, чтобы я поступилъ на заводъ подъ видомъ рабочаго. Пришлось бросить газету. Я получилъ паспортъ и попалъ въ вагонную мастерскую, которую «Капитанъ» считалъ наиболѣе революціонной. И онъ былъ правъ. Въ нее, подъ видомъ рабочихъ, постоянно приходили два мальчика-студента—боевики. Они, не стѣсняясь, вели пропаганду террора. Придя на заводъ, они какъ-то незамѣтно исчезали. Я слѣдилъ за ними. И всячески старался сблизиться. Объяснялъ, что стремлюсь къ самообразованію. Главная моя задача была узнать, гдѣ они живутъ. А они старательно скрывали свой адресъ. Всякія попытки проводить или прослѣдить ихъ ни къ чему не приводили. Когда въ субботу я приходилъ на явку къ «капитану» сдавать полученныя свѣдѣнія, онъ негодовалъ. И начинало казаться, что «капитанъ» перестаетъ вѣрить мнѣ.

— Достаньте у нихъ бомбу, объясните, что хотите бросить ее!—однажды сказалъ онъ. — Можетъ быть, на этомъ мы накроемъ ихъ.

И при первой же встрѣчѣ со студентами, я попросилъ снарядъ. Я думалъ, что они скажутъ, куда придти за нимъ, и такимъ образомъ я узнаю ихъ адресъ. Но они предложили явиться въ кофейную «Лондонъ» и объяснили, что принесетъ посторонній, который будетъ въ чиновничьей фуражкѣ сидѣть за столикомъ и пить стаканъ чернаго кофе, а около него на блюдечкѣ

будутъ лежать два пирожка. Дали пароль. Я пришелъ, получилъ въ видѣ портфеля бомбу и снесъ ее къ себѣ на домъ. Видя такія ихъ предосторожности, я боялся идти прямо въ охранное отдѣленіе. Меня могли прослѣдить партійные. До субботы оставалось пять дней. Но по телефону я сказалъ «капитану», что у меня уже на рукахъ «доказательство». Мальчиковъ этихъ по моему указанію схватили черезъ два дня на улицѣ, когда они входили на нашъ заводъ. Они не сопротивлялись. И даже револьверовъ не оказалось при нихъ. Мнѣ потомъ капитанъ разсказывалъ. Они сразу же назвали себя, дали свои паспорта и даже адресъ своей комнаты. Ее обыскали и ничего не нашли. И хотя хозяйка ихъ показала, что они здѣсь очень рѣдко бываютъ, ихъ уже хотѣли отпустить, такъ какъ никакихъ уликъ, кромѣ моего донесенія, не было. Но на второй день къ вечеру они оба сами назвали адресъ своей конспиративной квартиры, гдѣ были прописаны подъ чужимъ именемъ. Одинъ изъ нихъ плакалъ, когда говорилъ! Дѣло въ томъ, что тамъ у нихъ былъ въ корзинѣ складъ динамита. Его хранить надо обернувъ въ мокрую тряпку. Иначе достаточно по улицѣ проѣхать ломовому извозчику, и сухой динамитъ легко можетъ взорваться. У нихъ же его было нѣсколько пудовъ, и взрывомъ такого количества подняло бы на воздухъ цѣлый кварталъ города. Никто изъ близкихъ не зналъ, гдѣ у нихъ хранится динамитъ; его унесть было некому, какъ некому было намочить высохшую тряпку. И изъ-за этой тряпки они указали свой адресъ. Плача, одинъ изъ нихъ торопилъ «капитана» поскорѣе ѣхать облить водою динамитъ! «Во дворѣ маленькія дѣти», — говорилъ онъ... И когда въ четвергъ я позвонилъ къ «капитану», онъ торжественно объявилъ, что въ субботу принесетъ мнѣ сто рублей наградныхъ, а бомбу проще всего погрузить въ воду за городомъ, хотя бы въ монастырское озеро. Доказательствъ и безъ нея черезчуръ много!.. Я такъ и хотѣлъ сдѣлать, и снарядъ лежалъ у меня на дому. Все не могъ выбрать свободнаго дня... И удивительно. Наградныя деньги нисколько не обрадовали меня. Я почувствовалъ жалость къ мальчикамъ-студентамъ. Я конечно отлично понималъ, что вся ихъ затѣя подготовки вооруженнаго возстанія безсмысленна, но они сами казались мнѣ искренними людьми, искренно вѣрившими въ этакое дѣло и все же остающимися прежде всего добрыми... И судьба ихъ тревожила меня нѣсколько дней.

Теперь «капитанъ» еще больше дорожилъ мною.

— «Вамъ надо бы проникнуть въ Комитетъ», — говорилъ

иногда онъ.—«Эти мальчишки ничего не хотятъ показывать. А что намъ изъ того, что за храненіе динамита они пойдутъ на каторгу?.. Подсадить бы васъ къ нимъ, какъ арестованнаго? Авось что-нибудь выболтаютъ! Дадутъ пароль, и тогда вы проникните».

Но я отказался, говоря, что и безъ того вѣроятно на подозрѣніи. Вѣдь даже сидя въ тюрьмѣ они слышали бы взрывъ бомбы, если бы я бросилъ ее. Значитъ я взялъ ее не для «дѣла». И тогда у нихъ явился бы вопросъ—«для чего»?

«Капитанъ» не спорилъ.

Въ одну изъ субботъ я познакомился съ такимъ же агентомъ, какъ и я. Мы были ровесники, и когда разговорились, то съ удивленіемъ узнали, что не только родились въ одномъ году, но въ одинъ и тотъ же день, и что у насъ одинаковое даже имя. Мы оба нигдѣ не кончили ученья. Однимъ словомъ, точно близнецы. Возвращаясь съ явки, мы съ нимъ заболтались и пошли за городъ гулять. Онъ началъ откровенничать и, хихикая, разсказалъ, какъ въ городѣ X. устроилъ типографію на средства охраннаго отдѣленія. Молодежь считала его дѣльнымъ революціонеромъ. И молоденькая, хорошенькая дѣвушка, дочь управляющаго казенной палатой, сама предложила ему жить съ нимъ подъ видомъ жены, какъ конспиративная хозяйка типографіи. Сказавъ родителямъ, что куда-то уѣзжаетъ, она поселилась съ нимъ и стала работать не только какъ его прислуга, но безъ устали неумѣло набирала днемъ и ночью прокламаціи, которыя онъ составлялъ въ охранномъ отдѣленіи. И пользуясь ея усталостью и тѣмъ что она смотрѣла на него съ благоговѣніемъ, какъ на героя-мученика, онъ безъ особеннаго труда завладѣлъ ея молодымъ тѣломъ... И въ то время, когда она ожидала ребенка, онъ желая поскорѣе съ нею раздѣлаться, убѣдилъ охранное отдѣленіе немедля окружить типографію и захватить всѣхъ, въ томъ числѣ и ее... И, разсказывая все это, онъ весело смѣялся, гордясь своимъ умѣньемъ пользоваться обстоятельствами.

Я слушалъ его и вдругъ вспомнилъ, что у меня въ деревнѣ уже подросла сестра, вспомнилъ своего отца—старика-священника, суроваго и строгаго человѣка, необыкновенно благороднаго, вѣрующаго не только въ Бога, но и въ торжество правды. И мнѣ вдругъ стало страшно, что я иду такъ дружно съ такимъ дряннымъ человѣкомъ, который такъ легко могъ бы обидѣть и мою сестру—маленькую, славную Наташу, съ ея довѣрчивыми голубыми глазами... И въ первый разъ я испыталъ

страхъ, что отецъ можетъ узнать о моей дѣятельности, о томъ, что я зарабатываю такъ много не литературой, а предательствомъ... Несмотря на разстояніе и время, единственный человѣкъ, котораго я любилъ по настоящему, несомнѣнно былъ отецъ... И сейчасъ, когда я разоблаченъ, и всѣ отвернулись отъ меня, всѣ, рѣшительно всѣ—и роволюціонеры, какъ отъ своего предателя, и жандармы какъ отъ страшнаго политическаго преступника,—меня успокаиваетъ и утѣшаетъ сознаніе, что теперь отецъ не осудитъ меня, а проститъ, такъ какъ онъ всегда говорилъ, что только покаяніе и страданіе искупаютъ вину человѣческую... А послѣднее время я больше всего боялся, что онъ узнаетъ все обо мнѣ прежде чѣмъ я начну страдать, прежде чѣмъ покажу ему, что, сдѣлавъ людямъ много зла, не дорожу и своей собственной жизнью и самъ не боюсь страданій... Теперь я спокоенъ... Впрочемъ, что говорить объ этомъ...

Все то, что случилось затѣмъ, произошло какъ-то неожиданно для меня самого...

Удивительно, удивительно...

«Капитанъ» прислалъ ко мнѣ сказать, что завтра будетъ уличная демонстрація, и я долженъ пойти на нее, собрать матеріалъ по настроенію населенія, выяснить всѣхъ главарей.

И я пошелъ...

По улицѣ съ пѣснями шла толпа народа. Впереди на шестѣ несли кусокъ краснаго кумача. Что именно пѣла толпа—нельзя было разобрать. Но, очевидно, революціонныя пѣсни. По обѣимъ сторонамъ улицы обыватели выскакивали на панель, высовывались въ окна посмотрѣть. Я шелъ въ толпѣ, прислушиваясь къ разговорамъ, переходя отъ однихъ къ другимъ. Но въ разговорахъ ничего интереснаго не было. И желая посмотрѣть, нѣтъ ли въ толпѣ знакомыхъ лицъ, я забѣжалъ сбоку впередъ и поднялся по лѣстничкѣ на крыльцо. Изъ дверей этого подъѣзда выглянула молоденькая горничная и посмотрѣла на меня веселыми, привѣтливыми глазами.—Что здѣсь такое? — спросила она, горя любопытствомъ. И, не дожидаясь отвѣта, дѣвушка поднялась на носки башмаковъ и оперлась на мои плечи.

— «Батюшки, что творится»!

И я ощутилъ на своемъ лицѣ ея теплое и почему-то такое пріятное мнѣ дыханіе и даже слышалъ, какъ ея голосъ шелъ изнутри ея.

Въ это время на встрѣчу толпѣ показался приставъ Даниловъ. Я хорошо зналъ его въ лицо. Съ нимъ былъ взводъ городовыхъ, вооруженныхъ винтовками. И безъ всякаго преду-

прежденія или сигнала вдругъ грянулъ ружейный залпъ. Я почувствовалъ, что меня чѣмъ-то ударило по спинѣ, а потомъ по ногамъ. И подумалъ, что раненъ. И когда обернулся, то увидѣлъ, что та самая горничная, которая только что говорила со мною—лежитъ уже мертвая. Изо рта у нея текла кровь, а ея свѣтлые, разметавшіеся волосы стлались по полу красными прядями. Трудно передать, какое смятеніе испыталъ я въ это время. Я никакъ не могъ успокоиться. Видъ валяющихся на улицѣ раненыхъ и убитыхъ, цѣлой толпы раненыхъ, не столько поразилъ меня, сколько смерть этой бѣленькой, веселой горничной...

Когда я глядѣлъ на нее, во мнѣ плакало сердце...

А Далиловъ, сдѣлавъ свое дѣло, спокойно удалился. Я постоялъ еще минуту на крылечкѣ и бросился въ городъ. Толпа съ криками ужаса разсѣялась. Мнѣ хотѣлось куда-то бѣжать, кому-то обо всемъ этомъ разсказать, сдѣлать все, чтобы Далиловъ далъ отвѣтъ предъ закономъ.—Но куда бѣжать? И я поскорѣе отправился въ охранное отдѣленіе. Мимо всего этого кошмара. Подальше отъ плача, крови и труповъ...

Начальникъ отдѣленія былъ хорошій человѣкъ. Я его любилъ прежде всего за умъ. На службу сюда онъ пошелъ главнымъ образомъ изъ-за власти. Онъ всегда такъ и заявлялъ, что нѣтъ въ городѣ большей власти, чѣмъ его. Самъ губернаторъ слушается его и даже заискиваетъ, когда говоритъ съ нимъ. И такъ какъ губернаторъ въ душѣ либералъ, то и трусить всякихъ свободъ больше, чѣмъ онъ, ибо прежде всего боится показаться либераломъ.—«Онъ всегда съ готовностью глядитъ мнѣ въ глаза, такъ какъ хочетъ прочесть въ нихъ доносъ, который я собираюсь послать»,—шутилъ полковникъ и охотно давалъ молодежи свидѣтельства о политической благонадежности, когда губернаторъ только махалъ руками.—Пускай учится мальчишка, въ технологическомъ не разгуляешься, тамъ надо работать. А ужъ мы сумѣемъ приглядѣть за нимъ! — говорилъ онъ...

На кухнѣ, кромѣ агентовъ, обыкновенно толклись прикомандированные къ нашему отдѣленію жандармскіе унтеръ-офицеры. Разговоры шли главнымъ образомъ о прибавкахъ къ жалованью, наградахъ, повышеніяхъ своей братіи и начальства. И меня поразило, что рѣшительно всѣ они только хвалили полковника, постоянно говоря о его безкорыстіи, преданности дѣлу и заботливости о служащихъ... И меня самого всегда поражало его трудолюбіе. Разборомъ бумагъ онъ бывалъ занятъ

не только всѣ будни, но и въ самые большіе праздники. Когда должны были происходить обыски, онъ не спалъ всю ночь напролетъ... А когда ему удавалось поймать важнаго преступника, онъ даже танцовалъ... И что же?..

Придя на этотъ разъ въ отдѣленіе, я засталъ на кухнѣ все тотъ же обычно-равнодушный разговоръ о какомъ-то назначеніи...—Значитъ ничего не знаютъ,—подумалъ я и пошелъ прямо въ канцелярію.

Отдѣленіе наше состояло изъ нѣсколькихъ комнатъ, соединенныхъ корридоромъ. Кромѣ отдѣльныхъ кабинетовъ начальника, помощника и чиновниковъ, производящихъ дознанія, была большая «общая» (рядомъ съ писарской) комната, гдѣ стояли столы адъютанта и «капитана», для пріема «своихъ».

Въ общей комнатѣ обыкновенно собирались всѣ. Сюда приходили, отрываясь отъ работы, отдохнуть и пошутить начальникъ, его помощникъ и офицеры. Чувствовали себя просто, какъ въ одной семьѣ. Оказывается, начальника звали «Хозяиномъ» всѣ, иногда, правда, величая «Вашествомъ». Садились не только на стулья, но и на столы. Сюда пускали и насъ, агентовъ, конечно,—болѣе близкихъ. Придя въ эту комнату, я засталъ всѣхъ въ сборѣ. Разговоръ шелъ о разстрѣлѣ толпы Далиловымъ. Волнуясь и почти плача, я разсказалъ имъ пережитое, хотя они и сами знали уже все по телефону...

— Какой однако прохвостъ этотъ Далиловъ, — замѣтилъ полковникъ.

— Неужели это сойдетъ ему безнаказанно?—спросилъ я.

Полковникъ засмѣялся и потрепалъ меня по плечу. — А что же, возбуждать дѣло и дискредитировать власть?!. Ахъ вы наивный человѣкъ! Нельзя, голубчикъ!..

И всѣ засмѣялись. Слова полковника казались имъ такими естественными, а мои—такими глупыми...

— При встрѣчѣ я ему все-таки скажу,—промолвилъ полковникъ, точно желая заступиться за меня...

Я поспѣшилъ уйти. Сердце мое плакало еще во мнѣ.

Трупы свезли въ покойницкую при городской больницѣ. И меня потянуло туда, еще разъ посмотрѣть убитую. Я не нашелъ ея.

Помню, какъ робко я позвонилъ на крыльцѣ. Объяснилъ. Меня со страхомъ пустили въ квартиру... Въ ней жили двѣ дряхлыя старухи. Во всѣхъ комнатахъ теплились лампады, и было такъ тихо... Бѣленькая горничная лежала уже на столѣ, покрытая простынею... И Боже мой, какъ тяжело было подойти

къ ней... Точно и я былъ виновенъ въ ея смерти. Заплаканная старая кухарка подозрительно глядѣла на меня. И я почувствовалъ, о чемъ она думаетъ. — Не пришелъ ли я что-либо подглядѣть, какъ сыщикъ!.. И хотя это могло мнѣ лишь казаться, что я и сознавалъ, но я снова почувствовалъ прежніе страхи... Да, да, моя дѣятельность будетъ обнаружена, и тогда даже эта толстая баба узнаетъ, кто я!.. Всѣ знакомые!.. Узнаетъ отецъ...

Бѣлое лицо убитой было все съ той же доброй, дѣтской улыбкою... Блѣдныя, какъ она, старухи взволнованно вытирали слезы дрожащими руками... Кухарка, утѣшая ихъ, говорила, что скоро придетъ на панихиду «ихъ» батюшка...

Я вышелъ ошеломленный... Куда дѣваться, куда, куда?! Больше я не могъ идти въ охранное отдѣленіе. Домой? Въ четыре стѣны моей комнаты?!—Нѣтъ! Нѣтъ!..

Но дѣваться было некуда и, побродивъ по улицамъ, я пошелъ все же домой... И вдругъ около городского сквера на извозчикѣ увидѣлъ Далилова...

Онъ ѣхалъ, самодовольно улыбаясь, въ новомъ мундирѣ, очевидно—для доклада...

Я вошелъ къ себѣ въ комнату и сразу же почувствовалъ, что жизнь моя потеряла для меня всякую цѣнность. И все то, что такъ нравилось мнѣ въ моей комнатѣ—гравюры, искусственные цвѣты, мраморный письменный приборъ, все, что я купилъ— послѣ того какъ получилъ первыя наградныя за выдачу Сергѣя, все это показалось мнѣ ненужнымъ, обидно-ненужнымъ...

На столѣ я засталъ записку отъ студента Иванова, пріятеля Сергѣя. Онъ писалъ, что долженъ видѣть меня по важному дѣлу, что зайдетъ еще разъ вечеромъ. И больше ничего. И эта простая записка привела меня въ страшное волненіе. — Очевидно «они» заподозрѣли, что именно я выдалъ адресъ Сергѣя! Они замѣтили, какъ я интересовался имъ, разспрашивалъ о немъ!.. Да, они рѣшили потолковать со мною, и для этого Петръ придетъ ко мнѣ! И снова я вспомнилъ то, что уже нѣсколько дней тревожило меня. Я послалъ въ Z шесть писемъ разнымъ знакомымъ и до сихъ поръ не получилъ отвѣта. Такъ долго они не могли молчать. Вѣдь письма свободно оборачивались въ теченіе четырехъ дней, а тутъ цѣлыхъ двѣнадцать, да, двѣнадцать сутокъ ни отъ кого ни одной строчки!..

Очевидно, они поставили въ связь арестъ Николая Петровича и мой внезапный отъѣздъ. Я ни съ кѣмъ не попрощался даже... А что, если кто-нибудь былъ въ это время на улицѣ, что если они замѣтили?.. И я старался вспомнить, какъ выхо-

дилъ изъ явки Николая Петровича... Кажется такъ... Я вышелъ изъ воротъ и взялся за шляпу, что служило Сизову,—другому нашему агенту, пріѣхавшему въ Т. со мною, — знакомъ, что Николай Петровичъ—тамъ. Я поманилъ Сизова рукою, чтобы сказать, что Николай Петровичъ сейчасъ выйдетъ. Да, это было страшно неосторожно! Сизовъ повернулъ за мною, обогналъ меня и тихо шелъ впереди... И тогда,—оглянувшись и видя, что никого нѣтъ, — я сказалъ ему затаеннымъ шепотомъ, что Николай Петровичъ сейчасъ выйдетъ... И снова я былъ неостороженъ. Я подробно, черезчуръ подробно описывалъ его примѣты!.. Но развѣ кто-нибудь былъ на улицѣ!? Боже, да вѣдь на скамейкѣ квасника, напротивъ воротъ, я видѣлъ какого-то человѣка! Я еще подумалъ, что это мѣстный агентъ, пришедшій съ Сизовымъ «взять» Николая Петровича! А что, если это былъ кто-нибудь изъ конспиративной квартиры, чтобъ наблюдать за безопасностью явки, что, если агентъ сидѣлъ въ самой лавочкѣ, хотя бы у ея окна!.. Тогда, тогда «они» знаютъ, что я шелъ съ Сизовымъ! Онъ еще такъ круто обернулся, отвѣчая мнѣ! Ахъ, что ему я!.. Сизовъ продалъ своего родного брата... Не все ли ему равно, что я погибну... Да, они могли узнать! А если такъ, то сейчасъ же узнаютъ и отецъ, и сестра... Нѣтъ, лучше умереть! Вѣдь у меня никого, рѣшительно никого не останется на свѣтѣ... Какъ взглянетъ на меня Надя?.. И отчего обо всемъ этомъ я не думалъ тогда, когда шелъ предлагать свои услуги?.. Неужели узнали, неужели? Эта мысль сводила меня съ ума... Сейчасъ революціонеры будутъ безпощадны. Разстрѣлъ простой уличной демонстраціи, для которой было бы достаточно десяти нагаекъ, этотъ разстрѣлъ приведетъ ихъ въ бѣшенство! Они захотятъ мстить. И за Далилова дамъ отвѣтъ и я. За бѣленькую горничную?! За нее? Развѣ я и Далиловъ не одно и то же?!—Я и Далиловъ! Я, который сейчасъ видѣлъ его самодовольное лицо!.. Ахъ, онъ навѣрно ѣхалъ къ губернатору. Иначе для чего онъ одѣлъ этотъ нарядный мундиръ... Какое торжество! Нѣтъ, нѣтъ, мы не одно и то же... Какъ невыносимо тяжело мнѣ думать о бѣленькой горничной...

И вдругъ я вспомнилъ о мальчикахъ-студентахъ, которыхъ было такъ жаль, о бомбѣ, столько времени спокойно лежавшей въ письменномъ столѣ... Я осторожно поднялъ ее и даже не пряча пошелъ встрѣтить Далилова... Онъ долженъ былъ ѣхать или идти по Большой...

И я встрѣтилъ его. Смерть не страшила меня. Но я какъ-то мгновенно пережилъ возможность страданій моего изуродо-

ваннаго тѣла.. И все же рѣшился. И прежде чѣмъ бросить въ Далилова снарядъ, я успѣлъ крикнуть ему «убійца»! Онъ слышалъ. Онъ видѣлъ даже, какъ я поднималъ свою бомбу. Я замѣтилъ, что онъ поблѣднѣлъ, смертельно поблѣднѣлъ. Онъ тоже пережилъ немало. Потомъ поднялся столбъ земли, пыли, этотъ страшный взрывъ.

Я счастливъ, что Далиловъ остался живъ. Вѣдь его смерть мнѣ не была нужна! Своей смерти я не боюсь. Я ждалъ ея... Видите, какъ я спокоенъ. Совершенно спокоенъ. Я мечтаю объ исповѣди у отца... И если я не увижу его... Это возможно... Онъ уже знаетъ изъ газетъ... Послѣ военнаго суда онъ будетъ у васъ... Навѣрно будетъ... Все скажите ему...

Мнѣ сейчасъ стало легче... Поймите, какъ нуженъ защитникъ даже намъ, даже тогда, когда все рѣшено...

Владиміръ Бернштамъ.

ЗАБЫТЫЙ ПОГОСТЪ.

Безгласна каменная книга.
На древнихъ плитахъ соръ и пыль—
Послѣдній слѣдъ людского ига,
Въ могильномъ снѣ земная быль.
Съ бугра зеленаго безшумно,
Темнѣя избами вдали,
Къ погосту дремлющія гумна
Почти вплотную подошли.
На солнцѣ тихо грѣетъ ребра
Полуизломанный плетень,
И въ полуснѣ, съ улыбкой доброй
Цѣлуетъ землю вешній день.
Въ оврагѣ смежномъ по низовью,
Гдѣ чахнутъ тощіе кусты,
Какъ бы заржавленною кровью
Сочатся рыжіе пласты.
И, какъ непрошенные гости,
Въ оврагъ часть вѣтокъ наклонивъ,
Уныло жмется на погостѣ
Семья задумчивая ивъ.
Сѣдыя каменныя строки
Вросли глубоко въ черноземъ—
Едва замѣтные намеки
О невозвратномъ, о быломъ.
Но что мнѣ ихъ языкъ разскажетъ?
Ушелъ одинъ—пришелъ другой
На ту же стонущую пажить,
Все съ той же матушкой-сохой.

И тѣ-жъ соломенныя риги,
И то же царство мертвыхъ душъ...
Совсѣмъ сотрутся буквы книги, —
Но не пройдетъ нѣмая глушь.
Она безсмѣнно у околицъ
И днемъ и ночью сторожитъ,
И ни косарь, ни богомолецъ
Ея сѣтей не избѣжитъ...

Алексѣй Липецкій.

ИЗЪ ОБЛАСТИ РЕЛИГІОЗНЫХЪ ИСКАНІЙ.

(*В. И. Ясевичъ-Бородаевская. Борьба за вѣру.* Очерки по старообрядчеству и сектантству. С.-Петербургъ, 1912).

Русскій расколъ—въ смыслѣ обрядоваго и догматическаго отчужденія отъ православной церкви—религіозно-бытовое явленіе чрезвычайной важности. Свойственный, въ своемъ настоящемъ видѣ, исключительно нашей жизни, онъ кладетъ особый оттѣнокъ не только на историческую роль православной церкви на Руси, но и на многія событія въ жизни общественной. Расколъ вноситъ во внѣшнее государственное и племенное единство глубокое внутреннее разъединеніе, и, если одна изъ его отраслей—старообрядцы,—несмотря на отрицаніе ими современной «никоніанской» и «синодальной» церкви, остается глубоко-національною, то нѣкоторыя вѣтви другой его отрасли—мистическаго и раціональнаго сектантства—въ силу своихъ вѣроученій, выходятъ далеко за предѣлы національности. Исторія обѣихъ отраслей ознаменована въ прошломъ рядомъ преслѣдованій, ограниченій и стѣсненій. Отъ нея пахнетъ дымомъ пылающихъ срубовъ и кровью, а въ недалекомъ и, пожалуй, даже очень близкомъ прошломъ—грубѣйшими нарушеніями свободы совѣсти и вѣротерпимости. Между тѣмъ, для правильнаго пониманія раскола, для уясненія его многообразныхъ развѣтвленій и для оцѣнки справедливости и цѣлесообразности принимаемыхъ противъ него мѣръ у насъ сдѣлано очень мало. Журналы различныхъ комиссій, занимавшихся подготовительными работами по законодательной разработкѣ вопросовъ о расколѣ, для огромнаго большинства могущихъ ими интересоваться—

недоступны. Церковь, со времени соборнаго проклятія 1667-го года, шла по пути отлученій и суроваго осужденія, руководясь внѣшними оказательствами раскола и предустановленнымъ на него взглядомъ, не желая ни смягчать, ни провѣрять послѣдній и постоянно взывая къ «мечу свѣтскому» для огражденія своихъ формальныхъ правъ, забывая зачастую о своемъ призваніи имѣть нравственное вліяніе. Такъ называемое образованное общество въ большинствѣ случаевъ высокомѣрно отворачивалось отъ вопросовъ о расколѣ и бездушно проходило мимо нихъ, считая ихъ незаслуживающими «просвѣщеннаго вниманія» чужими домашними дѣлами. Литературные труды по этимъ вопросамъ немногихъ серьезныхъ и хорошо освѣдомленныхъ изслѣдователей—Пругавина, Бобрищева-Пушкина и др.—до 1905-го года, будучи мало распространены, были разбросаны главнымъ образомъ въ періодическихъ изданіяхъ; ученыя разсужденія профессоровъ богословія о разныхъ сектахъ въ отдѣльности были извѣстны, несмотря на свои научныя достоинства, исключительно спеціалистамъ; печатныя заграничныя изданія Кельсіева достать чрезвычайно трудно, и они давно уже сдѣлались библіографической рѣдкостью. Наконецъ, и наша высшая школа, повидимому, не давала своимъ питомцамъ никакихъ свѣдѣній о расколѣ. Въ старые годы университетская каѳедра въ этомъ отношеніи безмолвствовала. Едва ли это во многомъ измѣнилось и теперь. Преподавая уголовное судопроизводство въ теченіе семи лѣтъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія и затѣмъ одиннадцати лѣтъ въ Александровскомъ Лицеѣ, пишущій эти строки не разъ задавался вопросомъ, гдѣ и отъ кого могутъ узнать его молодые слушатели,—будущіе видные администраторы и судьи,—что такое расколъ, чѣмъ ознаменовалась его исторія и каковы бытовыя, юридическія и нравственныя особенности различныхъ его видовъ? Съ каѳедръ богословія и церковнаго права они обыкновенно ничего о русскомъ расколѣ не слышатъ;—при преподаваніи исторіи онъ отмѣчается обыкновенно какъ фактъ, безъ анализа его догматической сущности и его спеціальныхъ судебъ;—преподаватели словесности едва ли касаются его замѣчательныхъ литературныхъ памятниковъ;—въ курсѣ государственнаго права о немъ упоминается лишь мимоходомъ; въ особенной части уголовнаго права преступленія противъ вѣры и церкви проходятся рѣдко и по большей части исключительно съ точки зрѣнія налагаемыхъ за нихъ наказаній; наконецъ, въ лекціяхъ судебной медицины (которая притомъ вовсе не читается въ Лицеѣ) едва ли находитъ себѣ мѣсто чрезвычайно важное ознакомленіе со скопче-

ствомъ, могущее устранить въ практической дѣятельности юриста роковыя и для правосудія, и для частныхъ лицъ ошибки и поспѣшные выводы. Поэтому приходилось, сознавая важность этого пробѣла въ знаніяхъ слушателей, знакомить ихъ, хотя бы въ общихъ чертахъ, съ расколомъ вообще—по поводу ограниченія публичности засѣданій, и спеціально со скопчествомъ—при изложеніи задачъ и условій судебно-медицинской экспертизы.

Лишь съ половины перваго десятилѣтія нашего вѣка стали свободно появляться у насъ книги и періодическія изданія по расколу, и между ними одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ обширный трудъ г-жи Ясевичъ-Бородаевской, названіе котораго приведено выше. Онъ состоитъ изъ обзора законодательства по старообрядчеству и сектантству въ его послѣдовательномъ развитіи, очерковъ изъ исторіи религіознаго движенія на югѣ Россіи, воспоминаній о сектантахъ Кіевской губерніи—баптистахъ и Малёванцахъ,—обозрѣнія сектантства въ Екатеринославской губерніи и соображеній о положеніи раскола предъ запросами нашихъ дней. Въ книгу включены четыре фотографическія группы сектантовъ, наглядно дополняющія нѣкоторые изъ выводовъ автора, и 260 страницъ приложеній, рисующихъ правовое положеніе старообрядцевъ-сектантовъ и содержащихъ девять важнѣйшихъ законодательныхъ актовъ, касающихся вѣротерпимости, начиная съ 1903 года, рядъ рѣшеній Сената по сектантскимъ дѣламъ, одиннадцать циркуляровъ министра внутреннихъ дѣлъ и изложенія вѣроученія евангельскихъ христіанъ и баптистовъ. Уже изъ этого перечисленія содержанія книги Ясевичъ-Бородаевской видно, какъ она разнообразна и какъ можетъ она быть полезна для всякаго желающаго ознакомиться съ современнымъ положеніемъ раскола. Но ближайшее ознакомленіе съ нею открываетъ ея особыя свойства. Придерживаясь обычнаго типа подобныхъ сочиненій, основанныхъ обыкновенно на письменныхъ и печатныхъ матеріалахъ, сопоставленіи мнѣній разныхъ авторовъ и изученіи исторіи раскола и дѣйствующаго о немъ законодательства, книга г-жи Ясевичъ проникнута еще и особой жизненностью, которая присуща далеко не всѣмъ изъ такихъ трудовъ. Г-жа Ясевичъ *лично* и *непосредственно* изучила многое изъ того, о чемъ она пишетъ. Она ѣздила по югу Россіи, проживала въ сектантскихъ деревняхъ, завязывала тѣсныя отношенія взаимнаго довѣрія съ выдающимися изъ сектантовъ, знакомилась съ ихъ бытомъ, обрядами, догматикой и оригинальнымъ, своеобразнымъ ихъ языкомъ—не по книгамъ, а на живыхъ примѣрахъ,—и дѣлала все это съ чуткимъ вниманіемъ опытнаго наблюдателя.

Поэтому многія изъ страницъ ея книги полны живого интереса. Въ нихъ слышится не только голосъ вдумчиваго изслѣдователя, но и біеніе отзывчиваго и сострадательнаго сердца. «Всѣ эти люди,—говоритъ г-жа Ясевичъ,—движимые жаждой познать истину и освѣтить ею свою жизнь, глубоко интересовали меня, и жизнь ихъ, переполненная страданіемъ и горемъ, пропитанная насквозь слезами, стала моимъ горемъ и моими страданіями». Поэтому г-жа Ясевичъ можетъ, подобно Рилю и Ровинскому, сказать: «ich habe mein Buch erwandert»—я *выходила* мою книгу,—и прибавить при этомъ: «und ausgelitten»—и *выстрадала*.

Не касаясь достаточно полнаго и разносторонняго очерка исторіи раскола, культурно-историческаго значенія старообрядчества и значенія сектантства въ народной жизни, нельзя не остановиться на отдѣльныхъ главахъ книги, спеціально посвященныхъ различнымъ видамъ раскола. «Вопросъ о назначеніи человѣка,—говоритъ г-жа Ясевичъ,—вопросъ вѣчно-юный, жгучій, присущій всему человѣчеству и каждому лицу въ отдѣльности. Всякій мало-мальски мыслящій стремится, такъ или иначе, по мѣрѣ своихъ силъ разрѣшить его, и, если въ борьбѣ съ житейскими невзгодами у человѣка не заглохнетъ пробудившееся самосознаніе, у него является, независимо даже отъ посторонняго вліянія, собственный критерій, стремленіе къ построенію основъ нравственности, и тутъ-то среда, условія жизни и пр. имѣютъ въ большинствѣ случаевъ рѣшающее значеніе. И существо, у котораго не было раньше духовной жизни, задавленное всякими лишеніями и житейскими невзгодами, быть можетъ, раньше пьянчужка, знавшій только путь отъ дома къ кабаку, начинаетъ чувствовать себя человѣкомъ. Какія же силы могутъ порвать узы, соединившія его съ тѣмъ или инымъ братскимъ союзомъ? И такихъ людей, которые въ крайнемъ своемъ увлеченіи доходятъ до экстаза и галлюцинацій, тюрьмой и разными понудительными мѣрами не поколебать, ибо на каждое наказаніе, понесенное за свою вѣру, сектантъ смотритъ какъ на испытаніе, посланное самимъ Господомъ для ихъ укрѣпленія въ вѣрѣ, а потерпѣвшаго за вѣру братья-единомышленники украшаютъ вѣнцомъ мученика». Это свое заключеніе она иллюстрируетъ интереснѣйшими воспоминаніями о личномъ знакомствѣ и бесѣдахъ съ двумя представителями раціоналистическаго и мистическаго сектантства — крестьянами Дупліёмъ и Малёванымъ. Обращаясь къ *духоборамъ*, она находитъ, что на развитіе этой секты на югѣ Россіи имѣлъ большое вліяніе простонародный украинскій философъ Григорій Сковорода, человѣкъ твердый въ

убѣжденіяхъ и безпощадный въ словѣ протеста противъ злоупотребленій властей и духовенства, нелюбимый и тѣснимый съ разныхъ сторонъ. Онъ былъ авторомъ духовныхъ «псальмъ», принятыхъ духоборами въ свой обиходъ и очень ими цѣнимыхъ. «Звонарь для глухихъ и носитель свѣщи предъ слѣпцами», какъ его называли современники, онъ своей личностью и полной лишеній жизнью плѣнялъ народъ и въ глазахъ духоборовъ являлся идеаломъ суроваго исполненія христіанскаго долга и библейскихъ завѣтовъ. Ведя свою скитальческую жизнь, онъ любилъ свои лишенія и говорилъ: «я все—пока ничто; какъ стану что—то съ меня ничто. Слава Создателю, что онъ сдѣлалъ трудное ненужнымъ, а ненужное—труднымъ». Рядъ страницъ книги посвященъ русскимъ *баптистамъ*, ихъ вѣроученію и бытовымъ особенностямъ, а также тѣмъ преслѣдованіямъ, которымъ они подвергались вмѣстѣ со *штундистами* до извѣстнаго Высочайшаго указа 17 апрѣля 1905-го года о вѣротерпимости. Эти страницы еще разъ служатъ доказательствомъ, на какомъ ложномъ пути стояло у насъ оффиціальное отношеніе къ этимъ сектамъ. Явленіе сравнительно новое, обратившее на себя вниманіе лишь въ началѣ семидесятыхъ годовъ, штундизмъ (отъ слова Stunde—часъ собесѣдованія) возникъ подъ вліяніемъ энергической печатной и устной проповѣди нѣсколько видоизмѣненныхъ началъ протестантства среди южно-русскаго населенія. Это не раціоналистическая и не мистическая секта, и ей не свойственны ни аскетизмъ, ни религіозный экстазъ. Центръ тяжести ея лежитъ въ отрицаніи всякой обрядности и внѣшняго доказательства своей вѣры, по существу же она проникнута глубокимъ піетизмомъ. Ближе всего ученіе ея подходитъ къ вѣроученію отдѣлившихся отъ лютеранства баптистовъ, при чемъ русскіе послѣдователи баптизма именуютъ себя на югѣ Россіи и на Волгѣ «евангельскими христіанами» и употребляютъ на своихъ молитвенныхъ собраніяхъ тѣ же сборники духовныхъ пѣсенъ, какъ и баптисты. Бесѣды ихъ и собранія прежде всего характеризуются чтеніемъ Евангелія, которое, по мнѣнію многихъ изъ нихъ, было издано Синодомъ на русскомъ языкѣ и продается по дешевой цѣнѣ по повелѣнію Государя, «дабы русскій народъ позналъ истинную вѣру». Въ другомъ мѣстѣ (въ «Русской Старинѣ» и въ томѣ I книги «На жизненномъ пути») мною изложена въ подробностяхъ исторія попытки законодателя предоставить съ 3 мая 1883 года баптистамъ и штундистамъ, вмѣстѣ съ другими раскольниками, не принадлежащими къ особо-вреднымъ сектамъ, право сходиться на молитвенныя собранія. Противъ этого права

начата была высшей администраціей юго-западнаго края многообразная и многолѣтняя борьба, въ которой основанія для воспрещенія молитвенныхъ собраній мѣняли свою окраску послѣ каждаго отрицательнаго рѣшенія Сената, кассировавшаго приговоры постановляемые болѣе услужливо, чѣмъ справедливо. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, покуда наконецъ, вслѣдствіе настояній оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода и министра внутреннихъ дѣлъ, комитетъ министровъ въ 1894-мъ году не предоставилъ имъ обоимъ—руководясь не выдерживающими никакой критики свѣдѣніями объ основахъ вѣроученія штундистовъ—объявить штунду *особо-вредной* сектой. Такимъ образомъ штундисты, которые, по мнѣнію такого глубокаго знатока раскола, какъ знаменитый авторъ «Въ лѣсахъ» и «На горахъ», Мельниковъ, «не представляютъ вреда ни въ государственномъ, ни въ общественномъ отношеніяхъ, ибо ихъ секта—родная сестра реформатовъ и менонитовъ»,—были приравнены къ послѣдователямъ сектъ, отличающихся безнравственными и гнусными дѣйствіями, преслѣдуемыми уголовными законами. Это положеніе комитета министровъ и основанные на немъ поспѣшно изданные циркуляры открыли всѣ шлюзы для преслѣдованія штундистовъ и обобщаемыхъ съ ними—согласно заключеніямъ командируемыхъ консисторіями экспертовъ — баптистовъ, подъ именемъ штундо-баптистовъ. Рѣшеніе Сената, требовавшаго подробной и точной экспертизы, основанной на доказанныхъ по суду взглядахъ и дѣйствіяхъ подсудимыхъ, обвиняемыхъ въ принадлежности то къ баптизму, то къ штундѣ и пашковской ереси, то къ вновь измышленной духовной штундѣ и, наконецъ, къ штундобаптизму,—оказало свое дѣйствіе лишь тамъ, гдѣ существовали мировые судьи. Но повсюду, гдѣ были введены земскіе начальники, это рѣшеніе оставалось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, такъ какъ по отношенію къ приговорамъ послѣднихъ, въ каждой губерніи былъ созданъ свой кассаціонный судъ въ лицѣ губернскихъ присутствій, далеко не всегда удостаивавшихъ своимъ вниманіемъ разъясненія кассаціоннаго Сената, для нихъ не обязательныя.

Книга г-жи Ясевичъ изобилуетъ фактическими доказательствами этого положенія вещей и тѣхъ предвзятыхъ соображеній, которыми, иногда даже со стороны носителей судебной власти, это положеніе поддерживалось. Достаточно указать на приводимый ею обвинительный приговоръ одного изъ кіевскихъ мировыхъ судей по дѣлу штундо-баптистовъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности за участіе въ молитвенномъ собраніи, разрѣшенномъ закономъ 3 мая 1883 г., но *не дозволенномъ* кіевскимъ генералъ-губернаторомъ. «Заявле-

ніе обвиняемыхъ,—гласилъ этотъ приговоръ,—о томъ, что они служатъ въ военной службѣ и платятъ подати, ничего существеннаго къ ихъ оправданію не выражаетъ, такъ какъ этому законному порядку они и не въ силѣ открыто противостоять, разъ они живутъ въ обществѣ и имѣютъ имущество, иначе они потеряли бы все имущество, обязанное отвѣчать за неплатежъ казенныхъ налоговъ, да и уклоненіе отъ военной службы влечетъ за собою серьезное уголовное наказаніе, такъ что *наружное подчиненіе* этому общему порядку не можетъ играть никакой роли къ исключенію обвиняемыхъ отъ принадлежности ихъ къ сектѣ штундистовъ, признанной вредной въ политическомъ и соціальномъ отношеніи». Замѣчательно, что штундистовъ нерѣдко обвиняли въ томъ, что они держатся пашковскаго лжеученія, по которому достаточно одной любви къ Христу, а остальное все приложится. Ихъ преслѣдовали за ученіе о *вѣрѣ безъ дѣлъ*, свободно проповѣдывавшейся въ гостиныхъ петербургской знати лордомъ Редстокомъ, а если они хотѣли себя оправдать дѣлами, то это признавалось фарисействомъ. Невольно съ грустной усмѣшкой вспомнишь при этомъ малороссійскую поговорку (не даромъ большинство штундистовъ—хохлы): «перевернешься,—бьютъ, недовернешься—бьютъ».

Много мѣста отведено въ книгѣ г-жи Ясевичъ хлыстовщинѣ, съ вѣроученіемъ которой и его практическимъ осуществленіемъ ей удалось, въ своихъ бесѣдахъ и какъ очевидицѣ, близко ознакомиться. Это даетъ ей основаніе категорически отрицать тѣ обвиненія, которыя обращаютъ эту мистически-экстатическую секту въ мрачное, безнравственное и преступное сборище людей, поклоняющихся «богородицѣ», одобряющихъ дѣтоубійство и заканчивающихъ свои радѣнія свальнымъ грѣхомъ. Называя это обвиненіе клеветою, лишенною всякихъ фактическихъ основаній, она указываетъ, что впервые въ литературѣ такое обвиненіе высказалъ баронъ Гакстгаузенъ, слышавшій о поводахъ къ нему отъ «достовѣрнаго лица». «Свѣдѣнія о хлыстахъ—говоритъ она,—получаются большею частью отъ ренегатовъ, которые, конечно, не скупятся на вымыслы, или изъ подхваченныхъ разсказовъ праздной болтовни, раздутыхъ до нелѣпости. Не въ защиту хлыстовъ говорю я,—прибавляетъ она,—а просто въ защиту истины. Хлыстовщину нельзя назвать явленіемъ отраднымъ: радѣнія дѣйствуютъ разрушительно на организмъ,—среди хлыстовъ много слабогрудыхъ, чахоточныхъ, нервныхъ; страданія женщинъ усугубляются еще всякими женскими болѣзнями, которыя образуются отъ чрезмѣрныхъ движеній.» Вопросъ о безнравственныхъ обрядахъ хлыстовъ до сихъ поръ остается открытымъ. Г-жа Ясе-

вичъ правильно указываетъ на скудость и недостовѣрность непосредственныхъ свидѣтельствъ о нихъ, и ея наблюденія и выводы заслуживаютъ въ этомъ отношеніи вниманія.

Для характеристики разнообразія взглядовъ авторовъ, по большей части не находившихся въ выгодномъ для наблюденія положеніи г-жи Ясевичъ достаточно, для примѣра, привести, что между позднѣйшими писателями о расколѣ—Кутеповъ признаетъ существованіе у хлыстовъ свальнаго грѣха и причащенія грудью «богородицы», священникъ Рождественскій и Пругавинъ это отрицаютъ, профессоръ Добротворскій сомнѣвается въ этомъ, профессоръ казанской духовной академіи Ивановскій, часто бывавшій экспертомъ по сектантскимъ дѣламъ, заявляетъ, что «ни въ одномъ изъ не одного десятка прочитанныхъ имъ дѣлъ о хлыстахъ» онъ не усмотрѣлъ указаній на свальный грѣхъ. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ послѣдняго, что «если даже и допустить, что проявленія изувѣрства, въ той или другой формѣ, нѣкогда (лѣтъ 150, 100 или 50 назадъ) и бывали какъ давніе единичные случаи, то и тогда мы имѣемъ мало права говорить о томъ, что секта хлыстовъ соединена съ изувѣрствомъ». Еще менѣе надежный матеріалъ представляютъ судебныя дѣла о хлыстахъ. Типичнымъ между ними является слѣдственное дѣло, производившееся въ 1745 г. «о богомерзкой квакерской ереси». При обыскѣ въ подмосковскомъ селѣ Преображенскомъ у лицъ, заподозрѣнныхъ въ ереси, были найдены принадлежащіе хлыстовскому учителю мѣшочки съ крошками, въ которыхъ, по убѣжденію слѣдственной комиссіи, оказались частицы человѣческаго тѣла. Учитель Артамоновъ и проживавшая въ одномъ изъ монастырей Лукерья Васильева были привлечены и допрошены «съ пристрастіемъ», т. е. съ угрозой пыткою, а затѣмъ были подняты «на дыбу» и сознались въ убійствѣ рожденныхъ отъ свальнаго грѣха младенцевъ. Найденныя затѣмъ особо посланной командой въ сѣняхъ и кельяхъ монастыря, подъ поломъ, кости убіенныхъ были отправлены въ медицинскую контору, которая однако нашла, что онѣ «звѣрскія, а не человѣческія». Впослѣдствіи оказалось, что показанія были даны облыжно, «не стерпя подъема на дыбу». Мельниковъ, довѣряющій повѣствованію барона Гакстгаузена, сознается, однако, что не знаетъ ни одного случая, гдѣ бы преступное изувѣрство хлыстовъ было обнаружено вполнѣ и могло считаться юридически доказаннымъ. Нѣтъ указаній на это изувѣрство и въ дѣлахъ доходившихъ съ 1885 и по 1900 г. до уголовнаго кассаціоннаго департамента, если не считать показанія истерической дѣвочки въ Кирсановскомъ уѣздѣ, къ опро-

верженію котораго не былъ допущенъ судомъ извѣстный ученый Борисъ Николаевичъ Чичеринъ, лично знавшій въ теченіе двадцати лѣтъ обвиняемыхъ—двухъ ветхихъ стариковъ, жившихъ у него въ лѣсной сторожкѣ,—и удостовѣрявшій объ ихъ глубокой религіозности и чистой нравственности. Эксперты, командированные консисторіями, настаивали въ каждомъ случаѣ на несомнѣнномъ хлыстовствѣ привлеченныхъ и на свальномъ грѣхѣ между ними. Иногда объясненія ихъ содержали въ себѣ голословное утвержденіе о томъ, что самый внѣшній видъ сектантовъ и ихъ блѣдныя лица указываютъ на существованіе этого грѣха, и напоминали извѣстные стихи Майкова въ легендѣ объ испанской инквизиціи: «эти лица безъ улыбки, этотъ видъ худой и блѣдный—явно дьявольскія клейма.» Въ другихъ случаяхъ секта, на основаніи объясненій экспертовъ, характеризовалась такъ: «главное требованіе ихъ ученія—*запрещеніе* половыхъ отношеній съ женщинами; молитвенныя ихъ собранія состоятъ въ томъ, что сектанты, одѣтые въ бѣлую одежду, поютъ духовные стихи, кружатся, хлещутъ себя полотенцами, а послѣ ужина ложатся спать на полу; что въ это время происходитъ, въ точности не удостовѣрено». Въ одномъ дѣлѣ, по мнѣнію эксперта, доказательствомъ принадлежности къ хлыстовству служили отобранные у обвиняемыхъ рубашки и образа (?); въ другомъ жалобы жены на то, что мужъ, проживъ съ нею пятерыхъ дѣтей, пересталъ ѣсть мясо и сталъ воздерживаться отъ супружескихъ сношеній. Вообще экспертиза по хлыстовскимъ дѣламъ въ большинствѣ случаевъ состояла въ томъ, что послѣ указанія на излюбленные сектантами мистическихъ ересей тексты Писанія или «псальмы», обнаруженные у обвиняемыхъ при обыскахъ, экспертомъ дѣлался выводъ, что обвиняемые принадлежатъ къ хлыстовской ереси, вѣроученіе которой, *какъ извѣстно*, приводитъ къ изувѣрнымъ обрядамъ и свальному грѣху. Такимъ образомъ по отдѣльнымъ признакамъ, еще далеко не заключающимъ въ себѣ чего-либо «гнуснаго» или «безнравственнаго», заблужденія обвиняемыхъ подводились подъ понятіе хлыстовщины, которое eo ipso, въ силу предвзятаго и якобы установившагося взгляда, неминуемо влекло за собою и обвиненіе въ изувѣрныхъ обрядахъ. Присяжнымъ засѣдателямъ предлагался въ сущности вопросъ не о виновности подсудимыхъ, а о характерѣ секты, къ которой подсудимые, по мнѣнію экспертовъ, принадлежатъ, при чемъ присяжнымъ иногда разъяснялось, что признаки и свойства секты установлены непререкаемою высшею духовною властью и никакому отрицанію, исключенію или ограниченію со стороны присяжныхъ не подлежатъ. Типиче-

скимъ и наиболѣе выдающимся дѣломъ въ этомъ отношеніи является дѣло Тарусскихъ хлыстовъ (въ 1895 г.), по которому было осуждено къ ссылкѣ въ Закавказскій край, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, двадцать человѣкъ, въ томъ числѣ восьмидесятилѣтніе старики, при чемъ средній возрастъ обвиняемыхъ былъ не ниже 55 лѣтъ.

Въ обвинительномъ актѣ было указано, что признаковъ свальнаго грѣха или существованія у обвиняемыхъ «богородицы» по слѣдствію не открыто. На судѣ, согласно этому акту, присяжнымъ засѣдателямъ были поставлены вопросы о принадлежности подсудимыхъ къ хлыстовской ереси, вѣроученіе которой состоитъ: а) въ отрицаніи брака, б) въ проповѣди безбрачія и расторженія браковъ, в) въ свободномъ плотскомъ общеніи лицъ разнаго пола и д) въ устройствѣ радѣній, вредно вліяющихъ на физическое здоровье участниковъ, при чемъ на принадлежность нѣкоторыхъ изъ обвиняемыхъ къ этой сектѣ указывали такія обстоятельства, какъ нахожденіе у нихъ бѣлыхъ радѣльныхъ рубахъ, посѣщеніе ими молитвенныхъ собраній или устройство таковыхъ въ своихъ домахъ. На просьбу старшины присяжныхъ засѣдателей о разъясненіи способа отвѣта на 27 вопросовъ, предсѣдатель заявилъ, что эти признаки секты для присяжныхъ будто бы *обязательны*. Затѣмъ, повидимому, усумнившись въ основательности и справедливости своего приговора, судъ освободилъ обвиняемыхъ—до вступленія приговора въ законную силу—изъ заключенія, въ которомъ они содержались болѣе двухъ лѣтъ. Но по настоянію главы духовнаго вѣдомства и по распоряженію статсъ-секретаря Муравьева на это былъ принесенъ прокурорскій протестъ, и осужденные были снова взяты подъ стражу. Сенатъ, однако нашелъ, что изъ опредѣленія свойства секты, къ коей принадлежали Тарусскіе хлысты, вполнѣ очевидно, что она не была соединена съ безнравственными или гнусными дѣйствіями, такъ какъ ея признаки, указанные въ вопросахъ относятся къ догматическимъ положеніямъ, безъ указанія на то, чтобы между послѣдователями ереси, пребывающими въ безбрачіи, существовалъ половой развратъ; а относительно ссылки на то, что ересь, къ которой принадлежали обвиняемые, влекла за собою физическое разстройство организма Сенатъ призналъ, что она находится въ противорѣчіи съ однимъ изъ указанныхъ въ томъ же обвинительномъ актѣ и въ вопросахъ присяжнымъ засѣдателямъ фактическимъ признакомъ, а именно съ возрастомъ обвиняемыхъ, такъ какъ изъ двадцати судившихся по настоящему дѣлу трое были старѣе 70-ти, четверо старѣе 60-ти лѣтъ, а общій средній возрастъ подсудимыхъ былъ 55 лѣтъ.

Поэтому за подсудимыми не могла быть признана принадлежность къ сектѣ, соединенной съ противонравственными, гнусными дѣйствіями, и примѣненіе судомъ ко всѣмъ лицамъ признаннымъ виновными, 203 ст. Уложенія представляется неправильнымъ. Вслѣдствіе этого Сенатъ отмѣнилъ все производство по дѣлу по 1 ст. Улож. о наказ. и 1 ст. уст. угол. суд. И дѣйствительно, если считать отрицаніе брака и проповѣдь безбрачія, а также сожитіе неженатыхъ съ незамужними за доказательство принадлежности къ хлыстовской ереси, то пришлось бы привлечь къ тяжкой уголовной отвѣтственности такое огромное число лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ кругамъ общества, а также послѣдователей обширныхъ вѣтвей старообрядчества, что ни судей, ни судебныхъ и тюремныхъ помѣщеній для этого общеполезнаго дѣла по всей Россіи не хватило бы. Точно такъ же, если—особенно въ виду содержащихся въ книгѣ г-жи Ясевичъ описаній—участіе въ радѣніяхъ людей, перешедшихъ пятидесятилѣтній возрастъ, при чемъ нѣкоторые достигли глубокой старости, и можно находить вреднымъ для ихъ здоровья, то во всякомъ случаѣ нѣтъ законныхъ основаній считать это участіе безнравственнымъ и гнуснымъ поступкомъ. Иначе пришлось бы, пожалуй, такое обвиненіе распространить на очень многихъ лицъ почтеннаго возраста, проводящихъ въ антигигіеническихъ условіяхъ цѣлыя ночи въ своеобразныхъ «радѣніяхъ» за картами въ клубахъ и тому подобныхъ учрежденіяхъ. По поводу этого дѣла надо замѣтить, что оно вызвало весьма интересную статью «о судебно-психіатрической экспертизѣ въ сектантскихъ дѣлахъ» доктора Ергольскаго, приглашеннаго экспертомъ. Признавая хлыстовскую ересь явленіемъ ненормальнымъ и печальнымъ, онъ, на основаніи подробнаго и тщательнаго изученія, отрицаетъ существованіе въ хлыстовщинѣ безнравственныхъ и гнусныхъ дѣйствій, а видитъ въ ней лишь проявленіе болѣзненнаго экстаза, какъ результата вырожденія, на почвѣ алкоголизма и сифилиса, предшествующихъ поколѣній. Во всякомъ случаѣ едва ли подлежитъ сомнѣнію, что *современная* хлыстовщина уже не обладаетъ тѣми мрачными чертами, которыя ей приписываются, такъ сказать, теоретически, подъ вліяніемъ представленій, почерпнутыхъ изъ старыхъ источниковъ, достовѣрность коихъ сомнительна. Принадлежность къ ней представляетъ не *преступленіе,* а *несчастіе,* такъ какъ человѣкъ, вступившій или вовлеченный въ эту секту, мистически настроенный и болѣзненно-воспріимчивый, легко подпадаетъ подъ воздѣйствіе или вліяніе, обладающія иногда силой гипноза, со стороны своихъ учителей и пророковъ. Между послѣдними подчасъ оказываются темные

проходимцы, лично безнравственные, могущіе отравлять своими внушеніями и примѣрами слабыя души. Эта сторона главарей хлыстовщины была ярко очерчена въ обстоятельной статьѣ г. Гофштетера, называющаго ихъ носителями духовной смерти и гнили. Ихъ жертвы, по его словамъ—порожденіе безпросвѣтной религіозной тьмы, низменныхъ суевѣрій и глубокаго невѣжества, побѣдить которыя можно лишь возстановленіемъ въ странѣ здоровой церковной жизни и возвратомъ къ дѣйствительному христіанству, какъ къ религіи любви и милосердія.

Значительная часть книги г-жи Ясевичъ посвящена *старообрядчеству*, его возникновенію, исторіи и мартирологу. Для мало знакомаго съ происхожденіемъ и ролью старообрядчества въ нашей жизни, а также съ правительственными мѣропріятіями противъ него, страницы этого отдѣла содержатъ много цѣнныхъ и важныхъ свѣдѣній, которыя, вмѣстѣ съ изложеніемъ великодушныхъ начертаній Высочайшаго указа 17 апрѣля 1905 г. и выработаннаго на основаніи ихъ Государственной Думой проекта о старообрядческихъ общинахъ, представляютъ весьма полную, хотя и немного пеструю картину этого религіозно-бытового явленія нашей жизни. Лица же, близко знакомыя съ вопросомъ, быть можетъ пожелали бы найти въ этихъ страницахъ болѣе подробное описаніе дѣйствительной роли патріарха Никона, согласно съ послѣдними историческими объ этомъ изслѣдованіями, содержащимися, между прочимъ, въ трудахъ Общества любителей древней письменности.

Обращаясь къ особенностямъ изящной по своей внѣшности, шрифту и бумагѣ книги г-жи Ясевичъ-Бородаевской, прежде всего приходится отмѣтить, что она не только богато снабжена сектантскими стихами, распѣвами и псальмами, но и ко многимъ изъ нихъ приложены ноты, дающія возможность опредѣлить напѣвъ, играющій извѣстную роль въ характеристикѣ различныхъ сектъ. Всѣ эти стихи, распѣвы и псальмы проникнуты несомнѣннымъ чувствомъ, искупающимъ во многихъ изъ нихъ недостатки формы, несоблюденіе размѣра и погрѣшности риѳмы. Въ нихъ слышится глубокая и своеобразная вѣра, покорность судьбѣ и нерѣдко восторженное умиленіе передъ Христомъ. Теперь, когда народное пѣснетворчество изсякаетъ и извращается, обращаясь, подъ вліяніемъ фабрики и развращающихъ впечатлѣній города, въ сочиненіе такъ называемыхъ *частушекъ*, знакомство съ такими произведеніями религіознаго настроенія производитъ отрадное впечатлѣніе. Когда приходится слышать пѣсню о томъ, какъ «Ваня въ зеркало глядѣлся,—само съ собою смотрѣлся:—какой

я хорошій,—какой я пригожій:—рубашка французска,—жилетка съ цвѣтами,—шляпа съ перами,—голова съ кудрями.—Кудри вьются каждый часъ,—цѣлуй молодца сейчасъ.—Дамки, дамы, дамочки,—наши дѣвки-кралечки.—Ахъ, красна-дѣвица,—ваша бровь сто рублевъ,—а вашъ взглядъ пятьдесятъ,—поцѣлуй шестьдесятъ», или знакомиться съ частушками такого рода: «Позволь, батюшка, жениться,—позволь взять, кого хочу,—не позволишь мнѣ жениться,—я те морду сворочу»;—«родненькая матушка,—не хочется въ солдатушки;—тятька въ рекрутахъ не былъ,—а меня, подлецъ, забрилъ;—я за это насолю:—ночью дворъ его спалю...», то совсѣмъ другое міросозерцаніе слышится въ пѣснѣ сектантовъ-мистиковъ: «Богъ лучи съ неба спустилъ,—мое сердце озарилъ;—возсіялъ небесный свѣтъ—и подалъ душѣ совѣтъ:—«возстань, душа, ободрись,—въ ризу Христа облачись.—Полно тебѣ, душа, спать,—время съ одра тьмы возстать!—Посмотри на небеса:—Христосъ открылъ чудеса»... или въ псальмѣ русскихъ баптистовъ: «Боже, зри мое смиренье,—зри мои плачевны дни,—зри Ты мое огорченье,—и меня не обвини.—Я Тебѣ молитву слезну,—мой Создатель, приношу:—дай мнѣ тишину любезну—со смиреніемъ прошу»... или, наконецъ, въ распѣвѣ украинскихъ сектантовъ: «Освиты, свитла заря,—спасы, Господы, царя,—сохраны ёго столыцю,—шобъ крови не пролыть; за то й Богъ ёго храныть,—шо за хрыстіанъ стоить.—Пошлы Богъ покровъ избраннимъ,—на молитву теперь станимъ.—Богу слава и держава—во вики виковъ. Аминь!» Какъ эти пѣсни сектантовъ—единственныя, которыя они разрѣшаютъ себѣ пѣть—отличаются отъ частушекъ, такъ и жизнь большинства изъ нихъ выдѣляетъ ихъ изъ обычной обстановки, бытовыхъ условій и привычекъ окружающаго населенія. Въ этихъ пѣсняхъ почти всегда слышится готовность претерпѣть за свои вѣрованія и предчувствіе преслѣдованій, которое, какъ извѣстно, ихъ рѣдко обманывало. «Духовныя сектантскія пѣснопѣнія»,—говоритъ г-жа Ясевичъ,—«являются существенной частью богомоленій какъ раціоналистовъ, такъ и мистиковъ. Это народное творчество, богатое образами и характерное своимъ языкомъ, служитъ драгоцѣннымъ матеріаломъ при изученіи бытовой и религіозной жизни народа: здѣсь отражается вся его душа—то свѣтлая и ликующая, то опечаленная и подавленная, въ зависимости отъ того или иного полета мысли, отъ того или иного движенія чувства подъ вліяніемъ окружающей жизни, ея радостей и невзгодъ».

Вторая особенность книги состоитъ въ художественности

образовъ и картинъ, рисуемыхъ съ полнымъ безпристрастіемъ. Авторъ не скрываетъ своей симпатіи къ личностямъ нѣкоторыхъ изъ сектантовъ, къ человѣчности ихъ отношеній между собою, къ ихъ злосчастной подчасъ судьбѣ и къ тѣмъ сторонамъ ихъ вѣроученій, въ которыхъ она усматриваетъ возвышенное желаніе утолить свой духовный голодъ. Но она не скрываетъ также и темныхъ сторонъ въ жизни и ученіи сектантовъ, о которыхъ ей приходится говорить, не слѣдуя въ этомъ отношеніи лукавому совѣту «говорить правду, только правду, одну правду, но... *не всю* правду». Вотъ какъ, напримѣръ, описываетъ она хлыстовское радѣніе: «За исключеніемъ 4-хъ—5-ти человѣкъ, которые пѣли, всѣ поднялись со своихъ мѣстъ и начали быстро кружиться. Вспыхивая замигала тускло горѣвшая лампочка, освѣщая это фантастическое зрѣлище. Отъ быстроты движенія и поднявшейся пыли едва можно было различить лица вертящихся. Становилось жутко. Возлѣ меня кружилась быстро, насколько позволялъ ея возрастъ, высокая, худая, покрытая глубокими морщинами 65-лѣтняя старуха. Я пришла въ ужасъ при видѣ дикаго изступленія на этомъ старческомъ лицѣ. Тупой взглядъ широко раскрытыхъ глазъ, отвисшая челюсть беззубаго рта, откуда вырывались глухіе стоны, дѣлали эту старуху по-истинѣ ужасной! Свои руки она то протягивала впередъ, то судорожно прижимала одну руку къ груди и впивалась въ воротъ рубахи своими костлявыми пальцами, силясь разорвать его; другой же, обнаженной по локоть, она въ изступленіи колотила себя въ грудь; кругомъ, при слабомъ освѣщеніи мерцающей лампочки, въ облакѣ пыли, кружились, падали на полъ, вскакивали и затѣмъ съ новой силой кружились и мелькали бѣлыя тѣни съ искаженными лицами и слышались глухіе вопли и стоны. Вдругъ кто-то изъ среды вертящихся вскрикнулъ и движеніе мгновенно оборвалось. Всѣ размѣстились по скамьямъ, а на середину комнаты выступилъ «пророкъ», точно призракъ съ застывшимъ взглядомъ». Передавая свои бесѣды съ сектантомъ-прыгуномъ Сироквашей, авторъ говоритъ: «Увѣряя меня, что скоро настанетъ царство истинныхъ христіанъ, онъ вдругъ, задыхаясь, шепотомъ проговорилъ: «А знаешь, что я тебѣ скажу?.. Знаешь, какой великой благодати ты удостоиваешься?.. Я только тебѣ это говорю... ты должна отнынѣ знать, кто я... я—Христосъ .. своей смертью я искупилъ грѣхи рода человѣческаго... вотъ скоро настанетъ царство истинныхъ христіанъ, и родъ человѣческій не будетъ погибать въ грѣхѣ и развратѣ... Вѣришь ты мнѣ?—спросилъ онъ, пытливо вглядываясь

мнѣ въ лицо, блѣдный, съ всклокоченными волосами, съ горящимъ восторженнымъ взглядомъ...»

Г-жа Ясевичъ горячо любитъ Малороссію. Милая природа Украйны, ея деревня съ бѣлыми хатами и садочками, ярко освѣщенная солнцемъ и полная таинственной прелести подъ темнымъ небомъ, усѣяннымъ яркими звѣздами,—деревня, въ укромномъ уголкѣ которой поютъ и играютъ кобзари, не разъ мелькаетъ на страницахъ ея книги, и эти поэтическія картины, близкія сердцу всякаго, кто жилъ на Украйнѣ, смѣняются описаніемъ молчаливой и неприютной деревни шалапутовъ.

Рядомъ съ живыми образами мы встрѣчаемъ въ книгѣ прекрасныя и точныя характеристики старообрядчества и различныхъ видовъ сектантства. Это весьма важно, потому что у насъ еще недавно въ одну кучу сваливали, подъ именемъ раскольниковъ, и старообрядцевъ, и сектантовъ, и изувѣровъ, одичалыхъ въ своихъ нелѣпыхъ обрядахъ и взглядахъ. Достаточно указать на сочиненіе Андреева о русскомъ расколѣ, бывшее такъ долго почти единственной книгой, по которой можно было знакомиться съ расколомъ вообще, если не считать трудно доступныхъ сочиненій Кельсіева. Андреевъ въ добросовѣстномъ или ослѣпленномъ заблужденіи приводитъ списокъ свыше ста сектъ и толковъ, которые существуютъ въ Россіи, и въ этотъ списокъ входятъ и старообрядцы, и самыя разнообразныя секты, упоминаемыя, притомъ, по два раза подъ разными именами. Такъ, *странники* считаются отдѣльно отъ *бѣгуновъ*, тогда какъ это одна и та же секта; *бѣлые голуби* противополагаются *скопцамъ*, *дырники* называются въ другомъ мѣстѣ *щельниками*, а между тѣмъ это одинъ толкъ, который лишь иначе именуется въ разныхъ мѣстностяхъ. Этого смѣшенія понятій и представленій нѣтъ въ томъ, что пишетъ г-жа Ясевичъ, останавливающаяся не на внѣшнихъ, поверхностныхъ признакахъ, но вникающая во внутреннее содержаніе описываемыхъ ею вѣроученій. «И старообрядчество, и сектантство,—говоритъ она,—есть результатъ духовной неудовлетворенности людей; но, родившись изъ одного и того же источника, эти два теченія не соприкасаются уже вовсе въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи и развитіи, такъ какъ старообрядчество расходится съ православіемъ лишь по формѣ, а сектантство—по существу. Надъ старообрядчествомъ до сихъ поръ тяготѣетъ какое-то странное обвиненіе въ косности и въ приверженности лишь къ обряду. Конечно, доминирующее значеніе имѣетъ обрядъ; но за этимъ внѣшнимъ тяготѣніемъ къ обряду кроется великая жизненная сила, живучесть національная, которая, закабаливъ себя въ сте-

реотипныя обрядовыя гранки, живетъ своей особенной духовной жизнью, стараясь вмѣстѣ съ обрядомъ удержать условія жизни и бытъ дореформенной Руси, связывая неразрывно съ религіознымъ вопросомъ вопросъ національный. Кромѣ того, въ старообрядчествѣ существуетъ выборное начало и чувствуется единеніе паствы съ пастыремъ, который является не ставленникомъ епископовъ, иногда противъ воли и желанія прихожанъ, а лицомъ, выбраннымъ своей паствой изъ среды людей достойныхъ и близкихъ прихожанамъ, которые не тяготятся такимъ пастыремъ». Вотъ какъ характеризуетъ авторъ разницу между *баптистами* и выдѣлившимися изъ баптизма *малеванцами*, которые вынесли изъ него широкое знакомство со священнымъ писаніемъ, но отдались со страстью ученію о богочеловѣчествѣ. «Баптисты придаютъ первенствующее значеніе Новому Завѣту, укладывая весь строй своей жизни согласно его ученію; малеванцы, напротивъ, предпочитаютъ Ветхій Завѣтъ, съ его красивыми картинами, которыя даютъ обильную пищу піетически настроенной фантазіи. Особенно же любятъ они библейскія пророчества, съ ихъ заманчивыми обѣщаніями. Не отвергая Ветхаго и Новаго Завѣта, какъ книгъ назидательныхъ, но для принявшихъ новое ученіе уже отжившихъ и сдѣлавшихъ свое дѣло, малеванцы считаютъ эти книги за азбуку, необходимую лишь для несовершеннолѣтнихъ, каковы, по ихъ мнѣнію, баптисты, отыскивающіе еще пути». Къ малеванцамъ примыкаютъ внѣшнимъ образомъ *прыгуны*. «Но малеванцы—говоритъ авторъ—строили новое зданіе на старомъ, прочномъ фундаментѣ, что придало ихъ вѣроученію своеобразный колоритъ, тотъ отпечатокъ, который, при однородности ученія о богочеловѣчествѣ, почти отсутствуетъ у прыгуновъ, принимающихъ, вступая въ секту, *готовыя формы съ утраченными уже этическими началами*. Это различіе между прыгунами и малеванцами сказывается на складѣ жизни и даже на самомъ характерѣ пѣснопѣнія, которое у малеванцевъ отличается глубиной и задушевностью; пѣснопѣнія же прыгуновъ относятся къ категоріи плясовыхъ пѣсенъ, и мотивъ далеко не гармонируетъ съ содержаніемъ и со смысломъ ихъ псальмъ». Вотъ, наконецъ, какъ опредѣляется въ книгѣ различіе между шалапутами и хлыстами: «*Шалапуты уничижаютъ личность* и убѣждены, что *наступаетъ* царство антихриста, *мрачно* смотрятъ на жизнь, считая ее только искупительнымъ предвѣчнымъ періодомъ, *сознательно* бичуютъ себя ради спасенія души и признаютъ главнымъ образомъ Старый Завѣтъ, какъ основной источникъ всѣхъ предсказаній и пророчествъ;

по ихъ мнѣнію, Новый Завѣтъ только «повершаетъ» Старый. Православную религію они признаютъ со всѣми ея обрядностями, преданіями и святынями, но, не довольствуясь «усердіемъ» духовенства, дополняютъ церковное богослуженіе усиленными домашними бдѣніями, постами и всякими физическими лишеніями; у шалапутовъ *нѣтъ* «радѣній». Вопросъ о нравственности выдвигается у нихъ самъ собой на первый планъ, но, игнорируя пользу отъ этого нравственнаго самоусовершенствованія для земного существованія, они всѣ помыслы свои обращаютъ лишь къ загробной жизни, почему молитва, самобичеваніе, посты и вообще разные способы изнуренія плоти и добрыя дѣла разсматриваются лишь какъ средства для достиженія небеснаго блаженства. *Хлысты*, въ противность шалапутамъ, *возвеличиваютъ личность*, и, уподобляя себя божеству, утверждаютъ, что близится уже «царство истинныхъ христіанъ», что существованіе видимаго міра должно продлиться до безконечности, такъ какъ *въ самихъ людяхъ здѣсь, на землѣ, лежатъ зачатки рая и ада*, и наступленіе «царства истинныхъ христіанъ» задерживается только злою волею человѣка и его невѣдѣніемъ, которыя и толкаютъ его въ пучину грѣха».

Взыскательный читатель, быть можетъ, сдѣлаетъ книгѣ г-жи Ясевичъ нѣкоторый упрекъ въ томъ, что общія положенія, выводимыя изъ обширнаго матеріала, бывшаго въ распоряженіи автора, тѣсно переплетены съ фактическими подробностями, отвлекающими вниманіе отъ этихъ положеній. Это вызываетъ частое повтореніе ихъ и утомляетъ читателя. Но этотъ недостатокъ, во-первыхъ, искупается второю частью книги, гдѣ говорится о старообрядчествѣ и сектантствѣ предъ запросами нашихъ дней и гдѣ указанный нами недостатокъ почти отсутствуетъ, и, во-вторыхъ, живымъ отношеніемъ къ своему повѣствованію самого автора, который его не только излагаетъ, но и, очевидно, переживаетъ въ душѣ. Г-жа Ясевичъ пишетъ не «какъ дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый..., добру и злу внимая равнодушно», но, по большей части, какъ очевидецъ. Огонь любви и негодованія, бѣгущій по строкамъ ея книги, вѣроятно, не могъ не помѣшать ей спокойно сгруппировать свои выводы и наблюденія по рубрикамъ и побудилъ ее немедленно скрѣплять свой грустный общій выводъ наболѣвшими воспоминаніями о личныхъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ видѣннаго и слышаннаго. Нѣкоторая нервность и неровность послѣднихъ не только объясняются, но и вполнѣ оправдываются, когда, напримѣръ, приходится читать объ искусственномъ возбужденіи мѣстнаго населенія къ насиліямъ надъ сектантами, подъ

вліяніемъ указаній и внушеній, не имѣвшихъ въ себѣ, не смотря на свой источникъ, ничего общаго съ христіанскою любовью и терпимостью. «Надъ сектантами — говоритъ г-жа Ясевичъ—совершали открыто всевозможныя насилія и, при отсутствіи гласности, эти насилія производились именемъ закона, путемъ административнаго произвола надъ людьми, лишенными возможности и права протеста, ибо нерѣдко сектантамъ строго воспрещается не только выѣздъ за предѣлы родного села, но даже и общеніе съ сосѣдями односельчанами. То былъ длительный домашній арестъ, который тянулся годами, угнеталъ, давилъ, обезличивалъ человѣка, терзалъ нравственно и физически, разоряя его окончательно. Еще такъ недавно сектантовъ жесточайшимъ образомъ сѣкли по приговорамъ, и, когда, напр., изстрадавшіеся, беззащитные сектанты с. Комисаровки, Верхнеднѣпровскаго уѣзда, подали прошеніе въ верхнеднѣпровское присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ, моля о защитѣ, то присутствіе оставило прошеніе сектантовъ безъ послѣдствій, а приговоры утвердило; сектантовъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, пытали ихъ же братья, такъ называемые «ревнители православія»— братья «если не по духу, то по крови, по долѣ». Въ книгѣ приведены описанія того, напримѣръ, какъ въ с. Комисаровкѣ полиція и «ревнители» насильственно втаскивали въ купель съ холодной водой сектантскихъ дѣтей, не разбирая состоянія здоровья и возраста ребенка, вслѣдствіе чего нѣсколько изъ нихъ черезъ два дня послѣ насильственнаго крещенія умерли; разсказаны нѣсколько случаевъ отобранія дѣтей у сектантовъ, по предписанію консисторіи и при помощи созванныхъ изъ окрестныхъ селъ «ревнителей». Вотъ какъ описывается въ книгѣ, со словъ очевидца, отобраніе дѣтей у тридцати семействъ сектантовъ-шалапутовъ въ с. Екатериновкѣ, Ростовскаго округа: «...въ толпѣ и среди самихъ шалапутовъ таилась искорка надежды, что все окончится предложеніемъ оставить свой сомнительный образъ жизни и вступить на истинный путь православія. Но когда у первой по списку семьи сотскій, исполняя приказаніе начальства, отобралъ шестилѣтняго мальчика, то крики матери, мольбы отца, стоящаго на колѣняхъ, и пронзительный плачъ ребенка разрушили и эту маленькую надежду. Изъ среды шалапутовъ поднялся невообразимый плачъ и стонъ. Почти всѣ повалились на землю и умоляли не отбирать дѣтей, обѣщая дѣлать, что угодно, ломали руки, крестились и цѣловали землю... Сотскіе отбирали дѣтей и передавали ихъ желающимъ взять на воспитаніе. Родители окончательно обезумѣли, цѣловали полы

одеждъ у духовенства, обнимали ноги у представителя полиціи. Изъ всей этой тяжелой картины особенно врѣзался разказчику одинъ крестьянинъ, вдовецъ, лѣтъ 35-ти. Высокій, плотный, съ пріятными, нѣсколько хмурыми чертами лица, онъ все время не выпускалъ изъ рукъ своей крошечной хорошенькой дѣвочки лѣтъ 5—7. Онъ хотѣлъ было уйти съ нею со двора сельскаго правленія, но нѣсколько сотскихъ остановили его и силою вырвали у него дѣвочку. Тогда онъ грохнулся, какъ подкошенный, безъ чувствъ на землю и долго не могъ очнуться, а когда пришелъ въ сознаніе, то сталъ шарить вокругъ себя руками, какъ будто кого-то ища». Г-жа Ясевичъ приводитъ рядъ примѣровъ безчинства толпы надъ сектантами, при явномъ попустительствѣ мѣстной полицейской власти и тѣхъ пастырей, на нравственной обязанности которыхъ лежало остановить и удержать несчастныхъ въ своей темнотѣ людей, думавшихъ, что, нанося побои, надругаясь и разрушая, они совершаютъ богоугодное дѣло. Разсказъ автора о знакомствѣ съ сектантомъ-прыгуномъ Потапомъ Голіемъ и о совершенныхъ надъ нимъ истязаніяхъ «за якусь инчу виру» (за какую-то другую вѣру) производитъ самое тяжелое впечатлѣніе, такъ же какъ и приводимое авторомъ изъ газеты «Терекъ» описаніе дикаго разгрома *въ январѣ 1911-го года* молитвеннаго дома баптистовъ въ станицѣ Баталпашинской. Толпа, въ которой было не мало подростковъ и женщинъ, пользуясь пассивнымъ, такъ сказать «созерцательнымъ» отношеніемъ мѣстной власти къ производимымъ безпорядкамъ, развила ихъ въ такой степени, что баптистскій проповѣдникъ тутъ же умеръ отъ разрыва сердца. Когда его хоронили, толпа со свистомъ и крикомъ преграждала дорогу, пѣла уличныя пѣсни, поломала лопаты рабочихъ, препятствуя опустить гробъ въ могилу, а затѣмъ разгромила два дома баптистовъ, избивъ хозяевъ до полусмерти. Самой г-жѣ Ясевичъ пришлось присутствовать 14 октября 1911-го года на похоронахъ евангельскаго христіанина Егорова и быть свидѣтельницей возмутительнаго издѣвательства кладбищенской администраціи надъ покойникомъ, котораго долго не разрѣшали опускать въ могилу, не смотря на просьбы родныхъ и близкихъ его и не смотря на выполненіе всѣхъ формальностей; отказались дать полотна для спуска гроба въ могилу, не дали и лопатъ для зарытія могилы; друзья опустили гробъ на вожжахъ, которыя далъ сердобольный извозчикъ, а зарывали могилу руками, обрубками досокъ сгребая землю. Впрочемъ кладбищенская администрація дѣйствовала, въ данномъ случаѣ, очевидно уступая «духу вре-

мени», довольно мягко сравнительно съ тѣмъ, какъ поступилъ, по сообщенію «Гражданина», въ 1896-мъ году архимандритъ Никольскаго монастыря въ Кубанской области Исидоръ Колоколовъ. Онъ явился—и, конечно, не одинъ — на бывшее старообрядческое кладбище, гдѣ уже 17 лѣтъ покоились старообрядческій епископъ Іовъ и священникъ Осиповъ, приказалъ вырыть ихъ прахъ, расколоть гробы, полить ихъ керосиномъ и, положивъ на нихъ останки покойниковъ, поджечь этотъ импровизированный костеръ. И вмѣсто установленной за *разрытіе могилъ* кары по 234 ст. Улож. о нак. онъ, по свѣдѣніямъ «Гражданина», получилъ лишь другое, лучшее служебное назначеніе.

Эти печальныя явленія, нерѣдкія до 1905-го года, съ оффиціальной стороны объяснялись обыкновенно крайнимъ проявленіемъ *ревности по вѣрѣ*. Но дозволительно думать, что если *ревность* здѣсь и была чрезвычайная, то о вѣрѣ въ ея настоящемъ смыслѣ упоминать не приходится. Нельзя по этому поводу не припомнить одного изъ поученій покойнаго архіепископа херсонскаго Никанора, въ которомъ онъ, упоминая о развитіи и процвѣтаніи раскола, говоритъ: «штундисты повально учатся грамотѣ, повально въ одиночку и всенародно читаютъ Евангеліе, толкуютъ и проповѣдуютъ; всякій протестантъ и католикъ обязанъ изучить и знать свою вѣру. Вотъ и нашъ русскій расколъ, и въ немъ учатъ грамотѣ чаще и вѣрѣ крѣпче, чѣмъ у русскихъ православныхъ. Въ какой же вѣрѣ и въ какой церкви можно родиться, жить и умереть, вовсе не изучая и не зная своей вѣры? Единственно у насъ! Горько, позорно, но истинно». Рядомъ съ этимъ и проповѣдники ревности по вѣрѣ не всегда ясно представляли себѣ тѣхъ ея враговъ, противъ которыхъ ополчались они сами или вокругъ нихъ другіе. Въ этомъ отношеніи очень характеренъ отвѣтъ одного изъ пастырей, приводимый г-жей Ясевичъ, на вопросъ о причинѣ преслѣдованія шалапутовъ и объ ихъ культѣ. Оказалось, что ему извѣстно лишь то, что шалапуты церковь посѣщаютъ по очереди, такъ сказать, отбывая дежурство, въ пищѣ строго придерживаются вегетаріанства, въ кабакъ не ходятъ, табаку не курятъ и не ругаются, при чемъ на нихъ лежитъ «какой-то особый отпечатокъ». Какъ напоминаетъ этотъ отзывъ экспертизу другого духовнаго лица въ дѣлѣ о штундистахъ! «Ученіе ихъ,—говорилъ онъ,—заключается въ признаніи одного только Новаго Завѣта, при чемъ нѣкоторыя мѣста изъ Евангелія подчеркиваются фіолетовыми (sic!) чернилами. Отрицая святость креста и иконъ, они считаютъ излишнимъ посѣщать церковь. *Въ чемъ заключается вредъ этой секты*,

я передать не могу, но знаю, что она считается повреждающей вѣру». Очевидно, что этотъ добродушный экспертъ еще не усвоилъ себѣ твердаго міросозерцанія того іерея, съ вѣдома и согласія котораго, какъ это было оглашено на миссіонерскомъ съѣздѣ въ Орлѣ въ 1901-мъ году М. А. Стаховичемъ, заподозрѣнныхъ въ штундизмѣ насильно заставляли прикладываться къ иконѣ и сѣкли, въ случаѣ отказа, до четырехъ разъ; или того, который заявлялъ, что изъ села Глыбочка «милостью Божіей сослано въ Сибирь и Закавказье изъ сорока семей штундистовъ тридцать шесть»...

Не звучитъ ли также своеобразнымъ юморомъ, только еще болѣе циничнымъ, *удивленіе* мѣстныхъ «Епархіальныхъ вѣдомостей» тому, что крестьянка Ксенія Шевченкова съ ненавистью отзывалась о священникѣ села Хорошаго, павлоградскаго уѣзда, обвиняя его, въ поданномъ миссіонеру заявленіи, въ возстановленіи православныхъ прихожанъ противъ ея мужа, сектанта-прыгуна, до такой степени, что ему выворотили руки и ноги, подковывали его гвоздями и т. д. Очевидно, что въ этихъ и имъ подобныхъ случаяхъ мѣстные пастыри не вняли словамъ великаго Петра: «съ противниками церкви надлежитъ поступать съ кротостью и разумомъ—по Апостолу—а не жестокими словами и отчужденіемъ,» и не внушили этой мысли своимъ прихожанамъ и мѣстнымъ представителямъ власти.

Еще въ 1864 г. въ комиссіи по раскольничьимъ дѣламъ, подъ предсѣдательствомъ Валуева, тайный совѣтникъ Лазаревскій, видя причину возникновенія и распространенія штундизма въ томъ, что страстное исканіе народомъ обновленія духовнаго послѣ того, какъ онъ познала въ 1861-мъ году обновленіе гражданское, встрѣтило на пути религіозной восторженности равнодушіе, неразвитость, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и безнравственность своихъ пастырей, рекомендовалъ не преслѣдованіе отпадающихъ, а настояніе, чтобы пастырь преобладалъ надъ паствой «во весь ростъ своего духовнаго значенія», соединяя съ хорошей проповѣдью нравственныя начала и христіанское сердце. Лазаревскій приводилъ рядъ вопіющихъ примѣровъ объ отказахъ въ крещеніи, отпѣваніи или повѣнчаніи вслѣдствіе нежеланія мѣстнаго священника уступить хоть грошъ изъ объявленной цѣны. Отъ этого, по его заявленію, сердце у обѣихъ сторонъ распаляется, а тутъ находится грамотный человѣкъ, знающій, *что* и *какъ* полагается въ данномъ случаѣ прочесть—и первый шагъ къ отпаденію сдѣланъ»... Горестная справедливость этого мнѣнія, не утратившаго своего значенія и до настоящаго вре-

мени, подтверждается по временамъ и проникающими въ печать отрывками изъ отзывовъ нѣкоторыхъ преосвященныхъ, посѣщавшихъ свои епархіи. Подтверждается она и словами «Московскаго Сборника», изданнаго К. П. Побѣдоносцевымъ, о «множествѣ затерянныхъ въ глубинѣ лѣсовъ и въ широтѣ полей нашихъ храмовъ, гдѣ народъ тупо стоитъ въ церкви, ничего не понимая, подъ козлогласованіемъ дьячка или бормотаніемъ клирика, при чемъ не церковь повинна въ этой тупости и не бѣдный народъ повиненъ: повиненъ лѣнивый и несмыслящій служитель церкви; повинна власть церковная, невнимательно и равнодушно распредѣляющая служителей церкви, повинна по мѣстамъ скудость и безпомощность народная». Если такимъ образомъ создается почва для отпаденія, то и обличеніе заблужденій отпавшихъ или готовыхъ отпасть совершается способами, которые по меньшей мѣрѣ слѣдуетъ признать нецѣлесообразными. Г-жа Ясевичъ рисуетъ картину собесѣдованія миссіонеровъ господствующей церкви со старообрядцами и сектантами и описываетъ употребляемые ими пріемы. «Миссіонеры — говоритъ она — умышленно избѣгаютъ и уклоняются отъ освѣщенія и выясненія сущности спорныхъ религіозныхъ вопросовъ, а отдѣлываются лишь дикими схватками въ области словопреній; время и силы ихъ направляются главнымъ образомъ на выборъ способовъ, коими можно удобнѣе и больнѣе уязвить и задѣть противника такъ, чтобы довести его до потери самообладанія; и если у сектанта или старообрядческаго начетчика вырвется смѣлое или рѣзкое слово по адресу говорящаго или господствующей церкви, миссіонеръ предательски ловитъ этотъ моментъ и, обращаясь къ своимъ единомышленникамъ въ толпѣ, восклицаетъ: «Православные христіане, вы слышите, какъ оскорбляютъ нашу святую православную церковь, какъ всѣхъ васъ въ лицѣ этой церкви оскорбляютъ!» И начинается шумъ, раздаются изъ толпы «своихъ» крики грубые, оскорбительные, циничные; чувствуется искусственность созданной атмосферы. Эти крики иногда прерываютъ бесѣду, и тогда удовлетворенный миссіонеръ торжествуетъ. Снова мелькаютъ страницы въ рукахъ миссіонера, и, если собесѣдованіе происходитъ со старообрядцами, то особенно тщательно подбираются разныя мѣста изъ житій святыхъ и прочихъ церковно-историческихъ книгъ съ порицаніями, угрозами и проклятіями, и затѣмъ все, что относилось когда-то къ халдеямъ, язычникамъ и разбойникамъ, все это прочитывается, комментируется и затѣмъ предлагается довѣрчивой толпѣ, какъ обличительный

матеріалъ, направленный писавшими якобы исключительно противъ старообрядцевъ или сектантовъ. Если же миссіонеръ теряетъ окончательно почву, чувствуетъ полное свое безсиліе, то въ этихъ случаяхъ прибѣгаетъ къ иному пріему. «Я не могу допустить подобнаго кощунства!» восклицаетъ онъ, повторяя какое-нибудь неудачно сказанное противникомъ выраженіе, и на выручку ему появляется немедленно представитель полиціи, или же слова говорящаго заглушаются громкимъ пѣніемъ: «Царю небесный...», и собесѣдованіе, проникнутое антихристіанскими началами, заканчивается». Понятно, что при такомъ способѣ «вразумленія», когда забываются мудрыя слова митрополита Филарета: «свободы въ спорахъ (религіозныхъ) ни у кого безъ нужды отнимать не позволяетъ христіанское человѣколюбіе, оставляющее и плевелы, если онѣ не подавляютъ пшеницы, расти до жатвы», отъ этихъ собесѣдованій остается лишь раздраженіе и оскорбленныя чувства съ одной стороны—и мнимое, мимолетное торжество призрачной побѣды съ другой. Невольно вспоминаются по этому поводу слова Паскаля: «Богъ водворяетъ вѣру въ сердце человѣка съ помощью совѣсти и разума. Водворить вѣру угрозами нельзя: онѣ водворяютъ лишь ужасъ и негодованіе. Не слѣдуетъ осуждать и укорять заблуждающихся: они безъ того несчастны. Ихъ слѣдовало бы укорять лишь въ томъ случаѣ, если бы это могло имъ принести пользу, но это, наоборотъ, только больше отталкиваетъ ихъ...» Эти простыя, азбучныя истины, повидимому, не вездѣ еще вошли въ обиходъ у «вѣдомственныхъ» ловцовъ совѣсти и сознанія у «инако мыслящихъ».

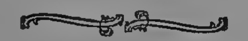
Таковы данныя, которыми въ изобиліи снабжаетъ читателя разбираемая книга. Ея появленіе нельзя не признать своевременнымъ. Неудача, постигшая законопроектъ Государственной Думы о старообрядческихъ общинахъ, застрявшія на законодательномъ бездорожіи предположенія объ упроченіи положенія сектантовъ, доходящія изъ разныхъ мѣстъ свѣдѣнія объ административномъ укорачиваніи, сведеніи къ минимуму великодушныхъ предначертаній Высочайшаго указа 17 апрѣля 1905-го года объ укрѣпленіи истинныхъ началъ вѣротерпимости—даютъ основаніе согласиться съ г-жей Ясевичъ въ томъ, что «снова, повидимому, тучевыя тѣни заходили по лицу русской земли, предвѣщая недоброе,—возвращеніе къ тому, къ чему, казалось бы, послѣ 17 апрѣля 1905 г. нѣтъ возврата. Снова дѣлаются попытки—если не воскресить отходящее въ вѣчность старое, то хотя бы создать всякія препятствія новымъ законодательнымъ

вѣяніямъ въ области религіозной жизни народа. Такимъ образомъ длинный путь труда и борьбы въ пользу гонимыхъ за вѣру оказывается далеко не пройденнымъ и приходится собираться съ новыми силами...» Книга г-жи Ясевичъ представляетъ собою отчетъ о пройденномъ ею пути личнаго труда и борьбы, за которые всякій, ознакомившійся съ ея содержаніемъ и относящійся съ уваженіемъ къ священнымъ правамъ человѣческой совѣсти, не можетъ не отнестись къ автору съ благодарнымъ чувствомъ.

Книга посвящена друзьямъ и защитникамъ гонимыхъ за вѣру и начинается съ обращенія къ памяти «одного изъ величайшихъ борцовъ за правду и справедливость, графа Льва Николаевича Толстого». Въ сжатомъ, но содержательномъ очеркѣ рисуетъ г-жа Ясевичъ душевныя переживанія Толстого въ области религіи. Она разсказываетъ, какъ подъ вліяніемъ душевныхъ запросовъ Толстой обратился прежде всего къ той церкви, въ лонѣ которой родился и выросъ, т. е. сдѣлалъ именно то, что дѣлаютъ и дѣлали обыкновенно всѣ крестьяне-сектанты въ первый моментъ ихъ духовнаго пробужденія. Онъ сталъ усердно искать отвѣта на мучившіе его вопросы, посѣщатъ храмы и монастыри, молиться, поститься, бесѣдовать со схимниками и изучать богословскія книги. Но не найдя ни отвѣта, ни облегченія, онъ постепенно, долгой и мучительной работой, дошелъ до признанія, что есть одно вѣчное, всеобщее, всемірное ученіе истины, съ особенной ясностью выраженное въ Евангеліи; онъ нашелъ, что каждый человѣкъ на землѣ обязанъ быть работникомъ во исполненіе воли пославшаго его на землю Хозяина, безъ раздѣленія и обособленія себя отъ другихъ и съ ощущеніемъ въ душѣ своей Бога, котораго *сознать* можетъ каждый, но *познать* не можетъ никто. Глубокимъ уваженіемъ къ духовнымъ исканіямъ яснополянскаго отшельника проникнуто обращеніе къ нему г-жи Ясевичъ; глубокимъ состраданіемъ и человѣколюбіемъ дышитъ ея отношеніе къ безвѣстнымъ, темнымъ людямъ, ищущимъ выхода для души, не удовлетворяющейся непрочнымъ спокойствіемъ полусна и удобствами житейской безопасности. Они выходятъ иногда, не руководимые дружелюбно, на невѣрную дорогу, заводящую ихъ въ дебри, но они ищутъ, алчутъ и жаждутъ сердцемъ... Не преслѣдованіемъ надо встрѣчать ихъ, а пониманіемъ источника ихъ заблужденій и теплымъ братскимъ вразумленіемъ. Съ этимъ участіемъ пошла къ нимъ г-жа Ясевичъ; съ этимъ пониманіемъ ушла она отъ нихъ и подѣлилась имъ съ читателемъ. И когда, какъ она твердо

въ это вѣритъ, наше законодательство снова возобновитъ прямодушно и нелицемѣрно свое прерванное движеніе по пути раскрѣпощенія народной совѣсти, ея книга будетъ оцѣнена по достоинству не только какъ богатый литературный матеріалъ, но и какъ своего рода заслуга на этомъ пути.

А. Ө. Кони.

НЕОПОЗИТИВНАЯ ШКОЛА И НОВЫЯ ТЕЧЕНІЯ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ СОЦІОЛОГІИ.

Всѣ наши знанія, въ томъ числѣ и общественныя, будучи плодомъ мысли аналитической и гипотетической, сливались когда-то съ религіей и философіей,—плодомъ мысли синтетической и аподиктической. Разграниченіе этихъ двухъ смежныхъ областей длилось десятки вѣковъ и потребовало отъ занявшихся подобнымъ разверстаніемъ «духоустроителей» (преимущественно въ лагерѣ служителей науки, а не философовъ) неимовѣрныхъ усилій. За то результаты такой дифференціаціи легли прочно въ основу наивысшей культуры, достигнутой до сихъ поръ человѣчествомъ.

Великое движеніе это—такъ называемый «исходъ» наукъ изъ философіи—къ началу прошлаго вѣка не было еще вполнѣ закончено. Не размежеваннымъ отъ философіи оставался обширный разрядъ общественныхъ знаній. Возникла задача огромной теоретической и практической важности: научно обосновать соціологію. Но рѣшеніе, въ положительномъ смыслѣ, этой назрѣвшей проблемы неминуемо влекло за собой возникновеніе и постановку другой, не менѣе значительной по своимъ послѣдствіямъ задачи: преобразованія философіи, которая, въ случаѣ отпаденія отъ метафизики послѣднихъ, еще наполнявшихъ ее аналитическихъ знаній общественнаго характера (этики, эстетики, психологіи и въ особенности логики и теоріи познаванія), грозила обратиться въ «пустое мѣсто». Философскую функцію человѣческаго духа, столь драгоцѣнную для него во всѣхъ отношеніяхъ и незамѣнимую въ роли одного изъ могущественнѣйшихъ факторовъ культуры, надлежало спасти отъ «самоупраздне-

нія». Нужно было дать философской мысли новое направленіе и частью новое содержаніе. Обѣ проблемы съ самаго начала, такимъ образомъ, явились неразрывно связанными между собой.

Менѣе чѣмъ столѣтняя исторія соціологіи можетъ быть раздѣлена на два періода. Въ первомъ, болѣе продолжительномъ, Огюстъ Контъ (о предшественникахъ его мы здѣсь не будемъ говорить) одновременно совершаетъ переворотъ и въ обществознаніи, и въ философіи, кладетъ основаніе соціологіи и провозглашаетъ господство позитивизма. Соціологія начинаетъ развиваться самостоятельно, распадается на множество школъ и направленій (органическое или біологическое, психологическое, экономическое или прагматическое и т. п.), которыя всѣ, однако, имѣютъ одного общаго прародителя и одинъ общій корень, которыя всѣ и въ положительныхъ своихъ результатахъ, и въ отрицательныхъ, въ своихъ ошибкахъ, исходятъ изъ главныхъ тезисовъ и точекъ отправленія, указанныхъ великимъ преобразователемъ обществознанія и философіи. Это — *позитивный* періодъ въ исторіи молодой, еще далеко не окрѣпшей науки (а также, разумѣется, и въ лѣтописи новѣйшей философіи, являющейся, по преимуществу, лѣтописью упадка старой метафизики).

Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка (точнѣе—въ концѣ семидесятыхъ) наступаетъ переломъ въ параллельномъ ходѣ развитія соціологіи и философіи, и съ этого момента начинается второй періодъ въ ихъ быстро протекающей, какъ вся современная жизнь, исторіи. Изъ нѣдръ позитивизма выходитъ и образуется новое умственное движеніе, съ одной стороны, недовольное Контовскимъ и Спенсеровскимъ агностицизмомъ, ихъ теоріей непознаваемаго, отожествленіемъ философской мысли съ научною, установленіемъ генетической зависимости послѣдней отъ первой (законъ трехъ состояній), а съ другой — мало удовлетворенное ничтожными успѣхами, сдѣланными соціологіей на всѣхъ путяхъ, по которымъ она шла подъ прямымъ вліяніемъ позитивнаго ученія, впадая на каждомъ шагу въ неизбѣжныя, въ виду юнаго возраста науки (а въ извѣстномъ смыслѣ—и плодотворныя, какъ предостереженіе для будущаго), иллюзіи и заблужденія: въ эмпиризмъ, въ преклоненіе предъ конкретнымъ фактомъ, въ странное ученіе объ «оборотимой» причинности, свойственной, будто бы, однимъ лишь общественнымъ явленіямъ, въ біологизмъ или смѣшеніе явленій и законовъ жизни съ явленіями и законами общественности, въ психологизмъ или смѣшеніе сложнаго и производнаго (біо-соціальнаго) факта съ

элементарнымъ соціологическимъ явленіемъ, въ прагматизмъ, какъ признаніе первенства и господства практической и телеологической формы общественной мысли надъ всѣми другими ея формами и т. д.

Новое умственное теченіе осталось вѣрно общей задачѣ, выдвинутой культурной эволюціею человѣчества передъ XIX-мъ вѣкомъ и унаслѣдованной отъ него и XX-мъ столѣтіемъ. Оно въ свою очередь, въ виду неразрывной связи, соединяющей соціологическую проблему съ философской, искало ихъ совмѣстнаго рѣшенія. Но, помня свое происхожденіе, оно и въ философскихъ, и въ соціологическихъ поискахъ выступило въ скромной роли простого преемника позитивизма. Открывающійся съ этимъ теченіемъ второй періодъ въ исторіи современной соціологіи (и въ развертывающейся параллельно съ нею исторіи новѣйшей философіи) можетъ, поэтому, съ полнымъ основаніемъ носить названіе *неопозитивнаго* періода.

На слѣдующихъ страницахъ мы совершенно оставимъ въ сторонѣ философскую проблему и въ позитивизмѣ, и въ неопозитивизмѣ; мы не войдемъ въ разсмотрѣніе и судьбы, постигшей соціологическую проблему въ первомъ или позитивномъ періодѣ. Соціологическая проблема займетъ насъ лишь въ той постановкѣ, которая была придана ей позднѣе, уже неопозитивной школой, и тутъ наше вниманіе остановятъ на себѣ главнымъ образомъ новыя теченія въ современной соціологической литературѣ, возникшія и образовавшіяся подъ прямымъ вліяніемъ неопозитивныхъ теорій.

Приближеніе къ неопозитивной соціологіи началось лѣтъ черезъ 10—15 послѣ первой формулировки ея основныхъ положеній. Движеніе это уже охватило нѣсколько вліятельныхъ группъ соціологовъ и выразилось, какъ почти всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, образованіемъ средняго, колеблющагося между позитивизмомъ и неопозитивизмомъ направленія.

Едва ли не первымъ на этотъ путь частичнаго усвоенія руководящихъ идей новаго позитивизма, по крайней мѣрѣ во Франціи, выступилъ Дюркгеймъ (въ универ. диссертаціи: *De la division du travail*, 1893 г., главнымъ образомъ въ обширномъ предисловіи, а затѣмъ въ *Les règles de la méthode sociologique*, 1895, въ *Le suicide* и т. д.). Онъ увлекъ за собой цѣлый рядъ послѣдователей, образовавшихъ такъ назыв. школу Дюркгейма [1]).

1) Изъ сотрудниковъ его въ издаваемомъ имъ сборникѣ *L'année sociologique* особеннаго упоминанія заслуживаетъ Бугле, авторъ интересныхъ работъ по вопросу о соціологическомъ понятіи равенства.

Независимо отъ Дюркгейма и его группы, новые взгляды были вскорѣ—такимъ же частичнымъ образомъ—переняты многими французскими соціологами, между которыми наиболѣе выдаются Леви-Брюль, Ришаръ, Лаландъ и Дюпра.

Въ болѣе или менѣе правильномъ истолкованіи неопозитивная соціологія проникла, затѣмъ, и въ другія части Европы и даже въ Америку. Наибольшаго признанія она достигла и наилучшій пріемъ ей былъ оказанъ въ странахъ латинской расы, преимущественно въ Италіи, гдѣ въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны работы Ардиго и Астурато.

Перекинувшись въ Германію, неопозитивное движеніе всего ярче отразилось въ новѣйшихъ произведеніяхъ Зиммеля и Оствальда и въ меньшей степени—у Штамлера, у Брейзика, у венгерца Пелагіи (о такихъ явныхъ послѣдователяхъ неопозитивизма, какъ румынскій проф. Драгическо, мы уже не говоримъ).

Въ Америкѣ выразителемъ того же направленія явился Балдвинъ. Въ Англіи можно упомянуть о Геддсѣ, въ Бельгіи—о Ваксвейлерѣ, въ Финляндіи—о Гротенфельтѣ.

Чтобы не быть голословными, укажемъ на наиболѣе характерные неопозитивные тезисы, въ изобиліи встрѣчающіеся у современныхъ соціологовъ, прямо не причисляющихъ себя къ новой школѣ. Всего больше мѣста и вниманія мы удѣлимъ Дюркгейму и его группѣ, затѣмъ Леви-Брюлю, Зиммелю, Балдвину и наконецъ итальянскимъ соціологамъ.

Принимаетъ ли Дюркгеймъ основное положеніе неопозитивистовъ: «общественность» заключается въ постоянномъ взаимодѣйствіи между біо-индивидуальными, а затѣмъ все болѣе и болѣе соціализированными или «обобществленными» сознаніями? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ ученіе Дюркгейма объ органической солидарности, противополагаемой имъ механической, господствующей въ первобытныхъ, недифференцированныхъ скопленіяхъ людей. Органическая солидарность обусловливается у Дюркгейма не столько матеріальной густотою и плотностью населенія (какъ у большинства соціологовъ экономической школы), сколько плотностью психическою или нравственною, которую онъ называетъ еще динамическою. Это—говоритъ онъ,—уже не «матеріальное уплотненіе общественнаго агрегата, лишенное всякаго значенія, остающееся безрезультатнымъ, пока личности и группы отдѣлены другъ отъ друга моральной пустотой, духовными пробѣлами, а уплотненіе именно моральное или психическое, по отношенію

къ которому матеріальное уплотненіе играетъ роль лишь вспомогательнаго средства и большею частью только простого слѣдствія».

Едва ли есть надобность доказывать, что въ этомъ тезисѣ Дюркгейма (*Régles de la methode soc.*, стр. 139) уже содержится вся сущность соотвѣтствующаго неопозитивнаго ученія. Въ этомъ капитальномъ вопросѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, Дюркгеймъ прямо становится на неопозитивную точку зрѣнія (а, въ виду значительности научныхъ работъ этого соціолога, вовсе не безразлично знать, откуда онѣ исходятъ, какими основными взглядами онѣ руководятся).

Не менѣе характерно, въ смыслѣ приближенія къ неопозитивному пониманію общественныхъ явленій, слѣдующее категорическое заявленіе послѣдователя и поклонника Дюркгейма, Дави (*Davy*, въ его статьѣ: *La sociologie de M. Durkheim*, въ *Revue philosophique*, 1911, № 8): «Уже въ первобытныхъ обществахъ—говоритъ онъ, комментируя мысль своего учителя,—происходитъ нѣчто въ родѣ общаго превращенія въ *идеальныя цѣнности*, превращенія, измѣняющаго плоскость общественной жизни, которая перестаетъ быть, какъ въ жизни животной, плоскостью *ощущенія*». Здѣсь опять находитъ себѣ прямое подтвержденіе извѣстный неопозитивный тезисъ, въ силу котораго идеологія, образованіе общихъ и отвлеченныхъ понятій является неизбѣжнымъ и самымъ раннимъ послѣдствіемъ психическаго взаимодѣйствія. Правда, тотъ же Дави говоритъ: «Общественность сразу вводитъ насъ въ плоскость представленія, въ которой вновь появляются, но уже какъ бы преображенныя коллективною мечтою, всѣ данныя существованія». Употребленный здѣсь терминъ: *представленіе* легко можетъ ввести читателя въ заблужденіе, ибо представленіе не выводитъ насъ изъ плоскости животнаго существованія. Слѣдовало, вмѣстѣ съ неопозитивистами, употребить терминъ: плоскость общей и *отвлеченной мысли*, которая одна порождаетъ знаніе, какъ плодъ коллективнаго опыта и какъ нѣчто отличное отъ сознанія, результата опыта біо-индивидуальнаго. Но за то тысячу разъ правы, съ неопозитивной точки зрѣнія, и Дави, и Дюркгеймъ, когда они утверждаютъ, что по отношенію къ явленіямъ общественной жизни *идеализмъ* провѣряется буквально, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова. Вещи тутъ существуютъ лишь постольку, поскольку мы ихъ мыслимъ и именно въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ мыслимъ.

Отсюда оставался только одинъ шагъ къ признанію глубокой истины другого неопозитивнаго вывода, гнесеологическаго

характера, гласящаго, что въ каждомъ разрядѣ явленій (а, слѣдовательно, и въ соціологическомъ поискѣ за объективной истиной) нужно стремиться достигнуть послѣднихъ элементовъ, на которые разлагаются вещи или факты. И этотъ шагъ былъ также сдѣланъ школою Дюркгейма, по скольку она утверждаетъ, что надо строго различать постоянные признаки, сохраняемые изучаемымъ фактомъ безотносительно къ какимъ бы то ни было эволюціоннымъ формамъ, имъ принимаемымъ, съ одной стороны, отъ признаковъ хотя также постоянныхъ, но пріобрѣтенныхъ путемъ позднѣйшей эволюціи, а съ другой—отъ признаковъ непостоянныхъ и измѣнчивыхъ.

По этому поводу, однако, мы должны сдѣлать одно общее замѣчаніе. Вопросъ о внутренней природѣ тѣхъ послѣднихъ элементовъ (или еще причинъ) явленій, которые изучаются соціологомъ, рѣшается въ различныхъ школахъ цѣлымъ рядомъ исключающихъ другъ друга гипотезъ. Такъ, въ глазахъ однихъ, такимъ элементомъ являются факторы и законы біологическіе. Въ глазахъ другихъ, та же роль принадлежитъ факторамъ и законамъ психологическимъ (напр., умственному складу или строю отдѣльныхъ личностей и соціальныхъ группъ). Эту гипотезу мы называемъ психологизмомъ и считаемъ ее незаконнымъ вторженіемъ конкретной (а, слѣдовательно, подчиненной, дедуктивной) науки въ область той индуктивной и абстрактной науки, отъ установленія и развитія которой всецѣло зависятъ ея собственные успѣхи. Но психологизмъ, если вѣрна біо-соціальная теорія неопозитивистовъ, есть не что иное, какъ біо-соціологизмъ и, слѣдовательно, мы и тутъ имѣемъ дѣло лишь съ менѣе рѣзкимъ, болѣе утонченнымъ и, такъ сказать, скрытымъ и замаскированнымъ біологизмомъ. Во всякомъ случаѣ, объясняя, напримѣръ, историческіе факты (явленія космо-біо-соціальныя) процессами психологическими (явленіями біо соціальными), мы только объясняемъ болѣе конкретныя событія менѣе конкретными, но нимало не проникаемъ въ сокровенную сущность того, что подлежитъ нашему изученію, не достигаемъ искомыхъ послѣднихъ элементовъ явленій (тѣхъ «отвлеченій», которыя одни обладаютъ высшей научной цѣнностью). Если не въ біологизмъ, то въ болѣе тонкую, психологическую форму его Дюркгеймъ и его послѣдователи впадаютъ довольно часто.

Такъ, школа эта охотно признаетъ тѣсную связь, полное соотвѣтствіе, существующее между системами и классификаціями понятій, съ одной стороны, и внутреннимъ строемъ или организаціей общественныхъ союзовъ и группировокъ—съ другой (на-

примѣръ, между понятіемъ о времени и ритмомъ коллективной дѣятельности, между понятіемъ о пространствѣ и схемой коллективной группировки и т. д.). Такое соотвѣтствіе неоспоримо. Но можно ли превращать его въ отношеніе причинности? Точнѣе, можно ли приписывать одной части сравниваемыхъ фактовъ появленіе другихъ, и какой именно части: обусловливаютъ ли собою, напримѣръ, соціальная организація, коллективная дѣятельность всю систему нашихъ понятій, всю высшую умственную жизнь, какъ это, повидимому, склонны предполагать Дюркгеймъ и его послѣдователи—или, наоборотъ, система и классификація понятій обусловливаютъ собою всѣ внѣшнія формы общежитія, какъ думаютъ другіе соціологи (напр. Драгическо)?

Одна лишь школа, неопозитивисты, высказывается въ томъ смыслѣ, что ни та, ни другая изъ этихъ двухъ категорій постоянно совпадающихъ, параллельныхъ фактовъ не состоятъ между собою въ опредѣленной причинной связи. Факты эти суть лишь совмѣстныя слѣдствія одной общей для обоихъ разрядовъ причины: коллективнаго опыта или взаимодѣйствія, сначала психофизическихъ элементовъ, образующихъ сознаніе, а затѣмъ и болѣе сложныхъ, психологическихъ результатовъ перваго взаимодѣйствія.

Но какъ относятся Дюркгеймъ и его послѣдователи къ *біо-соціальной* теоріи, этой глубокой основѣ всей неопозитивной соціологіи, этому поворотному пункту отъ перваго ко второму періоду въ исторіи современныхъ соціологическихъ ученій, этому безошибочному признаку, по которому можно точно измѣрить степень вліянія, оказаннаго неопозитивизмомъ, въ сферѣ обществознанія, на того или другого писателя и мыслителя? Какъ понимаетъ школа Дюркгейма отношенія соціологіи къ біологіи и тѣсную связь, соединяющую обѣ науки эти съ психологіей,—вопросы, на которые, какъ извѣстно, уже въ концѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія неопозитивисты, отдѣлившись отъ позитивистовъ, впервые дали вполнѣ опредѣленный, не оставлявшій мѣста для какихъ бы то ни было сомнѣній отвѣтъ?

Въ этомъ отношеніи въ болѣе раннихъ трудахъ Дюркгейма встрѣчаются и недомолвки, и колебанія мысли, которыя послужили поводомъ къ причисленію его то къ одному, то къ другому соціологическому лагерю—то къ старому, дореформенному позитивизму, то къ неопозитивизму. Но по мѣрѣ того, какъ въ позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ углублялась и зрѣла мысль Дюркгейма, она становится все болѣе воспріимчивой къ новымъ вѣяніямъ и

теченіямъ въ соціологія, она все болѣе склоняется, между прочимъ, и къ признанію вѣрности біо-соціальной теоріи.

Такъ, въ работѣ, появившейся въ 1909 г. въ Revue de métaphysique, Дюркгеймъ опредѣленно высказывается въ пользу тѣсно связаннаго съ біо-соціальной теоріей неопозитивнаго пониманія психологіи какъ *конкретной* науки, зависимой отъ соціологіи и изъ нея выводимой. Онъ говоритъ expressis verbis: «Человѣкъ является для насъ гораздо менѣе точкой исхода, чѣмъ цѣлью. Мы не постулируемъ какого-либо пониманія человѣческой природы для вывода изъ нея той или другой соціологіи... Но если соціологъ въ началѣ своихъ изслѣдованій, повидимому, и отдаляется отъ человѣка, то дѣлаетъ онъ это лишь съ намѣреніемъ впослѣдствіи къ нему вернуться и достигнуть лучшаго пониманія его... Соціологія не только не чуждается психологіи, а она сама приводитъ къ извѣстной психологіи, но уже гораздо болѣе *конкретной и сложной*, чѣмъ та, которою занимаются чистые психологи. Въ концѣ концовъ, исторія является для насъ лишь средствомъ для анализа человѣческой природы.

А слѣдующій комментарій поклонника Дюркгейма, Дави, (въ статьѣ о соціологіи Дюркгейма, въ Revue philosophique 1911, № 7) проливаетъ еще болѣе яркій свѣтъ на эту перемѣну во взглядахъ Дюркгейма. «Анализъ индивидуальнаго сознанія—говоритъ Дави—открываетъ, что наполняющія это сознаніе идеи и чувства необъяснимы путемъ одного внутренняго наблюденія (интроспекціи). Идеи и чувства являются, такимъ образомъ, продуктомъ факторовъ, отсутствующихъ въ сознаніи. Они зависятъ отъ реальнаго бытія болѣе обширнаго и богатаго, чѣмъ сознаніе, отъ бытія, въ которомъ индивидуальное сознаніе хотя и принимаетъ участіе, но которое оно отнюдь не создаетъ, ибо изъ сознанія не можетъ выйти нѣчто большее, чѣмъ сознаніе. Отсюда вытекаетъ необходимость найти и опредѣлить эту болѣе богатую реальность и, слѣдовательно, необходимость, для того, чтобы познать наше сознаніе, сначала выйти изъ него». Этой необходимости и подчиняется, этой цѣли и служитъ объективная соціологія.

Но этого еще мало. Дюркгеймъ выдвигаетъ нынѣ ту же постановку философской проблемы, какую всегда защищали неопозитивисты. Радикальную реформу въ области философіи онъ ставитъ въ прямую зависимость отъ предварительнаго рѣшенія соціологической проблемы (или вопроса объ окончательномъ обоснованіи этой науки) и въ особенности отъ созданія *соціологической теоріи познанія.* «Соціологическая мысль—гово-

ритъ онъ,—призвана путемъ своего естественнаго развитія продолжиться и вылиться въ форму мысли философской». А желая разсѣять всякія по этому поводу сомнѣнія и идя на встрѣчу возможнымъ недоразумѣніямъ, вѣрный коментаторъ Дюркгейма, Дави, въ указанной статьѣ спѣшитъ поставить точки на і и опредѣленно заявляетъ: 1) что новая соціологія не ограничивается созданіемъ новой психологіи (*конкретной*, какъ мы видѣли выше), но еще необходимо ведетъ и къ новой философіи; 2) что такъ какъ человѣкъ есть сконцентрированное выраженіе совокупности общественныхъ явленій, отъ которыхъ онъ зависитъ, то умъ дѣйствительно геніальнаго человѣка, являясь совершеннѣйшимъ микрокосмомъ, содержитъ въ себѣ всѣ данныя и точки исхода истинной философіи; 3) что соціологія, изучающая дѣйствительность, сокращеннымъ выраженіемъ которой является такой гипотетическій геній, тѣмъ самымъ доставляетъ философіи наиболѣе нужный матеріалъ; 4) что кантовскій раціонализмъ, исходящій изъ предположенія о неизмѣнности человѣческой природы и логическихъ категорій ума, является отнынѣ идеологіей, на которую не можетъ опираться философская мысль и которую она должна замѣнить изученіемъ коллективнаго сознанія, въ которомъ отражается и изъ котораго возникла и образовалась наша умственная жизнь, и наконецъ 5) что конечные элементы человѣческой природы, *руководящія начала нашего познанія* надо изучать въ *соціологіи*, гдѣ мы можемъ наблюсти за ихъ возникновеніемъ и постепеннымъ ростомъ и развитіемъ, и что только послѣ такого изслѣдованія позволительно думать объ интегрированіи, о включеніи этихъ началъ познанія въ ту или другую систему философіи.

Итакъ, Дюркгеймъ въ послѣднее время уже стремится противопоставить метафизической или психологической гносеологіи чисто соціологическую теорію познаванія, въ которой логическія категоріи и всѣ безъ исключенія концепты ума выводились бы изъ породившихъ ихъ общественныхъ явленій и условій. Проблема познаванія ставится здѣсь именно такъ, какъ ее ставитъ неопозитивная школа. Одна лишь соціологія можетъ объяснить двойную природу ощущенія и идеи (концепта). И она объясняетъ эту дѣйствительность, сначала у неопозитивистовъ, а теперь и въ школѣ Дюркгейма, усматривая источникъ ея въ коренномъ различіи бытія индивидуальнаго (или, точнѣе, біо-индивидуальнаго) и бытія коллективнаго, общественнаго. Дюркгеймъ въ упомянутой работѣ (Revue de métaphysique, 1909 г., стр. 738—758) утверждаетъ, что между чувственными пред-

ставленіями и концептами (отвлеченными идеями) не только замѣчается то же разстояніе, какое отдѣляетъ живую особь отъ соціальной группы, по что *концепты* невыводимы изъ *чувственныхъ представленій*, подобно тому, какъ общество невыводимо изъ живой особи. Идеи, съ ихъ общественной природой, имѣютъ всегда иное содержаніе, чѣмъ представленія, съ ихъ природой индивидуальной (вѣрнѣе было бы сказать «біологической» или, по меньшей мѣрѣ, «біо-индивидуальной»). Человѣкъ, будучи одновременно и живымъ существомъ, и существомъ общественнымъ, когда онъ думаетъ или дѣйствуетъ морально (соціально), представляетъ всегда слѣдующее зрѣлище: въ немъ индивидуальное существо стремится «превзойти самого себя съ цѣлью включить себя въ міръ отвлеченныхъ понятій или въ міръ идеала». И подобно тому, какъ живое существо есть необходимая предпосылка и субстратъ общества, его преобразующаго, такъ и чувственный опытъ есть необходимая предпосылка и субстратъ преобразующихъ его коллективныхъ идей (см. Дави, *loc. cit.*, стр. 183).

Едва ли есть необходимость доказывать, что вся теорія общественнаго происхожденія высшей духовной жизни (или такъ наз. разума) и вся біо-соціальная теорія цѣликомъ содержатся въ этихъ утвержденіяхъ. Въ этомъ тѣмъ менѣе можно сомнѣваться, что такой выводъ поддерживается цѣлымъ рядомъ исходящихъ отъ той же группы соціологовъ заявленій, въ которыхъ нельзя не видѣть столько же предпосылокъ или необходимыхъ слѣдствій главнѣйшаго тезиса въ ученіи неопозитивистовъ. Таковы, напримѣръ, мнѣнія, что самая, повидимому, индивидуальная или личная психологическая реальность состоитъ главнымъ образомъ изъ цѣлой совокупности общественныхъ фактовъ (познаній, религіозныхъ и нравственныхъ вѣрованій, правовыхъ нормъ, нравовъ и обычаевъ, техническихъ пріемовъ, языка, логики и т. д.), которые «безконечно выходятъ за предѣлы» отдѣльной личности, «хотя и являются интегрально слитыми съ ея существомъ»; далѣе, что каждая личность есть «носительница коллективнаго опыта, медленно вытекающаго изъ сотрудничества одного поколѣнія со всѣми предшествовавшими ему поколѣніями»; что достоинъ сожалѣнія психологъ, «пренебрегающій самымъ существеннымъ въ психическомъ богатствѣ и видящій въ культурномъ человѣкѣ только человѣка, а не культуру»; что передача всѣхъ психическихъ пріобрѣтеній, будучи недоступной отдѣльной личности, совершается путемъ постоянной организаціи, называемой обществомъ и его учрежде-

ніями; однимъ словомъ, что «соціологія есть дѣйствительно и въ болѣе полной мѣрѣ, чѣмъ психологія, *наука о человѣкѣ*» (См. *Revue phil.* 1911, № 8, статья Дави).

Такимъ образомъ изъ соціологіи все болѣе и болѣ устраняется коренное заблужденіе психологической школы, съ ея притязаніями на возможность вывода законовъ, управляющихъ общественной жизнью, изъ изученія и точнаго опредѣленія психологической природы индивидуальнаго человѣка (Спенсеръ, Милль, Тардъ, множество другихъ соціологовъ, экономистовъ, юристовъ, историковъ и огромное большинство философовъ). И научная автономія соціологіи, которую провозгласилъ Ог. Контъ и которая была твердо обоснована неопозитивной школой, все менѣе и менѣе оспаривается и подвергается сомнѣнію. Соціологія, утверждаетъ Дюркгеймъ, имѣетъ собственный, ей одной свойственный предметъ: соціальную дѣйствительность, соціальное бытіе, полную умопостижимость котораго она и провозглашаетъ. Затѣмъ, согласно съ самымъ чистымъ неопозитивнымъ ученіемъ, утверждается и то, что соціологія отклонилась и отпала отъ философіи не съ намѣреніемъ навсегда оставаться ей чуждою, а съ цѣлью обработать своими спеціальными методами главнѣйшій матеріалъ всякаго міропониманія и въ этомъ видѣ снова влить его въ философію, которая вслѣдствіе того должна неминуемо и кореннымъ образомъ *обновиться* (*Revue phil.* 1911 г., стр. 44—45).

На затронутомъ выше капитальномъ вопросѣ объ антагонизмѣ между личностью и обществомъ, этой до сихъ поръ вызывающей горячіе и безконечные споры соціологической «антиноміи», стоитъ нѣсколько остановиться. Вмѣстѣ съ нео-позитивистами, Дюркгеймъ и его сторонники опредѣленно высказываются въ пользу рѣшенія вопроса въ смыслѣ мнимости такого антагонизма. Общество—говорятъ они,—предполагаетъ предварительную группировку составляющихъ его индивидуальныхъ единицъ, а послѣднія являются индивидуальностями лишь постольку, по скольку онѣ уже успѣли сгруппироваться. Индивидуальность образуется путемъ пріобщенія къ коллективной мысли, къ общему идеалу; но, съ другой стороны, коллективная мысль существуетъ лишь по стольку, по скольку она воплощается въ тѣ самыя индивидуальности, въ первоначальномъ образованіи или въ послѣдующихъ превращеніяхъ которыхъ она принимала непосредственное участіе.

Очевидно, что это объясненіе близко и существенно сходится со взглядомъ неопозитивистовъ, по которому человѣческая

личность, «соціализированная» біологическая особь сама является уже настоящей группой, необходимымъ результатомъ, послѣднимъ сосредоточеніемъ (уплотненіемъ), высшимъ представительствомъ различныхъ, болѣе обширныхъ группъ, жившихъ и дѣйствовавшихъ въ прошломъ, въ теченіе всей исторіи человѣчества; при чемъ такая личность, достигнувъ той или другой степени «обобществленія» или культуры, въ свою очередь входитъ какъ составная часть въ современныя ей и болѣе широкія группы и своимъ присутствіемъ въ послѣднихъ дѣлаетъ ихъ способными образовать новыя личности—группы, все болѣе и болѣе «обобществленныя» или культурныя (будущія поколѣнія). Это круговое движеніе, этотъ процессъ, въ которомъ личность («ядровая» или «нѣдровая» группа) постоянно обновляетъ обнимающую ее «периферическую» группу, а «омоложенное» такимъ образомъ общество періодически обновляетъ личность, или, иными словами, это непрерывное взаимодѣйствіе между двумя видами группъ, между группою «микросоціальною» и группою «макросоціальною»,—вотъ та специфическая форма, въ которую въ сферѣ «надорганическихъ» явленій облекается всеобщій или міровой потокъ эволюціи. Эта типичная форма эволюціи носитъ названіе *прогресса* всякій разъ, когда взаимодѣйствіе тѣсно солидарныхъ между собою периферическихъ и центральныхъ группъ укрѣпляетъ и тѣ и другія, увеличивая, въ послѣдовательной смѣнѣ поколѣній, ихъ общую власть надъ внѣшней природой и надъ самими собой (что̀, въ свою очередь, существенно зависитъ отъ развитія фактора «знанія» и внутренней согласованности его съ вытекающими изъ него факторами философскимъ, эстетическимъ и техническимъ). Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ явленіями общественнаго или личнаго (макросоціальнаго или микросоціальнаго) *застоя* или даже *регресса*.

«Противополагаемая личности,—говоритъ далѣе коментаторъ Дюркгейма (*loc. cit.* стр. 47),—группа, въ формѣ семьи, націи, корпораціи или какого бы то ни было союза или даже простого собранія людей, имѣетъ собственное, реальное существованіе, свойственное ей одной, сообщаемое ей не единицами, ею соединяемыми, а фактомъ, что *она ихъ соединяетъ*». И при этомъ приводится мнѣніе Дюркгейма (*Division du travail*, стр. 318); «коллективный типъ не только не есть обобщеніе того или другого индивидуальнаго типа, а, наоборотъ, является источникомъ, изъ котораго возникаетъ послѣдній». Въ подобныхъ заявленіяхъ нельзя не видѣть прямого отзвука неопозитивнаго ученія о конкретной реальности коллективной

формы бытія и рѣшительнаго шага на пути, ведущемъ уже не къ старой антитезѣ между личностью и обществомъ, а къ строгому различенію соціальной личности отъ біологической особи. Но именно въ послѣднемъ вопросѣ мысль Дюркгейма снова колеблется и становится неясной. Къ пониманію личности, какъ группы, она близко подходитъ, но нигдѣ опредѣленно не формулируетъ его. Группа, по отношенію къ связываемымъ ею личностямъ, представляется Дюркгейму особымъ существомъ, мыслящимъ, чувствующимъ и дѣйствующимъ по своему. И вотъ это особое существо онъ продолжаетъ противопоставлять его же собственнымъ составнымъ единицамъ. Неопозитивисты, разсматривая личность, какъ группу (и притомъ, такъ сказать, наиболѣе плотную или наиболѣе цѣлостную), старательно избѣгаютъ такого противоположенія. Для нихъ оно существуетъ не между обществомъ и личностью (двумя видами одного и того же рода, двумя разрядами группъ, отличающихся только степенью достигнутаго развитія, при чемъ изъ менѣе совершенной группы, общества, образуется болѣе совершенная группа, личность, а не наоборотъ), а только между какими бы то ни было группами (въ томъ числѣ и личностью) и біологическими особями, служащими имъ матеріальнымъ субстратомъ. Неопозитивисты остерегаются заводить рѣчь о «коллективномъ сознаніи» или о «коллективныхъ представленіяхъ» въ различныхъ группахъ; ибо и сознаніе, и представленіе являются въ ихъ глазахъ фактами біологическаго (психофизическаго) порядка, свойственными однѣмъ лишь біологическимъ особямъ. За то они считаютъ вполнѣ допустимымъ, въ области соціологіи, говорить о «коллективномъ знаніи» или о «коллективной идеологіи»; ибо въ ихъ глазахъ и знаніе, и идеологія суть по природѣ своей явленія общественныя, все равно, въ какихъ бы группахъ они не обнаруживались—въ болѣе обширныхъ, соединяющихъ въ себѣ, для тѣхъ или другихъ цѣлей (имѣющихъ всегда, въ конечномъ анализѣ, идеологическій характеръ), множество личностей, или только въ этой послѣдней, «ядровой» или «нѣдровой» группѣ. Въ первомъ случаѣ, который, въ силу «собирательной» природы опыта, дающаго начало нашимъ отвлеченнымъ понятіямъ, постоянно предшествуетъ второму, наши знанія естественно являются менѣе совершенными и наши понятія болѣе смутными. И тѣ и другія, иными словами, достигаютъ полноты своего развитія и получаютъ законченную форму лишь тогда, когда они обнаруживаются въ мозгу отдѣльныхъ личностей.

Неопозитивная школа, какъ извѣстно, много занималась

вопросомъ о сущности такъ называемой *нравственности* и охватываемой этимъ понятіемъ, обозначаемой этимъ терминомъ огромной области явленій, а, слѣдовательно, и вопросомъ о томъ, какія отношенія устанавливаются между этикой, наукой о нравственности и нравственныхъ явленіяхъ, съ одной стороны, и *соціологіей*, наукой объ общественности и общественныхъ явленіяхъ—съ другой. И неопозитивная школа пришла по этимъ двумъ вопросамъ къ весьма опредѣленнымъ выводамъ, которые могутъ быть вкратцѣ формулированы слѣдующимъ образомъ. *Нравственныя явленія*, которыя въ конкретномъ своемъ обликѣ называются еще нравами и обычаями, изъ которыхъ мало-по-малу возникаютъ и развиваются, какъ особая, болѣе узкая или спеціализированная разновидность, *явленія правовыя* (конкретно: *законы*, *суды* и *санкціи* принудительнаго характера, а также различнаго рода *учрежденія* или юридическіе институты), имѣютъ своимъ исключительнымъ содержаніемъ отношенія между людьми (само собою разумѣется, не біологическими, хотя бы и человѣческими особями, которыя вполнѣ и всегда *аморальны*, а между личностями или микросоціальными группами, о которыхъ было говорено выше). Отношенія эти медленно складываются и постепенно, хотя и постоянно измѣняются подъ прямымъ вліяніемъ той же основной причины—психофизическаго, а затѣмъ и психологическаго взаимодѣйствія,—которая вызываетъ къ жизни и макро- и микросоціальныя группы, одновременно вырабатывая коллективную идеологію ихъ, а также подъ непосредственнымъ вліяніемъ главныхъ факторовъ культуры, порождаемыхъ этой идеологіей: науки, религіи или философіи, искусства и техники. Дѣйствительно, отношенія, устанавливающіяся между личностями или союзами ихъ, всегда строго опредѣляются достигнутыми такими личностями или союзами уровнями знанія, міропониманія, эстетическаго развитія и, наконецъ, и высотою ихъ техники. Но если это вѣрно, то очевидно, что указанныя отношенія входятъ въ соціологію, какъ истинный объектъ ея изслѣдованія, и этика является такою же составною частью соціологіи, какъ право, экономика, политика и т. д. На этомъ результатѣ неопозитивисты, однако, не остановились. Они, далѣе, поставили вопросъ: чѣмъ, въ сущности, нравственныя явленія отличаются отъ общественныхъ явленій всѣхъ другихъ порядковъ? Тѣмъ ли, что, какъ утверждали многіе мыслители, они вносятъ въ наши понятія и сужденія имъ однимъ, будто бы, свойственный телеологическій критерій, дифференцированіе вещей признаками: хорошій и дурной (добро и зло)? Но вѣдь телеологическій критерій, въ формѣ различенія хорошаго

отъ дурного, пріятнаго отъ непріятнаго, красиваго отъ уродливаго, полезнаго отъ вреднаго и т. д., приложимъ ко всѣмъ общественнымъ явленіямъ безъ малѣйшаго исключенія—къ явленіямъ научнымъ, религіознымъ и философскимъ, эстетическимъ, техническимъ, экономическимъ, юридическимъ, политическимъ и т. п. Тутъ дѣло идетъ объ особомъ методѣ, о процессѣ мышленія, получившемъ, по причинамъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить, сильное распространеніе преимущественно въ области обществознанія. Такимъ образомъ между нравственными и другими соціальными явленіями сколько-нибудь точной границы установить нельзя [1]).

Выводъ этотъ подтверждается разсмотрѣніемъ конкретныхъ фактовъ, въ которыхъ осуществляется отвлеченное понятіе о нравственномъ явленіи или отношеніи. Факты эти—нравы—обнимаютъ собою рѣшительно всѣ категоріи общественныхъ явленій. Нравы бываютъ и личные, и семейные, и профессіональные, и классовые, и національные, но также и научные, и религіозные, и философскіе, и эстетическіе, и техническіе, и экономическіе, и юридическіе, и политическіе и т. д. А это значитъ, что этики, какъ отвлеченной науки о нравахъ—по крайней мѣрѣ съ того момента, какъ народилась и обосновалась соціологія,—нѣтъ и быть не можетъ. По ученію неопозитивистовъ, то, что прежде носило названіе этики и что было частью грубо-эмпирическимъ, частью апріорнымъ знаніемъ, замѣнявшимъ собою несуществовавшую соціологію (какъ алхимія замѣняла когда-то химію или виталистическія теоріи 17-го вѣка—біологію), теперь цѣликомъ вливаетъ свое содержаніе въ общую соціологію. Остается описательная наука о нравахъ или, вѣрнѣе, цѣлый рядъ такихъ описательныхъ дисциплинъ, которыя только нынѣ и могли появиться на научномъ горизонтѣ и ко-

---

1) Въ повседневной жизни нравственныя явленія всего ближе сходятся съ явленіями правовыми. Нравственнымъ считается въ поведеніи человѣка все то, что одобряется обществомъ (и самой нравственной личностью, подъ очевиднымъ вліяніемъ того же общества), но еще не вмѣняется принудительными способами въ прямую обязанность; а безнравственнымъ—все то, что осуждается обществомъ (и самой личностью, поскольку она является продуктомъ общества), но не наказывается судебнымъ порядкомъ (хотя и вызываетъ подчасъ болѣе суровую, чѣмъ уголовная кара или гражданское возмездіе, общественную реакцію). Нравственныя отношенія только подготовляютъ отношенія правовыя и, какъ общее правило, ведутъ къ нимъ, разрѣшаются ими. Нравственность есть первый фазисъ въ развитіи юридическихъ понятій и нормъ. Этика есть эмбріологія права и, какъ таковая, не безъ основанія включается неопозитивистами въ общую соціологію.

торымъ предстоитъ великая будущность [1]). Дисциплины эти должны будутъ выполнить самую неотложную и плодотворную изъ задачъ: постоянно поддерживать притокъ въ отвлеченную науку объ обществѣ новаго, все болѣе и болѣе обильнаго и по возможности экспериментально разработаннаго и провѣреннаго матеріала.

Спрашивается, въ какой мѣрѣ Дюркгеймъ и его сотрудники, такъ часто, какъ мы видѣли, идущіе на встрѣчу основнымъ взглядамъ неопозитивной соціологіи, усвоили себѣ и эту ея точку зрѣнія на нравственность и науку о нравахъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ слѣдующихъ строкахъ, выписываемыхъ нами изъ книги талантливаго научнаго популяризатора, Абеля Рей (Abel Rey, La philosophie moderne, 1908, стр. 312—313), и вкратцѣ объясняющихъ положеніе, занятое въ данномъ вопросѣ и Дюркгеймомъ, и другимъ, не менѣе извѣстнымъ французскимъ соціологомъ, Леви-Брюлемъ. «Всѣ этики или кодексы нравственности, предлагавшіеся намъ до сихъ поръ, сходны съ эмпирическими пріемами, существовавшими въ другихъ областяхъ опыта прежде чѣмъ въ нихъ были достигнуты положительныя и научныя знанія, превратившія такія эмпирическія техники въ раціональныя. Эти такъ называемыя системы нравственности играютъ, по отношенію къ нашему поведенію, ту же роль, какую, по отношенію къ наукѣ о числахъ, играли смутныя грезы халдейскихъ волхвовъ, египетскихъ жрецовъ и пиѳагорейцевъ, или, по отношенію къ современной промышленности, мечтанія алхимиковъ, или, по отношенію къ новѣйшей медицинѣ, господствовавшія еще въ XVIII-мъ вѣкѣ способы врачеванія. Въ настоящее время существенная работа моралиста сводится къ тому, чтобы создать *науку о нравахъ*, а затѣмъ воспользоваться ея указаніями для рѣшенія практическихъ во-

---

[1]) Теперь часто можно слышать сѣтованія на то, что распространеніе просвѣщенія и увеличеніе матеріальнаго достатка не дѣлаютъ народныя массы болѣе нравственными (или, какъ обыкновенно выражаются, не поднимаютъ ихъ нравственнаго уровня). Но о какихъ нравахъ и о какой нравственности здѣсь идетъ рѣчь? Вѣдь нѣтъ сомнѣнія, что обѣ упомянутыя причины сильно содѣйствуютъ измѣненію и экономическихъ, и юридическихъ, и политическихъ, и всѣхъ прочихъ конкретныхъ общественныхъ фактовъ и отношеній. Ими вызываются и такъ наз. переоцѣнка, пересмотръ прежнихъ экономическихъ цѣнностей, и дальнѣйшее развитіе законодательства, установленіе новыхъ юридическихъ нормъ, съ усиленіемъ или смягченіемъ, смотря по обстоятельствамъ, репрессивныхъ мѣръ и функцій, и немаловажныя перемѣщенія центра тяжести политической власти и т. д. Не такъ давно вульгарная, обыденная мысль изощрялась на тему о банкротствѣ науки. Теперь ей представляется прекрасный случай развернуться во всю ширь на новую тему—о банкротствѣ уравнительныхъ, демократическихъ стремленій эпохи.

просовъ въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ ставятъ опытъ и реальная жизнь, и по мѣрѣ того, какъ они ихъ ставятъ. Мы должны навсегда отказаться отъ вѣчныхъ, незыблемыхъ моралей, систематически основанныхъ на рядѣ недоказуемыхъ и непровѣряемыхъ посылокъ. Съ этимъ намъ надо помириться, если мы не хотимъ поступить какъ собака, пробующая перепрыгнуть черезъ собственную тѣнь. Вмѣсто пустыхъ спекуляцій, всегда остававшихся неприложимыми, мы найдемъ средства, конечно—ограниченныя, но способныя къ дальнѣйшему умноженію и развитію, которыя и дадутъ намъ возможность улучшить человѣческіе нравы и общественныя отношенія». Такимъ образомъ, и въ вопросѣ о необходимости замѣнить обычныя ходульныя системы нравственности и выспреннія этики самой прозаической и, конечно, описательной наукой о нравахъ, между точками зрѣнія Дюркгейма и Леви-Брюля и давно высказанными взглядами на тотъ же предметъ неопозитивистовъ не усматривается никакой существенной разницы [1]).

Укажемъ, въ заключеніе, еще на одно совпаденіе взглядовъ Дюркгейма съ ученіемъ неопозитивистовъ.

Какъ извѣстно, соціологія послѣднихъ выставляетъ, подъ именемъ закона четырехъ факторовъ культуры, чрезвычайно общій законъ соціальной эволюціи, въ силу котораго постоянно вырабатываемая и обновляемая психическимъ взаимодѣйствіемъ (коллективнымъ опытомъ) общественная идеологія принимаетъ четыре правильно развивающіяся другъ изъ друга главныя формы (мысль научная, мысль философская, мысль эстетическая и мысль практическая), въ началѣ эволюціи неизмѣнно смѣшивающіяся, а затѣмъ, по мѣрѣ успѣховъ цивилизаціи, все болѣе и болѣе дифференцирующіяся. Для объясненія же нерѣдко замѣчаемыхъ въ исторической дѣйствительности уклоненій отъ такой схемы, неопозитивисты выдвигаютъ, въ видѣ поправки къ первому, второй общій законъ, которому даютъ названіе закона отставанія или

---

[1]) Отмѣтимъ по этому поводу слѣдующій курьезъ. Изложивъ, въ приведенной выше цитатѣ, мнѣніе двухъ своихъ соотечественниковъ, Рей прибавляетъ: «Это пониманіе нравственности было въ первый разъ набросано Дюркгеймомъ (*Division du travail*, предисловіе къ 1 изд. 1903 г.), а затѣмъ систематически и ясно изложено Леви-Брюлемъ въ его книгѣ *La Morale et la science des moeurs*» Конечно, можно, не давая себѣ труда изучить въ подлинникѣ «Курсъ положительной философіи» или «Критику чистаго разума», ограничиться знакомствомъ съ сочиненіями Литтрэ или того или другого изъ видныхъ эпигоновъ Канта въ Германіи. Но при всемъ желаніи воздать должное любимымъ и заслуживающимъ всякаго уваженія авторамъ, было бы странно и въ высокой степени неловко приписать Литтрэ руководящія идеи основателя позитивизма, или наидостойнѣйшему современному представителю критицизма главныя положенія «Критики».

запаздыванія. Согласно этому коррективу, религіозныя вѣрованія и философскіе синтезы каждой эпохи отстаютъ отъ современныхъ имъ знаній, эстетическіе идеалы и искусство запаздываютъ не менѣе правильно противъ одновременно господствующихъ міропониманій, и наконецъ практическая мысль—учрежденія, нравы, право, техника и т. д.—всегда и неизбѣжно отстаютъ отъ своихъ теоретическихъ предпосылокъ во всѣхъ трехъ предыдущихъ областяхъ общественной мысли.

Законъ четырехъ факторовъ культуры Дюркгеймъ и его сотрудники пока еще обходятъ молчаніемъ. Но законъ «запаздыванія» всего того, что первый законъ считаетъ общественными «слѣдствіями» по отношенію ко всему тому, что онъ признаетъ общественными «причинами», повидимому, принимается французскими социологами въ полномъ его объемѣ. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ по этому поводу комментаторъ Дюркгейма, Дави: «Между коллективной средой, съ одной стороны, и учрежденіями и т. п. съ другой, существуетъ причинная связь или, другими словами, замѣчается постоянное и правильное соотвѣтствіе. Но это *нормальное соотвѣтствіе* есть только *идеальный* случай, никогда не осуществляющійся на самомъ дѣлѣ. Въ общественной средѣ, вещи долго остаются такими, какими онѣ были въ моментъ своего перваго возникновенія. Еслибъ онѣ въ каждую минуту снова возсоздавались своими причинами, было бы трудно допустить уклоненіе отъ строгаго соотвѣтствія между слѣдствіями и причинами. Еслибъ еще причины (общественная среда) не измѣнялись ни скорѣе, ни медленнѣе, чѣмъ слѣдствія, правильное соотвѣтствіе, о которомъ мы говоримъ, было бы реальнымъ, а не идеальнымъ случаемъ. Но ни та, ни другая изъ этихъ гипотезъ не вѣрна: среда измѣняется непрерывно, а учрежденія измѣняются рѣдко». Отсюда—заключаетъ Дави, и происходитъ то, что въ фактахъ второй категоріи (въ слѣдствіяхъ) соціологъ постоянно встрѣчается съ явленіями, называемыми «пережитками», при чемъ послѣдніе могутъ считаться болѣе или менѣе нормальными лишь до тѣхъ поръ, пока произведшія ихъ, но уже ослабѣвшія причины продолжаютъ еще дѣйствовать, и должны быть признаваемы анормальными, когда отъ вызвавшихъ ихъ къ жизни причинъ не остается сколько-нибудь осязательныхъ слѣдовъ (*Revue phil.*, 1911, № 8 стр. 168—9).

Переходимъ къ другимъ представителямъ соціологіи во Франціи, въ той или другой степени подпавшимъ вліянію нео-

позитивныхъ теорій въ этой области знанія. Тутъ на первомъ планѣ, рядомъ съ Дюркгеймомъ, стоитъ Леви-Брюль.

Признавая, въ извѣстной книгѣ своей о «Наукѣ нравовъ», причиной незрѣлости соціологіи не столько недостатокъ фактовъ и наблюденій, сколько отсутствіе научнаго пониманія и правильной классификаціи явленій, Леви-Брюль кладетъ въ основу своего труда ярко неопозитивный тезисъ о чисто общественномъ «соборномъ» генезисѣ всей высшей психической жизни человѣка, той безпредѣльной области разума и управляемыхъ имъ чувства и воли, которая отдѣляетъ человѣка отъ міра животныхъ. Это соціальное происхожденіе, по мнѣнію автора, выступаетъ особенно наглядно въ первобытныхъ человѣческихъ обществахъ, гдѣ групповое сознаніе царитъ нераздѣльно и только локализируется въ каждой особи; но и впослѣдствіи идеи, чувства, вѣрованія, страсти, обобщенія—все носитъ коллективный и лишь производно индивидуальный характеръ (стр. 232).

Психологической проблемѣ—говоритъ далѣе Леви-Брюль,—слѣдуетъ придать постановку какъ разъ обратную той, которая обычно ей придается. Нельзя спрашивать, какъ изъ замкнутыхъ въ себѣ индивидуальныхъ сознаній объяснить возможность ихъ сообщенія другъ съ другомъ—вопросъ, который столько разъ безплодно пыталась рѣшить метафизика,—а нужно спросить: какъ изъ наблюдаемаго въ особи длиннаго ряда психическихъ фактовъ коллективнаго характера могло, путемъ прогрессивной дифференціаціи, возникнуть индивидуальное сознаніе? Вопросъ этотъ имѣетъ положительный характеръ и допускаетъ научное рѣшеніе, ибо дѣло идетъ лишь о весьма относительной индивидуальности. Психическіе факты никогда не утрачиваютъ вполнѣ своего первоначальнаго коллективнаго характера, который, напротивъ того, всегда поддерживается и даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ усиливается и развивается вслѣдствіе размноженія тѣхъ связей, которыя устанавливаются между членами соціальной группы, и въ особенности вслѣдствіе успѣховъ и развитія языка. Но обогащенное такимъ путемъ индивидуальное сознаніе все болѣе и болѣе побуждается «утверждать себя, противополагая себя себѣ самому», какъ выражаются метафизики. Въ этихъ взглядахъ біосоціальная теорія, лежащая въ основѣ всей соціологіи неопозитивистовъ, находитъ себѣ полное признаніе. Сознанія, образующіяся подъ постояннымъ вліяніемъ психическаго взаимодѣйствія, коллективнаго опыта или общественности (термины эти равнозначны), могутъ быть только соціо-индивидуальными, какъ выражаются неопозитивисты, въ отличіе отъ сознаній біо-инди-

видуальныхъ, наполненныхъ исключительно переживаніями единичными, непередаваемыми далѣе и потому необобщаемыми, не могущими обусловить культурнаго существованія.

«Чтобы избѣжать обычныхъ заблужденій психологовъ—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Леви-Брюль,—необходимо, но и вполнѣ достаточно не закрывать глазъ на съизначала *соціальный* характеръ всего того, что въ насъ есть собственно человѣческаго» (стр. 233). Леви-Брюль при этомъ ссылается на слѣдующія слова Ог. Конта: «Не слѣдуетъ объяснять человѣчества человѣкомъ, а надо, наоборотъ, объяснять человѣка человѣчествомъ». Въ устахъ сторонника біо-соціальной теоріи слова эти имѣли бы опредѣленный и, пожалуй, даже глубокій смыслъ. Но развѣ Контъ, включавшій всю психологію цѣликомъ въ біологію, могъ, не противорѣча себѣ, быть сторонникомъ такой теоріи (которая притомъ же ко времени его смерти еще не созрѣла и не была никѣмъ формулирована)? Въ неопредѣленной фразѣ, приведенной выше, Контъ, конечно, хотѣлъ сказать и дѣйствительно сказалъ только одно: психологъ долженъ выйти изъ своего «я»—Контъ, какъ извѣстно, былъ рѣшительнымъ противникомъ интроспекціи—и, чтобы познать себя или человѣка вообще, долженъ изучать другихъ людей, все человѣчество. Онъ, словомъ, еще разъ подтвердилъ старую и давно признанную истину, но ни на одинъ шагъ не приблизился и не могъ, не отказавшись отъ своихъ взглядовъ на психологію и даже на соціологію, приблизиться къ новой истинѣ, до сихъ поръ еще либо оспариваемой, либо замалчиваемой и только медленно проникающей въ умы, наиболѣе подготовленные для принятія ея. Леви-Брюль, впрочемъ, самъ хорошо чувствуетъ это и потому спѣшитъ прибавить: «Формула Конта можетъ быть приложена къ изученію психическихъ фактовъ лишь подъ условіемъ такого дополненія и истолкованія ея: не изъ индивидуальныхъ сознаній долженъ исходить психологъ, стремящійся объяснить то, что есть общаго въ психологической жизни отдѣльныхъ особей даннаго общества, а, наоборотъ, онъ долженъ искать генезисъ индивидуальныхъ сознаній, исходя изъ присущаго имъ всѣмъ коллективнаго сознанія». Ясно, что Леви-Брюль упомянулъ о Контѣ только для того, чтобы избѣгнуть ссылки на болѣе позднихъ, еще живыхъ соціологовъ [1]).

[1]) Что, однако, замѣтимъ мимоходомъ, не мѣшаетъ ему иногда пользоваться и самой терминологіей этихъ соціологовъ; такъ онъ употребляетъ терминъ «соціализаціи» для обозначенія процесса образованія личности изъ группы (стр. 235) и терминъ «біо-соціологія», какъ синонимъ психологіи (стр. 127).

Мы уже видѣли выше, что въ вопросахъ объ отношеніи этики къ соціологіи и о необходимости построить соціологію на прочномъ фундаментѣ описательной «науки о нравахъ», Леви-Брюль, вслѣдъ за Дюркгеймомъ, не колеблясь становится на неопозитивную точку зрѣнія. Въ своей книгѣ, посвященной разработкѣ этихъ вопросовъ и изобилующей мѣткими опредѣленіями и интересными подробностями, онъ не упускаетъ ни одного случая для полнаго отожествленія нравственныхъ и общественныхъ явленій. Отнынѣ, по его словамъ, «моральная спекуляція», становясь сравнительнымъ изученіемъ существующихъ или существовавшихъ нравственностей, вливаетъ все свое содержаніе въ соціологію (стр. 212). Нравственность же, разсматриваемая какъ кодексъ поведенія, становится простой техникой нравовъ, приложеніемъ къ поступкамъ людей результатовъ, добытыхъ соціологіей путемъ изслѣдованія существующихъ моральныхъ и правовыхъ нормъ, моральной и правовой практики» (стр. 14 и 18) [1]).

Работы Дюркгейма и Леви-Брюля занимаютъ видное мѣсто въ современной французской соціологіи, что и побудило насъ остановиться на нихъ гораздо дольше, чѣмъ мы можемъ это сдѣлать по отношенію къ многочисленнымъ другимъ французскимъ же соціологамъ, также подпавшимъ вліянію новыхъ идей, внесенныхъ въ соціологію неопозитивной школой, и цѣликомъ или съ незначительными оговорками воспринявшимъ ея главные руководящіе тезисы. Тутъ имена считаются уже десятками, и мы поневолѣ должны сдѣлать между ними болѣе или менѣе случайный выборъ: мы можемъ сослаться на нихъ только въ видѣ примѣра. Такъ, профессоръ Collège de France Изулэ въ очень живо и талантливо составленной книгѣ (*La Cité moderne*, 1904 г.) популяризировалъ біо-соціальную гипотезу или теорію, согласно съ которой индивидуальная психологія является сложнымъ продуктомъ съ одной стороны біологическихъ, съ другой—исключительно соціальныхъ причинъ и факторовъ. Такъ, Гастонъ Ришаръ въ работѣ, появившейся въ *Revue philosophique* (1909 г. № 3), сравниваетъ между собою два главныхъ объясненія общественной причинности—объясненіе прагматическое (разновидностью котораго является экономическое объясненіе) и объясненіе психо-соціальное, защищаемое неопозитивной школой (которая ввела въ употребленіе и самый терминъ «психосоціальный»),—становится на

---

[1]) Подобно Дюркгейму, Леви-Брюль принимаетъ неопозитивный законъ отставанія факторовъ культуры, но даетъ ему очень общую и потому неопредѣленную форму: эволюція «чувствъ» правильно отстаетъ отъ эволюціи «идей» (стр. 243).

сторону второго. Онъ говоритъ: «Психосоціальная теорія общественной причинности постепенно вытѣсняетъ прагматическую. И весьма понятно, почему: самый концептъ экономическаго явленія есть продуктъ поспѣшнаго и несовершеннаго отвлеченія. Трудъ, промышленная техника, собственность, торговый обмѣнъ, сбереженіе, кредитъ—все это факты психосоціальные, предполагающіе психическое взаимодѣйствіе и изъ него вытекающіе. Если экономическое состояніе общества и служитъ для послѣдняго хорошей характеристикой, то только потому, что оно есть нѣчто производное, необходимый результатъ того или другого состоянія знаній, религіозныхъ вѣрованій и т. д.». Другой извѣстный ученый, Лаландъ, говоря о новыхъ вѣяніяхъ въ соціологіи, о новомъ оріентированіи ея изслѣдованій, и напомнивъ, что «соціальное» нынѣ всецѣло сводится, въ сферѣ отвлеченной спекуляціи, къ тожеству мысли между индивидами, а въ сферѣ практической или дѣятельной—и къ сходству у нихъ волевыхъ явленій, выражается далѣе слѣдующимъ образомъ: «Это, безъ сомнѣнія, пока только гипотеза. Она не обладаетъ еще очевидностью аксіомы. Но гипотеза, которая подтверждается множествомъ соотвѣтствующихъ фактовъ и вынуждаетъ согласіе постоянно растущаго числа умовъ, становится въ концѣ концовъ тѣмъ, что мы называемъ истиной. Вѣдь теперь уже никто не назоветъ эту гипотезу *страннымъ парадоксомъ*, какъ это случалось сплошь и рядомъ лѣтъ десять тому назадъ. Чтобы дать себѣ отчетъ въ ея быстромъ распространеніи достаточно вспомнить основную роль, которую Балдвинъ отводитъ въ своей «Генетической Логикѣ» образованію общей или коллективной мысли, или указать на оригинальное изслѣдованіе Вебгауза о параллелизмѣ факта и идеала, логики и этики» въ *(L'idée de Dieu, Revue phil.*, 1909, № 3, стр. 283). Авторъ цѣннаго труда объ общественной солидарности, Дюпра, по поводу ученія неопозитивистовъ о соціальномъ генезисѣ разума и о постепенномъ развитіи всѣхъ такъ называемыхъ высшихъ формъ индивидуальной мысли и дѣятельности изъ предшествующихъ имъ болѣе элементарныхъ формъ коллективной мысли и коллективнаго дѣйствія, утверждаетъ, что въ настоящее время этотъ основной тезисъ готовы принять, подобно ему, очень многіе соціологи. Тотъ же писатель ставитъ въ заслугу неопозитивной школѣ огромную роль, отводимую ею во всемъ развитіи человѣческой культуры главному и первому продукту коллективнаго опыта—отвлеченной идеологіи, и соглашается съ основнымъ тезисомъ неопозитивной теоріи познанія, по которому «законы природы» составляютъ

такое же слѣдствіе (а не причину) явленій и такой же результатъ коллективнаго опыта и знанія, какъ тѣ «общія и отвлеченныя понятія», между которыми открываемые наукой законы стремятся установить постоянныя отношенія.

От Франціи, гдѣ неопозитивныя идеи широко распространились, переходимъ къ другимъ странамъ, гдѣ онѣ все болѣе и болѣе начинаютъ обращать на себя вниманіе. Нашъ по необходимости сжатый обзоръ мы ограничимъ Сѣв. Америкой, Германіей и Италіей.

Въ Сѣв. Америкѣ отмѣтимъ интересную попытку, сдѣланную недавно Балдвиномъ (Baldwin, *Thoughts and Things*, въ особенности 2-я часть, *Experimental Logic or genetic theory of thought*) съ цѣлью обращенія теоріи познанія изъ философской въ соціологическую дисциплину. По мнѣнію автора, всѣ наши сужденія «синдоксичны», т. е. не только составляютъ продуктъ коллективной мысли, но и необходимо признаются нами таковыми. Всякое утвержденіе имѣетъ значеніе для отдѣльнаго ума только въ той степени, въ какой оно имъ же признается имѣющимъ одинаковую силу и для всѣхъ другихъ умовъ. Краеугольнымъ камнемъ теоріи познанія Балдвинъ считаетъ положеніе, что «междупсихическая цѣнность» сужденія составляетъ нормальное свойство всякаго знанія и одно только дѣлаетъ его раціональнымъ. Субъективность (или частность) познанія—говоритъ по по этому поводу Балдвинъ,—есть лишь второстепенное ограниченіе его объективности (или его всеобщности), ограниченіе, сходное съ «отрицаніемъ», которое никогда не является прямой противоположностью «утвержденія», а по существу своему есть утвержденіе другой разновидности того же рода. Здѣсь Балдвинъ, очевидно, близко подходитъ къ признанію другого основного положенія неопозитивной гносеологіи: закона тожества противоположныхъ концептовъ наивысшихъ степеней отвлеченія.

Балдвинъ сходится съ неопозитивистами и въ оцѣнкѣ огромной общественной роли языка. Въ языкѣ онъ видитъ органъ всей духовно-разумной жизни человѣчества и то орудіе, съ помощью котораго человѣкъ одновременно вноситъ указываемыя коллективнымъ опытомъ поправки какъ въ свою мысль, такъ и въ чужую. Языкъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ярко раскрываетъ «соборный» генезисъ всѣхъ нашихъ сужденій. Всякая идея—говоритъ Балдвинъ,—предполагаетъ дѣйствіе двухъ факторовъ: «соборности», или необходимой ссылки каждаго личнаго утвержденія на раньше

уже образовавшуюся коллективную мысль, и «раціональности», или того условія установленія новой мысли, по которому она должна завоевать согласіе современныхъ личностей. Общая схема умственнаго взаимодѣйствія или поиска, приводящаго къ установленію истины, строится Балдвиномъ слѣдующимъ образомъ. Иниціатива «междупсихическаго» движенія, служащаго открытію истины, принадлежитъ либо личности, либо общественной группѣ. Въ первомъ случаѣ то, что кажется истиннымъ отдѣльной личности, подтверждается лишь путемъ ссылки на факты (повѣрка гипотезы), достовѣрность которыхъ гарантируется исключительно коллективнымъ сужденіемъ; тутъ происходитъ движеніе отъ «я» къ «другимъ» (экстеріоризація идеи). За этимъ движеніемъ тотчасъ же слѣдуетъ обратное движеніе отъ другихъ къ «я», или психическое взаимодѣйствіе, результатъ котораго мы и называемъ сужденіемъ раціональнымъ. Во второмъ случаѣ, мнѣніе «другихъ» или коллективное мнѣніе должно найти себѣ сперва подтвержденіе въ разумномъ согласіи личности и затѣмъ уже снова возвратиться къ группѣ, въ формѣ «признаннаго» сужденія. Согласно съ этими взглядами, Балдвинъ строго осуждаетъ метафизическую логику, возводящую категоріи и общія формы мысли въ нѣчто привходящее въ опытъ и руководящее имъ извнѣ, и не видящую, какъ категоріи и формы мысли путемъ самопроизвольнаго движенія (психическаго взаимодѣйствія) вырабатываются изъ обыкновеннаго опытнаго процесса. Изъ такихъ посылокъ, въ свою очередь, естественно вытекаетъ выводъ, въ корнѣ опорочивающій извѣстную формулу прагматизма, которая усматриваетъ въ «дѣйствіи» единственный критерій истины. Для Балдвина этотъ критерій заключается въ соотвѣтствіи (или, когда рѣчь идетъ о лжи, въ несоотвѣтствіи) мысли, которую неопозитивисты называютъ соціоиндивидуальной, съ мыслью групповой или коллективной. Это соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе необходимо предполагаетъ соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе и съ тѣмъ, что носитъ названіе фактовъ, внѣшнихъ данныхъ. Послѣдней чертой истинное и ложное отличаются отъ хорошаго и дурного, съ которыми прагматисты ихъ наивно смѣшиваютъ. Однимъ словомъ, «я» того сужденія, которое рѣшаетъ, что извѣстная мысль есть истина, есть всегда общественное «я» («мы»), «дисциплинированное и выправленное «я», выросшее изъ постояннаго и повторнаго процесса обращенія къ чужой мысли и согласованія съ нею».

Балдвинъ справедливо считаетъ вопросъ о происхожденіи разума наиболѣе важной и существенной проблемой генетической логики. И для него, какъ для неопозитивистовъ, сколько-

нибудь общая и отвлеченная мысль (которая одна только и можетъ быть предметомъ логическихъ сужденій) никогда не бываетъ индивидуальною въ строгомъ смыслѣ слова. Она вездѣ и всегда обнаруживается какъ продуктъ продолжительнаго процесса психическаго взаимодѣйствія. Ея соціальное происхожденіе лежитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Но не слѣдуетъ забывать, что общая и отвлеченная мысль есть уже знаніе (все равно, въ зачаточномъ состояніи или болѣе или менѣе развитое), а знаніе неодинаково распредѣлено въ различныхъ общественныхъ слояхъ и даже между членами одной и той же соціальной группы; одни обладаютъ имъ въ большей степени, другіе—въ значительно меньшей. Естественно, поэтому, что первые отказываются принять извѣстныя идеи и сужденія вторыхъ, и наоборотъ. Но и тѣ, и другіе, разъ они убѣждены въ истинѣ или ложности чего-либо, увѣрены и въ томъ, что всѣ остальные люди рано или поздно раздѣлятъ ихъ убѣжденіе. Эта увѣренность и есть, такъ сказать, марка или знакъ общественной фабрикаціи, надпись: made in society.

Въ Германіи главнымъ представителемъ новыхъ идей, внесенныхъ въ современную соціологію неопозитивной школой, являются извѣстный натуралистъ Вильгельмъ Оствальдъ и берлинскій профессоръ соціологіи Георгъ Зиммель. О полномъ совпаденіи ученія перваго изъ нихъ съ руководящими тезисами неопозитивной соціологіи мы уже подробно говорили въ статьѣ, помѣщенной въ «Вѣстникѣ Европы» (*Энергетика и Соціологія*, мартъ 1910 г.) и возвращаться къ этому предмету считаемъ излишнимъ. Остановиться здѣсь намъ придется только на Зиммелѣ и главнымъ образомъ на появившемся въ 1908 г. капитальномъ трудѣ его: *Sociologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung.*

Зиммель стремится установить твердую границу между соціологіей и психологіей. Но доводы, къ которымъ онъ прибѣгаетъ при этой попыткѣ, свидѣтельствуютъ, что онъ еще не въ полной мѣрѣ воспринялъ біо-соціальную теорію неопозитивистовъ. Психологъ,—говоритъ онъ,—изучаетъ одну, а соціологъ—другую сторону одного и того же явленія. Считая истиннымъ объектомъ соціологіи ассоціацію, въ которой выражается или воплощается психическое взаимодѣйствіе людей, Зиммель и въ этомъ союзѣ, и въ этомъ взаимодѣйствіи видитъ явленія всецѣло психологическія. Психологическій фактъ принимаетъ у него двѣ формы, изъ которыхъ одна остается психической, а другая

становится соціальной. Соціологъ устраняетъ изъ своего поля зрѣнія первую форму и наблюдаетъ и анализируетъ только вторую. Другими словами, вмѣсто признанія психологическаго факта соціальнымъ явленіемъ (конечно, усложненнымъ біологическими, психофизическими элементами), Зиммель низводитъ соціальный фактъ на степень явленія психологическаго. Разумѣется, еслибъ соціальное явленіе при всѣхъ возможныхъ условіяхъ изученія оставалось всегда столь же конкретнымъ, какъ явленіе психологическое, между обоими фактами нельзя было бы провести никакого разграниченія. Ассоціація или психическое взаимодѣйствіе, которое въ глазахъ неопозитивистовъ является соціальнымъ фактомъ, остается въ глазахъ Зиммеля фактомъ психологическимъ исключительно потому, что онъ разсматриваетъ его in concreto. Подъ такимъ угломъ зрѣнія и неопозитивистъ пришелъ бы къ одинаковому заключенію. Психологическое взаимодѣйствіе, облеченное въ чувственную или конкретную форму, есть несомнѣнно фактъ психологическій, есть сочетаніе соціальной энергіи съ энергіей жизненной, есть явленіе біо-соціальное. И тоже имѣетъ мѣсто во всѣхъ другихъ наукахъ. Любой физіологическій процессъ только «отвлеченно» можетъ быть названъ явленіемъ біологическимъ; «конкретно» это всегда будетъ одновременно и жизненный, и физико-химическій фактъ.

Итакъ, вмѣстѣ со всей психологической школой въ соціологіи, Зиммель отожествляетъ психическое взаимодѣйствіе, имѣющее соціальную природу, съ психологическимъ фактомъ, имѣющимъ природу біо-соціальную. Онъ смѣшиваетъ не причину и слѣдствіе, а, что не менѣе серьезно, одну изъ причинъ сложнаго слѣдствія съ этимъ послѣднимъ. Усматривая въ ассоціаціи (понимаемой какъ постоянное взаимодѣйствіе отдѣльныхъ сознаній) явленіе психологическое, онъ, вдобавокъ, впадаетъ въ ошибку физика, который бы сталъ поучать насъ тому, что движеніе есть явленіе тепловое (вмѣсто того, чтобы довольствоваться утвержденіемъ, что теплота сводится къ движенію). Ассоціація можетъ казаться намъ явленіемъ психологическимъ въ той самой мѣрѣ, въ какой всякое психологическое явленіе есть, по существу своему, явленіе соціальное, совершенно аналогично тому, какъ движеніе можетъ быть сочтено нами за явленіе тепловое только въ той мѣрѣ, въ какой всякій видъ теплоты есть, по существу своему, явленіе механическое.

Въ другихъ мѣстахъ своей книги Зиммель, повидимому, ближе подходитъ къ неопозитивному пониманію общественнаго явленія. Такъ напримѣръ, онъ утверждаетъ, что подобно тому,

какъ математикъ извлекаетъ свои геометрическіе концепты изъ фигуръ, начертанныхъ мѣломъ или чернилами (т. е. не входя въ изслѣдованіе физическаго и химическаго состава мѣла и чернилъ) такъ и соціологъ «вызволяетъ» соціологическую *форму* изъ психологической реальности, съ которой она всегда неразрывно соединена. Вмѣсто неяснаго и двусмысленнаго термина: форма, стоитъ только подставить здѣсь термины: энергія или сила, чтобы получить въ зачаточномъ видѣ неопозитивную теорію общественности и теорію біо-соціальную. Впрочемъ, что касается собственно морфологіи человѣческихъ обществъ (а Зиммель ею почти исключительно и занимается), то подлежитъ большому сомнѣнію, чтобъ въ этой части соціологіи можно было изучать общественныя формы независимо отъ ихъ психологическаго (біо-соціальнаго) содержанія. Замѣчаніе это не менѣе справедливо и по отношенію къ біологической морфологіи, въ которой изученіе формъ растеній и животныхъ не можетъ идти успѣшно, если не будетъ вовсе принятъ во вниманіе ихъ біо-химическій составъ.

Вообще говоря, Зиммель ошибается главнымъ образомъ въ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ трехъ группъ наукъ: біологическихъ, соціальныхъ и психологическихъ, т. е. въ вопросѣ первостепенной методологической важности, разрѣшеніемъ котораго прежде всего, лѣтъ тридцать тому назадъ, и занялись неопозитивисты. Зиммель, не дѣлающій различія между общей психологіей и индивидуальной психологіей, раздѣляетъ послѣднюю на двѣ вѣтви: психологію физіологическую и психологію коллективную или общественную. Первая, говоритъ онъ, изучаетъ отношенія между духомъ и тѣломъ, а вторая—тѣ измѣненія, которыя одни умы претерпѣваютъ *подъ вліяніемъ другихъ умовъ.* Рядомъ съ этими двумя психологіями или тотчасъ вслѣдъ за ними появляется соціологія, общая и отвлеченная наука о формахъ, въ которыя облекается психологическій фактъ ассоціаціи или взаимодѣйствія сознаній. Въ конечномъ результатѣ получаются три психологіи (психофизика, коллективная психологія и психологическая морфологія) и, повидимому, ни одной соціологіи. На самомъ дѣлѣ, однако, соціологія и у Зиммеля существуетъ; но она такъ хорошо скрыта подъ громоздкими лѣсами трехъ психологій автора и подъ цѣлымъ рядомъ его произвольныхъ гносеологическихъ предпосылокъ, что распознать ее тутъ и обнаружить составляетъ не легкое дѣло. Укажемъ на методологическія ошибки Зиммеля. Психофизика — вовсе не отрасль общей психологіи, а одна изъ ея основъ, или отрасль

біологіи. А коллективная психологія, если она дѣйствительно, какъ утверждаетъ Зиммель, имѣетъ своимъ предметомъ «измѣненія, претерпѣваемыя одними умами подъ вліяніемъ другихъ», есть не что иное, какъ сама соціологія, вторая основа или точка исхода той же общей или индивидуальной психологіи. Что же касается общественной морфологіи, которую Зиммель возводитъ на степень абстрактной соціологіи, то ею далеко не исчерпывается содержаніе послѣдней, и она составляетъ только одну изъ ея частей. Добавимъ еще, во избѣжаніе какихъ бы то ни было недоразумѣній, что неопозитивисты одинаково причисляютъ и коллективную, и индивидуальную психологію къ разряду наукъ конкретныхъ, производныхъ изъ двухъ отвлеченныхъ наукъ—біологіи и соціологіи, съ той только разницею, что въ то время какъ индивидуальная психологія изучаетъ, при соединенномъ свѣтѣ законовъ жизни и законовъ общественности, конкретные агрегаты, именуемые «личностями» и являющіеся, въ сущности, ультра-концентрированными «микрогруппами», а не простыми біологическими особями (предметъ изслѣдованія біологіи и психофизики),—коллективная психологія посвящаетъ себя изученію, съ помощью тѣхъ же отвлеченныхъ наукъ, конкретныхъ агрегатовъ, которые одни только слывутъ подъ названіемъ общественныхъ группъ и являются менѣе сплоченными, болѣе разрѣженными «макрогруппами». Эти «макрогруппы», въ отличіе отъ «микрогруппъ», служатъ двумъ постояннымъ цѣлямъ: онѣ содержатъ въ себѣ микрогруппы и постепенно совершенствуютъ ихъ путемъ устанавливаемой между ними связи (идеологическаго обмѣна).

Укажемъ, въ заключеніе, на слѣдующіе тезисы въ соціологіи Зиммеля, которые являются какъ бы робкими, еще колеблющимися шагами на пути, ведущемъ къ полному признанію неопозитивныхъ теорій. Зиммель не рѣшается открыто потребовать отъ философіи возвращенія всей области давно захваченной ею теоріи познаванія; но онъ уже имѣетъ смѣлость заявить право соціологіи на небольшую часть этой территоріи. Однако и тутъ, къ сожалѣнію, онъ изъ соціологіи схоластически выдѣляетъ какую-то соціальную философію, которой и предназначаетъ сдѣлаться одновременно и соціологической теоріей познанія, и соціальной метафизикой.

Далѣе, Зиммель охотно сознаетъ, что подобно тому, какъ прежняя анатомія ограничивалась изслѣдованіемъ большихъ по объему органовъ: сердца, печени, желудка и т. д., не обращая вниманія на мелкіе гистологическіе элементы, открытые микро-

скопомъ, такъ и обычная соціологія исключительно предавалась изученію наиболѣе видныхъ, кидающихся въ глаза общественныхъ формъ: государства, семьи, класса, профессіи, общины и т. д., совершенно оставляя въ тѣни безконечно малыя отношенія и взаимодѣйствія, скрывающіяся подъ крупными общественными формаціями. Но именно эти невидимыя соціальныя формы раскрываютъ предъ нами сущность общественныхъ процессовъ и уясняютъ намъ общество *in statu nascenti*. Конечно, Зиммель правъ, видя въ мелкихъ фактахъ и событіяхъ ежедневной жизни тотъ матеріалъ, изъ котораго сотканы болѣе крупные факты и событія историческаго значенія. Но анализъ, останавливающійся на явленіяхъ перваго рода и не идущій далѣе, еще недостаточенъ, если, какъ это замѣчается у большинства соціологовъ, онъ не переходитъ за предѣлы конкретнаго факта и не ищетъ его абстрактныхъ элементовъ. Именно эти элементы, съ помощью или при посредствѣ составленныхъ изъ нихъ мелкихъ фактовъ, даютъ начало крупнымъ событіямъ; или, другими словами, конкретные факты, самые ничтожные и самые колоссальные по своимъ размѣрамъ, восходятъ къ однимъ и тѣмъ же абстрактнымъ элементамъ, какъ къ своимъ неизмѣннымъ причинамъ.

Зиммель въ извѣстной степени съ этимъ соглашается. Въ конкретной дѣйствительности, говоритъ онъ не разъ, *содержаніе*—душевныя состоянія и движенія, способныя передаваться, и *форма*—союзы и группы, возникающіе изъ психологическаго взаимодѣйствія и преслѣдующіе тѣ или другія цѣли, неразрывно слиты между собой. Расчленить ихъ можетъ и должно научное отвлеченіе, которое и создаетъ соціологію, какъ *науку о соціальныхъ формахъ*. Но постороенная такимъ образомъ соціологія, съ точки зрѣнія неопозитивной школы, является только частью отвлеченной науки объ обществѣ; однимъ изъ ея отдѣловъ (если даже не особой описательной и потому конкретной соціологической дисциплиной—морфологіей человѣческихъ обществъ). Въ лучшемъ случаѣ, такая соціологія уподобляется геометріи (съ которой ее настойчиво сравниваетъ самъ Зиммель), составляющей лишь часть отвлеченной математики.

Въ *Италіи* неопозитивное пониманіе основныхъ задачъ соціологіи встрѣчено было очень сочувственно. Здѣсь многіе соціологи, даже изъ числа приверженцевъ другихъ соціологическихъ ученій (Vadala-Papale, Icilio Vanni, Colojani и другіе, въ послѣднее время въ особенности Fausto Squillace) немало способство-

вали распространенію неопозитивныхъ идей въ университетскихъ кругахъ и въ болѣе широкой публикѣ. Въ Италіи почва для воспріятія новыхъ взглядовъ въ занимающей насъ области знанія была лучше подготовлена, чѣмъ въ Германіи, Англіи или Россіи, напримѣръ. Не говоря уже о такомъ раннемъ соціологѣ, какъ Катанео, который стремился создать *психологію ассоціированныхъ умовъ*,—чтобы убѣдиться въ сравнительно большой зрѣлости итальянской соціологической мысли, стоитъ только назвать имя Роберта Ардиго и напомнить о нѣкоторыхъ ученіяхъ созданной имъ философской и соціологической школы: о слѣдующемъ, напримѣръ, которое мы изложимъ со словъ Ришара, автора очерка о новѣйшей итальянской соціологіи (*Le mouvement sociologique en Italie*, въ *Revue de synthèse historique*, декабрь 1909 г.). «*Справедливость* и *общество*—соотносительныя понятія. Справедливость становится такою же потребностью для человѣка въ обществѣ, какою общество было для первобытнаго «естественнаго» человѣка. Справедливость есть неизбѣжная общественная формація, возникающая и развивающаяся какъ слѣдствіе психологическихъ переживаній коллективнаго характера. Она—такое же специфическое свойство человѣческихъ обществъ, какимъ сродство является для химическихъ тѣлъ, или жизнь—для организмовъ. И имѣетъ она двѣ стороны: общественную и личную. Но даже со стороны личной она есть форма, принимаемая общественной идеологіей съ цѣлью превратиться въ мотивъ человѣческой воли».

Разумѣется, между ученіемъ Ардиго о справедливости и взглядами на тотъ же предметъ неопозитивистовъ существуетъ замѣтная разница. Для неопозитивистовъ концептъ справедливости сводится, въ конечномъ результатѣ, къ концепту свободы, и оба одинаково признаются принадлежащими къ области «общественнаго дѣйствія или поведенія», въ отличіе отъ области «общественной мысли». Эти два руководящихъ понятія опредѣляются затѣмъ неопозитивистами: идея свободы—какъ дѣятельное, прикладное знаніе либо физико-химическихъ законовъ природы (и тогда знаніемъ нашимъ порождается наша экономическая свобода, обезпечивается наше благосостояніе, нашъ достатокъ, наше богатство), либо законовъ жизни (и тогда знаніемъ обусловливаются и обезпечиваются блага здоровья, сохраненія и распространенія человѣческой жизни на земномъ шарѣ); а идея справедливости—какъ дѣятельное прикладное знаніе законовъ, управляющихъ общественными явленіями (и тогда такимъ знаніемъ утверждается и обезпечивается наша нравственная и юридиче-

ская свобода, наша власть уже не надъ внѣшней природой, а надъ нами самими). И, конечно, подчиняя соціальное «дѣйствіе» соціальной «мысли», неопозитивисты только въ послѣдней области ищутъ специфическую энергію или силу, движущую обществомъ. Они находятъ ее въ «взаимодѣйствіи сознаній» и въ его непосредственномъ результатѣ—въ идеологіи, носящей коллективный характеръ и порождающей, въ свою очередь, четыре послѣдовательныхъ формы общественной мысли (аналитическую, синтетическую, эстетическую и практическую, или знаніе, міропониманіе, искусство и технику), которыя опредѣляютъ другъ друга въ неизмѣнномъ и необходимомъ причинномъ порядкѣ и являются глубокими факторами всей общественной эволюціи, называемой еще культурой или цивилизаціей.

И тѣмъ не менѣе, итальянецъ Ардиго остается соціологомъ, всего громче возвысившимъ голосъ за чисто идеологическую причинность общественныхъ явленій и всего рѣшительнѣе отвергнувшимъ приматъ въ этомъ отношеніи экономическаго фактора. А его пониманіе идеи справедливости, оживляющей общество, какъ духъ оживляетъ тѣло, далеко не чуждо неопозитивному взгляду, приписывающему едва ли не одинаковую роль идеѣ свободы, но вмѣстѣ съ тѣмъ видящему въ справедливости простую разновидность свободы. Сверхъ того, неопозитивная соціологія имѣетъ еще то общее съ школой Ардиго и большинствомъ другихъ итальянскихъ школъ, что всѣ онѣ одинаково стремятся къ объединенію въ одной общей и отвлеченной наукѣ множества разбросанныхъ въ настоящее время спеціальныхъ общественныхъ дисциплинъ, не оказывающихъ другъ другу ни малѣйшей помощи. Какъ справедливо говоритъ упомянутый выше авторъ этюда объ итальянской соціологіи, «послѣдняя поставила проблему единства общественной науки съ основательностью и смѣлостью, которымъ могли бы позавидовать и французскіе, и нѣмецкіе соціологи» [1]).

1) Напомнимъ еще объ одной заслугѣ итальянской соціологіи: она положила основаніе уголовной соціологіи или криминологіи. И нѣкоторые изъ изслѣдователей въ этой области, какъ намъ кажется, направили новую дисциплину на вѣрный путь, утверждая, что преступное сознаніе является лишь несовершенной или уродливой формой «коллективнаго» сознанія, свойственнаго нормальному человѣку. Мстительныя эмоціи и корыстныя вожделѣнія преобладаютъ въ преступномъ сознаніи, а корень и тѣхъ, и другихъ всегда лежитъ въ гипертрофіи «я», дѣлающей его неспособнымъ контролировать свои влеченія и предотвращать свои дѣйствія. Иначе говоря, сознаніе нашего «я» въ общественной средѣ только тогда можетъ быть признано нормальнымъ или здоровымъ, когда оно въ достаточной мѣрѣ дополняется сознаніемъ нашего «мы». Школа Ардиго основала на этомъ взглядѣ свою теорію на-

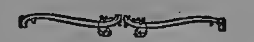
Между новыми взглядами, которые, если не прямо вытекаютъ изъ неопозитивнаго ученія, то все же близко соприкасаются съ нимъ нѣкоторыми своими сторонами, слѣдуетъ еще упомянуть о выработанной итальянскими соціологами Астурато и Нарди Греко теоріи элементарнаго юридическаго факта, въ его отношеніяхъ ко всѣмъ другимъ разрядамъ общественныхъ явленій. Теорія эта вѣрно опредѣляетъ элементарный юридическій фактъ какъ запретительное «дѣйствіе» коллективнаго характера и происхожденія, которому всегда предшествуютъ, обусловливая его, элементарныя «экономическія» дѣйствія (соціальное превращеніе біологическаго факта питанія) и элементарныя же «семейственныя» дѣйствія (соціальное превращеніе біологическаго факта размноженія). Юридическій фактъ есть всегда совмѣстный результатъ или продуктъ двухъ послѣднихъ разрядовъ общественныхъ фактовъ. И вотъ почему, если извѣстная степень научной, религіозно-философской и эстетической культуры и можетъ мыслиться независимо отъ всякаго юридическаго запрета, то нельзя себѣ и представить малѣйшаго развитія экономическихъ или семейственныхъ отношеній внѣ всякой связи съ фактами юридическаго порядка, являющимися ихъ ближайшими и непремѣнными слѣдствіями. Въ медленной эволюціи, выдѣлившей человѣческое общество изъ такъ называемыхъ обществъ животныхъ, первый набросокъ юридической функціи обозначается какъ коллективное реагированіе противъ поступковъ или упущеній, нарушающихъ правильное отправленіе семейственной и экономической функцій. Нося сначала неопредѣленный характеръ, юридическій запретъ становится все болѣе и болѣе точнымъ, а такъ какъ функція создаетъ и соотвѣтственный органъ, то появляются судьи, начальники, правительство. Юридическая функція и организація усложняются тогда функціей и организаціей политической; но, смѣшанныя между собой или отдѣленныя другъ отъ друга, обѣ власти, и юридическая, и политическая продолжаютъ одинаково опираться на область экономическихъ фактовъ или отношеній. Таковъ генезисъ права и политической власти. И перемѣны, которымъ подвергаются эти два разряда общественныхъ явленій, вызываются и обусловливаются, по необходимости, тѣми же причинами, которыя дали имъ начало.

казанія; «устранительной» теоріи туринской школы (Ломброзо, Ферри и друг.) она противопоставила «воспитательную» теорію. Замѣтимъ, впрочемъ, что обѣ теоріи легко согласимы между собой: пока или въ той мѣрѣ, въ какой «воспитательное» наказаніе сопровождается полезными послѣдствіями, оно, очевидно, можетъ и должно замѣнить собою наказаніе просто «устранительное».

Измѣненія эти всегда слѣдуютъ за измѣненіями экономическаго характера, вліяніе которыхъ особенно могущественно, и за измѣненіями семейственнаго характера, вліяніе которыхъ, повидимому, въ настоящее время уже значительно ослабѣло.

Но каковъ генезисъ факта или дѣйствія экономическаго? Этотъ вопросъ школа Астурато оставляетъ безъ освѣщенія и отвѣта, въ отличіе отъ неопозитивной школы, которая въ экономическомъ фактѣ (а также и въ семейственномъ) видитъ лишь первое, начальное звено длинной «активной» цѣпи (т. е. ряда дѣйствій или поступковъ), являющейся конечнымъ результатомъ медленной идеологической эволюціи, обусловленной «психическимъ взаимодѣйствіемъ» и обнаруживающейся въ трехъ послѣдовательныхъ формахъ общественной мысли (аналитической, синтетической и синкретической, или въ знаніи, въ міропониманіи и искусствѣ).

Е. де-Роберти.

СТРАХОВАНІЕ РАБОЧИХЪ КАКЪ ФАКТОРЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И РУССКІЕ СТРАХОВЫЕ ЗАКОНЫ [1]).

I.

Двадцать три года тому назадъ, во время преній въ германскомъ рейхстагѣ по закону о страхованіи на случай старости и инвалидности, одинъ изъ давно забытыхъ ораторовъ, католикъ и ярый противникъ законопроекта, встрѣтившаго значительную оппозицію, говорилъ: «Если Германія осуществитъ этотъ законъ, то это повлечетъ за собою гибель не только ея культуры, но и культуры другихъ странъ, которыя заразятся ея дурнымъ примѣромъ. Законопроектъ подкапывается подъ основы христіанскаго государства и правового порядка, такъ какъ имъ отрицается свобода гражданина располагать самимъ собою. Отсюда прямое слѣдствіе—отрицаніе семьи и брака! Это ведетъ къ отрицанію Бога и безсмертія души!».. На этомъ мѣстѣ ораторъ былъ прерванъ президентомъ рейхстага, рѣшительно заявившимъ, что безсмертіе души уже выходитъ за предѣлы обсуждаемаго вопроса...

Теперь, черезъ четверть вѣка, намъ трудно себѣ представить, чтобы въ стѣнахъ германскаго рейхстата въ 1889 г. раздавались подобныя вздорныя рѣчи. А между тѣмъ, при всей ихъ нелѣпости, онѣ все же представляютъ для насъ извѣстный интересъ: онѣ служатъ показателемъ той предубѣжденности, съ которой извѣстныя общественныя группы встрѣчали германскіе законы о страхованіи рабочихъ. И, какъ всегда въ такихъ слу-

[1]) Публичная лекція, прочтенная въ аудиторіи московскаго политехническаго музея 27 октября 1912 г.

чаяхъ, ярость нападенія, прикрывая собою безсиліе аргументовъ, маскировала скрытый страхъ предъ неизбѣжностью торжества новыхъ идей.

Въ одномъ отношеніи цитированный нами ораторъ оказался пророкомъ: страхованіе рабочихъ, впервые широко поставленное въ Германіи, дѣйствительно вводится въ цѣломъ рядѣ цивилизованныхъ странъ. Когда на парижской всемірной выставкѣ 1900-го года, Германія впервые экспонировала свое соціальное страхованіе въ полномъ объемѣ, то, получивъ на этомъ всемірномъ конкурсѣ, во враждебно къ ней настроенномъ городѣ, единогласно присужденную высшую награду, родина Гете и Лейбница одержала побѣду несомнѣнно болѣе славную, чѣмъ та, которая за 30 лѣтъ передъ тѣмъ была одержана ею при посредствѣ крупповскихъ пушекъ...

Большинство читателей «Вѣстника Европы», вѣроятно, знакомо съ основами германскаго страхованія. Однако, ради логическаго развитія своей темы, я не могу не сказать нѣсколько словъ объ его устройствѣ и о главнѣйшихъ данныхъ, рисующихъ его матеріальные результаты. Постараюсь, однако, быть краткимъ.

Формы, въ которыя отлилось германское страхованіе, сложны—можно сказать, черезчуръ сложны. Уже давно раздаются голоса о необходимости коренной его реформы, для приданія всей системѣ стройности, единства, цѣльности. Въ этой критикѣ несомнѣнно много справедливаго; но меня сейчасъ интересуетъ не вопросъ о томъ, *чѣмъ могло бы быть* страхованіе рабочихъ, а то, *что мы имѣемъ въ дѣйствительности*. Поэтому, оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ о возможности иной конструкціи законовъ по обезпеченію рабочихъ, выкинутыхъ болѣзнями, старостью или какой-либо иной причиной изъ рядовъ дѣйствующей великой арміи труда, я долженъ прежде всего напомнить, что германское страхованіе, при его введеніи, распадалось на три различныхъ вида страхованія:

а) страхованіе на случай болѣзни,

б) страхованіе на случай травматическихъ поврежденій («отъ несчастныхъ случаевъ») и

в) страхованіе на случай старости и инвалидности. Въ самое послѣднее время сюда присоединяется четвертая, весьма важная задача—страхованіе *вдовъ и сиротъ* рабочихъ. Но развитіе и результаты этого послѣдняго вида страхованія для Германіи еще дѣло будущаго, и намъ здѣсь не придется о немъ говорить. Отмѣтимъ лишь, что оно, несомнѣнно, потребуетъ дальнѣйшаго увеличенія общей суммы страховыхъ расходовъ.

Для осуществленія первыхъ трехъ задачъ страхованія его авторы стремились, насколько это оказалось возможнымъ, воспользоваться формами, сложившимися исторически, еще до введенія страховыхъ законовъ. Такимъ образомъ страхованіе на случай *болѣзни* было организовано при посредствѣ *больничныхъ кассъ*, которыхъ еще *до введенія* обязательнаго страхованія насчитывалось въ странѣ свыше 4000. На больничныя кассы закономъ 15 іюня 1883 г. возложена выдача больнымъ *денежныхъ пособій* (не менѣе $^1/_2$ заработной платы) и оплата или доставленіе медицинской помощи. Каждая касса дѣйствуетъ по особому уставу; уставы эти, конечно, между собою схожи, но не тождественны, и потому въ отдѣльныхъ кассахъ, даже принадлежащихъ къ одному и тому же типу, мы встрѣчаемъ болѣе или менѣе существенныя отличія. Такъ напримѣръ, богатыя кассы могутъ вносить въ свои уставы правила о врачебной помощи семействамъ рабочихъ. Кассъ сейчасъ насчитывается болѣе 23000, съ 14, примѣрно, милльонами застрахованныхъ (20, 2% всего населенія Германіи). Сюда входятъ *всѣ* рабочіе *обрабатывающей, горной, строительной и транспортной промышленности, а также и мелкіе служащіе въ конторахъ, банкахъ, торговыхъ заведеніяхъ и почтово-телеграфномъ вѣдомствѣ*. На *сельскохозяйственныхъ* и *лѣсныхъ* рабочихъ этотъ видъ страхованія распространяется лишь по постановленіямъ отдѣльныхъ государствъ.

Кассы имѣются семи типовъ; но подробнѣе мы здѣсь упомянемъ лишь о трехъ изъ нихъ, важнѣйшихъ, въ которыхъ застраховано свыше 11,5 милліоновъ рабочихъ.

Назову прежде всего *Кассы отдѣльныхъ предпріятій* (фабричныя, Betriebskassen; ихъ около *8000, съ 3,3* милліоновъ застрахованныхъ [1]), и *мѣстныя кассы*, въ которыхъ соединяются рабочіе различныхъ (иногда однородныхъ, иногда разнородныхъ) предпріятій данной мѣстности. Такихъ кассъ въ Германіи въ

[1]) Чтобы не пестрить статью многочисленными отдѣльными ссылками, перечисляю здѣсь сразу источники, изъ которыхъ заимствованъ цифровой и фактическій матеріалъ: «Amtliche Nachrichten des Reichsversicherungsamts», 1910—1912; «Die Krankenversicherung im Jahre 1910» (фабричное изданіе); юбилейное оффиціальное изданіе «das R.-Versicherungsamt und die deutsche Arbeiter-versicherung»; оффиціальный толковый каталогъ къ отдѣлу рабочаго страхованія на дрезденской гигіенич. выставкѣ; юбилейное изданіе союза инженеровъ-ревизоровъ страховыхъ германскихъ товариществъ: «25 Jahre Unfallverhütung»; «Jahrbücher für d. Statistik d. D. Reichs»; австрійскія оффиціальныя изданія—«Die Gebarung und Ergebnisse der Unfallstatistik» и такое же изданіе по больничнымъ кассамъ; Зомбартъ, «Die d. Volkswirtschaft im XIX Jahrhundert»; L. Pohle, «Die Entwickelung des deutschen Wirtschaftslebens im letzten Jahrh.»; Своды отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ и др. русскія оффиціальныя изданія.

1910 г. было *4752, съ 6, 8* милліонами застрахованныхъ. Оба эти типа кассъ, какъ и всѣ, нами здѣсь отдѣльно не упоминаемые, представляютъ собою самостоятельныя организаціи, построенныя на началахъ *самоуправленія.* Такъ какъ въ правленіяхъ кассъ число членовъ отъ хозяевъ и рабочихъ *пропорціонально взносамъ,* а взносы предпринимателей, какъ общее правило, равны *половинѣ* взносовъ рабочихъ, то большинство голосовъ въ веденіи дѣла принадлежитъ по закону рабочимъ. Однако, благодаря тому, что въ уставы *фабричныхъ* кассъ можетъ быть вводимо требованіе предсѣдательства предпринимателя или его уполномоченнаго, то вліяніе хозяевъ въ этой группѣ кассъ значительно сильнѣе, чѣмъ въ *мѣстныхъ* кассахъ. Неудивительно, поэтому, что наибольшими симпатіями рабочихъ пользуются именно *мѣстныя* кассы. Эти симпатіи наглядно выражаются въ самой *цифрѣ* застрахованныхъ въ мѣстныхъ кассахъ: ихъ насчитывается около 52% всѣхъ тѣхъ, кто подлежитъ обязательному страхованію на случай болѣзни (по германскимъ законамъ рабочій можетъ *выбирать* кассу, въ которой страхуется; лишь тотъ, кто не состоитъ членомъ какой-либо кассы, приходя на фабрику, обязательно зачисляется членомъ фабричной кассы).

Кассы третьяго типа, *общинныя,* очень многочисленны (8.217), но членовъ въ нихъ, сравнительно, немного—1.672.000. Общинныя кассы утверждаются тамъ, гдѣ нѣтъ мѣстной кассы, при городскихъ и общинныхъ управленіяхъ и представляютъ собою какъ бы отдѣленіе послѣднихъ. Начало самоуправленія рабочихъ здѣсь не находитъ примѣненія. Пособія, этими кассами выдаваемыя, ниже, чѣмъ въ другихъ кассахъ, такъ какъ въ основаніе расчета кладется заработокъ *чернорабочаго.* Симпатичная особенность общинныхъ кассъ заключается въ томъ, что онѣ придаютъ всей системѣ извѣстную гибкость, такъ какъ въ эти кассы легко и удобно могутъ вступать членами временные рабочіе, чернорабочіе, рабочіе, мостящіе улицы и т. п., которыхъ трудно было бы пріурочить къ другимъ кассамъ.

Помощь, денежная и врачебная, оказываемая кассами застрахованнымъ членамъ, продолжается въ случаѣ *болѣзни* не менѣе 26 недѣль; по уставу кассы, однако, можетъ быть опредѣленъ и болѣе продолжительный—до одного года—срокъ оказанія пособія больному. Если болѣзнь тянется дольше опредѣленнаго уставомъ кассы срока, то больной переходитъ на попеченіе *страхованія на случай инвалидности.* Намъ необходимо отмѣтить, однако, что, кромѣ собственно *больныхъ,* касса въ теченіе 13 недѣль ($^1/_4$ года) обязана оказывать помощь и пострадавшимъ отъ *не-*

счастныхъ случаевъ. Такъ какъ *принципіально* помощь травматикамъ должна лежать *исключительно на предпринимателяхъ*, то нельзя не признать въ такой постановкѣ дѣла серьезнаго дефекта германскаго закона. Это отступленіе отъ принципа объяснялось сторонниками закона техническими удобствами практическаго примѣненія: такая конструкція закона давала возможность избѣжать устройства двойнаго ряда учрежденій, подающихъ первоначальную врачебную помощь. Сторонники этого порядка оправдываютъ его также сравнительной незначительностью расходовъ, вызываемыхъ менѣе значительными несчастными случаями, которые, несмотря на ихъ многочисленность, поглощаютъ лишь $^1/_7$ или $^1/_6$ всѣхъ суммъ, уплачиваемыхъ пострадавшимъ отъ травматическихъ поврежденій. Отмѣтимъ тутъ же, что австрійцы, слѣдуя въ общемъ примѣру и образцамъ Германіи, сократили указанный срокъ съ 13 до 4 недѣль.

Итакъ, страхованіе на случай болѣзни осуществляется при посредствѣ 23.000 самостоятельныхъ кассъ, дѣйствующихъ каждая по особому уставу. Кассы автономны; *примѣрно 90°/₀ застрахованныхъ состоятъ* членами *самоуправляющихся* кассъ такихъ типовъ, средства которыхъ образуются на $^2/_3$ изъ взносовъ рабочихъ и на $^1/_3$ изъ взносовъ хозяевъ.

Совершенно иначе организовано страхованіе на случай травматическихъ поврежденій, обыкновенно столь неправильно называемое «страхованіемъ отъ несчастныхъ случаевъ».

Не считая тѣхъ отдѣльныхъ учрежденій, которыя вѣдаютъ дѣла этого страхованія по отношенію къ рабочимъ и служащимъ казенныхъ предпріятій, оно ведется по всей Германіи при посредствѣ *114 взаимностраховыхъ товариществъ.* Въ ихъ составъ обязательно входятъ всѣ предприниматели, рабочіе которыхъ подлежатъ страхованію. *66 промышленныхъ* товариществъ объединяютъ предпріятія болѣе или менѣе *однородныя*, т. е. они построены на началѣ профессіональномъ. 48 товариществъ, охватывающихъ сельское и лѣсное дѣло, образуются порайонно: но такъ какъ техника лѣсного и техника сельскаго хозяйства повсюду въ Германіи довольно близки между собою, то можно сказать, что профессіональное начало и здѣсь въ значительной мѣрѣ соблюдено.

Въ кругъ обязательно страхуемыхъ лицъ входятъ почти всѣ тѣ категоріи тружениковъ, которые застрахованы отъ болѣзней, но съ значительными добавленіями, такъ какъ на случай несчастія *обязательно* страхуются всѣ сельско-хозяйственные, лѣсопромышленные и судовые рабочіе. Кромѣ того *наивысшій* за-

работокъ *обязательныхъ* членовъ больничныхъ кассъ равенъ 2000 марокъ, а на случай несчастія страхуются всѣ тѣ, кто получаетъ не болѣе 3000 марокъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ распространяется и на мелкихъ хозяевъ. Въ общей сложности страхованіе на случай травматическихъ поврежденій въ настоящее время охватило въ Германіи свыше 24.000.000 человѣкъ или 37% всего населенія, говоря проще—почти всѣхъ, добывающихъ средства къ жизни личнымъ трудомъ. Этимъ 24 милліонамъ человѣкъ страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ доставляетъ каждому, пострадавшему отъ травматическаго поврежденія, послѣдствія котораго не излѣчиваются въ теченіе первыхъ 13 недѣль, медицинскую помощь и денежное пособіе, равное $^2/_3$ заработка, до конца леченія; а если травма не излѣчивается вполнѣ, и способность къ труду остается пониженной — то потерпѣвшему назначается постоянная пенсія. Пенсія неспособнымъ ни къ какому труду инвалидамъ колеблется отъ 66% до полнаго заработка; при потерѣ же лишь нѣкоторой доли трудоспособности пенсія понижается и должна соотвѣтствовать степени утраты рабочей силы. Жена, дѣти и родственники скончавшихся отъ травмъ получаютъ пособіе на похороны и, всѣ вмѣстѣ, до 60% заработка покойнаго въ видѣ пенсіи. Кромѣ этихъ обязательныхъ уплатъ, страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ можетъ принимать на себя лѣченіе пострадавшихъ съ 1-го дня несчастія (получая за это вознагражденіе отъ больничныхъ кассъ) и должно по истеченіи четырехъ недѣль доплачивать къ пособію, выдаваемому больничной кассой, столько, чтобы получаемая пострадавшимъ сумма была не ниже $^2/_3$ его заработка.

Средства этого вида страхованія слагаются исключительно изъ взносовъ предпринимателей; рабочіе никакихъ взносовъ не дѣлаютъ; но за то они и не принимаютъ никакого участія въ самомъ веденіи дѣла. *Управленіе имъ находится исключительно въ рукахъ хозяевъ.* Такая конструкція страхованія на случай несчастья, по понятнымъ причинамъ, содѣйствуетъ развитію среди застрахованныхъ разнаго рода неудовольствій по поводу ликвидаціи несчастныхъ случаевъ. Я не могу сейчасъ входить въ оцѣнку степени основательности этихъ неудовольствій. Но, допуская даже нѣкоторую преувеличенность требованій и необоснованность извѣстной части претензій, все же приходится констатировать, что ни одинъ изъ видовъ германскаго страхованія не возбуждаетъ столько жалобъ со стороны застрахованныхъ, какъ этотъ.

Взносы предпринимателей исчисляются по особымъ тарифамъ, соотвѣтственно опасности производства: они взимаются со-

образно дѣйствительнымъ расходамъ текущаго года. Но такъ какъ на каждый годъ остается отъ предыдущаго извѣстное количество пенсій, то расходы этого вида страхованія, въ особенности въ первое время послѣ его введенія, росли очень быстро [1]).

Австрійцы, вводившіе у себя страхованіе на случай травматическихъ поврежденій на нѣсколько лѣтъ позднѣе германцевъ, прекрасно поняли слабыя стороны германскаго закона и постарались въ извѣстной мѣрѣ ихъ обойти. Они разбили Австрію на 7 страховыхъ округовъ, поставивъ во главѣ каждаго изъ нихъ особое страховое бюро, правленіе котораго состоитъ изъ 18 членовъ; 6 изъ нихъ назначаются министромъ внутреннихъ дѣлъ, 6—избираются предпринимателями, 6—избираются рабочими. Кромѣ этихъ семи бюро существуетъ еще 8-ое, спеціально желѣзнодорожное. Правда, австрійскіе рабочіе получили право участія въ управленіи дѣломъ не даромъ: они несутъ 0,1 всѣхъ расходовъ страхованія, оставляя лишь 0,9 на предпринимателяхъ—но за то характеръ взаимоотношеній, создающихся въ Австріи на почвѣ даннаго вида страхованія, иной, чѣмъ въ Германіи.

Иначе поставлена въ Австріи и система взносовъ. Размѣръ общей суммы взносовъ равняется здѣсь той, опредѣляемой страховыми разсчетами суммѣ, которая необходима для полнаго обезпеченія платежа всѣхъ расходовъ и всѣхъ пенсій, возникающихъ въ теченіе года, принимая во вниманіе вѣроятную продолжительность жизни пенсіонеровъ, т. е. вѣроятную продолжительность выдачи пенсій. Очевидно, что такой способъ разсчета создалъ первоначально для австрійской промышленности, по сравненію съ Германіей, болѣе высокій расходъ; но за то послѣдующіе годы освобождены отъ уплаты за несчастія прошлыхъ лѣтъ, и австрійцамъ не угрожаетъ то быстрое повышеніе суммы ежегодныхъ взносовъ, которое по этому страхованію замѣчается въ Германіи.

Наконецъ, въ Германіи уже съ 1889 г. введенъ третій видъ страхованія—страхованіе на случай старости и инвалидности. Каждый рабочій 70 или болѣе лѣтъ или болѣющій долѣе 26 недѣль (или другого срока, обозначеннаго въ уставѣ больничной кассы), или, наконецъ, каждый, одряхлѣвшій или

---

1) Такой приростъ расходовъ, постепенно замедляясь, будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока число естественно вымирающихъ пенсіонеровъ не будетъ покрывать число ежегодно вновь поступающихъ на пенсію. Это случится, по мнѣнію спеціалистовъ, черезъ 50—70 лѣтъ послѣ введенія страхованія.

ослабѣвшій настолько, что его обычный заработокъ понизился на $^2/_3$, имѣетъ право на пенсію, размѣръ которой исчисляется соотвѣтственно количеству сдѣланныхъ имъ еженедѣльныхъ взносовъ и ихъ высотѣ. Взносы, сообразно заработку, установлены пяти разрядовъ, отъ 7 до 18 пфенниговъ въ недѣлю. Къ взносамъ рабочихъ *прибавляется равная имъ сумма взносовъ предпринимателей.* Вся операція носитъ характеръ принудительнаго сбереженія и накопленія капиталовъ, служащихъ источникомъ для выдачи пенсій; но къ каждой отдѣльной пенсіи государство изъ своихъ бюджетныхъ средствъ прибавляетъ по 50 марокъ въ годъ. Пенсіи колеблются въ очень широкихъ предѣлахъ, отъ 116 до 460 марокъ; средній ихъ размѣръ для 1907—1909 гг. составилъ отъ 163 до 171 марки. Страхованіе это, не имѣющее аналогіи въ предшествующей исторіи Германіи или другихъ странъ, осуществляется чисто бюрократическимъ путемъ, при посредствѣ 31 мѣстнаго учрежденія и 10 различныхъ спеціальныхъ кассъ. Застраховано на случай старости и инвалидности въ 1910-мъ году было около $15^1/_2$ милліоновъ человѣкъ.

Австрія страхованіе на случай старости и инвалидности еще только собирается ввести. Англійскія пенсіи на старость основаны на совершенно иныхъ началахъ.

Перейдемъ теперь ко второму, особенно для насъ интересному вопросу: что же даетъ германское страхованіе и въ какихъ суммахъ выражаются реальные его результаты?

Общія цифры по германскому страхованію:

Въ милліонахъ марокъ.

	Общая сумма за 25 лѣтъ (1885—1909 г.).	За 1909 г.
Общая сумма поступленій	*10.685*	*894*
Въ томъ числѣ:		
а) приплаты государства	587	52
б) взносы хозяевъ	4.816	414
в) взносы рабочихъ	4.271	343
г) % % и т. п.	1.011	85
Общая сумма расходовъ	*8.442*	*762*

	Общая сумма за 25 лѣтъ (1885—1909 г.).	За 1909 г.
Въ томъ числѣ:		
а) на лѣченіе и уходъ за больными .	2.221	204
б) денежная помощь и пенсіи . .	5.188	485

Образовавшіеся къ концу 25-лѣтія капиталы . *2.371*

Въ томъ числѣ по страхованію:

а) больничному	287
б) отъ несчастныхъ случаевъ . . .	511
в) по инвалидному	1.574

Колоссальность этихъ цифръ говоритъ сама за себя, и таблица могла бы быть оставлена безъ всякихъ коментарій; достаточно всмотрѣться въ только что приведенныя цифры. Для меня въ настоящее время важно одно—показать, что германское страхованіе рабочихъ, собравшее за 25 лѣтъ болѣе $10^1/_2$ милліардовъ марокъ и затратившее за то же время на удовлетвореніе первостепенныхъ нуждъ рабочихъ (на денежную и врачебную помощь) $7^1/_2$ милліардовъ, представляется само-по-себѣ, дѣйствительно, огромнымъ явленіемъ хозяйственной и промышленной жизни нашей западной сосѣдки.

Для выясненія своей основной мысли мнѣ было бы въ высшей степени важно дать здѣсь наглядное представленіе о той удивительной послѣдовательности, съ которой въ теченіе четверти столѣтія, неуклонно изъ года въ годъ, растутъ всѣ суммы, характеризующія главнѣйшія стороны развитія германскаго соціальнаго страхованія: доходы, расходы, накопленные капиталы. Но для этого мнѣ пришлось бы слишкомъ долго задерживать вниманіе читателя на огромномъ цифровомъ матеріалѣ. Поэтому, отсылая лицъ, спеціально интересующихся вопросомъ, къ роскошнымъ діаграммамъ нѣмецкихъ оффиціальныхъ изданій, я лишь для примѣра приведу сокращенную таблицу, выясняющую общую картину роста *поступленій* по всѣмъ тремъ категоріямъ германскаго страхованія; цифры по отдѣльнымъ годамъ взяты мною, ради экономіи времени и мѣста, черезъ пятилѣтніе промежутки времени.

Годы.	Общая сумма поступленій за годъ.	Въ томъ числѣ. Взносы работодателей. Всего.	Въ томъ числѣ по страх. на случай: Болѣзни.	Несчаст. случ.	Стар. и инвалид.	Взносы рабочихъ. Всего.	Въ томъ числѣ по страхован.: Болѣзни.	Стар. и инвалид.	Приплата Государства по инвалид. страхованію.	% на капиталъ и случайные.
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	м и л л і о н ы м а р о к ъ.									
1886	85	32	20	12	—	50	50	—	—	3
1891	264	125	31	47	47	123	76	47	6	10
1896	367	165	42	69	54	151	97	54	19	32
1901	527	238	59	112	67	198	131	67	34	57
1906	770	349	97	167	85	293	208	85	49	79
1909	894	414	121	199	94	343	249	94	52	85

Здѣсь прежде всего бросается въ глаза быстрый ростъ общей суммы поступленій (графа 1-я), которыя, кстати сказать, въ 1912-мъ году, вѣроятно, перешагнутъ за милліардъ. Но растутъ не только общія суммы—послѣдовательно растутъ цифры всѣхъ графъ безъ исключенія.

Далѣе, изъ сопоставленія графъ 1-й и 6-й видно, что *относительная* доля взносовъ рабочихъ въ общей суммѣ поступленій *падаетъ,* составляя въ 1886-мъ году 59% всѣхъ взносовъ, въ 1891-мъ—47%, а въ 1909-мъ уже только 38. Взносы предпринимателей занимаютъ все время примѣрно одно и то же мѣсто. Мы увидимъ ниже, что эти, въ абсолютныхъ цифрахъ ежегодно возрастающіе, платежи хозяевъ ни въ какомъ отношеніи не отозвались неблагопріятно на развитіи промышленности. Остановимся еще на двухъ частностяхъ. Несмотря на то, что система исчисленія взносовъ по страхованію отъ несчастныхъ случаевъ, какъ объяснено выше, способствовала крайне быстрому росту общей суммы расходовъ на пенсіи травматикамъ (гр. 4-я), общая сумма взносовъ по этому страхованію и въ 1909-мъ году не превысила 23% всѣхъ поступленій соціальнаго страхованія. Первое мѣсто по взимаемымъ на нужды дѣла суммамъ всегда и неуклонно занимаетъ страхованіе на случай болѣзни (графы третья и седьмая).

Цифры по страхованію на старость и инвалидность отсутствуютъ въ первой строкѣ, такъ какъ соотвѣтствующій законъ вошелъ въ силу лишь съ 1890-го года.

Остановимся еще на одномъ рядѣ данныхъ, характеризующихъ общую среднюю сумму поступленій на одного застрахованнаго. Къ сожалѣнію, пестрота германскаго страхованія не даетъ намъ возможности выяснить эту цифру простымъ дѣленіемъ общаго итога на число застрахованныхъ: каждый видъ страхованія захватываетъ въ Германіи разные круги лицъ.

Все населеніе Германіи въ 1909 году составляло *64 милліона.*

	Отъ болѣзн.	Несч. случ.	Стар. и инв.
Было застраховано	13,4 м. ч. (21%)	23,6 м. ч. (37%)	15,4 м. ч. (24%)
Общая сумма сборовъ на одного застрахованнаго по каждому виду страхованія.	28,8 мар.	9 марокъ	19 марокъ
На каждаго застрахованнаго по всѣмъ тремъ видамъ страхованія		56,8 марокъ.	
На каждую голову населенія въ 1909-мъ году сборы на страхов. въ среднемъ даютъ		13 марокъ	

Данныя австрійскаго страхованія несравненно скромнѣе германскихъ. Общее число застрахованныхъ здѣсь не превышало въ 1909-мъ году 3.700 тысячъ, т. е. 13% населенія; общая сумма сборовъ по страхованію на случай несчастія дала 58 милліоновъ кронъ, на случай болѣзни—81 милл. кронъ, или, въ сложности, по 37 кронъ на одного застрахованнаго и 4,5 кроны на душу населенія. Замѣчу, однако, что несмотря на такія, сравнительно съ Германіею, низкія цифры, общая тенденція развитія австрійскаго страхованія аналогична германскому; но послѣднее, благодаря своему размаху и детально разработанной статистикѣ, даетъ болѣе богатыя и разнообразныя иллюстраціи къ тѣмъ соображеніямъ, которыя я позволю себѣ здѣсь изложить. Вотъ почему я и останавливаюсь подробнѣе именно на германскихъ цифрахъ.

II.

При введеніи страхованія, въ особенности страхованія на случай инвалидности, въ Германіи (какъ въ послѣднее время и у насъ) раздавалось немало голосовъ о чрезвычайной обременительности страхованія для промышленности, о введеніи въ законъ опасныхъ для общества и государства тенденцій и т. д. Наиболѣе дикіе изъ обскурантовъ, какъ мы уже видѣли, грозили гибелью всей Германіи и, въ частности, всей германской промышленности. Зная современные успѣхи германской индустріи, мы теперь вспоминаемъ о такихъ рѣчахъ лишь какъ объ историческихъ курьезахъ. Но посмотримъ, однако, не найдется ли въ прошломъ хотя бы какихъ-либо признаковъ или намековъ, оправдывающихъ такія опасенія?

Обратимся снова къ цифрамъ. Введеніе страховыхъ законовъ въ ихъ первоначальной редакціи относится къ 1885—1890 годамъ. И вотъ какія данныя находимъ мы, напримѣръ, у Зомбарта, въ его извѣстной книгѣ: Die deutsche Volkswirtschaft im XIX Jahrhundert.

Основано акціонерныхъ промышленныхъ обществъ:

За десятилѣтіе.	Число общ.	Основн. капиталъ.
1871—1880	446	1479 мил. мар.
1881—1891	794	1953 » »
1891—1900	1641	2814 » »

Число рабочихъ въ предпріятіяхъ важнѣйшихъ отраслей крупной промышленности составляло:

Въ 1882 году	. . .	2.913.000 ч.
Въ 1895 »	. . .	4.165.000 »

Эти цифры уже сами по себѣ достаточно краснорѣчиво удостовѣряютъ отсутствіе какихъ-либо вредныхъ вліяній страхованія на промышленность. Но мы можемъ показать соотношеніе между развитіемъ промышленности и развитіемъ страхованія и на болѣе детальныхъ примѣрахъ. Беру тѣ продукты, добыча которыхъ нерѣдко принимается за показатель общаго движенія промышленности—уголь и желѣзо.

ГОДЫ.	Производство въ тысячахъ тоннъ. Каменн. угля.	Желѣза.	Число рабочихъ застрахов. отъ несч. случ. въ промышл. тов-ахъ (тысячи).	Сумма ихъ заработка.	Сумма всѣхъ поступленій по всѣмъ тремъ видамъ страхованія.	На одного застрах. въ пром. тов. (5:3).
				Милліоны марокъ.		
	1	2	3	4	5	6
1885	58.320	3.647	2.986	476	66	22
1886	58.057	3.499	3.473	2.228	85	24
1887	60.334	3.993	3.861	2.389	99	25
1888	65.386	4.307	4.320	2.646	115	28
1889	67.342	4.496	4.742	2.947	133	29
1890	70.238	4.625	4.926	3.183	147	30
1891	73.716	4.604	5.093	3.311	264	52
1892	71.372	4.903	5.078	3.293	280	55
1893	73.852	4.951	5.168	3.367	300	57
1894	75.741	5.345	5.243	3.432	321	61
1895	79.169	5.433	5.409	3.577	342	63
1900	109.290	8.470	6.929	5.399	486	70
1905	121.299	10.814	8.196	6.997	717	88

Послѣдовательность роста всѣхъ цифръ этой таблицы говоритъ сама за себя. Просматривая ее, самый предубѣжденный читатель долженъ убѣдиться, что ни малѣйшаго намека на какія-либо неблагопріятныя вліянія введенія страхованія на развитіе промышленности она не содержитъ.

Я обращаю особенное вниманіе на послѣднюю графу. Цифры ея—совершенно условны. Выясняя отношеніе общей суммы поступленій по всѣмъ видамъ страхованіи къ *промышленности*, я преднамѣренно ввелъ здѣсь въ разсчетъ только *промышленныхъ* рабочихъ. И мы видимъ, что тягота, возлагаемая на страну германскимъ страхованіемъ труда, возростала относительно все время быстрѣе роста промышленности, поскольку этотъ ростъ выражается въ ростѣ числа рабочихъ. Сумма взносовъ, отнесенная

къ каждому отдѣльному промышленному рабочему, за 25 лѣтъ выросла *вчетверо*. Если бы мы отнесли ту же сумму *ко всѣмъ* застрахованнымъ (считая и рабочихъ сельско-хозяйственныхъ), то получили бы отношеніе нѣсколько иное. Мы увидѣли бы, что съ 22 марокъ въ 1885-мъ году соотвѣтствующая цифра въ 1909-мъ году поднялась лишь до *39 марокъ*. Но какую бы изъ этихъ двухъ цифръ (88 и 39) мы ни взяли, мы убѣждаемся, что относительная тяжесть страхованія растетъ значительно быстрѣе числа рабочихъ, и не только не отстаетъ отъ роста промышленности, но, напротивъ, идетъ какъ бы впереди его; однако развитію и чрезвычайно интенсивному развитію, промышленности это нисколько не мѣшаетъ. Наоборотъ—всѣмъ, хорошо извѣстно, какіе колоссальные успѣхи сдѣлала за послѣднія 30 лѣтъ Германія, напримѣръ, въ дѣлѣ завоеванія иностранныхъ рынковъ. Но Германія въ этомъ случаѣ не стоитъ одиноко. Мы знаемъ, что Австрія, промышленные успѣхи которой за послѣднее десятилѣтіе весьма серьезны, раньше и рѣшительнѣе всѣхъ другихъ странъ послѣдовала примѣру своей сѣверной сосѣдки; въ настоящее же время она рѣшается сдѣлать въ этомъ направленіи еще весьма серьезный шагъ, предполагая ввести страхованіе на случай инвалидности и старости и распространить страховые законы на сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Италія, постепенно выходящая на широкую дорогу индустріальныхъ успѣховъ, также сдѣлала въ интересующемъ насъ направленіи нѣкоторыя, хотя и не столь рѣшительныя попытки. Даже маленькая Финляндія, заваливающая насъ бумагой и древесно-бумажной массой и столь успѣшно конкурирующая съ нашими механическими и судостроительными заводами, намѣтила нѣкоторые пути, облегчающіе переходъ къ страхованію.

Отмѣчая во всѣхъ этихъ случаяхъ извѣстный параллелизмъ между успѣхами промышленности и заботами относительно обезпеченія инвалидовъ труда, съ тенденціей въ сторону страховаго начала, мы въ то же время видимъ, что двѣ крупныя промышленныя страны, долгое время стоявшія во главѣ промышленныхъ успѣховъ всего міра—я разумѣю Англію и Францію—не могутъ за послѣднее десятилѣтіе похвастаться особенно быстрымъ темпомъ своего промышленнаго прогресса. Въ то же время онѣ обѣ стоятъ позади другихъ и въ примѣненіи къ интересующимъ насъ задачамъ началъ обязательнаго страхованія.

Вдумываясь въ это положеніе, нельзя не задаться вопросомъ: имѣемъ ли мы здѣсь дѣло со случайнымъ совпаденіемъ или между этими двумя явленіями, т. е. между ростомъ про-

мышленности и страхованіемъ рабочихъ, есть извѣстная зависимость, быть можетъ прямое взаимодѣйствіе?

Проще всего, конечно, было бы представить себѣ это взаимодѣйствіе одностороннимъ, т. е. сказать, что развивающаяся промышленность вмѣстѣ съ ростомъ числа рабочихъ вызываетъ появленіе страхованія, и что на этомъ заканчивается все то, чѣмъ характеризуется взаимоотношеніе обоихъ явленій.

Но такое толкованіе было бы по меньшей мѣрѣ спорнымъ. Вѣдь тѣ милліарды, которые за 25 лѣтъ въ Германіи страхованіе рабочихъ отвлекло отъ какого-то другого назначенія, ни въ какомъ случаѣ не представляются величиной ничтожной! И если бы страхованіе дѣйствительно только *отвлекало* ихъ отъ непосредственно-производительнаго употребленія, то врядъ ли его отрицательное вліяніе могло бы остаться незамѣтнымъ. Но дѣло, конечно, обстоитъ не такъ. За 25 лѣтъ около 7,5 милліардовъ возвращено страхованіемъ промышленности и общему хозяйству страны, но возвращено въ видѣ расходовъ на лѣченіе и на денежную поддержку рабочихъ, попавшихъ въ бѣду. Средній размѣръ этой поддержки на каждаго, кто въ ней нуждается, весьма значителенъ. По даннымъ оффиціальнаго отчета, германское страхованіе оказало за 25 лѣтъ помощь рабочимъ въ 87.000.000 случаяхъ заболѣваній (включая и мелкіе несчастные случаи) [1]), выплачивало пенсіи 2.138 тысячамъ пострадавшихъ отъ болѣе серьезныхъ несчастій, 1.748 тысячамъ постоянныхъ инвалидовъ, 481 тысячи стариковъ и 103 тысячамъ больныхъ, перешедшихъ на попеченіе инвалиднаго страхованія. Такъ какъ всѣ несчастные случаи и большинство инвалидовъ предварительно зарегистровываются въ больничныхъ кассахъ, то мы можемъ допустить, что наши $7^1/_2$ милліардовъ распредѣлились примѣрно между 88 милліонами лицъ—а это даетъ въ среднемъ уже около 86 марокъ расхода на каждый отдѣльный случай. Выключивъ отсюда многочисленныя легкія заболѣванія, обходящіяся страхованію сравнительно недорого, мы должны признать, что въ каждомъ *серьезномъ* случаѣ помощь со стороны страхованія, въ среднемъ, выражается уже гораздо болѣе высокой цифрой. Въ тяжелыхъ случаяхъ поддержка, получаемая рабочимъ отъ страхованія, оцѣнивается уже тысячами марокъ и долгими недѣлями, а то и мѣсяцами научно обставленнаго лѣченья въ прекрасныхъ лѣчебницахъ и въ санаторіяхъ.

---

1) При этихъ заболѣваніяхъ пособія было уплачено за 1.566 милліоновъ больничныхъ дней, что даетъ въ сложности болѣе *4 съ четвертью милліоновъ лицъ.*

Итакъ, германское страхованіе создаетъ условія, при которыхъ за 25 лѣтъ *десятки милліоновъ* больныхъ, увѣчныхъ и престарѣлыхъ тружениковъ по праву и закону получили солидную денежную (а когда нужно—и врачебную) помощь. Нерѣдко сюда должна быть прибавлена и помощь болѣющимъ членамъ *семьи* рабочаго. Мы всѣ знаемъ, какъ болѣзнь раззоряетъ неподдержаннаго во время рабочаго, какъ она, понижая его достатокъ, въ то же время понижаетъ его рабочую стоимость, т. е. цѣнность человѣка въ качествѣ рабочей силы. А вѣдь именно въ высотѣ этой «рабочей стоимости»—важнѣйшій залогъ успѣха промышленности! Недаромъ же дорогой рабочій такъ часто выгоднѣе дешеваго. Недаромъ же страны, высоко оплачивающія трудъ и имѣющія хорошо поставленныхъ рабочихъ, побиваютъ во всемірной конкуренціи страны съ дешевымъ трудомъ и съ нищенствующимъ рабочимъ классомъ.

Я не буду дальше развивать свою мысль. Я надѣюсь, что она ясна. *Если развитіе промышленности въ извѣстныхъ условіяхъ вызываетъ введеніе и развитіе страхованія рабочихъ, то страхованіе, поддерживая благосостояніе рабочихъ и оказывая имъ въ критическій моментъ денежную и врачебную помощь, поднимаетъ матеріальный уровень и среднюю работоспособность рабочихъ, чѣмъ въ свою очередь благотворно вліяетъ на развитіе промышленности.*

III.

Теперь, придя къ этому, имѣющему для насъ весьма серьезное значеніе, заключенію, мы должны выяснить наиболѣе благопріятныя условія для полноты проявленія этого «обратнаго» воздѣйствія страхованія на промышленность.

Прежде всего здѣсь, конечно, приходится остановиться на самой серьезной сторонѣ дѣла—на размѣрахъ того обезпеченія, которое страхованіе даетъ рабочему. Въ самомъ дѣлѣ, если сущность отмѣчаемаго нами благопріятнаго вліянія страхованія на промышленность заключается въ томъ, чтобы поддержать попавшаго въ бѣду рабочаго (или его семью, въ которой растутъ будущіе рабочіе) на возможно высокомъ уровнѣ какъ физическихъ и духовныхъ силъ, такъ и матеріальнаго благосостоянія, то, очевидно, *интересы промышленности заставляютъ ее стремиться къ тому, чтобы задача эта была осуществлена возможно полно, т. е. чтобы врачебная помощь была дѣйстви-*

тельно раціональна, чтобы все дѣло было организовано цѣлесообразно, съ практически достижимымъ minimum'омъ неизбѣжныхъ, но не приносящихъ прямой пользы затратъ на управленіе, храненіе имущества, судебныя дѣла и т. д. Это положеніе, въ сущности, настолько просто, что о немъ можно было бы и не говорить. Однако нерѣдко случается слышать мнѣніе о слабой, будто бы заинтересованности промышленности въ раціональной постановкѣ страхованія и въ высотѣ получаемыхъ рабочими вознагражденій. Многіе думаютъ, что главная прелесть страхованія для промышленника и заключается именно въ томъ, что онъ, внося извѣстную сумму, какъ бы откупается отъ всякихъ дальнѣйшихъ заботъ: «Уплатилъ—и съ плечъ долой!» Неправильность такого взгляда я и считаю необходимымъ сейчасъ подчеркнуть.

Но если важенъ вопросъ о высотѣ доставляемаго страхованіемъ обезпеченія, то, быть можетъ, не меньшее значеніе слѣдуетъ признать и за возможно широкимъ и равномѣрнымъ распространеніемъ страхованія. Новѣйшая промышленность чужда какихъ-либо предуказанныхъ перегородокъ. Слесарь, токарь, столяръ, переплетчикъ, сотни другихъ тружениковъ нерѣдко переходятъ изъ одного заведенія въ другое, большихъ или меньшихъ размѣровъ; они переѣзжаютъ изъ Москвы въ Петербургъ, въ Кіевъ или обратно и т. д. Естественно, что для такого рабочаго страхованіе потеряетъ половину своего значенія, если, будучи застрахованъ въ одномъ заведеніи, онъ рискуетъ лишиться всѣхъ благъ страхованія при случайномъ переходѣ въ другое заведеніе. Въ то же время и на хозяина участіе въ страхованіи ляжетъ гораздо тяжелѣе, если оно будетъ распредѣлено неравномѣрно, если предприниматель будетъ знать, что его конкурентъ, въ силу ли того, что онъ случайно имѣетъ на 5-10 человѣкъ меньше рабочихъ (что даже далеко не всегда соотвѣтствуетъ меньшей производительности), въ силу ли какихъ другихъ причинъ, не несетъ никакихъ тяготъ, связанныхъ со страхованіемъ. Тѣ же неудобства явились бы результатомъ неравномѣрнаго распространенія страхованія между разными отраслями промышленности.

Чуть ли не до предѣла возможнаго совершенства *въ этомъ отношеніи* дошелъ германскій законъ о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, охватывающій почти всѣхъ рабочихъ страны поголовно. И чѣмъ далѣе отходитъ страхованіе отъ этого предѣла, тѣмъ менѣе оно можетъ удовлетворять поставленнымъ выше условіямъ плодотворнаго воздѣйствія на промышленность. А главнѣйшихъ изъ этихъ условій, повторяю, два: *хорошее обезпеченіе нуждаю-*

щихся въ помощи рабочихъ (и, въ предѣлахъ возможности, и ихъ семей)—и широкое распространеніе страхованія и равномѣрное распредѣленіе его тяготъ на возможно широкій кругъ производствъ, промысловъ и предпріятій.

Я долженъ перейти ко второй части моего сообщенія: къ русскимъ страховымъ законамъ. Но раньше позволю себѣ сказать два слова въ предупрежденіе обвиненія въ чрезмѣрномъ восхваленіи ихъ германскихъ прототиповъ. По самому характеру задачи, я долженъ былъ до настоящаго момента говорить преимущественно о положительныхъ итогахъ германскаго страхованія; но это не мѣшаетъ мнѣ видѣть ихъ недостатки. Недостаточность пенсій, неравномѣрность нормъ взносовъ рабочихъ въ инвалидномъ страхованіи, отмѣченные уже недостатки страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, недостаточность помощи больнымъ въ нѣкоторыхъ больничныхъ кассахъ, препирательства этихъ кассъ съ застрахованными и съ врачами—всѣ эти и многія другія отрицательныя черты германскаго страхованія могли бы дать достаточный матеріалъ для цѣлаго ряда спеціальныхъ сообщеній, и всѣ эти отрицательныя черты мнѣ болѣе или менѣе извѣстны. Однако, я не могу не вспомнить здѣсь словъ большого знатока дѣла, хорошо изучавшаго его въ продолженіе долголѣтней жизни въ Берлинѣ, покойнаго Іоллоса. Въ послѣдній разъ, когда мнѣ пришлось говорить съ нимъ о германскомъ страхованіи и о его недостаткахъ, онъ такъ резюмировалъ свой взглядъ на эту сторону дѣла: «Да, въ Берлинѣ теперь часто бранятъ страхованіе рабочихъ и критикуютъ его со всѣхъ сторонъ; нерѣдко критика эта очень основательна. Но нѣмцы сроднились съ страхованіемъ: оно даетъ имъ массу благъ, безъ которыхъ работающій германецъ уже не можетъ представить своего существованія. Оно вошло въ ихъ жизнь. Попробуйте-ка самому ярому врагу нынѣшняго страхованія сказать, что было бы лучше, если бы страхованія не было—онъ на васъ посмотритъ, какъ на сумасшедшаго».

IV.

Наше отечество находится наканунѣ введенія обязательнаго страхованія рабочихъ. Посмотримъ же, что представляютъ собою наши страховые законы? Какъ воспользовались мы богатымъ и долгимъ опытомъ нашихъ сосѣдей, что внесли въ это великое

дѣло новаго, своего? Чего можемъ отъ него ждать и какъ намъ слѣдуетъ къ нему относиться?

Ставя эти животрепещущіе вопросы, мнѣ приходится прежде всего начать съ оговорки аналогичной, но противоположной только что сдѣланной мною относительно Германіи. Если тамъ я опасался быть принятымъ за апологета германскаго страхованія, то теперь я долженъ заранѣе сказать, что я признаю за нашими законами большое положительное значеніе. Но здѣсь, гдѣ мнѣ придется, главнымъ образомъ, говорить о томъ, что было бы желательно осуществить у насъ при посредствѣ страхованія, я по необходимости буду съ наибольшимъ вниманіемъ останавливаться на томъ, чего намъ наши законы не даютъ. Однако, было бы совершенно неправильно выводить отсюда заключеніе о моемъ отрицательномъ отношеніи къ нашему страхованію. Напротивъ, я не могу не видѣть въ немъ, въ общемъ, крупнаго шага впередъ въ нашемъ законодательствѣ по охранѣ интересовъ труда. И поскольку оно ведетъ къ установленію законнаго и неотъемлемаго права больного и увѣчнаго рабочаго на пособіе, поскольку оно составляетъ переходъ отъ начала личной отвѣтственности къ принципамъ взаимности и страхованія—этотъ шагъ, несомнѣнно, значителенъ и прогрессивенъ. И въ печати, и въ оффиціальныхъ сферахъ весьма опредѣленно высказываются въ пользу будущаго значительнаго и быстраго, на манеръ Германіи, расширенія круга примѣненія страховыхъ законовъ [1]). Если эти ожиданія сбудутся, то день введенія первыхъ страховыхъ законовъ будетъ началомъ новой эры въ развитіи нашего промышленнаго законодательства и даже, можетъ быть, всей нашей промышленности. Въ настоящее же время, въ ожиданіи осуществленія широкихъ перспективъ, мы должны поневолѣ ограничиться обсужденіемъ положительныхъ и отрицательныхъ особенностей двухъ первыхъ законовъ по страхованію рабочихъ: «объ обезпеченіи рабочихъ на случай болѣзни» и «о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ».

Наши законы построены по германскимъ и австрійскимъ образцамъ. Посмотримъ же, въ какихъ отношеніяхъ они отличаются отъ своихъ прототиповъ? Начнемъ со сферы примѣненія страхованія, которая у насъ—и это наше неоспоримое преимущество,—очерчена для обоихъ видовъ страхованія одинаково. *Дѣйствію страхованія подлежатъ, кромѣ казенныхъ пред-*

---

[1]) Въ Германіи основные страховые законы, задуманные одновременно, были, несмотря на полную новизну дѣла, осуществлены въ теченіе 6 лѣтъ.

пріятій и желѣзныхъ дорогъ общаго пользованія, всѣ фабрично-заводскія, горныя, горнозаводскія, судоходныя (по внутреннимъ водамъ), трамвайныя и желѣзнодорожныя предпріятія, имѣющія 30 и болѣе рабочихъ. Если же предпріятіе имѣетъ паровые котлы или двигатели, то оно подчиняется закону при 20 рабочихъ. Ни въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ законовъ о страхованіи я не встрѣчалъ столь узко очерченнаго круга примѣненія страховыхъ законовъ. Не говоря уже о Германіи, даже въ Австріи, гдѣ охрана труда полностью распространяется, главнымъ образомъ, только на заведенія крупной промышленности, законы по страхованію захватили значительно болѣе широкій кругъ лицъ, чѣмъ фабричный надзоръ. У насъ же, наоборотъ, даже изъ числа подчиненныхъ надзору фабричной и горной инспекціи заведеній, въ виду высокихъ минимальныхъ нормъ числа рабочихъ, должны быть сдѣланы значительныя изъятія. Вслѣдствіе отсутствія статистическихъ данныхъ о числѣ трамвайныхъ и судовыхъ рабочихъ, невозможно точно опредѣлить число лицъ, подлежащихъ нашему страхованію; но можно съ нѣкоторою увѣренностью сказать, что оно не превыситъ 3—3¹|₄ милліоновъ. Мы знаемъ, что въ Австріи контингентъ застрахованныхъ составляетъ около 13% населенія, въ Германіи, глядя по роду страхованія, теперь—отъ 20 до 37, а при самомъ началѣ, при впервые во всемъ мірѣ вводимомъ страхованіи, онъ все же составлялъ около 6% населенія и очень быстро дошелъ до 12—18%. У насъ же, вступающихъ на путь страхованія черезъ 27 лѣтъ послѣ Германіи, мы не найдемъ болѣе 2%! Многія заведенія даже съ весьма значительными оборотами, напр. мельницы, химическіе заводы, окажутся внѣ сферы нашего страхованія. Правда законъ разрѣшаетъ Страховому Совѣту въ извѣстныхъ случаяхъ подчинять правиламъ о страхованіи, (равно какъ и освобождать отъ ихъ исполненія) заведенія, неподходящія подъ общія нормы. Но о будущей практикѣ Страховаго Совѣта мы говорить сейчасъ не можемъ: мы говоримъ только о самыхъ законахъ.

Остановимся на каждомъ изъ нихъ особо. Въ страхованіи на случай болѣзни мы встрѣчаемся съ крупнѣйшей особенностью нашего страхованія: я говорю о врачебной помощи. И германское, и австрійское страхованіе лѣченіе больныхъ (или оплату *дѣйствительныхъ* на него расходовъ) возлагаетъ на больничныя кассы, которыя *обязаны* заботиться о доставленіи врачебной помощи. У насъ больничныя кассы, при посредствѣ которыхъ осуществляется законъ, освобождены отъ этой *обязанности*;

онѣ лишь *имѣютъ право* за это дѣло взяться. *Обязанность* доставлять врачебную помощь *возложена на хозяина, но лишь условно, въ предѣлахъ тѣхъ платъ*, которыя установлены страховыми присутствіями для земскихъ или городскихъ больницъ [1]). Получается странное положеніе. Если владѣлецъ фабрики самъ устроитъ больницу, или настоитъ на устройствѣ ея больничною кассою, или, наконецъ, въ качествѣ земскаго гласнаго, похлопочетъ объ открытіи по сосѣдству съ фабрикой земской лѣчебницы — онъ будетъ вынужденъ нести извѣстный расходъ на лѣченіе; если же онъ больницы не откроетъ, да кстати, будетъ содѣйствовать тому, чтобы и земство ее не открыло—онъ освободитъ себя отъ всякаго расхода на это дѣло! Что же касается рабочаго, то обязательное удовлетвореніе его потребности въ регулярной медицинской помощи будетъ находиться въ зависимости не отъ его участія въ больничной кассѣ, не отъ тѣхъ или иныхъ отношеній его къ фабрикѣ—а отъ совершенно для него, рабочаго, случайнаго условія: отъ близости земской или какой-нибудь иной лѣчебницы! И переходя изъ уѣзда, имѣющаго больницы, въ уѣздъ, больницъ не имѣющій, рабочіе также лишаются возможности лѣчиться, какъ переходя съ крупной фабрики на другую, имѣющую менѣе 20 рабочихъ, теряютъ всякое право на пособіе въ случаѣ болѣзни.

Идемъ далѣе. Русскій законъ знаетъ только одинъ типъ кассъ — «кассу при предпріятіи» (соотвѣтствуетъ нѣмецкому Betriebskasse, для простоты называемую фабричной кассой), съ уставомъ, составляемымъ владѣльцемъ предпріятія (ст. 28 закона [2]). Правда, допускается, по добровольному соглашенію владѣльцевъ (а при отсутствіи соглашенія—иногда и принудительно), образованіе кассъ общихъ для нѣсколькихъ предпріятій; но, во-первыхъ, это все же не общій случай, а исключеніе, во-вторыхъ—такое совмѣстное устройство кассы нѣсколькими хозяевами не измѣняетъ ея общаго характера. Ничего аналогичнаго германскимъ «мѣстнымъ» и «общиннымъ» кассамъ или австрійскимъ

---

[1]) Ст. 46, 47, 49 и 50 закона. Въ данную минуту я говорю о серьезной, стаціонарной врачебной помощи. *Амбулаторная* медицинская помощь, какъ общее правило, лежитъ на обязанности владѣльца заведенія.

[2]) Въ дополненіе къ только что сказанному о недостаточности обезпеченія рабочихъ врачебною помощью замѣтимъ еще слѣдующее. Первоначальный уставъ кассы составляется владѣльцемъ, который, по всей вѣроятности, обязательства доставлять медицинскую помощь на кассу не возложитъ. Если рабочіе позднѣе пожелали бы уставъ измѣнить и дать рабочимъ за счетъ кассы лѣченіе, то они безъ согласія владѣльца сдѣлать этого не могутъ, ибо для измѣненія устава необходимо $^2/_3$ голосовъ, а хозяинъ располагаетъ въ общемъ собраніи $^2/_5$ всѣхъ голосовъ (ст. 88 и 92)

«окружнымъ» нашъ новый законъ не знаетъ. Объ этомъ приходится пожалѣть съ двухъ сторонъ. Для рабочихъ, при такомъ положеніи, является принудительнымъ не только *страхованіе*, но и *участіе въ данной кассѣ*, притомъ въ кассѣ того типа, который, по германскому опыту, возбуждаетъ (правильно или нѣтъ—этого вопроса я сейчасъ совсѣмъ не касаюсь) значительныя нареканія. Кромѣ того, — и это, быть можетъ, еще важнѣе,—отсутствіе въ нашемъ страхованіи какого-либо иного типа кассы, кромѣ фабричной, лишая законъ гибкости, затрудняетъ его распространеніе на отрасли труда, теперь не подлежащія страхованію. При существованіи внѣ-фабричныхъ кассъ распространеніе закона, напримѣръ, на болѣе мелкія фабрики, на строительное дѣло, на разные виды ремесленной промышленности и т. п. требовало бы только установленія обязательности участія рабочихъ этихъ предпріятій въ соотвѣтствующихъ кассахъ. Теперь же распространеніе страхованія потребуетъ проведенія новаго и сложнаго закона, устанавливающаго новые типы больничныхъ кассъ.

Размѣръ помощи, оказываемой кассою, составляетъ отъ $^1|_2$ до $^2|_3$ заработка для семейныхъ и отъ $^1|_4$ до $^1|_2$ для холостыхъ. Пособіе выдается: а) въ теченіи *13 недѣль* тѣмъ травматикамъ, которые застрахованы на случай несчастія и б) въ теченіе 26 недѣль — всѣмъ остальнымъ больнымъ, а также тѣмъ увѣчнымъ, которые не застрахованы на случай несчастія [1]). Размѣръ этихъ пособій (точнѣе сказать—ихъ общую сумму), если принять во вниманіе, что врачебная помощь нашему рабочему далеко невсегда обезпечена и что инвалиднаго страхованія, поддерживающаго въ Германіи хворающихъ дольше 26 недѣль, у насъ нѣтъ, никоимъ образомъ нельзя признать высокимъ.

Взносы работодателей на больничное страхованіе у насъ относительно выше, чѣмъ въ Германіи и составляютъ $^2|_3$ взносовъ рабочихъ, не считая расхода на медицинскую помощь. Чѣмъ же это повышеніе взноса владѣльцевъ вызвано? Объясненіе этого уклоненія отъ германскаго прототипа таково. До настоящаго времени попеченіе о травматикахъ лежало на фабрикантѣ съ самаго перваго дня послѣ несчастія. Теперь забота объ увѣчномъ до 14-й недѣли его лѣченія переходитъ на больничныя кассы; взамѣнъ этого взносъ предпринимателей въ страхо-

---

1) Такихъ по нашему закону окажется, конечно, очень немного, ибо кругъ предпріятій, на которыя распространяются оба вида страхованія, тождественъ.

вую кассу повышается, по сравненію съ Германіей, съ $1/2$ до $2/3$ взносовъ рабочихъ.

Лишь будущая практика страхованія покажетъ, достаточна ли эта компенсація. Здѣсь мы подходимъ къ одному изъ самыхъ слабыхъ пунктовъ нашего закона: *онъ ни на кого не возлагаетъ прямого обязательства доставить больному или даже травматику дѣйствительную и серьезную стаціонарную медицинскую помощь*, ограничиваясь и въ этомъ случаѣ (ст. 24 зак. о страх. отъ несчастныхъ случаевъ) лишь требованіемъ возмѣщенія расходовъ *на лѣченіе*, да и то не свыше предуказанной таксы. Такое отношеніе закона къ врачебной помощи неудовлетворительно и для обыкновенныхъ больныхъ; но если мы припомнимъ практику германскаго страхованія, давно показавшую; что для травматика именно *своевременная* и раціональная врачебная помощь—залогъ успѣха лѣченія и выздоровленія, то недостатокъ нашего закона выяснится намъ въ полной мѣрѣ. Кромѣ того необходимо еще разъ отмѣтить, что въ Россіи переложеніе лѣченія пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ въ продолженіе первыхъ 13 недѣль на больничную кассу врядъ ли, вообще, выдерживаетъ критику. Расходы по травматизму, несомнѣнно, слѣдовало бы цѣликомъ оставить па промышленности; въ крайнемъ случаѣ, по примѣру Австріи, было бы возможно оставить попеченіе о травматикѣ на больничной кассѣ не долѣе, какъ на 4 недѣли.

Весь законъ о страхованіи на случай несчастія и объ обязательномъ участіи фабрикъ и заводовъ во взаимно страховыхъ товариществахъ предпринимателей, представляетъ собою довольно сложную комбинацію австрійской и германской системъ. Изъ Австріи мы взяли районную систему страховыхъ товариществъ и болѣе раціональный методъ разсчета взносовъ, покрывающихъ сразу сумму капитализованной пенсіи, а не только расходы даннаго года. Устранивъ рабочихъ и отъ взносовъ, и отъ управленія дѣломъ и выбросивъ нейтральный, такъ сказать, правительственный элементъ, т. е. оставивъ управленіе этимъ страхованіемъ исключительно въ рукахъ предпринимателей, мы приблизились къ германскому образцу, который врядъ ли въ этомъ случаѣ можно считать непогрѣшимымъ.

Нормы вознагражденія построены у насъ, примѣрно, по тому же типу, какъ германскія, но на практикѣ онѣ окажутся въ среднемъ нѣсколько ниже послѣднихъ; годъ у насъ принятъ лишь въ 280 рабочихъ дней, а во-вторыхъ, пенсія ребенку послѣ погибшаго отъ несчастія отца опредѣляется въ $1/6$ заработка, а въ Германіи—въ $2/5$.

Я долженъ былъ бы теперь дать общую оцѣнку нашего закона о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ; но врядъ ли стоитъ на этомъ вопросѣ сейчасъ долго останавливаться. Важнѣйшія положительныя его стороны, какъ и страхованіе на случай болѣзни, сводятся къ тому, что оба закона захватили въ свой кругъ судорабочихъ внутреннихъ водныхъ сообщеній. Затѣмъ, законъ въ дѣлѣ вознагражденія увѣчныхъ индивидуальную отвѣтственность предпринимателя замѣнилъ коллективною на началахъ страхованія. Это, конечно, прогрессъ. Въ смыслѣ же матеріальнаго его значенія для тѣхъ рабочихъ, которые уже подлежали дѣйствію закона 1903 г., наше страхованіе новаго даетъ очень мало.

Теперь, прежде чѣмъ перейти къ итогамъ, я хочу сказать еще нѣсколько словъ объ одномъ вопросѣ, затрагивающемъ интересы десятковъ тысячъ промышленныхъ работниковъ,—интересы *служащихъ промышленныхъ предпріятій*. Въ предѣлахъ заработка до 1500 р. наши законы не дѣлаютъ никакого различія между служащимъ и рабочимъ [1]); всѣ лица, получающія не больше этой суммы, страхованію подлежатъ обязательно; для получающихъ же болѣе 1500 р. всѣ разсчеты и выдачи ведутся въ предѣлахъ этой суммы. Я не спеціалистъ по техникѣ страховыхъ разсчетовъ; мнѣ представляется, однако, что, при предусмотрѣнной возможности перестрахованія, которое уменьшаетъ опасность крупныхъ рисковъ, можно было бы свободно допустить страхованіе и рабочихъ, и служащихъ или совсѣмъ безъ установленія максимальной нормы, или принявъ ее болѣе высокой. Конечно, отъ служащихъ со значительнымъ окладомъ, напр. свыше 3—3½ тысячъ руб., можно было бы, по примѣру опять-таки Австріи, потребовать болѣе высокихъ взносовъ за ихъ собственный счетъ; но привлечь ихъ къ страхованію въ полной мѣрѣ было бы полезно ради достиженія двоякой цѣли: во-первыхъ (если не говорить о директорахъ и лицахъ, получающихъ особо высокіе оклады—10.000 и болѣе) должно признать, что для средняго служащаго страховыя гарантіи *въ полной мѣрѣ* были бы большимъ благомъ; во 2-хъ, пользуясь страховыми учрежденіями лично, этотъ контингентъ лицъ былъ бы болѣе заинтересованъ въ правильности функціонированія всего института. А это, во всякомъ случаѣ, было бы, думается, весьма желательно. При низкомъ культурномъ уровнѣ многихъ нашихъ рабочихъ, заинте-

---

[1]) Ст. 65 зак. о страхов. на случ. болѣз. и ст. 5 зак. о стр. отъ несч. случ.

ресовать въ страхованіи возможно широкій контингентъ служащихъ было бы не безполезно.

Какую же оцѣнку—конечно, лишь предположительную,—можемъ мы дать нашимъ страховымъ законамъ, какъ одному изъ будущихъ слагаемыхъ въ условіяхъ нашей промышленности, какъ одному изъ факторовъ ея движенія?

Выше я старался показать, что, *признавъ нѣкоторое положительное вліяніе страхованія рабочихъ на промышленность*, мы должны придти къ выводу о прямой зависимости этого вліянія: а) отъ размѣра той помощи (денежной и врачебной), которую страхованіе оказываетъ въ нужную минуту рабочимъ, и отъ предѣловъ сферы его примѣненія и отъ равномѣрности распредѣленія его благъ и тяготъ между промышленными предпріятіями и между разными отраслями промышленности. Какую же оцѣнку, ставъ на эту точку зрѣнія, мы дадимъ нашимъ страховымъ законамъ? Если бы мы имѣли полныя и достовѣрныя статистическія данныя по рабочему вопросу, то, конечно, произвести соотвѣтственные подсчеты было бы нетрудно. Но даже и въ наиболѣе у насъ разработанной фабричной статистикѣ кое-какія нужныя намъ цифры вызываютъ разныя недоумѣнія. Приведу примѣръ.

Число несчастныхъ случаевъ на 1000 промышленныхъ рабочихъ.

	Всѣхъ зарегистрованныхъ случаевъ.		Болѣе тяжелыхъ случаевъ (смерть, постоянная утрата трудоспособности).	
	Въ Германіи.	Въ Россіи.	Въ Германіи.	Въ Россіи.
1905 г.	50,6	42,1	4,3	5,1
1906 »	52,0	45,8	4,2	6,2
1907 »	51,1	46,6	4,1	6,8
1908 »	51,9	42,3	4,0	5,9

Сопоставляя эти цифры, мы невольно приходимъ къ сомнѣнію относительно полноты и точности нашей регистраціи травматизма. Вызываются эти сомнѣнія какъ чрезвычайно низкими, сравнительно съ Германіей, общими цифрами несчастій, такъ и неправильностью колебаній цифръ даже для тяжелыхъ случаевъ, которые вездѣ регистрируются съ наибольшей правильностью. Но, повторяю, приведенныя цифры относятся къ лучшей и наиболѣе полной части нашей рабочей статистики. Что же касается горнаго и судопромышленнаго дѣла, то тамъ данныя о заболѣваніяхъ рабочаго персонала и о травматизмѣ или вызываютъ го-

раздо болѣе значительныя возраженія, или вовсе отсутствуютъ. При такихъ условіяхъ, конечно, никакія цифры не могутъ претендовать на точность и безспорность. Тѣмъ не менѣе одна изъ сдѣланныхъ попытокъ подсчитать возможные матеріальные результаты нашего будущаго страхованія представляется мнѣ болѣе или менѣе интересной [1]). Эти подсчеты имѣютъ очень условное значеніе и никоимъ образомъ не претендуютъ на точность; но они преднамѣренно сдѣланы очень широко и грѣшатъ скорѣе въ сторону преувеличенія, чѣмъ въ сторону преуменьшенія. Считая, что застраховано у насъ будетъ около 3 милліоновъ, авторъ подсчета приходитъ къ выводу, что расходы на оба вида страхованія ни въ какомъ случаѣ не превысятъ 39 милліоновъ рублей; изъ нихъ не болѣе 12 милліоновъ явятся *новымъ расходомъ* (4,5 отъ предпринимателей и 7,5 отъ рабочихъ). Еще разъ прошу помнить, что приводимыя цифры въ лучшемъ случаѣ лишь грубо приблизительны; но, за неимѣніемъ другихъ, я попробую хотя бы ихъ сопоставить съ цифрами германскими:

	Въ Германіи.	Въ Россіи.
Застраховано отъ несч. случ.:	24.000.000 ч.	3.000.000
» » отъ болѣзней:	13.900.000 ч.	
Процентъ отъ населенія:	37% / 20%	1,9%
Всего расходовъ въ годъ по страхованію	417 мил. руб.	39 мил. р.
На одного застрахованнаго	27,8 руб.	13 руб.
На одну голову населенія	6 руб.	0 р. 25 к.

Эта таблица достаточно краснорѣчива. Я напоминаю еще разъ, что цифры второй графы, вѣроятно, выше дѣйствительности. Но, если бы ихъ слѣдовало даже вдвое увеличить, то и тогда, я думаю, относительная скромность того шага, который мы дѣлаемъ нашимъ страхованіемъ, не подлежала бы спору. Припомнимъ теперь сказанное о недостаточности обезпеченія рабочихъ медицинскою помощью, о неравномѣрности распредѣленія и благъ, и тяготъ страхованія по нашему закону между отдѣльными заведеніями и различными отраслями промышленности. Сопоставивъ всѣ эти соображенія въ общую картину, мы ясно увидимъ, какую громадную работу Россіи еще предстоитъ сдѣлать, какой длинный путь ей нужно пройти, прежде чѣмъ наше страхованіе рабочихъ станетъ на надлежащую высоту, прежде чѣмъ

[1]) Русс. Мысль, 1909, XI.

оно достигнетъ той возможной полноты, того возможнаго предѣла, къ которому *должна стремиться промышленность.*

Я не оговорился! Я совершенно увѣренъ, что *промышленность должна заботиться о правильной и широкой постановкѣ страхованія рабочихъ, какъ объ одномъ изъ серьезныхъ факторовъ, содѣйствующихъ ея собственнымъ успѣхамъ.* Наше страхованіе хотя и является прогрессивнымъ шагомъ, но этотъ шагъ далеко не столь рѣшителенъ, какъ того можно было бы желать. Вспомнимъ, однако, что все же это только *первый* шагъ, за которымъ, надѣемся, послѣдуютъ и другіе! Я надѣюсь, что русская промышленность съумѣетъ и захочетъ повести дѣло такъ, чтобы эта первая попытка проведенія у насъ въ дѣлѣ обезпеченія рабочихъ страховаго начала вошла въ жизнь гладко, безъ всякихъ сколько-нибудь серьезныхъ недоразумѣній. *Но я хотѣлъ бы заглянуть и дальше.* Мнѣ представляется, что въ собственныхъ интересахъ наши предприниматели должны стать активными работниками въ дѣлѣ *дальнѣйшаго расширенія страхованія.* Имъ надлежитъ употребить всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ тому, чтобы страхованіе охватило у насъ *всѣ отрасли промышленности и промышленныя заведенія всѣхъ размѣровъ, чтобы оно обезпечило инвалидовъ, вдовъ, сиротъ, чтобы оно, наконецъ, охватило и сельскихъ рабочихъ*—эту огромную армію потребителей. Расширеніе страхованія рабочихъ— не задача благотворительности, хотя бы и широкой, хотя бы и государственной. *Нѣтъ, это разсчетъ, это путь къ созданію лишняго и крупнаго шанса промышленнаго преуспѣянія!*

А средства? Всѣмъ сказаннымъ я стремился показать, что затраты на страховое обезпеченіе рабочихъ для *сильной* и *здоровой* промышленности не страшны. А я думаю, каждый изъ насъ отъ всей души желалъ бы видѣть нашу родную промышленность не только сильной и здоровой, но и могучей, и бодрой, и прогрессивной! Пожелаемъ же, чтобы она въ дѣлѣ развитія рабочаго страхованія такою именно себя и показала, чтобы она добилась дѣйствительно широко поставленнаго, охватывающаго *всѣхъ* рабочихъ нашей родины страхованія.

А. Быковъ.

КАКЪ ВОЗНИКЛА КОНСТИТУЦІЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

I.

Мнѣ пришлось въ моей долгой жизни быть свидѣтелемъ двухъ освободительныхъ движеній. Одно совершилось въ 1904—1906 гг. Каждый можетъ составить себѣ мнѣніе о томъ, закончилось ли оно или продолжается. Другое развернулось лѣтъ сорокъ тому назадъ во Франціи, гдѣ я провелъ, съ перерывами въ нѣсколько мѣсяцевъ, годы отъ 1872-го по 1876-й.

Это были годы молодости, увлеченія одновременно и наукой, и политикой—а такъ какъ моей наукой является политика въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималъ ее еще Аристотель, то обѣ спеціальности сливались въ одну.

При широкой свободѣ печати, при ежечасной возможности посѣщать собранія, при довольно широкихъ знакомствахъ, мнѣ казалось, что я стою въ условіяхъ, благопріятныхъ для вѣрнаго сужденія о текущихъ событіяхъ. Какъ иностранецъ, я, разумѣется, не могъ принимать въ нихъ никакого участія, а, слѣдовательно, и воображалъ себя безстрастнымъ или объективнымъ зрителемъ совершающагося.

Въ 1906-мъ году условія были нѣсколько иныя. Я былъ редакторомъ газеты и членомъ законодательнаго собранія. Каждому могло придти въ голову, что мнѣ извѣстны сокровеннѣйшія пружины всего движенія.

Не знаю, какое сужденіе я самъ составлю на этотъ счетъ, если мнѣ придется дожить до того времени, когда всѣ частности событій будутъ выяснены и обнародованы печатью. Но я могу

и въ настоящее время съ увѣренностью сказать, что движеніе, направленное къ политическому обновленію Франціи, рисовалось мнѣ сорокъ лѣтъ тому назадъ въ свѣтѣ весьма отличномъ отъ того, какое бросаютъ на него новѣйшіе историки, передъ глазами которыхъ прошли оффиціальныя и неоффиціальныя данныя, касающіяся этой эпохи.

Мои сужденія по неволѣ составлялись подъ вліяніемъ тѣхъ политическихъ круговъ, съ которыми сближали меня мои знакомства и мои юношескія влеченія. Гамбетта—организаторъ «національной самозащиты», недавній обличитель имперіи, своего рода народный трибунъ съ почти диктаторской властью въ Турѣ, легендарный герой со времени своего смѣлаго перелета черезъ головы враговъ изъ Парижа въ Туръ,—невольно рисовался нашему воображенію, какъ призванный быть дѣйствительнымъ возродителемъ Франціи.

Въ то время не было еще и слѣдовъ соперничества между нимъ и болѣе лѣвыми вожаками радикаловъ или соціалистовъ. Обстоятельства сложились для него такимъ образомъ, что онъ не принялъ никакого участія въ столкновеніи Версальскаго правительства съ Парижской Коммуной. Когда изъ Санъ-Себастьяна онъ вернулся во Францію, его голосъ раздался въ пользу распущенія того собранія, на которомъ лежало кровавое пятно жестокаго подавленія безумной вспышки, вызванной патріотическимъ отчаяніемъ и недовольствомъ командующими классами. Выходившая при его ближайшемъ участіи газета «République française» бодро стояла на стражѣ республиканскихъ и демократическихъ интересовъ Франціи. Вслѣдъ за Гамбеттой, она говорила о новыхъ общественныхъ слояхъ, для которыхъ даже не могло быть и вопроса о выборѣ между монархіей и республикой. Она ежедневно напоминала о томъ, что палата, собранная въ Бордо для подписанія мира съ нѣмцами, не призвана къ учредительной дѣятельности. Она предупреждала французскихъ демократовъ противъ монархическихъ козней, исходившихъ изъ среды большинства членовъ палаты, и защищала Гамбетту отъ нападокъ, сыпавшихся на него не только со стороны легитимистовъ, орлеанистовъ и бонапартистовъ, но и со стороны умѣренныхъ республиканцевъ,—лѣваго центра, которому принадлежали симпатіи руководимаго Тьеромъ правительства. Когда Гамбетта сдѣлался предметомъ личнаго оскорбленія со стороны подставного агента партіи, потерпѣвшей крушеніе подъ Седаномъ, и предвидѣлась возможность дуэли между нимъ и однимъ изъ молодыхъ вожаковъ бонапартизма, Полемъ де-Кассаньякомъ, редакторомъ газеты

Pays, въ число лицъ, готовыхъ сразиться съ этимъ извѣстнымъ дуэлистомъ, записались и Клемансо, и мой соотечественникъ Вырубовъ, въ то время редакторъ «Обозрѣнія положительной философіи». Гамбетта заигрывалъ съ позитивистами, признавалъ себя благодарнымъ ученикомъ Литтре и участвовалъ въ банкетѣ, устроенномъ въ его честь въ республиканскомъ клубѣ, помѣщавшемся въ то время въ Пале-Роялѣ.

Тогда какъ Гамбетта привлекалъ къ себѣ общія симпатіи передовой Франціи, Тьеръ,—этотъ безжалостный глава Версальскаго правительства, виновникъ столькихъ казней и разстрѣловъ взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ защитниковъ Коммуны, слылъ подъ названіемъ «l'homme rouge», прозвище, одно время присвоенное» кардиналу Ришелье. Какъ министра Людовика Филиппа, какъ автора знаменитой формулы: «Le roi règne, mais ne gouverne pas», Тьеръ заподозриваемъ былъ къ склонности къ конституціонно-монархическому режиму. Открытое осужденіе имъ рѣчи Гамбетты о новыхъ слояхъ, требующихъ республики и отрицающихъ за національнымъ собраніемъ, созваннымъ въ Бордо и продолжающимъ засѣдать въ Версалѣ, всякую учредительную власть, заставляло сторонниковъ бывшаго главы временнаго правительства въ Турѣ смотрѣть на Тьера—усмирителя коммуны и друга Орлеанскихъ принцевъ, благодаря ему получившихъ обратно конфискованныя у нихъ земли вмѣстѣ съ правомъ жительства во Франціи,—какъ на препятствіе къ окончательному водворенію въ странѣ народоправства. Тьера скорѣе ненавидѣли и заподазривали въ черной измѣнѣ, чѣмъ считали скрытымъ союзникомъ и оплотомъ республики.

Отношеніе къ нему рѣзко измѣнилось только со времени его выхода въ отставку, возведенія въ президенты маршала Макъ-Магона и перехода власти въ руки герцога Броля и образованнаго имъ кабинета, такъ называемаго, «нравственнаго порядка». Тогда опасенія за то, что не сегодня-завтра сдѣлана будетъ попытка возстановленія монархіи, а съ нею и стараго порядка, заставили Гамбетту искать сближенія съ Тьеромъ, чему и положено было начало встрѣчей въ салонѣ жены русскаго военнаго агента, княгини Е. Трубецкой. Тогда стали смотрѣть на маршала, какъ на предателя республики, и готовить ему въ лицѣ Тьера преемника на случай пораженія монархической интриги. Съ необыкновенной чуткостью и рѣдкой отзывчивостью парижане не упускали ни одного случая, чтобы выразить свое отрицательное отношеніе къ политикѣ «ордръ-мораль», т. е. къ консервативной реакціи, руководимой Бролемъ. Однажды

я присутствовалъ въ «французской комедіи» на представленіи «Севильскаго цирульника». Въ ложу вошелъ Броль. На сценѣ Донъ-Базиліо произносилъ знаменитую фразу: «клевещите, клевещите, отъ всякой клеветы что нибудь да останется»,—публика въ партерѣ какъ одинъ человѣкъ поднялась и обернулась въ сторону Броля. Донъ-Базиліо принужденъ былъ повторить нѣсколько разъ свои совѣты. Броль не выдержалъ и ушелъ изъ театра... Внезапная кончина Тьера, котораго всѣ республиканцы готовили въ преемники Макъ-Магону, открыла возможность манифестаціи, равной которой мнѣ не пришлось видѣть въ моей жизни, не исключая и похоронъ Муромцева. Болѣе милліона народа двинулось къ кладбищу Перъ-ла-шезъ въ длившейся цѣлый день процессіи, идя за гробомъ покойника, начиная съ площади Сенъ-Жоржъ, на которой стоялъ домъ Тьера, вновь отстроенный на средства Франціи послѣ разрушенія его коммунарами. Я былъ въ числѣ лицъ, примкнувшихъ къ кортежу на улицѣ Lafitte, гдѣ находилась редакція руководимаго Гамбеттой журнала. При выходѣ на бульвары мы узнали, что въ сосѣднихъ улицахъ выстроены войска и что отданъ приказъ при первыхъ попыткахъ организовать манифестацію преградить дальнѣйшее движеніе толпы силой. Участники шествія оказались настолько дисциплинированными, что достаточно было одними знаками сообщить о рѣшеніи, принятомъ республиканскими вожаками— рѣшеніи не нарушать тишины даже кликами въ пользу республики или пѣніемъ марсельезы,—чтобы побудить народъ Парижа къ самому упорному молчанію. На обоихъ тротуарахъ, на балконахъ домовъ, на крышахъ, толпились десятки и сотни тысячъ человѣкъ, и всѣ эти люди хранили самое благоговѣйное отношеніе къ проходившей передъ ними погребальной процессіи. На площади Республики (въ то время еще носившей другое названіе), мы нашли кавалерію. При малѣйшемъ нарушеніи порядка она, разумѣется, преградила бы намъ дальнѣйшій путь.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя Макъ-Магонъ добровольно ушелъ съ поста, на какой возвели его сторонники монархіи въ надеждѣ на ея возрожденіе. Этотъ уходъ позволилъ ввѣрить судьбы Франціи такому испытанному республиканцу, какъ Грэви, впервые завоевавшему себѣ популярность еще въ годы, предшествовавшіе имперіи, смѣлымъ выступленіемъ противъ единоличной президентской власти. Для французской демократіи открылась эра парламентской самодѣятельности, и мы глубоко были убѣждены въ томъ, что руководительство ея внутренней политикой не замедлитъ перейти въ руки нашего героя Гамбетты.

Вотъ въ какомъ видѣ рисовалась намъ переходная эпоха отъ подавленія коммуны до выхода въ свѣтъ тѣхъ трехъ «органическихъ» законовъ 1875-го года, совокупность которыхъ и составляетъ современную французскую конституцію.

Спросимъ себя теперь, каковъ былъ дѣйствительный ходъ событій, поведшихъ къ упроченію республики. Мы съ самаго начала должны признать, что онъ рѣзко расходится съ тѣмъ представленіемъ, какое сложилось у насъ, современниковъ и свидѣтелей, пережившихъ на мѣстахъ тревожное время 1872-го, 1873-го и ближайшихъ годовъ.

Національное собраніе въ Бордо дѣйствительно было созвано съ цѣлью заключенія мира. Такъ какъ было извѣстно, что республиканцы, съ Гамбеттой во главѣ, стоятъ за продолженіе войны, то выборъ населенія, утомленнаго мѣсяцами крайняго напряженія силъ и, повидимому, потерявшаго всякую надежду на успѣшность дальнѣйшей обороны, палъ во многихъ случаяхъ на людей, политическія воззрѣнія которыхъ были ему чужды, палъ только потому, что они осуждали поведеніе правительства въ Турѣ и позднѣе въ Бордо.

Попытки, сдѣланныя Гамбеттой, устранить отъ выборовъ лицъ, ранѣе исполнявшихъ обязанности министровъ, государственныхъ совѣтниковъ, префектовъ, или соглашавшихся выступать въ роли рекомендуемыхъ правительствомъ кандидатовъ въ періодъ времени отъ 2-го декабря 1851 г. по 4-е сентября 1870 года, встрѣтили рѣшительный отпоръ не въ комъ иномъ, какъ въ Бисмаркѣ; въ телеграммѣ на имя главы временнаго правительства онъ заявилъ, что выборы, произведенные при такомъ давленіи, не могутъ сообщить депутатамъ тѣхъ правъ, которыя, по соглашенію о перемиріи, обезпечены германскимъ правительствомъ только лицамъ, свободно избраннымъ. Гамбеттѣ осталось только покинуть занимаемый имъ постъ и передать обязанности министра внутреннихъ дѣлъ прибывшему изъ Парижа члену временного правительства, Эммануилу Араго.

Одно намѣреніе воздѣйствовать на выборы путемъ исключенія цѣлаго ряда кандидатовъ ознаменовалось во Франціи на этотъ разъ, какъ и всегда, оппозиціоннымъ настроеніемъ противъ правительства, и, хотя избирательная кампанія 8-го февраля 1871-го года протекла при полной свободѣ, но послѣдствіемъ подготовлявшагося «нажима» было то, что она создала большинство, враждебное временному правительству. Всѣ партіи, связавшія свои судьбы съ интересами трехъ династій, поставившихъ въ разное время правителей Франціи въ теченіе

послѣднихъ 70-ти лѣтъ, оказались представленными весьма значительнымъ числомъ депутатовъ. Республиканцевъ насчитывали не болѣе 240 изъ общаго числа членовъ парламента въ 750 человѣкъ. При такомъ численномъ отношеніи трудно было ждать немедленнаго провозглашенія республики, какъ постояннаго правительства Франціи. Самое большее, чего можно было достигнуть, это—отсрочка вопроса объ изданіи новыхъ органическихъ законовъ. Можно считать, поэтому, что соглашеніе, заключенное въ Бордо (такъ называемый pacte de Bordeaux), по которому представители различныхъ партій рѣшили заняться, прежде всего, вопросомъ объ уплатѣ военнаго вознагражденія побѣдителямъ, подъ условіемъ, что войска ихъ покинутъ Францію, и реформой административной, финансовой и военной, было какъ нельзя болѣе удачной мѣрой.

Иниціаторомъ ея явился Тьеръ, возведенный на постъ главы исполнительной власти. Къ нему перешли, такимъ образомъ, функціи временнаго правительства, но не непосредственно отъ послѣдняго, а по выбору самого собранія, какъ надѣленнаго полнотою верховныхъ правъ въ странѣ. Въ обращеніи къ палатѣ въ моментъ принятія имъ возложенныхъ на него полномочій Тьеръ слѣдующимъ образомъ опредѣлилъ ближайшую программу правительства. «Освободить наши деревни отъ непріятеля, который продолжаетъ пожирать ихъ, вернуть изъ-за границы нашихъ плѣнныхъ солдатъ, офицеровъ и генераловъ; возродить хорошо дисциплинированную и мужественную армію, возстановить общественный порядокъ, замѣнить сложившихъ свои полномочія или недостойныхъ администраторовъ новыми, видоизмѣнить путемъ выборовъ составъ нашихъ генеральныхъ совѣтовъ и совѣтовъ муниципальныхъ, создать такимъ образомъ новую администрацію на мѣстахъ, положить конецъ непроизводительнымъ расходамъ, поправить наше финансовое положеніе или, по меньшей мѣрѣ, нашъ кредитъ, дать новый импульсъ труду,—такова, сказалъ онъ—единственно-возможная и даже единственно-допустимая въ наше время политика. Попытаемся, поэтому, устранить на время, едва ли обѣщающее быть продолжительнымъ, всѣ наши принципіальныя различія, вносившія рознь между нами и, по всей вѣроятности, продолжающія вносить ее и по настоящій день. Мы снова пріобрѣтемъ возможность проводить различія между нами тогда, когда такое поведеніе перестанетъ носить характеръ посягательства на благо страны и на самое ея существованіе».

Очевидно, что такая политика была якоремъ спасенія и для самой Франціи, и для французской республики, интересы

которой были представлены всего на всего третью всѣхъ депутатовъ. Каковы были дѣйствительныя намѣренія Тьера въ эту минуту: являлся ли онъ прежнимъ сторонникомъ конституціонной монархіи и возстановленія на престолѣ орлеанской линіи, или онъ уже въ 1871-мъ году давалъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что въ современной Франціи мыслима одна только республика,— мы рѣшить не беремся. Оба предположенія одинаково возможны. Но событія сложились такимъ образомъ, что Тьеру, быть можетъ противъ его воли, пришлось сдѣлаться сторонникомъ послѣдняго рѣшенія.

Начать съ того, что при осуществленіи имъ ближайшей задачи—освобожденія территоріи отъ иноземнаго войска,—сторонники монархической реакціи не побрезгали ролью скрытыхъ заговорщиковъ, дѣйствовавшихъ за одно съ германскимъ посломъ Арнимомъ и сознательно стремившихся къ тому, чтобы препятствовать завершенію истинно патріотическаго дѣла. Изъ донесеній, сдѣланныхъ Тьеру его уполномоченнымъ при арміи Мантейфеля въ Нанси, Сенъ-Валье, и изъ сообщеній французскаго посла въ Берлинѣ, Гонто-Бирона, глава исполнительной власти въ состояніи былъ узнать слѣдующее. Арнимъ не скрываетъ, того, что французскіе консерваторы желаютъ продолженія нѣмецкой оккупаціи изъ страха, что, разъ она прекратится, палату распустятъ, а новые выборы будутъ носить радикальный характеръ. Арнимъ считаетъ Францію склонной къ возобновленію войны, а потому высказался передъ своимъ правительствомъ противъ предложенія Тьера — уплатой послѣдней трети военнаго выкупа раньше срока добиться удаленія нѣмецкихъ войскъ изъ предѣловъ Франціи.

Представленія Арнима, повидимому, произвели впечатлѣніе при берлинскомъ дворѣ. Тьеръ, предвидя опасность дальнѣйшаго веденія переговоровъ при посредствѣ Арнима, обратился прямо къ Бисмарку. При помощи образованнаго Тьеромъ синдиката изъ 55-ти крупнѣйшихъ банкировъ произведенъ былъ удачный заемъ, открывшій возможность окончательной расплаты въ 1873 г., т. е. двумя годами ранѣе условленнаго срока. Это обстоятельство вызвало изъ устъ императора Вильгельма слѣдующее признаніе въ бесѣдѣ съ французскимъ посломъ: «Такого освобожденія территоріи за два года до срока мы, поистинѣ, не могли предвидѣть. Какія сокровища заключаетъ въ себѣ ваша страна!» Собраніе отвѣтило на заявленіе, сдѣланное ему отъ имени главы исполнительной власти министромъ иностранныхъ дѣлъ Ремюза, выраженіемъ своей признательности

и признательности всей страны Тьеру и его правительству. Предложеніе облечь ту же мысль въ болѣе торжественную форму, сказавъ, что Тьеръ—президентъ республики — оказалъ услугу родинѣ, не встрѣтило поддержки большинства. Оно пожелало оттѣнить и собственное свое участіе въ этомъ патріотическомъ дѣлѣ. Когда предсѣдатель собранія Грэви предложилъ послать къ президенту депутацію для передачи Тьеру протоколовъ засѣданія, въ которомъ вотировано было выраженіе ему благодарности, со скамей правыхъ послышались крики: «Безъ апофеоза».

Когда вскорѣ затѣмъ въ рѣчи, произнесенной въ Сорбоннѣ, министръ народнаго просвѣщенія Жюль Симонъ, не упоминая о собраніи, приписалъ одному Тьеру честь освобожденія Франціи отъ иноземныхъ войскъ,—собраніе высказало, подъ вліяніемъ интригъ правой, осужденіе дѣйствіямъ правительства и заставило Симона выйти изъ состава кабинета.

Такимъ образомъ, нерасположеніе къ Тьеру со стороны монархистовъ, готовое принять одно время форму заговора съ нѣмецкимъ посломъ противъ освобожденія французской территоріи отъ иноземныхъ враговъ, продолжало и позднѣе сказываться въ попыткахъ лишить Тьера того признанія его заслугъ передъ страною, которое, какъ онъ самъ выразился, было для него высшей наградой.

Враждебность къ Тьеру легитимистовъ выступила еще съ большею наглядностью послѣ того, какъ была достигнута главная задача, отсрочившая на время счеты партій между собою и попытки каждой устроить Францію по своему образцу.

Новые выборы для замѣщенія вакантныхъ мѣстъ усилили республиканскую партію. Тьеру удалось заключить выгодные торговые договоры. Годы, слѣдовавшіе за войною, оказались годами прекрасныхъ урожаевъ. Ссылаясь на всѣ эти отрадные факты, Тьеръ, по словамъ печати, обѣщалъ «выступить на трибунѣ со всѣми своими новыми козырями». Въ свою очередь, правые считали истекшимъ перемиріе, заключенное ими въ Бордо, и одинъ изъ роялистовъ Жиронды, Принсето, исполнявшій въ собраніи обязанности квестора, заявилъ, что настало время не позволить Тьеру «эскамотировать», какъ онъ выразился, монархію.

На томъ же банкетѣ въ Бордо орлеанисты не скрывали своихъ симпатій къ возстановленію конституціоннаго правленія съ наслѣдственнымъ главою и одновременно съ министерской отвѣтственностью и парламентской иниціативой.

Въ первое время послѣ открытія засѣданій парламента

бонапартисты, располагавшіе сравнительно небольшимъ числомъ голосовъ, пользовались нерасположеніемъ всѣхъ партій, въ томъ числѣ и монархическихъ. Но когда новые выборы, вмѣстѣ съ республиканцами, привели въ парламентъ и вожаковъ бонапартизма, въ томъ числѣ бывшаго «вице-императора» Руэра, монархисты стали искать у нихъ союза, протестуя за одно съ ними противъ изгнанія изъ Франціи, какъ претендента, принца Жерома-Наполеона, въ просторѣчіи именуемаго plomp-plomp. Въ числѣ обстоятельствъ, вызвавшихъ новое поднятіе щитовъ въ пользу монархіи, былъ страхъ, внушенный рѣчью Гамбетты, произнесенной 26-го сентября 1872 г. въ Греноблѣ. Особенно инкриминируемы были народному трибуну слѣдующія слова: «люди не хотятъ признать послѣдствій, вытекающихъ изъ революціи, и дать себѣ отчетъ въ томъ, что монархія разъ навсегда покончена, что всякаго рода государственные порядки, способные, даже при существенныхъ отличіяхъ, напомнить собою монархію, одинаково должны считаться осужденными... Неужели эти люди не понимаютъ, что со времени паденія имперіи выступило на сцену новое поколѣніе, пылкое, но умѣющее сдерживать себя, разумное, способное вести дѣла государственныя, любящее справедливость, озабоченное защитой общихъ правъ? Или они не замѣтили его появленія въ муниципальныхъ совѣтахъ, его постепеннаго проникновенія въ другіе, также избираемые совѣты страны, все большее и большее мѣсто, завоевываемое имъ въ избирательной борьбѣ? Неужели не отмѣченъ тотъ фактъ, что на протяженіи всей страны всеобщее голосованіе осуществляется новымъ персоналомъ? Развѣ не видѣли тружениковъ въ городахъ и селахъ, тотъ рабочій классъ, которому принадлежитъ будущее, выступившимъ уже въ роли политическаго дѣятеля?»

Когда, 13 ноября 1872 г., Тьеръ, при возобновленіи занятій Національнаго Собранія, прочелъ свой писанный манифестъ, въ которомъ, между прочимъ, стояли слѣдующія слова: «республика существуетъ, она легальное правительство страны; желать чего иного—равнозначительно революціи, самой страшной изъ всѣхъ», монархисты увидѣли въ этомъ рѣшимость президента упрочить во Франціи народоправство и рѣшили, что имъ долѣе медлить нельзя. Когда окончилось чтеніе Тьеромъ его манифеста, руководители правой и ея подраздѣленій, легитимистъ герцогъ Одифре-Пакье и орлеанистъ Броль съ цѣлымъ рядомъ другихъ вожаковъ, сошлись для выработки общаго плана дѣйствій, съ цѣлью замѣнить Тьера сперва тріумвиратомъ трехъ генераловъ,

въ числѣ которыхъ былъ и маршалъ Макъ-Магонъ, а затѣмъ этимъ послѣднимъ.

II.

Слухъ о близкой возможности такого исхода распространился въ столь широкихъ кругахъ, что маршалъ счелъ нужнымъ сдѣлать визитъ Тьеру и увѣдомить его о своемъ рѣшеніи держаться въ сторонѣ отъ политики, не участвуя ни въ какихъ парламентскихъ интригахъ. Въ противность меньшинству 280-ти консерваторовъ, депутаты, образовавшіе изъ себя лѣвый центръ, выставили другую программу; они требовали удлиненія срока президентскихъ полномочій на четыре года, созданія должности вице-президента, который могъ бы заступить мѣсто главы республики, въ случаѣ если бы оно стало вакантнымъ, частичнаго обновленія Національнаго Собранія, созданія второй палаты, отвѣтственности министровъ и точнаго опредѣленія отношеній между государственными властями. Рѣшимость центра добиваться принятія этихъ законовъ выразилась съ особой наглядностью съ тѣхъ поръ какъ онъ, путемъ новыхъ выборовъ, большинствомъ 69-ти голосовъ противъ 13-ти, поставилъ во главѣ Рикара, бывшаго сотрудника Гамбетты въ Турѣ. Новый выборъ означалъ готовность положить конецъ прежнему соглашенію представителей умѣренныхъ группъ,—препятствовать успѣху, какъ крайнихъ правыхъ, такъ и крайнихъ лѣвыхъ, какъ сторонниковъ ближайшаго возстановленія монархіи съ бѣлымъ знаменемъ, такъ и сторонниковъ упроченія республики. За такое соглашеніе высказывался прежній президентъ центра Казиміръ Перье; Рикаръ же былъ извѣстенъ какъ рѣшительный его противникъ, готовый направить дѣятельность лѣваго центра въ смыслѣ, благопріятномъ выработкѣ республиканской конституціи. Меньшинство 280-ти рѣшило, что дольше ждать нельзя; эта увѣренность была укрѣплена въ немъ приписываемымъ Тьеру заявленіемъ: «Помните, что голосованіе конституціонныхъ законовъ будетъ своего рода завѣщаніемъ и что Собранію придется считать теперешнюю сессію послѣднею». Повидимому, обѣ стороны неохотно шли на встрѣчу предстоящему столкновенію: Тьеръ довольно холодно отнесся къ перемѣнамъ, происшедшимъ въ лѣвомъ центрѣ, и не прочь былъ задобрить правую, какъ рѣзкимъ осужденіемъ кампаніи Гамбетты въ пользу роспуска Собранія, такъ и назначеніемъ на мѣсто министра внутреннихъ

дѣлъ имѣвшаго тѣсныя связи съ правой депутата Гуляра. Почти одновременно, онъ энергично сталъ поддерживать возвратъ Орлеанскому дому имуществъ, конфискованныхъ у него послѣ переворота 2-го декабря 1851-го года.

Правая, однако, продолжала обвинять Тьера въ поддержкѣ начатой Гамбеттой агитаціи. Генералъ Шангарнье, возставая съ трибуны противъ теоріи новыхъ общественныхъ слоевъ, изложенной, какъ онъ выражался, Гамбеттою на его «демагогическомъ жаргонѣ», въ то же время притворно умолялъ президента» разстаться съ этимъ мятежникомъ». Хотя министръ внутреннихъ дѣлъ и счелъ возможнымъ заявить отъ имени правительства, что президентъ республики осудилъ соціальныя доктрины, высказанныя Гамбеттою въ гренобльской рѣчи, но герцогъ Броль, впервые выступая открыто въ роли вожака группы 280-ти, сталъ настаивать на необходимости гласнаго повторенія Тьеромъ заявленій, сдѣланныхъ имъ яко бы лишь частнымъ образомъ. Шангарнье усилилъ обиду, упомянувъ въ новой рѣчи объ отсутствіи у него самого «старческаго честолюбія и желанія удержать въ своихъ рукахъ власть»,—прямой намекъ на старика Тьера. Послѣдній, отвѣчая, съ большимъ раздраженіемъ напомнилъ о томъ, что въ Бордо никто не считалъ его честолюбцемъ за готовность возложить на свои плечи бремя власти въ то время, когда приходилось скрѣпить своей подписью «горестный миръ».

Засѣданіе окончилось принятіемъ поддержаннаго Тьеромъ перехода къ очереднымъ дѣламъ; онъ гласилъ, что Собраніе, полагаясь на энергію правительства и высказываясь противъ доктринъ, выраженныхъ въ Греноблѣ, переходитъ къ очереднымъ дѣламъ. Рѣшеніе принято было 263-мя депутатами противъ 116-ти.

На слѣдующій же день комиссія, назначенная для выработки мѣръ къ удлиненію срока полномочій Тьера, избрала своимъ докладчикомъ извѣстнаго государствовѣда Батби, профессора Ecole de droit и открытаго противника республики; послѣдній поспѣшилъ обвинить правительство въ поддержкѣ радикальныхъ стремленій.

«Роль власти, нами созданной,—значится въ его докладѣ,— состоитъ въ томъ, чтобы возвышаться и, такъ сказать, парить надъ всѣми, кто участвовалъ въ ея установленіи. Радикализмъ же — противникъ всѣхъ, заслуживающихъ уваженія партій. Если бы его можно было назвать партіей, мы бы не настаивали на томъ, что правительство обязано отказаться по отно-

шенію къ нему отъ того нейтралитета, котораго оно обѣщало придерживаться въ сношеніяхъ со всѣми политическими направленіями». Батби призывалъ къ созданію «правительства борьбы», съ новымъ теченіемъ—и этотъ терминъ былъ удержанъ общественнымъ мнѣніемъ Франціи за той группой людей, которая приняла изъ рукъ будущаго президента, маршала Макъ-Магона, миссію такъ называемаго «нравственнаго оздоровленія» страны или, точнѣе—насажденія въ ней «нравственнаго порядка». Къ теоретическимъ заявленіямъ, прямо направленнымъ противъ Тьера, Батби присоединилъ и практическое предложеніе. «Совершенно исключительное значеніе, какое имѣетъ въ нашей средѣ всякое выступленіе президента республики, — сказалъ онъ,—причина того, что въ его присутствіи мы не пользуемся полной свободой преній, такъ какъ президентъ можетъ во всякое время покрыть своей отвѣтственностью отвѣтственность министровъ и обратить такимъ образомъ въ президентскій кризисъ то, что могло бы, самое бо́льшее, сдѣлаться кризисомъ министерскимъ». Тщетно хранитель печати Дюфоръ пытался отразить эти нападки заявленіемъ, что нельзя, оставляя отвѣтственность за главою правительства, требовать отъ него согласія на безсиліе. Одно прямое выступленіе Тьера «съ предложеніемъ вотировать личное недовѣріе къ нему» обезпечило и на этотъ разъ побѣду правительства, но побѣду въ высшей степени скромную. Голосованіе дало всего 372 голоса въ пользу Тьера и 335 противъ. Меньшинство 280-ти оказывалось, такимъ образомъ, уже значительно возросшимъ противъ прежняго. Всякое новое обстоятельство, которое консерваторы признали бы «успѣхомъ радикаловъ», могло отнынѣ только обезпечить ростъ этого меньшинства. Такимъ обстоятельствомъ явились дополнительные выборы въ Парижѣ. Правительство не прочь было поддерживать на нихъ кандидатуру министра иностранныхъ дѣлъ Ремюза, стараго друга и политическаго союзника Тьера, его ближайшаго помощника при такъ счастливо завершившихся переговорахъ съ германскимъ правительствомъ насчетъ удаленія германскихъ войскъ изъ Франціи. Но радикалы, недовольные отношеніемъ къ нимъ Тьера и расчитывая на успѣхъ кандидатуры бывшаго ліонскаго мэра Бародэ, выставили въ его лицѣ соперника Ремюза. Органы монархической печати поспѣшили присоединиться къ противникамъ пріятной Тьеру кандидатуры. Газета «Union» открыто заявляла, что этимъ путемъ можно будетъ высказаться противъ республиканской програмы, выраженной въ посланіи президента. «Если орудіе тьеровской поли-

тики выйдетъ побѣжденнымъ изъ выборовъ,—значилось въ другомъ монархическомъ органѣ, «Ordre», — то смыслъ этого факта будетъ не одно торжество кандидата воинствующаго радикализма. Въ немъ нельзя будетъ не признать открытаго заявленія: г. Тьеръ, мы не желаемъ больше вашего правительства, ни вашей политики, ни вашей персоны. Разъ Тьеръ будетъ побитъ въ лицѣ своихъ кандидатовъ, долженъ настать неминуемо конецъ и его мнимо-умѣренному руководительству дѣлами государства». Ожиданія монархистовъ сбылись: большинство голосовъ высказалось въ пользу Бародэ. Хотя республиканцы и привѣтствовали этотъ результатъ, какъ свою побѣду, но комитетъ ихъ партіи въ сообщеніи, сдѣланномъ въ печати, старался представить все это такимъ образомъ, что исходъ выборовъ долженъ только побудить правительство пойти болѣе рѣшительнымъ шагомъ къ упроченію республики и нимало не можетъ считаться направленнымъ противъ самого Тьера. Тьеръ, постарался сдѣлать видъ, что не придаетъ существеннаго значенія неудачѣ симпатичнаго ему кандидата. «Я, разумѣется, понимаю, — сказалъ онъ, — что парижскіе выборы направлены, главнымъ образомъ, противъ Собранія, но я не въ правѣ распустить его; такое рѣшеніе можетъ быть принято лишь самими депутатами. Выборъ Бародэ способенъ только оттянуть моментъ роспуска».

Не такъ отнеслась къ этому факту группа лицъ, впервые организовавшаяся для дѣятельной борьбы съ Тьеромъ. Вслѣдъ за прочтеніемъ имъ съ трибуны вышеупомянутаго манифеста, на новомъ собраніи, 2 мая, у одного изъ заговорщиковъ, Anisson Duperonn, рѣшено было, что далѣе медлить нельзя, что надо открыть борьбу съ радикализмомъ, такъ какъ правительство ведетъ Францію къ гибели. Монархисты окончательно рѣшили низвергнуть Тьера, не ранѣе, однако, какъ заручившись согласіемъ Макъ-Магона. Имъ нужна была помощь, какъ они выражались, «меча, а не легко поворачивающагося языка». Макъ-Магонъ, повидимому, подчинился въ своемъ рѣшеніи вліянію жены— страстной легитимистки. Правая выбрала комиссію изъ шести членовъ. Во главѣ ея сталъ герцогъ Броль, ранѣе исполнявшій обязанности французскаго посла въ Лондонѣ. Комиссія изготовила текстъ интерпеляціи къ правительству. Онъ гласилъ слѣдующее: «Подписавшіеся убѣждены въ томъ, что серьезность создавшагося положенія требуетъ, чтобы во главѣ правительства стоялъ энергичный кабинетъ, твердость котораго успокоила бы страну. Въ виду этого они намѣрены сдѣлать запросъ правительству о пере-

мѣнахъ, происшедшихъ въ его средѣ, и о необходимости придать опредѣленно консервативный характеръ власти». Заявленіе, выработанное комитетомъ, подписано было затѣмъ 320-ью членами собранія. Такой успѣхъ объясняется тѣмъ, что къ правымъ пристала группа бонапартистовъ въ 50 человѣкъ. Они обусловили свой союзъ требованіемъ, чтобы на постъ президента не была поставлена кандидатура герцога Омальскаго, наиболѣе популярнаго изъ Орлеанскихъ принцевъ. Бонапартисты тѣмъ самымъ обезпечивали себѣ возможность свободнаго дѣйствія въ будущемъ, разъ поставленъ будетъ на очередь вопросъ объ окончательномъ устройствѣ Франціи.

Пренія открылись 23-го мая рѣчью Броля, которая, между прочимъ, заключала въ себѣ слѣдующее заявленіе: «мы полагаемъ, что правительство не исполнило еще всѣхъ своихъ обязанностей по обезпеченію матеріальнаго порядка. Нравственный порядокъ также въ значительной степени зависитъ отъ правительства: оно въ состояніи усилить или ослабить этотъ порядокъ, сообразно характеру провозглашаемыхъ имъ доктринъ и тому направленію, которое оно даетъ своей администраціи». Отвѣтъ Бролю данъ былъ хранителемъ печати Дюфоромъ. «Чтобы бороться съ той опасностью, которая вами указана,—сказалъ онъ,—необходимо установить прежде всего окончательно образъ правленія во Франціи. Съ этою цѣлью мы и предлагаемъ вамъ проекты конституціонныхъ законовъ. Буде намъ не удастся добиться отъ васъ признанія республики, мы не сочтемъ себя способными отвѣчать долѣе за сохраненія общественнаго порядка въ странѣ». Эта отповѣдь вызвала сильное волненіе въ собраніи. Новый президентъ его, Бюффе, уже готовъ былъ приступить къ голосованію, когда ему врученъ былъ запечатанный конвертъ; при вскрытіи онъ оказался содержащимъ въ себѣ письмо Тьера. Президентъ ссылался на то, что 13-го марта 1873-го года установлено было, что дальнѣйшія сношенія президента съ палатою должны принять форму посланій, но въ то же время было оговорено, что когда интерпеляція касается общей политики президентъ можетъ самъ принять непосредственное участіе въ дебатахъ. Тьеръ заявлялъ, что намѣренъ это сдѣлать. Дальнѣйшія пренія были отложены до слѣдующаго дня, когда и была произнесена знаменитая рѣчь, выяснившая дѣйствительное отношеніе Тьера къ возможности реставраціи монархіи. Республика потому является необходимостью—сказалъ онъ,—«что имѣется всего одинъ престолъ, и три претендента не могутъ занимать его одновременно. Вопросъ, раздѣляющій насъ, не иной, какъ вопросъ

о монархіи и республикѣ. Что касается до меня, то я сдѣлалъ мой выборъ, и вы знаете почему. Когда сидишь въ своемъ кабинетѣ со своими книгами и съ немалымъ удовольствіемъ пробѣгаешь рядъ страницъ, повѣствующихъ о томъ, какія несправедливости испытали другіе люди въ своей жизни; когда имѣешь свободу бесѣдовать съ собственной совѣстью,—счастье, которое быть можетъ вы мнѣ вернете; когда находишься въ такихъ условіяхъ, то можно, по примѣру Монтескье, философски обсуждать вопросъ о преимуществахъ и недостаткахъ республики и о прелестяхъ монархіи. Но когда вамъ ввѣрено правительство страны—приходится принять опредѣленное рѣшеніе. Причина, по которой я,—исконный сторонникъ монархіи,—высказываюсь въ пользу республики, та, что для меня, какъ и для васъ, монархія практически болѣе неосуществима. Мнѣ незачѣмъ повторять, почему. Вы сами это знаете. Имѣется всего одинъ престолъ и три лица, желающія занять его. Мы совершаемъ вполнѣ консервативный актъ, предлагая вамъ принять законы, обезпечивающіе существованіе консервативной республики. Мы обращаемся къ однимъ съ призывомъ къ самопожертвованію и приглашаемъ ихъ голосовать въ пользу республики, какъ единственно возможнаго образа правленія. Мы говоримъ другимъ: «что бы вы ни думали объ этомъ собраніи, которое вы судите съ такою же строгостью, какая прилагается къ вамъ, которому вы не довѣряете,—мы все же не желаемъ распустить его. Намъ необходимо, чтобы оно продержалось достаточно долго, чтобы создать законы, обезпечивающіе существованіе консервативной республики».

Отвѣчая на фразу Броля: «потомство безжалостно къ правительствамъ, слабость которыхъ оставляетъ законы и общество беззащитными», Тьеръ сказалъ, между прочимъ: «съ жалостью, меня крайне тронувшею, высказано было соболѣзнованіе о томъ, что мы сдѣлаемся кліентами, попадемъ подъ покровительство,—кого?—радикализма. Мнѣ лично предсказанъ грустный конецъ. Я не разъ въ моей жизни рисковалъ имъ для исполненія моего долга и не увѣренъ въ томъ, что и сегодня рискую имъ въ послѣдній разъ. Намъ сказали также, что есть нѣчто еще болѣе ужасное, чѣмъ несчастный конецъ. Это конецъ смѣхотворный. Дъ позволено мнѣ будетъ считать такое мнѣніе крайне строгимъ. Человѣкъ, всю жизнь свою служившій странѣ, пожертвовавшій популярностью для истины, оказавшій услуги, которыхъ я не признаю за собою, одинъ въ правѣ былъ бы съ такою жалостью отнестись къ людямъ, сидящимъ на скамьяхъ правительства. Благодарю оратора за его

соболѣзнованіе. Да позволитъ онъ мнѣ заплатить равное равнымъ и сказать, что я его жалѣю. Ему такъ же трудно будетъ обезпечить себѣ большинство, какъ и намъ. Онъ станетъ, поэтому, кліентомъ, я сейчасъ скажу чьимъ — кліентомъ патрона, котораго герцогъ де-Броль, его отецъ, оттолкнулъ бы отъ себя съ ужасомъ. Онъ сдѣлается кліентомъ имперіи» (явный намекъ на то, что большинство въ 320 человѣкъ было достигнуто только союзомъ съ бонапартистами).

На новомъ засѣданіи, послѣдовавшемъ въ тотъ же день, но уже въ отсутствіе Тьера, простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ, предложенный Дюфоромъ, былъ отвергнутъ большинствомъ всего на всего въ 14 человѣкъ. Вслѣдъ за тѣмъ принятъ былъ 360-ю голосами противъ 348 слѣдующій мотивированный переходъ: «необходимо немедленно успокоить страну, обезпечивъ ей правительство опредѣленно консервативное. Собраніе сожалѣетъ, поэтому, что недавнія перемѣны въ кабинетѣ не дали консервативнымъ интересамъ того удовлетворенія, которое они вправѣ были ожидать». Тьеръ поспѣшилъ въ новомъ посланіи отказаться отъ занимаемаго имъ поста, и Собраніе выбрало ему преемника въ лицѣ Макъ-Магона, за котораго голосовало 390 депутатовъ.

III.

Съ этого времени открывается періодъ дѣятельныхъ интригъ въ пользу возстановленія сперва старшей линіи Бурбоновъ, въ лицѣ графа Шамбора, а затѣмъ, когда выяснилось несогласіе послѣдняго пожертвовать бѣлымъ знаменемъ—Орлеанскаго дома, пока его члены не скомпрометировали себя подчиненіемъ своего поведенія тѣмъ указаніямъ, какія даны будутъ графу Парижскому главою французскаго королевскаго дома, т. е. тѣмъ же графомъ Шамборомъ.

Принцъ Наполеонъ повелъ болѣе искусно свои дѣла, заявивъ, что ничего не имѣетъ противъ республики. Но этимъ онъ, разумѣется, не могъ удовлетворить членовъ своей партіи. Одновременно съ этими происходившими болѣе или менѣе за кулисами событіями и по мѣрѣ того, какъ стала выясняться невозможность монархической реставраціи, Собраніе, скрѣпя сердце, стало проводить незначительнымъ большинствомъ поступавшіе на его обсужденіе конституціонные законы.

Каковы же были послѣдніе и каковъ былъ порядокъ самого ихъ возникновенія?

Еще въ іюнѣ 1871-го года поднятъ былъ въ Собраніи вопросъ о необходимости дать Франціи окончательную конституцію. Предложеніе въ этомъ смыслѣ сдѣлано было Дагирейемъ. Республиканцы въ свою очередь внесли контръ-предложеніе, авторомъ котораго былъ Ривэ. Оно состояло въ томъ, чтобы къ титулу Тьера, главы правительства, прибавить наименованіе: президентъ республики. Одновременно Ривэ настаивалъ на министерской отвѣтственности. Оба предложенія были переданы въ комитетъ почина и сдѣлались предметомъ доклада. Составленіе его пало на извѣстнаго писателя временъ іюльской монархіи Витэ. Витэ старался показать невинность самаго титула «президентъ республики», какъ не предрѣшающаго, будто бы, вопроса о формѣ правленія: вѣдь отвѣтственность Тьера передъ Собраніемъ остается неизмѣнной, и оно во всякое время можетъ порвать связывающую ихъ цѣпь. Докладчикъ настаивалъ, далѣе, на томъ, что, въ сущности, Тьеръ остается только главою правительства, постоянно принимающимъ участіе въ дебатахъ палаты и потому далекимъ отъ роли дѣйствительнаго президента республики. Вѣдь въ цѣломъ мірѣ—прибавлялъ онъ,—не знаютъ президента, который одновременно былъ бы и депутатомъ. Заключеніе Витэ сводилось къ тому, что необходимо упрочить положеніе правительства принятіемъ новаго титула. Поступая такимъ образомъ—говорилъ онъ,—«члены собранія уподобятся тѣмъ «политикамъ», исторія которыхъ при Генрихѣ IV была написана докладчикомъ и которые такъ удачно вывели Францію на вѣрный путь, загражденный обоюдной нетерпимостью католиковъ и гугенотовъ. Только упрочивъ положеніе Тьера, можно расчитывать на созданіе серьезной правительственной партіи». При обсужденіи доклада Бюффе указалъ на необходимость возстановить нѣкоторыя статьи изъ конституціи 1848-го года, въ числѣ ихъ ту, которая запрещала главѣ исполнительной власти входъ въ собраніе. Правая включила съ этого времени въ свою программу осуществленіе этой мысли. Такъ какъ Тьеръ рѣшительно высказался въ пользу принятія предложенія Ривэ и даже далъ понять, что въ противномъ случаѣ онъ сложитъ съ себя полномочія главы правительства, то этотъ первый по времени учредительный законъ республики былъ проведенъ 31 августа 1871 г. весьма значительнымъ большинствомъ (480 противъ 93-хъ). Дальнѣйшимъ шагомъ къ выработкѣ конституціи было, какъ мы уже видѣли, предложеніе признать республику существующей. Оно нашло выраженіе въ посланіи президента отъ 13 ноября 1872-го года. Тьеръ усматривалъ необходимость такого рѣше-

нія въ сознаніи націей невозможности ввѣрить свои судьбы одной изъ трехъ соперничающихъ династій и неизбѣжности управленія Франціей чрезъ посредство ея избранниковъ. Мы напомнимъ, что эта рѣшимость Тьера перейти на сторону республики и сдѣлалась ближайшимъ источникомъ его паденія. Монархисты сразу увидѣли опасность, и Шангарнье позволилъ себѣ даже говорить о старческомъ честолюбіи бывшаго министра Людовика-Филиппа. Батби предложилъ передать комиссіи изъ 15-ти человѣкъ выработку проекта закона о министерской отвѣтственности. Тайнымъ его намѣреніемъ было отнять у президента возможность личнаго выступленія въ собраніи и произнесенія въ немъ рѣчей. Оба предложенія были значительно измѣнены Собраніемъ послѣ жаркихъ дебатовъ, въ которыхъ приняли участіе Дюфоръ, Тьеръ и другіе. 29 ноября 1872 г. Собраніе, большинствомъ всего навсего 37 голосовъ, постановило создать комиссію въ 30-ть членовъ и поручить ей изготовить проектъ закона о министерской отвѣтственности и полномочіяхъ отдѣльныхъ властей въ государствѣ. Это была въ полномъ смыслѣ слова учредительная комиссія. 19 ея членовъ принадлежали къ правой, 11-ть—къ лѣвому центру и лѣвой. Докладчикомъ комиссіи выбранъ былъ Броль, ставшій во главѣ направленной противъ Тьера оппозиціи. Онъ употребилъ все свое вліяніе къ тому, чтобы затормозить окончательное устройство Франціи на республиканскихъ началахъ. Желая по возможности ослабить вліяніе Тьера, онъ предложилъ лишить президента республики права сноситься съ собраніемъ иначе, какъ письменно, утверждая, что республиканскій принципъ требуетъ такого раздѣленія властей. Только въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ считалось возможнымъ предоставить Тьеру непосредственное вмѣшательство въ дебаты, а именно каждый разъ, когда интересы государства и его честь могли быть задѣты ихъ исходомъ. Въ остальное время министры должны были одни выступать въ собраніи и говорить подъ ихъ собственной отвѣтственностью. Тщетно Тьеръ пытался отстоять за собою право личной защиты правительственной политики. Въ концѣ концовъ ему удалось только добиться отъ собранія постановленія, что оно не разойдется ранѣе изданія, во-первыхъ, законовъ объ организаціи и способѣ передачи какъ законодательныхъ, такъ и исполнительныхъ функцій, во-вторыхъ созданія второй палаты, въ третьихъ, установленія опредѣленной избирательной системы. Въ свою очередь хранитель печати Дюрфоръ настаивалъ на необходимости поскорѣе рѣшить вопросъ объ устройствѣ сената, доказывая, что во всякомъ свободномъ государствѣ

— и въ республикѣ и въ демократіи,—особой опасностью является увлеченіе и, какъ послѣдствіе его, излишняя поспѣшность, позволяющая принимать рѣшенія подъ вліяніемъ минутныхъ настроеній. «Вотъ почему искусство всѣхъ устроителей народоправствъ—сказалъ онъ — «направлено было къ тому, чтобы противуставить частымъ перемѣнамъ народнаго настроенія постоянный контроль жизненнаго опыта. Мудрено во всей исторіи найти такую конституцію, которая, рядомъ съ особымъ органомъ для выраженія народнаго мнѣнія, не создавала бы политическаго тѣла, направленнаго къ тому, чтобы умѣрять и замедлять проявленія этого мнѣнія. Всюду сознана была опасность ввѣрять всю власть одной палатѣ безъ всякихъ противовѣсовъ; какова бы ни была форма и источникъ неограниченнаго народовластія, — оно неизбѣжно вырождается въ деспотизмъ». Дюфоръ предлагалъ дать обѣимъ палатамъ одинаковый источникъ — народный выборъ; но тогда, какъ для палаты депутатовъ возрастный цензъ опредѣленъ былъ бы въ 25 лѣтъ, отъ сенаторовъ требовался бы 35-лѣтній возрастъ. Составъ палаты слѣдовало ограничить 500 членовъ, а Сената—265-тью, Полномочія сенаторовъ должны были длиться 10-ть лѣтъ. Составъ Сената долженъ быть обновляемъ каждые два года по частямъ. Депутаты выбирались бы всего на 5-ть лѣтъ. Что касается президента республики, то выборъ его слѣдовало предоставить конгрессу изъ сенаторовъ, депутатовъ и трехчленныхъ делегацій отъ каждаго изъ генеральныхъ совѣтовъ Франціи и Алжира.

Эти предложенія не были голосованы до паденія Тьера, и маршалу Макъ-Магону пришлось, послѣ неудачной попытки сторонниковъ всѣхъ трехъ династій возстановить монархію, продолжить дѣло прежняго президента и передать новой комиссіи 30-ти дальнѣйшую выработку учредительныхъ законовъ. Ближайшій поводъ къ тому дало предложеніе Шангарнье опредѣлить въ законодательномъ порядкѣ, каковы будутъ права маршала, какъ преемника Тьера. Составъ предложенной имъ комиссіи опредѣленъ былъ въ 15-ть человѣкъ. 8-мъ изъ нихъ оказались республиканцами. И этотъ одинъ лишній голосъ позволилъ провести въ предсѣдатели комиссіи бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ и друга Тьера, Ремюза, а въ докладчики—извѣстнаго профессора Collège de France Эдуарда Лабулэ. Онъ какъ нельзя вѣрнѣе призналъ причиной шатаній общественнаго мнѣнія и общаго безпокойства отсутствіе прочно установленнаго образа правленія. «Чтобы положить конецъ переходному времени, уже и безъ того черезчуръ продолжительному — сказалъ онъ,—необходимо органи-

зовать законное правительство, т. е. республику. Въ этомъ лежитъ наша ближайшая задача; къ этому сводится вся наша политика». Докладчикъ предлагалъ избрать новую комиссіи 30-ти, которая бы до роспуска собранія подготовила эту учредительную работу. Онъ заявлялъ въ то же время, что его единомышленники никогда не примирятся съ тѣмъ, чтобы въ число основныхъ законовъ не было включено конституціонныхъ гарантій. «Мы завоевали ихъ 80-тью годами борьбы; безъ нихъ свобода—пустое слово, порядокъ — ложь, а власть, даже самая мягкая—произволъ, лишенный достоинства».

Правая желала одного: продолженія полномочій маршала Макъ-Магона къ этому сводились всѣ усилія меньшинства комиссіи. Грэви отъ имени лѣвой рѣшительно выступилъ противъ такого предложенія. «Какъ? — сказалъ онъ, — вы присваиваете себѣ право назначить исполнительную власть при конституціи, въ созданіи которой вы участія не принимаете?.. Я утверждаю, что вы не имѣете права приводить въ исполненіе конституцію до момента ея голосованія. Нельзя же осуществлять учредительные законы, не зная, чѣмъ они будутъ».

Созданная, по предложенію Лабулэ, вторая комиссія 30-ти приступила къ выполненію своихъ полномочій уже послѣ паденія министерства Броля, котораго смѣнилъ кабинетъ генерала Сиссэ. Казимиръ Перье 15-го іюня 1874 года внесъ отъ имени лѣваго центра предложеніе, буквально воспроизводившее то, какое сдѣлано было правительствомъ Тьера 24-го мая 1873 года. Оно гласило: правительство французской республики состоитъ изъ двухъ палатъ и президента—главы исполнительной власти. Перье настоялъ на томъ, чтобы Собраніе признало это предложеніе спѣшнымъ. «Со всѣхъ сторонъ,—сказалъ онъ,—раздается одинъ крикъ: положите конецъ временному порядку». Въ общее сознаніе проникла уже увѣренность въ невозможности монархической реставраціи. Новые частичные выборы давали или республиканцевъ, или бонапартистовъ, оправдывая, сдѣланное Руэромъ замѣчаніе, что во Франціи мыслимы только два образа правленія: республика или имперія.

Тѣмъ не менѣе большинство комиссіи не желало высказаться окончательно по вопросу о формѣ правленія и остановилось поэтому на выработкѣ законопроекта о сенатѣ, какъ о противовѣсѣ избранной палаты. Съ точки зрѣнія большинства сенатъ былъ одинаково желателенъ какъ при той, такъ и при другой формѣ правленія. Министерство Сиссэ поддерживало это мнѣніе. Но республиканцы, устами Дюфора, потребовали, чтобы

на голосованіе поступило примирительное предложеніе депутата правой Вентавона, по которому ближайшій порядокъ занятій долженъ былъ состоять въ голосованіи не закона о Сенатѣ, а закона, установлявшаго сразу обѣ власти—исполнительную и законодательную, и нормировавшаго въ то же время ихъ отношеніе между собой. Большинство собранія высказалось за это предложеніе, послѣ чего министерство подало въ отставку. Маршалъ Макъ-Магонъ убѣдилъ его остаться временно при исполненіи своихъ обязанностей, пока ему не удастся составить новый кабинеть. Онъ привлекъ одновременно вожаковъ умѣренной правой, центра и лѣваго центра, къ обсужденію вопроса объ изданіи конституціонныхъ законовъ. На этомъ совѣщаніи сказалось два теченія: одно состояло въ томъ, чтобы признать лично за маршаломъ право сохранить власть въ своихъ рукахъ въ теченіе семи лѣтъ; другое благопріятно было признанію, что исполнительный органъ республики будетъ осуществлять свою власть въ теченіе семи лѣтъ, какая бы за это время ни произошла перемѣна въ лицѣ самого носителя власти. Первое предложеніе исходило отъ умѣренной правой, второе — отъ центра. Ни одно не удовлетворяло членовъ лѣваго центра, къ которому принадлежали одинаково Дюфоръ, Казиміръ Перье и Леонъ Сэй. Они настаивали на голосованіи Собраніемъ текста республиканской конституціи, т. е. возобновляли предложеніе, сдѣланное еще въ президентство Тьера. Ихъ настоянія увѣнчались успѣхомъ. Подъ вліяніемъ того факта, что на новыхъ частичныхъ выборахъ въ департаментѣ Верхнихъ Пириней прошелъ депутатъ бонапартистъ, правый центръ согласился до 4-го января 1875-го года дать пріоритетъ закону объ организаціи публичныхъ властей. Маршалъ Макъ-Магонъ, своимъ посланіемъ при возобновленіи парламентской сессіи 6-го января, сдѣлалъ было попытку вернуться къ старому, а президентъ комиссіи 30-ти, Батби, соотвѣтственно обратился къ Собранію съ предложеніемъ начать работы съ обсужденія закона о Сенатѣ; но въ виду совершенной очевидности той истины, которую Лабулэ выразилъ словами: «нельзя создавать гипотетическій Сенать для гипотетическаго правительства», пріоритетъ въ концѣ концовъ былъ данъ предложенію вотировать законъ объ организаціи публичныхъ властей. Большинство было достигнуто союзомъ лѣвой съ бонапартистами и частью правой. Министерство отвѣтило на это окончательнымъ выходомъ въ отставку. Какъ бы испуганный собственной побѣдой, Вентавонъ—умѣренно-правый, отъ котораго исходило предложеніе, одержавшее верхъ въ палатѣ,—въ своей

рѣчи сталъ подчеркивать ту мысль, что дѣло не идетъ, собственно говоря, о конституціи, а исключительно о томъ, чтобы организовать временныя полномочія «одного человѣка». «Что значатъ эти слова—полномочія одного человѣка»?—спросилъ депутатъ Марсеръ, а Ремюза поспѣшилъ прибавить: «комиссія должна заняться организаціей публичныхъ властей, а не власти одного человѣка».

После продолжительныхъ и довольно таки схоластическихъ преній, собраніе вотировало статью, гласящую, что президентъ республики будетъ избираться на семь лѣтъ. Вопросъ прошелъ большинствомъ всего на всего одного голоса, и вотъ въ какой обстановкѣ: Валлонъ внесъ къ первоначальному тексту поправку, гласящую: президентъ республики избирается по большинству голосовъ, Сенатомъ и Палатой депутатовъ, соединенными въ Національное Собраніе. Его полномочія длятся семь лѣтъ, и онъ можетъ быть переизбранъ. Это предложеніе, сдѣлавшееся второй статьей конституціи, было принято 353-мя голосами противъ 352-хъ. Такое обстоятельство и заставило говорить о томъ, что вопросъ о республикѣ былъ рѣшенъ однимъ голосомъ,—утвержденіе, какъ видно изъ сказаннаго выше, далеко не точное, но свидѣтельствующее о значительной слабости республиканской партіи въ моментъ прохожденія конституціонныхъ законовъ.

При голосованіи поправки о выборахъ президента большинствомъ голосовъ соединенныхъ камеръ, произошелъ слѣдующій инцидентъ. Предсѣдатель Собранія Бюффе, въ то время, когда секретари уже дѣлали подсчетъ бюллетенямъ, желая оттѣнить важность происходящаго голосованія, обратился къ собранію съ словами: «секретари извѣщаютъ меня, что бюллетени, поданные за и противъ предложенія, болѣе или менѣе въ равномъ числѣ; поэтому»... Въ ту минуту, когда произнесена была эта незаконченная фраза, одинъ депутатъ приблизился къ секретарямъ и опустилъ свою записку. Раздались голоса: «подсчетъ конченъ. Секретари не могутъ болѣе принимать бюллетеней». Казиміръ Перье поспѣшилъ замѣтить, что предсѣдателемъ не было провозглашено окончаніе выборовъ и что ежедневно опускаются бюллетени въ моментъ уже начавшагося подсчета голосовъ. Предсѣдатель Бюффе, въ свою очередь подтвердилъ справедливость этихъ словъ и высказался за необходимость считать поданный напослѣдокъ голосъ. Только благодаря этому предложеніе прошло большинствомъ, но всего на всего одного голоса.

Монархисты не теряли еще надежды помѣшать окончательному прохожденію конституціоннаго закона и съ этой цѣлью

намѣревались провести предложеніе, надѣлявшее одного маршала Макъ-Магона, а не будущихъ президентовъ вообще, правомъ роспуска палаты. Но ихъ расчеты не оправдались, такъ какъ самъ президентъ въ посланіи къ палатѣ высказался въ томъ смыслѣ, что онъ не рѣшится пользоваться такимъ правомъ, пока не будетъ имѣть возможность опираться при его осуществленіи на другую палату умѣряющаго характера. Это заявленіе заставило комиссію 30-ти высказаться въ пользу немедленнаго внесенія въ Собраніе поправки, сдѣланной Валлономъ и касавшейся организаціи законодательной власти.

Въ концѣ концовъ Собраніемъ принято было предложеніе и объ организаціи властей, и о правѣ президента распускать палату sur l'avis conforme du Sénat, т. е. съ согласія Сената, прошелъ также законъ о солидарной отвѣтственности министровъ, когда дѣло идетъ объ общей политикѣ правительства. Надежда на окончательную выработку «органическихъ законовъ» тѣмъ не менѣе снова была подорвана попыткой монархистовъ провесть требованіе, чтобы одному президенту было предоставлено право роспуска палаты, при чемъ такое преимущество должно было держаться лишь до тѣхъ поръ, пока президентскій постъ будетъ занять Макъ-Магономъ. Это въ скрытой формѣ было повтореніемъ ранѣе сдѣланнаго предложенія—создать «септенатъ личный» для настоящаго носителя власти. Республиканцы были сильно возмущены этимъ новымъ натискомъ правыхъ, и Бриссонъ, какъ бы въ отвѣтъ на него, внесъ предложеніе о роспускѣ палаты.

Группѣ лицъ, принадлежащихъ къ лѣвому центру и руководительство которыми взялъ на себя Валлонъ, удалось и на этотъ разъ сдѣлать примирительное предложеніе. Въ концѣ концовъ было принято, что президентъ распускаетъ палату съ согласія Сената.

Но какъ долженъ быть устроенъ самый Сенатъ? И по этому вопросу мнѣнія разошлись весьма рѣзко. Всѣ, повидимому, способы его составленія нашли сторонниковъ, за исключеніемъ одного—наслѣдственной пэріи, по образцу англійской палаты лордовъ. Одни высказывались за назначеніе членовъ Сената самимъ президентомъ, изъ депутатовъ, государственныхъ совѣтниковъ, генераловъ, епископовъ, членовъ института или академіи, наконецъ лицъ, наиболѣе обложенныхъ. Другіе стояли за выборъ сенаторовъ особыми избирательными собраньями, въ составъ которыхъ вошли бы депутаты отъ департамента, члены генеральныхъ совѣтовъ и совѣтовъ округовъ, лица, принадлежащія къ церковному, университетскому, административному и судебному

персоналу, лица по выбору президента и, рядомъ съ ними, лица, награжденныя высшими степенями ордена Почетнаго Легіона. Комиссія 30-ти высказывалась за соединеніе обѣихъ системъ: Сенатъ долженъ былъ состоять частью изъ лицъ по назначенію, частью изъ лицъ по выбору.

Этому проекту противопоставлены были другіе, болѣе радикальные. Согласно одному изъ нихъ, выборъ сенаторовъ долженъ быть предоставленъ тѣмъ же избирателямъ, что и выборъ депутатовъ, при чемъ отъ кандидатовъ требовался бы лишь большій размѣръ обложенія. Предложеніе въ этомъ смыслѣ было сдѣлано Паскалемъ Дюпра, въ формѣ поправки къ законопроекту комиссіи 30-ти. Крайняя правая воздержалась отъ голосованія; бонапартисты присоединились къ республиканцамъ, въ скрытой надеждѣ провести нѣчто непріемлемое для маршала. Большинствомъ 12-ти голосовъ эта поправка Паскаля Дюпра была принята.

Глава министерства Сиссэ поспѣшилъ сдѣлать отъ имени правительства декларацію о томъ, что такое рѣшеніе кажется президенту республики непріемлемымъ. Какъ послѣдствіе, явилось отклоненіе законопроекта въ цѣломъ опять таки ничтожнымъ большинствомъ голосовъ. Возникла новая опасность не для одного только министерства, готоваго уйти отъ дальнѣйшаго завѣдыванія дѣлами, но и для самой палаты: опасность роспуска ея. Его требовалъ Бриссонъ, а съ роспускомъ исчезла бы возможность немедленнаго устройства республики. Снова сдѣланы были попытки примиренія. Валлону, въ концѣ концовъ, удалось провести свою поправку, которая и стала нынѣ дѣйствующимъ закономъ о Сенатѣ. Но этому предшествовало отклоненіе большинствомъ въ 133 человѣка предложенія Бриссона о роспускѣ палаты и провалъ цѣлаго ряда поправокъ. касавшихся порядка образованія Сената. Въ числѣ ихъ были и такія, которыя требовали выбора Сената муниципальными совѣтами, восполняемыми наиболѣе обложенными избирателями, и такія, которыя предлагали предоставить муниципальнымъ совѣтамъ выборъ избирателей въ Сенатъ, но исключительно изъ числа делегатовъ отъ каждой изъ общинъ департамента въ числѣ не болѣе одного.

Изъ всѣхъ этихъ поправокъ, и то съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, принята была поправка Валлона. Она предоставляла выборъ одной трети сенаторовъ національному собранію, другой трети—президенту, наконецъ послѣдней трети—генеральнымъ совѣтамъ департаментовъ. Національное собраніе, въ концѣ концовъ, не приняло назначенія части сенаторовъ президентомъ и оста-

новилось на томъ, что за исключеніемъ 75-ти сенаторовъ по выбору собранія, всѣ остальные 225 будутъ избираться особой коллегіей, образуемой въ каждомъ департаментѣ, въ составъ ея, вмѣстѣ съ депутатами, входятъ генеральные совѣтники, совѣтники окружные и по одному делегату отъ каждаго муниципальнаго совѣта департамента.

Почти безъ преній прошелъ законъ о томъ, что пересмотръ конституціи долженъ происходить въ національномъ собраніи, составленномъ изъ всѣхъ членовъ обѣихъ палатъ.

Наконецъ, послѣднимъ въ порядкѣ принятъ законъ о порядкѣ выбора самихъ депутатовъ, при чемъ обнаружилось почти полное согласіе по вопросу о всеобщемъ правѣ голосованія (667 голосовъ противъ 3-хъ).

Наоборотъ, палата раздѣлилась почти на равныя половины по вопросу—производить ли выборъ депутатовъ по округамъ или по департаментамъ. Меньшинство высказалось въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, при чемъ Гамбеттой произнесена была знаменитая рѣчь по вопросу о такъ называемомъ scrutin de liste, впослѣдствіи введенномъ во Франціи по его предложенію и продержавшемся въ ней до эпохи «буланжизма», когда обнаружились нѣкоторыя невыгодныя его послѣдствія, послѣдствія, показавшіяся опасными съ политической точки зрѣнія.

IV.

Если мы спросимъ себя въ заключеніе, почему такъ долго оставалась спорной самая возможность проведенія конституціонныхъ законовъ собраніемъ, созваннымъ далеко не для этой цѣли, а затѣмъ работа надѣленія Франціи новыми основными законами потребовала всего нѣсколькихъ мѣсяцевъ, то необходимо придемъ къ заключенію, что вся задержка шла отъ людей, желавшихъ, но неспособныхъ вернуть Францію къ ея монархическимъ традиціямъ. Отчаявшись провести на престолъ своихъ собственныхъ претендентовъ, они придумываютъ все новыя и новыя препятствія къ окончательному устройству страны на республиканскихъ началахъ. Если они, въ концѣ-концовъ, сдались, то только въ виду все болѣе и болѣе возраставшей опасности возрожденія бонапартизма. Когда новые дополнительные выборы стали давать приростъ сторонникамъ возстановленія имперіи,—орлеанисты примкнули къ республиканцамъ, и окончательное утвержденіе республики сдѣлалось возможнымъ.

Другой вопросъ, нами поднятый, — вопросъ о томъ, какъ объяснить, что учредительная работа вслѣдъ затѣмъ пошла съ необыкновенной быстротою, — рѣшается по нашему мнѣнію слѣдующимъ образомъ: въ эпоху Второй Имперіи и, въ особенности, со времени поворота ея къ либерализму, конституціонная доктрина, объединившая собою всѣ враждебныя имперіи партіи, была установлена не только въ главныхъ ея чертахъ, но и въ подробностяхъ, работами двухъ выдающихся писателей о политикѣ: герцогомъ Бролемъ—отцомъ Альберта Броля, главы министерства «нравственнаго порядка»,—и Прево-Парадолемъ, блестящимъ литераторомъ, съ солидной подготовкой по вопросамъ конституціоннаго права, необыкновенно печально закончившимъ свою карьеру: согласившись принять постъ французскаго посла въ Вашингтонѣ, Прево-Парадоль, при высадкѣ въ Нью-Іоркѣ, узналъ о седанскомъ пораженіи и тутъ же покончилъ съ собой. Онъ является авторомъ сочиненія, которое и теперь можно прочесть и съ интересомъ, и съ пользой, сочиненіемъ, озаглавленнымъ «Новая Франція». Броль и Прево-Парадоль, имѣютъ то общее, что, не скрывая своихъ симпатій, одинъ къ монархіи, другой — къ республикѣ, — считаютъ вопросъ о формѣ правленія менѣе существеннымъ, чѣмъ вопросъ о созданіи во Франціи парламентскихъ порядковъ. Какъ во «Взглядахъ на правительство, подобающее Франціи», авторомъ которыхъ былъ герцогъ Броль, такъ и въ книгѣ Прево Парадоля, вопросъ о монархіи или республикѣ отодвигается на второй планъ [1]) и всѣ проблемы, связанныя съ насажденіемъ парламентаризма, разсматриваются независимо отъ того, восторжествуетъ ли во Франціи народоправство или нѣтъ. Для Прево-Парадоля, въ частности, особую цѣну имѣетъ созданіе парламентарной демократіи, при томъ демократіи умѣренной, ввѣряющей, поэтому, законодательную власть не одной, а двумъ палатамъ, но въ то же время,

---

[1]) Броль считаетъ возможнымъ и республиканскій порядокъ, но подъ условіемъ, чтобы онъ приближался къ конституціонной монархіи. «Скажемъ послѣднее слово—пишетъ онъ:—по существу немыслимы два различныхъ правительства въ одной и той же странѣ; республика близкая къ конституціонной монархіи, и конституціонная монархія, близкая къ республикѣ и отличающаяся отъ нея только постоянствомъ исполнительной власти—таковъ единственный исходъ, открывающійся во Франціи друзьямъ свободы». Въ числѣ основныхъ чертъ такого правительства Броль предлагаетъ раздѣленіе pouvoir delibèrant между двумя «политическими тѣлами», на два тѣла, изъ которыхъ бы одно представляло собою интересы прогресса, а другое—интересы стойкости установленнаго порядка — консерватизма. Необходимо также единство исполнительной власти, ея отвѣтственность передъ палатами, участіе власти исполнительной въ законодательствѣ починомъ законовъ и относительнымъ veto.

основанной на началѣ всеобщаго голосованія и политической отвѣтственности всего солидарнаго кабинета не столько передъ палатами, сколько передъ одной народной камерой. Съ «Новой Франціей» въ рукахъ легко объяснить себѣ, почему собраніе въ Версалѣ приняло въ концѣ-концовъ приведенныя нами выше рѣшенія, почему, въ частности, оно высказалось за созданіе Сената, и не какъ наслѣдственной камеры, а какъ выборной на срокъ и при томъ членами генеральныхъ совѣтовъ департаментовъ или, по меньшей мѣрѣ, собраній, въ которыхъ имъ бы обезпечено было значительное число голосовъ [1]). Понятно также, почему, несмотря на отсутствіе прямого упоминанія на этотъ счетъ, во Франціи парламентской практикой было проведено то начало, въ силу котораго не Сенатъ, а одна лишь народная палата, имѣетъ рѣшающее вліяніе на смѣну министерства: она считается ближайшей выразительницей общественнаго мнѣнія; перемѣна же его влечетъ за собою, согласно доктринѣ парламентаризма, измѣненіе и въ составѣ правительства [2]).

Книга Прево-Парадоля объясняетъ намъ также причину, по которой въ средѣ лицъ, надѣлившихъ третью республику ея конституціонными законами, сложилась непоколебимая увѣренность въ необходимости дать законодательное выраженіе началу политической отвѣтственности министровъ, иначе—зависимости кабинета отъ большинства депутатовъ нижней камеры. Прево-Парадоль шелъ такъ далеко въ этомъ направленіи, что не прочь былъ предоставить самый выборъ главы кабинета палатѣ.

Французскіе учредители не послѣдовали за нимъ. Они не отклонились отъ англійской практики, по которой назначеніе министровъ остается за главой исполнительной власти, связаннаго чисто нравственнымъ обязательствомъ призывать къ занятію этого поста вожаковъ господствующей партіи. Но, усваивая англійскую точку зрѣнія, французскіе учредители признали возможнымъ дать министерской отвѣтственности письменное выраженіе, котораго она въ самой Англіи не имѣетъ. Изъ всѣхъ писанныхъ конституцій одни учредительные законы третьей республики содержатъ въ себѣ статью о солидарной отвѣтственности правительства за общее направленіе его политики. Эта отвѣтственность не исключаетъ той, которая падаетъ на президента, но только въ одномъ случаѣ государственной измѣны. И это рѣшеніе согласно съ тѣмъ, какое даетъ вопросу Прево-Парадоль.

---

[1]) См. 7-е изд. «France nouvelle», стр. 109.
[2]) Ibid. стр. 92 и 93-я.

Всеобщее голосованіе, исключеніе чиновниковъ изъ числа лицъ, могущихъ занимать депутатскія мѣста, право палаты выбирать своего президента и составлять свой наказъ, право законодательнаго почина, осуществляемаго любымъ изъ членовъ палатъ,—все это рѣшенія, въ пользу которыхъ высказался еще Прево-Парадоль.

Одна только статья конституціи должна быть возведена къ иному источнику: это та, которая гласитъ, что выборъ президента принадлежитъ собранію обѣихъ палатъ, а не всенародному голосованію. Въ этомъ смыслѣ высказался Грэви еще въ Учредительномъ Собраніи 1848 года. Боязнь вернуться къ плебисцитарной системѣ, на которой Бонапарты строили свое зданіе демократическаго цезаризма, заставила французовъ остановиться на иномъ порядкѣ избранія президента, чѣмъ тотъ, какой практикуется въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки. И только въ эпоху буланжизма поднятъ былъ вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли вернуться къ этой болѣе демократической системѣ выборовъ, ставящей президента въ болѣе независимое положеніе отъ палаты. Накэ и Дерулэдъ поддерживали такую реформу; паденіе буланжизма сняло ее съ очереди.

Изъ всѣхъ пережитыхъ Франціей конституцій, если не говорить о хартіи 1814-го года и о конституціи Первой Имперіи,—органическіе законы третьей республики одни не снабжены текстомъ особой деклараціи, перечисляющей права человѣка и гражданина. Для принятія ея не было нужнаго времени, не было также и большой охоты заняться подобнымъ вопросомъ, хотя бы въ виду того, что наличность такой деклараціи не помѣшала правительству Второй Имперіи не разъ нарушать такъ называемыя необходимыя вольности.

Къ тому же временное правительство 4-го сентября сдѣлало важный шагъ къ обезпеченію этихъ самыхъ вольностей. Оно отняло у государственнаго совѣта право давать или не давать разрѣшеніе къ преслѣдованію чиновниковъ за преступленія и проступки, совершенные ими при отправленіи своихъ обязанностей. А это сдѣлало возможной дѣйствительную отвѣтственность чиновниковъ. Законы о печати, объ отдѣленіи церкви отъ государства, о союзахъ и собраніяхъ внесли законодательную опредѣленность въ такъ называемыя субъективныя права гражданъ, только провозглашаемыя, но отнюдь еще не обезпечиваемыя биллями о правахъ и деклараціями.

Въ своей совокупности всѣ эти отдѣльныя нормы восполнили многое недоговоренное въ тѣхъ трехъ органическихъ за-

конахъ, изъ которыхъ слагается нынѣ дѣйствующая французская конституція. Франціи впервые былъ обезпеченъ продержавшійся уже 37 лѣтъ демократическій парламентаризмъ. Она обходится при этомъ безъ стройной конституціи, подобной тѣмъ, какими такъ богата ея исторія въ періодъ времени отъ 1789-го года по 1875-й. Политическая отвѣтственность министровъ и всего кабинета, вліяніе, оказываемое на выходъ его въ отставку одной нижней палатой, источникомъ которой является всеобщее право голосованія, невозможность для главы исполнительной власти, какъ ставленника палатъ, вести политику, несогласную съ мнѣніемъ большинства народныхъ избранниковъ—все это вмѣстѣ взятое ведетъ къ тому, что во Франціи упрочено представительное народоправство и осуществленъ завѣтный идеалъ дѣятелей 1789-го года. Но это народоправство получило форму не демократической монархіи, а представительной республики.

Максимъ Ковалевскій.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

Н. Г. Чернышевскій и новая вѣра въ философскомъ одѣяніи.

I.

Въ выработкѣ связнаго міросозерцанія, объединяющаго въ болѣе или менѣе цѣльной системѣ разрозненныя сужденія и знанія, люди не всегда руководятся исключительно теоретическими соображеніями. Въ большинствѣ случаевъ такая связность и цѣльность въ міропониманіи бываетъ имъ нужна для цѣлей практическихъ. Осмыслить жизнь, чтобы знать, какъ въ ней дѣйствовать,—вотъ то первичное желаніе, которое чаще всего побуждаетъ человѣка восходить на отвлеченныя высоты, если вообще такое восхожденіе ему по силамъ. Мыслители чистой крови попадаются очень рѣдко.

У насъ въ Россіи часто наблюдалось такое тяготѣніе къ философской постановкѣ вопросовъ среди общественныхъ группъ, ставящихъ себѣ преимущественно и даже исключительно практическія цѣли. Это стремленіе было сильно еще въ дореформенное время, когда и западники, и славянофилы спускались въ глубины нѣмецкаго философскаго идеализма, чтобы извлечь изъ нихъ цѣнный металлъ для чеканки русской обиходной монеты. Но люди сороковыхъ годовъ, какъ практики жизни, были людьми со скромными желаніями и, подготовляя себя къ «дѣлу», къ «служенію родинѣ», продолжали учиться съ такимъ рвеніемъ и такъ добросовѣстно, что не хотѣли кончать школы и откладывали полученіе аттестата философской зрѣлости съ года на годъ. Они, впрочемъ, ясно сознавали, что, все равно, жизнь,

какой она была въ дореформенное время, не станетъ считаться съ ихъ притязаніями на рѣшеніе практическихъ вопросовъ.

Съ шестидесятыхъ годовъ картина рѣзко мѣняется. Стремленіе къ практической работѣ на нивѣ жизни растетъ необычайно быстро; растетъ и желаніе какъ можно скорѣй пройти философскую подготовительную школу. Засиживаться надъ книгой слишкомъ долго — нѣтъ времени: жизнь зоветъ на работу. Вплоть до нашихъ дней идетъ такая спѣшная философская работа, такое возведеніе философскихъ лѣсовъ вокругъ строящагося зданія общественной жизни. Въ 60-хъ годахъ молодое поколѣніе увлечено философіей матеріализма; въ 70-хъ оно ищетъ себѣ поддержки въ міропониманіи позитивномъ; начиная съ 90-хъ годовъ его увлекаетъ экономическій матеріализмъ; наконецъ, въ наши дни оно опять переноситъ свои симпатіи на философскій идеализмъ и даже на вопросы чисто религіознаго характера. Всѣ эти теченія отвлеченной мысли идутъ параллельно съ очень интенсивной общественной работой, которая чаще всего пересиливаетъ въ людяхъ интересъ къ теоріи, а иногда, какъ, напр., въ годы «марксизма» или въ наше время, идетъ съ нею вровень.

Въ шестидесятыхъ годахъ интересъ молодого поколѣнія между теоріей и практикой былъ подѣленъ неравномѣрно. Общественные вопросы стояли несомнѣнно на первомъ планѣ, и лишь вдали виднѣлось ихъ философское прикрытіе. Нерѣдко упрекали людей того времени въ слишкомъ поспѣшномъ возведеніи такого прикрытія. Несомнѣнно, что среди тогдашней передовой молодежи было очень много лицъ, которыя, называя себя послѣдователями новой философіи, людьми новой мысли, успѣли схватить налету лишь отрывки или конечные выводы новыхъ ученій и не давали себѣ труда надъ этими выводами подумать. Они цѣплялись за нихъ и торопились скорѣе примѣнить ихъ къ тому или другому «дѣлу». Но вѣдь во всякой борьбѣ нужны рядовые, которые вѣрили бы въ вождей и не критиковали бы ихъ словъ и поступковъ. Такая армія послушныхъ была въ шестидесятыхъ годахъ довольно многочисленна—и съ тѣхъ поръ она не уменьшалась, хотя мѣнялись и вожди, и лозунги.

Въ распространеніи пагубнаго міросозерцанія, сбивавшаго съ пути молодежь, былъ обвиненъ Чернышевскій, единственный человѣкъ, который, насколько было возможно, проповѣдывалъ и защищалъ въ печати совсѣмъ новое для того времени философское ученіе. Обвиняли его въ томъ, что онъ насаждаетъ ученіе завѣдомо ложное, не выдерживающее въ своей теоретической части никакой философской критики; обвиняли

его также и въ томъ, что онъ самъ, подобно своимъ послѣдователямъ, погнался за послѣдними словами западной мысли, былъ неподготовленъ къ ея усвоенію, для философскаго мышленія вообще былъ не созданъ и мало въ этой области свѣдущъ. Спорить съ Чернышевскимъ въ настоящее время по существу было бы наивно. Взгляды, которые онъ проводилъ въ русское самосознаніе, принадлежали не ему; онъ былъ среди насъ первымъ проводникомъ европейскаго матеріализма, и его ученіе должно было раздѣлить судьбу той системы, изъ которой вытекло. Какъ всѣ философскія системы, и эта имѣла свои годы цвѣтенія и свои годы упадка, такъ какъ нѣтъ такого философскаго фундамента, который выдержалъ бы постоянно увеличивающуюся тяжесть накопляемыхъ человѣкомъ знаній. Но историческій фактъ довольно долгой власти матеріализма надъ русскими молодыми умами признать надо; спорить же по существу объ основныхъ началахъ, на которыхъ это ученіе строило свое зданіе, врядъ ли нужно. Не станемъ же мы, оцѣнивая, напр., историческую роль славянофильства, рѣшать вопросъ о бытіи Божіемъ или о Божіемъ предопредѣленіи — двухъ проблемахъ, которыя были для этихъ вѣрующихъ людей аксіомами. Имѣлъ свои аксіомы и Чернышевскій. Онѣ рождали убѣжденія, создавали характеры, толкали людей на поступки; онѣ одно время были общественной силой, и съ ними надо считаться, какъ бы въ концѣ концовъ шатки ни оказались тѣ разсужденія общаго характера, изъ которыхъ Чернышевскій выводилъ эти аксіомы. Чернышевскій подлежитъ лишь упреку въ томъ, что онъ не уберегъ свой умъ отъ искушенія, а сердце—отъ увлеченія, т. е. что онъ раздѣлилъ участь всѣхъ людей, когда-либо во что-либо вѣровавшихъ. Упрекъ въ томъ, что онъ былъ недостаточно подготовленъ къ роли проповѣдника новой истины—удержанъ быть не можетъ. Чернышевскій съ юныхъ лѣтъ былъ хорошо освѣдомленъ въ философскихъ вопросахъ.

Еще на студенческой скамьѣ онъ изучалъ Гегеля, съ которымъ впервые ознакомился въ Саратовѣ; онъ тогда читалъ его усердно, безъ предвзятаго недовѣрія, съ какимъ позднѣе сталъ относиться къ «метафизикѣ», когда видѣлъ въ ней лишь остатки «фантастическаго» міросозерцанія. Онъ готовъ былъ пропагандировать Гегеля путемъ переводовъ; онъ вѣрно и безпристрастно оцѣнивалъ культурное значеніе нѣмецкаго идеализма въ нашемъ недавнемъ прошломъ; онъ признавалъ возможнымъ сочетаніе его съ современнымъ демократическимъ направленіемъ общественной и политической мысли, какъ у Прудона; иногда, забывая свою

вражду съ нимъ, онъ при случаѣ, какъ, напр., при оборонѣ крестьянской общины, не прочь былъ вспомнить о діалектикѣ Гегеля. Эта метафизическая стадія развитія ума Чернышевскаго не должна быть забываема: среди всѣхъ «новыхъ» людей своего времени онъ и П. Л. Лавровъ, были первыми и довольно долгое время единственными людьми, которые могли не съ чужихъ словъ вести разговоръ на философскую тему. Чернышевскій сознательно прошелъ этапъ философскаго идеализма, но на немъ не остановился и, двигаясь вслѣдъ за лѣвымъ флангомъ гегеліанства, скоро очутился въ рядахъ исповѣдниковъ новой вѣры, вѣры Фейербаха, именно—*вѣры*, такъ какъ и этотъ Лютеръ II, какъ онъ себя называлъ, имѣлъ, при всемъ своемъ скептицизмѣ и своей всепроницающей логикѣ, объектъ слѣпого поклоненія, имѣлъ свое божество, которому строилъ храмъ изъ развалинъ разрушеннаго имъ иного храма.

II.

На ученіи Фейербаха Чернышевскій остановился, такъ какъ ему вдругъ почуялась твердая земля подъ ногами. Все, что Чернышевскій успѣлъ написать по философскимъ вопросамъ, было либо популяризаціей словъ учителя, либо попыткой приложить ихъ къ вопросамъ, на которыхъ учитель не остановился. Тюрьма и ссылка прервали дальнѣйшую работу философской мысли Чернышевскаго, и онъ такъ до конца дней своихъ и остался «фейербахистомъ»—въ восьмидесятыхъ годахъ (когда онъ умеръ), быть можетъ, единственнымъ въ Россіи. Впрочемъ, если бы даже судьба пощадила Чернышевскаго, врядъ ли бы онъ могъ отдать много времени на переработку своего философскаго міропониманія. Какъ только ученіе Фейербаха дало ему ощущеніе твердой опоры, онъ всѣ свои интересы направилъ на вопросы историческіе, соціологическіе и иные, съ русской жизнью тѣсно связанные. Установивъ разъ на всегда прочный, какъ ему казалось, философскій фундаментъ, онъ уже не расширялъ его и не углублялъ, а продолжалъ на немъ строить. На вопросы высшаго порядка онъ—такъ ему думалось—получилъ отвѣты, и онъ быстро сталъ отходить отъ этихъ вопросовъ и слушателей своихъ не желалъ долго на нихъ задерживать. Такая спѣшка въ установленіи основныхъ началъ и такое нежеланіе ихъ пересматривать вытекали не изъ невниманія Чернышевскаго къ

нимъ, а изъ глубокой убѣжденности въ томъ, что вѣрное рѣшеніе ихъ найдено и никакого иного и быть не можетъ.

Необычайно увѣренный и радостный тонъ слышится во всѣхъ тѣхъ немногихъ словахъ, въ которыхъ Чернышевскому удавалось говорить о Фейербахѣ, не называя его по имени. «Теперь въ первый разъ нѣмецкая философія достигла положительныхъ рѣшеній, — писалъ онъ. Теперь она сбросила прежнюю схоластическую форму метафизической трансцендентальности и, признавъ тожество своихъ результатовъ съ ученіемъ естественныхъ наукъ, слилась съ общей теоріею естествовѣдѣнія и антропологіею; только теперь философія получила содержаніе и основалась на строгомъ анализѣ фактовъ; односторонность науки исчезла, а содержаніе уяснено относительно всѣхъ ея существенныхъ задачъ; получены довольно точныя рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ жизни; теперь матеріальная сторона жизни не можетъ быть признана «призрачной»; споръ между духомъ и тѣломъ законченъ: они примирены. Какъ бы медленно ни распространялась между людьми убѣжденность въ истинахъ отъ нынѣшней малой приготовленности людей любить истину, т. е. цѣнить пользу ея и сознавать непремѣнную вредность всякой лжи— истина все-таки распространяется между людьми, потому что, какъ ни думай они о ней, какъ ни бойся они ея, какъ ни люби они ложь, все-таки истина соотвѣтствуетъ ихъ надобностямъ, а ложь оказывается неудовлетворительной: что нужно для людей, то будетъ принято людьми. Не уйдетъ человѣкъ отъ истины. Теорія, которую я считаю справедливой, составляетъ самое послѣднее звено въ рядѣ философскихъ системъ; возьмите какую хотите исторію новѣйшей философіи—въ каждой такой книгѣ вы найдете подтвержденіе моимъ словамъ. По одному историку теорія эта справедлива, по другому несправедлива; но всѣ они единодушно говорятъ, что эта теорія дѣйствительно послѣдняя, вышедшая изъ гегелевой, точно такъ же, какъ гегелева вышла изъ шеллинговой. Можно ли осуждать меня за то, что я признаю прогрессъ въ наукѣ и нахожу послѣднее слово ея самымъ полнымъ и справедливымъ? Это какъ вамъ угодно. Быть можетъ, по вашему, старое лучше новаго. Но допустите же возможность думать иначе».

Истинный философъ по призванію вѣроятно счелъ бы рискованнымъ ссылаться въ доказательство истинности философскаго тезиса на его новизну и на то, что онъ самый современный; но въ Чернышевскомъ философъ и историкъ были такъ тѣсно слиты и чувство дѣйствительности и современности было въ немъ

такъ сильно, что абсолютная истина ему, какъ и самому Фейербаху, представлялась не иначе, какъ въ видѣ постепеннаго воплощенія въ послѣдовательныхъ историческихъ формахъ, изъ которыхъ каждая упраздняла предшествующую. Философскую истину, какъ думалъ Чернышевскій, надо искать не за предѣлами земли, не въ прошломъ, не въ грядущемъ, а вокругъ себя, въ обстановкѣ сложившагося историческаго момента. Онъ неоднократно доказывалъ, что философское ученіе создавалось всегда подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ того общественнаго положенія, къ которому принадлежали мыслители, и что каждый философъ (Локкъ, Бентамъ, Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель) бывалъ представителемъ какой-нибудь изъ политическихъ партій, боровшихся въ его время за преобладаніе надъ обществомъ. Чернышевскій говорилъ, что «всякій человѣкъ, достигшій какой-нибудь умственной самостоятельности имѣетъ политическія убѣжденія и что образъ мыслей философа не можетъ быть лишенъ смысла, какой есть въ образѣ мыслей каждаго изъ людей, просвѣщать которыхъ онъ берется». Если общественное движеніе диктуетъ философской мысли ея содержаніе, то, наоборотъ, и новая философія можетъ оказать большую поддержку общественности. «Придетъ такая пора, когда представители элементовъ, стремящихся теперь къ пересозданію жизни, будутъ являться непоколебимыми въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ, и это будетъ признакомъ скораго торжества новыхъ началъ и въ самой общественной жизни». Неудивительно, что Чернышевскій въ послѣднихъ словахъ жизни хотѣлъ видѣть ручательство истинности послѣднихъ словъ философской науки. Иногда это увлеченіе правотой историческаго момента было въ немъ такъ сильно, что, при всемъ своемъ уваженіи къ философской истинѣ, онъ ясно давалъ понять, что ея приложеніе къ тому или иному общественному вопросу ему дороже ея самой.

III.

Выборъ такого руководителя, какъ Фейербахъ, и признаніе его авторитета безъ оговорокъ—рѣшеніе не сразу понятное со стороны столь независимаго и ко всякимъ авторитетамъ враждебно относящагося человѣка, какимъ былъ Чернышевскій. Если бы ученіе Фейербаха было дѣйствительно всеобъемлющимъ ученіемъ, системой, покрывавшей всѣ вопросы жизни и духа; если бы это ученіе приводило непосредственно къ радикализму въ

вопросахъ морали личной и общественной; если бы оно имѣло политическую пристройку или надстройку, то многое въ увлеченіи Чернышевскаго было бы ясно. Но система Фейербаха (ее даже нельзя назвать системой, такъ она безсистемна) оставляла многіе для Чернышевскаго святые вопросы безъ отвѣта, и въ общественно-политическую жизнь не врѣзывалась.

Можно съ увѣренностью сказать, что вовсе не ходъ строгой логической мысли привелъ Чернышевскаго къ Фейербаху; не разгадки всѣхъ тайнъ міра искалъ онъ въ его ученіи — онъ полюбилъ Фейербаха не за глубину его ума только, даже не за широкій гуманизмъ въ этическихъ основоположеніяхъ его ученія, а за что-то иное, со строгой мыслью имѣющее мало сходнаго: за нѣчто даже мало убѣдительное, но необычайно красивое и привлекательное, противъ чего не могла тогда устоять *вся психика* Чернышевскаго, какъ и психика всѣхъ одинаково съ нимъ *настроенныхъ* людей.

Культъ Фейербаха былъ для Чернышевскаго и для его единомышленниковъ поэтическимъ культомъ, съ оттѣнкомъ религіозности, и потому этотъ культъ могъ исключать критическое отношеніе къ авторитету. Дѣйствительно, не было ни одного даже мірового авторитета, ни одного философа, историка, поэта, котораго Чернышевскій не задѣлъ бы слегка или сильно какимъ-либо критическимъ замѣчаніемъ, и только одинъ Фейербахъ не слыхалъ съ его стороны никогда никакихъ возраженій. А для того, чтобы возразить Фейербаху, у Чернышевскаго всегда хватило бы силы... будь онъ свободенъ духомъ и не въ такой степени увлеченъ.

Это увлеченіе началось съ того момента, какъ Фейербахъ помогъ Чернышевскому въ одну изъ самыхъ критическихъ минутъ. Чернышевскій вступалъ въ жизнь вѣрующимъ христіаниномъ, и религіозныя традиціи семьи продолжали жить довольно долгое время въ его сердцѣ. «Рано, съ первыми проблесками сознанія пробудилось въ Чернышевскомъ религіозное чувство и затаилось въ душѣ на всю жизнь. Религіозность была исходнымъ пунктомъ его восторженной вѣры въ мощь человѣческаго разума и любви къ человѣчеству; независимо отъ его позднѣйшаго отношенія къ внѣшней сторонѣ христіанскаго ученія, она теплилась въ немъ, какъ вдохновляющее настроеніе, какъ теплое чувство, подобное ровному, умиротворяющему свѣту лампады. Въ первый годъ студенчества, когда душа его не освободилась еще изъ-подъ власти семейныхъ традицій, эта религіозность искала внѣшнихъ формъ выраженія въ привычномъ посѣщеніи церковныхъ службъ, служеніи мо-

лебновъ, для чего излюбленнымъ храмомъ былъ Казанскій соборъ» (слова Е. Ляцкаго). Въ самомъ концѣ сороковыхъ годовъ эта вѣра начала колебаться—и какъ разъ на это время падаетъ первое знакомство Чернышевскаго съ Фейербахомъ (съ февраля 1849 г.). Борьба вѣры съ сомнѣніемъ была, кажется, очень упорная. Чернышевскій отступалъ отъ своихъ богословскихъ тезисовъ медленно: теоретически, какъ онъ самъ признается, онъ «скорѣе былъ склоненъ не вѣрить, но практически у него недоставало твердости и рѣшительности разстаться съ прежними своими мыслями о бытіи Божіемъ, о безсмертіи души и т. д.». Но, наконецъ, пришлось уступить передъ логикой оппонента. Умъ пошелъ на уступки, такъ какъ вообще этотъ умъ къ богословію имѣлъ мало склонности, но сердце побѣждено не было; религіозное чувство, живое въ Чернышевскомъ, осталось нетронутымъ и только перемѣнило объектъ своего обожанія.

Разрушитель установившихся религіозныхъ понятій не всегда бываетъ атеистомъ самъ и не всегда создаетъ невѣрующихъ. Отрицатель нерѣдко расчищаетъ путь новой вѣрѣ, не менѣе цѣпкой, чѣмъ та, отъ которой онъ отрекся. Книга Фейербаха «О сущности христіанства» могла служить большимъ утѣшеніемъ для всѣхъ атеистовъ и скептиковъ, которымъ становилось тяжко отъ ихъ безвѣрія. Если взять самое зерно основной ея мысли, то трудно найти ученое сочиненіе, въ которомъ образъ человѣческій былъ бы такъ вознесенъ, такъ прославленъ, такъ «обожествленъ», какъ въ этой книгѣ, излагавшей исторію творчества человѣка въ области религіозныхъ представленій. Строгій логикъ найдетъ въ книгѣ много на вѣру принятыхъ основныхъ положеній, которыя сами по себѣ неубѣдительны; историкъ религіи не согласится съ объясненіемъ, какое даетъ авторъ присущему въ людяхъ тяготѣнію къ богопониманію и богосозерцанію; но поэтъ, хотя бы лишь поэтъ въ душѣ, будетъ плѣненъ этимъ трактатомъ, этимъ ученѣйшимъ изслѣдованіемъ, которое въ сущности есть поэтическая импровизація, красивая греза, поэма, но только не въ честь Бога, а въ честь человѣка — единственнаго реальнаго существа, въ которомъ силы, заключенныя въ природѣ, и силы, предполагаемыя внѣ ея, обрѣтаютъ свой смыслъ и красоту. Книга Фейербаха была одной изъ каноническихъ книгъ возникшей въ началѣ XIX-го вѣка особой «религіи человѣчества». Сущность этой новой вѣры заключалась въ поэтическомъ, а иногда и мистическомъ прославленіи умственной и нравственной силы человѣка и его побѣдоноснаго шествія на землѣ отъ временъ варварства къ временамъ широчайшаго гума-

низма и свободы. Въ ряду апостоловъ этой новой религіи были поэты, философы, историки и почти всѣ тѣ мечтатели-утописты, которые выступали съ своими проектами соціальнаго обновленія. Среди нихъ Фейербахъ выдѣлялся наибольшей научностью и наименьшей фантастичностью въ проповѣди самодержавія человѣка и его автономнаго положенія въ доступномъ нашему пониманію міровомъ порядкѣ.

Для воспріятія этой новой вѣры Чернышевскій былъ достаточно подготовленъ своимъ знакомствомъ съ соціальными системами утопистовъ, съ которыми онъ ознакомился еще до того, какъ книга Фейербаха попала ему въ руки. Въ этихъ системахъ была уже сдѣлана попытка замѣны господствовавшихъ религіозныхъ понятій и образовъ—новыми, съ возведеніемъ человѣчества на опустѣвшій престолъ. Трезвый умъ Чернышевскаго врядъ ли могъ мириться съ фантастикой, которой было такъ много въ этихъ новыхъ ученіяхъ. Фейербахъ, конечно, былъ болѣе убѣдителенъ, когда цѣлымъ рядомъ научныхъ и философскихъ доводовъ доказывалъ, что ходячее ученіе извратило истинный порядокъ вещей, что всегда человѣкъ самъ для себя былъ богомъ—и что человѣкопочитаніе есть и разумная, и истинная религія.

Фейербахъ пришелъ, такимъ образомъ, Чернышевскому на помощь въ очень критическую минуту его жизни. Традиціонныя религіозныя вѣрованія въ душѣ Чернышевскаго угасали, оставляя за собой ощущеніе пустоты. Шелъ споръ между слабѣющей вѣрой и сомнѣніемъ — и нужна была совсѣмъ особая психическая организація, чтобы разъ на всегда успокоиться на сомнѣніи, остановиться на постановкѣ вопросовъ и не желать отвѣтовъ. Иногда кажется, что нѣтъ болѣе легкаго рѣшенія, какъ сказать: «не знаю» и пребывать въ невѣдѣніи; а между тѣмъ, чтобы остаться скептикомъ, нужна большая твердость духа, стойкая рѣшимость перенести духовное одиночество, нуженъ также большой опытъ мысли, неоднократно терпѣвшей крушеніе въ своихъ схваткахъ съ тайнами. Могла ли въ молодомъ поколѣніи шестидесятыхъ годовъ, да и у самого Чернышевскаго, найтись такая душевная сила, которая вынесла бы на себѣ тяжесть отрицанія и скепсиса?

Въ нашемъ образованномъ обществѣ къ тому времени всякіе скептики давно исчезли; вѣрнѣе сказать, что они и не рождались, такъ какъ со скептиками екатерининскихъ временъ врядъ ли можно считаться, какъ съ настоящей умственной силой. Мы всегда были вѣрующими и большими идеалистами, и таковыми и до сего дня

остались. Вѣровать во что-нибудь и вѣровать страстно—всегда было потребностью нашей души, какъ бы рѣшительно и поспѣшно мы иной разъ ни мѣняли самый предметъ нашей вѣры. Имѣла свою вѣру и та часть поколѣнія шестидесятыхъ годовъ, которую такъ часто упрекали въ безвѣріи. Условія, въ которыхъ это поколѣніе выростало—будь они самыя тяжелыя и полукультурныя въ провинціи или достаточно культурныя въ столицахъ—давали людямъ цѣлый сводъ готовыхъ вѣрованій, отъ религіозныхъ до обыденно житейскихъ. Въ какомъ бы радикальномъ направленіи ни двигалась мысль иныхъ, и какъ бы они ни были раздражены на эти традиціонныя вѣрованія, все-таки отъ потребности укрѣпить свою душу вѣрой никто не могъ отказаться: ни тотъ, кто наивно смотрѣлъ на жизнь, ни тотъ, кто прошелъ болѣе или менѣе правильную философскую или хотя бы литературную школу. Когда унаслѣдованныя отъ отцовъ религіозныя догмы поколебались въ умахъ и сердцахъ многихъ, нужно было пополнить эту убыль души, и пополнить скорѣе. Рѣзкость и безпощадность, съ какой люди начали относиться къ недавнимъ вѣрованіямъ, говорили не столько объ умственной сытости, сколько о душевномъ голодѣ; и ничто такъ не приковывало людей другъ къ другу какъ ихъ новая вѣра; и крѣпость союза радикальной группы во многомъ объясняется ея единовѣріемъ.

Основная религіозная мысль Фейербаха, воспринятая Чернышевскимъ и пущенная имъ въ оборотъ, стала для извѣстной части нашего общества аксіомой и своимъ поэтическимъ содержаніемъ сразу насытила сердца людей, потерявшихъ Бога, въ котораго они не такъ давно вѣрили, и тоскующихъ въ своемъ призрачномъ безвѣріи. Укрѣпленію этой новой вѣры не мало способствовало и то обстоятельство, что о культѣ человѣка и человѣчества говорить открыто и гласно было невозможно. Ученіе Фейербаха находилось подъ запретомъ и имѣло за собой всѣ преимущества «тайнаго» ученія. Оно подкупало одной этой тайной, и преслѣдованіе его со стороны оффиціальной религіи въ глазахъ многихъ было ручательствомъ за его истинность. Такъ какъ всѣ догмы этого новаго ученія были достаточно туманны и не могли быть разъяснены во всеуслышаніе, то за ними и оставалась та поэтичная привлекательность, которая всегда подготовляетъ сердца къ воспріятію новой святыни.

Итакъ, эта святыня была, наконецъ, найдена: она выражалась въ двухъ словахъ: «человѣкъ и человѣчество». Объектомъ почитанія долженъ стать просвѣтленный образъ человѣка, который какъ отдѣльная личность можетъ быть несовершенен, но какъ

представитель цѣлаго рода есть божество, единственное божество, съ которымъ мы можемъ вступить въ тѣсное и прямое общеніе. Всякое иное богопочитаніе только отвлечетъ насъ отъ истиннаго служенія «человѣчеству», жизнь котораго на землѣ есть великое священнодѣйствіе, великое шествіе хозяина земли отъ несовершеннаго состоянія къ состоянію совершенному. Всѣ тѣ эпитеты и аттрибуты, которыми мы обыкновенно украшаемъ понятіе о Богѣ—не что иное, какъ наша затаенная мысль о томъ, чтобы эти аттрибуты стали достояніемъ нашимъ, достояніемъ человѣчества. Пусть мы не достигнемъ такого совершенства, но пусть мысль о немъ не будетъ отдѣлена отъ земли и сопутствуетъ намъ въ нашей работѣ надъ улучшеніемъ земной жизни. Человѣкъ живетъ для человѣка и выше человѣка ничего въ мірѣ не знаетъ.

IV.

Такова была поэтическая греза, получившая очень быстро оттѣнокъ религіозности для тѣхъ, кого переставали удовлетворять прежнія формы религіознаго самосознанія. Но для «новыхъ» людей того времени то, что не было доказано, имѣло мало убѣдительности. Надо было эту новую вѣру какъ-нибудь привести въ связь съ наукой; ей нужно было опереться на философское міросозерцаніе болѣе или менѣе цѣльное, чтобы укрѣпиться не только въ мечтахъ, но и въ умѣ своихъ адептовъ.

Чернышевскій приступилъ къ выработкѣ такого міросозерцанія еще задолго до того, какъ сталъ вождемъ движенія, и въ руководители себѣ избралъ того же Фейербаха. Нельзя сказать, чтобы въ данномъ случаѣ выборъ былъ удаченъ. Ученіе Фейербаха философской системой ни въ какомъ смыслѣ названо быть не можетъ. Мыслитель оставлялъ въ сторонѣ многія области философскаго мышленія, да и самъ не имѣлъ вѣры въ возможность отысканія какой-нибудь абсолютной истины. Она представлялась ему въ вѣчномъ движеніи, и для него сегодняшній день упразднялъ всю философскую работу дня вчерашняго. Онъ былъ силенъ не какъ строитель, а какъ отрицатель. И вотъ на этомъ-то отрицаніи Чернышевскій и рѣшилъ построить цѣлый рядъ утвержденій. Будь Чернышевскій философъ по призванію, онъ, вѣроятно, не успокоился бы такъ скоро на «антропологіи» Фейербаха, которую онъ счелъ послѣднимъ и, главное, рѣшающимъ словомъ философской науки. Но Чернышевскій не гнался

за полнотой и стройностью философскихъ выкладокъ. Опять, какъ при рѣшеніи религіозной проблемы, его захватилъ и плѣнилъ красивый и сильный образъ, мелькнувшій ему на страницахъ новыхъ философскихъ трактатовъ и сочиненій по естественнымъ наукамъ, которыя все болѣе и болѣе съ этого времени начинали интересовать его.

Оригинальной схематичности и связности въ философскомъ міросозерцаніи Чернышевскаго не было; цѣлыя области философскаго знанія остались мало освѣщенными и не разработанными (какъ напр. теорія познаванія), но направленіе основной мысли опредѣлилось достаточно ясно. Чернышевскій признавалъ единый принципъ бытія, былъ несомнѣннымъ сторонникомъ философіи матеріализма, въ вопросахъ гносеологическихъ былъ сенсуалистомъ, въ вопросахъ этическихъ утилитаристомъ и понималъ самый процессъ бытія какъ эволюцію. Къ этимъ самымъ общимъ положеніямъ врядъ ли что можно прибавить, такъ какъ Чернышевскій лишь разъяснялъ ихъ при случаѣ, и то въ немногихъ словахъ, а въ разработку ихъ или даже въ защиту не пускался, и если хотѣлъ защитить ихъ, то нападалъ на враждебныя имъ мнѣнія: на дуализмъ въ пониманіи природы человѣка, на метафизическій идеализмъ въ установленіи основного принципа бытія, на абсолютное въ этическихъ нормахъ. Но и въ нападкахъ своихъ Чернышевскій былъ очень скупъ на слова и всегда чувствовалось, что спорить ему не хотѣлось или недосугъ. Онъ поступалъ такъ, какъ поступаютъ люди, обрадовавшіеся тому, что они наконецъ завладѣли истиной, и не желающіе тратить времени на пересмотръ того, что по ихъ мнѣнію, въ пересмотрѣ не нуждается. Вмѣсто философскаго разсужденія, Чернышевскій давалъ ссылки на Фейербаха, который въ своей «антропологіи» сочеталъ всѣ основные принципы и выводы матеріализма, также предпочитая аподиктическій способъ въ ихъ изложеніи.

Въ статьѣ «Антропологическій принципъ въ философіи» («Современникъ», 1860, апрѣль и май) Чернышевскій опубликовалъ итоги своихъ философскихъ симпатій и антипатій. Статья вызвала суровую полемику со стороны людей, которые въ Чернышевскомъ хотѣли видѣть записного философа и совсѣмъ не знали тѣхъ внутреннихъ мотивовъ—мотивовъ психологическихъ и по преимуществу общественныхъ,—которые заставили автора этой статьи такъ категорически высказаться въ пользу матеріализма, принятаго на вѣру и защищаемаго одними лишь утвержденіями, почти безъ прикрытія философской аргументаціи.

Очень характерны слова, которыми эта знаменитая статья кончалась. Они относились не къ метафизикѣ матеріализма, а къ этической части ученія, и въ нихъ очень ясно вскрывается затаенная мысль Чернышевскаго—та мысль или, вѣрнѣе, опять то чувство, которое бросило его въ объятія матеріализма.

«Что это за вещь антропологическій принципъ въ нравственныхъ наукахъ?—спрашиваетъ авторъ.—Принципъ этотъ состоитъ въ томъ, что на человѣка надобно смотрѣть какъ на одно существо, имѣющее только одну натуру; чтобы не разрѣзывать человѣческую жизнь на разныя половины, принадлежащія разнымъ натурамъ, чтобы разсматривать каждую сторону дѣятельности человѣка какъ дѣятельность или всего его организма, отъ головы до ногъ включительно, или, если она оказывается спеціальнымъ отправленіемъ какого-нибудь особеннаго органа въ человѣческомъ организмѣ, то разсматривать этотъ органъ въ его натуральной связи со всѣмъ организмомъ. Антропологія, это такая наука, которая о какой бы части жизненнаго человѣческаго процесса ни говорила, всегда помнитъ, что весь этотъ процессъ и каждая часть его происходитъ въ человѣческомъ организмѣ, что этотъ организмъ служитъ матеріаломъ, производящимъ разсматриваемые ею феномены, что качества феноменовъ обусловливаются свойствами матеріала, а законы, по которымъ возникаютъ феномены, есть только особенные частные случаи дѣйствія законовъ природы».

Статья посвящена изложенію, а не доказательству единаго тезиса о тѣснѣйшей связи души и тѣла, психическихъ и механическихъ процессовъ, причинности и цѣлесообразности, природы и человѣка. Рѣшить вопросъ, какъ далеко нашъ авторъ шелъ въ подчиненіи духа матеріи—трудно, такъ какъ высказаться открыто объ этомъ вопросѣ онъ считалъ неудобнымъ. Но пусть онъ былъ матеріалистомъ даже крайнимъ—легко увидать, что въ этой оборонѣ матеріализма самымъ дорогимъ былъ для него вовсе не отвлеченный принципъ матеріи, а живой человѣкъ. Опять, но только иными словами, былъ прославляемъ человѣкъ, на этотъ разъ предметъ не религіознаго почитанія, а философскаго размышленія. Если, развивая и популяризируя религіозную мысль Фейербаха, Чернышевскій желалъ, чтобы его читатель перенесъ на человѣка то чувство благоговѣнія, съ какимъ онъ привыкъ относиться къ Богу, то въ этой философской части своей доктрины нашъ публицистъ стремился доказать, что въ человѣкѣ намъ дано оправданіе матеріальнаго начала въ мірѣ. Это начало не только равноправно съ началомъ духов

нымъ, но обусловливаетъ его и является единственной твердой опорой въ нашихъ сужденіяхъ, какъ о сущности того явленія, которое называется человѣкомъ, такъ и объ его назначеніи въ мірѣ. Можетъ показаться страннымъ такое предпочтеніе недѣлимому атому передъ невѣсомымъ духомъ, какъ будто жизнь человѣческая въ своемъ движеніи зависитъ отъ того, какъ въ ея глубинахъ эти два будто бы спорящихъ начала разграничиваютъ сферу своего вліянія. Но Чернышевскій былъ убѣжденъ—и въ этомъ онъ былъ правъ—что если для жизни и безразлично, какъ эти начала на самомъ дѣлѣ другъ съ другомъ уживаются, то совсѣмъ не безразлично, что люди думаютъ о разграниченіи ихъ властей, такъ какъ такая мысль можетъ имѣть прямое вліяніе на рѣшеніе вопросовъ практическихъ. Въ статьѣ объ «антропологическомъ принципѣ» Чернышевскій очень ясно далъ понять, что центръ тяжести его размышленій лежитъ именно въ сферѣ этики, а не въ области спора объ основныхъ началахъ бытія. И дѣйствительно, чтобы найти исходную точку разсужденій Чернышевскаго и его сторонниковъ о матеріализмѣ, нужно разсматривать эти разсужденія, не какъ выкладки холодной философской мысли, а какъ попытку заставить людей повысить оцѣнку всего того, что зовется не на философскомъ, а на простомъ языкѣ «матеріальной» стороной жизни.

Нашъ писатель въ данномъ случаѣ начиналъ въ Россіи ту работу, которая задолго до него была начата въ Европѣ художниками, публицистами, критиками и философами, проповѣдывавшими такъ называемую «реабилитацію плоти», возстановленіе тѣла въ своихъ правахъ, jus corporis, какъ шутилъ Фейербахъ. Въ Европѣ это ученіе, приблизительно съ тридцатыхъ годовъ XIX вѣка, изъ сферы чистаго разсужденія и поэтическаго вымысла стало быстро проникать въ обиходъ самой жизни; и у насъ въ Россіи, въ шестидесятыхъ годахъ, оно имѣло широкое распространеніе. Проповѣдь матеріализма какъ философскаго ученія подготовляла ему почву. Конечно, первый проповѣдникъ матеріализма въ Россіи не могъ усчитать всѣхъ выводовъ, какіе жизнь сдѣлаетъ изъ его ученія; но въ выборѣ самаго ученія и въ такомъ быстромъ увлеченіи имъ и онъ исходилъ изъ потребности дать «плоти» бо̀льшій просторъ, чѣмъ тотъ, какимъ она пользовалась при господствѣ не столько стараго философскаго образа мысли, сколько вообще стараго порядка жизни. Слово «плоть» надо, однако, понимать въ самомъ широкомъ смыслѣ, чтобы не уподобиться тѣмъ легковѣснымъ оппонентамъ Чернышевскаго, которые утверждали, что отъ него на Руси беретъ свое начало тѣлесная раз-

нузданность. То, что Чернышевскій разумѣлъ подъ «антропологіей», подъ культомъ «матеріи», подъ возстановленіемъ въ своихъ правахъ «плоти», было простое требованіе—повысить въ человѣкѣ энергію чувствъ и воли и сравнять ихъ въ силѣ съ мыслью и мечтой. Анализируя психику русскаго человѣка въ недавнемъ прошломъ, нашъ публицистъ совершенно вѣрно отмѣтилъ господствующую особенность въ характерѣ всѣхъ людей, пригодныхъ для общественной работы: рефлектирующая мысль и отрывающаяся отъ жизни мечта мѣшали этимъ людямъ вліять на ходъ жизни такъ, какъ они могли бы вліять въ силу присущихъ имъ дарованій. Эти люди стараго закала слишкомъ высоко цѣнили «духовное» и «общее» и на «матеріальное» обращали мало вниманія—потому что развивали въ себѣ лишь способность мышленія и мечтанія, смиряя всѣ остальныя притязанія здороваго, сильнаго физически, энергичнаго и желающаго «наслаждаться жизнью» человѣка. Человѣкъ, разъ онъ живетъ, имѣетъ право на «наслажденіе»—не въ грубомъ смыслѣ слова, а въ возвышенномъ, но понимаемомъ иначе, чѣмъ это слово понималось раньше, когда подъ нимъ разумѣлись только блага «духовныя». Существуютъ и матеріально возвышенныя блага, которыми надо дорожить, такъ какъ безъ нихъ нѣтъ жизни, а есть только мысль о жизни или мечта о ней. Чтобы заставить людей полюбить жизнь по новому—стóитъ только убѣдить ихъ въ томъ, что духъ и матерія, тѣлесное и духовное, механика и психика неразрывно связаны и составляютъ нѣчто единое, что раздѣлено быть не можетъ. Чернышевскій шелъ дальше и готовъ былъ сказать, что это единое по качеству своему—матеріально; но онъ на этомъ не особенно настаивалъ. Если онъ вдругъ такъ полюбилъ «матерію» и такъ увѣровалъ въ нее, то потому, что раньше слишкомъ любили «духъ» и къ нему одному слишкомъ довѣрчиво относились. На самомъ же дѣлѣ нашъ матеріалистъ любилъ лишь человѣка, и всѣ изгибы его философской мысли были лишь отдѣльными штрихами, изъ которыхъ слагался новый красивый образъ дѣятеля,—какимъ онъ былъ желателенъ для предстоящей трудной работы въ царствѣ матеріи. Разсужденіе мало-по-малу сводилось къ созерцанію, мысль переходила въ настроеніе, вмѣсто отвлеченной формулы получался поэтическій обликъ. На работу призывался новый человѣкъ, возлюбившій землю и ея радости, человѣкъ сильный не однимъ лишь духомъ, не одной лишь мыслью и мечтой, но здоровый тѣломъ, съ крѣпкими нервами и мышцами, съ энергіей воли, которую не размягчитъ мечта, и съ требовательными чув-

ствами, которыя не отступятъ отъ намѣченной цѣли и не подпадутъ соблазну успокаивающей ихъ мысли. Въ этомъ новомъ человѣкѣ «плоть», т. е. сама природа, такъ мало нами изученная и такъ пренебрегаемая, отстаиваетъ свои права, и мы должны слушаться ея голоса. Весь вопросъ только въ томъ, съумѣемъ ли мы, слѣдуя ея указаніямъ, увеличить па землѣ количество доступнаго намъ счастія и блага.

А съ этимъ вопросомъ мы вступаемъ въ область этики.

V.

При обсужденіи вопросовъ морали Чернышевскій могъ пользоваться бо̀льшей свободой, чѣмъ въ своихъ разсужденіяхъ о религіи и объ основныхъ началахъ, и эта сторона его ученія разработана имъ болѣе тщательно. Та моральная доктрина, которую онъ предлагалъ какъ послѣднее слово науки, давно перестала быть новинкой и можетъ также стать предметомъ длиннаго спора, если бы было нужно вести такой споръ. Проповѣдь «разумнаго эгоизма», какъ окрестилъ Чернышевскій свое ученіе, была простымъ повтореніемъ основоположеній утилитаризма. Бентама и Милля Чернышевскій зналъ хорошо, и, удовлетворенный ихъ аргументаціей, онъ, кажется, въ данномъ случаѣ не сталъ провѣрять ихъ словъ ссылками на любимаго имъ Фейербаха; по крайней мѣрѣ ясныхъ слѣдовъ этики Фейербаха въ самой характерной ея части—въ ученіи о долгѣ, совѣсти, свободѣ и отвѣтственности — въ сочиненіяхъ Чернышевскаго не замѣтно, если не считать оправданія эвдаймонизма—въ чемъ Фейербахъ сходился со всѣми утилитаристами. Но крайнимъ эвдаймонистомъ Чернышевскій не былъ: «эгоизмъ», который онъ проповѣдывалъ, былъ смягченъ признаніемъ альтруистическаго чувства въ людяхъ, а какъ это чувство съ принципомъ пользы ладило—объ этомъ нашъ моралистъ не распространялся.

«Много разъ говорили—пишетъ онъ,—что нравственныя науки еще не разработаны съ такой полнотою какъ естественныя; но и при нынѣшнемъ, вовсе неблистательномъ ихъ состояніи уже разрѣшенъ вопросъ о подведеніи всѣхъ часто разнорѣчащихъ между собою человѣческихъ поступковъ и чувствъ подъ одинъ принципъ, какъ разрѣшены вообще почти всѣ тѣ нравственные и метафизическіе вопросы, въ которыхъ путались люди до начала разработки нравственныхъ наукъ и метафизики по строгому научному методу. Въ побужденіяхъ человѣка, какъ

и во всѣхъ сторонахъ его жизни, нѣтъ двухъ различныхъ натуръ... Во всѣхъ поступкахъ и чувствахъ, представляющихся безкорыстными, лежитъ въ основѣ мысль о собственной личной пользѣ, личномъ удовольствіи, личномъ благѣ, лежитъ чувство, называемое эгоизмомъ... При внимательномъ изслѣдованіи побужденій, руководящихъ людьми, оказывается, что всѣ дѣла, хорошія и дурныя, благородныя и низкія, геройскія и малодушныя, происходятъ во всѣхъ людяхъ изъ одного источника: человѣкъ поступаетъ такъ, какъ пріятнѣе ему поступать, руководится разсчетомъ, велящимъ отказываться отъ меньшей выгоды или меньшаго удовольствія для полученія большей выгоды, большаго удовольствія. Конечно, этой одинаковостью причины, изъ которой происходятъ дурныя и хорошія дѣла, вовсе не уменьшается разница между ними... и понятіе добра вовсе не расшатывается, а напротивъ укрѣпляется, опредѣляется самымъ рѣзкимъ и точнымъ образомъ, когда мы открываемъ его истинную натуру, когда мы находимъ, что добро есть польза. Только при этомъ понятіи о немъ мы въ состояніи разрѣшить всѣ затрудненія, возникающія изъ разнорѣчія разныхъ эпохъ и цивилизацій, разныхъ сословій и народовъ о томъ, что добро, что зло... Наука говоритъ о народѣ, а не объ отдѣльныхъ индивидуумахъ. Только то, что составляетъ натуру человѣка, признается въ наукѣ за истину; только то, что полезно для человѣка вообще, признается за истинное добро; всякое уклоненіе понятій извѣстнаго народа или сословія отъ этой нормы составляетъ ошибку, галлюцинацію, которая можетъ надѣлать много вреда другимъ людямъ, но больше всѣхъ надѣлаетъ вреда тому народу, тому сословію, которое подверглось ей, занявъ по своей или чужой винѣ такое положеніе среди другихъ народовъ, среди другихъ сословій, что стало казаться выгоднымъ ему то, что вредно для человѣка вообще». «Самая гибельная галлюцинація—это противополагать свою выгоду общечеловѣческому интересу».

Если заранѣе предположить, что выгода отдѣльнаго человѣка совпадаетъ съ выгодой того сословія, частью котораго онъ является, а выгода этого сословія поглощается выгодой цѣлаго народа, которая въ свою очередь растворяется въ выгодѣ всего человѣчества, то противъ такого утилитаризма врядъ ли что возразить можно, кромѣ указанія на то, что такого порядка никогда еще на землѣ не было, но, что онъ весьма желателенъ. И Чернышевскій въ построеніи своей морали исходилъ изъ предвкушенія желаемаго, а не изъ научнаго анализа существующаго. Оглядываясь на прошлое, онъ видѣлъ, что не смотря на

проповѣдь морали, основанной на религіозномъ сознаніи, или морали, покоющейся на категорическомъ императивѣ, или болѣе обычной морали, построенной на простомъ, обиходномъ чувствѣ нравственнаго долга, любви и сострадания—жизнь человѣческая полна страшныхъ нравственныхъ аномалій. Отчего не попытаться начать борьбу съ этими аномаліями, укрѣпивъ въ человѣкѣ сознаніе его нравственнаго права на счастіе и наслажденіе? Не потому ли такъ часто торжествуетъ зло, что добро слишкомъ уступчиво? Пусть каждый человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, приметъ за правило добиваться своей выгоды—столкновеніе такихъ законныхъ эгоизмовъ установитъ въ концѣ концовъ желанное равновѣсіе всеобщихъ интересовъ. Люди пойдутъ на уступки; они поймутъ, что нельзя въ своемъ поведеніи исходить изъ индивидуальнаго бытія, и они подчинятъ этотъ свой индивидуализмъ требованію коллективнаго блага и счастія. Пусть такое благо потребуетъ отъ нихъ жертвъ: эти жертвы покроются одной огромной выгодой—каждый человѣкъ отстоитъ свое право на счастіе въ томъ размѣрѣ, въ какомъ это будетъ возможно безъ ущерба для счастія общаго, тогда какъ теперь, при господствѣ старой морали, лишь нѣкоторые успѣваютъ овладѣть и наслажденіями, и благами, не считаясь съ тѣмъ, какое количество этого наслажденія приходится на долю всѣхъ остальныхъ.

И опять красивое видѣніе возникало передъ нашимъ моралистомъ. Онъ видѣлъ передъ собой желаннаго ему человѣка, вступающаго въ жизнь съ принципами новой морали, т. е. собственно морали старой, морали любви, состраданія, равенства, свободы и братства, но построенной теперь на началахъ болѣе простыхъ, болѣе прочныхъ и научныхъ. Это былъ гордый человѣкъ, съ твердо выраженной рѣшимостью отстоять свои личныя права на счастіе и наслажденіе; человѣкъ во всемъ соблюдающій свою выгоду, признающій лишь тѣ обязательства, которыя онъ самъ добровольно на себя принялъ; человѣкъ, возмущенный этикой, допускавшей невѣроятныя соціальныя несправедливости, и увѣренный, что всѣ эти несправедливости исчезнутъ, какъ только разумный эгоизмъ человѣка будетъ возстановленъ въ своихъ правахъ. Близорукимъ людямъ такой моралистъ могъ на первыхъ порахъ показаться подозрительнымъ, съ его неизмѣнной ссылкой на свою личную выгоду. Но, во-первыхъ, онъ былъ развитой человѣкъ и понималъ, что личная выгода человѣка всегда совпадаетъ съ выгодой человѣчества и что разумный личный эгоизмъ есть единственный способъ привести въ равновѣсіе всѣ сталкивающіеся съ нимъ эгоизмы; во-вторыхъ, этотъ моралистъ,

если бы даже онъ и слишкомъ настаивалъ на своей личной выгодѣ,—былъ правъ, такъ какъ являлся выразителемъ огромнаго числа лицъ, обездоленныхъ прежней этикой...

Надѣляя этого «разумнаго» эгоиста своимъ умомъ и, главное, своимъ сердцемъ, Чернышевскій былъ увѣренъ, что онъ принесетъ съ собой въ міръ гораздо больше любви и справедливости, чѣмъ всѣ альтруисты стараго типа. И Чернышевскій любовался этой импозантной фигурой здороваго человѣка съ рѣзкими очертаніями ума и характера, врага всякаго смиренія и всякой святости и сурово требующаго отъ людей, чтобы во имя справедливости они не забывали самихъ себя—людей убѣжденныхъ, добрыхъ и сильныхъ. Красивый былъ это обликъ,.. да и вообще какъ много красоты въ человѣкѣ, въ которомъ свободно и естественно развиваются всѣ вложенные въ него самой природой здоровые инстинкты, склонности и потребности.

VI.

Свою ученую дѣятельность Чернышевскій началъ съ прославленія именно этой красоты, когда, мечтая о профессорской каѳедрѣ, написалъ диссертацію объ «Эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности». Эта философская часть новаго символа вѣры появлялась весьма своевременно (1855). Переубѣждая людей и вербуя сторонниковъ новой вѣры, нужно было начать свою рѣчь съ обсужденія вопроса наиболѣе ходкаго, наиболѣе интереснаго для большинства, вопроса центральнаго въ старомъ міропониманіи. А именно такимъ было ученіе о прекрасномъ въ природѣ и искусствѣ. Все старшее поколѣніе было воспитано на эстетическихъ теоріяхъ, и, въ виду ограниченія другихъ жизненныхъ интересовъ, мысль объ искусствѣ сливалась въ его представленіи съ понятіемъ о самой жизни. Произвести переворотъ въ эстетическихъ взглядахъ, создать такое ученіе, которое доказало бы, что прекрасное въ жизни есть сама жизнь и живой въ ней человѣкъ, что самое совершенное искусство есть лишь блѣдный отблескъ дѣйствительности; сказать, что ту любовь, которую мы отдаемъ искусству, надо перенести на самую жизнь и на человѣка; что этому человѣку надо поклониться какъ наисовершеннѣйшему созданію красоты—вотъ къ чему стремился Чернышевскій, уже ученикъ Фейербаха, уже сторонникъ матеріализма и проповѣдникъ здороваго эгоизма, когда онъ вдругъ заговорилъ о предметѣ, отъ текущей жизни повидимому столь

далекомъ. Но онъ зналъ, что онъ дѣлалъ, такъ какъ эта новая эстетика должна была служить лишь введеніемъ къ тому, что надлежало сказать дальше.

Чернышевскій былъ хорошо знакомъ съ эстетическими ученіями, которыя онъ рѣшилъ отвергнуть, и упрекнуть его въ незнаніи предмета нельзя. Его и упрекали не въ незнаніи, а въ непониманіи того, о чемъ онъ говорилъ. Его диссертація вызвала въ свое время и до нашихъ дней вызывала самые ожесточенные нападки спеціалистовъ—и они были правы: философская немощность доводовъ Чернышевскаго очовидна. Ему она, конечно, не была видна лишь потому, что за этими доводами крылась затаенная мысль, которая была для Чернышевскаго не мыслью только, а догматомъ вѣры. «Несогласіе въ эстетическихъ убѣжденіяхъ,—сказалъ при случаѣ Чернышевскій—только слѣдствіе несогласія въ философскихъ основаніяхъ всего образа мыслей. Эстетическіе вопросы бываютъ полемъ битвы, а предметомъ борьбы—вліяніе вообще на умственную жизнь». Это вліяніе имѣлъ въ виду и самъ Чернышевскій, ко да выступалъ обвинителемъ старой эстетики. Тайную мысль ученаго трактата разгадалъ молодой читатель сразу; самой эстетикой онъ мало заинтересовался, но не могъ не признать «что диссертація Чернышевскаго была цѣлая проповѣдь гуманизма, цѣлое откровеніе любви къ человѣчеству, на которое призывалось искусство».

Припомнимъ нѣсколько основныхъ положеній изъ этой книги, и мы увидимъ, что они нуждаются не въ опроверженіи, а въ простомъ психологическомъ истолкованіи. «Уваженіе къ дѣйствительной жизни, — писалъ Чернышевскій, — недовѣрчивость къ апріоричнымъ, хотя бы и пріятнымъ для фантазіи, гипотезамъ—вотъ характеръ направленія, господствующаго нынѣ въ наукѣ. Необходимо привести къ этому знаменателю и наши эстетическія убѣжденія, если еще стóитъ говорить объ эстетикѣ... Господствующее понятіе о прекрасномъ не выдерживаетъ критики, будучи взято и внѣ связи съ упавшими нынѣ метафизическими системами... Ощущеніе: производимое въ человѣкѣ прекраснымъ—свѣтлая радость, похожая на ту, какою наполняетъ насъ присутствіе милаго для насъ существа. Самое общее изъ того, что мило человѣку, и самое милое ему на свѣтѣ—*жизнь*; ближайшимъ образомъ такая жизнь, какую хотѣлось бы ему вести, какую любитъ онъ; потомъ и всякая жизнь, потому что все-таки лучше жить, чѣмъ не жить. Опредѣленіе: «прекрасное есть жизнь» удовлетворительно объясняетъ всѣ случаи, возбуждающіе въ насъ чувство прекраснаго. Искусство въ данномъ случаѣ спо-

рить съ жизнью не можетъ: жизнь остается, а искусство вянетъ и погибаетъ, оно лишено вѣчной способности воспроизведенія, такъ какъ измѣненіе понятій иногда совлекаетъ всю красоту съ произведенія поэзіи, иногда превращаетъ его даже въ нѣчто непріятное или отвратительное. Ни въ живописи, ни въ музыкѣ, ни въ архитектурѣ не найдется почти ни одного произведенія, созданнаго за 100 или 150 лѣтъ, которое не казалось бы нынѣ или вялымъ, или смѣшнымъ, несмотря на всю силу генія, отпечатлѣнную на немъ. Математически можно доказать, что произведеніе скульптуры не можетъ сравняться съ живымъ человѣческимъ лицомъ по красотѣ очертаній; въ Петербургѣ нѣтъ ни одной статуи, которая не была бы гораздо ниже безчисленнаго множества живыхъ людей, и надобно только пройти по какой-нибудь многолюдной улицѣ, чтобы встрѣтить нѣсколько такихъ лицъ... «Топорная работа» — вотъ настоящее имя всѣхъ пластическихъ искусствъ, какъ скоро сравнимъ ихъ съ природою. Образъ въ поэтическомъ произведеніи—это блѣдный и общій, неопредѣленный намекъ на дѣйствительность. Вообще искусство ничего создать не можетъ, оно списываетъ съ дѣйствительности; поэтъ въ отношеніи къ своимъ лицамъ почти всегда только историкъ или авторъ мемуаровъ... Произведенія искусства льстятъ мелочнымъ нашимъ требованіямъ, происходящимъ отъ любви къ искусственности. Искусственно развитой человѣкъ имѣетъ много искусственныхъ, исказившихся до лживости, до фантастичности требованій, которымъ нельзя вполнѣ удовлетворить, потому что они въ сущности не требованія природы, а мечты испорченнаго воображенія. Явленія дѣйствительности — золотой слитокъ безъ клейма: очень многіе откажутся уже по этому одному взять его, не умѣя отличить отъ куска мѣди; произведеніе искусства—банковый билетъ, въ которомъ очень мало внутренней цѣнности, но за условную цѣнность котораго ручается все общество... Единственная цѣль и значеніе большей части произведеній искусства—дать возможность хотя въ нѣкоторой степени познакомиться съ прекраснымъ въ дѣйствительности тѣмъ людямъ, которые не имѣли возможности наслаждаться имъ на самомъ дѣлѣ; искусство не поправляетъ дѣйствительности, не украшаетъ ее, а воспроизводитъ, служитъ ей суррогатомъ,.. оно имѣетъ только значеніе живого и яснаго указанія на дѣйствительность, а не самостоятельное значеніе, которое могло бы соперничествовать съ полнотою дѣйствительной жизни; въ событіяхъ дѣйствительной жизни все вѣрно, нѣтъ недосмотровъ, нѣтъ односторонней узкости взгляда, которою страждетъ всякое человѣческое произведеніе;

жизнь художественнѣе всѣхъ твореній поэтовъ; и пусть искусство довольствуется своимъ высокимъ, прекраснымъ назначеніемъ: въ случаѣ отсутствія дѣйствительности быть нѣкоторой замѣною ея и быть для человѣка учебникомъ жизни. Дѣйствительность выше мечты, и существенное значеніе выше фантастическихъ притязаній».

«Говорятъ—красота есть совершенство, но человѣкъ ищетъ только *хорошаго*, а не совершеннаго. Совершенства требуетъ только чистая математика. Искать совершенства въ какой бы то ни было сферѣ жизни—дѣло отвлеченной, болѣзненной или праздной фантазіи. Говорятъ—прекрасное есть абсолютное, но дѣятельность человѣка не стремится къ абсолютному и ничего не знаетъ о немъ, имѣя въ виду чисто человѣческія цѣли. Въ этомъ совершенно сходны съ другими чувствами и дѣятельностями человѣка чувство и дѣятельность эстетическія».

Въ предисловіи къ предполагавшемуся третьему изданію «Эстетическихъ отношеній къ дѣйствительности» Чернышевскій, уже старикъ, подѣлился съ читателемъ воспоминаніемъ о томъ, при какихъ условіяхъ была написана его книга: «Авторъ получилъ возможность—говоритъ онъ—пользоваться хорошими библіотеками и употреблять нѣсколько денегъ на покупку книгъ въ 1846 году. До того времени онъ читалъ только такія книги, какія можно доставать въ провинціальныхъ городахъ, гдѣ нѣтъ порядочныхъ библіотекъ. Онъ былъ знакомъ съ русскими изложеніями системы Гегеля, очень неполными. Когда явилась у него возможность ознакомиться съ Гегелемъ въ подлинникѣ, онъ сталъ читать эти трактаты. Въ подлинникѣ Гегель понравился ему гораздо меньше, нежели ожидалъ онъ по русскимъ изложеніямъ. Причина состояла въ томъ, что русскіе послѣдователи Гегеля излагали его систему въ духѣ лѣвой стороны гегелевской школы (!). Въ подлинникѣ Гегель оказался болѣе похожъ на философовъ XVII вѣка и даже на схоластиковъ, чѣмъ на того Гегеля, какимъ явился онъ въ русскихъ изложеніяхъ его системы. Чтеніе было утомительно по своей явной безполезности для сформированія научнаго образа мыслей. Въ это время случайнымъ образомъ попалось желавшему сформировать себѣ такой образъ мыслей юношѣ одно изъ главныхъ сочиненій Фейербаха. Онъ сталъ послѣдователемъ этого мыслителя, и до того времени, когда житейскія надобности отвлекли его отъ ученыхъ занятій, онъ усердно перечитывалъ и перечитывалъ сочиненія Фейербаха... Въ книгѣ объ эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности авторъ высказывалъ, насколько могъ, что

придаетъ важность только тѣмъ мыслямъ, которыя взялъ изъ трактатовъ своего учителя; тѣ выводы, какіе онъ дѣлалъ изъ мыслей Фейербаха для разрѣшенія спеціальныхъ эстетическихъ вопросовъ, казались ему въ то время правильными; но онъ и тогда *не считалъ ихъ особенно важными.* Онъ былъ доволенъ своимъ небольшимъ трудомъ только въ томъ отношеніи, что *ему удалось передать на русскомъ языкѣ нѣкоторыя изъ идей Фейербаха* въ тѣхъ формахъ, какія представляла тогда для подобныхъ работъ необходимость сообразоваться съ условіями русской дѣйствительности. Автору принадлежатъ только тѣ частныя мысли, которыя относятся къ спеціальнымъ вопросамъ эстетики. Всѣ мысли болѣе широкаго объема въ его книгѣ принадлежатъ Фейербаху».

Итакъ, новая эстетика была создана въ восхваленіе того новаго божества, которому Фейербахъ пролагалъ дорогу въ горнихъ областяхъ человѣческаго духа. Тезисъ: природа и дѣйствительность выше и совершеннѣе искусства—что означалъ онъ, какъ не признаніе человѣка самымъ художественнымъ созданіемъ природы, настоящей нетлѣнной красотой міра, единственнымъ предметомъ, достойнымъ эстетическаго поклоненія? Безъ человѣка нѣтъ ни природы, ни жизни, ни дѣйствительности. Пусть человѣкъ несовершененъ—совершенство не нужно людямъ. Пусть онъ будетъ такимъ, какимъ его создала природа—онъ всегда красивѣе всякой мечты, сколь бы она ни была возвышенна. Мы привыкли слишкомъ болѣзненно любить это «возвышенное» въ человѣкѣ, мы такъ упиваемся нашей мечтой, что не замѣчаемъ, какъ призраки искусства задвигаютъ собой міръ дѣйствительный, и въ нашемъ самообманѣ мы не хотимъ видѣть, что обнимаемъ тѣнь вмѣсто живого человѣка. Возлюбимъ же этого живого человѣка, какъ онъ вышелъ изъ рукъ природы и, если поклоненіе красотѣ есть вѣрный путь къ этой любви, если уже мы не можемъ отступиться отъ мысли, что красота и добро — нѣчто единое, то научимся же по крайней мѣрѣ искать красоту тамъ, гдѣ она не есть обманъ, искать ее вокругъ насъ, среди людей, обступившихъ насъ и требующихъ нашей любви. Не забудемъ, что еще не такъ давно жили и еще теперь живутъ вокругъ насъ люди, которыхъ мы можемъ упрекнуть въ недостаткѣ такой любви, несмотря на то, что они были великіе, глубокомысленные эстеты, поклонники красоты, и были убѣждены, что только они одни и знаютъ ей цѣну въ жизни.

VII.

Въ такихъ красивыхъ и смѣлыхъ очертаніяхъ предстала новая вѣра передъ нарождавшимся новымъ читателемъ. Это была несомнѣнно «вѣра», такъ какъ она была добыта не путемъ упорнаго и долгаго труда философской мысли, а путемъ осѣнившаго человѣка вдохновенія и мечты, очень рѣшительно перескакивавшей черезъ всякія теоретическія трудности. Такой была она и для подроставшихъ молодыхъ людей, которые, конечно, еще менѣе, чѣмъ ихъ учитель, имѣли желанія пересматривать то, что они разъ на всегда признали истиной. Всѣмъ, кто рѣшилъ порвать съ прошлымъ, и, порывая съ нимъ, не хотѣлъ остаться при одномъ отрицаніи, дана была теперь возможность опереться если не на философскую систему, то на цѣлый рядъ совершенно новыхъ понятій о жизни и человѣкѣ, понятій какъ будто бы философски обоснованныхъ, а на дѣлѣ принятыхъ на вѣру, разукрашенныхъ мечтой и поддержанныхъ темпераментомъ публициста и общественнаго дѣятеля.

Прежнія формы религіознаго сознанія замѣнялись обожествленіемъ человѣка; человѣкъ и его земная судьба были признаны единственнымъ объектомъ, достойнымъ религіознаго отношенія. Нѣтъ для человѣка иной святыни, какъ его собственная жизнь на землѣ... «Матеріальное» въ человѣкѣ должно быть уравнено въ своихъ правахъ съ «духовнымъ» и требованія плоти признаны столь же законными, какъ требованія «духа». Мысль и мечта не должны принижать воли и чувствъ, вытекающихъ изъ нормальныхъ и естественныхъ инстинктовъ живого организма... Человѣкъ имѣетъ право быть эгоистомъ, такъ какъ нѣтъ иного способа отстоять свою личность, и, если эта личность сознаетъ себя разумной, правой, справедливой и доброй, она должна навязать себя жизни и можетъ быть увѣрена, что ея эгоизмъ не принесетъ вреда; «разумный» эгоизмъ—по самой своей природѣ—всегда признаетъ преимущество общаго надъ частнымъ, коллективнаго блага надъ индивидуальнымъ... Разумный эгоистъ силенъ, независимъ, смѣлъ, онъ проводникъ самаго цѣннаго начала въ жизни—силы, сознающей свою правоту и увѣренной въ своемъ благомъ начинаніи. И въ довершеніе всего онъ красивъ — этотъ исповѣдникъ новой религіи, новаго философскаго міропониманія и новой морали... Онъ вмѣстѣ съ природой единственная эстетическая цѣнность въ мірѣ;

и созданіе его творческой мечты—прославляемое нами искусство, во всѣхъ его видахъ,—что оно въ сравненіи съ нимъ, движущимся и неустанно обнаруживающимся откровеніемъ живой силы, реальной, ощутимой силы, ведущей человѣчество по пути прогресса?

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ этотъ красивый культъ человѣка плѣнялъ и умъ, и воображеніе. Онъ сталъ историческимъ воспоминаніемъ; религія для насъ теперь нѣчто большее, чѣмъ простое обожествленіе человѣка, и если ужъ нужно прославлять человѣка, то развѣ за его вѣчное стремленіе искать въ мірѣ силу, надъ нимъ стоящую, и за его желаніе разгадать ея тайну. Объ основныхъ началахъ жизни мы продолжаемъ спорить: всѣ философскія системы мы подточили нашимъ критическимъ анализомъ,—цѣльныхъ и всеобъемлющихъ пока не создали, но и къ метафизикѣ матеріализма совсѣмъ охладѣли; до истинныхъ источниковъ морали мы не дорылись, и въ вопросахъ этики пребываемъ какими-то нерѣшительными дуалистами; во всякомъ случаѣ «разумный эгоизмъ» насъ не убѣждаетъ; въ поклоненіи красотѣ мы остались при старой вѣрѣ въ автономную область прекраснаго въ искусствѣ и въ жизни, и врядъ ли кому придетъ въ голову задавать себѣ вопросъ, что художественнѣе: сама ли жизнь или отраженіе ея въ искусствѣ. Мы можемъ съ полной надеждой на успѣхъ оспаривать теперь истинность всѣхъ теоретическихъ построеній Чернышевскаго.

Но кромѣ теоріи въ этихъ разсужденіяхъ была и психологія. И она остается навсегда оправданной. Могли же люди, при ясныхъ намекахъ на обновленіе всей личной и гражданской жизни, увѣровать въ спасительную силу новыхъ принциповъ, еще совсѣмъ непровѣренныхъ жизнью, но обѣщавшихъ многое, уже по тому одному, что они были діаметрально противоположны принципамъ общепризнаннымъ раньше, при старомъ порядкѣ жизни? Положимъ, можетъ быть, старые принципы и не были виноваты въ старомъ порядкѣ, а виноваты были люди, ихъ исповѣдующіе,—но какъ не попытаться замѣнить ихъ новыми, съ которыми, быть можетъ, легче будетъ работать—въ особенности, какъ не сдѣлать этой попытки, когда дѣйствительно *вѣришь* въ истинность и силу этихъ краеугольныхъ камней новаго міропониманія?

А Чернышевскій вѣрилъ, и его сильный аналитическій умъ молчалъ, убаюканный порывистой увѣренностью въ своей правотѣ, какъ это часто наблюдается у людей съ прирожденнымъ боевымъ темпераментомъ.

Увлеченъ былъ учитель, и еще больше увлечены были ученики, которымъ онъ выровнилъ дорогу. Онъ велъ ихъ за собою и говорилъ имъ: «люди съ свѣжими силами необходимо должны дѣлать что-нибудь новое и свѣжее». «Въ комъ болѣе новыхъ идей, въ томъ должно быть больше гуманности, такъ какъ прогрессъ самой сущностью своей вызываетъ въ своихъ послѣдователяхъ расположеніе къ мягкому и гуманному образу дѣйствій». «Совершенно хладнокровно, спокойно, обдуманно, разсудительно дѣлаются только вещи не слишкомъ важныя». «Знайте, что передовые люди, дѣятельностью которыхъ развивается наука, ведутъ ее и къ тому, чтобы проникласъ результатами ея жизнь всего народа».

И у кого изъ молодыхъ людей того времени, которые желали, чтобы ихъ работа пошла на пользу жизни всего народа, не забилось сердце радостно и вольно, когда имъ было предложено цѣльное міросозерцаніе, настолько новое, что ему нельзя было сдѣлать пока ни одного упрека, кромѣ упрека въ самонадѣянности, т. е. такого, который для молодого поколѣнія не существуетъ?

Являлась увѣренность, что любовь къ человѣчеству можетъ быть отнынѣ правильно воспитана въ людяхъ, при прямомъ участіи научнаго міросозерцанія въ дѣлѣ нравственнаго обновленія. Союзъ истины и добра былъ, казалось, обезпеченъ.

VIII.

Чѣмъ отвѣтитъ жизнь на эту новую попытку ея теоретическаго изъясненія? Успѣхъ какъ будто былъ внѣ сомнѣнія, волны жизни отъ старыхъ береговъ мало-по-малу отходили и рыли себѣ новое русло; ничто пока еще (1855—1861) не угрожало надеждамъ.

И самъ учитель, уже не юноша, а начитанный и жизнью испытанный человѣкъ, былъ полонъ надеждъ и вѣры. Многое въ окружающей жизни его сердило и печалило, но всякій разъ, когда ему приходилось говорить о жизни и людяхъ вообще, онъ былъ довѣрчиво настроенъ и съ полной искренностью говорилъ на протяженіи многихъ лѣтъ и при разныхъ случаяхъ: «Между людьми рѣдки рѣшительно дурные характеры и совершенно пустыя головы». «Въ каждомъ классѣ общества, какой бы странѣ, какому бы времени ни принадлежало это общество, каковы бы ни были понятія и привычки, имъ пріобрѣтенныя

вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, огромное большинство людей всегда имѣетъ наклонность къ доброжелательству и правдѣ». «Къ счастью, число людей злонамѣренныхъ въ каждой націи очень невелико, и не должны бы они имѣть нигдѣ ни малѣйшаго вліянія уже по одному тому, что зло само по себѣ безсильно, если не можетъ прикрываться предлогами добра». «Грязь мерзка для человѣка и потому развѣ отъ слишкомъ сильнаго и долгаго втаптыванія въ грязь получаетъ онъ привычку къ ней».

Будемъ же оптимистами! «Многаго не ждешь ни отъ чего, зато отъ всего ждешь хотя немногаго. Да, будемъ оптимистами!». «Никогда общественная нравственность не достигала такого высокаго уровня, какъ въ наше благородное время—благородное и прекрасное, несмотря на всѣ остатки ветхой грязи, потому что всѣ силы свои напрягаетъ оно, чтобы омыться и очиститься отъ наслѣдныхъ грѣховъ».

Въ 1861 году, возражая Токвиллю, Чернышевскій писалъ: «во Франціи только еще начинается весна: въ иныхъ мѣстахъ уже показалась зелень, кое-гдѣ проглядываютъ уже и цвѣтки, а въ другихъ мѣстахъ еще лежитъ снѣгъ...» Слово «Франція» попало въ эти строки ошибкой. Какая весна начиналась въ 1861-мъ году во Франціи? Она началась въ иной странѣ, пока по календарю только.

Но были вѣрующіе люди, которые готовы были видѣть и зелень, и цвѣты тамъ, гдѣ для нихъ только еще подготовлялась почва.

IX.

Самого Чернышевскаго къ такимъ вѣрующимъ нельзя причислить: въ общихъ выводахъ оптимистъ, онъ въ своемъ судѣ надъ текущей дѣйствительностью не самообольщался...

Но вѣрующимъ былъ онъ несомнѣнно, когда предлагалъ людямъ сразу начать думать о всемъ міропорядкѣ иначе, чѣмъ они думали раньше. Онъ былъ вѣрующій и вмѣстѣ съ тѣмъ революціонеръ, такъ какъ не было еще примѣра въ Россіи, чтобы человѣкъ такъ сразу порывалъ со всей прошлой идеологіей жизни, какъ порвалъ онъ. Его ученіе было первымъ истинно революціоннымъ актомъ нашей теоретической мысли, за которымъ долженъ былъ слѣдовать такой же актъ мысли практической, требовавшей и новой программы дѣйствія.

Выступая какъ единственный защитникъ новой «научной»

мысли въ области религіи, философіи, этики и эстетики, Чернышевскій въ вопросахъ соціальныхъ, историческихъ, экономическихъ и политическихъ пошелъ вслѣдъ за тѣми немногими людьми старшаго поколѣнія, для которыхъ соціализмъ въ разныхъ своихъ формахъ, былъ конечной догмой научнаго обществовѣдѣнія; но онъ былъ убѣжденъ, что лишь на новомъ теоретическомъ фундаментѣ эта догма можетъ быть утверждена незыблемо и безповоротно.

«Религія человѣчества», права матеріи и здоровый эгоизмъ должны были объяснить и оправдать всю динамику историческаго процесса.

Несторъ Котляревскій.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ АНГЛІЙСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Комедія за кулисами.

Разсказъ Темпля Тэрстона (изъ сборника: «Thirteen»).

Когда какая-нибудь американская звѣзда пріѣзжаетъ въ Англію, все равно, выступаетъ ли она въ опереткѣ, или въ «классической драмѣ»,—она или черезъ двѣ недѣли складываетъ свои пожитки и затворяетъ за собою двери театра, гдѣ играла, чтобы никогда болѣе не войти въ нихъ, или же остается въ Англіи гораздо дольше, чѣмъ предполагала.

Такъ и было съ Жюли Фарръ. Успѣхъ ея былъ моментальный. Она пріѣхала на шесть мѣсяцевъ, а осталась на три года.

Успѣхъ въ опереткѣ влечетъ за собой широкую извѣстность, которая, какъ потокъ, несетъ съ собою случайно захваченные образчики всѣхъ элементовъ и всѣхъ классовъ общества отъ первыхъ министровъ до болвановъ первой степени. И для того, чтобъ удержать за собой эту извѣстность возможно дольше, опереточная дива каждаго даритъ улыбками и безграмотными, но любезными надписями на своихъ карточкахъ. Обыкновенно, она обладаетъ широкимъ сердцемъ, щедрой рукой и полна презрѣнія ко всей той ерундѣ, которая говорится о ней въ ея присутствіи и за ея спиной. Но еще глубже презрѣнія сидитъ въ ея душѣ страстная любовь ко всему этому: вся эта чепуха мила ей, какъ кошкѣ тепло, и въ ней она грѣется и нѣжится, какъ кошечка на солнцѣ.

Съ перваго же ея дебюта въ Лондонѣ Жюли Фарръ сдѣлалась центромъ вниманія и поклоненія. Въ дни ея выступленій

передніе ряды партера были заполнены цвѣтомъ англійской молодежи. Рѣдкій вечеръ проходилъ безъ того, чтобы ей не подали на сцену букета или вѣнка, обыкновенно передаваемыхъ изъ оркестра музыкантомъ играющимъ на барабанѣ. И каждый вечеръ въ ея уборную приносили для подписи цѣлый ворохъ открытокъ съ ея портретами, присланныхъ болѣе робкими поклонниками, которые не смѣли заявить о себѣ инымъ путемъ. Это ли не успѣхъ! Вѣдь даже и епископы дорожатъ распространеніемъ своихъ портретовъ на открыткахъ.

Это было около года спустя послѣ перваго лондонскаго дебюта Жюли. Заграничная «музыкальная комедія», въ которой она дебютировала, отслуживъ свой срокъ, была снята и замѣнена другою, англійскаго производства. Туалеты героини стоили безумныхъ денегъ. Зато въ каждомъ актѣ Жюли казалась еще красивѣе, чѣмъ въ предыдущемъ. Умѣйте лишь соединить талантъ безстыдства съ даромъ красоты—и вы покорите всѣхъ мужчинъ.

Жюли была на сценѣ; въ ея уборной приготовляла слѣдующее платье Эмма, скромная и молчаливая горничная-портниха, привезенная Жюли съ собою изъ Америки. Въ дверь просунулась голова мальчишки, на обязанности котораго лежало созывать актеровъ.

— Письмо для миссъ Фарръ.

Эмма взяла письмо, положила его на туалетъ и продолжала прерванную работу, какъ будто никто не прерывалъ ея. Черезъ пять минутъ снова раздался стукъ и вновь просунулась въ дверь голова мальчишки.

На этотъ разъ онъ подалъ огромный букетъ розъ, тѣмъ же дѣловитымъ тономъ пояснивъ:

— Для миссъ Фарръ.

Эмма такъ же равнодушно взяла его и положила на тотъ же туалетъ, но, прежде чѣмъ положить, пошарила въ густой зелени листьевъ, вытащила записку и, не выказывая никакого удивленія, положила ее рядомъ съ другими посланіями, уже лежавшими горкой на туалетѣ. Потомъ взяла съ умывальника кувшинъ, наполнила его водой, опустила туда розы и поставила кувшинъ на маленькій столъ.

Услыхавъ въ корридорѣ разсыпавшійся трелью голосъ своей госпожи, Эмма оставила работу и отворила дверь. Въ уборную, слегка раскачивая станъ, вплыла Жюли.

Граціозно и легко она бросилась въ кресло передъ туалетомъ и заглядѣлась въ зеркало, любуясь своимъ отраженіемъ.

У зеркала нѣтъ друга болѣе преданнаго и восторженнаго, чѣмъ женщина, пока оно къ ней благосклонно.

Замѣтивъ, наконецъ, въ зеркалѣ и отраженіе букета, стоявшаго на маленькомъ столикѣ, Жюли порывисто вскочила и прижалась лицомъ къ душистымъ розамъ.

— О какъ мило! Какъ прелестно!—воскликнула она съ искреннею ноткой въ голосѣ.—Какъ непохоже на сцену!

И, уже совсѣмъ другимъ тономъ, освѣдомилась, нѣтъ ли писемъ.

— На туалетѣ, миссъ. То, что сверху, прислано вмѣстѣ съ розами.

— Должно быть, отъ малютки Гаррисона.—И она вскрыла конвертъ.

— И мнѣ такъ думается, миссъ.

Жюли вслухъ прочла письмо, сопровождая чтеніе замѣчаніями и восклицаніями, которыя, вѣроятно, не понравились бы «малюткѣ» Гаррисону, еслибъ онъ только слышалъ ихъ.

— «Дорогая, ненаглядная! Вы сказали, что не хотите больше, чтобъ вамъ подавали цвѣты на сцену... — Жюли повернулась къ Эммѣ, поясняя:—Этотъ дурачекъ присылалъ мнѣ ихъ каждый вечеръ. Не успѣю я кончить пѣсенку о папироскѣ, какъ цвѣты ужъ тутъ какъ тутъ, колышутся на большомъ барабанѣ.

«Повинуюсь и посылаю вамъ розы кружнымъ путемъ. Надѣюсь, вы не разсердитесь. Можетъ быть, это и хорошо, что вы запретили мнѣ. Сегодня въ первомъ ряду сидятъ папаша съ мамашей. Хотя оба они слѣпы, какъ летучія мыши, у меня все-таки есть подозрѣніе, что они явились въ театръ спеціально для того, чтобъ видѣть васъ. Помните, о чемъ мы говорили давеча? Завтра мы ужинаемъ вмѣстѣ, не забудьте. Да благословитъ васъ Богъ».

Жюли со смѣхомъ бросила письмо на столъ.

— «Да благословитъ васъ Богъ!» Сантиментальный идіотъ!

И взяла другое письмо.

— А это когда получено?

— Передъ тѣмъ какъ принесли розы, миссъ.

Это второе письмо она прочла про себя, но, прочитавъ, громко расхохоталась.

— Нѣтъ, какъ тебѣ это нравится? Папаша и мамаша маленькаго Вайбарта тоже желаютъ видѣть меня. И непремѣнно. Тутъ есть одна чудеснѣйшая фраза. Я не хочу цитировать ея. Она несовременна.

Она откинулась на спинку кресла и принялась за полировку ногтей—занятіе, для многихъ женщинъ составляющее

единственный ихъ отдыхъ и забаву. Но тутъ зазвонилъ телефонъ. Эмма пошла къ нему; Жюли взглядомъ слѣдила за нею.

— Да—да—кто говоритъ? Хорошо, не отходите отъ телефона.

— Кто это, Эмма?

— Сэръ Чарльзъ Вайбартъ, барышня.

Жюли поднялась съ кресла.

— Значитъ, папаша,—усмѣхнулась она и взяла въ руки трубку.

— Здравствуйте—да—понимаю. О да, помню. Мы такъ давно знакомы. Цѣлыхъ пять недѣль. Ну, не скажу, чтобъ вы удачно выбрали время. Да, я могу удѣлить вамъ нѣсколько минутъ во время антракта; но развѣ вамъ не жаль будетъ уйти, не досмотрѣвъ пьесы? Вы говорите: скверная? Что такое? Это ничего, еще разъ посмотрите. Какъ? О, да, конечно, приведите ее съ собою. Подъ крылышкомъ все-таки безопаснѣе. Прощайте.

Она повѣсила трубку.

— Онъ явится съ супругой въ слѣдующемъ антрактѣ. Ты, Эмма, лучше сойди внизъ, когда кончится этотъ актъ, и приведи ихъ сюда.

Въ дверь постучали. Эмма пошла отворить. Тотъ же мальчишка подалъ визитную карточку. Эмма подала ее своей госпожѣ и подождала, пока Жюли прочтетъ ее.

— М-ръ Джозефъ Гаррисонъ. И тоже съ супругой. Что-жъ, проси ихъ, Эмма.

Когда дверь захлопнулась за Эммой, Жюли разсмѣялась. Подлинныя комедійныя дѣйства всегда разыгрываются за сценой. Когда дверь отворилась снова, она встрѣтила гостей привѣтливой улыбкой.

Первою вошла м-рсъ Гаррисонъ, коротенькая, толстенькая дамочка съ такимъ цѣломудреннымъ вырѣзомъ на лифѣ, что лучше ужъ было вовсе не дѣлать вырѣза. Кожа на лицѣ у нея была грубая, какъ будто она навсегда испортила себѣ цвѣтъ лица, стоя у плиты. Тѣмъ не менѣе, она была милая; сразу видно было, что она свято хранитъ обѣтъ повиновенія мужу, данный у алтаря, и никогда ни на волосъ не отступала отъ него. Въ этой четѣ несомнѣнно первенствующую роль игралъ м-ръ Гаррисонъ. Это былъ бочкообразный господинчикъ, по всей вѣроятности, нажившій толщину вмѣстѣ съ деньгами. Поперекъ жилета у него тянулась тяжелая золотая цѣпь; лѣзли въ глаза огромныя брильянтовыя запонки на рубашкѣ; на

мизинцѣ лѣвой руки блестѣлъ большой солитеръ. Другою рукой онъ все время позвякивалъ деньгами въ карманѣ.

— Добрый вечеръ!—привѣтствовала ихъ Жюли.

Оба пожелали ей добраго вечера, оба поклонились.

— А мы все любуемся вашей игрой,—развязно началъ м-ръ Гаррисонъ.—Восхитительно. Прямо-таки восхитительно.

— Вы очень добры...

— Ничуть, ничуть, я умѣю отличать хорошее отъ дурного. Это уже у меня профессіональное.

Жюли пригласила ихъ обоихъ садиться, изящнымъ жестомъ, сразу плѣнившимъ простодушную м-съ Гаррисонъ.

— Вы ко мнѣ по дѣлу?—освѣдомилась она.

— О нѣтъ!—поспѣшила воскликнуть м-съ Гаррисонъ.

— Извини, душа моя, — возразилъ ея супругъ.—Я бы именно сказалъ: по дѣлу. Сантименты тутъ совершенно ни при чемъ.—Онъ покосился на Эмму.—И дѣло это, такъ сказать, интимнаго характера.

— Эмма,—приказала Жюли,—пойди принеси мнѣ еще сифонъ содовой воды.

Все такъ же невозмутимо Эмма вышла.

— Мы пришли побесѣдовать съ вами о нашемъ сынѣ,—объявилъ м-ръ Гаррисонъ, какъ только затворилась дверь.

— Вы вѣдь знакомы съ нашимъ Арчи, не правда ли, миссъ Фарръ?—вставила нѣжная мамаша. Несмотря на запретъ мужа, сантиментальность все-таки сквозила и въ ея голосѣ, и въ ея взглядѣ.

Жюли ласково улыбнулась ей.

— Вы говорите о мальчикѣ съ сквернымъ цвѣтомъ лица, который каждый вечеръ бываетъ здѣсь и сидитъ въ первомъ ряду партера?

Нѣжная мамаша обидѣлась. Въ этихъ словахъ ей почудился намекъ на ея собственный неважный цвѣтъ лица. Хорошо этой актрисѣ, что у нея щечки цвѣта розоваго бутона.

— У него цвѣтъ лица не такъ ужъ плохъ. Прыщи пройдутъ. Это у него отъ роста.

— Такъ вотъ на что этотъ мальчишка тратитъ мои деньги!—сердито буркнулъ м-ръ Гаррисонъ. Онъ, какъ видно, цвѣту лица не придавалъ значенія.

— О, не будь такъ строгъ къ нему!—взмолилась нѣжная мамаша.

— Нѣтъ, нѣтъ, не будьте къ нему слишкомъ строги,—поддержала ее Жюли.—Онъ щедрый мальчикъ. Онъ каждый

вечеръ подноситъ мнѣ прелестные цвѣты. Это онъ прислалъ мнѣ розы. Не правда ли, дивныя?

М-ръ Гаррисонъ злобно поглядѣлъ на нихъ и проворчалъ: «Розы въ февралѣ!» М-съ Гаррисонъ погладила розовые лепестки. Вѣдь ея сынъ купилъ ихъ.

Жюли сообразила, наконецъ, что они даромъ тратятъ время.

— Такъ въ чемъ же заключается ваше дѣло, м-ръ Гаррисонъ?

Бочкообразный господинчикъ откашлялся и свирѣпо обдернулъ свой бѣлый жилетъ.

— Видите ли, миссъ Фарръ, я, что называется, своимъ горбомъ пробилъ себѣ дорогу.

— Я такъ и думала,—мило отвѣтила она.

Онъ вопросительно глянулъ на нее.

— Сорокъ три года тому назадъ я былъ мальчишкой для посылокъ на мыловаренномъ заводѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Но на этомъ я не остановился. Я рѣшилъ выбиться въ люди. Вамъ скучно слушать?—Не дожидаясь отвѣта и не разслышавъ ея учтиваго: «вовсе нѣтъ!» онъ продолжалъ разсказывать свою исторію, которую жена его знала наизусть, такъ какъ онъ разсказывалъ ее почти безъ всякихъ варіантовъ.— Черезъ пять лѣтъ я замѣтилъ, что при выдѣлкѣ мыла употребляются такіе ингредіенты, благодаря которымъ мыло служитъ дольше, чѣмъ это выгодно для продавца. А еще черезъ пять лѣтъ придумалъ новый составъ мыла, при которомъ такихъ же размѣровъ кусокъ смывается вдвое скорѣе. Правда, вамъ не скучно слушать?

— Ничуть,—мягко отвѣтила Жюли.—Я сама употребляю мыло.

— Вотъ въ томъ-то и штука!—внушительно произнесъ онъ, потрясая указательнымъ перстомъ.—Мыло необходимо каждому. Къ этому-то заключенію я и пришелъ. И сталъ работать надъ тѣмъ, чтобъ пустить въ продажу мыло на одинъ пенни дешевле всякаго другого того же качества, но смывающееся вдвое скорѣе. Если вы смыслите что-нибудь въ прибыльности предпріятій, вы оцѣните мое изобрѣтеніе.

— На мыловаренномъ заводѣ, когда онъ служилъ мальчишкой на посылкахъ, онъ получалъ жалованья восемь шиллинговъ въ недѣлю,—кротко вставила м-съ Гаррисонъ. Ея супругъ впервые забылъ въ своемъ разсказѣ упомянуть объ этомъ.

— А теперь я зарабатываю десять тысячъ въ годъ. Я знаю, это не такъ много, но...

— Такъ вамъ желательно,—извините, если я не совсѣмъ поняла васъ,—чтобы я покупала ваше мыло?

— Нѣтъ, нѣтъ, дѣло не въ мылѣ. Если хотите, я завтра пришлю вамъ дюжину кусковъ на пробу, но вы, навѣрное, уже употребляли его, сами того не зная. Нѣтъ, рѣчь идетъ о моемъ сынѣ.

— Ахъ, вотъ какъ!—Жюли поудобнѣе расположилась въ креслѣ.

— Я не жалѣлъ денегъ на воспитаніе Арчи. Я послалъ его въ Оксфордъ. Пока онъ былъ тамъ, я вездѣ и всюду платилъ за него. Я старался сгладить ему путь. Онъ дружитъ съ первыми аристократами. Пора ему и самому что-нибудь сдѣлать для своей карьеры.

— Мнѣ думается,—мягко сказала Жюли,—что, еслибъ онъ взялся за какую-нибудь работу, это могло бы быть ему полезнымъ.

— О нѣтъ, я не про работу. Зачѣмъ ему работать! У него есть деньги — зачѣмъ ему работать! Образованному человѣку работать унизительно. Кого учили по-латыни и по-гречески, тотъ ужъ не станетъ дѣлать мыла. Дѣлу отъ образованности пользы мало, но за то благодаря ей человѣкъ становится джентльменомъ. Вотъ я и хочу, чтобъ Арчи былъ джентльменомъ.

— Такъ для чего же, по вашему, должно ему служить его образованіе?

М-ръ Гаррисонъ выпятилъ грудь впередъ и еще разъ оглядѣлъ сидѣвшую передъ нимъ юную красавицу, собирая все свое мужество.

— Для женитьбы,—выразительно выговорилъ онъ.—Ему надо жениться, и жениться на подходящей женщинѣ. На такой женщинѣ, которая бы ввела его въ тотъ самый кругъ общества, въ которомъ я держалъ его въ Оксфордѣ. Это, я вамъ скажу, вскочило мнѣ въ копеечку. *Они*, вѣдь, не каждаго примутъ въ свою компанію. Но Арчи *они* полюбили. Я всегда давалъ ему кучу денегъ. О да, они любили его! Потому что такіе господа не возьмутъ въ займы у товарища, если онъ имъ не симпатиченъ. Молодой лордъ Гранторнъ и до сихъ поръ не отдалъ ему долга.

Жюли откинулась на спинку кресла и расхохоталась. Въ продажѣ имѣется прелестная открытка съ ея портретомъ именно въ этой позѣ.

— Я совершенно спуталась,—говорила она сквозь смѣхъ,—

мыло, образованіе, женитьба. Нѣтъ, мнѣ не разобраться. Что же, по вашему, мнѣ надлежитъ обсудить серьезно?

М-ръ Гаррисонъ пріободрился.

— Разобраться тутъ не трудно, — развязно выговорилъ онъ.—Арчи хочетъ жениться на васъ. Я этому не удивляюсь, честное слово, не удивляюсь. Послѣ того, какъ я видѣлъ васъ на сценѣ и тутъ, въ вашей уборной...

— Вы пришли къ заключенію, что я приличнѣе, чѣмъ вы предполагали?

М-съ Гаррисонъ испугалась и поспѣшила вставить слово.

— О нѣтъ, дорогая миссъ Фарръ. Не въ томъ дѣло, но... но...

— Успокойся, душа моя, — оборвалъ ее супругъ. — Вся штука тутъ, миссъ Фарръ—если говорить напрямикъ — въ томъ, что Арчи долженъ взять невѣсту съ положеніемъ. Вы тоже, такъ сказать, стоите на вершинѣ, но это не то дерево, на которое я желалъ бы, чтобъ онъ влѣзъ.

Жюли насторожилась.

— И вы хотите, чтобы я...—начала она.

— Я хочу, чтобъ вы перестали принимать его. Запретите ему писать вамъ письма, запретите ему... ну, словомъ, раззнакомьтесь съ нимъ. Ничего, онъ не умретъ отъ этого. Постепенно примирится, я не сомнѣваюсь въ этомъ. И вы тоже.

М-съ Гаррисонъ всхлипнула отъ материнской нѣжности.

— Я увѣрена, что вы перенесете это, дорогая.

— И разумѣется, — бочкообразный человѣчекъ до того расхрабрился, что даже подмигнулъ однимъ глазкомъ,—разумѣется, поклонниковъ у васъ хоть отбавляй.

Жюли поднялась съ кресла и съ изумленіемъ смотрѣла на нихъ. Но настроенія женщины мѣняются ежеминутно; что она сдѣлаетъ черезъ минуту, никому не угадать. Еще минута— и она, быть можетъ, обрушилась бы на эту чету всей тяжестью своего презрѣнія, но въ дверь постучали, и пронзительный голосъ мальчишки, созывающаго актеровъ на сцену, выкликнулъ ея имя за дверью.

— Въ слѣдующемъ антрактѣ мы увидимся, —весело молвила она.—Сейчасъ мой выходъ. Приходите къ концу слѣдующаго антракта.

И она исчезла. Бочкообразные супруги переглянулись въ полномъ недоумѣніи.

— Чего она такъ вдругъ расхохоталась?—шепотомъ спросила м-съ Гаррисонъ.

— Развѣ женщину разберешь, почему она смѣется! Особенно актрисъ. Онѣ иной разъ смѣхомъ прикрываютъ и глубокія чувства.

Когда, по окончаніи дѣйствія, Жюли вернулась въ свою уборную, тамъ уже ждали ее лордъ и леди Вайбартъ. Они встрѣтили ее учтивыми поклонами. Нѣтъ ничего болѣе недоступнаго и въ то же время болѣе учтиваго, чѣмъ англійскій аристократъ, когда онъ является просителемъ къ обыкновенному смертному. Жюли поздоровалась съ обоими рукопожатіемъ. Но отъ этого церемоннаго рукопожатія атмосфера стала только еще болѣе оффиціальной. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ разговоръ вертѣлся на общихъ мѣстахъ. Наконецъ, Жюли кротко обратилась къ леди Вайбартъ:

— Итакъ, чѣмъ же я могу быть вамъ полезной? Голосъ вашего супруга въ телефонъ звучалъ очень грозно;—она лукаво повернулась къ сэру Чарльзу, который сидѣлъ насупившись и покрѣпче ввинчивая въ глазъ монокль,—но теперь я вижу, что таковъ ужъ онъ всегда. — Нахмуренныя брови сэра Чарльза разгладились, и монокль выпалъ изъ глаза. — Итакъ, чѣмъ я могу служить вамъ?

— Я хотѣла бы,—начала леди Вайбартъ,—поговорить съ вами о моемъ сынѣ.

— Ахъ да, знаю, объ этомъ мальчикѣ, съ такимъ пріятнымъ голосомъ и такими ужасными манерами!

— Ужасными манерами?!—воскликнулъ сэръ Чарльзъ.— Ужасныя манеры Брамлея!

— У нашего Брамлея — ужасныя манеры?! — какъ эхо, повторила леди Вайбартъ.

— О, я не хочу сказать о немъ ничего дурного,—очаровательно поправилась Жюли.—Это у него пройдетъ. По всей вѣроятности, онъ вынесъ это изъ университета. Такъ въ чемъ же дѣло? Что съ нимъ?

Леди Вайбартъ чувствовала себя очень неловко, но усиливалась держаться очень непринужденно.

— Видите ли...—медленно выговорила она,—это не такъ легко объяснить. Я... я пришла раньше него... безъ сомнѣнія, онъ уже говорилъ вамъ... бѣдный мальчикъ!

— Говорилъ... что именно? . Онъ такъ много говорилъ мнѣ!

— Видите ли...—она запнулась. Сэръ Чарльзъ кашлянулъ и опять сталъ ввинчивать монокль.—Онъ очень несчастенъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? О, я увѣрена, что это у него отъ несваренія желудка. Онъ ѣстъ за ужиномъ ужасающія вещи.

Ему бы совсѣмъ не слѣдовало ужинать. Въ его годы надо въ половинѣ двѣнадцатаго быть въ постели. Вообще я думаю, что ѣсть нужно только тогда, когда вы наработались достаточно, чтобъ имѣть право на аппетитъ. Почему вы не пошлете его къ доктору?

— Ахъ, вы не понимаете!

— Нѣтъ.

— Ахъ, онъ влюбленъ. Онъ обожаетъ васъ.

Жюли громко разсмѣялась, закинувъ назадъ голову и показывая дивный изгибъ шеи. Сэръ Чарльзъ нарочно выронилъ моноклъ, чтобъ лучше видѣть.

— О да, но это у него пройдетъ. Это всегда проходитъ. Молодой человѣкъ, окончившій университетъ, всегда считаетъ необходимымъ для завершенія своего образованія топтаться на лѣстницѣ, ведущей въ уборныя, и протирать обивку стульевъ въ первомъ ряду партера.

Леди Вайбартъ очень хотѣлось презрительно вздернуть губы, но она удержалась. Это стоило ей большихъ усилій, но она все-таки удержалась. И даже мило улыбнулась.

— Ахъ, какъ вы легко къ этому относитесь! Должно быть, у васъ много поклонниковъ среди молодежи.

—Безъ сомнѣнія. Безъ сомнѣнія!—воскликнулъ сэръ Чарльзъ.

Глаза Жюли сверкнули лукавствомъ.

— А вы желали бы, чтобъ я отнеслась къ этому серьезно?

— Мы надѣялись на это.

— Но неужели вы находите желательнымъ связать молодого человѣка по рукамъ и по ногамъ въ самомъ началѣ его карьеры?

— Связать по рукамъ и по ногамъ?! Дорогая миссъ Фарръ!..—началъ было сэръ Чарльзъ. И вдругъ осѣкся, поймавъ строгій взглядъ своей жены.

— Я не думаю, чтобы такая точка зрѣнія въ данномъ случаѣ была умѣстна,—вмѣшалась нѣжная мамаша.—Брамлей поступаетъ на службу въ дипломатическій корпусъ. Вы пріобрѣли въ нашей странѣ такихъ друзей...

Глаза Жюли опять блеснули.

— О, понимаю! Вы подразумѣваете лорда Гепворта?

— Да. Онъ, кажется, вамъ другъ, не правда ли?

— Мой самый старый другъ здѣсь, въ Англіи, мой лучшій другъ.

— Совершенно вѣрно,—вставилъ сэръ Чарльзъ.—И самый вліятельный человѣкъ во всемъ дипломатическомъ...

Жена опять остановила его строгимъ взглядомъ, и онъ опять осѣкся и умолкъ.

— Ну, теперь я, кажется, поняла, — молвила Жюли, вставая съ кресла и направляясь къ двери. За дверью, на лѣстницѣ, сидѣла Эмма. Жюли попросила ее сходить за м-ромъ и м-съ Гаррисонъ и вернулась обратно къ своимъ гостямъ.

— Итакъ, говоря прямо, вы хотите, чтобы я вышла замужъ за вашего сына?

— Если вы откажете ему, миссъ Фарръ, вы навсегда разобьете его сердце.

— Но, надѣюсь, не разобью его шансовъ на успѣхъ въ дипломатической карьерѣ.

— Боюсь, что тогда ужъ никакая карьера не сможетъ заинтересовать его...

— Безусловно, разобьете,—добавилъ сэръ Чарльзъ, тщательно избѣгая встрѣтиться взглядомъ съ женою.

— Ну-съ,—молвила Жюли,—я вижу, придется выяснить вамъ мое положеніе.—Въ дверь постучали. Она, не спѣша, пошла къ двери.—Сейчасъ я познакомлю васъ съ моими наиболѣе вліятельными знакомыми. Вліятельными, разумѣется, не на дипломатическомъ поприщѣ. Дипломаты они плохіе. Ихъ вліяніе обусловливается ихъ богатствомъ.—Она отворила дверь.—Входите, входите, м-съ Гаррисонъ.

Супруги Гаррисонъ вошли.

— Я хочу, господа, познакомить васъ. Сэръ Чарльзъ и леди Вайбартъ, м-ръ и м-съ Гаррисонъ.

Бочкообразный человѣчекъ ринулся впередъ и схватилъ руку сэра Чарльза.

— Я въ восторгѣ! —воскликнулъ онъ.—Въ восторгѣ!

— Я увѣрена, что вы, господа, рады будете узнать другъ друга,—продолжала Жюли, улыбаясь то одному, то другому,—въ особенности, когда я выясню вамъ положеніе. Вамъ, безъ сомнѣнія, знакомо имя сэра Чарльза Вайбарта, м-ръ Гаррисонъ?

— Знакомо ли? О да, конечно. Онъ одно время хотѣлъ вступить въ число директоровъ нашего правленія. Мы очень сожалѣли, что не могли принять васъ, сэръ Чарльзъ.

Жюли опять улыбнулась.

— И вы тоже, навѣрное, слыхали о м-рѣ Гаррисонѣ, сэръ Чарльзъ?

— Гаррисонъ, Гаррисонъ? Нѣтъ... Впрочемъ, имя какъ будто знакомое.

— Въ торговомъ мірѣ сотни человѣкъ носятъ это имя,—

пискнула сзади м-съ Гаррисонъ. Жюли наградила ее самой ласковой своей улыбкой.

— Ну-съ, такъ вотъ, позвольте объяснить вамъ,—начала она.—М-ръ Гаррисонъ дѣлаетъ мыло, сэръ Чарльзъ. И дѣлаетъ его дешевле всѣхъ прочихъ мыловаровъ, но зато оно и служитъ вдвое меньше времени; въ результатѣ, онъ зарабатываетъ теперь десять тысячъ въ годъ. Часть этихъ денегъ его сынъ—мальчуганъ съ сквернымъ цвѣтомъ лица—тратитъ на посѣщеніе нашего театра, на поднесеніе мнѣ букетовъ и на ужины со мною. Онъ и сегодня вечеромъ прислалъ мнѣ букетъ розъ—не правда ли, онѣ прелестны? Но м-ръ Гаррисонъ немного побаивался, какъ бы мнѣ не взбрело въ голову женить на себѣ его сына: вы понимаете, тогда отъ десяти тысячъ осталось бы немного. А они хотятъ купить малюткѣ Арчи—мальчику съ дурнымъ цвѣтомъ лица—невѣсту съ положеніемъ и связями, и потому пришли просить меня не принимать больше ихъ сына, въ полной увѣренности, что ни онъ, ни я не умремъ отъ отчаянія.

Вся сіяя улыбками, она слегка присѣла сэру Чарльзу и повернулась къ м-ру Гаррисону.

— Вы говорите, что слыхали о сэрѣ Чарльзѣ, м-ръ Гаррисонъ,—мягко продолжала она;—слѣдовательно, мнѣ незачѣмъ и пояснять вамъ, что онъ *ничего* не дѣлаетъ. У него тоже есть сынишка—премилый мальчикъ съ изумительно пріятнымъ голосомъ, но—охъ! съ ужасными манерами. Ну, а я—надо вамъ знать, что вотъ этими глупостями: пѣніемъ дурацкихъ пѣсенокъ и раскрашиваніемъ своей физіономіи, я зарабатываю около пяти тысячъ въ годъ; да, вдобавокъ, у меня еще есть друзья, пользующіеся вліяніемъ въ томъ кругу, гдѣ вращается сэръ Чарльзъ. И леди Вайбартъ—она съ милой улыбкой повернулась къ этой дамѣ,—очень боится, какъ бы я не оставила безъ отвѣта ухаживанье Брамлея—мальчика съ прелестнымъ голосомъ и скверными манерами. И потому она и супругъ ея пришли сюда просить меня выйти за него замужъ.

Она повернулась лицомъ ко всѣмъ имъ.

— Не кажется ли это всѣмъ вамъ очень страннымъ, очень забавнымъ, очень поучительнымъ? Можетъ быть, и не кажется, но это такъ—и вы сейчасъ поймете, почему.

Она сняла со стѣны двѣ фотографіи—двѣ изъ множества висѣвшихъ тамъ—и протянула одну изъ нихъ леди Вайбартъ.

— Это портретъ моего мужа, леди Вайбартъ. Не скажу, чтобы онъ былъ особенно удаченъ. Въ дѣйствительности онъ

красивѣе и, вѣроятно, на него попала пыль, такъ какъ на самомъ дѣлѣ у него цвѣтъ лица прекрасный.

Другой она вручила м-ру Гаррисону.

— А это вотъ—мой старшій сынъ. У него здѣсь страшно задорная мордашка, но вы знаете, какъ ужасны наши фотографы. На самомъ дѣлѣ, это прелестный мальчикъ, очень кроткій и послушный.

Она остановилась, молча вглядываясь въ выраженіе ихъ лицъ. Въ это время за дверью раздался голосъ все того же мальчика.

— Миссъ Фарръ, поднимаютъ занавѣсъ.

— Извините, господа,—сказала Жюли, присѣдая всѣмъ имъ.—Меня требуютъ на сцену.

II.

Человѣкъ-невидимка.

Разсказъ Дж. К. Честертона (изъ сборника «The innocence of father Brown»).

Въ холодномъ синеватомъ сумракѣ, окутавшемъ двѣ идущихъ крутымъ уклономъ улицы въ Кэмденъ-Тоунѣ, витрина угловой лавки, кондитерской, блестѣла, какъ кончикъ курящейся сигары. Пожалуй, вѣрнѣе было сказать: сверкала, какъ фейерверкъ, ибо огни ея были многоцвѣтные и сложные, преломлявшіеся во множествѣ зеркалъ, отражавшіеся въ позолотѣ отдѣлки стѣнъ, въ яркой окраскѣ сладкихъ пирожныхъ. И къ этому сіявшему огнями стеклу прилипали носы разныхъ трущобныхъ жителей. Шоколадныя конфекты всѣ были завернуты въ глянцовитыя, красныя, зеленыя и золотыя бумажки, казавшіяся чуть ли не заманчивѣе самаго шоколада; а большой бѣлый свадебный пирогъ въ витринѣ и разжигалъ своею недоступностью, и какъ-то удовлетворялъ желаніе, огромный, словно сѣверный полюсъ, который вдругъ оказался бы съѣдобнымъ. Такія радужныя приманки, разумѣется, должны были собрать около себя все мѣстное молодое поколѣніе, въ возрастѣ отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ. Но, очевидно, этотъ уголокъ обладалъ способностью привлекать и болѣе взрослыхъ молодыхъ людей; на то же

окно заглядѣлся юноша лѣтъ, по крайней мѣрѣ, двадцати четырехъ. И для него огненныя чары кондитерской были неотразимы, хотя его привлекали не однѣ только шоколадныя конфекты, которыхъ онъ, впрочемъ, далеко не презиралъ.

Это былъ высокій, плотный рыжеволосый юноша съ рѣшительнымъ лицомъ, но, видимо, разсѣянный. Подъ мышкой у него былъ плоскій сѣрый портфель съ рисунками, которые онъ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, сбывалъ въ разные журналы, съ тѣхъ поръ, какъ дядя-адмиралъ лишилъ его наслѣдства — за сочувствіе соціализму. Звали его Джонъ Торнбулль Ангусъ.

Постоявъ у витрины, онъ, наконецъ, вошелъ и черезъ магазинъ прошелъ прямо въ заднюю комнатку, по пути слегка приподнявъ шляпу передъ молоденькой продавщицей, темноволосой, изящной, проворной молодой особой, въ черномъ платьѣ, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ, съ живыми черными глазами. Выждавъ условный срокъ, она пришла вслѣдъ за нимъ во внутреннюю комнату, чтобы принять заказъ.

Заказывалъ онъ, очевидно, всегда одно и то же, ибо сразу въ точности опредѣлилъ, что ему нужно.

— Пожалуйста, коржикъ въ полъ-пенни и чашечку черняго кофе. — И, прежде, чѣмъ дѣвушка успѣла отвернуться, онъ прибавилъ: — И еще хочу, чтобы вы вышли за меня замужъ.

Молодая особа въ черномъ чопорно выпрямилась и сказала:

— Такихъ шутокъ я не терплю.

Рыжеволосый юноша поднялъ на нее сѣрые глаза, неожиданно ставшіе серьезными.

— Смѣю васъ увѣрить, это совсѣмъ не шутка, точно такъ же, какъ и коржикъ. Это дорого обходится, какъ коржикъ. Это неудобоваримо, какъ коржикъ. И, какъ онъ, застреваетъ въ горлѣ.

Смуглая молодая леди все время не сводила съ него глазъ, изучая его лицо. Въ результатѣ изслѣдованія по лицу ея скользнула словно тѣнь улыбки, и она опустилась въ кресло.

— Не находите ли вы,—разсѣянно замѣтилъ Ангусъ,—что довольно жестоко питаться этими полу-пенсовыми коржиками? Хоть бы они выросли въ пенсовые! Когда мы поженимся, я брошу этотъ грубый спортъ.

Молодая леди въ черномъ встала съ кресла и отошла къ окну, сильно, но нельзя сказать, чтобъ непріятно взволнованная. Когда, наконецъ, она съ рѣшительнымъ видомъ обер-

нулась, молодой человѣкъ осторожно выкладывалъ на столъ различные предметы съ витрины,—въ томъ числѣ пирамиду ярко раскрашенныхъ сладостей, нѣсколько тарелокъ съ сандвичами, и два графина съ загадочнаго происхожденія портвейномъ и хересомъ, которые можно найти только въ кондитерскихъ. Аккуратно разставивъ все это на столѣ, онъ помѣстилъ посерединѣ огромное бѣлое сахарное сооруженіе, составлявшее главное украшеніе витрины.

— Ради Бога, что вы дѣлаете?—спросила она, пораженная.

— Дѣлаю то, что надо, милая Лаура.

— О, ради Бога, перестаньте! И не смотрите на меня такими глазами. Я спрашиваю васъ, что это такое.

— Торжественный банкетъ въ честь нашего обрученія, миссъ Гопъ.

— А *это* что такое?—нетерпѣливо допытывалась она, тыча пальцемъ въ бѣлую гору сахару.

— Нашъ свадебный пирогъ, м-рсъ Ангусъ.

Дѣвушка схватилась за пирогъ, подняла его, причемъ раздался трескъ, и снова поставила на окно; а затѣмъ, вернулась къ столу, поставила на него свои хорошенькіе локотки и посмотрѣла на молодого чоловѣка не то чтобы неблагосклонно, но съ большимъ негодованіемъ.

— Вы даже не даете мнѣ время подумать,—сказала она.

— Я не такъ глупъ,—былъ отвѣтъ;—я полонъ смиренія, какъ подобаетъ христіанину.

Она все смотрѣла на него и улыбалась, но, несмотря на улыбку, лицо ея становилось все серьезнѣе.

— М-ръ Ангусъ,—твердо начала она,—прежде, чѣмъ болтать такой вздоръ, вы лучше выслушайте меня. Я должна кое-что сказать вамъ о себѣ, по возможности въ краткихъ словахъ.

— Я въ восторгѣ,—съ невозмутимой серьезностью отвѣтилъ Ангусъ.—Кстати, разъ вы уже начали, вы могли бы сказать что-нибудь и обо мнѣ.

— Ахъ, да помолчите же вы немного! Слушайте. Это не что-нибудь такое, чего бы я должна была стыдиться, или хотя бы особенно огорчалась этимъ... Но что бы вы сказали, еслибъ у меня оказалось нѣчто такое, до чего мнѣ, въ сущности, нѣтъ дѣла и что, однако, является для меня кошмаромъ?

— Я бы посовѣтовалъ вамъ поставить пирогъ обратно на столъ.

— Нѣтъ, вы сперва выслушайте,—настаивала Лаура.—Прежде всего, я должна сказать вамъ, что отецъ мой былъ хозяиномъ трактира «Красная Рыба» въ Людбери, и я стояла у него

за стойкой. Людбери—сонный, весь заросшій травою крохотный городишка въ одномъ изъ восточныхъ графствъ, и посѣтителями «Красной Рыбы» были только заѣзжіе комми-вояжеры; остальная публика была ужасающая—такой вы и не видывали. Я говорю о праздношатающихся, которымъ только-только есть чѣмъ прокормиться, а дѣлать нечего, кромѣ какъ слоняться по кабакамъ и по трактирамъ, да держать пари на бѣгахъ. Ходятъ они чуть не оборванцами, но и такой костюмъ кажется для нихъ слишкомъ хорошимъ. Впрочемъ, эта рвань несчастная не часто появлялась въ нашемъ трактирѣ; часто, даже слишкомъ часто приходили только двое—во всѣхъ отношеніяхъ очень непріятные. Оба жили на собственныя средства, въ докучной праздности, и франтили нестерпимо. Но мнѣ все-таки было чуточку жалко ихъ, такъ какъ, я думаю, они оттого и повадились ходить въ нашъ мало посѣщаемый трактирчикъ, что у каждаго изъ нихъ было свое маленькое уродство, надъ которымъ потѣшались бы товарищи. То есть, не уродство даже, а, вѣрнѣе, странность. Одинъ былъ поразительно малъ ростомъ, въ родѣ карлика, или, по крайней мѣрѣ, жокея, хотя на видъ ничего жокейскаго въ немъ не было; у него были глаза блестящіе, какъ у птицы; онъ звякалъ деньгами въ карманѣ, игралъ толстой золотою цѣпью отъ часовъ и одѣвался всегда такъ старательно подъ джентльмена, что сразу видно было, что онъ не джентльменъ. Впрочемъ, дуракомъ его нельзя было назвать, хоть онъ и шатался безъ дѣла; онъ былъ весьма искусенъ во всемъ томъ, что въ жизни ни на что не можетъ пригодиться—нѣчто вродѣ любителя-фокусника, понимаете? Поставитъ, напримѣръ, пятнадцать спичекъ рядомъ, и онѣ у него зажигаются сами, одна о другую, и выходитъ нѣчто вродѣ фейерверка; или изъ кожуры банана вырѣжетъ танцующую куклу. Звали его Изидоромъ Смайзомъ; какъ сейчасъ вижу его передъ собою, съ его крохотнымъ смуглымъ личикомъ. Не успѣетъ, бывало, подойти къ прилавку, какъ уже, глядишь, сдѣлалъ, на забаву мнѣ, прыгающаго кенгуру изъ пяти сигаръ.

«Другой былъ молчаливѣе и зауряднѣй, но почему-то я боялась его еще больше, чѣмъ бѣднаго маленькаго Смайза. Онъ былъ высокій, тощій, свѣтловолосый, съ большимъ горбатымъ носомъ, пожалуй даже красивый, хоть и въ родѣ привидѣнія, но глаза у него были такіе раскосые, какихъ я и не видывала. Бывало, смотритъ онъ прямо на васъ, а вамъ ни за что не догадаться, на что онъ смотритъ, и гдѣ вы стоите сами. Должно быть, это его косоглазіе порядкомъ-таки огорчало бѣднягу. Смайзъ

всегда готовъ былъ показывать свои обезьяньи штуки; Джемсъ же Велькинъ (такъ звали косого) только и зналъ, что сидѣлъ у насъ въ комнатѣ за буфетомъ, попивая вино, или же уходилъ гулять одинъ далеко, хотя окрестности у насъ совсѣмъ неинтересныя. Впрочемъ, и Смайзъ, я думаю, конфузился немного своего маленькаго роста, только лучше умѣлъ это скрывать. И потому я очень изумилась и очень огорчилась, когда оба они на одной и той же недѣлѣ сдѣлали мнѣ предложеніе. Ужъ этого я никакъ не ожидала.

«Ну-съ, и вотъ я тогда сдѣлала, какъ мнѣ теперь кажется, глупость. Но вѣдь до нѣкоторой степени я все-таки дружила съ этими уродцами, и мнѣ было жаль ихъ огорчить, сказавъ имъ настоящую причину моего отказа, заключавшуюся въ томъ, что они были такъ невозможно безобразны. И вотъ, я придумала сказать имъ, что я твердо рѣшила выйти замужъ только за человѣка, который самъ пробьетъ себѣ дорогу въ жизни, что я принципіально не допускаю возможности жить на деньги, доставшіяся по наслѣдству, какъ у нихъ. Два дня спустя послѣ того, какъ я подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ отказала имъ, и начались мои тревоги. Прежде всего, я узнала, что оба они уѣхали изъ нашего городка искать счастья и пробивать себѣ дорогу, словно въ глупой волшебной сказкѣ.

«Такъ я до сихъ поръ ни одного изъ нихъ и не видала. Но отъ малютки Смайза я получила за это время два письма и, правду сказать, они-таки порядкомъ взволновали меня.

— А отъ того, другого, были вѣсти?—спросилъ Ангусъ.

— Нѣтъ, онъ не писалъ ни разу,—отвѣтила дѣвушка, послѣ нѣкотораго колебанія.—Въ первомъ письмѣ Смайзъ просто сообщалъ, что они съ Велькинымъ рѣшили идти пѣшкомъ въ Лондонъ, но Велькинъ оказался такимъ отличнымъ ходокомъ, что его бѣдный маленькій товарищъ выбился изъ силъ, поспѣвая за нимъ, и присѣлъ у дороги отдохнуть. Тутъ его случайно подобрала какая-то бродячая труппа и, отчасти потому, что онъ такъ малъ ростомъ, въ родѣ карлика, отчасти потому, что онъ дѣйствительно ловокъ на всѣ руки, онъ сразу выдвинулся въ этой труппѣ, и его пригласили въ Акваріумъ дѣлать какія-то фокусныя штуки—я ужъ забыла, какія именно. Это все было въ первомъ письмѣ. Второе гораздо больше удивило меня. Я получила его на прошлой недѣлѣ.

Ангусъ выпилъ свою чашку кофе и смотрѣлъ на дѣвушку кроткими, терпѣливыми глазами. А она, слегка усмѣхаясь, продолжала:

— Вы, навѣрное, читали объявленія о Смайзовой «Нѣмой прислугѣ»? Нѣтъ? Ну, такъ вы единственный въ своемъ родѣ. Ихъ можно видѣть повсюду. Я не съумѣю разсказать вамъ въ точности, въ чемъ тутъ дѣло, но, повидимому, онъ изобрѣлъ часовой механизмъ, выполняющій всю домашнюю работу при помощи машинъ. Знаете, какъ это пишутъ: «Нажмите кнопку— вы имѣете буфетчика, который никогда не напивается», или «поверните ручку — явятся десять горничныхъ, не знающихъ, что такое флиртъ» и т. д. Да вы, навѣрно, видали эти объявленія... Ну, словомъ, каково бы тамъ ни было устройство этихъ машинъ, деньги на нихъ можно заработать хорошія, и маленькій Смайзъ, котораго я знала въ Людбери, на этомъ своемъ дѣлѣ порядочно разбогатѣлъ. Я, конечно, рада за него, что онъ сталъ на ноги, но, говоря откровенно, страшно боюсь: онъ каждую минуту можетъ явиться ко мнѣ съ докладомъ, что онъ выполнилъ мое требованіе и самъ пробилъ себѣ дорогу въ жизни — потому что это правда.

— А тотъ, другой?—повторилъ Ангусъ съ какимъ-то упорнымъ спокойствіемъ.

Лаура Гопъ неожиданно вскочила съ кресла.

— Другъ мой!—воскликнула она.—Тотъ, другой, ни строчки не писалъ мнѣ, и я понятія не имѣю, живъ онъ, или умеръ, и гдѣ онъ теперь обрѣтается. Но боюсь я именно его. Онъ всюду торчитъ у меня на дорогѣ. Чуть съ ума меня не свелъ—да и свелъ-таки, потому что я всюду чувствую его присутствіе, даже тамъ, гдѣ его не можетъ быть, и слышу его голосъ тогда, когда, казалось бы, никакъ ужъ не могла его услышать.

— Полноте, милочка,—безпечно возразилъ молодой человѣкъ.— Будь онъ самъ сатана, теперь ужъ кончено, разъ вы довѣрили другому эту тайну. Съ ума можно сходить только въ одиночку, дружокъ. Но гдѣ же это вамъ казалось, что вы слышите голосъ и чувствуете присутствіе вашего косоглазаго?

— Я слышала смѣхъ Джемса Велькина такъ же отчетливо, какъ слышу вашъ голосъ. Возлѣ меня никого не было, такъ какъ я стояла на улицѣ, на самомъ углу, какъ разъ передъ нашей кондитерской, и могла видѣть обѣ улицы. Я совсѣмъ забыла, какъ онъ смѣется, хотя смѣхъ у него такой же странный, какъ и его косоглазіе. Но я вамъ истинную правду говорю. А нѣсколько секундъ спустя я получила первое письмо отъ его соперника.

— И что же, онъ разговаривалъ или кричалъ, этотъ вашъ призракъ?—освѣдомился Ангусъ, обнаруживая нѣкоторый интересъ.

Лаура вздрогнула, потомъ отвѣтила безъ дрожи въ голосѣ:

— Да. Когда я кончила читать второе письмо отъ Изидора Смайза, съ извѣщеніемъ, что онъ разбогатѣлъ, я услыхала голосъ Велькина, говорившій: «А все-таки *ему* вы не достанетесь». Я такъ отчетливо слышала эти слова, какъ будто онъ стоялъ возлѣ меня. Это ужасно! Я, должно быть, не въ своемъ умѣ...

— Еслибъ вы, съ самомъ дѣлѣ, сошли съ ума, вы считали бы себя здоровой. Но то, что вы разсказываете объ этомъ человѣкѣ-невидимкѣ, дѣйствительно немного странно. Умъ хорошо, а два лучше, не говоря уже о прочихъ органахъ—и право же, если вы разрѣшите мнѣ, человѣку практическому и рѣшительному, принести сюда обратно съ окна свадебный пирогъ...

Онъ не успѣлъ договорить, какъ съ улицы донесся рѣзкій, металлическій звукъ, и небольшой моторъ, мчавшійся съ дьявольской быстротой, подкатилъ къ дверямъ кондитерской и остановился. Мгновеніе спустя въ кондитерской уже стоялъ крохотный человѣчекъ въ лоснящемся цилиндрѣ и топалъ ногами отъ нетерпѣнія, призывая продавщицу.

Ангусъ, до тѣхъ поръ не измѣнявшій своему невозмутимому и веселому спокойствію, внезапно обнаружилъ все волненіе своей души, однимъ прыжкомъ очутившись въ кондитерской, лицомъ къ лицу съ нежданнымъ посѣтителемъ. Достаточно было одного взгляда на него, чтобы подтвердить свирѣпую догадку влюбленнаго. Крохотная, подвижная фигурка, черная бородка клинышкомъ, нагло торчавшая впередъ, умные, безпокойные глаза, изящные, нервные пальцы, все время находившіеся въ движеніи—это не могъ быть никто иной, кромѣ только что описаннаго ему Изидора Смайза, умѣющаго вырѣзывать куколъ изъ кожуры банановъ и спичечныхъ коробочекъ, нажившаго милліоны на фабрикаціи металлическихъ непьющихъ буфетчиковъ и нефлиртующихъ горничныхъ. Съ минуту оба, каждый чутьемъ угадывая, что другой чувствуетъ себя здѣсь хозяиномъ, смотрѣли другъ на друга съ забавнымъ холоднымъ великодушіемъ, составляющимъ душу соперничества.

Не касаясь истинной причины ихъ антагонизма, м-ръ Смайзъ, началъ съ ошеломляющаго вопроса:

— Видѣла миссъ Гопъ, что тамъ, на окнѣ?

— На окнѣ?—съ изумленіемъ повторилъ Ангусъ.

— Объяснять сейчасъ некогда,—коротко заявилъ крошка-милліонеръ,—но тутъ, очевидно, творятся какія-то дурачества, которыя надо бы разслѣдовать.

Онъ указалъ своею полированною тростью на окно, недавно только опустошенное приготовленіями м-ра Ангуса къ свадебному пиру, и Ангусъ съ удивленіемъ увидѣлъ на окнѣ приклеенную снаружи длинную полосу бумаги, которой, несомнѣнно, не было тамъ, когда онъ подходилъ къ этому самому окну нѣсколько времени тому назадъ. Выбѣжавъ вслѣдъ за энергичнымъ и проворнымъ Смайзомъ на улицу, онъ увидалъ на окнѣ тщательно наклеенную длинную полосу бумаги, на которой растрепанными буквами было написано: «Если вы выйдете замужъ за Смайза, онъ умретъ».

— Лаура, — сказалъ Ангусъ, просовывая свою рыжую голову въ дверь кондитерской,—вы *не* сумасшедшая.

— Это почеркъ Велькина,—угрюмо буркнулъ Смайзъ.—Мы уже нѣсколько лѣтъ не видались съ нимъ, но онъ все время докучаетъ мнѣ. За эти двѣ недѣли я нашелъ у себя на квартирѣ пять писемъ отъ него и не могъ даже дознаться, кто принесъ эти письма—самъ ли Велькинъ, или кто другой. Швейцаръ увѣряетъ, что никого подозрительнаго не видалъ... А теперь онъ ухитрился наклеить чуть не цѣлый плакатъ на окно магазина, въ то время, какъ...

— Въ то время,—подсказалъ Ангусъ,—какъ находившіеся въ магазинѣ заняты были чаепитіемъ. Смѣю васъ увѣрить, сэръ, я высоко цѣню вашъ здравый смыслъ и умѣнье приступать прямо къ дѣлу. Остальные разговоры мы отложимъ до другого времени. Особенно далеко уйти этотъ молодчикъ не могъ: я могу поклясться, что бумаги не было, когда я въ послѣдній разъ подходилъ къ окну, а это было минутъ десять-пятнадцать тому назадъ. Съ другой стороны, онъ слишкомъ далеко ушелъ, чтобъ гнаться за нимъ, тѣмъ болѣе, что мы не знаемъ, въ какомъ направленіи. Если вы хотите послушаться моего совѣта, м-ръ Смайзъ, поручите это дѣло сейчасъ же какому-нибудь энергичному сыщику—лучше всего, частному, а не состоящему на казенной службѣ. Я знаю одного такого—весьма неглупаго малаго; его контора здѣсь по близости, минутъ пять ѣзды на вашемъ моторѣ. Его зовутъ Фламбо; правда, молодость его прошла бурно, но теперь это честнѣйшій человѣкъ, и башка у него на рѣдкость сметливая. Живетъ онъ въ Люкноу-Мэншенсѣ, Гемпстэдъ.

— Странно,—сказалъ маленькій человѣкъ, поднимая свои густыя черныя брови.—Самъ я живу въ Гималайя-Мэншенсѣ, сейчасъ за угломъ. Не желаете ли присоединиться ко мнѣ? Я бы заѣхалъ домой и захватилъ эти странныя письма Велькина;

все же это документы, а вы бы тѣмъ временемъ съѣздили за вашимъ пріятелемъ сыщикомъ.

— Вы очень добры,—учтиво сказалъ Ангусъ.—Ладно. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Оба, какъ бы щеголяя другъ передъ другомъ сдержанностью, одинаково церемонно простились съ дѣвушкой и проворно вскочили въ маленькій моторъ. Управлялъ имъ Смайзъ. Огибая уголъ, Ангусъ съ интересомъ замѣтилъ на стѣнѣ гигантскій плакатъ: «Смайзова Нѣмая Прислуга», съ изображеніемъ огромной желѣзной куклы безъ головы и съ блюдомъ въ рукѣ, на которомъ красовалась надпись: «Кухарка, которая никогда не грубитъ».

— Я пользуюсь ими и у себя дома,—смѣясь, сказалъ маленькій человѣчекъ,—отчасти въ интересахъ рекламы, отчасти потому, что это дѣйствительно удобно. По чести, эти мои заводныя куклы подадутъ вамъ уголья, или кларетъ, или расписаніе поѣздовъ, быстрѣе, чѣмъ любой живой слуга, если вы только знаете, какую кнопку нажать. Но, между нами, не стану отрицать, что и у этой механической прислуги есть свои недостатки.

— Въ самомъ дѣлѣ? Значитъ, есть и такое, чего они не могутъ дѣлать?

— Да. Напримѣръ, никто не можетъ сказать мнѣ, кѣмъ принесены ко мнѣ на квартиру эти угрожающія письма.

Моторъ у Смайза былъ маленькій и быстрый, какъ его хозяинъ, и его собственнаго изобрѣтенія, какъ и его автоматическіе слуги. Онъ хоть и былъ рекламистомъ, но вѣрилъ въ цѣнность своихъ товаровъ. Они поднимались по восходящей спирали, и бѣлыя копеи дороги мелькали передъ ними съ головокружительной быстротой. Въ этомъ уголкѣ Лондона подъемы почти также круты, какъ и въ Эдинбургѣ, только не такъ живописны. Терраса громоздилась на террасу, и тотъ высокій домъ, къ которому они направлялись, высился надъ всѣми прочими, какъ какая-нибудь египетская пирамида, позлащенный лучами заката. Когда они, завернувъ за уголъ, въѣхали въ серпообразный тупикъ, именуемый Гималайя-Мэншенсъ, передъ ними открылось цѣлое зеленое море крышъ, крытыхъ черепицей. По ту сторону усыпаннаго гравіемъ тупика тянулась ограда изъ кустовъ, больше похожая на плетень или насыпную плотину, чѣмъ на садъ; пониже виднѣлась полоска воды—искусственный каналъ, словно ровъ, выкопанный передъ этой крѣпостью. Моторъ проѣхалъ мимо продавца каштановъ; какъ разъ напротивъ, на другомъ углу, Ангусъ смутно разглядѣлъ медленно шагавшую

фигуру полисмена въ голубомъ мундирѣ. Это были единственныя двѣ фигуры, оживлявшія уединенную окраину; но Ангусу онѣ почему-то показались воплощеніемъ безмолвной поэзіи Лондона, словно дѣйствующими лицами въ какомъ-нибудь разсказѣ.

Крохотный моторъ съ стремительностью пущеннаго ядра примчался къ крыльцу дома, и его хозяинъ выскочилъ изъ него, какъ граната изъ разрывной бомбы. И тотчасъ же освѣдомился у высокаго комиссіонера въ блестящихъ галунахъ и у приземистаго швейцара въ одной жилеткѣ безъ пиджака, не спрашивалъ ли его кто-нибудь, или не присылали ли ему чего-нибудь на квартиру? Его завѣрили, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ послѣдній разъ спрашивалъ объ этомъ, никого и ничего не было; послѣ чего онъ и нѣсколько изумленный Ангусъ сѣли въ каретку лифта и мгновенно поднялись въ самый верхній этажъ.

— Зайдите на минутку, — предложилъ запыхавшійся Смайзъ .— Я хочу показать вамъ эти велькиновскія письма. За вашимъ пріятелемъ вы еще успѣете съѣздить.

Онъ нажалъ кнопку, скрытую въ стѣнѣ, и дверь сама собой отворилась.

Они очутились въ длинной, просторной передней, гдѣ только и было выдающагося, въ буквальномъ смыслѣ слова, что ряды высокихъ полу-человѣческихъ фигуръ, стоявшихъ шпалерами, какъ манекены у портного. Подобно манекенамъ, всѣ онѣ были безъ головъ; какъ у манекеновъ, у нихъ были сутуловатыя, черезчуръ пышныя плечи и выпуклыя груди; но, помимо этого, онѣ походили на людей не больше, чѣмъ всякая другая автоматически дѣйствующая машина, приблизительно человѣческаго роста. У каждой имѣлись прикрѣпленные къ плечамъ загнутые крючки, вродѣ рукъ, для того, чтобы держать подносы; и всѣ были окрашены въ разные яркіе цвѣта—розовый, зеленый, черный, чтобъ удобнѣе было различать ихъ; но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ это были только автоматы, и никому не пришло бы въ голову разглядывать ихъ. По крайней мѣрѣ, ни одному изъ вошедшихъ не пришло это въ голову. Ибо между двумя рядами автоматовъ лежало нѣчто болѣе интересное, чѣмъ самый интересный механизмъ: лежалъ обрывокъ бумаги, на которомъ было что-то нацарапано красными чернилами. Проворный изобрѣтатель схватился за него почти тотчасъ же, какъ только распахнулась дверь. Потомъ молча подалъ его Ангусу. Красныя чернила еще не успѣли высохнуть. На обрывкѣ было написано:

«Если вы видѣлись съ ней сегодня, я убью васъ».

Наступило краткое молчаніе; затѣмъ Изидоръ Смайзъ спокойно выговорилъ:

— Не хотите ли капельку виски? Я бы не прочь...

— Благодарствуйте. Я предпочелъ бы капельку Фламбо,— мрачно отвѣтилъ Ангусъ. — Мнѣ это начинаетъ не нравиться. Я лучше поскорѣе съѣзжу за нимъ.

— Вы правы,—замѣтилъ Смайзъ съ изумительной безпечностью.—Поѣзжайте и поскорѣе привозите его сюда.

Закрывая за собой входную дверь, Ангусъ увидѣлъ, какъ Смайзъ нажалъ кнопку и одинъ изъ заводныхъ автоматовъ снялся съ мѣста и направился къ нему, скользя по рельсамъ, прорѣзывавшимъ полъ, и неся въ рукахъ графинчикъ и сифонъ. Както жутко было оставлять маленькаго человѣчка наединѣ съ этими неживыми слугами.

Площадкой ниже человѣкъ безъ пиджака возился надъ ведромъ. Ангусъ остановился, чтобы взять съ него обѣщаніе, подкрѣпленное щедрой подачкой, что онъ не уйдетъ съ этой площадки до возвращенія Ангуса и никого не пропуститъ, если по лѣстницѣ станетъ подниматься кто-нибудь чужой. Внизу, въ швейцарской, онъ получилъ подобное обѣщаніе отъ комиссіонера у парадной двери, узнавъ отъ него, что чернаго хода въ квартирѣ Смайза нѣтъ. Не удовольствовавшись этимъ, Ангусъ поймалъ шагающаго полисмена и упросилъ его стать какъ разъ напротивъ подъѣзда дома, гдѣ жилъ Смайзъ, и слѣдить за всѣми входящими и выходящими. Въ концѣ концовъ, онъ остановился еще на минутку купить каштановъ, причемъ освѣдомился, долго ли торговецъ намѣренъ еще простоять на этомъ мѣстѣ.

Продавецъ каштановъ, поднимая воротникъ, отвѣтилъ, что, по всей вѣроятности, онъ скоро уйдетъ, такъ какъ, кажется, скоро станетъ падать снѣгъ. Дѣйствительно, становилось холодно и пасмурно; но Ангусъ, пустивъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, ухитрился и торговца каштанами приковать къ его мѣсту.

— Грѣйтесь собственнымъ товаромъ, — настойчиво совѣтовалъ онъ.—Съѣшьте хоть всѣ свои каштаны; вы въ накладѣ не останетесь. Я дамъ вамъ соверенъ, если вы дождетесь здѣсь моего возвращенія и скажете мнѣ, входилъ ли кто-нибудь— мужчина, женщина или ребенокъ — вонъ въ тотъ домъ, возлѣ котораго стоитъ посыльный.

Послѣ этого онъ отошелъ, въ послѣдній разъ оглянувшись на осажденный домъ.

— Теперь я окружилъ его кольцомъ,—сказалъ онъ самъ

себѣ.—Не можетъ же быть, чтобъ всѣ они были сообщниками Велькина.

Люкноу-Мэншенсъ помѣщались, одной платформой ниже Гималайя-Мэншенсъ, изображавшихъ собою вершину горы. Полу-оффиціальная контора м-ра Фламбо представляла собой во всѣхъ отношеніяхъ рѣзкій контрастъ съ квартирой Смайза, обставленной съ холодной роскошью отеля. Фламбо, дружившій съ Ангусомъ, принялъ его въ артистической комнаткѣ, убранной во вкусѣ рококо. Украшеніемъ ея были сабли, мушкеты, восточныя рѣдкости, фляжки съ итальянскимъ виномъ, котлы, въ которыхъ дикари варятъ себѣ пищу, пушистый персидскій котъ и маленькій, какой-то запыленный римско-католическій попикъ, который здѣсь казался совершенно не у мѣста.

— Это мой другъ, патеръ Браунъ,—сказалъ Фламбо.—Я уже давно хотѣлъ познакомить васъ съ нимъ. Чудесная погода, господа; немного холодновато для южанина, какъ я.

— Да, я думаю, погода продержится ясная,—сказалъ Ангусъ, усаживаясь на восточную оттоманку, обтянутую лиловымъ полосатымъ бархатомъ.

— Нѣтъ,—спокойно возразилъ попикъ,—уже идетъ снѣгъ.

И въ самомъ дѣлѣ, не успѣлъ онъ договорить, какъ предсказаніе торговца каштанами оправдалось и къ стеклу, затемняя свѣтъ, прильнуло нѣсколько бѣлыхъ хлопьевъ.

— Ну-съ,—внушительно началъ Ангусъ,—я пришелъ по дѣлу, и притомъ дѣлу спѣшному. Рукой подать отсюда находится человѣкъ, весьма нуждающійся въ вашей помощи: его все время преслѣдуетъ и грозитъ ему невидимый врагъ-негодяй. И Ангусъ разсказалъ всю исторію Смайза и Велькина, о загадочномъ смѣхѣ, невѣдомо откуда раздавшемся на углу двухъ пустыхъ улицъ, о странныхъ словахъ, прозвучавшихъ въ комнатѣ, гдѣ никого не было. По мѣрѣ того, какъ онъ разсказывалъ, Фламбо все больше заинтересовывался, а маленькій попикъ сидѣлъ безучастно, какъ столъ или стулъ. Когда дошло до полоски бумаги, наклеенной на витрину, Фламбо всталъ и словно заполнилъ всю комнату своей широкоплечей фигурой.

— Если вамъ все равно, вы лучше доскажете мнѣ остальное по дорогѣ къ дому этого господина. И дорогу надо взять ближайшую. Мнѣ думается, что тутъ времени терять нельзя.

— Я въ восторгѣ,—отвѣтилъ Ангусъ, такъ же поднимаясь,—хотя въ данный моментъ, я думаю, онъ въ безопасности, потому что я поставилъ четырехъ человѣкъ наблюдать за единственною щелью, которая ведетъ въ его нору.

Они вышли на улицу; маленькій попикъ бѣжалъ за ними, покорно, какъ собаченка. По пути онъ произнесъ безпечнымъ тономъ, какъ будто пытаясь завязать разговоръ:

— Смотрите, какъ много уже нанесло снѣгу.

Поднимаясь по круто идущимъ въ гору улицамъ, уже усыпаннымъ словно серебрянымъ порошкомъ, Ангусъ докончилъ свой разсказъ и, дойдя до серпообразнаго тупика, надъ которымъ высился рядъ домовъ, обратилъ все свое вниманіе на поставленныхъ имъ часовыхъ. Торговецъ каштанами и до того, и послѣ того, какъ получилъ обѣщанный соверенъ, клялся и божился что онъ все время смотрѣлъ на дверь, и въ домъ никто не входилъ. Полицейскій съ большимъ паѳосомъ доказывалъ, что онъ-то ужъ съумѣетъ отличить подозрительнаго человѣка, будь онъ оборванцемъ, или въ цилиндрѣ; вѣдь онъ же понимаетъ, что преступники всячески стараются не казаться подозрительными. Онъ смотрѣлъ во всѣ глаза и положительно можетъ завѣрить, что *никого* не видалъ. Затѣмъ, они всѣ трое собрались вокругъ раззолоченнаго комиссіонера, съ улыбкой на лицѣ стоявшаго въ дверяхъ—и тотъ еще рѣшительнѣе заявилъ:

— Я вправѣ опрашивать каждаго входящаго, все равно, герцога или полотера, куда и къ кому онъ идетъ, и готовъ присягнуть, что некого было даже спросить о томъ съ тѣхъ поръ, какъ ушелъ этотъ джентльменъ.

Скромный попикъ, стоявшій позади всѣхъ, скромно глядя на мостовую, рискнулъ вставить слово:

— Развѣ никто не входилъ и не выходилъ обратно съ тѣхъ поръ, какъ началъ падать снѣгъ? Онъ началъ падать еще, когда мы были у Фламбо.

— Ни единая душа, сэръ, можете положиться на меня,— съ лучезарной авторитетностью завѣрилъ комиссіонеръ.

— Въ такомъ случаѣ, я не понимаю что же это, — возразилъ попикъ, выпучивъ глаза, какъ рыба и глядя на тротуаръ.

Всѣ послѣдовали его примѣру, и Фламбо энергично выругался, сопровождая это краснорѣчивымъ жестомъ истаго француза. Ибо нельзя было отрицать, что по самой серединѣ подъѣзда, охраняемаго этимъ раззолоченнымъ стражемъ, какъ разъ между самоувѣренно раздвинутыми ногами колосса виднѣлись слѣды подошвъ, четко оттиснувшіеся на бѣломъ снѣгу.

— Боже мой!—невольно вырвалось у Ангуса.—Человѣкъ-невидимка!

Не говоря больше ни слова, онъ повернулся и стрѣлой

помчался вверхъ по лѣстницѣ Фламбо за нимъ. Отецъ Браунъ продолжалъ стоять, озираясь вокругъ, на засыпанной снѣгомъ улицѣ, какъ бы утративъ всякій интересъ къ дальнѣйшимъ розыскамъ.

Фламбо, очевидно, готовъ былъ высадить дверь богатырскимъ плечемъ, но Ангусъ, болѣе разсудительный, шарилъ рукой по двери, пока не нащупалъ кнопки, нажалъ ее, и дверь медленно отворилась.

Видъ комнаты, въ которую они вошли, былъ прежній; въ ней только стало темнѣе, хотя мѣстами на полу и на предметахъ еще лежали послѣдніе алые блики заката, да изъ безголовыхъ автоматовъ двѣ-три фигуры стояли почему-то не на своихъ мѣстахъ. Яркость ихъ окраски, въ сумеркахъ стушевывалась, и самая безформенность ихъ при этомъ тускломъ освѣщеніи придавала имъ большое сходство съ человѣческими фигурами. Но посреди ихъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ раньше лежалъ лоскутъ бумаги, исписанный красными чернилами, теперь было нѣчто, весьма походившее на красныя чернила, пролитыя на полъ. Но это были *не* красныя чернила.

Какъ истый французъ, соединяя разсудительность съ пылкостью, Фламбо воскликнулъ: «Убійство», и въ пять минутъ обшарилъ всю квартиру, заглядывая во всѣ углы и шкафы. Изидора Смайза, ни живого, ни мертваго, въ квартирѣ не было. Послѣ утомительнѣйшихъ поисковъ оба пріятеля, обливаясь потомъ, сошлись въ передней и въ недоумѣніи посмотрѣли другъ на друга.

— Другъ мой,—сказалъ Фламбо, отъ волненія переходя на французскій языкъ,—вашъ убійца не только самъ носитъ шапку-невидимку, но ухитрился надѣть ее и на убитаго.

Ангусъ оглядѣлъ еще разъ темнѣющую комнату, уставленную автоматами, и въ одномъ изъ кельтическихъ уголковъ его шотландской души шевельнулся ужасъ. Одна изъ этихъ куколъ въ человѣческій ростъ стояла какъ разъ надъ кровавымъ пятномъ, быть можетъ—приведенная въ движеніе убитымъ за минуту до того, какъ ему нанесли ударъ. Одинъ изъ прикрѣпленныхъ къ плечу крюковъ, замѣнявшихъ ей руки, былъ слегка приподнятъ, и въ умѣ Ангуса мелькнула ужасающая мысль, что бѣдный Смайзъ, быть можетъ, умерщвленъ своимъ же собственнымъ желѣзнымъ дѣтищемъ. Матерія возмутилась; твореніе умертвило творца. Но если и такъ, куда же они дѣли его, эти желѣзныя куклы?..

— Слопали?—шевельнулась въ мозгу кошмарная мысль. И

на мигъ потемнѣло въ глазахъ отъ представившагося Ангусу зрѣлища обрывковъ человѣческаго тѣла, проглоченныхъ и раздавленныхъ этими безголовыми машинами!

Усиліемъ воли онъ отогналъ этотъ кошмаръ и сказалъ Фламбо:

— Что же это такое? Бѣдняга растаялъ безслѣдно, какъ облачко, оставивъ только красное пятно на полу. Это какое-то сверхъестественное исчезновеніе.

— Сверхъестественное или нѣтъ,—возразилъ Фламбо,—остается только одно: сойти внизъ и потолковать съ моимъ пріятелемъ.

Они спустились съ лѣстницы, снова пройдя мимо человѣка съ ведромъ, который снова завѣрилъ ихъ, что никто чужой не проходилъ мимо; а внизу комиссіонеръ и торговецъ каштанами продолжали упорно твердить, что они смотрѣли во всѣ глаза и никого не видѣли. Но, когда Ангусъ оглядѣлся вокругъ, ища четвертаго свидѣтеля, онъ не нашелъ его и раздражительно воскликнулъ:

— Гдѣ же полисменъ?

— Прошу извинить,—сказалъ отецъ Браунъ.—Это моя вина. Я послалъ его внизъ осмотрѣть нѣчто, что, по моему, стоитъ осмотрѣть.

— А намъ какъ разъ его и нужно,—рѣзко сказалъ Ангусъ,—потому что этотъ несчастный тамъ наверху не только убитъ, но стертъ съ лица земли.

— Какъ такъ!—удивился попикъ.

— Батюшка,—помолчавъ, сказалъ Фламбо,—клянусь душой, это не столько по моей части, сколько по вашей. Ни другъ, ни врагъ не входилъ, въ этотъ домъ — а между тѣмъ Смайзъ исчезъ, какъ будто его утащили злые духи. Если это не сверхъестественно, пусть я...

Онъ не договорилъ, пораженный необычнымъ зрѣлищемъ: огибая уголъ тупика, къ нимъ бѣгомъ бѣжалъ огромный полисменъ въ синемъ мундирѣ. Онъ обратился прямо къ Брауну.

— Вы были правы, сэръ: тамъ внизу въ канавѣ только что нашли тѣло м-ра Смайза.

Ангусъ растерянно схватился руками за голову.

— Что же онъ, сбѣжалъ внизъ и утопился?

— Я готовъ присягу принять, что онъ не сходилъ внизъ,—возразилъ констэбль,—и утопиться онъ не могъ, потому что раньше былъ убитъ кинжаломъ въ сердце.

— А между тѣмъ никто не входилъ въ домъ, какъ вы увѣряете?—загробнымъ голосомъ сказалъ Фламбо.

— Пройдемтесь немного внизъ по дорогѣ, — сказалъ попикъ.

Когда они дошли до другого конца серпообразнаго тупика, онъ вдругъ воскликнулъ:

— Ахъ, я глупый! Я и забылъ спросить у полисмена, не нашли ли они тамъ свѣтло-коричневаго мѣшка.

— Почему: свѣтло-коричневаго мѣшка?—изумился Ангусъ.

— Потому что, еслибъ это былъ мѣшокъ другого цвѣта,— надо все начать сначала, но если это мѣшокъ свѣтло-коричневый, дѣло выяснено окончательно.

— Очень радъ это слышать,—иронически замѣтилъ Ангусъ.—Для меня лично оно еще не начинало выясняться.

— Разскажите намъ, батюшка, какъ это было,—просто попросилъ Фламбо, съ какой-то странной дѣтской довѣрчивостью.

Спускаясь по крутому уклону, они невольно ускорили шаги. Отецъ Браунъ шелъ впереди, какъ вожатый, но молча. Наконецъ, онъ выговорилъ съ какой-то трогательной застѣнчивостью:

— Боюсь, что это покажется вамъ такимъ прозаическимъ... Мы всегда начинаемъ съ отвлеченнаго... Впрочемъ, въ данномъ случаѣ и нельзя начать иначе. Замѣчали вы когда-нибудь, что люди никогда не отвѣчаютъ вамъ прямо на вопросъ? Они отвѣчаютъ не на слова ваши, а на вашу мысль, какою она имъ представляется. Положимъ, одна дама спрашиваетъ другую, къ которой она пріѣхала въ усадьбу погостить: «У васъ есть кто-нибудь?» Вѣдь эта дама не отвѣтитъ: «Да, буфетчикъ, горничная, три лакея и т. д.», хотя горничная, можетъ быть, тутъ же въ комнатѣ, а лакей стоитъ у нея за стуломъ. Она скажетъ: «Нѣтъ, у насъ никого нѣтъ», такъ какъ предполагаетъ, что вы спрашиваете про—гостей, а гостей у нихъ въ домѣ нѣтъ. Но, если докторъ во время эпидеміи спроситъ ту же даму: «Кто у васъ есть въ домѣ?»—то она вспомнитъ и про буфетчика, и про лакея, и про горничную. У насъ ужъ выработался такой языкъ: отвѣчая на вопросъ, никогда не понимаютъ его буквально, даже когда говорятъ правду. И когда эти четыре человѣка, вполнѣ добросовѣстные, увѣряли, что никто не входилъ въ домъ и не выходилъ изъ него, они, разумѣется, не имѣли въ виду сказать, что *ни одинъ человѣкъ* не входилъ въ домъ. Они говорили только, что не входилъ никто, кого они имѣли бы основаніе заподозрить. Былъ человѣкъ, который вошелъ въ домъ и вышелъ изъ него, но они его даже не замѣтили.

— Человѣкъ-невидимка?—спросилъ Ангусъ, поднимая свои рыжія брови.

— Въ переносномъ смыслѣ невидимка,—пояснилъ отецъ Браунъ.

Подумавъ минутку, онъ продолжалъ тѣмъ же ровнымъ и негромкимъ голосомъ, словно размышляя про себя:

— Разумѣется, вамъ не придетъ въ голову замѣтить человѣка, пока что-либо не обратитъ на него вашего вниманія. А онъ уменъ и пользуется этимъ. Меня лично заставили обратить на него вниманіе двѣ-три подробности въ разсказѣ м-ра Ангуса. Во-первыхъ, тотъ фактъ, что этотъ Велькинъ былъ любителемъ дальнихъ прогулокъ. Затѣмъ, что на окно была наклеена *гербовая бумага*. И, наконецъ, главнымъ образомъ, увѣренія молодой лэди—увѣренія, въ которыхъ *не могло* быть правды. Не сердитесь,—поспѣшилъ онъ прибавить, замѣтивъ, какъ шотландецъ мотнулъ головой:—она думала, что говоритъ правду, но это *не могло* быть правдой. Человѣкъ *не можетъ быть* совсѣмъ одинъ на улицѣ за нѣсколько секундъ до того, какъ онъ получаетъ письмо. Онъ *не можетъ быть* одинъ въ комнатѣ, когда начинаетъ читать письмо, только что передъ этимъ полученное. Возлѣ него долженъ быть еще нѣкто, только въ переносномъ смыслѣ невидимый, потому что его не замѣчаютъ.

— Почему же непремѣнно кто-нибудь долженъ быть возлѣ нея?—надменно спросилъ Ангусъ.

— Потому,—отвѣтилъ отецъ Браунъ,—что голубиной почты у насъ нѣтъ; значитъ кто-нибудь долженъ же былъ принести ей письмо.

— Вы хотите сказать,—съ живостью вмѣшался Фламбо,—что Велькинъ самъ носилъ этой молодой лэди письма своего соперника?

— Да. Велькинъ самъ носилъ ей письма своего соперника. И *не могъ* не носить.

Фламбо, наконецъ, прорвало.

— Нѣтъ, я не могу больше терпѣть! Что же это за человѣкъ? Какое обличье принимаетъ на себя этотъ въ переносномъ смыслѣ невидимка?

— Онъ одѣтъ довольно красиво, въ красный и синій съ золотомъ цвѣта. И въ этомъ яркомъ, можно даже сказать бьющемъ въ глаза костюмѣ, онъ вошелъ въ домъ, называемый Гималайя-Мэншенсъ, на глазахъ четырехъ человѣкъ, слѣдившихъ за нимъ, преспокойно убилъ Смайза, снова спустился по лѣстницѣ, и вышелъ на улицу, неся на рукахъ тѣло убитаго...

— Преподобный отецъ, — воскликнулъ Ангусъ, какъ вкопанный,—кто изъ насъ сошелъ съ ума: вы, или я?

— Вы умственно здоровы,—сказалъ Браунъ,—вы только мало наблюдательны. Вы не обращаете вниманія, вотъ, напримѣръ, на такихъ людей, какъ *этотъ*.

Онъ быстро шагнулъ впередъ и положилъ руку на плечо обыкновеннѣйшаго почтальона, прошмыгнувшаго мимо нихъ, въ тѣни деревьевъ.

— Почему-то никто никогда не замѣчаетъ почтальоновъ,—раздумчиво выговорилъ онъ,—а, между тѣмъ, у нихъ есть страсти, какъ у всѣхъ другихъ людей, и даже есть при себѣ большіе мѣшки, въ которые не трудно спрятать небольшое тѣло.

Почтальонъ, вмѣсто того, чтобъ изумиться, какъ-то нырнулъ, споткнулся и навалился на заборъ. Это былъ высокій, тощій человѣкъ съ русой бородой, самой обыкновенной наружности; но когда онъ повернулъ къ нимъ испуганное лицо, всѣ трое замѣтили, что глаза у него какъ-то злобно и непріятно косятъ.

Фламбо вернулся обратно къ своимъ саблямъ, къ краснымъ коврамъ и персидскому коту; у него было и дома много дѣла. Джонъ Торнбулль Ангусъ вернулся въ кондитерскую къ молодой особѣ, въ обществѣ которой этотъ неосторожный молодой человѣкъ чувствовалъ себя превосходно. Отецъ Браунъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ бродилъ вмѣстѣ съ убійцей по покрытымъ снѣгомъ полямъ и холмамъ. Что они говорили другъ другу—это такъ и осталось неизвѣстнымъ.

III.

Самое дорогое.

Разсказъ Темпля Тзерстона.

Самое дорогое, что есть у мужчины—его мужественность—оказывается, немногаго стоитъ на жизненномъ рынкѣ. Правда, когда человѣку приходится начать торговать и этимъ, природа добросовѣстно старается вознаградить его. Постепенно она снимаетъ съ него одежду стыда, въ которую онъ сначала облекается,—точно такъ, какъ она умѣряетъ силу вѣтра для стриженой овцы.

Мало-по-малу вѣтеръ, ослабѣвая, падаетъ, почти совсѣмъ, и одежда стыда становится уже ненужной.

И человѣкъ, утратившій свое самое дорогое, страдаетъ меньше, чѣмъ когда онъ былъ облеченъ въ эту одежду стыда. А такъ какъ въ нашъ вѣкъ мы стремимся устранить страданіе, то лучше не критиковать природу, нашу величайшую филантропку.

Есть, однако, люди, которые отказываются отъ всякой помощи, хранятъ свою гордость до конца, и самыя ласковыя попытки природы совлечь съ нихъ одежду стыда остаются безуспѣшными. Съ собачьимъ упорствомъ они цѣпляются за нее до послѣдней минуты. Безъ сомнѣнія, они чувствуютъ, что стыдъ этотъ—какъ бы квитанція за проданное, и, быть можетъ, когда-нибудь они смогутъ выкупить его.

Такихъ людей немного, ибо лѣпятъ ихъ изъ очень тонкой и рѣдчайшей глины. Одного такого я зналъ, и вотъ его исторія.

Однажды, поздно вечеромъ, я шелъ по Риджентъ-стритъ. Рестораны отдавали улицѣ своихъ мертвецовъ—по совѣсти, я не могу считать живыми завсегдатаевъ этихъ ресторановъ. Изъ дверей гурьбами высыпали молодыя женщины и молодые люди, въ соболяхъ и горностаяхъ, съ жемчужными запонками и пуговицами изъ драгоцѣнныхъ камней на жилетахъ.

— Господи Боже!—жаловался одинъ изъ нихъ.—Свободная страна, а между тѣмъ, въ половинѣ перваго насъ посылаютъ спать, точно ребятъ!

Взглядъ его, когда онъ говорилъ это, былъ обращенъ на темную тусклую фигуру человѣка, стоявшаго одной ногой на тротуарѣ, другой—въ канавѣ, продавая спички. На мигъ это создало какую-то общность между ними, какое-то минутное родство, которое все же существуетъ между особями человѣческой породы, сливая ихъ всѣхъ въ одно братство.

Я посмотрѣлъ на одного, въ его сдвинутомъ на бокъ шапоклякъ, потомъ на другого, въ его дырявой шапченкѣ, выцвѣтшемъ пальто и съ пригоршней спичечныхъ коробокъ въ рукѣ. На мигъ въ глазахъ послѣдняго мелькнуло выраженіе безграничнаго отчаянія и въ то же время крайняго недоумѣнія. И такъ легко было въ этотъ мигъ прочесть въ его глазахъ всѣ его мысли.

Я протолкался сквозь толпу и подошелъ къ нему. Онъ безъ труда могъ угадать во мнѣ возможнаго покупателя, но все же не протянулъ ко мнѣ ожидающей руки. А какъ, должно быть, трудно удержаться отъ этого, когда тысяча человѣкъ уже прошли мимо, не замѣтивъ васъ!

— Вы слышали, что сказалъ этотъ господинъ?—спросилъ я, взявъ у него коробочку спичекъ.

Онъ кивнулъ головой.

— Трудно понять, не правда ли?

Онъ опять кивнулъ головой.

— Неужели имъ не хочется спать?—спросилъ онъ.

— Законъ природы,—сказалъ я.—Человѣку никогда не хочется того, чего онъ не заслужилъ. Вотъ они сейчасъ сидѣли въ ресторанѣ и ужинали, а, навѣрное, ни одному изъ нихъ и ужинать не хотѣлось.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ изумленіемъ и выговорилъ одно только слово:

— Го-осподи!

Мы еще немного поговорили, и затѣмъ я далъ ему на ужинъ и почлегъ, которые, Богу извѣстно, были имъ вполнѣ заслужены.

— Приходите ко мнѣ завтра утромъ,—сказалъ я,—вымыть окна въ моей квартирѣ.

Съ этого и началось наше знакомство. Разъ въ недѣлю онъ регулярно приходилъ ко мнѣ мыть окна. И окна мои блестѣли, словно зеркальныя.

За эти дни я многое узналъ о немъ. Многое узналъ я и о томъ, что значитъ быть настоящимъ бѣднякомъ и стоять на тротуарѣ, продавая спички и угадывая свои шансы по лицамъ проходящихъ мимо. Мнѣ теперь стало понятно, что испытываетъ человѣкъ, когда среди тысячъ лицъ, перевиданныхъ имъ за день, онъ выбираетъ одно подобрѣе и сразу вкладываетъ въ него свой маленькій капиталъ надежды, ставя его весь на карту на одно понравившееся ему лицо. Лицо это постепенно приближается. Еще минута—и если онъ вѣрно понялъ въ эти ласковые глаза, въ его карманѣ прибавится еще одно пенни къ четыремъ, которые тамъ накопились за послѣдніе шесть часовъ. Вотъ, вотъ. Сейчасъ! Но нѣтъ, ласковые глаза, не замѣтивъ, прошли мимо. Надежда обманула; маленькій капиталъ растраченъ, лопнулъ, какъ мыльный пузырь.

Да, кажется, теперь я знаю, что такое бѣдность, знаю благодаря ему. Гдѣ только могъ, я добывалъ ему работу. Но постоянной работы никогда не могъ добыть, какъ будто ея и не существуетъ. Но все же эти случайныя занятія вносили разнообразіе въ монотонную торговлю спичками на Риджентъ-стритѣ.

Однажды онъ пришелъ ко мнѣ съ новостью.

— Я нашелъ работу,—началъ онъ, дыша на стекла и старательно протирая ихъ полотенцемъ.

— Чудесно!—воскликнулъ я.—Но почему же вы такъ странно это говорите? Развѣ эта работа временная?

— Если я захочу, будетъ и постоянная.

— Но вы не хотите?

На мигъ вся моя вѣра въ него была подорвана.

— «Вотъ эти бѣдные всегда такъ,—подумалъ я.—Въ душѣ всѣ они неисправимые лѣнтяи и ненавидятъ работу».

— Пріятно вамъ было бы зарабатывать кусокъ хлѣба тѣмъ, чтобъ одѣваться въ женское платье и среди бѣлаго дня расхаживать по улицамъ, на потѣху людямъ, которые будутъ хохотать надъ вами, видя, какъ вы валяете изъ себя дурака?

Я сразу понялъ его. Ему предложили деньги за самое дорогое, что у него было—за его мужеское естество.

— Вѣроятно, реклама?—спросилъ я.

Онъ наклонилъ голову.

— Пантомима—какая-то «Вдова-проказница»—или что-то въ этомъ родѣ. Они хотятъ пустить по улицамъ живую рекламу. И хуже всего, что платятъ-то недурно.

— И вамъ жаль отказаться, и не хочется браться за это?

Съ минуту онъ стоялъ въ раздумьѣ.

— Я никакой работой не брезгаю,—началъ онъ;—но что, если меня увидитъ кто-нибудь знакомый? Тутъ дѣло вѣдь не въ томъ только, что на меня надѣнутъ юбки...

— На сценѣ это дѣлается сплошь и рядомъ.

Самъ онъ объ этомъ не подумалъ, и у него, видимо, сразу отлегло отъ сердца.

— Вѣдь и на сценѣ въ этой пантомимѣ будетъ выступать мужчина, переодѣтый женщиною,—продолжалъ я.

— Да, но тамъ будутъ смотрѣть его за плату и, заплативши деньги, будутъ находить, что онъ хорошо играетъ. А на меня будутъ смотрѣть совсѣмъ иначе.

Да, тутъ несомнѣнно была разница. Я понялъ, что, когда, дѣло идетъ о самомъ дорогомъ, люди улавливаютъ всѣ оттѣнки.

— Тогда зачѣмъ же вы соглашаетесь?—спросилъ я, ибо, по его тону, я уже впередъ зналъ, что онъ согласится.

Повидимому, тутъ была замѣшана дѣвушка. Три мѣсяца уже онъ гулялъ съ нею въ тѣ рѣдкія минуты, когда бѣднякъ можетъ оторваться отъ работы. Три мѣсяца онъ тратилъ на нее то немногое, что можетъ сберечь бѣднякъ отъ крошекъ, падающихъ въ добрые дни со стола богачей.

— Знаетъ она, что вы не можете найти работы?

Онъ покачалъ головой.

— Я ей совралъ, что я нашелъ работу—постоянную. Она, пожалуй, и не захотѣла бы быть со мной знакомой, еслибъ знала, что я только спичками торгую. А теперь она невѣсть что обо мнѣ воображаетъ. Я ей сказалъ, что вѣнчаться, пока, не рѣшаюсь—пока не найду чего-нибудь болѣе прочнаго.

— И вотъ—теперь нашли?

— Да, нашелъ...—Онъ съ такою силой натянулъ полотенце, которымъ протиралъ стекла, что, я думалъ, оно порвется. О, его лицо было краснорѣчиво. Вы, вѣроятно, думаете, что у бѣдняковъ одна задача—какъ бы прокормиться? Нѣтъ, у нихъ тоже есть свои маленькіе проклятые вопросы — какъ и у насъ съ вами.

— Мнѣ такъ боязно: что она обо мнѣ подумаетъ, когда узнаетъ?—продолжалъ онъ.—Если я скажу ей, что я валяю изъ себя дурака на улицахъ, переодѣтый старой бабой—можетъ быть, она и смотрѣть-то на меня не захочетъ.

— Ну, мало же вы ее знаете, если такъ о ней думаете,—сказалъ я.

— А вы думаете, что вы хорошо знаете женщинъ? Каковъ мужъ, такова и жена.

— Не всегда,—возразилъ я.—Нѣкоторыя изъ нихъ идутъ дальше. Если, напримѣръ, мужъ—политическій дѣятель, жена иной разъ держитъ себя такъ, какъ будто онъ уже первый министръ. Но это только нѣкоторыя. Лучшія—а такихъ большинство—не заботятся о томъ, что такое представляютъ собой ихъ мужья—пока они ихъ мужья... Но если вы боитесь ей сказать, зачѣмъ же говорить? Это ваше дѣло, не ея. Слава Богу, мужу не надо спрашиваться у жены.

— Но что же я скажу ей?—безпомощно допытывался онъ. Изобрѣтательностью онъ, очевидно, не страдалъ.

— Что хотите скажите, лишь бы она не узнала. Но, на вашемъ мѣстѣ, я бы все-таки сказалъ ей правду.

Этотъ совѣтъ былъ наилучшимъ, но онъ не послѣдовалъ ему. Онъ продалъ свое самое дорогое и женился на любимой дѣвушкѣ. Но такъ какъ ему все казалось, что онъ, женясь, ее обманываетъ и предлагаетъ ей то, чего у него уже нѣтъ, то онъ постарался, по крайней мѣрѣ, скрасить это. И не вдаваясь въ подробности, сказалъ, ей, что поступилъ въ типографію на Флитъ-стритъ, а комнату взялъ на другомъ концѣ города, чтобъ она случайно не увидала его на улицѣ. У него былъ пріятель наборщикъ—вотъ онъ отъ него и позаимствовался этимъ ремесломъ.

— Мы набираемъ буквы для разныхъ книжекъ,—пояснялъ

онъ,—тѣхъ самыхъ, какія ты видала на вокзалахъ—знаешь, на ларяхъ, гдѣ пассажиры покупаютъ себѣ что-нибудь почитать въ дорогу. И трудное это дѣло, скажу тебѣ. Мы исправляемъ ошибки, которыя дѣлаютъ писатели—какъ бишь это зовется?—пунктуацію, грамматику и все такое.

Это онъ слыхалъ отъ пріятеля-наборщика. Ну, и разумѣется, кое-что прибавилъ отъ себя, на радостяхъ, что ему вѣрятъ. Когда врешь, очень пріятно видѣть, что тебѣ вѣрятъ.

А самъ, тѣмъ временемъ, каждый день расхаживалъ по улицамъ, одѣтый старой бабой, по Оксфордъ-стритъ, по Риджентъ-стритъ, по Пиккадилли—по всѣмъ тѣмъ шумнымъ улицамъ и площадямъ, гдѣ антрепренеры надѣются живой рекламой привлечь досужее вниманіе досужихъ богачей.

Однажды мнѣ случилось видѣть это шествіе. Съ полдюжины мужчинъ шагали передо мной въ черныхъ юбкахъ альпага, и мнѣ, мужчинѣ, какъ-то совѣстно было смотрѣть на нихъ. Чтобъ не сконфузить моего пріятеля, я отвернулся къ окну, въ расчетѣ, что онъ, проходя, не замѣтитъ меня. Но въ зеркало я все-таки вглядывался во всѣ эти мужскія лица—это былъ какъ бы опытъ сравнительнаго изученія стыдливости и безстыдства. На губахъ одного играла идіотская усмѣшка, словно говорившая: «Я знаю, что валяю дурака, но что за бѣда. Надо же чѣмъ-нибудь кормиться». Въ угрюмомъ лицѣ другого я прочелъ напускное равнодушіе. Третій самъ смѣялся и отшучивался въ отвѣтъ на шуточки прохожихъ, но и у него я видѣлъ признаки стыда. Онъ пытался скрыть его подъ шутками, но слѣдъ оставался. Онъ силился—быть можетъ, не напрасно—скрыть презрѣніе, которое чувствовали къ нему другіе, и онъ самъ. И, можетъ быть, не безуспѣшно.

Послѣднимъ шелъ мой другъ. Въ зеркалѣ витрины отразилось и его лицо, когда онъ проходилъ. И мое собственное лицо вспыхнуло краской стыда, когда я увидѣлъ, какъ мучительно кривились его губы. Ни разу онъ не поднялъ головы, ни разу не взглянулъ на тротуаръ; такъ и шелъ съ опущенными глазами, какъ человѣкъ, уже не имѣющій права называть себя мужчиной. Никогда еще мнѣ не было такъ ясно, какая большая и реальная, такъ сказать осязаемая вещь—человѣческое достоинство. Къ счастью, онъ не замѣтилъ меня, и грустная процессія, пройдя мимо, скрылась въ суетѣ шумныхъ улицъ.

А теперь я вамъ разскажу конецъ этой исторіи, потому что всякая исторія имѣетъ конецъ. Такихъ мукъ, какія терпѣлъ онъ, нельзя терпѣть безъ конца. И, когда приходитъ конецъ,

иной разъ оказывается, что стыдиться-то, собственно, не слѣдовало.

Случилось, что жена его съ своей окраины попала въ аристократическія улицы западной части города, и здѣсь, на Риджентъ-стритъ, столкнулась лицомъ къ лицу съ Вдовой-проказницей. Живая реклама была разсчитана на привлеченіе публики—и привлекала. Въ этихъ безполыхъ фигурахъ было что-то вызывавшее такое же болѣзненное любопытство, какое вызываютъ иногда судебные процессы объ убійствахъ.

Она стояла на тротуарѣ, глядя на участниковъ процессіи, проходившихъ мимо, и заглядывая каждому въ лицо, увлеченная—быть можетъ, безсознательно,—тѣмъ изученіемъ человѣческой природы, къ которому тянетъ всѣхъ насъ.

При видѣ собственнаго мужа, въ женскомъ платьѣ, она такъ взволновалась, что у нея захватило духъ. Она хотѣла окликнуть его, и не могла; слова останавливались въ горлѣ. Когда они прошли, она съ минуту, неподвижная, глядѣла имъ вслѣдъ; потомъ ей показалось, что этого не можетъ быть, ей померещилось, что это ея мужъ,—и она пошла за ними.

Изъ улицы въ улицу переходили они на своемъ нескончаемомъ пути; изъ улицы въ улицу слѣдовала за ними по пятамъ молодая женщина, обдумывая и соображая. Выраженіе лица ея мужа, та скорбь и стыдъ, которые она прочла въ его лицѣ, были для нея ключемъ къ загадкѣ.

И когда она поняла—а поняла она скоро, ибо женщины догадливы и чутки,—когда она поняла, она молча пошла домой.

И въ ту ночь, когда погасъ огарокъ ихъ свѣчи, лежа съ мужемъ въ темнотѣ и держа его руку въ своей—только тогда, не раньше,—она шепнула ему, что она знаетъ.

Я какъ будто слышу его: «О Го-осподи»!—и знаю, что она сказала ему. Онъ мнѣ разсказалъ объ этомъ ужъ много времени спустя.

Она сказала:

— Я бы сдѣлала то же самое—доведись мнѣ, я сдѣлала бы то же самое для тебя.

— Ну,—сказалъ я, выслушавъ его разсказъ,—хорошо ли я знаю женщинъ?

— Лучше этого вы ничего не узнаете.

— Знаю, но, пока, не скажу,—отвѣтилъ я,

IV.

Клубъ предложеній.

Разсказъ Барри Пэнъ. (Изъ сборника разсказовъ: «Stories without tears»).

Обѣдъ въ Клубѣ Предложеній, повторяющійся каждую четверть года, близился къ концу. Въ клубѣ было тридцать членовъ, и сегодня они явились на обѣдъ въ полномъ составѣ.

Лордъ Норзберри, президентъ, сидѣвшій во главѣ стола, одинъ изъ всѣхъ казался спокойнымъ и веселымъ. Лица остальныхъ выражали тревогу, даже страхъ. Еще немного, и наступитъ критическій моментъ—выполненія той крайне странной задачи, ради которой былъ основанъ клубъ. Д-ръ Багшотъ, секретарь клуба, уже перебиралъ какія-то бумаги, приготовляясь записывать. Въ особенности бросалось въ глаза выраженіе тревоги въ лицѣ полковника Севентри, красиваго мужчины лѣтъ пятидесяти, бесѣдовавшаго за чашкой кофе съ своимъ юнымъ пріятелемъ, Ричардомъ Тоуэромъ. Полковникъ лихорадочно мялъ и комкалъ въ пальцахъ меню обѣда, на которомъ, въ уголкѣ, изображенъ былъ гербъ и символъ клуба—Курцій, прыгающій въ бездну.

— Нехорошо, дружище,—говорилъ полковникъ.—Это значитъ играть съ огнемъ.

— Зачѣмъ же вы вступили въ члены клуба?

— Норзберри доказывалъ чертовски убѣдительно... Вы сами знаете, какой онъ. Казалось какъ-то даже непорядочнымъ не записаться въ члены...

Въ адресной книгѣ вы не найдете адреса Клуба Предложеній, и секретарь его, съ которымъ я знакомъ лично, просилъ меня не сообщать его. Члены клуба обязательно должны быть не женаты, вполнѣ здоровы, въ состояніи содержать жену и не слишкомъ безобразны. На каждомъ засѣданіи, члены клуба, послѣ обѣда, бросаютъ трижды жребій, и тѣ трое, чьи фамиліи выйдутъ по жребію, обязаны сдѣлать опредѣленной женщинѣ предложеніе руки и сердца въ трехмѣсячный срокъ, до слѣдующаго общаго собранія. Каждому изъ трехъ указывается женщина, которой онъ долженъ сдѣлать пред-

ложеніе, при чемъ женщина выбирается такая, которой, при другихъ обстоятельствахъ, врядъ ли кто когда-либо предложилъ бы руку и сердце.

Лордъ Норзберри съ большимъ энтузіазмомъ восхвалялъ высокую задачу, которую поставилъ себѣ клубъ. «Не велико рыцарство—говорилъ онъ—любить и оберегать женщину, которую хочется любить и оберегать. Не велика заслуга отдать свое сердце, когда невозможно удержать его. А вотъ пожертвовать собою съ веселымъ сердцемъ ради женщины, обиженной природою и судьбой,—вотъ это рыцарство, это заслуга!»

— Притомъ — продолжалъ полковникъ, — я игрокъ. Со стороны Норзберри это была блестящая идея — скопировать Клубъ Самоубійцъ Стивенсона, но сдѣлать ставки еще выше.

— Выше?—повторилъ Тоуэръ.

— Ну, разумѣется. Я никогда не смотрѣлъ на смерть какъ на самое важное, что можетъ приключиться съ человѣкомъ. Норзберри знаетъ это. По моему расчету, мнѣ остается жить еще лѣтъ двадцать. Весьма возможно, что въ теченіе слѣдующихъ десяти минутъ другіе за меня рѣшатъ, какъ я проведу эти двадцать лѣтъ. Мнѣ велятъ сдѣлать предложеніе опредѣленной женщинѣ, и, какъ вамъ извѣстно, особая комиссія строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы, дѣлая предложеніе, тотъ, на кого палъ жребій, прилагалъ всѣ старанія къ тому, чтобъ оно было принято. И я рискую оказаться женихомъ.—Онъ нагнулся къ уху сосѣда и выразительно шепнулъ:— Попомните мои слова, Тоуэръ: если сегодняшній вечеръ для меня пройдетъ благополучно, я выйду изъ состава членовъ. Я не въ состояніи еще разъ пережить это.

— У васъ карточка готова?—спросилъ Тоуэръ.—Ихъ уже начинаютъ отбирать.

Двое лакеевъ съ подносами въ рукахъ съ двухъ сторонъ обходили столъ, и каждый членъ клалъ свою визитную карточку на одинъ изъ подносовъ. Затѣмъ всѣ карточки ссыпали въ закрытую корзину, стоявшую за столомъ предсѣдателя. Рука полковника дрожала, когда онъ клалъ карточку на подносъ.

— Слава Богу!—шепнулъ онъ,—теперь уже недолго ждать. Это ожиданіе всего ужаснѣе....

Въ это время раздался звукъ гонга. Лордъ Норзберри поднялся съ мѣста. Лакеи поспѣшно и безшумно скрылись. Секретарь проводилъ ихъ до двери, затворилъ ее, заперъ на ключъ и задернулъ тяжелою портьерой.

— Господа,—сказалъ лордъ Норзберри,—пора приступить

къ дѣлу. Согласно моему обыкновенію, господа, я долженъ напомнить вамъ, что дѣло это не шуточное.—Онъ взялъ со стола листокъ бумаги и заглянулъ въ него.—Я вижу здѣсь имя майора Дельмая, который былъ въ прошломъ году членомъ нашего клуба. Ему выпалъ жребій сдѣлать предложеніе леди Алиціи Стокъ. Слѣдственная комиссія имѣла основаніе думать, что либо предложеніе не было сдѣлано, либо оно было сдѣлано недобросовѣстно. Изгнаніе майора Дельмая изъ клуба и послѣдующій полный крахъ его карьеры еще у всѣхъ на памяти. М-ръ Арчибальдъ Стернъ утверждалъ, что онъ имѣетъ право выйти изъ состава членовъ, *послѣ того*, какъ ему выпалъ жребій сдѣлать предложеніе миссъ Дороти Грэсъ Эвфеміи Смайльсъ. По правиламъ клуба, члены, на которыхъ палъ жребій, не имѣютъ права выйти изъ состава членовъ, пока они не выполнятъ своей обязанности. М-ръ Стернъ послѣ того былъ выбранъ депутатомъ отъ Южнаго Ломшира, но, какъ вамъ извѣстно, былъ лишенъ депутатскихъ полномочій за примѣненіе подкупа на выборахъ. М-ръ Рамзей нанесъ клубу еще болѣе тяжкое оскорбленіе, женившись на молодой и красивой дѣвушкѣ, вмѣсто невѣсты, которую выбралъ для него клубъ. Послѣдующій побѣгъ м-съ Рамзей съ красивымъ, но очень мало образованнымъ ветеринарнымъ врачемъ въ свое время вызвалъ изрядную сенсацію. Какъ видите, господа, нарушеніе правилъ клуба—вещь довольно рискованная. А теперь я попрошу секретаря прочесть намъ протоколъ прошлаго засѣданія.

Секретарь, сухимъ, оффиціальнымъ голосомъ, прочелъ фамиліи трехъ членовъ, на которыхъ палъ жребій въ прошломъ засѣданіи и трехъ женщинъ, которымъ имъ велѣно было сдѣлать предложеніе. Двое изъ нихъ получили согласіе и *ipso facto* перестали быть членами клуба. Третій получилъ отказъ.

Корзину, въ которую были сложены карточки, поставили на столъ и нѣсколько разъ встряхнули. Президентъ приподнялъ крышку настолько, чтобъ можно было туда просунуть руку, и вытащилъ три карточки. Затѣмъ, двое изъ членовъ провѣрили остающіяся карточки, чтобъ убѣдиться, что ни одинъ изъ членовъ не забылъ положить своей карточки и не положилъ, вмѣсто своей, чужой.

— Если сойдетъ благополучно, я сегодня же вечеромъ выйду изъ состава клуба,—говорилъ полковникъ. Въ сущности, у меня десять шансовъ противъ одного, на благополучный исходъ.

Колокольчикъ предсѣдателя снова прервалъ его.

— Сейчасъ,—сказалъ президентъ,—я буду имѣть честь

прочесть фамиліи трехъ членовъ, на которыхъ палъ жребій. Первый изъ нихъ— м-ръ Реджинальдъ Гольтъ.

М-ръ Гольтъ вскочилъ на ноги. Это былъ зажиточный маклеръ, среднихъ лѣтъ, съ наклонностью къ полнотѣ. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, но все же заставилъ себя выговорить:

— Я исполню свой долгъ.

— Второй,—продолжалъ президентъ,—преп. Маркусъ Леффингвельтъ.

М-ръ Леффингвельтъ отвѣтилъ улыбкой полной, готовности даже на мученичество. Это былъ добродушный молодой человѣкъ, любитель отстаивать безнадежныя дѣла.

— Третій—президентъ сдѣлалъ паузу и посмотрѣлъ въ сторону полковника. Полковникъ стиснулъ зубы, весь вытянулся въ струнку и насторожился.—Третій,—повторилъ президентъ,—м-ръ Ричардъ Тоуэръ.

Тоуэръ всталъ и вполголоса пробормоталъ обычную формулу согласія. Полковникъ, вытирая потъ со лба, что-то говорилъ ему; но онъ не слышалъ. Онъ думалъ о дѣвушкѣ въ красной вязаной кофточкѣ. Полковникъ дотронулся до его руки.

— Вы еще, можетъ быть, выкрутитесь,—взволнованно заговорилъ онъ;—невѣста можетъ вѣдь и отказать вамъ. Изъ прежнихъ трехъ одинъ вѣдь получилъ отказъ.

— Да,—сказалъ Тоуэръ, улыбаясь какою-то разсѣянной улыбкой, и заставилъ себя заговорить о другомъ. Тѣмъ временемъ президентъ просматривалъ списки женщинъ, которымъ Клубъ находилъ справедливымъ и благороднымъ преподнести жениховъ. Если членъ клуба, на котораго палъ жребій, не былъ знакомъ съ намѣченной для него будущей женой, Клубъ охотно бралъ на себя устроить встрѣчу и знакомство. Дама, выбранная для Ричарда Тоуэръ, была миссъ Агата Вайзъ Ламлей.

Ричардъ отлично зналъ ее и зналъ, что надежды на отказъ очень мало. Миссъ Ламлей была грузная и очень энергичная особа, членъ всевозможныхъ обществъ. Она носила пенснэ и была даже не то чтобъ очень безобразна, но обладала пренепріятнымъ голосомъ.

— Спокойной ночи, полковникъ,—сказалъ Тоуэръ.—Надо пойти выспаться. Поздравляю васъ съ благополучнымъ исходомъ. Теперь, я полагаю, вы выйдете изъ состава членовъ клуба.

— Нѣтъ, кажется, рискну остаться еще на одно засѣданіе. Понимаете, чувство облегченія, когда сойдетъ благополучно,—это такое чувство... ради него одного стоитъ рискнуть. Но въ слѣдующій разъ...

Тоуэръ засмѣялся и вышелъ изъ залы. Гольтъ приготовлялъ себѣ питье, въ которомъ было очень много виски и оченъ мало содовой воды.

На слѣдующій вечеръ, на той же площади, но въ другомъ домѣ, Ричардъ Тоуэръ, крадучись, поднимался съ молодой дѣвушкой замѣчательной красоты. Въ нижнемъ этажѣ шла музыка и танцы. Ричардъ Тоуэръ былъ хорошо знакомъ съ расположеніемъ дома и зналъ, что въ дѣтской, наверху, можно отлично высидѣть тотъ или иной танецъ и посекретничать, не будучи замѣченными. Когда онъ зажегъ свѣчу, сразу стало ясно, что дѣвушка сердита на него.

— Я ненавижу тайны,—начала она.—Съ самаго начала ты сказалъ мнѣ, что нашу помолвку надо держать въ секретѣ, и не объяснилъ причины; а теперь говоришь, что, вслѣдствіе чего-то, происшедшаго вчера, ты можешь оказаться вынужденнымъ разорвать со мной и жениться на другой, которую, по твоимъ словамъ, ты совсѣмъ не любишь. И опять не говоришь причины. Что же это такое?

— Да какъ же я тебѣ объясню, когда я не могу объяснить,—уныло молвилъ Ричардъ.

— Прекрасно. До сихъ поръ никто еще не считалъ меня идіоткой. Возвращаю вамъ ваше слово и пойдемъ внизъ сейчасъ же. Нечего намъ тутъ сидѣть. Я ненавижу васъ!

— Если бъ ты все знала, ты бы не говорила такъ. Ты думаешь, мнѣ самому пріятно? Ты думаешь, я люблю тебя меньше, чѣмъ любилъ, когда мы были вмѣстѣ въ деревнѣ? Ни чуточки. Если бъ была хоть малѣйшая возможность, что я разлюблю тебя, я бы не былъ такъ несчастенъ. Слово мы должны вернуть другъ другу—это вѣрно. Но, если мнѣ удастся ускользнуть—если та, другая женщина откажетъ мнѣ, я вернусь къ тебѣ.

— Благодарю за честь. Я, конечно, не приму васъ. Пожалуйста, не трудитесь провожать меня—я и одна дойду. Найдется кто-нибудь, кто проводитъ меня до дому.

Ричарду Тоуэру было хорошо извѣстно, что онъ находится подъ бдительнымъ наблюденіемъ клубной комиссіи. Прежде всего, необходимо было убѣдить ее въ своей добросовѣстности; иначе дѣло переходило въ руки другой комиссіи, дьявольски пронырливой и отнюдь не щепетильной въ выборѣ средствъ.

Нарушившій вѣрность клубу всегда оказывался такъ или иначе наказаннымъ.

Ричардъ Тоуэръ возобновилъ свое знакомство съ миссъ Агатой Ламлей и черезъ двѣ недѣли написалъ ей письмо, въ которомъ, въ самыхъ пламенныхъ выраженіяхъ, высказывалъ свое восхищеніе ею и предлагалъ ей руку и сердце. На отказъ надежды не было никакой. Уже нѣсколько лѣтъ назадъ она, хотя и очень деликатно, дала понять ему, что онъ ей нравится. Онъ съ ужасомъ припомнилъ это. Она согласится. И тогда...

Тогда онъ прибѣгнетъ къ какому-нибудь безболѣзненному способу самоубійства. Съ тѣхъ поръ, какъ лордъ Норзберри убѣдилъ его записаться въ члены клуба, случилось многое, что измѣнило его настроеніе. Ему пришлось, напримѣръ, играть въ гольфъ съ замѣчательно хорошенькой дѣвушкой въ красной вязаной кофточкѣ—той самой, съ которой онъ разссорился теперь. У него уже было приготовлено прощальное письмо къ ней, въ которомъ онъ ей все объяснялъ и просилъ хоть изрѣдка вспоминать безъ злого чувства о человѣкѣ, который любилъ ее и умеръ за нее.

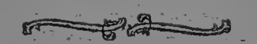
Отвѣтъ миссъ Ламлей ему подали вмѣстѣ съ другими письмами. Онъ отослалъ слугу и предварительно вскрылъ всѣ другія письма. Онъ чувствовалъ, что въ этомъ есть своя доля геройства.

Письмо миссъ Агаты Ламлей гласило:

«Было время — хотя я знаю, вы и не догадывались объ этомъ, — когда я съ радостью приняла бы ваше объясненіе въ любви и ваше предложеніе соединить наши двѣ жизни. Но теперь, хоть я и тронута вашимъ предложеніемъ, этого не можетъ быть. Никогда. Я принадлежу къ обществу женщинъ, — даже состою президентомъ его,—члены котораго, пораженные численнымъ перевѣсомъ нашего пола надъ вашимъ, согласились пожертвовать собою ради своихъ сестеръ. Однимъ словомъ, члены нашего общества обязываются не выходить замужъ, и кары за нарушеніе этого правила такъ строги, что я не осмѣливаюсь рискнуть подвергнуться имъ. Моя симпатія и моя дружба, если онѣ нужны вамъ, всегда ваши, но я не могу и не смѣю»...

Ричардъ Тоуэръ не дочиталъ и помчался къ замѣчательно хорошенькой дѣвушкѣ, которая объявила, что не приметъ его, если онъ придетъ къ ней. Можетъ быть, она и передумаетъ. Кто знаетъ?..

Перев. съ англійскаго З. Журавская.

ОТРЫВКИ ВОЕННЫХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ.

Отрѣзанный отъ всякаго регулярнаго сообщенія съ міромъ, запертый въ противной и грязной турецкой деревушкѣ неподалеку отъ Адріанополя, почти безъ писемъ, безъ газетъ, безо всякихъ вѣстей, кромѣ оффиціальныхъ, я слабо представляю себѣ россійское настроеніе, разбуженное войной на Ближнемъ Востокѣ. Но чувствую душой, что эта война должна была породить много думъ и споровъ. И, оставивъ въ покоѣ тѣхъ, кто славянской и турецкой кровью намѣренъ удобрить поля своихъ личныхъ и политическихъ упованій, я хотѣлъ бы слушать лишь тѣхъ и говорить лишь съ тѣми, въ комъ событія на Балканскомъ полуостровѣ не заглушили ужаса и отвращенья передъ всякой войной, но кто въ то же время чувствуетъ разницу между войной-аферой и войной освободительной.

Знаю, что событія успѣютъ опередить это письмо: устарѣютъ всѣ факты, какими въ данную минуту располагаетъ военный корреспондентъ-очевидецъ. И потому я иду мимо фактовъ къ впечатлѣніямъ и настроеніямъ.

Иного пути и нѣтъ. Изъ намековъ и недомолвокъ газетъ, изъ раздраженныхъ статей иностранныхъ корреспондентовъ, которые были вынуждены оставить Болгарію въ самый разгаръ войны, всякій можетъ приблизительно понять, въ какихъ условіяхъ здѣсь работаютъ информаторы. Военная цензура Болгаріи строга до совершенно невыносимыхъ предѣловъ. Судить Болгарію за это нельзя и неразумно; я даже готовъ ее защищать. Опытъ нѣсколькихъ цензуръ, въ томъ числѣ военной итальянской, говоритъ мнѣ, что лучше строгая и умная цензура, чѣмъ слабая и глупая. Въ Италіи намъ приходилось за весь годичный періодъ войны имѣть дѣло не съ профессіональными цензурами, а съ простыми телеграфными чиновниками и телефонными барышнями, не только безсмысленно зачер-

кивавшими отдѣльныя полуфразы въ телеграммахъ, но позволявшими себѣ дѣлать измѣненія и вставки въ ихъ текстѣ. Въ Болгаріи штатъ цензоровъ набранъ изъ людей интеллигентныхъ и широко образованныхъ—профессоровъ, журналистовъ, адвокатовъ, людей европейскаго образованія, владѣющихъ 4-5 языками. Съ такими людьми можно говорить, и они не обрываютъ объясненій чиновничьимъ жестомъ. И не цензура—какъ обычно думаютъ—создала невозможность корреспондентскаго положенія, приведшую къ скудости информаціи и къ легкой фальсификаціи извѣстій, главнымъ образомъ—австрійскою печатью. Положеніе военныхъ корреспондентовъ есть прямое слѣдствіе характера войны,—войны народовъ, а не войны главныхъ штабовъ и декоративныхъ командировъ.

Но, защищая въ этомъ пунктѣ Болгарію, я все же не удержусь и отъ упрека. Ей, странѣ молодой должно бы быть извѣстно, что въ ея судьбахъ европейская пресса играетъ роль огромную, что война окончится европейской конференціей, когда сочувствіе прессы будетъ очень нужно Болгаріи. Печать—держава, и болѣе сильная, чѣмъ болгарское царство. Болгаріи, какъ демократической странѣ, слѣдовало бы понимать, что протежированье отдѣльнымъ лицамъ, заручившимся связями, въ ущербъ всѣмъ другимъ, дурно рисуетъ въ глазахъ иностранцевъ болгарское безпристрастіе и болгарскіе порядки. Говорю это потому, что именно этотъ пунктъ явился мотивомъ добровольнаго или вынужденнаго разъѣзда изъ Болгаріи представителей многихъ большихъ газетъ; считаться же съ этимъ разъѣздомъ Болгаріи позже придется непремѣнно. Прибавлю еще, что болгары, не имѣющіе своихъ собственныхъ газетъ (нельзя считать таковыми сотни ничтожнѣйшихъ листковъ), вообще не научились еще понимать значеніе прессы и культурно обращаться съ ея представителями. Сейчасъ не время представлять документы на эту тему, которыми я располагаю и которые могли бы сконфузить дѣйствительно интеллигентнаго болгарина. Эти документы—не тайна, а оффиціальныя объявленія, писанныя языкомъ штабныхъ литераторовъ и прямо разсчитанныя на оскорбленье всей прессы. Пока я предпочитаю оставить ихъ въ моемъ портфелѣ.

Это маленькое предисловіе было необходимо, чтобы читатель не потребовалъ такихъ извѣстій съ театра войны, какихъ не въ силахъ дать корреспондентъ, пока онъ не покинулъ предѣлы Болгаріи. И, прибавлю еще, не личнымъ раздраженіемъ диктуются эти строки, такъ какъ пишущій ихъ, быть можетъ въ силу того, что онъ—русскій, до сихъ поръ не имѣлъ повода считать себя исключительно обиженнымъ.

Итакъ, перейдемъ къ военнымъ впечатлѣніямъ. Несмотря на карантины, на китайскую стѣну, которой насъ хотятъ отгородить и дѣйствительно отгораживаютъ отъ закулисной стороны войны,—впечатлѣній все же много, и бóльшая ихъ часть—въ пользу Болгаріи. Что бы ни думали политики, какими бы разсчетами они ни руководились, война не только популярна; она — крестовый походъ, не во имя религіи, впрочемъ, а во имя свободы. Какъ въ Сербіи, такъ и въ Болгаріи мобилизація собрала подъ ружье свыше 90% призывныхъ. Уже одна эта цифра поразительна. Но гораздо поразительнѣе ясное сознаніе солдатъ, за что они идутъ, сознаніе святости ихъ задачи. Ихъ мало интересуетъ, останется ли Фердинандъ царемъ или объявитъ себя императоромъ, какъ одно время трубили газеты. Ихъ мало интересуетъ и расширеніе предѣловъ Болгаріи и Сербіи само по себѣ. Они идутъ освобождать братьевъ по крови отъ суроваго владычества, но, конечно, освобождать *съ землей*. Мнѣ пришлось не разъ бесѣдовать съ болгарскими солдатами, особенно съ пожилыми. Слабы въ нихъ понятія объ автономіи и о status quo, какъ вы ни переводите эти понятія на ихъ языкъ. Но одно для нихъ несомнѣнно: нужно освобождать «съ землей». Ихъ логика понятна; болгаринъ долженъ жить на землѣ болгарской и подчиняться болгарскимъ законамъ и болгарскому царю. Та земля, на которой живетъ болгарское населеніе, турки же—только примѣсь, должна болгарамъ и принадлежать, ибо значитъ она была несправедливо отнята у нихъ турками. Пусть грязный поселокъ Мустафа-Паша станетъ Свиленомъ, а эффектный, по крайней мѣрѣ издали, Адріанополь—городомъ Одриномъ. Про Македонію и говорить нечего, такъ какъ Македонія «искони наша». Простой человѣкъ безжалостно и упрямо разлагаетъ status quo не территоріально, а этнографически. И можетъ быть простой человѣкъ болѣе правъ, чѣмъ дипломаты. Завоюй болгары Константинополь, болгарскаго крестьянина это мало тронетъ, такъ какъ Константинополь—не болгарская земля. А если ужъ нужно отнять у турокъ Цареградъ и отдать другимъ, то лучше всего отдать его Россіи. Почему? Да просто потому, что болгаринъ къ Россіи расположенъ и не прочь сдѣлать ей подарокъ. Не нѣмцамъ же отдавать! А самому ему не надо.

Такова логика крестьянина, ставшаго солдатомъ. Много говорили про энтузіазмъ народа. Я не знаю, правильно ли такое опредѣленіе; очень ужъ оно дешево и невыразительно. Энтузіазмъ свойственнъ толпѣ и группѣ, къ народу же такое понятіе какъ-то неприложимо. Народъ говоритъ: война правильная, справедливая война. Онъ беретъ своихъ лошадей свой самодѣльный дорожный

скарбъ и является на призывъ или добровольцемъ. Съ того момента, когда на мужика надѣваютъ солдатскую аммуницію, онъ нахмуриваетъ лобъ и дѣлается упрямъ и грозенъ; ибо онъ, съ ружьемъ, уже сила, и часть силы грозной. Съ этого момента онъ, уже раньше давшій оцѣнку войнѣ, больше не разсуждаетъ. Ему говорятъ: «иди въ огонь»,—и онъ идетъ и умираетъ. Ему командуютъ: «въ штыки!»,—онъ идетъ и убиваетъ. И, насколько я наблюдалъ, энтузіазма въ народѣ нѣтъ, а есть упрямая и безусловная увѣренность въ своей правотѣ и въ правотѣ дѣла. Такія войска побѣждаютъ, пока не перебиты до послѣдняго человѣка.

За мѣсяцъ войны смѣнилось передо мной много картинъ. Опустѣвшій Бѣлградъ, одинъ изъ непріятнѣйшихъ городовъ на полуостровѣ, затѣмъ—путь въ воинскомъ поѣздѣ въ Софію, безъ росписанія, безъ увѣренности, что не застрянешь дня на три на полустанкѣ. Вагоны, нагруженные людьми и животными, запасные на вагонахъ-платформахъ, на угольной каретѣ локомстива, на крышахъ вагоновъ пассажирскихъ и товарныхъ; декоративные сербскіе генералы, жены дипломатовъ, увѣряющія, что онѣ непремѣнно-непремѣнно уйдутъ сестрами милосердія; студенческая молодежь, съ пѣснями возвращающаяся на родину, чтобы стать въ ряды арміи; тяжелыя орудія, крытыя чехлами; всегда и вездѣ—суровый скуластый запасной въ собственныхъ «дрѣхахъ», съ опутанными онучами и шерстью ногами, въ кожаныхъ лаптяхъ, съ ружьемъ, сжатымъ грубыми кулаками, съ чертами непокорнаго упрямства, почти фанатизма; имена станцій, говорящія такъ много о прошломъ; проснувшееся сознанье интеллигентской безпечности въ славянскомъ вопросѣ,—какъ бы ни рѣшала его совѣсть сейчасъ, въ острый моментъ войны.

Затѣмъ пріѣздъ въ Софію, гдѣ отели полны и строгость военнаго времени плохо сдерживаетъ спекуляцію богатыхъ фирмъ на моментъ. Я пріѣхалъ въ Софію нѣсколько поздно, пропустивъ разгаръ мобилизаціи. Но я не узналъ болгарской столицы; настолько внѣшній видъ ея измѣнился. Софія—городокъ новенькій, очень чистый, по крайней мѣрѣ въ центральныхъ частяхъ. Красивы ея окрестности, прекрасна для любого глаза ея гора Витюша, по которой гуляютъ облака дымкой, клубами, густыми туманными полями, сплошнымъ покровомъ. Теперь Софія опустѣла такъ же, какъ Бѣлградъ; бо̀льшая часть магазиновъ закрылась изъ-за реквизиціи или изъ-за отъѣзда хозяевъ и приказчиковъ въ армію. Дома̀, начаые постройкой, брошены за отсутствіемъ рабочихъ рукъ. На ули-

цахъ встрѣчаются только военные, причемъ военнымъ сталъ всякій, и всякій, еще въ городѣ, спѣшитъ надѣть гетры для верховой ѣзды, Встрѣтивъ высокаго господина съ краснымъ околышемъ и кокардой, я съ удивленіемъ узналъ въ немъ талантливаго поэта Петко Тодорова, сдѣлавшагося... цензоромъ. Вспомнивъ про другого извѣстнаго болгарскаго поэта, Яворова, я узналъ, что онъ предводительствуетъ македонскими четниками. Извѣстный журналистъ Семенъ Радевъ, очень способный и столь же ловкій человѣкъ праваго лагеря, также надѣлъ тогу цензора, или, выражаясь точнѣе, надѣлъ солдатскую шинель, прикомандировавшись къ секціи «притѣснителей военныхъ корреспондентовъ». Мелькала у меня мысль: ну, а какъ бы поступилъ Пенчо Славейковъ, чудный, глубокоинтеллигентный, остроумнѣйшій человѣкъ, единственный истинный поэтъ современной Болгаріи, если бы смерть не унесла его передъ самой войной? Думаю, что онъ, уже старый и больной, послужилъ бы родинѣ другимъ: забывъ свою «аполитичность», онъ сложилъ бы гимнъ тому генію свободы, который не хочетъ знать территоріальныхъ вожделѣній. Цензоромъ онъ бы не сталъ. Но Славейковъ умеръ наканунѣ болгарскаго національнаго подъема, умеръ подъ небомъ Италіи, на Ривьерѣ.

Вечеромъ въ софійскомъ «casino» уже не было центра для кружка интеллигенціи. Впрочемъ не было и этой интеллигенціи: она уже подвигалась въ передовыхъ войскахъ къ турецкой границѣ.

Да, Софія перемѣнилась, хотя и не такъ, какъ Бѣлградъ, обратившійся изъ непріятнаго города въ брошенную людьми деревню. Перемѣнилась до неузнаваемости и вся страна. И люди перемѣнились, но только къ лучшему. Раньше были «всички политики», теперь стали «всички войници» и идеалисты. Исчезли партіи; армія взяла въ свои ряды всѣхъ безъ отбора, и въ этихъ рядахъ партійные раздоры были забыты и оставлены... до заключенья мира.

Но стерлись, забылись эти мимолетныя впечатлѣнія здѣсь, въ тылу дѣйствующей арміи, порою открывающемъ намъ дверь и на позиціи. Софія, въ которой было невозможно достать дорожныхъ вещей, заказать костюмъ, купить походную фляжку, представляется теперь издали чѣмъ-то вродѣ рая, въ смыслѣ удобствъ жизни. Жизнь ея кажется полной, занимательной, даже ощущается жажда ея безсодержательныхъ листковъ, носящихъ имя газетъ.

Мустафа-Паша, по новому—городъ Свиленъ, пріютившій штабъ второй болгарской арміи, являетъ собою типичный тылъ арміи, конечно—неглубокій, такъ какъ разстоянія здѣсь вездѣ ничтожны. Въ

семь часовъ утра я сажусь на лошадь, къ одиннадцати я уже на ближнихъ позиціяхъ восьмой дивизіи. Утромъ, умываясь на дворѣ ледяной водой, я слышу отдаленные залпы орудій и сужу по нимъ о размѣрахъ сегодняшняго боя подъ Адріанополемъ. Ночью до Мустафа-паши достигаетъ бѣлый свѣтъ Адріанопольскаго прожектора.

Мустафа-Паша взятъ болгарами безъ боя и почти безъ сопротивленія. Турки отступили, не успѣвъ даже разрушить великолѣпнаго по своей циклопической массивности моста черезъ Марицу. Они взорвали лишь ничтожный кусокъ моста въ центрѣ, и это поврежденіе было немедленно и безъ труда исправлено болгарами. Теперь по этому мосту проходятъ всѣ войска, обозы и тяжелыя орудія, направляемые къ стѣнамъ Адріанополя и далѣе, къ Лозенграду и Чорлю. Таковъ первый трофей необычайно быстраго наступленья болгарскихъ войскъ.

Скрипятъ арбы тяжелаго обоза. Волы идутъ понуро, согнувъ шеи подъ тяжелымъ ярмомъ. Арбы навалены доверху караваями сѣраго хлѣба, иногда подернутаго плѣсенью. Въ хлѣбѣ недостатка нѣтъ; вся страна печетъ его для арміи. Для тѣхъ, кто не носитъ хотя бы одной военной пуговицы, хлѣбъ сталъ роскошью, которую добыть очень трудно; но солдаты получаютъ его въ изобиліи. Намъ, не носящимъ свѣтлыхъ пуговицъ, но лишь красную перевязь на рукавѣ, въ первые дни пребыванія здѣсь пришлось выпрашивать въ тыловомъ управленіи кусокъ хлѣба, который мы и съѣдали съ припасенными консервами. Позже въ какомъ-то сараѣ открылся прибывшій изъ Старой Загоры ресторанъ, гдѣ мы должны были платить совершенно безобразную сумму за дрянной столъ. У итальянцевъ въ Триполи солдаты получали за столомъ вермутъ и минеральную воду, что поддерживало ихъ патріотизмъ въ безконечной осадѣ пустыни. Но здѣсь—война народная, и жаловаться на неудобства неприлично.

За двѣ недѣли нашего пребыванія здѣсь населеніе городка смѣнилось уже не разъ: текущее населеніе тыла арміи. Раньше тутъ были болгары, турки, греки и евреи. Часть болгаръ осталась, греки уѣхали въ Грецію, евреи исчезли сами собой, турки убѣжали изъ опасенья рѣзни. Мы застали здѣсь регулярную, хорошо экипированную болгарскую пѣхоту. Полкъ за полкомъ уходили подъ Адріанополь, штурма котораго ждали со дня на день. Затѣмъ, на смѣну солдатамъ въ формѣ, явились запасные и ополченцы: мужички въ «царвуляхъ» и кожухахъ, въ смушковыхъ шапкахъ, со старыми берданками русскаго образца. Вмѣсто ожидавшагося штурма подошло время «тѣснаго обложенія» Адріанополя, изъ-подъ стѣнъ котораго ушла добрая часть арміи, постепенно замѣненная резервомъ. Вслѣдъ

мужичкамъ со штыками явились сербы въ ихъ сѣрыхъ скуфьяхъ, дѣлающихъ ихъ похожими на арестантовъ. Сейчасъ идетъ сербская артиллерія, и это поднимаетъ нашъ корреспондентскій духъ: значитъ штурмъ все же будетъ.

Въ прислушиваньи къ выстрѣламъ, въ наблюденіи за войсками— куда, какимъ берегомъ идутъ?—проходитъ все время, пока цензора, разнѣжившись или уступая нашему раздраженному протесту, не шепнутъ на ухо тому-другому:—Вамъ разрѣшено съѣздить на позиціи!

Позиціи—слово большое и страшное. Позиціи—мѣсто артиллерійскаго огня и штыкового боя. Постепенно подвигаясь впередъ, онѣ оставляютъ позади себя братскія могилы. .

Въ тотъ моментъ, когда я дописалъ предыдущія строки, стекло въ окнѣ вздрогнуло и зазвенѣло отъ далекаго залпа осадныхъ орудій. Сегодня весь день подъ Адріанополемъ шла перестрѣлка; но выстрѣлы пушекъ слышны были лишь на берегу Марицы, текущей отъ насъ къ крѣпости. Къ вечеру они прекратились, и только сейчасъ впервые грянули осадныя орудія. Такого горячаго орудійнаго боя не было ни разу. Сейчасъ небо въ сторонѣ крѣпости вспыхиваетъ огнемъ, на столѣ вздрагиваютъ предметы. И это на разстояніи 20 километровъ отъ передовыхъ позицій болгаръ и 32 отъ самой крѣпости!

Что дѣлается тамъ? Въ своемъ почетномъ и печальномъ званіи военнаго корреспондента, обладатель двухъ лошадей, ординарца и красной повязки, страхующей меня отъ непріятностей,—я, по военнымъ законамъ, все же не въ правѣ сѣсть въ сѣдло и отправиться къ крѣпости безъ разрѣшенія, котораго сейчасъ, ночью, получить невозможно. Трагическое положеніе корреспондента!

Но я знаю, что дѣлается тамъ. Тамъ, на позиціяхъ и въ резервахъ, царитъ адъ. Вспышки краснаго пламени, столь красивыя отсюда на звѣздномъ небѣ, тамъ освѣщаютъ безпрерывнымъ свѣтомъ юрушскія высоты. Въ воздухѣ рвутся гранаты, дождемъ сыплется шрапнель, осколки чугуна впиваются въ землю и въ тѣла. Надняхъ мнѣ пришлось ночью цѣлый часъ провести на открытомъ мѣстѣ, осыпаемомъ шрапнелью. Теперь я вспоминаю объ этомъ лишь какъ о лишнемъ сильномъ ощущеньи; но тогда, лишенный возможности спрятаться въ окопы, которыхъ по близости не было, я чувствовалъ, вмѣстѣ съ невольнымъ волненьемъ, глубокое отвращенье къ войнѣ и глубокую жалость къ людямъ, начиная съ самого себя. Война родитъ прежде всего два чувства: чувство страха и чувство оже-

сточенья; оба—низкаго порядка. Черезъ страхъ долженъ пройти всякій смѣльчакъ; на позиціяхъ отъ страха спасаетъ только апатія, неправильно именуемая привычкой. Отъ разрыва гранаты надъ головой или рядомъ нельзя не вздрогнуть; но ясное сознаніе, что вашей жизнью и смертью владѣетъ только случай, отучаетъ васъ слѣдить за вѣрностью прицѣла того, кого вы должны считать своимъ врагомъ.

Солдаты, идущіе въ атаку, воодушевленно и радостно кричатъ ура. Вы думаете—это героизмъ или жажда схватки грудь съ грудью, въ штыки? Неправда: это только выходъ для напряженнаго нервнаго чувства, переходящаго въ угрюмую тоску въ часы артиллерійскаго обстрѣла. Сражаться гораздо легче, чѣмъ сидѣть въ окопѣ и ждать шальную пулю или осколокъ гранаты. Въ штыковомъ бою солдатъ чувствуетъ, что онъ рѣшаетъ исходъ дѣла, что его побѣда дастъ ему жизнь, его пораженье равносильно смерти. Здѣсь онъ самъ бьетъ и отражаетъ ударъ, а не служитъ лишь мишенью для невидимой, гдѣ-то за горнымъ хребтомъ стоящей вражеской пушки. И онъ, несчастный солдатъ, убиваетъ съ ожесточеніемъ такого же несчастнаго солдата, онъ гипнотизируетъ себя крикомъ «ура», чтобы забыть на минуту ужасъ и чтобы спастись отъ гибели. Кто видалъ солдатъ въ траншеяхъ подъ обстрѣломъ, тотъ знаетъ, какъ мало они похожи на героевъ; усталые, измученные безсонными ночами, они или спятъ больнымъ сномъ подъ свистъ пуль, или смѣются больнымъ смѣхомъ вслѣдъ разрывающимся гранатамъ. И, конечно, они нетерпѣливо ждутъ атаки, которая вручаетъ ихъ судьбу имъ самимъ.

Разлилась Марица. Только теперь она стала дѣйствительно шумной; до сихъ поръ она была самой покойной рѣкой, текущей въ такихъ же покойныхъ отлогихъ берегахъ. Отъ осеннихъ дождей Марица вздулась, вспухла, закипѣла, запѣнилась, затопила берега на пять верстъ. Сербы, которые тянутся на юрушскія высоты, идутъ попарно по рельсовому пути между двумя морями. На ихъ счастье погода стоитъ удивительно теплая, несмотря на начало ноября. Въ Софіи идетъ снѣгъ, но здѣсь дубы еще не потеряли всей зелени и можно ходить безъ теплой тужурки.

Не знаю, бываютъ ли резервныя войска эффектными: но здѣсь эти рваные мужички производятъ самое жалкое впечатлѣніе. Вглядитесь пристальнѣе въ лица,—и вы почувствуете почти страхъ. Сколько упорства въ этихъ лицахъ, сколько суровости! Эти полусолдаты, одѣтые въ рваныя «дрѣхи», изъ которыхъ клочьями торчитъ под-

кладка, неспособны къ пощадѣ. Идутъ они не для шикарныхъ маневровъ, не для удовольствій походной жизни: они идутъ убивать.

— Кто началъ стрѣлять?—спрашиваетъ подъѣхавшій къ передовой линіи полковникъ.

— Цыганы!—презрительно отвѣчаетъ солдатъ.

Цыганы, читаци, гуштеры,—все это презрительныя клички турокъ. «Самая поганая ихъ вѣра!»—говорятъ солдаты. И часто, послѣ боя, проходя мимо турецкихъ труповъ, они толкаютъ ихъ ногой.

— Собаки. И хоронить-то ихъ не стоитъ!

Это не жестокость, а ожесточеніе.

Врожденная ненависть къ туркамъ, свойственная всѣмъ болгарамъ, усиливается страшными разсказами о звѣрствахъ башибузуковъ. Къ сожалѣнію, разсказы эти—не басни. Мнѣ лично пришлось провѣрить нѣсколько случаевъ самой безмысленной и дикой жестокости: отрѣзыванья плѣннымъ ушей, носа, половыхъ органовъ. Не далѣе, какъ на этихъ дняхъ, двѣ случайно спасшіяся женщины, убѣжавшія изъ села Марашъ (возлѣ западныхъ фортовъ Адріанополя), разсказали, что все ихъ село вырѣзано турками и оставлены только женщины, которыхъ забрали «на нужды арміи».

Мудрено ли, что и у болгарскаго солдата выработалось чувство страшнаго озлобленія противъ врага. Попасться въ плѣнъ—хуже смерти, и поэтому плѣнныхъ турки почти не имѣютъ. Но и болгары неохотно берутъ плѣнныхъ. Офицерамъ приходится властнымъ окрикомъ останавливать солдатъ, бросающихся приколоть раненыхъ и плѣнныхъ. Солдаты возмущаются, что раненымъ туркамъ оказывается медицинская помощь, равная со всѣми, и что ихъ кормятъ. И въ душѣ не одни рядовые солдаты такъ разсуждаютъ! Что вы хотите? Это и есть война народовъ, ополченская война, для которой насмѣшкой звучатъ международныя соглашенія.

Однажды я былъ на передовой позиціи противъ кургана Папасъ-Тепе, въ борьбѣ за обладаніе которымъ много болгаръ и турокъ сложили головы. Впереди траншей лежали трупы турокъ, убирать которые никто не рѣшался, такъ какъ мѣсто было подъ обстрѣломъ. Одинъ трупъ, съ разорванной зарядомъ шрапнели грудью, лежалъ у самой траншеи, почти касаясь ногами вала, такъ что до него можно было достать штыкомъ. Лежалъ онъ такъ уже двое сутокъ. Мнѣ казалось, что видъ застывшаго лица съ оскаленными зубами и запекшейся крови на рубахѣ долженъ былъ дѣйствовать и на солдатскіе нервы. Но изъ разспросовъ я убѣдился, что для солдатъ онъ былъ даже не вещью, а просто падалью; и они были очень удивлены моими сентиментальными вопросами.

Война ли родитъ эту психологію или она слагается годами

въ мирное время? Я думаю все же, что война. Въ томъ, что война пріучаетъ къ упрощенной логикѣ и выработываетъ удивительные навыки,—я быстро имѣлъ случай убѣдиться по самому себѣ. Проходя среди сотни труповъ, разбросанныхъ по полю вчерашней битвы, я, конечно, не видѣлъ въ убитомъ человѣкѣ ни «вещи», ни «падали». Но и на меня, еще малопривычнаго, это поле производило не большее впечатлѣніе, чѣмъ любой анатомическій театръ. Пожалуй даже—меньшее. Здѣсь, на позиціяхъ, контрастъ живого и мертваго какъ-то теряется, расплывается въ постоянномъ ожиданіи свиста пули и шума шрапнельнаго дождя, который такъ легко и просто обращаетъ въ смерть то, что сейчасъ дышитъ жизнью и надеждой на жизнь...

Я не только плохой стратегъ, но и плохо вѣрю въ стратегію; согласенъ, что послѣднее можетъ проистекать изъ перваго. Но развѣ нужно быть военнымъ, чтобы признать, что болгары въ короткое время сдѣлали поразительно много. Поразительнѣе всего то, что изумили они всѣхъ, кромѣ самихъ себя. Передъ началомъ войны въ Софіи я бесѣдовалъ о предстоявшемъ со многими офицерами и штатскими; всѣ они спокойно и увѣренно развивали передо мной именно ту картину будущей войны, которая сейчасъ написана краснымъ по зеленому на почвѣ балканскаго полуострова. До даннаго момента, (начала ноября), они не ошиблись ни въ чемъ. Одно быть можетъ: не всѣ надѣялись на столь быстрое паденіе Лозенграда.

Эта оправдавшаяся увѣренность настолько импонируетъ, что сейчасъ невольно начинаешь вѣрить въ то, что казалось невѣроятнымъ еще мѣсяцъ назадъ: не только во взятіе Константинополя, но и въ признаніе державами раздѣленія европейской Турціи между государствами балканскаго союза.

Мечты и увѣренья политиковъ мало любопытны. Гораздо интереснѣе взгляды на данный вопросъ людей боевыхъ. И вотъ, я невольно вспоминаю поразившія меня увѣреннымъ спокойствіемъ слова одного пѣхотнаго офицера, не сходившаго съ позицій.

«Вы думаете,—сказалъ онъ,—что мы отдадимъ туркамъ или кому другому хоть аршинъ той земли, которую мы завоевали своей кровью? Никогда! Царьградъ намъ не нуженъ, какъ и весь царьградскій вилайетъ. Но Македонія и вилайетъ адріанопольскій будутъ нашими, и только нашими! Да кто же можетъ ихъ отдать? Правительство. У насъ сейчасъ правительства нѣтъ; у насъ есть только армія. Если бы подобная мысль явилась у царя—и онъ не рѣшится ее высказать. Воля народа въ данный моментъ—все въ

Болгаріи; а народъ весь подъ ружьемъ. Автономія Македоніи? Эта басня выдумана дипломатами и для дипломатовъ, и ни одинъ болгаринъ въ нее не вѣритъ. Мы льемъ кровь за братьевъ и за ихъ землю. Поворота назадъ нѣтъ и не можетъ быть».

И среди сотни болгаръ, вліятельныхъ, простыхъ, военныхъ и штатскихъ, образованныхъ и малограмотныхъ, въ разговорѣ съ которыми рѣчь заходила на эту тему, я не встрѣтилъ рѣшительно ни одного, который бы не считалъ раздѣлъ Турціи оконченнымъ вопросомъ, и оконченнымъ въ томъ смыслѣ, какъ объ этомъ договорились четыре союзныхъ государства. «Европа уважаетъ силу, а мы сила!»—вотъ ихъ единственная логика и ихъ единственный отвѣтъ при ссылкѣ на неизбѣжное вмѣшательство Европы.

Законна ли такая увѣренность? Я не знаю. Но знаю, что она импонируетъ.

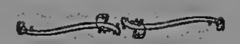
Пускай мнѣ простятъ отрывочность и безсистемность этихъ строкъ; онѣ набрасываются въ обстановкѣ, слишкомъ походной для журнальной статьи, да притомъ еще въ ожиданіи оказіи, которая доставитъ ихъ въ Россію. Отправлять ихъ обычнымъ порядкомъ, черезъ цензуру и при содѣйствіи почты, значило бы почти то же, что въ запечатанной бутылкѣ бросить ихъ въ волны вышедшей изъ береговъ Марицы.

Я хотѣлъ бы закончить однимъ пожеланьемъ. Пусть балканская война, которая была неизбѣжна, которую мы не можемъ этически не оправдывать,—пусть она окончится скорѣе. Здѣсь, бокъ-о-бокъ съ тѣсно обложеннымъ болгарами и сербами Адріанополемъ, въ предвкушеніи длительной осады и безумной—пусть побѣдной—атаки, ужасъ войны чувствуется особенно сильно. Русскій читатель ловитъ въ газетахъ извѣстія, восхищается побѣдами, скорбитъ о пораженіяхъ, часто забывая, что побѣда и пораженіе есть одно и то же, что побѣда несетъ жертвы и побѣдителю, и побѣжденному. Здѣсь мы чувствуемъ это ярко и сильно. Въ давнія времена римляне насыпали въ этихъ странахъ много могильныхъ кургановъ, еще не раскопанныхъ и не изученныхъ. Эти курганы—лишь точки на поверхности, лишь слабыя прикрытія отъ огня и непрочныя позиціи для батарей. И вотъ уже цѣлую недѣлю на нашихъ глазахъ тысячи и десятки тысячъ людей борются за одинъ такой курганъ, выигрышъ котораго лишь дастъ доступъ къ другому такому же, за который также будетъ литься кровь. Однажды, въ ночной атакѣ 25 октября, болгары съумѣли овладѣть большой могилой Папасъ-Тепе. Явились свѣжія турецкія силы, и бой за курганъ возобновился.

Болгарскій полкъ отступилъ подъ огнемъ турецкихъ батарей; ему также послали подкрѣпленіе, но въ общей паникѣ случилось такъ, что отступающій полкъ былъ принятъ новымъ за враговъ, и братья стали стрѣлять въ братьевъ. Что это? Лишь обычный, частый на войнѣ случай! Но развѣ не всегда, не въ каждомъ сраженіи братъ стрѣляетъ въ брата? Развѣ подлинно не могутъ жить рядомъ турокъ и болгаринъ? Или эти слова, не мной придуманныя, стали совсѣмъ ненужными и напрасными? Когда въ тылу арміи я вижу медленно бредущіе по колѣно въ грязи полки угрюмыхъ болгарскихъ резервистовъ, безконечно тянущіеся обозы плѣсневѣлаго хлѣба и патронныхъ ящиковъ, когда на позиціяхъ я вижу солдатъ, днями стоящихъ въ наполненныхъ водой траншеяхъ, я говорю себѣ и вамъ: нѣтъ, война не красива, она не можетъ быть красивой, и эффектъ ея—нездоровая сенсація. Пусть она скорѣе окончится, и пусть результатомъ ея не будетъ расцвѣтъ дурного цвѣтка—національзма, кричащаго: все для насъ и все черезъ насъ. И у медали побѣды есть своя оборотная сторона: позже всѣхъ пользуется ея плодами тотъ, кто ее создалъ. Оправится страна, расцвѣтутъ ея города, окрѣпнутъ пошатнувшіеся финансы, расширятся ея предѣлы. Но прежде, чѣмъ случится все это, къ братскимъ могиламъ на юрушскихъ высотахъ прибавится много другихъ могилъ, разбросанныхъ по опустѣвшей, разграбленной, сожженной странѣ, гдѣ сейчас тянутся, сгибаясь подъ ружьемъ, десятки тысячъ оторванныхъ отъ земли и работы крестьянъ. Они ли, освободители братьевъ, получатъ свою мзду? И ихъ ли выжженные и вырѣзанные братья вкусятъ прелесть новаго режима?

Исторія пишется кровью. Кровью завоевывается свобода. Пусть же скорѣе перевернется эта слишкомъ красная страница исторіи!

Мустафа-Паша, 1 ноября. М. А. Осоргинъ.

ПИСЬМО ИЗЪ АРГЕНТИНЫ.

Нѣтъ города скучнѣе и неинтереснѣе Буэносъ-Айреса, въ смыслѣ интеллектуальныхъ и эстетическихъ развлеченій. Корень зла—исключительное и страстное поклоненіе «Золотому Тельцу», которое самодержавно царитъ въ Аргентинѣ и поглощаетъ всѣ умы и энергіи латинянъ и англо-саксовъ, наплывшихъ сюда со всѣхъ

концовъ Стараго Свѣта и перемѣшавшихся между собою подъ однимъ знаменемъ: легкой и быстрой наживы.

Вся общественная жизнь, всѣ интересы сводятся къ коммерческимъ предпріятіямъ и безумной горячкѣ земельныхъ спекуляцій. Всѣ разговоры вращаются около нихъ, всѣ «вдохновенія» направлены къ ихъ преуспѣянію.

Откройте любую изъ газетъ Буэносъ-Айреса: болѣе половины ихъ столбцовъ посвящено всевозможнымъ рекламамъ и объявленіямъ. Среди послѣднихъ—сотни, трактующія о продажѣ съ публичнаго торга тѣмъ или инымъ агентствомъ участковъ, находящихся въ районѣ города или въ его окрестностяхъ, а также въ провинціяхъ страны, до самыхъ отдаленныхъ и пустынныхъ ея угловъ. Тысячи афишъ, расклеиваемыхъ, разносимыхъ и развозимыхъ, говорятъ о тѣхъ же и подобныхъ продажахъ. Обыкновенно продажа происходитъ въ воскресенье, и если продаваемые участки находятся близъ города, публикѣ предлагаются спеціальные даровые поѣзда для слѣдованія до мѣста публичнаго торга, большею частью на разстояніи отъ 20 минутъ до часа ѣзды отъ столицы.

Итакъ, вотъ одно изъ популярнѣйшихъ воскресныхъ развлеченій. На вокзалѣ вы находите оркестръ музыки, долженствующій сопровождать васъ въ этой «partie de plaisir»; затѣмъ вы садитесь въ вагонъ, среди толпы любителей и спеціалистовъ оригинальнаго спорта, а также заинтересованныхъ и недовѣрчивыхъ новичковъ, дѣлающихъ первые шаги на этомъ новомъ «зеленомъ полѣ». Вы высаживаетесь на какой-нибудь маленькой грязненькой станціи: посреди поля—обширная палатка изъ бѣлаго съ красными полосами полотна; вокругъ—декорація изъ флаговъ, развѣвающихся на высокихъ мачтахъ или на веревкахъ. Внутри—ряды стульевъ и скамеекъ. Вамъ предлагаютъ пиво и закуску и вручаютъ планъ земли, съ обозначеніемъ отдѣльныхъ участковъ. Агентъ-коммиссіонеръ, ведущій продажу—такъ называемый здѣсь «rematador»,—вскакиваетъ на столъ и начинаетъ бойко выкрикивать номера участковъ и начальную цѣну, которую сейчасъ же усердно набавляютъ симулирующіе покупателей спеціальные «кумовья», состоящіе на постоянной службѣ у агентствъ. Опытъ подсказываетъ имъ, гдѣ остановиться—и въ концѣ концовъ торгъ заключается съ успѣхомъ и къ общему удовольствію. Среди повальной спекулятивной лихорадки господа «rematador'ы» первые наживаютъ себѣ милліоны, и создаваемое ими чрезмѣрное повышеніе цѣнъ на землю грозитъ, рано или поздно, экономическимъ кризисомъ. Они перевернули соціальную жизнь страны изобрѣтеннымъ ими раздробленіемъ земель на мелкіе участки и, съ уплатою посредствомъ ежемѣсячныхъ взносовъ. Они составляли

всѣмъ и каждому возможность сдѣлаться собственникомъ, не обладая никакимъ капиталомъ. На помощь покупателямъ приходятъ многочисленные банки и частныя общества, процвѣтающіе на почвѣ снабженія деньгами подъ залогъ земель, на условіяхъ, которыя въ Европѣ были бы истинно ростовщическими, здѣсь же окупаются сторицею выгодою отъ спекуляцій.

Въ отношеніи народнаго образованія, Аргентинская республика далеко еще не стоитъ на высотѣ своей задачи: по послѣдней переписи, цифра ея населенія равняется шести съ половиною милліонамъ, изъ которыхъ менѣе одной трети—грамотные. Но въ виду того, что населеніе увеличивается ежегодно сотней тысячъ новыхъ пришельцевъ, здѣсь трудно установить болѣе или менѣе точныя пропорціи.

Буэносъ-Айресъ имѣетъ университетъ, нѣсколько лицеевъ и среднихъ техническихъ школъ; всего въ государствѣ пять университетовъ, считавшихъ у себя, въ 1905-мъ году, 3000 студентовъ, 16 лицеевъ, съ контингентомъ въ 4100 учениковъ и 5250 низшихъ школъ. Впрочемъ, послѣднія семь лѣтъ несомнѣнно принесли въ этой области значительный прогрессъ, хотя и менѣе блестящій, увы, чѣмъ на экономической почвѣ.

Аргентинская столица по праву гордится образцовой организаціей своей полиціи, чистотой и гигіеническимъ содержаніемъ улицъ, устройствомъ скорой помощи раненымъ и больнымъ: въ различныхъ частяхъ города имѣется 8 домовъ воспомоществованія, съ медицинскимъ персоналомъ и аптекой; 40 каретъ-автомобилей тоятъ при нихъ наготовѣ и по первому требованію являются на мѣсто несчастья, по истеченіи пяти минутъ, не болѣе, въ какой бы части города оно не имѣло мѣста.

Филантропія можетъ также считаться одною изъ первыхъ добродѣтелей Аргентины, пропорціональной ея экономическому благосостоянію. Большая часть филантропическихъ учрежденій состоитъ въ вѣдѣніи «Общества Благотворительности», основаннаго въ 1823 г. однимъ южно-американскимъ піонеромъ цивилизаціи, по имени Rivadávia. Этотъ послѣдній, имѣя дѣло съ испанскими колонистами, составлявшими въ то время почти исключительное населеніе страны, понялъ, что въ ихъ психологіи жаждущихъ золота авантюристовъ онъ не найдетъ отклика своему гуманному призыву—и обратился къ болѣе чувствительному сердцу женщинъ. Съ тѣхъ поръ прошло около ста лѣтъ, въ теченіе которыхъ дѣло, руководимое исключительно женщинами, выросло въ грандіозное и великое по своимъ результатамъ предпріятіе. Въ настоящее время «Общество» состоитъ изъ шестидесяти дамъ, избранныхъ изъ «цвѣта», столичнаго обще-

ства. Государство (вещь неслыханная) оффиціально ввѣряетъ имъ заботу о своихъ бѣдныхъ и больныхъ сынахъ. Большинство этихъ дамъ—матери семействъ, зрѣлаго возраста; есть также вдовы и пожилыя дѣвицы. Въ ихъ рукахъ находится годовой бюджетъ, достигающій 10.000.000 піастровъ, около 8.300.000 рублей; имъ полновластно располагаетъ комитетъ изъ 12-ти дамъ, избранныхъ изъ среды членовъ Общества. Государство даетъ ему ежегодную субсидію въ $2^1/_2$ милліона піастровъ; остальное набирается изъ частныхъ пожертвованій, доходовъ отъ разныхъ благотворительныхъ праздниковъ и базаровъ, практикуемыхъ отъ времени до времени сборовъ и т. п. Къ чести этой дамской олигархіи надо сказать, что она управляетъ весьма важнымъ колесомъ общественной колесницы съ несомнѣннымъ административнымъ талантомъ и сердечностью, что возбудило, въ концѣ концовъ, нѣкоторое соревнованіе со стороны мужчинъ, стоящихъ во главѣ другихъ благотворительныхъ учрежденій. Эти послѣдніе, въ своей войнѣ съ дамами, прибѣгаютъ къ коварному аргументу, находящемуся въ ихъ распоряженіи вслѣдствіе поразительной рутинности и нелогичности законодательства; женщина признается здѣсь, по закону, «несовершеннолѣтней» и не пользуется правомъ управленія личнымъ имуществомъ—а между тѣмъ государство и общество ввѣряютъ ей громадныя суммы, признавая такимъ образомъ за нею всѣ качества и способности, необходимыя для столь серьезной и отвѣтственной задачи.

Обратимся теперь къ недавнему прошлому края и послушаемъ разсказы старожиловъ о томъ, чѣмъ былъ онъ лѣтъ 30—40 тому назадъ.

Въ 1870-мъ году въ Буэносъ-Айресѣ считалось 175.000 жителей; настоящаго порта еще не существовало, и приходящіе изъ Европы корабли высаживали пассажировъ далеко отъ берега, въ небольшіе ялики, которые, въ свою очередь, выгружали свой живой грузъ въ высокія телѣжки, двигавшіяся по колеса въ водѣ; иные нетерпѣливые путешественники предпочитали совершать конечный этапъ на спинѣ у портового носильщика.

Коммерческій центръ города — улица «Florida», съ ея роскошными магазинами и фешенебельнымъ «Jockey Club'омъ, залитая волнами электрическаго свѣта, среди которыхъ толпится самая элегантная въ мірѣ публика,—представляла изъ себя въ то время клоаку, превращавшуюся временами въ бурные потоки грязи; деревянные троттуары для пѣшеходовъ помѣщались на высотѣ полутора метровъ, и для перехода черезъ улицы имѣлось нѣчто въ родѣ подвижныхъ мостиковъ. Тѣмъ не менѣе въ дурную погоду всѣ сообщенія съ окрестностями иногда были прерваны и обыватели сто-

лицы, лишенные свѣжихъ припасовъ, пробавлялись сушенымъ мясомъ. Въ такіе дни театры и школы были закрыты; фонарь, повѣшенный на высокой мачтѣ, возвѣщалъ, что спектакля, не будетъ по случаю дождя. Отчаяніе дамъ и дѣвицъ вознаграждалось радостью папенекъ, владѣльцевъ «эстансій» (имѣніе, усадьба), которымъ каждый ливень сулилъ мѣшки золота. Не было ни канализаціи, ни водопроводовъ; водой снабжались изъ спеціальныхъ баковъ, которые иной разъ находились по сосѣдству съ сорными и помойными ямами. Освѣщеніе улицъ было самое примитивное, и тѣ храбрецы, которые рѣшались выходить вечеромъ, брали съ собой, въ качествѣ провожатаго, слугу съ фонаремъ. Такъ бывало въ Парижѣ въ XVII-мъ вѣкѣ, такъ бываетъ и по сіе время во многихъ и многихъ медвѣжьихъ углахъ матушки-Россіи. Всѣ дома были низкіе, одноэтажные; ихъ строили изъ глины (что практикуется и въ настоящее время—въ деревняхъ) и обкладывали кирпичемъ. Стиль ихъ крайне любопытенъ. Представьте себѣ рядъ внутреннихъ дворикомъ (patio); первый великолѣпно декорированъ растеніями и утопаетъ въ зелени цвѣтущихъ камелій, гарденій, геліотроповъ, клематитовъ и пр., составляющихъ гордость хозяйки дома; сюда выходятъ гостиная, столовая и наилучшія комнаты. Второй patio усаженъ пальмами, апельсинными, лимонными, фиговыми деревьями и даже виноградными лозами; его окружаютъ спальни; наконецъ, въ третьемъ помѣщается огородъ, курятникъ, а вокругъ—кухни, комнаты для прислуги и всякія службы. Меблировка этихъ жилищъ была самая примитивная: въ спальняхъ она ограничивалась кроватями, состоящими изъ полотна, натянутаго на деревянныхъ козлахъ. Для отопленія служили жаровни, съ перегорѣвшимъ древеснымъ углемъ, отравлявшія воздухъ углекислымъ газомъ.

Эти низкіе домики, окруженные растеніями, отличались, бо̀льшею частью, сыростью. Чтобы уничтожить въ нихъ запахъ плѣсени, хозяйки курили ароматическимъ ладономъ, въ особыхъ кастрюлькахъ; каждая дама изобрѣтала свой ароматъ, содержащійся въ тщательномъ секретѣ.

Каждый день, въ четыре часа, всѣ, отъ старыхъ до малыхъ, принимали ванну. Этотъ вкусъ къ купанью и обливаньямъ, свойственный аргентинцамъ, является мавританскимъ наслѣдіемъ. Такъ какъ никакого новѣйшаго комфорта, разумѣется, не существовало, то служанки, заслышавъ колокольчикъ проѣзжающаго водовоза, бѣжали съ ведрами покупать воду. Послѣ ванны, дамы и дѣвицы надѣвали черные шарфы и усаживались у оконъ, за ихъ желѣзными рѣшетками; тутъ принимались визиты, пили традиціонные «mate», причемъ особыя дѣвочки изъ служанокъ стояли на готовѣ,

подливая каждую минуту кипятокъ въ тыквочку, дополняемую 10—15 разъ, на одну щепотку травы.

Барышни пѣли меланхолическіе романсы подъ акомпаниментъ гитаръ. Жизнь женщинъ протекала главнымъ образомъ въ церкви: раннимъ утромъ онѣ уже отправлялись слушать мессу, въ сопровожденіи служанки, несшей коврикъ и «prie-Dieu». Въ лѣтній сезонъ публика прогуливалась на площадяхъ: дамы не знали шляпъ и носили на головахъ кружевные уборы съ бантами. Малѣйшее путешествіе являлось событіемъ и по этому случаю заказывалась спеціальная «messe du bon voyage».

И вотъ, этотъ полудикій, типичный колоніальный городокъ менѣе чѣмъ въ 40 лѣтъ превращается въ одинъ изъ самыхъ крупныхъ космополитическихъ центровъ міра и дѣлается второй столицей латинской расы.

Въ этотъ промежутокъ времени онъ былъ не усовершенствованъ, но цѣликомъ созданъ или пересозданъ наново, сообразно съ ростомъ его населенія и требованіями новѣйшей культуры. Въ настоящее время въ немъ строится ежегодно отъ 10.600 до 13.000 домовъ; на мѣстѣ поэтическихъ «patio» возвышаются громады въ 11—12 этажей; каковы въ нихъ квартирныя цѣны, можно судить по тому, что, напр., министерство земледѣлія, только что перенесшее свои бюро въ новое помѣщеніе, платитъ за него... 24.900 рублей въ мѣсяцъ! Портъ, построенный всего 13 лѣтъ тому назадъ, не можетъ уже удовлетворять нуждамъ морской торговли, и государство предпринимаетъ сооруженіе новаго; почти всѣ общественныя учрежденія страдаютъ отъ тѣсноты и требуютъ постройки вдвое и втрое болѣе обширныхъ помѣщеній, которыя, въ свою очередь, лѣтъ черезъ 10 окажутся недостаточными.

Муниципалитетъ имѣетъ въ виду расширеніе 50-ти улицъ, устройство вокругъ всего города широкаго бульвара, съ садами и парками, прорытіе подземной жел. дороги. Согласно американскому девизу: «слово и дѣло», всѣ эти колоссальныя предпріятія не заставляютъ себя долго ждать. Одинъ именитый французскій туристъ разсказываетъ, что, покидая Буэносъ-Айресъ для путешествія внутрь страны, онъ побывалъ на «площади Конгресса», маленькой, загроможденной зданіями театра, казармъ, рынка и многоэтажными домами. Три мѣсяца спустя, вернувшись въ столицу, онъ отправляется снова на названную площадь: что за удо! Ни театра, ни казармъ, ни рынка, ни многоэтажныхъ домовъ—но деревья, газоны, цвѣты! Площадь была обращена въ садъ, по проекту приглашеннаго правительствомъ французскаго архитектора-пейзажиста.

Въ то время, какъ всѣ эти «Porteños» (такъ называютъ себя жители Буэносъ-Айреса, иначе говоря—Порта) мирно прозябали за своимъ «mâte», обливаньями, моленіями и смотрѣніемъ въ окна, иные изъ ихъ собратьевъ вели суровую жизнь въ хижинахъ изъ грязи, среди необъятныхъ пустынныхъ равнинъ, на которыхъ свободно нарождались, размножались и порой вымирали отъ голода тысячи и тысячи головъ примитивнаго, убогаго скота: коровъ и барановъ.

Свободолюбивые, закаленные солнцемъ и вѣтромъ степей «гаучосы» на своихъ коняхъ, съ пледомъ на плечахъ, ножемъ за поясомъ и веревочной петлей за сѣдломъ, эксплоатировали ихъ—не для мяса, не для молочныхъ продуктовъ, а только для кожъ и шерсти, которыми они вели торгъ съ Европой. Каждый обладалъ громаднымъ участкомъ земли, пріобрѣтенной у правительства за ничтожныя деньги и находившейся въ дѣвственномъ состояніи; многія и многія изъ этихъ имѣній достигали колоссальной цифры въ 175.000 гектаровъ и болѣе.

Между тѣмъ, волны эмиграціи неустанно приносили къ ихъ берегамъ смѣлыхъ и предпріимчивыхъ искателей фортуны, которые въ короткое время создали на этой дѣвственной почвѣ великолѣпныя земледѣльческія культуры, усовершенствовали скотоводство, положили начало національной промышленности, открыли двери колоссальной международной коммерціи. Англійскій капиталъ пришелъ на помощь просвѣщенію, прокладывая по пустынѣ безконечныя линіи желѣзныхъ дорогъ. И вотъ, все это спящее царство, невѣдавшее собственныхъ богатствъ и рессурсовъ, вдругъ пробудилось, воспрянуло и теперь, со всей мощью непочатыхъ силъ, идетъ къ великому будущему.

Тутъ произошло нѣчто неслыханное, безумное и головокружительное: сотни и тысячи собственниковъ отдаленныхъ и пустынныхъ земель, съ которыми они вчера еще не знали что дѣлать, вдругъ, не слѣзая съ печки, увидѣли плывущее къ нимъ рѣкой золото, и, въ 24 часа реализовавъ перепродажей своихъ участковъ громадные капиталы, изъ скромныхъ прозябателей превратились во всемогущихъ Крезовъ, устремили свои разгорѣвшіеся взоры къ таинственному искусителю—Парижу и бросились, съ жаждой вчерашнихъ варваровъ, въ водоворотъ соблазновъ роскоши и утонченныхъ наслажденій.

Въ поясненіе этой картины можно привести безчисленные примѣры, въ которыхъ воображеніе теряется между сказочнымъ и дѣйствительнымъ. Приведемъ нѣсколько наиболѣе выразительныхъ. Въ

1878-мъ году правительство, нуждаясь въ деньгахъ для кампаніи противъ индѣйцевъ, обратилось къ патріотизму зажиточныхъ гражданъ, предложивъ имъ купить нѣсколько участковъ земли въ центральныхъ пампасахъ и въ южной части провинціи Буэносъ-Айреса, по цѣнѣ въ 1000 и 2000 франковъ за квадратную милю (=2.500 гектаровъ): эти земли были покрыты негодной травой и не имѣли никакой цѣны. Одинъ отецъ семейства, M. G., пріобрѣлъ такимъ образомъ 10 кв. миль и, умирая, раздѣлилъ ихъ между 4-мя своими сыновьями. Въ 1885-мъ году одинъ изъ сыновей продалъ свою долю, по 30.000 фр. за кв. милю; въ 1890-мъ году другой нашелъ покупателя по 75.000 фр. за милю; въ 1894-мъ году третій взялъ 225.000 фр. за милю и, наконецъ, въ послѣднее время, четвертый получилъ 325.000 фр. за кв. милю!

Семейство R. M., 50 лѣтъ тому назадъ, пріобрѣло у индѣйцевъ, бывшихъ тогда хозяевами въ странѣ, 125.000 *гектаровъ* земли, въ наилучшей части провинціи Буэносъ-Айреса, за . . . стадо бѣлыхъ лошадей! Нынѣ эта земля стоитъ десятки милліоновъ. Нынѣшій вице-президентъ республики, Dr dela Plaza, купилъ, лѣтъ 25 тому назадъ, у правительства 20 кв. миль на югѣ той же провинціи Буэносъ-Айресъ, по 2000 франковъ за милю; затѣмъ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Англіи. Тѣмъ временемъ сосѣди-земледѣльцы создали на своихъ участкахъ великолѣпныя культуры, и вблизи прошла новая линія жел. дороги. Вернувшись въ отечество, онъ получилъ предложеніе продать свою землю по 150.000 франковъ за милю: итальянскіе земледѣльцы и англійскіе капиталисты поработали для его обогащенія.

Семья Alvear, одна изъ самыхъ именитыхъ въ столицѣ, имѣла на площади San Martin домъ и садъ, на участкѣ въ 6000 кв. метровъ, стоившемъ въ былое время нѣсколько тысячъ франковъ; этотъ участокъ былъ проданъ Jockey Club'у за 7.000.000 франковъ.

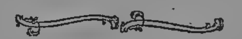
Въ центрѣ города, на углу улицъ Florida и Revadavia, квадратный метръ стоитъ 5.500 франковъ. Здѣсь можно было наблюдать оригинальную картину: одинъ изъ строящихся домовъ, верхняя часть котораго была уже окончательно отдѣлана, вдругъ былъ осужденъ на разрушеніе, по той причинѣ, что мѣсто было продано новому владѣльцу, заплатившему за кв. метръ 12.000 франковъ (вдвое дороже самыхъ высокихъ цѣнъ Парижа на place de l' Opéra и Boulevard des Italiens).

Нѣкій добрый папаша, желая сдѣлать подарокъ тремъ своимъ дѣтямъ, послалъ старшему сыну, состоявшему секретаремъ посольства въ Парижѣ, 20.000 франковъ; второму сыну, занимавшемуся скотоводствомъ въ своей «эстансіи», онъ купилъ пять великолѣп-

ныхъ барановъ, расы Rambouillet; наконецъ, дочери преподнесъ пядь земли, у порога Буэносъ-Айреса. Преданіе умалчиваетъ о томъ, что принесли двумъ сыновьямъ ихъ дары, но дочь продала, два года тому назадъ, свою «пядь» за скромную сумму въ 2.700.000 фр.!

Судите теперь, оправдывается ли на дѣлѣ извѣстная аргентинская поговорка, переводимая на русскій языкъ такъ: «Покупай домовъ, сколько нужно, земель—сколько видно».

Надежда Прива де Меранвиль.

ИЗБРАНІЕ ВИЛЬСОНА.

5 ноября новаго стиля избранъ кандидатъ въ президенты Соединенныхъ штатовъ Сѣверной Америки. Президентское кресло Вильсонъ займетъ 4-го марта слѣдующаго года.

Вудро Вильсонъ хорошо извѣстенъ и въ Россіи, какъ одинъ изъ выдающихся государствовѣдовъ новаго свѣта; онъ работалъ и по общей теоріи государства, и въ области государственнаго права и конституціонной исторіи Америки. По своимъ теоретическимъ взглядамъ онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія германской юридической школы. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ его можно считать ученикомъ Еллинека. Какъ и послѣдній, онъ пережилъ довольно значительную эволюцію, отказавшись отъ многихъ построеній, на которыхъ обоснованы были его первые научные труды. Этоо бъясняется, отчасти, той эволюціей, которую пережили за послѣднія два-три десятилѣтія сами Соед. Штаты.

Еще недавно избраніе президентомъ бывшаго профессора и ученаго, не принадлежащаго къ классу профессіоналовъ-политиковъ, было абсолютно невозможно; одно предположеніе такого выбора было бы осмѣяно большинствомъ американскихъ гражданъ. Не менѣе знаменательно и то, что такіе люди, какъ Вильсонъ, переходятъ въ область профессіональной политики, не боясь запачкаться; десять лѣтъ тому назадъ самъ Вильсонъ несомнѣнно отклонилъ бы, какъ отклоняли многіе ему подобные, предложеніе участвовать въ политической борьбѣ, въ которой приличному человѣку невозможно остаться чистымъ. Взяточничество, насиліе, безнравственность и

другіе темные способы политической борьбы были столь необходимой принадлежностью дѣятельности партійныхъ «машинъ», что извѣстный историкъ Дж. Брайсъ, въ своей работѣ о сѣв.-ам. конституціи, писалъ о невозможности для честныхъ людей идти рука объ руку съ профессіоналами-политиками. Люди, въ родѣ Рузвельта или Кливленда были рѣдчайшими исключеніями и выдѣлялись изъ окружавшей ихъ толпы только благодаря ихъ необычайной силѣ характера и твердымъ нравственнымъ принципамъ. И они, однако, принадлежали къ классу профессіоналовъ. Въ появленіи на политической сценѣ Вильсона мы имѣемъ первый примѣръ Outsider'a, побѣждающаго, притомъ, въ безпримѣрно жестокой политической борьбѣ.

Карьера Вильсона имѣетъ нѣсколько знаменательныхъ этаповъ. Первоначально онъ былъ простымъ профессоромъ въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ и между прочимъ нѣкоторое время въ женскомъ университетѣ Bryn Mawr въ Пенсильваніи; извѣстенъ онъ былъ лишь какъ первоклассный ученый и хорошій преподаватель.

Двигаясь затѣмъ вверхъ по общественной лѣстницѣ, онъ сталъ президентомъ университета Princeton, небольшого, но извѣстнаго своей строгой научностью. Уже въ первые годы своего президентства Вильсону удалось провести реформы, имѣвшія цѣлью приспособленіе стараго университета къ современнымъ требованіямъ преподаванія. Благодаря тому выдающемуся положенію, которое занимаетъ въ Америкѣ президентъ университета, той огромной административной власти, которою онъ располагаетъ, Вильсону удалось провести реорганизацію совѣта, факультетовъ, хозяйственнаго управленія. Не обошлось при этомъ и безъ созданія многочисленныхъ враговъ; противъ Вильсона возстали всѣ защитники старины, всѣ тѣ, кому теплѣе жилось при прежнихъ порядкахъ.

Внѣшность университета также значительно выиграла при Вильсонѣ; были построены многія новыя зданія, лабораторіи, общежитія и т. п. За нѣсколько лѣтъ его управленія Princeton совершенно преобразился. Благодаря этимъ чисто-административнымъ заслугамъ Вильсонъ обратилъ на себя вниманіе группы политическихъ дѣятелей, прогрессистовъ среди демократовъ.

Современная Америка переживаетъ очень серьезный соціальный кризисъ. Прежнія партійныя организаціи, вслѣдствіе глубоко вкоренившихся безнравственныхъ способовъ политической борьбы, стали вызывать все растущее отрицательное отношеніе общества, близкое къ презрѣнію и ненависти. Начали появляться организаціи, ставившія себѣ цѣлью борьбу съ этимъ ужаснымъ зломъ. Среди обѣихъ главенствующихъ партій, демократовъ и республиканцевъ, по-

степенно образовался расколъ; отщепившіеся молодые и энергичные борцы, стоявшіе за реформу по всей линіи политической жизни, были названы прогрессистами, въ отличіе отъ «регулярныхъ» партій. Прогрессисты силой необходимости принуждены были искать дѣятелей внѣ партійныхъ организацій, служившихъ объектомъ борьбы. Этимъ объясняется почему нѣсколько лѣтъ тому назадъ прогрессисты-демократы предложили президенту Принстоновскаго университета принять участіе въ ихъ дѣлѣ.

Почти сразу Вильсонъ выдвинулся въ первые ряды борцовъ за право и справедливость. Его выставили кандидатомъ, а затѣмъ благополучно и провели въ губернаторы штата Нью-Джерсей. Онъ вполнѣ оправдалъ довѣріе его избравшихъ; очистка отъ корыстныхъ политикановъ въ Нью-Джерсей пошла по всей линіи, причемъ губернаторъ доказалъ, что теоретическія познанія могутъ составлять прочный фундаментъ административной, практической дѣятельности. Сначала большинство подкупленныхъ политиканами газетъ смѣялось надъ избраніемъ Вильсона. Теоретикъ—говорили онѣ—неизбѣжно погрязнетъ въ своихъ теоріяхъ. Отчасти эти же обвиненія слышались минувшимъ лѣтомъ, когда намѣчались кандидаты различныхъ партій, но въ значительно меньшей степени, такъ какъ за Вильсономъ уже имѣлся губернаторскій опытъ и заслуги, которыхъ никто не могъ отрицать. Его враги ограничились утвержденіемъ, что губернаторскій опытъ слишкомъ узокъ для того, чтобы служить основой дѣятельности президента республики; прежней увѣренности въ неспособности теоретика-профессора къ административной дѣятельности уже не было слышно, и, большинство противниковъ Вильсона въ душѣ сознавало ничтожность этого аргумента.

Важныя, многозначительныя реформы предстоятъ штатамъ въ области государственнаго управленія. Потребность въ реформахъ очень велика; многіе институты государственнаго и административнаго права окончательно устарѣли и вовсе не отвѣчаютъ соціальнымъ и экономическимъ требованіямъ времени. Съ неудержимой силой идетъ демократизація государственной власти. На протяженіи всего XIX-го столѣтія Соединенные Штаты представляли собой типичную плутократическую республику; государственное устройство было чисто-представительное; въ осуществленіи государственной власти и созданіи государственной воли участвовали далеко не всѣ граждане, а лишь немногіе; къ концу столѣтія, почти вся власть сосредоточилась въ рукахъ партійныхъ организацій, такъ называемыхъ машинъ, а онѣ были послушными орудіями въ рукахъ корыстныхъ милліонеровъ-капиталистовъ. Цѣль прогрессистовъ и заклю-

чается въ устраненіи, по возможности, этихъ машинъ и въ уничтоженіи вліянія беззастѣнчивыхъ и неразборчивыхъ капиталистовъ. Въ программахъ прогрессивныхъ группъ значилось введеніе такихъ реформъ какъ референдумъ, непосредственное избраніе сенаторовъ народомъ (вмѣсто назначенія ихъ законодательными собраніями штатовъ, такъ какъ послѣднія находятся совершенно въ рукахъ корыстныхъ политикановъ), обезпеченіе самостоятельности самоуправленія большихъ городовъ, въ родѣ Чикаго или Нью-Іорка, зависящихъ теперь отъ палатъ соотвѣтствующихъ штатовъ. Всѣ эти реформы отличаются ярко демократическимъ характеромъ; сознательные граждане повсюду стали требовать непосредственнаго участія въ осуществленіи государственной власти и отправленіи функцій государственнаго управленія.

Во всѣхъ намѣчаемыхъ преобразованіяхъ теоретическія познанія могутъ быть весьма полезны; они будутъ не помѣхой, а путеводной звѣздой для будущаго президента.

Прошлымъ лѣтомъ, когда разгорѣлась президентская кампанія, демократы воспользовались сильнымъ расколомъ, созданнымъ среди республиканцевъ борьбой Тафта съ Рузвельтомъ. Всѣ сознавали тогда, что этотъ расколъ можетъ быть весьма полезенъ демократамъ, лишь бы они нашли надежнаго и популярнаго кандидата. Профессіональная демократическая «машина» выставила кандидатомъ спикера палаты представителей, Кларка, типичнаго американца южныхъ штатовъ, грубаго, необразованнаго, готоваго служить капиталистамъ и политиканамъ. Прогрессисты выставили Вильсона, популярность котораго росла не по днямъ, а по часамъ. Нѣчто подобное происходило и у республиканцевъ; съ одной стороны Тафтъ, конечно болѣе симпатичный и образованный, чѣмъ Кларкъ, все же стоялъ за крупный капиталъ и за сохраненіе status quo, съ другой—Рузвельтъ, энергично повелъ прогрессивное крыло и разбилъ Тафта въ пухъ и прахъ.

Демократическая «машина» оказалась дальновиднѣе республиканской: она не довела дѣла до открытаго разрыва, а во время уступила. На національномъ конвентѣ демократовъ въ концѣ іюня, когда намѣчался партійный кандидатъ въ президенты, нѣсколько дней происходила глухая борьба между послѣдователями Кларка и приверженцами Вильсона, но уже съ самаго начала первые чувствовали, что теряютъ почву подъ ногами, благодаря именно популярности кандидата вторыхъ. На пятый день, послѣ нѣсколькихъ десятковъ голосованій, Вильсонъ получилъ необходимое большинство, а Кларкъ ретировался; правое крыло демократовъ благоразумно рѣшило подчиниться.

Среди республиканцевъ, наоборотъ, соглашеніе не было засти-

гнуто. Профессіональная «машина» не пожелала признать себя побѣжденной и отвергла прогрессистовъ. Тогда Рузвельтъ просто ушелъ изъ національнаго республиканскаго конвента и созвалъ свой собственный. Такимъ образомъ составилось три платформы, три президентскихъ группы: регулярная республиканская, выставившая Тафта за неимѣніемъ другого; прогрессивная республиканская ведомая Рузвельтомъ, и общая демократическая, съ Вильсономъ во главѣ. За послѣдней имѣлось огромное преимущество: она была объединенной, сплоченной группой и потому сильнѣе разъединенныхъ прочихъ двухъ.

Пораженіе Тафта предвидѣли въ Америкѣ начиная съ августа; у него не было никакихъ шансовъ, не было ни популярности, ни поддержки профессіоналовъ, которые его выставили за неимѣніемъ никого другого; ни одинъ выдающійся политическій дѣятель не желалъ идти съ «регулярными» республиканцами, сознавая ихъ малую популярность въ странѣ, а болѣе честные изъ лидеровъ—сознавая также, что общественное мнѣніе настоятельно требовало очистки политической среды отъ прежней корысти и безнравственности. Бѣдный Тафтъ!—говорили всѣ, кто его лично зналъ и кто убѣжденъ былъ въ его нравственной чистотѣ; его принесли въ жертву и повели невиннаго на закланіе, а 5 ноября и заклали его во имя партійной организаціи. Стыдъ, имъ пережитый, не поддается описаніямъ; вѣдь президентъ является номинальнымъ главой партіи, у него въ рукахъ всѣ нити организаціи, вся необходимая власть; еще въ февралѣ и мартѣ этого года, когда Рузвельтъ выступилъ впервые конкурентомъ Тафта, надъ нимъ смѣялись, говоря что борьба противъ организаціи, противъ «машины», противъ Тафта невозможна, безсмысленна, что Тафтъ своей огромной властью сотретъ Рузвельта съ лица земли. Лѣтомъ голоса стали уже колебаться; болѣе дальновидные люди уже видѣли безсиліе Тафта. Прошло еще четыре мѣсяца—и Тафтъ уничтоженъ; изъ 523 голосовъ ему досталось всего 11. Это ли не насмѣшка, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, это ли не пораженіе регулярной партійной «машины»? Рузвельтъ оказался также побѣжденнымъ, получивъ немногимъ болѣе 100 голосовъ, но весьма возможно, что черезъ четыре года онъ выступитъ вновь, съ немалыми шансами на успѣхъ. Вильсонъ, къ несчастью, связанъ партійной программой, не допускающей переизбранія, и стало быть въ 1917-мъ году онъ долженъ будетъ уступить мѣсто республиканцу, если у демократовъ не найдется другой кандидатъ, способный на борьбу съ Рузвельтомъ.

Итакъ, блестящую побѣду Вильсона слѣдуетъ объяснить тремя факторами: личными способностями и заслугами кандидата,—тѣмъ,

что онъ стоитъ во главѣ прогрессивныхъ демократовъ въ такой моментъ, когда «прогрессивность» очень популярна въ странѣ и даже ей необходима,—и благоразуміемъ демократической «машины», во время уступившей, тогда какъ регулярные республиканцы пошли противъ теченія.

Когда демократы избрали Вильсона и ихъ регулярная «машина» подчинилась этому, возникъ вопросъ, слѣдуетъ ли Рузвельту продолжать свою кампанію, въ виду столь малыхъ шансовъ на побѣду. По тремъ причинамъ рѣшено было прогрессивными республиканцами не класть оружія: во-первыхъ, въ видахъ пропаганды прогрессивныхъ принциповъ, во-вторыхъ, чтобы окончательно убить шансы Тафта и доканать республиканскую профессіональную «машину», и въ-третьихъ, въ виду того, что регулярные демократы присоединились къ Вильсону и можетъ возникнуть опасность подчиненія прогрессивнаго демократическаго кандидата вліянію «машины». Последнее соображеніе особенно важно: Рузвельтъ въ своихъ избирательныхъ рѣчахъ не разъ на немъ останавливался, указывая на «реакціонную» опасность кандидатуры Вильсона. Нѣтъ сомнѣнія, что представители демократической «машины» также имѣютъ въ виду эту мысль и разсчитываютъ сыграть на неопытности Вильсона, подобравъ впослѣдствіи вожжи. Но, можно думать, они весьма и весьма ошибутся. Не такой человѣкъ ихъ кандидатъ.

Уже будучи губернаторомъ, Вильсонъ доказалъ, и не разъ, что вовсе не склоненъ подчиняться указкѣ профессіоналовъ. На губернаторскомъ посту онъ держалъ себя вполнѣ самостоятельно: не постѣснился прогнать нѣсколькихъ корыстныхъ чиновниковъ, успѣшно, протестовалъ противъ кандидатуры нежелательнаго сенатора и вообще велъ политику независимую отъ желаній и давленія «машины». Возражаютъ, что все это происходило въ маленькомъ масштабѣ, такъ какъ политическая жизнь штата миніатюрна въ сравненіи со всей республикой, но, думается намъ, этотъ аргументъ совершенно бездоказателенъ. Представителямъ корыстной, профессіональной демократіи президентство Вильсона грозитъ большимъ разочарованіемъ. Онъ поведетъ активную прогрессивную и реформаторскую линію, а его рѣзкость скоро поссоритъ его со всѣми оффиціальными лидерами партіи. Онъ менѣе всего способенъ на скрываніе своихъ убѣжденій и заискиваніе у противниковъ. И что за бѣда,—говорятъ прогрессисты, что онъ поссорится съ оффиціальными лидерами? По нашему мнѣнію, они безусловно правы. Прогрессивная платформа отъ этого только выиграетъ, партія будетъ очищаться отъ нежелательныхъ элементовъ. У президента достаточно власти и престижа для проведенія его собственной политики, въ особенности

если онъ не разсчитываетъ на переизбраніе. Послѣднее обстоятельство укрѣпляетъ его положеніе среди партіи.

Нельзя не привѣтствовать, поэтому, избраніе Вильсона. Соед. Штаты уже вступили на путь соціальнаго и государственнаго преобразованія, и нѣтъ сомнѣнія, что энергичный и сравнительно молодой президентъ твердой рукой поведетъ ихъ дальше по этому пути.

Вильсонъ олицетворяетъ собою молодую, здоровую Америку.

Бар. С. Корфъ.

ГЕРГАРТЪ ГАУПТМАНЪ.

Въ послѣдней пьесѣ Гауптмана: «Бѣгство Габріэля Шиллинга» одинъ художникъ ободряетъ другого ссылкой на японскаго ученаго: «Гокусаи въ 70 лѣтъ считалъ, что у него все впереди, о томъ же, что написано имъ до тѣхъ поръ, и толковать не стоитъ... А ты въ возрастѣ ученика отчаяваешься!..»

До извѣстной степени, въ положеніи ученика или «экспериментатора»—по выраженію Брандеса—находится до сихъ поръ и самъ Гауптманъ, недавно отпраздновавшій свое пятидесятилѣтіе и увѣнчанный къ этому дню нобелевской преміей. Пройденный Гауптманомъ путь блестящъ, но далеко не повсюду усѣянъ розами. На ряду съ восторженными почитателями у него много враговъ, не признающихъ въ немъ крупнаго художника и глашатая новыхъ истинъ. Вмѣстѣ съ прославленіями раздаются иногда и протесты: «Долой Гауптмана!» Своей странной литературной судьбой знаменитый нѣмецкій драматургъ напоминаетъ своенравнаго, строптиваго Стриндберга, постоянно возбуждавшаго бури.

Но Гауптманъ не своенравенъ и не строптивъ. Онъ какой-то пестро-сложный и немного расплывчатый. Въ немъ до сихъ поръ еще многое бурлитъ и ищетъ выхода; его одновременно тянетъ на разные пути. Онъ отдается своимъ разнообразнымъ художественнымъ склонностямъ съ упорствомъ и страстностью, словно пробуя свой талантъ то въ одной, то въ другой области драматическаго искусства. Есть жаркіе поклонники его «натурализма», устраиваю-

щіе ему скандалъ за каждое устремленіе въ мистику и символизмъ; есть, напротивъ, чтущіе въ немъ исключительно символиста и ожидающіе отъ него соотвѣтствующихъ откровеній. Восторженные почитатели «Ганнеле» и «Потонувшаго колокола», видящіе въ Гауптманѣ то новаго Шекспира, то новаго Гёте, говорятъ не иначе какъ съ пренебреженіемъ о его первыхъ «натуралистическихъ» драмахъ. Но первыя ли только его драмы должны быть отнесены къ разряду «натуралистическихъ»? Напротивъ, настроенія его все время какъ бы чередуются. Вслѣдъ за первыми драмами, иллюстрирующими теорію наслѣдственности («Передъ восходомъ солнца» и «Праздникъ примиренія», въ 1889 и 1890 г.г.) онъ пишетъ свою тонкую психологическую драму «Одинокіе люди» (въ 1891 г.) и вдохновенную сказку «Ганнеле» (въ 1893 г.), а почти одновременно съ этимъ пишетъ «Ткачей» (впервые поставлены въ 1894 г.)... Въ 1896 г. онъ даетъ «символическій» «Потонувшій колоколъ», а въ 1898 г. —реалистичнѣйшаго «Извозчика Геншеля»... Изъ этого перечня можно видѣть, какъ рискованно дѣлить творчество Гауптмана на «періоды».

Критики не безъ основанія упрекаютъ Гауптмана за его податливость разнымъ литературнымъ вліяніямъ. Съ кѣмъ только его не сопоставляютъ (и не всегда въ его пользу): съ Шиллеромъ и Гёте, съ Нитцше и Ибсеномъ, съ Зола и Додэ, съ Пшибышевскимъ, съ Толстымъ, Достоевскимъ, Чеховымъ. Нѣмецкій драматургъ самъ даетъ къ этому поводъ. Онъ слишкомъ отзывчивъ къ окружающимъ настроеніямъ, къ чужимъ мыслямъ. Онъ такъ нервенъ, женственно-мягокъ и воспріимчивъ, какъ будто подверженъ внушенію. Возможно, что къ этимъ индивидуальнымъ свойствамъ у Гауптмана присоединяется обычная непосредственность простолюдина, вышедшаго изъ мало-культурной среды, который съ жадностью набрасывается на литературу, на науку, стараясь отовсюду извлечь какъ можно больше. Въ творчествѣ Гауптмана, дѣйствительно, вездѣ встрѣчаются отзвуки любимыхъ имъ писателей, ихъ идей и образовъ.

Однако, эта основная «податливость» не помѣшала проявиться собственному оригинальному содержанію автора. Оно прорывается съ одинаковою экспансивностью и въ бытовыхъ драмахъ, напр. въ «Извозчикѣ Геншелѣ», и въ «Потонувшемъ колоколѣ». Постороннія вліянія не затемнили внутреннее лицо Гауптмана. Оно очень опредѣленное. Это—типичное лицо *новаго* писателя «конца вѣка». У Гауптмана, какъ и у большинства его современниковъ, на первомъ планѣ—проблема личности. Психологическія темы у него преобладаютъ. Европейскую извѣстность доставила Гауптману его замѣчательная соціальная драма—«Ткачи»; но собственному его сердцу несомнѣнно ближе психологическія темы, въ которыхъ героемъ

выступаетъ не толпа, не угнетенная масса, а одинокая личность, съ ея высокими полетами, конфликтами и—почти всегда неизбѣжными у Гауптмана—пораженіями.

Какъ драматургъ, Гауптманъ, не смотря на присущіе ему лиризмъ и мягкость, обладаетъ достаточной силой и выдержкой. Пьесы его, въ большинствѣ случаевъ, сценичны. Дѣйствіе захватываетъ зрителя даже тогда, когда онъ не вполнѣ сочувствуетъ авторскому замыслу. Характеры у Гауптмана выразительны. Въ Гауптманѣ-художникѣ своеобразно сочетаются живая, пытливая наблюдательность простолюдина и нервозная, утонченная психологія интеллигента. У него яркая, хотя и нѣсколько грубоватая кисть, сказывающаяся даже въ подробныхъ ремаркахъ къ его пьесамъ. Смѣсь наслѣдственнаго здоровья и личной душевной надломленности, богатой жизнерадостности и малодушнаго пессимизма, внутренней тонкости и внѣшней примитивности бросается въ глаза и у героевъ Гауптмана. Какъ тонокъ и сложенъ Іоганнъ Фокератъ, герой «Одинокихъ людей», въ своихъ внутреннихъ переживаніяхъ, и какъ онъ недогадливо грубъ, неотесанно-угловатъ во внѣшнихъ отношеніяхъ съ людьми—съ родителями, съ женой! Причина этой странной пестроты коренится гдѣ-нибудь очень глубоко—въ натурѣ Гауптмана, въ его происхожденіи, въ раннихъ переживаніяхъ.

Гергартъ Гауптманъ родился 15-го ноября 1862-го года, въ курортѣ Оберзальцбруннъ въ Силезіи. Отецъ его, крестьянинъ, былъ сначала кельнеромъ, потомъ содержателемъ гостинницы; дѣдъ его былъ ткачемъ, очевидцемъ большого рабочаго бунта въ 1844-мъ году. Разсказы дѣда, переданные отцомъ, и послужили канвой для «Ткачей». Яркій протестантскій духъ, проникающій эту драму, вѣроятно воспринятъ писателемъ непосредственно по наслѣдству, изъ крови въ кровь... Гауптманъ получилъ образованіе въ бреславльской гимназіи и іенскомъ университетѣ. Кромѣ того, онъ съ 1880 г. въ теченіе двухъ лѣтъ посѣщалъ художественную школу, готовясь въ скульпторы. Художническое призваніе довольно долго боролось въ Гауптманѣ съ писательскимъ. Одно время у него была даже собственная мастерская въ Римѣ; къ мечтамъ о скульптурѣ онъ возвращался не разъ и всегда поддерживалъ съ художническимъ міромъ дѣятельныя сношенія. Отсюда его прекрасное знаніе быта художниковъ, изображеннаго имъ въ цѣломъ рядѣ пьесъ. Трагическая судьба одинокаго, непонятаго художника, загубленнаго внѣшними обстоятельствами и внутренними конфликтами—преобладающій мотивъ его индивидуалистическихъ драмъ («Коллега Кромптонъ», «Михаэль Крамеръ», «Потонувшій колоколъ», «Бѣгство Шиллинга» и др.).

Въ студенческіе годы Гауптманъ увлекался Дарвиномъ и Кар-

ломъ Марксомъ, что́ и отразилось въ его первыхъ драмахъ. Онъ дебютировалъ въ 1889 г. пьесой: «Передъ восходомъ солнца», носящей слѣды вліяній натурализма Зола и ибсеновской теоріи наслѣдственности. Знакомство съ докторомъ Форелемъ еще усилило у впечатлительнаго Гауптмана интересъ къ узкимъ и неблагодарнымъ для искусства физіолого-патологическимъ темамъ. Въ томъ же духѣ написана имъ, въ слѣдующемъ году, и другая драма: «Праздникъ примиренія».

Но уже въ 1891 г. драматургъ выходитъ на болѣе широкую дорогу. Онъ выступилъ съ лучшей изъ своихъ драмъ: «Одинокіе люди». Она посвящена «тѣмъ, кто ее пережилъ». А кто ея не переживалъ?.. Не какъ реалистъ или символистъ останется Гауптманъ въ памяти человѣчества, а какъ творецъ этой тонкой, глубокой по замыслу и необыкновенно искренней по выполненію драмы. Въ ней полнѣе всего выразился писательскій обликъ Гауптмана и его содержаніе,—не то случайное преходящее содержаніе, которое навѣвалось посторонними вліяніями, а коренное. Онъ черпалъ его изъ себя и изъ окружающаго—изъ жизни и настроеній такихъ же людей, какъ и онъ, людей тяжелаго «переходнаго времени».

Іоганнъ Фокератъ и Анна Маръ не заблуждаются на собственный счетъ. Они не считаютъ себя «новыми» людьми, способными къ радикальному переустройству жизни. Они лишь полны предчувствіями всякихъ перемѣнъ. «Мы живемъ въ великое время... Чудится мнѣ, словно что-то угрюмое, удушливое, давящее понемногу сползаетъ съ насъ, уходитъ въ даль,—говоритъ Анна.—Съ одной стороны насъ порабощалъ томительный страхъ, съ другой—мрачный фанатизмъ. Теперь это чрезмѣрно напряженное состояніе какъ будто стало сглаживаться. Откуда-то ворвался къ намъ какой-то потокъ свѣжаго воздуха—ну, положимъ хоть изъ двадцатаго вѣка»... Іоганнъ соглашается, но сознается, что въ немъ-то самомъ нѣтъ этого прилива свѣжаго воздуха, нѣтъ «жизнерадостности», которая должна окрылить будущее. Жизнерадостность, вѣра въ жизнь и въ себя, готовность пожертвовать всѣмъ случайнымъ и преходящимъ ради главнаго—свободы личности, осуществленія ея высшихъ цѣлей,—таковъ основной догматъ «новыхъ» людей. Но осуществлять его, подняться надъ обыденностью, сосредоточиться на своихъ цѣляхъ они не въ силахъ. У нихъ чуткія, сложныя, но безвольныя души. Особенно жалокъ, слабоволенъ молодой «индивидуалистъ», Іоганнъ Фокератъ. Среди чуждой ему семьи—допотопныхъ стариковъ-родителей и наивной, простодушной жены—онъ кажется совсѣмъ подавленнымъ и затеряннымъ. Некому ему читать свою книгу, не съ кѣмъ подѣлиться своими взглядами и стремленіями—а безъ этого

для него жизнь не въ жизнь. Пріѣздъ Анны воскрешаетъ его, но съ этихъ поръ начинается и семейная драма: все больше уходитъ онъ отъ милой, преданной Кэтэ и, какъ растеніе къ свѣту, всѣмъ существомъ своимъ тянется къ Аннѣ.—«Развѣ вы чувствуете къ Кэтэ что-нибудь кромѣ сердечной любви?—спрашиваетъ Анну Іоганнъ.—Развѣ мое чувство къ ней сдѣлалось болѣе слабымъ? Напротивъ, оно стало еще глубже, еще полнѣе...» Анна вѣритъ въ возможность возвышенныхъ отношеній между людьми, но не довѣряетъ другимъ, не довѣряетъ и себѣ — не хочетъ «спуститься съ горъ въ долину», и уѣзжаетъ. А ея другъ, «индивидуалистъ» Іоганнъ, не чувствуетъ себя достаточно сильнымъ, чтобы жить безъ ея поддержки, и не можетъ ничего лучшаго придумать, какъ, по женски, утопиться въ пруду. Ярко выраженная женственность—вообще коренная черта больныхъ слабовольныхъ героевъ Гауптмана. Напротивъ, женщины у него сильнѣе и здоровѣе. Какъ и у Ибсена, у него женщины—«столпы общества». И особенно выдѣляется образъ героини «Одинокихъ людей». Анна Маръ оставляетъ далеко за собой не только многихъ нѣмецкихъ, но и ибсеновскихъ героинь. Хотя она иноситъ странный талисманъ—«кольцо женщины, ушедшей за мужемъ въ Сибирь»,—но въ ней есть и кое-что свое, не для будущаго мужа, а для себя. И во имя этого она наноситъ жестокій ударъ любимому ею Іоганну и себѣ самой, отклоняетъ отъ себя компромиссъ. Въ драмѣ нѣтъ ни одного намека на то, что идеалъ Анны—пустыя слова; вѣроятно, она ему послужитъ и ужъ, конечно, не станетъ искать успокоенія въ прудѣ. Этотъ исключительный женскій образъ—единственный въ творчествѣ самого Гауптмана. Всѣ прочіе его женскіе образы распадаются на двѣ группы. Это женщины-Мареы и женщины-Маріи, въ равной степени поглощенныя одной заботой — создать для своего избранника наибольшій комфортъ: однѣ — матеріальный, другія—духовный. Нужно отдать Гауптману справедливость: онъ и тѣхъ и другихъ рисуетъ очень художественно и поэтично, съ любовью. Но женщина-Мареа у Гауптмана все же ярче женщины-Маріи. Магда проще, но убѣдительнѣе, чѣмъ Раутенделейнъ, можетъ быть, впрочемъ, вслѣдствіе двойственности природы послѣдней (для женщины Раутенделейнъ слишкомъ загадочна, а для лѣсной феи—недостаточно воздушна). Лишь въ послѣдней пьесѣ Гауптманъ измѣняетъ своему рыцарскому отношенію къ женщинѣ: Мареа здѣсь превращается въ пошлую «нѣмецкую гусыню» (жена Шиллинга), а вдохновительница-Марія (Анна Геліасъ)—въ какого-то злобнаго духа, въ стриндберговскую «Пандору». Но, можетъ быть, это превращеніе объясняется тѣмъ, что и самая пьеса—не расцвѣтъ гауптмановскаго творчества, а скорѣе его уклонъ?

Наиболѣе яркимъ и полнымъ выраженіемъ индивидуалистическихъ настроеній Гауптмана является его знаменитый «Потонувшій колоколъ». Это произведеніе, будто бы навѣянное сверхчеловѣкомъ Нитцше, героями Ибсена и Пшибышевскаго—на самомъ дѣлѣ родное дѣтище Гауптмана, любовно имъ взлелѣянное. Герой его — онъ самъ, въ лучшую пору творчества. Мечты мастера Генриха о созданіи возвышеннаго произведенія — его мечты, страшное пораженіе мастера, — пораженіе самого Гауптмана, какъ художника: его неудача съ незадолго передъ тѣмъ написанной исторической драмой «Флоріанъ Гейеръ». «Колоколъ» написанъ необыкновенно поэтичнымъ и колоритнымъ языкомъ, мѣстами съ примѣсью діалекта; оцѣнить его захватывающую красоту можно только въ подлинникѣ [1]). Но красота его—совсѣмъ не въ символизмѣ, какъ принято думать. Напротивъ, символизмъ Гауптмана неудачный, недостаточно тонкій и глубокій. Онъ естественепъ лишь тамъ, гдѣ навѣянъ народной поэзіей и тевтонской миѳологіей; во всемъ, относящемся къ индивидуальному творчеству, онъ грубъ и натянутъ. «Кувшинъ слезъ», который тащатъ черезъ силу оборванные ребятишки Генриха, нэ трогаетъ, а раздражаетъ своей вульгарной вещественностью... Символизмъ, какъ и его душа—мистика—совсѣмъ не въ натурѣ яснаго, *«дневного»* Гауптмана. Но несмотря на неудачную символику, «Потонувшій колоколъ» прекрасенъ, какъ чистое, вдохновенное произведеніе искусства. Онъ хорошъ красотой и правдой воплощенныхъ въ немъ переживаній. Мастеръ Генрихъ, это — тотъ же Іоганнъ Фокератъ, тонкій, богато одаренный «новый» человѣкъ, неспособный къ проведенію своихъ идей въ жизнь. Какъ похожъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, этотъ идеалистическій герой на ибсеновскаго строителя Сольнеса— и какъ въ другихъ отношеніяхъ онъ отъ него отличается! Сольнесъ хотя и свалился съ своей колокольни, но не по своей винѣ: такова была воля рока, не давшаго ему достаточно силъ. Онъ послушался своей вдохновительницы Гильды и не пожалѣлъ для достиженія своей цѣли ничего, даже собственной жизни. Еще послѣдовательнѣе и упорнѣе въ достиженіи своихъ цѣлей другіе герои Ибсена, напр. Брандъ. А мастеръ Генрихъ, напротивъ, все время испытываетъ двойственное настроеніе и колеблется между любовью къ землѣ и стремленіемъ въ высь. «Чужой и свой внизу—и здѣсь чужой и свой»: вотъ въ чемъ трагедія этого новатора-индивидуалиста, изнемогающаго въ противорѣчіяхъ. Въ концѣ концовъ онъ

1) Лучшій изъ русскихъ переводовъ, принадлежащій г-жѣ Колышкевичъ, напечатанъ въ изд. «Шиповника» (Спб. 1909).

самъ, своею собственной неврастенической рукой стираетъ созданное имъ—и гибнетъ. Въ немъ нѣтъ не только суровой непреклонности ибсеновскихъ героевъ, но и простого мужества. Его идеалистическія стремленія сильно окрашены «человѣчностью», и потому въ ихъ борьбѣ съ конкретными интересами и привязанностями всегда побѣждаютъ послѣднія. Мастеръ Генрихъ былъ недоволенъ своей работой въ долинѣ и мечталъ создать такой колоколъ, который бы могъ звучать на весь міръ. Его преданная подруга, Магда, помочь ему въ этомъ не можетъ: она слишкомъ проста для него, неспособна ни увлечь, ни подвинуть на подвигъ. И вотъ онъ, бросаетъ семью, долину и въ горахъ встрѣчается съ феей Раутенделейнъ, возвращающей ему молодость и творческія силы. Но наслажденіе творчествомъ въ горахъ длится не долго. Достаточно ему услышать ударъ негоднаго, потонувшаго колокола (произведенный рукой утопленницы Магды), чтобы проклясть волшебницу Раутенделейнъ и, бросивъ творчество, устремиться на землю, гдѣ тоже въ это время все уже разрушено... Вотъ какъ своеобразенъ въ обработкѣ общеевропейскаго сюжета и какъ вѣренъ себѣ глубоко искренній, женственный талантъ Гауптмана!

Въ каждой изъ психологическихъ драмъ Гауптмана мы встрѣчаемся съ *новымъ* человѣкомъ, подобнымъ мастеру Генриху и Іоганну Фокерату. Гауптмановскіе герои одарены своеобразной личностью и чуткимъ сердцемъ,—имъ присущи всяческія дерзновенія, исканіе новыхъ путей въ жизни,—не достаетъ только одного: здоровой воли и выдержки. И потому эти герои неизбѣжно должны погибнуть. Чаще всего они кончаютъ съ собой—иногда подъ вліяніемъ аффекта, какъ Іоганнъ Фокератъ и молодой Крамеръ, иногда, въ припадкѣ настоящаго безумія, какъ несчастный художникъ Габріэль Шиллингъ. Самоубійства встрѣчаются чуть не въ каждой изъ драмъ Гауптмана.

Въ «Одинокихъ людяхъ», «Ткачахъ», «Ганнеле», «Потонувшемъ колоколѣ» и «Извозчикѣ Геншелѣ» талантъ Гауптмана достигаетъ наибольшаго расцвѣта. Въ послѣднее время чувствуется какъ бы нѣкоторый ущербъ творчества. Усталость писателя замѣтна уже въ интересной психологической драмѣ: «Михаэль Крамеръ», съ ея неясными положеніями и искусственнымъ апоѳеозомъ смерти. «Жизнерадостный» Гауптманъ, наканунѣ XX-го вѣка обѣщающій жизнерадостность для всѣхъ, старается доказать, что смерть нѣжна, какъ любовь. «Смерть оклеветали... Смерть—тончайшая форма жизни, высшее художественное созданіе вѣчной любви»... Это неожиданное прославленіе смерти и вся высокопарная рѣчь отца надъ неостывшимъ трупомъ сына производитъ ходульное,

неистественное впечатлѣніе. Въ «Михаэлѣ Крамерѣ» нѣтъ той убѣдительной правдивости, простоты, которая является лучшимъ свойствомъ другихъ драмъ Гауптмана. Нѣтъ тутъ и необходимаго единства въ развитіи основного настроенія героя. Рядомъ съ семейнымъ конфликтомъ у молодого человѣка происходитъ конфликтъ съ той порочной средой, въ которую онъ попалъ. Немудрено, что критики спорили о томъ, кто же виноватъ въ смерти Михаэля—отецъ или его собутыльники?

Еще слабѣе Гауптманъ въ своей послѣдней пьесѣ: «Бѣгство Габріэля Шиллинга», хотя она и мила своею интимностью, непосредственностью и лиризмомъ. Тутъ обычный, «индивидуалистическій» конфликтъ гауптмановскаго героя сильно упрощается, сводится къ патологіи. Съ перваго же появленія на сценѣ Шиллингъ производитъ впечатлѣніе расшатаннаго, вырождающагося неврастеника, судьба котораго предрѣшена, какъ бы ни сложились обстоятельства. Зритель въ правѣ даже ожидать разъясненія о «наслѣдственности», какъ въ раннихъ гауптмановскихъ драмахъ. Ни трудностью писательскаго пути, ни преслѣдованіемъ двухъ женщинъ-фурій, которыя изображены въ пьесѣ, нельзя объяснить душевную, а затѣмъ и фактическую гибель Габріэля Шиллинга. Его самоубійство художественно не оправдано, отчего и все впечатлѣніе отъ пьесы проигрываетъ.

Трудно рѣшить, что значитъ этотъ упадокъ творчества знаменитаго драматурга: временное утомленіе и переломъ или достиженіе предѣла, который для всѣхъ новыхъ писателей—и нашихъ, и европейскихъ—наступаетъ такъ рано, увы! вѣроятно, гораздо раньше, того, который назначается японцемъ Гокусаи?

Е. Колтоновская.

ИЗЪ АРХИВА М. М. СТАСЮЛЕВИЧА.

— М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке. Томъ IV. Спб., 1913.

Центральной фигурой въ четвертомъ томѣ «Архива» является И. А. Гончаровъ. Его обстоятельныя, откровенныя письма, проникнутыя добродушнымъ юморомъ, иногда съ примѣсью язвительной ироніи, даютъ чрезвычайно интересный матеріалъ для характеристики его личности и творчества.

Съ марта 1868-го года велись дѣятельные конфиденціальные переговоры о печатаніи «Обрыва» въ «Вѣстникѣ Европы». И. А. Гончаровъ читалъ свой романъ у графа А. К. Толстого, въ спальнѣ графини, въ присутствіи одного только посторонняго слушателя— М. М—ча, «подъ величайшимъ секретомъ». Прочли нѣсколько главъ, —пишетъ М. М. женѣ послѣ перваго сеанса,—«но, выслушавъ такую вещь, нѣтъ возможности ничего больше печатать по беллетристикѣ». Отдѣльныя части романа были написаны уже давно, и онъ не былъ еще законченъ во всѣхъ своихъ деталяхъ; самый вопросъ о печатаніи долго оставался нерѣшеннымъ. Постоянныя сомнѣнія и колебанія вызывались не только авторскою мнительностью Гончарова, но и разными посторонними и случайными соображеніями, — то ссылкою на болѣе соблазнительныя условія, предлагаемыя Некрасовымъ отъ имени «Отечественныхъ Записокъ», то слухами объ обѣщаніи Тургенева помѣстить «что-то большое» въ томъ же «Вѣстникѣ Европы» въ теченіе того же 1869-го года. М. М-чъ успокоивалъ Гончарова, убѣждалъ его въ необходимости довести работу до конца, указывалъ на значеніе его романа для литературы и поддерживалъ въ немъ бодрость духа своими дружескими совѣтами и разъясненіями. «Драгоцѣнный осмыслитель моихъ авторскихъ замысловъ и руководитель моей литературной совѣсти»—такъ называетъ М. М-ча Гончаровъ въ одномъ изъ писемъ къ нему въ маѣ 1868 г. «Милый, добрый, несравненный Михайло Матвѣевичъ,—говоритъ онъ въ другомъ письмѣ, — протягиваю Вамъ обѣ руки издали и кричу—«благодарю, благодарю», хотя въ то же время потихоньку думаю: да не смѣется ли онъ надо мною—какъ будто всѣ сговорились жечь меня крапивой безпощаднаго смѣха! Но потомъ успокаиваюсь—Вы не по-

смѣетесь надъ тѣмъ, что Богъ мнѣ далъ, — это бы значило бить меня по самому больному или смертельному мѣсту».

Процессъ творчества находился тогда у Гончарова въ полномъ разгарѣ. «Во мнѣ теперь кипитъ будто въ бутылкѣ шампанскаго,—пишетъ онъ,—все развивается, яснѣетъ во мнѣ, все легче, дальше, и я почти не выдерживаю, одинъ, рыдаю какъ ребенокъ и измученной рукою спѣшу отмѣчать кое-какъ, въ безпорядкѣ. Я все забылъ другое, все—даже графа и графиню, даже Васъ иногда забываю, — во мнѣ просыпается все прежнее, что я считалъ умершимъ. Ахъ, еслибъ Богъ далъ удержать это навсегда на бумагу и потомъ нарядить въ красный кафтанъ, т. е. въ Вашу обертку. Да нѣтъ,—такъ не запишешь, какъ оно тамъ у меня является гдѣ-то!» «Задача становится все глубже, значеніе ея растетъ, и мнѣ дѣлается страшно самому, — дай Богъ силъ выполнить, и я умру спокойно, хоть тотчасъ послѣ своей подписи; нѣтъ, неправда: прежде хочу прочитать Вамъ, Толстымъ, Тютчеву, Боткину,—пусть бы и Анненковъ и Тургеневъ, —да, и онъ, тонкій знатокъ и цѣнитель, и еще кое-кто,—кружокъ небольшой, тѣсный, но избранный, сливки ума и вкуса. А потомъ, если всѣ благословятъ,—поднести торжественно Вамъ, моему литературному пѣстуну». Гончаровъ чувствовалъ себя какъ бы въ ненормальномъ, лихорадочномъ состояніи. «Что это за мечты лѣзутъ, —да, лѣзутъ: фантазія — это своего рода такой паровозъ, что дай Богъ только, чтобы котелъ не лопнулъ. Вотъ тутъ вчера за обѣдомъ сидѣлъ Здекауеръ, докторъ, — я незнакомъ съ нимъ, а то бы попросилъ какого-нибудь calmant. А то я своею разсѣянностью (т. е. сосредоточенностью...) похожу немного на сумасшедшаго, — и на меня глядя улыбаются, а я просто поглощенъ теперь вполнѣ передо мной развившейся задачей до самаго конца: перспектива вся открылась предо мною до самой будущей могилы Райскаго, съ желѣзнымъ крестомъ, обвитымъ терніемъ. Молчите пока передъ всѣми о моихъ откровеніяхъ Вамъ и о рыданіяхъ тоже: надъ послѣдними не смѣйтесь, мнѣ ужъ и самому совѣстно ихъ, а первыя спрячьте подъ замокъ Вашего слова. Богъ дастъ, отопремъ подъ красной — или точнѣе прекрасной оберткой «Вѣстника» и вторую половину». «Угладили же Вы мой путь добрыми желаніями,—пишетъ онъ далѣе,—«и если я буду работать и кончу свою работу, то, конечно, много буду обязанъ этимъ Вашему энергическому, и моральному, и матеріальному участію. Морально Вы осмысливали мой трудъ, предсказывая его значеніе, и поселили и во мнѣ, вмѣсто крайней недовѣрчивости къ себѣ самому, нѣкоторую увѣренность къ написанному и бодрость—идти дальше. Я смѣлѣе гляжу впередъ, и плодомъ этого—то, что все остальное стоитъ готовое у меня въ головѣ, какъ будто то, что крылось такъ долго

гдѣ-то внутри меня, вдругъ высыпало какъ сыпь наружу». Необыкновенно высокое представленіе о роли и призваніи писателя отражается во всѣхъ разсужденіяхъ и замѣчаніяхъ Гончарова. «Мои идеалы, образы, картины, цѣли и направленія—заявляетъ онъ,—такъ чисты и честны, какъ только самъ Богъ можетъ влагать ихъ въ человѣческую душу. И я чувствую, что Онъ вложилъ ихъ въ меня, чтобы наравнѣ съ другими честными людьми, честно, по силамъ, служить обществу и правительству вмѣстѣ, т. е. Россіи. Дастъ Богъ силъ—увидятъ это. И Вы первый, да и Толстые замѣтили и проникли это. И благо Вамъ!... Да, я не пишу романъ,—Вы правы; онъ пишется и кѣмъ-то диктуется мнѣ...» Пишется даже—какъ намекаетъ авторъ —гораздо больше чѣмъ предполагалось; выйдетъ, быть можетъ, десять или двѣнадцать лишнихъ листовъ: «убытокъ будетъ, скажете Вы..; вѣдь за каждый листъ, по условію надо платить, сверхъ выстрѣла, 250 рублей». Э, Мих. Матв.,—(Вы этого, я теперь увѣренъ, и не подумаете; Вамъ въ голову не придетъ, потому что для Васъ Вашъ журналъ то же, что для меня—мой романъ,—я уже знаю Васъ на это);—не отъ насъ ли зависитъ измѣнить эти Некрасовскія условія и перейти на другія, болѣе скромныя? И Вы узнаете меня поближе... Нѣтъ, мы поговоримъ объ этомъ,—и уваженіе и любовь къ дѣлу обоихъ насъ поставитъ выше всякихъ разсчетовъ, и мы исполнимъ прежде всего свое призваніе, какъ литераторы..»

Для успѣшности работы Гончарову нужна была извѣстная обстановка, но прежде всего тишина—«простая тишина, но такая какъ могила». Нѣтъ ея нигдѣ: «вотъ здѣсь съ улицы доходитъ стукъ колесъ, въ зелени птицы трещатъ. А главный мой врагъ—поясняетъ онъ—это фортепіано. Въ домѣ его нѣтъ, а черезъ улицу кто-то бренчитъ. А мнѣ нужно совсѣмъ уйти въ себя, въ свой, теперь извѣстный Вамъ міръ, и чтобы ни одинъ звукъ не вторгался въ область моей фантазіи. Но гдѣ найдешь эту тишину? На что тиха моя петербургская Обломовка, съ зеленымъ дворомъ и садомъ, а и тамъ надъ головой моей ходитъ, точно слонъ, лакей. молодого хозяина, и по причинѣ низенькихъ потолковъ кажется, что онъ ходитъ будто у меня на головѣ.» За границей, въ Киссингенѣ, ему мѣшаютъ сосѣди: «А мнѣ необходима тишина, чтобы чутко вслушиваться въ музыку, играющую внутри меня, и поспѣшно класть ее на ноты». За невозможностью писать другое, онъ пишетъ письма и жалобы друзьямъ: это «единственный путь, которымъ я разрѣшаюсь своею литературною силою и облегчаю напоръ фантазіи. Это моя другая жизнь—міръ фантазіи, и Вы правы, говоря, что во мнѣ два человѣка, и что они часто рѣзко противорѣчатъ другъ другу, и что ихъ

смѣшивать одного съ другимъ надо осторожно. Иначе оскорбишь того или другого—и сдѣлаешь промахъ, даже почти преступленіе, съ плеча, ничего не понявши, колотя то, что заслуживало бы только нѣжной, дружеской руки и всевозможной пощады, даже нѣкотораго баловства. Тогда только эта сила и могла быть направлена въ свое настоящее русло. Вы угадали все это, какъ угадываете законы и тайны творчества, какъ будто сами только и дѣлали, что писали драмы, романы и т. д.».

Потребность въ «нѣжной дружеской рукѣ» и даже въ «баловствѣ» всегда чувствовалась Гончаровымъ, при обычномъ его одиночествѣ и замкнутости; этимъ и объясняются капризные оттѣнки его настроенія, постоянное недовольство собою и окружающимъ, часто повторяющіеся приливы тихой грусти. «Напрасно я ждалъ, чтобъ кто-нибудь успокоилъ, обласкалъ меня, напрасно обращался я къ женщинамъ—онѣ не понимали этого и наносили безпощадные удары, не подозрѣвая, что это все равно, что бить слѣпого или ребенка. Отъ этихъ ударовъ и злобнаго, грубаго смѣха у меня останутся неизгладимые слѣды. Жду утѣшенія только отъ своего труда: если кончу его, этимъ и успокоюсь и больше ничѣмъ,—и тогда уйду, спрячусь куда-нибудь въ уголъ и буду тамъ умирать. Къ несчастью,—добавляетъ Гончаровъ,—судьба не дала мнѣ своего угла, хоть небольшого, нѣтъ никакого гнѣзда, ни дворянскаго, ни птичьяго, и я самъ не знаю, куда я дѣнусь..» Его преслѣдуетъ, съ одной стороны, богатство образовъ, законченныхъ въ его головѣ, а съ другой—опасеніе, что не удастся передать ихъ на бумагѣ во всей ихъ жизненности. «Я боюсь, боюсь этого небывалаго у меня притока фантазіи, боюсь, что маленькое перо мое не выдержитъ, не поднимется на высоту моихъ идеаловъ и художественно религіозныхъ настроеній. Но Богъ дастъ—Вѣра (имя героини «Обрыва») спасетъ меня». Между тѣмъ работа туго подвигается впередъ, и по обыкновенію, авторъ даетъ волю своему раздраженію въ письмахъ. «Я въ жалкомъ положеніи, чуть не плачу отъ какой-то упорной вражды судьбы ко мнѣ и къ моему труду. Я рвусь къ нему, мнѣ снятся сны теперь только изъ второй половины моего романа, въ который положилъ чуть не полжизни,—и между тѣмъ все мѣшаетъ мнѣ, на всякомъ шагу преграды—и какія иногда мелкія, ничтожныя, а все же преграды! Въ сію минуту, напримѣръ, Боже мой,—слезы ярости выступаютъ у меня, и я, вынувъ утромъ листки, сажусь за нихъ такой бодрый, съ такой охотой продолжать,—и черезъ полчаса, черезъ часъ прячу ихъ назадъ, и убитый, праздно влачу цѣлый день, или истощаюсь напрасно въ летучихъ письмахъ къ Валуеву, Толстому, теперь вотъ къ Вамъ!!»

«И что нужно мнѣ,—восклицаетъ онъ:—добро бы роскошная природа, комфортабельная обстановка, прекрасные виды кругомъ,—совсѣмъ напротивъ,—не нужно, это мѣшаетъ, это развлекаетъ, это хорошо за обѣдомъ, или вечеромъ при отдыхѣ, для успокоенія нервовъ. Но въ работѣ моей мнѣ нужна простая комната, съ письменнымъ столомъ, мягкимъ кресломъ и съ голыми стѣнами, чтобы ничто даже глазъ не развлекало, а главное, чтобы туда не проникалъ никакой внѣшній звукъ, чтобы могильная тишина была вокругъ и чтобъ я могъ вглядываться, вслушиваться въ то, что происходитъ во мнѣ, и записывать. Да, тишина безусловная въ моей комнатѣ—и только!» Этой скромной мечтѣ не суждено, однако, осуществиться. «А вотъ, не угодно ли послушать,—въ эту самую минуту напротивъ живетъ какая-то чортова кукла и съ десяти до двухъ часовъ, т. е. когда я только и могу заняться, рѣжетъ мнѣ уже не уши, а душу, горло, этой безобразной дробью фортепіанныхъ трелей и протяжнымъ воемъ, какимъ коты вызываютъ кошекъ на кровлю. Это ужасно!.. Куда, въ какую щель не проникнетъ отвратительный звонъ фортепіано? И гдѣ ихъ нѣтъ?». Жалоба на эти назойливые внѣшніе звуки принимаетъ отчасти болѣзненный характеръ. «Съ улицы, кромѣ музыки, несется стукъ колесъ, говоръ... Боже мой, зачѣмъ же это? Отчего въ прошломъ году какая-то толпа въ Маріенбадѣ мѣшала мнѣ? Отчего надъ моей комнатой поселился какой-то сумасшедшій и топалъ ногами? Что же все это значитъ? Кого и чѣмъ я оскорбилъ умышленно? Гдѣ мои враги, чего они хотятъ отъ меня, или отчего не понимаютъ, что я такое, и зачѣмъ дѣлаютъ слѣпо злое дѣло?»

Въ слѣдующемъ же письмѣ онъ извиняется за свои меланхолическія изліянія: «не забывайте, пожалуйста, что я—барометръ, что въ натурѣ моей, и физической, и нравственной, есть какія-то странныя, невѣроятныя и необъяснимыя особенности, крайности, противорѣчія, порывы, неожиданности и пр.,—и слѣдовательно, не удивляйтесь, если скажу, что на другой же день, послѣ вечера, разрѣшившагося грозой, я вдругъ ожилъ, написалъ половину одной и начало другой главы, и бѣгалъ по аллеямъ, какъ юноша, купилъ даже себѣ мой любимый и самый благородный цвѣтокъ—лилію, и писалъ цѣлое утро!» Черезъ день опять тѣ же отчаянныя жалобы на судьбу. «Не смѣйтесь надо мной,—пишетъ онъ Мих. М-чу,—не удивляйтесь, а лучше пожалѣйте. Природа мнѣ дала тонкіе и чуткіе нервы (откуда и та страшная впечатлительность и страстность всей натуры): этого никто никогда не понималъ, и тѣ, которые только замѣчали послѣдствія этой впечатлительности и нервной раздражительности,—что дѣлали?.. Меня дразнили, принимая или

за полубѣшеную собаку; или за полудикаго человѣка, гнали, травили какъ звѣря, думая Богъ знаетъ что и не умѣя рѣшить, что я такое! Притворщикъ, актеръ или сумасшедшій—или изъ меня, и на словахъ, и въ письмахъ, и въ поступкахъ, бьется только и играетъ, разнообразно сверкая, сила фантазіи, ума, чувствъ, просясь во что-нибудь, въ форму—въ статую, картину, драму, романъ, и что бьется это все изъ самой почвы, можетъ быть довольно богатой, что это требуетъ вниманія нѣсколько заботливой руки, дружества, а не вражды. А между тѣмъ друзья являлись мнѣ врагами,—и понятно, что я ничего не дѣлалъ, не писалъ, а мучался внутренно, въ ужасѣ самъ отъ того, что не умѣю этого объяснить и растолковать». Въ то же время въ немъ «заговорила прежняя производительная сила, и онъ стремится вновь къ своимъ любимымъ героямъ. «И тутъ же хочется сказать о Райскомъ все, что я говорилъ вамъ о себѣ лично и что говорю теперь... Вы не будете смѣяться. Вы теперь знаете, какой я дикій, какой я сумасшедшій, какой я волокита,—а я больной, загнанный, затравленный, непонятый никѣмъ и нещадно оскорбляемый самыми близкими мнѣ людьми, даже женщинами, всего болѣе ими, кому я посвятилъ такъ много жизни и пера. Меня лечили—отъ фантазіи, желая вылечить отъ разныхъ пороковъ, которыхъ, можетъ быть, и нѣтъ, и этимъ только больше и больше портили». Онъ опять сомнѣвается въ своихъ силахъ, думаетъ или говоритъ о самоубійствѣ, пробуетъ покупать револьверъ, но все не сходится въ цѣнѣ,—а въ сущности жаждетъ жить, вопреки всѣмъ мучительнымъ сомнѣніямъ и непріятностямъ; онъ часто безпокоится по поводу того, что содержаніе его романа или его отдѣльныхъ главъ можетъ сдѣлаться извѣстнымъ Тургеневу или Анненкову; по временамъ ему кажется, что за нимъ подозрительно слѣдятъ гарсоны въ отеляхъ, что кто-то заглядывалъ въ его завѣтныя тетради, и что какія-то свѣдѣнія о нихъ вѣроятно доставляются въ Парижъ; онъ много разъ напоминаетъ о необходимости соблюдать тайну, и въ этомъ отношеніи онъ питаетъ безусловное довѣріе только къ двумъ лицамъ—къ Мих. М-чу и къ своей вѣрной и внимательной сотрудницѣ-переписчицѣ, дочери академика Никитенко, Софьѣ Александровнѣ.

Эта внутренняя борьба между разными противоположными чувствами и опасеніями разрѣшается въ сентябрѣ 1868-го года формальнымъ отказомъ Гончарова отъ мысли довести свой трудъ до конца и приготовить его къ печати. Онъ проситъ М. М—ча «остановить печатаніе объявленія» о романѣ, отъ котораго ему приходится «отказаться навсегда». «Сама судьба,—пишетъ онъ,—вырываетъ у меня перо, и у меня теперь, кромѣ отвращенія печататься,

ничего нѣтъ на душѣ. Всѣ замыслы вылетѣли вонъ, какъ дымъ въ трубу... Нѣтъ, все это не выносятъ мои силы,—даже и необходимость экономическая должна быть отложена въ сторону. Надо сжаться какъ-нибудь и оставить поэзію на старости лѣтъ. Не старайтесь поколебать меня,—вы только прибавите нѣсколько напрасныхъ сожалѣній къ моему невольному и необходимому отреченію отъ пера. У меня давно, какъ я предчувствовалъ, отложена и должная вамъ сумма, даже въ той самой монетѣ». Гончаровъ заходилъ на другой день къ М. М—чу, но не засталъ его дома. «Я принесъ было вамъ забранный впередъ гонораръ, и кромѣ того хотѣлъ повидаться еще разъ, выразить обоюдное сожалѣніе и затѣмъ проститься вѣроятно надолго. Видѣться часто, какъ мы видались до сихъ поръ, нельзя: вамъ непріятно, а мнѣ тяжело... А впрочемъ, я мирюсь съ мыслью о томъ, что печатать не слѣдовало, и даже начинаю понемногу удивляться, какъ это я рѣшался, въ свои лѣта, съ своей мнительностью, при нездоровьѣ, соваться въ публику съ эдакой безобразной махиной!» А мѣсяцъ спустя, въ началѣ ноября, было уже подписано И. А. Гончаровымъ «домашнее обязательство» объ условіяхъ печатанія «Обрыва» въ «Вѣстникѣ Европы» и о срокахъ уплаты гонорара. Сколько потребовалось дипломатическаго искусства, спокойной энергіи, дружескаго вниманія и терпѣнія, чтобы побудить Гончарова измѣнить принятое уже рѣшеніе,—объ этомъ можно только догадываться. Затѣмъ начинается крайне тягостный для обѣихъ сторонъ процессъ печатанія, съ безконечными корректурами, съ постоянно возникающими вопросами и пререканіями, съ запоздалыми авторскими исправленіями и сокращеніями въ сверстанныхъ уже листахъ; никакіе техническіе доводы и резоны не дѣйствуютъ на автора, а стремленіе редакціи выпускать книжки журнала непремѣнно къ первому числу даже раздражаетъ его. «Я совершенно падаю духомъ,—пишетъ онъ,—и, конечно, глубоко каюсь, что рѣшилъ печатать. Какъ бы я былъ радъ, еслибъ обстоятельства заставили васъ отказаться отъ журнала, а слѣдовательно отъ «Обрыва»!» Получивъ отъ М. М—ча наставленіе или упрекъ по поводу неосторожнаго обращенія съ текстомъ «сверстаннаго листа», онъ восклицаетъ: «Ахъ, махну рукой на все и умру, но предварительно сожгу всѣ слѣдующія части и васъ же попрошу собрать пепелъ въ урну и поставить на моей могилѣ». «Увы,—сообщаетъ онъ въ декабрѣ,—посвирѣпствовалъ я опять на (такихъ-то) страницахъ, почтеннѣйшій мой редакторъ и опекунъ моего чада!.. Мнѣ такъ ужасно за эти надѣланныя мной безобразія, что я не знаю, идти ли мнѣ въ среду къ вамъ. Я думаю, не благоразумнѣе ли мнѣ дня три прятаться отъ васъ». «Человѣкъ я, что называется,

конченный. Вотъ умудрился на старости устроить себѣ жизнь, полную тоски и отчаянія, — конечно, не я одинъ: усердно помогали и другіе!» Въ одномъ письмѣ онъ спрашиваетъ, «скроменъ ли корректоръ, не показываетъ ли, не читаетъ ли или не даетъ ли прежде времени кому-нибудь изъ знакомыхъ своихъ читать корректуры». «Голова моя такъ ужъ устроена, — добавляетъ Гончаровъ, — чтобъ всегда подозрѣвать, а нервы—чтобъ тревожиться». Онъ настойчиво требуетъ для себя права передѣлывать романъ до момента окончательнаго печатанія, не стѣсняясь сроками выхода журнала, и ядовито упрекаетъ редакцію въ пренебреженіи къ высшимъ интересамъ литературы ради ненужной погони за внѣшней аккуратностью, при чемъ приводитъ какіе-то «городскіе слухи» о «гнусныхъ» переводахъ, печатаемыхъ въ журналѣ и искажающихъ капитальныя иностранныя произведенія; «надо заботиться не о томъ, чтобы книжки не запаздывали, а о томъ, чтобы въ нихъ не было «трухи» и т. п. Потомъ онъ какъ будто кается въ своихъ рѣзкостяхъ и объявляетъ себя «самымъ несчастнымъ человѣкомъ во всей вселенной». Споры о корректурахъ наполняютъ почти всю переписку его съ М. М-чемъ за это время; наконецъ, въ апрѣлѣ онъ пишетъ: «Поздравляю и Васъ, дорогой, не оцѣненный мой редакторъ и моя спасительная повивальная бабка, съ окончаніемъ и вашей «муки мученической». Ребенокъ громаденъ: дай Богъ, чтобы не сравнили его съ «великой Ѳедорой».

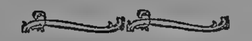
Въ письмахъ Гончарова изъ-за границы встрѣчается много остроумнѣйшихъ замѣчаній и отзывовъ, навѣянныхъ мимолетными впечатлѣніями тонкаго наблюдателя-путешественника. Изъ Булони онъ пишетъ, что это «Булонь на лужѣ» и никакого моря тамъ нѣтъ; французы ему опротивѣли, особенно женщины: «ихъ будто не рождаютъ, а фабрикуютъ гдѣ-нибудь въ кукольномъ заведеніи, вмѣстѣ съ шиньонами и корсетами». Нерѣдко авторъ принимаетъ забавный, насмѣшливый тонъ, не лишенный ехидства. «Весь Берлинъ въ большомъ недоумѣніи,—сообщаетъ онъ, напр., Мих. М-чу,—отъ чего Васъ нѣтъ. Меня останавливаютъ на улицахъ, высовываются изъ оконъ и всѣ спрашиваютъ: а что Стасюл.—гдѣ, какъ и когда? Развѣ книжка не вышла въ свѣтъ, что ихъ о сю пору нѣтъ? Вчера прошелъ мимо меня Бисмаркъ и тоже сдѣлалъ вопросительный знакъ головой—о Васъ. Я отвѣчалъ поклономъ: «скоро-молъ будутъ, вслѣдъ за мной!». «Здѣсь (въ Киссингенѣ) лечится какая-то баденская принцесса Елизавета... Говорятъ, она спрашивала, есть ли надежда, что іюньская книжка «Вѣстника Европы» выйдетъ 1-го числа. Не забудьте при встрѣчѣ увѣдомить объ этомъ и Бисмарка: онъ тоже спрашивалъ. А здѣсь ходитъ еще какой-то итальянскій посланникъ

при одномъ изъ нѣмецкихъ дворовъ; онъ сказывалъ, что папа и Гарибальди помирились и теперь больше ни о чемъ не говорятъ, какъ только объ «Обрывѣ»...

Когда въ журналѣ появилась статья Е. И. Утина объ его романѣ, Гончаровъ отнесся къ ней очень пренебрежительно: онъ «перелистывалъ статейку», но не скрывалъ своего неудовольствія по поводу помѣщенія ея въ «Вѣстникѣ Европы». «Гнѣва, обидчивости—говоритъ онъ—во мнѣ и тѣни нѣтъ; да и не отъ чего: статейка пустая, легонькая, газетная, спитая изъ общихъ мѣстъ..., и я радъ бы даже былъ ей, среди этого собачьяго критическаго концерта, если бы прочелъ ее не въ «Вѣстникѣ Европы». Впрочемъ, онъ впослѣдствіи смягчился и даже не избѣгалъ личныхъ встрѣчъ съ авторомъ статьи. Послѣ выхода «Обрыва» отдѣльной книгой, въ февралѣ 1870-го года онъ прислалъ М. М-чу благодарственное письмо, въ которомъ признаетъ себя обязаннымъ ему за скорое и успѣшное окончаніе романа: «ибо—поясняетъ онъ—ваше постоянное наблюденіе за мной, непрестанное, живое побужденіе къ работѣ, неусыпное участіе, почти личное, такъ сказать, присутствіе ваше при самомъ процессѣ писанія мною, терпѣливое прочитываніе написаннаго мною—все это подогрѣвало мою не обломовскую лѣнь (какъ многіе ошибочно полагаютъ: у меня нѣтъ лѣни, а бываетъ инерція), а мое охлажденіе отъ лѣтъ и равнодушіе ко всему, и даже къ литературѣ. Вы присутствовали въ моей мастерской и сами наблюдали за заказомъ труда (положимъ—для себя, но это выходило хорошо и для меня) и участіемъ много помогали мнѣ не давать нервамъ падать. Такимъ образомъ мы и довезли возъ до мѣста». Переписка его съ М. М. и его женою продолжалась до самой смерти Гончарова, въ 1891-мъ году; одно изъ послѣднихъ его коротенькихъ писемъ гласитъ: «Хотя я и при смерти, но по случаю такого милаго приглашенія, отложу кончину до другого дня и буду» къ назначенному часу.

Большой интересъ представляетъ также переписка съ А. М. Жемчужниковымъ, В. А. Арцимовичемъ и А. Ѳ. Кони.

Л. Слонимскій.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Вопросъ о хулиганствѣ въ деревнѣ и борьба съ нимъ.—Навѣты правой печати на деревню. — Гдѣ истинная родина хулиганства? — Зловѣщая трещина городской культуры.—Сложныя причины хулиганства въ Россіи.—Убогія постановленія земствъ по этому вопросу.—Черносотенные хулиганы въ Одессѣ и Кіевѣ. — Выходки стражниковъ. — Нездоровая атмосфера жизни въ Россіи.

Кажется, не случайно нынѣшнее спутанное, тусклое, неспокойное время выдвинуло чуть ли не на первый планъ вопросъ о борьбѣ съ хулиганствомъ въ деревнѣ. Именно въ деревнѣ. Городъ, въ лицѣ бюрократіи и правой печати, съ раздраженіемъ и подозрительностью всматривается въ далекую темь народной жизни, ничего, конечно, ясно не различая въ этой загадочной громадѣ, и склоненъ, — искренно или неискренно, — видѣть въ деревнѣ, опираясь на отдѣльные признаки, только разложеніе, буйство, развратъ.

Уже нѣсколько лѣтъ бытъ современной деревни усиленно обрисовывается сплошной черной краской. Появилась даже спеціальная беллетристика (напримѣръ, романъ г. Родіонова: «Наше преступленіе», который выдержалъ пять изданій и въ которомъ авторъ съ такой злобой и мрачной ненавистью описываетъ деревню, что для ея обузданія рекомендуетъ всяческія кары, вплоть до смертной казни).

Не розовыми красками обрисовывалъ прежнюю деревню и Глѣбъ Успенскій, невесела деревня у Чехова, и довольно мрачную картину сельской жизни даетъ въ наше время И. А. Бунинъ. Но въ этихъ художественныхъ описаніяхъ деревни, несмотря на ихъ очевидную иногда пессимистическую сгущенность, читатель чувствуетъ боль сердца, тоску и грусть авторовъ за деревню.

Правая публицистика и правая беллетристика стараются вызвать въ читателѣ иныя чувства и толкаютъ его на иное отношеніе къ деревнѣ. Раздраженно и злобно стараются справа убѣждать, что въ деревнѣ непомѣрно развилось хулиганство, что деревня повально опивается водкой и что въ деревнѣ съ угрожающей

быстротой развивается преступность. И въ результатѣ опасный призывъ, продиктованный страхомъ и злобой: усилить репрессіи.

Прошлой зимой пришлось мнѣ въ теченіе четырехъ недѣль поѣздить по деревнямъ Саратовской и Симбирской губерній. Легенда о пьяной и буйной деревнѣ такъ широко распространилась, что даже мѣстная интеллигенція настойчиво совѣтовала мнѣ въ праздничные дни не объѣзжать деревень, во избѣжаніе пьяныхъ, безобразныхъ картинъ. Къ счастью и къ собственному удовлетворенію, я не послушался благожелательныхъ совѣтовъ. И въ будни, и въ праздники показывала мнѣ деревня свое печальное лицо. Я объѣхалъ довольно большое число селъ и деревень, заходилъ въ десятки избъ, видѣлъ уличную жизнь деревни, наблюдалъ крестьянъ по одиночкѣ и на сходахъ,—и вотъ какой неожиданный и отрадный выводъ пришлось вынести изъ этой поѣздки: нигдѣ не встрѣтилъ я ни одного пьянаго (въ буквальномъ смыслѣ ни одного), не натолкнулся ни на какое уличное буйство, не видѣлъ, хотя бы издали, ни одного озорника или хулигана, оглашающаго воздухъ руганью.

Конечно, я не тороплюсь дѣлать сентиментальнаго и обобщающаго утвержденія, что во всей крестьянской Россіи жизнь течетъ мирно, трезво, безъ всякихъ намековъ на пьянство или буянство. Маленькій личный опытъ даетъ право только на маленькіе выводы. Но суть-то въ томъ, что на основаніи такихъ же небольшихъ, узкомѣстныхъ наблюденій, иногда и болѣе случайныхъ (а нерѣдко и совсѣмъ безъ личнаго опыта) справа дѣлаются несправедливыя всероссійскія обобщенія о спившейся и хулиганствующей деревнѣ.

Горожанинъ, читая въ газетахъ собранные со всѣхъ концовъ Россіи факты о дракахъ, убійствахъ и безобразіяхъ въ деревнѣ (къ сожалѣнію, газеты наиболѣе охотно отмѣчаютъ подобныя печальныя явленія,—можетъ быть, потому, что все дурное громко кричитъ, а хорошее молчитъ, тихо работаетъ и питаетъ жизнь), склоненъ повѣрить, что въ деревнѣ развивается повальное хулиганство.

Точно также провинціальный читатель, если бы онъ въ петербургскихъ газетахъ читалъ исключительно дневникъ происшествій съ ежедневными описаньями многочисленныхъ самоубійствъ и увѣчій отъ трамвая и автомобилей, могъ бы, забывъ о двухмилліонной громадѣ населенія столицы и ничтожномъ процентномъ отношеніи къ нему несчастныхъ случаевъ, придти къ выводу, что Петербургъ—страшный городъ, почти сплошь состоящій изъ самоубійцъ и увѣчныхъ.

Хулиганство, въ которомъ многіе склонны видѣть какое-то новое, бѣдственное и отвратительное явленіе, въ сущности заключаетъ въ себѣ только названіе новое, а въ основѣ своей это явленіе, при-

крытое моднымъ иностраннымъ ругательнымъ словомъ «хулиганъ», старо, какъ міръ. Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ существовали озорство и буйство. Оно усиливалось или уменьшалось въ зависимости отъ вѣяній времени (доходя, какъ у насъ въ восемнадцатомъ столѣтіи, до шаекъ вольницы, бродившихъ чуть ли не по всей странѣ), и тѣ же вѣянія времени клали окраску на проявленія озорничества и буйства.

Не въ единичномъ, а въ массовомъ озорствѣ, которое эпидемической волной разливается въ населеніи, по большей части можно видѣть черты уродливаго и безсознательнаго протеста слабой личности противъ условій жизни: (противъ государства, противъ капитала, противъ «судьбы», давшей сосѣду талантъ, силу, выдержку, удачу или богатство, а меня обдѣлившей.

Вполнѣ возможно, что неспокойные, мрачные годы, пережитые и переживаемые Россіей, подняли теперь на довольно значительную высоту мутную волну озорства и буйства (или, по современному, «хулиганства»), придавъ ей типичную окраску.

Однако, необходимо разобраться, какое участіе вкладываетъ въ это «хулиганство» деревня, насколько повинна она въ немъ, и насколько разумны репрессивныя мѣры, предлагаемыя справа для обузданія сельскаго хулиганства.

Деревня до сихъ поръ задавлена матеріальной и духовной нищетой. Но нищета переносится покорно, пока она мало сознана. Безпокойство вспыхиваетъ и разгорается тогда, когда нарождаются потребности, бьющіяся въ безвыходномъ кругу неудовлетворенія.

Наше время знаменательно тѣмъ, что оно окружило людей, какъ соблазнами, многими новыми потребностями, привлекательными и трудно удовлетворимыми. Въ частности русская деревня, пріоткрывъ въ послѣдніе годы глаза, многое увидѣла, многое поняла, многаго захотѣла—и въ то же время на горькомъ, оскорбительномъ опытѣ убѣдилась, что это «многое» для нея почти недоступно.

Освободительное движеніе, напримѣръ, разбудило и шевельнуло государственное сознаніе деревни. Было привычное вѣковое безправіе, мрачную тяготу котораго деревня несла съ безсознательной покорностью, какъ нѣчто неизбѣжное и неизмѣнное. И вдругъ—неожиданная, радостная, неслыханная вѣсть: народъ самъ начнетъ, черезъ своихъ представителей, устраивать и улучшать свою судьбу. Вспыхнула надежда, зажгла въ народной душѣ новую, смутно-радостную потребность—и растаяла, какъ миражъ... Вмѣсто народнаго парламента—третья Дума, вмѣсто свободъ и справедливой законности—усиленныя репрессіи, наѣзды стражниковъ, расцвѣтъ — административнаго произвола...

А тутъ придвинулось и другое. Въ деревню все больше проникаетъ книга и газета. Онѣ доносятъ сюда звуки и краски иного міра, богатаго жизнью, охваченнаго праздничнымъ ликованіемъ (такъ должно прежде всего казаться унылой, оголенной деревнѣ).

Блескъ и богатство городовъ, огни улицъ, магазиновъ и театровъ, искусства, науки, городскіе храмы, судорожная конкурренція труда, при которой можно быть раздавленнымъ на смерть, но можно, при удачѣ, и вознестись на вершину чрезвычайнаго благополучія,— вся эта пестрая, тревожная, съ каждымъ годомъ усложняющаяся ткань городской жизни должна сильно волновать деревню, которая все больше и больше узнаетъ о ней черезъ крестьянъ, вкусившихъ сладкую отраву города, черезъ книги и газеты, черезъ всякіе отклики и отзвуки. Даже такой пустякъ, какъ граммофонъ, поющій и кричащій теперь почти во всякой сельской чайной, способенъ внести безпокойный штрихъ въ разбуженную деревенскую душу.

И вотъ, матеріальная и духовная нищета остается той же, двери въ лучшее будущее плотно закрыты—а сознаніе потревожено, потребности нарождаются, множатся, ими насыщенъ воздухъ.

Конечно, въ сильной и чистой душѣ горизонты новой жизни пробуждаютъ только или стремленіе пробиться впередъ, или тоску и грусть при явной безвыходности положенія. Но для слабыхъ, безвольныхъ людей, для привыкшихъ обижаться, злобиться и раздражаться на неудачи, является соблазнъ проявить свой смутный протестъ. Вотъ почва для «хулиганства». Почва эта всегда и вездѣ была поката, а теперь она, вѣроятно, увеличила свой уклонъ и, можетъ быть, дѣлается все круче...

И все же, несомнѣнно, главная родина озорниковъ и хулигановъ—не деревня. По крайней мѣрѣ не та деревня, которая удалена отъ городскихъ центровъ (а такихъ селъ и деревень громадное большинство въ Россіи). Здѣсь озорничество и хулиганство составляютъ ничтожный процентъ. Хотя и наростаетъ здѣсь неизбѣжная тоска по лучшей жизни, но общій тонъ жизни все еще не теряетъ вѣковой покорной тишины, которую изрѣдка нарушаютъ озорныя выходки двухъ-трехъ буяновъ да «престольные праздники», когда нѣкоторые мужики (далеко не большинство) считаютъ почти долгомъ «погулять», т. е. изрядно выпить, потопать ногами и погорланить безобидныя пѣсни.

Давно установлено многими наблюдателями народной жизни,— и мнѣ остается только присоединить свой скромный опытъ къ тому же выводу,—что нравы деревни тѣмъ безпокойнѣе, чѣмъ ближе деревня къ городу (или къ фабрикѣ). Здѣсь и пьянство разгульнѣе, и буйство озорнѣе, и преступность сложнѣе, рѣзче и выше

въ процентномъ отношеніи. Еще хуже на задворкахъ и въ подвалахъ большихъ городовъ. Самая же подлинная родина всевозможнаго озорства, разложенія нравственности, ослабленія здоровой воли и развитія современнаго хулиганства—конечно, столичные города.

Въ деревнѣ, селѣ или захолустномъ городѣ улицы по вечерамъ объяты тишиной, и безопасно бредутъ по домамъ запоздалые старики, женщины, дѣти. Между тѣмъ многія улицы Петербурга, напримѣръ, въ ночные часы опасны, непріятны и тревожны. Троттуары переполнены пьяными, злобноозорными, раздраженно-возбужденными людьми. Они вываливаются группами изъ разныхъ трактировъ, ресторановъ, пивныхъ, кабачковъ, тайныхъ и явныхъ притоновъ, которыми столица усыпана, какъ язвами проказы. Воздухъ наполненъ ругательствами и отвратительными, позорными для человѣческаго языка восклицаньями. Идти по такимъ улицамъ одинокой женщинѣ почти невозможно, такъ какъ наслушаешься неслыханныхъ вещей и подвергнешься приставаньямъ и оскорбленьямъ. А на окраинныхъ улицахъ уже стережетъ подлинная опасность, въ виду частыхъ здѣсь грабежей, убійствъ и насилій.

И съ каждымъ годомъ, несомнѣнно, въ столицахъ въ этомъ отношеніи все хуже, фатально, неустранимо и неудержимо хуже. Главная причина, вѣроятно, та, что всѣ тѣ соблазны, которые доходятъ до деревни слабыми, блѣдными и рѣдкими отзвуками, здѣсь сгущены до одуряющей яркости. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, полуголодному, оборванному человѣку забыть о своей нищетѣ, когда на улицахъ въ зеркальныхъ, залитыхъ электричествомъ окнахъ магазиновъ разставлены дразнящіе пищевые продукты, напитки, одежда, изящная утварь. Какъ забыть о своемъ гниломъ подвалѣ, когда кругомъ дворцы со свѣтлыми окнами, за которыми мерещится сказочная обстановка. Какъ забыть объ унизительной, невылазной бѣдности, когда скачутъ вокругъ кареты съ праздничными, беззаботными людьми, мчатся автомобили, сверкаютъ огнями театры...

И все это видишь изо дня въ день въ теченіе многихъ лѣтъ, и все это не менѣе недоступно, чѣмъ описанный въ книгѣ сказочный міръ.

Тутъ намѣчается одна изъ наиболѣе зловѣщихъ трещинъ современной цивилизаціи, и эта трещина можетъ расшириться въ опасную пропасть. Городская жизнь головокружительно осложняется, украшая и взвинчивая себя искусствами, изысканной культурой, всесторонне развивающейся техникой. А въ подвалахъ, куда тысячами притекаютъ изъ деревни все тѣ же первобытные люди, ежегодно возрастающая дороговизна жизни и ожесточенная конкуренція изъ-за труда все больше сгущаютъ мракъ и отчаяніе.

Если ужъ называть «хулиганствомъ» то бѣдственное, сложное и грозное явленіе, которое создаетъ озорныхъ, озлобленныхъ, полузлодѣйныхъ людей, съ помраченной совѣстью и расшатанной волей, то не нужно вперять тревожнаго взгляда въ дальнюю деревню. Опасность гораздо ближе. Она въ городахъ, и чѣмъ городъ больше и оживленнѣе, тѣмъ опасность явственнѣе. Не случайность, вѣроятно, что въ Парижѣ, въ этомъ блестящемъ центрѣ современной міровой культуры, хулиганство доросло уже до жуткаго сословія апашей, которые съ дьявольской дерзостью убиваютъ людей на бульварахъ Парижа не только для грабежа, но и просто «для забавы». И многіе граждане республики, подобно нашимъ ретроградамъ, напуганные до крайней степени, ничего не могутъ больше придумать, какъ требовать для апашей смертной казни.

Хулиганство—одна изъ зловѣщихъ трещинъ буржуазнаго (говоря избитымъ терминомъ) строя, одна изъ неизлѣчимыхъ обычными полицейскими и уголовными мѣрами язвъ современной культуры. Пьяными, хриплыми и злобными голосами хулиганство все же кричитъ о какой-то нарушаемой справедливости. Вопросъ о хулиганствѣ выростаетъ до значенія почти міроваго, и, скоро или не скоро, потребуетъ пристальнаго изученія и глубокаго разрѣшенія почти во всѣхъ странахъ.

Въ Россіи этотъ печальный вопросъ осложняется бытовыми и государственными особенностями. Если на странѣ все еще лежитъ удушье безправія, то помимо всѣхъ другихъ перечисленныхъ выше причинъ, явное, повсемѣстное нарушеніе справедливости должно зажигать въ населеніи недовольство, раздраженіе, озлобленіе, толкая наиболѣе неустойчивыхъ на буйство, озорство и хулиганство.

Къ такому-то сложному, больному, переплетенному всяческими бытовыми, политическими и соціальными нитями вопросу правые публицисты и правые беллетристы подходятъ съ узкимъ, раздраженнымъ, нелѣпымъ совѣтомъ бороться съ бѣдой усиленіемъ репрессій, указывая, притомъ, главнымъ образомъ на деревню. И пусть бы эти примитивныя разсужденія оставались только въ литературѣ. Нѣтъ, мысль о борьбѣ съ деревенскимъ хулиганствомъ репрессивными мѣрами стала крѣпнуть и въ бюрократическихъ сферахъ. А недавно вопросъ о борьбѣ съ хулиганствомъ былъ подвергнутъ обсужденію на земскихъ собраніяхъ.

Многія земства, въ которыхъ преобладаетъ теперь вліяніе правыхъ помѣщиковъ, пришли къ тому же убогому, раздраженному выводу: съ деревенскимъ хулиганствомъ надо бороться репрессивными мѣрами, т. е. заключеніемъ въ тюрьму, штрафами, высылкой въ Сибирь. Нѣкоторые земцы и земства пошли еще

дальше. Такъ напримѣръ, въ Суздалѣ,—по словамъ корреспондента «Русскихъ Вѣдомостей»,—очередное земское собраніе «сопровождалось пантомимами. При обсужденіи доклада о борьбѣ съ хулиганствомъ одинъ изъ гласныхъ, бывшій предводитель дворянства, высказывая сожалѣніе, что нѣтъ уже прежнихъ мѣръ воздѣйствія на испорченныхъ людей, добавилъ: «А по-моему бы ихъ вотъ такъ, вотъ такъ»... И гласный сдѣлалъ рукой усиленныя движенія, показывающія его симпатіи къ физическимъ «воздѣйствіямъ». Вышло и наглядно, и выразительно. Послѣ такой демонстраціи собраніе выбрало гласнаго членомъ... училищнаго совѣта.

Великолуцкое земство оказалось еще смѣлѣе и откровеннѣе. «Очередное собраніе великолуцкаго земства,—сообщаютъ «Русскія Вѣдомости»,—разсмотрѣло вопросъ о борьбѣ съ хулиганствомъ. Предсѣдатель собранія, Н. Ф. Голенищевъ-Кутузовъ, указалъ, что, по его мнѣнію, однѣми просвѣтительными мѣрами бороться съ хулиганствомъ невозможно; поэтому онъ предложилъ ходатайствовать о скорѣйшемъ проведеніи законодательнымъ путемъ усиленныхъ наказаній за хулиганство. Вслѣдъ за тѣмъ одинъ изъ гласныхъ, г. Орловъ, предложилъ ходатайствовать о возстановленіи тѣлеснаго наказанія. Великолуцкіе земцы ухватились за эту мысль. Г. Голенищевъ-Кутузовъ заявилъ, что, «вопреки существующей модѣ отстаивать свободу сѣдалищной части тѣла», онъ является убѣжденнымъ сторонникомъ тѣлеснаго наказанія, тѣмъ болѣе, что розги очень дешево обходятся государству. Возражалъ противъ предложенія г. Орлова одинъ только гласный, г. Тыртовъ. Большинствомъ всѣхъ противъ одного земское собраніе рѣшило ходатайствовать о возстановленіи тѣлеснаго наказанія».

Печальное убожество этого постановленія говоритъ не только о напуганности захолустныхъ помѣщиковъ и злобѣ ихъ къ деревнѣ, но и о собственномъ культурномъ уровнѣ этихъ руководителей земскаго хозяйства. Очевидно, не только тускло и узко смотрятъ они на сложность современной жизни, но и собственный опытъ ничему не научилъ ихъ. Отъ недавнихъ крестьянскихъ волненій, видимо, остались у нихъ въ памяти только пугающіе отблески пожаровъ да раздраженная злоба на «бунтарей», а причины нестроенія деревенской жизни по прежнему недоступны для ихъ пониманія. Иначе не трудно было бы понять, что, живя въ вынужденной близости съ деревней, опасно разжигать гнѣвъ и злобу деревни репрессіями и особенно оскорбительнымъ, унизительнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ. Только въ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ земскихъ собраніяхъ попробовали подойти къ вопросу о хулиганствѣ болѣе серьезно и вдум-

чиво. Изъ Воронежа, напримѣръ, пишутъ «Русскимъ Вѣдомостямъ»: «Воронежская уѣздная земская управа представила земскому собранію особый докладъ о мѣрахъ борьбы съ хулиганствомъ, въ которомъ высказывается, что «хулиганство» есть результатъ вообще некультурности населенія и нестроенія нашей общественной и государственной жизни и потому главная мѣра борьбы съ хулиганствомъ должна быть направлена на подъемъ культуры и просвѣщенія; мѣры же устрашающаго характера, какъ напримѣръ усиленіе наказанія, могутъ имѣть лишь временное значеніе». Должны быть устранены,—говорится, далѣе, въ докладѣ земской управы,—всѣ административныя препятствія, встрѣчаемыя земскими и общественными организаціями на пути просвѣщенія народа. Мѣры репрессивнаго характера предоставляются у насъ «усмотрѣнію» администраціи. Если на высшихъ административныхъ ступеняхъ «усмотрѣніе», не ограничиваемое закономъ, признается нежелательнымъ и вреднымъ, то, предоставляемое низшимъ чинамъ полиціи, оно ведетъ къ нарушенію закона и къ полному уничтоженію его авторитета въ глазахъ населенія. Поэтому управа высказывается за уничтоженіе всѣхъ исключительныхъ положеній, замѣнившихъ собою законъ «усмотрѣніемъ», на почвѣ широкаго примѣненія котораго и развились отрицательныя явленія въ жизни деревни. По прочтеніи доклада одинъ изъ гласныхъ, волостной старшина, указалъ, что хулиганство увеличивается благодаря свободной продажѣ водки: въ каждомъ селѣ—казенная лавка, а шинки—въ каждомъ дворѣ; сельскій полицейскій, разъ увидѣлъ бутылку, утерпѣть не можетъ, сидитъ съ хулиганами и пьетъ... Но тутъ предсѣдатель собранія внезапно прекратилъ дальнѣйшія пренія и докладъ управы снялъ съ очереди...

Слѣдовательно, и здѣсь попытка разумнаго отношенія къ больному вопросу потерпѣла крушеніе.

При такомъ отношеніи помѣщиковъ къ деревнѣ осторожно слѣдуетъ прислушиваться и къ ихъ свидѣтельству о развитіи хулиганства въ деревнѣ. Подъ обидное названіе «хулиганства», несомнѣнно, здѣсь вкладываются самыя разнородныя явленія. Помѣщики, окруженные стражниками, черкесами и объѣздчиками, раздражаютъ и обижаютъ деревню, сами непрерывно раздражаются на нее, и въ этой нездоровой атмосферѣ возможны всякія взаимныя оскорбленія. «Русскому Слову», напримѣръ, телеграфируютъ о слѣдующемъ рѣзкомъ примѣрѣ изъ этой области обостренныхъ отношеній: «Въ Новомосковскомъ уѣздѣ три черкеса-объѣздчика Михайловской экономіи напали на крестьянскую свадебную процессію и начали стрѣлять въ нее, ранивъ при этомъ многихъ крестьянъ.

Толпа пришла въ возбужденіе; схватили колья и бросились на экономію. Одинъ черкесъ убитъ, двое тяжело изувѣчены. Въ связи съ этимъ среди крестьянъ произведено нѣсколько арестовъ».

Такія вспышки, при которыхъ съ обѣихъ сторонъ, какъ на войнѣ, имѣются убитые и раненые, очевидно, подготовляются долгимъ напряженіемъ нездоровой атмосферы. Менѣе рѣзко, но болѣе часто та же основная причина вызываетъ неизбѣжныя выходки со стороны деревни, въ видѣ оскорбленія проходящаго помѣщика, въ видѣ камня, брошеннаго въ окно усадьбы, въ видѣ поджога гумна, или риги. И вотъ, готовы факты для воплей о развитіи хулиганства въ деревнѣ и для ходатайствъ о введеніи тѣлеснаго наказанія. Но развѣ это только «хулиганство» и развѣ возможно такими нелѣпыми средствами оздоровить атмосферу?

Русская жизнь такъ запуталась, такъ переплелась всякими больными нитями, что многіе вопросы уже почти неразрѣшимы въ своихъ единичныхъ рамкахъ. Еще въ недавнее время озорство, пьянство и дурныя шалости деревни можно было, казалось, объяснять пустотой и скукой деревенской жизни. Казалось, что если бы дошли сюда «разумныя развлеченія» въ родѣ любительскихъ спектаклей, чтеній съ фолшебнымъ фонарѐмъ, концертовъ и т. д., то и бѣда была бы въ значительной степени ослаблена. Теперь дѣлается явственнымъ, что не только «разумныхъ развлеченій» недостаточно, не только мало вообще культурнаго воздѣйствія (черезъ школы, книги, курсы), но что вопросъ разростается до громадныхъ всероссійскихъ размѣровъ, при которыхъ требуется напряженная и длительная работа для основного леченія бѣды. Требуется, видимо, возстановленіе (или попытка возстановленія) глубокой, широкой и сложной справедливости, безъ которой криво и уродливо пошла вся государственная и народная жизнь Россіи. Деревня начала болѣзненно чувствовать эту всестороннюю несправедливость, постепенно и все больше сознаетъ ее; въ деревнѣ народились позывы къ новымъ потребностямъ духа и тѣла. Законное безпокойство деревни, недовольство и тревога ея за свою судьбу частично и наиболѣе непріятно выражаются въ грубомъ, рѣзкомъ явленіи, именуемомъ сейчасъ «хулиганствомъ».

Есть еще одно «хулиганство», которое правыя газеты не любятъ отмѣчать и которое онѣ склонны объяснять благородными побужденіями. Хулиганство это за послѣднее время особенно пышно расцвѣло въ Одессѣ и Кіевѣ. Резиновыя палки одесскихъ хулига-

новъ уже пріобрѣли всероссійскую извѣстность. А во время послѣднихъ выборовъ въ Государственную Думу одесскіе и кіевскіе черносотенные хулиганы проявили особенную дѣятельность. Мѣстныя газеты были переполнены описаніями разныхъ возмутительныхъ выходокъ этихъ героевъ черной сотни. Избіеніе прохожихъ, разбитіе оконъ, публичныя ругательства,—все это наиболѣе невинныя шалости этихъ бандъ.

И въ Кіевѣ, и въ Одессѣ дѣятельность черносотенныхъ хулигановъ основалась прочно и, видимо, надолго. Кіевскій корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» сообщаетъ, напримѣръ, о новыхъ выступленіяхъ этой молодежи. «Печальная лѣтопись хулиганскихъ выходокъ кіевскихъ «орлятъ» на-дняхъ обогатилась рядомъ новыхъ страницъ. На прошлой недѣлѣ, какъ извѣстно, во Львовѣ (Галиція) имѣли мѣсто демонстраціи протеста украинской молодежи противъ закрытія украинскаго клуба въ Кіевѣ. Въ отвѣтъ на эти демонстраціи группа кіевскихъ студентовъ изъ содружества «Двуглавый орелъ» устроила контръ-демонстраціи. Поздно вечеромъ 1-го ноября къ дому, гдѣ помѣщается редакція украинской газеты «Рада», подошли семь человѣкъ въ формѣ студентовъ университета. Поднявшись по входной лѣстницѣ, они пытались проникнуть въ помѣщеніе редакціи, но служитель дверей имъ не открылъ. Тогда воинственные юноши вышли изъ подъѣзда и съ троттуара начали бомбардировать редакцію припасенными ранѣе склянками съ чернилами. Раздался звонъ разбитыхъ стеколъ, по стѣнамъ потекли брызги чернилъ. Постового городового, обыкновенно стоящаго вблизи помѣщенія редакціи, на этотъ разъ по близости не было, и «орлята» могли чинить разгромъ безпрепятственно. Дворника «демонстранты» съ бранью и угрозами прогнали внутрь двора. Заливъ домъ чернилами, попортивъ вывѣски «Рады» и разбивъ стекла въ редакціонной витринѣ, хулиганы, никѣмъ не задержанные, отправились затѣмъ на Безаковскую улицу, гдѣ помѣщается украинскій книжный складъ. Тамъ нападавшимъ удалось только облить наружныя стѣны чернилами, такъ какъ окна магазина были плотно закрыты желѣзными шторами. Отсюда безобразники отправились на Пушкинскую улицу, къ помѣщенію австрійскаго консульства, гдѣ забрызгали чернилами стѣны и австрійскій государственный гербъ. Обходъ, въ общемъ, продолжался около двухъ часовъ, однако же никто изъ чиновъ полиціи не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки положить конецъ безобразіямъ. «Орлята» и на слѣдующій день повторили свои безобразія. На этотъ разъ пострадало только австрійское консульство, гдѣ снова были забрызганы чернилами двери и окна. Лишь послѣ того, какъ «орлята», повидимому, израсходовали весь запасъ чер-

нилъ и энергіи, у пострадавшихъ помѣщеній поставлена полицейская охрана. Въ настоящій моментъ наружный видъ помѣщеній «Рады», «украинской книгарни» и австрійскаго консульства невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе прохожихъ: вездѣ слѣды разгрома и огромныя чернильныя пятна,—на троттуарахъ, стѣнахъ, дверяхъ и окнахъ. Виновные же до сихъ поръ остаются необнаруженными».

Ни тѣлеснаго наказанія, ни другихъ репрессій правая пресса не требуетъ для усмиренія этихъ и подобныхъ имъ хулигановъ.

И, конечно, не потребуетъ этого и прогрессивная пресса. Это хулиганство, къ счастью, весьма случайнаго свойства. Оно живо только попустительствомъ и поощреніемъ. Лишь только повѣетъ первое дуновеніе, освѣжающее затхлую атмосферу провинціи, такъ тотчасъ же это хулиганство развѣется безъ слѣда, какъ скверный дымъ.

Трудно также сказать, далеки ли отъ хулиганства слѣдующаго рода явленія. «Русскому Слову» пишутъ изъ Рязанской губерніи: «2-го августа 1911-го года крупный землевладѣлецъ Касимовскаго уѣзда А. А. Тукузовъ вечеромъ ѣхалъ изъ имѣнія въ г. Касимовъ. Верстахъ въ восьми отъ Касимова, когда Тукузовъ проѣзжалъ лѣсомъ, изъ кустовъ неожиданно выскочили два всадника въ штатскомъ платьѣ и приказали проѣзжему остановиться. Приказаніе сопровождалось площадной бранью. Принявъ незнакомцевъ за грабителей, Тукузовъ погналъ лошадь и для острастки сдѣлалъ два выстрѣла изъ револьвера въ воздухъ. Вблизи Касимова Тукузовъ встрѣтился съ четырьмя стражниками, которые скомандовали:

— Руки вверхъ!

Тукузовъ отдалъ имъ револьверъ. Тѣмъ временемъ подъѣхали первые всадники, отъ которыхъ онъ-было ускакалъ. Одинъ изъ нихъ взялъ револьверъ и сталъ наносить удары Тукузову по головѣ; затѣмъ сдѣлалъ выстрѣлъ и грозилъ убить. Стражники, въ свою очередь, набросились на Тукузова и принялись бить его кулаками и прикладами. Всѣ шестеро били его все время, пока вели въ городъ. По дорогѣ присоединились еще два стражника, которые также приняли участіе въ расправѣ надъ жертвой. Одинъ изъ стражниковъ, по показанію Тукузова, разорвалъ на немъ костюмъ и вытащилъ изъ кармана кошелекъ съ деньгами. Стражники доставили избитаго въ касимовское полицейское управленіе. Изъ полиціи освободили Тукузова только послѣ настойчивыхъ просьбъ мѣстныхъ жителей. Врачебное осви-

дѣтельствованіе подтвердило, что Тукузовъ подвергся тяжкимъ побоямъ. Участниками избіенія оказались стражники касимовской команды, въ числѣ девяти человѣкъ. Всѣ они предстали передъ выѣздной сессіей московской судебной палаты. Судебная палата приговорила двухъ стражниковъ къ заключенію въ тюрьмѣ на три мѣсяца, четырехъ—на одинъ мѣсяцъ каждаго. Остальные оправданы. Отъ гражданскаго иска Тукузовъ въ судѣ отказался».

А подобныхъ случаевъ довольно много проходитъ черезъ судъ. Сколько же не доходитъ ихъ до суда—объ этомъ можно только строить невеселыя предположенія, принимая во вниманіе, въ особенности, запуганность и беззащитность деревни.

Все это, тяжкое само по себѣ, тѣсно переплетается съ вопросомъ о «хулиганствѣ» въ деревнѣ, который былъ съ непростительнымъ легкомысліемъ и опасной раздражительностью выдвинутъ на земскихъ собраніяхъ.

Нездоровая въ Россіи атмосфера, нездоровыя въ ней совершаются явленія и нездоровыя принимаются рѣшенія. Въ этой общей причинѣ, а не въ частностяхъ, и лежитъ основная бѣда.

И. Жилкинъ.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ЧЕТВЕРТОЙ ДУМЫ.

Не думаемъ, чтобы въ исторіи конституціонныхъ государствъ можно было найти что-нибудь подобное тому противорѣчію между первоначальными свѣдѣніями о результатѣ выборовъ и дѣйствительнымъ составомъ собранія, какое стало обнаруживаться по мѣрѣ съѣзда депутатовъ въ Петербургъ и раскрылось со всею ясностью въ самый день открытія четвертой Думы. На правомъ ея крылѣ, вмѣсто ожидавшейся «могучей кучки» (могучей, конечно только численно), оказалась все та же небольшая, едва замѣтно увеличившаяся группа. Почти не измѣнилось число націоналистовъ и умѣренно-правыхъ, отъ которыхъ откололся, въ добавокъ, такъ называемый «центръ». Вмѣсто сплоченнаго праваго большинства, готоваго поглотить или подчинить себѣ значительную часть октябристовъ, получилось коалиціонное—и немалое—большинство, оставившее далеко позади соединенныя силы крайнихъ и не крайнихъ правыхъ. Какъ объяснить это любопытное явленіе? Какимъ образомъ сталъ возможнымъ оптическій обманъ, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль державшій въ своей власти все русское общество?

Самымъ простымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ является, повидимому, тенденціозность полу-оффиціальныхъ сообщеній о ходѣ и исходѣ выборной кампаніи, опредѣлявшихъ партійность избранныхъ не столько на основаніи точныхъ данныхъ, сколько подъ вліяніемъ твердой вѣры въ неизбѣжное достиженіе намѣченной цѣли. Для «направленія» выборовъ—или для управленія ими—было сдѣлано такъ много, что, казалось, успѣхъ стоялъ внѣ всякихъ сомнѣній. Едва ли, однако, этимъ исчерпывается исторія колоссальной «ошибки». Весьма вѣроятно, что ей способствовали вольно или невольно, нѣкоторые изъ избранныхъ. Атмосфера, въ которой происходили выборы, не благопріятствовала искренности. Откровеннымъ людямъ грозила, прежде всего, опасность «разъясненія», т. е. потеря избирательнаго права или возможности имъ воспользоваться; достаточно припомнить приходившія изъ разныхъ мѣстностей сообщенія о томъ, какъ «сомнительные» священники вызывались, въ самый моментъ выборовъ, къ архіерею, а «сомни-

тельные», по аттестаціи земскихъ начальниковъ, крестьяне просто не допускались въ залу, гдѣ происходили выборы. Соблазнъ надѣть на себя маску или полу-маску—или, по меньшей мѣрѣ, закутаться въ молчаніе—былъ весьма великъ, и болѣе чѣмъ вѣроятно, что противъ него не всѣ устояли. Не безъ дѣйствія, можетъ быть, остались и впечатлѣнія, испытанныя во время различныхъ фазисовъ выборной процедуры. Давленіе, когда оно не знаетъ мѣры или облекается въ черезчуръ непривлекательныя формы, легко можетъ привести къ непредвидѣнному результату; слишкомъ усердное «руководство» можетъ разбудить чувство собственнаго достоинства и напомнить о полузабытомъ гражданскомъ долгѣ.

Въ контрастѣ между предполагавшимся и дѣйствительнымъ составомъ четвертой Думы мы видимъ поучительную иллюстрацію къ избирательной системѣ, установленной 3-го іюня. Ни при какомъ другомъ избирательномъ законѣ, даже при положеніи 11-го декабря 1905-го года, не были бы мыслимы тѣ сюрпризы, которыми такъ богаты послѣдніе выборы. Не только при прямыхъ выборахъ, но и при сколько-нибудь правильно организованныхъ двухстепенныхъ, избиратели имѣютъ передъ собою опредѣленныя кандидатуры, открыто поставленныя и всесторонне освѣщенныя. Имена кандидатовъ становятся извѣстными заблаговременно и подвергаются публичному обсужденію въ печати, въ предвыборныхъ собраніяхъ. Только въ самыхъ крайнихъ, исключительныхъ случаяхъ побѣда можетъ остаться, говоря языкомъ скачекъ, за dark horse—за незнакомцемъ, неизвѣстно откуда пришедшимъ и неизвѣстно чего добивающимся. У насъ нормальное положеніе дѣлъ мыслимо только въ тѣхъ немногихъ городахъ, гдѣ введены прямые выборы; за ихъ предѣлами наступаетъ темнота, мало благопріятствующая наблюденіямъ и предсказаніямъ. Когда, напримѣръ, избранникамъ волостныхъ сходовъ предстоитъ послать уполномоченныхъ для избранія крестьянъ-выборщиковъ, они, конечно, не имѣютъ въ виду то лицо или тѣхъ лицъ, кого они желали бы провести въ члены Думы: слишкомъ много промежуточныхъ ступеней, слишкомъ далекъ окончательный результатъ, чтобы могли быть съ самаго начала выяснены будущія кандидатуры. Въ той или другой мѣрѣ это можно сказать и о другихъ категоріяхъ избирателей. Какъ угадать заранѣе, кто попадетъ въ выборщики и кто изъ попавшихъ будетъ имѣть шансы успѣха въ послѣднемъ фазисѣ выборной процедуры? Какъ намѣчать заблаговременно кандидатовъ въ члены Думы, разъ что выборщики, составъ которыхъ еще неизвѣстенъ, могутъ остановить свой выборъ только на тѣхъ, кто принадлежитъ къ ихъ числу?.. Все это способствуетъ «игрѣ въ темную», выступленію, въ послѣднюю минуту,

кандидатовъ загадочной окраски и загадочной устойчивости. Чѣмъ меньше свѣта, тѣмъ удобнѣе оставаться въ тѣни или прикрываться чужимъ флагомъ. Прибавимъ къ этому, что на этотъ разъ больше чѣмъ когда-либо были затруднены собранія избирателей—и мы поймемъ, почему оправдались далеко не всѣ предвыборные разсчеты. Ошиблись, въ большинствѣ случаевъ, правыя партіи, — но это не мѣшаетъ намъ признать несостоятельность порядка, при которомъ возможны или даже неизбѣжны подобныя ошибки. При нормальныхъ условіяхъ всѣ ищущіе избранія должны идти въ бой съ поднятымъ забраломъ; полный списокъ «комбатантовъ», съ ихъ исповѣданіемъ вѣры, съ ихъ требованіями и пожеланіями, долженъ быть доступенъ для всѣхъ и каждаго. Это предполагаетъ, въ свою очередь, коренной пересмотръ избирательнаго закона.

Само собою разумѣется, что только что указанный дефектъ правилъ 3-го іюня—далеко не единственный и даже не главный. Меньше чѣмъ когда-либо въ этомъ можно сомнѣваться именно теперь, въ виду послѣднихъ выборовъ. Окончательно осужденной опытомъ является безконечная многостепенность, фактически, по отношенію къ цѣлымъ десяткамъ или сотнямъ тысячъ избирателей, равносильная лишенію избирательнаго права. Нельзя забыть, во что обратились предварительные землевладѣльческіе съѣзды, къ чему свелась роль мелкихъ собственниковъ—вынужденныхъ абсентеистовъ или фигурантовъ въ разыгрываемой не ими пьесѣ. Нельзя забыть, чѣмъ сдѣлалось въ рукахъ администраціи раздѣленіе землевладѣльческихъ съѣздовъ, какъ предварительныхъ, такъ и уѣздныхъ, на произвольно и безъ системы—но, конечно, не безъ намѣренія—организуемыя группы. Нельзя примириться съ привиллегированнымъ положеніемъ, созданнымъ куріальной системой для меньшинства городскихъ избирателей—меньшинства, трудно отграничиваемаго отъ большинства и далеко не всегда имѣющаго передъ послѣднимъ даже преимущество матеріальной обезпеченности. Нельзя закрывать глаза на искусственность соединенія въ одно цѣлое городскихъ жителей и обывателей уѣзда, ничѣмъ не связанныхъ съ городомъ и только съ большимъ трудомъ и непосильной для многихъ затратой средствъ и времени могущихъ осуществить свое право. Слишкомъ очевидны неудобства малочисленной и вмѣстѣ съ тѣмъ разношерстной избирательной коллегіи, каждый членъ которой, въ отдѣльности взятый, легко можетъ подпасть подъ властное давленіе со стороны, а всѣ вмѣстѣ не успѣваютъ спѣться и какъ слѣдуетъ узнать другъ друга. А ограниченія, которымъ подчинены выборщики—обязательное избраніе изъ своей среды, и притомъ непремѣнно одного крестьянина, одного земле-

владѣльца, одного представителя городскихъ курій (или по одному представителю отъ каждой изъ нихъ)? Неужели все еще мало данныхъ для оцѣнки по достоинству всѣхъ этихъ «самобытныхъ» продуктовъ русской бюрократической мысли? Неужели и теперь еще не ясно, что Дума, избранная на основаніи положенія 3-го іюня, имѣетъ слишкомъ мало общаго съ истинно народнымъ представительствомъ и что если даже разсматривать ее какъ инструментъ, то нельзя поручиться за извлеченіе изъ нея именно желательныхъ въ данную минуту звуковъ? Неужели не ясно, что здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ сферахъ государственной жизни, настало время, когда нельзя ни идти назадъ, ни стоять на одномъ мѣстѣ?..

Предрѣшено, думается намъ и, самое направленіе движенія— если видѣть въ рѣчи, произнесенной предсѣдателемъ четвертой Думы, программу, которой намѣрено держаться только что обрисовавшееся большинство. «Я всегда былъ и буду—сказалъ М. В. Родзянко,—убѣжденнымъ сторонникомъ представительнаго строя на конституціонныхъ началахъ, дарованнаго Россіи великимъ манифестомъ 17-го октября 1905-го года, укрѣпленіе основъ котораго должно составить первую и непреложную заботу русскаго народнаго представительства». Въ манифестѣ 17-го октября выражена, какъ извѣстно, «непреклонная воля» «привлечь къ участію въ Думѣ тѣ классы населенія, которые совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ засимъ дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку». Этими словами ясно опредѣленъ путь къ «укрѣпленію основъ» представительнаго строя. Предметомъ «непреложной заботы» народнаго представительства должно служить не только возстановленіе избирательной системы, созданной, согласно съ указаніемъ манифеста, положеніемъ 11-го декабря 1905 года, но и «дальнѣйшее развитіе» ея, направленное къ водворенію общаго избирательнаго права. Внѣ этого пути невозможно достиженіе цѣли, имѣвшейся въ виду при изданіи манифеста 17-го октября. Въ теченіе пяти лѣтъ эта цѣль оставалась забытой тѣми, которымъ должно было напоминать о ней ихъ партійное знамя. «Октябристы» примирились съ правилами 3-го іюня, идущими въ разрѣзъ съ манифестомъ 17-го октября. Теперь, наконецъ, они вспомнили объ обязанности, налагаемой на нихъ ихъ девизомъ... Дѣйствующее положеніе о выборахъ принадлежитъ къ числу тѣхъ узаконеній, пересмотръ которыхъ можетъ быть предпринятъ по инициативѣ Государственной Думы. Ничто не мѣшаетъ, слѣдовательно, поставить его на очередь и возобновить, тѣмъ самымъ, прерванную преемственность конституціонныхъ реформъ.

Громадное впечатлѣніе произвели на Думу и, вслѣдъ затѣмъ, на всю Россію слова, въ которыхъ М. В. Родзянко провозгласилъ себя сторонникомъ *конституціонныхъ началъ*. Торжественный моментъ, въ который они были произнесены, отголосокъ, который они встрѣтили въ сердцахъ слушателей, многое изъ того, что послѣдовало за ними,—все это даетъ имъ значеніе событія. Нѣсколькими недѣлями, даже нѣсколькими днями раньше можно было думать, что первое засѣданіе четвертой Думы будетъ ознаменовано манифестаціей совершенно другого рода. Если бы на сторонѣ фракцій, демонстративно удалившихся 15-го ноября изъ думскаго зала, оказалось большинство, изъ устъ избраннаго ими предсѣдателя полились бы, конечно, прямо антиконституціонныя рѣчи. Теперь первый шагъ сдѣланъ по правильному пути; но онъ потеряетъ всякое значеніе, если за нимъ не послѣдуютъ другіе. «Русскій народъ—читаемъ мы въ рѣчи М. В. Родзянко,—ждетъ законодательныхъ трудовъ, направленныхъ къ устраненію въ условіяхъ повседневной народной жизни проявленій недопустимаго произвола». Это совершенно вѣрно; но вѣдь возможность «недопустимаго произвола» коренится, прежде всего, въ положеніи 3-го іюня, широко раздвинувшемъ рамки административнаго усмотрѣнія и замѣнившемъ голосъ страны голосомъ случайно выхваченныхъ изъ нея элементовъ. Если Россія напрасно ждала отъ третьей Думы тѣхъ законодательныхъ трудовъ, о которыхъ говоритъ М. В. Родзянко, то именно потому, что это была «дума 3-го іюня», безсильная вести, безсильная даже предпринять борьбу съ «недопустимымъ произволомъ». Способна ли къ такой борьбѣ «вторая дума 3-го іюня»? Обладаетъ ли она для того достаточной доброй волей и достаточной нравственной силой?..

Очень скоро Дума очутится лицомъ къ лицу съ повѣркой выборовъ и съ запросами, относящимися къ главнымъ инцидентамъ выборной кампаніи. Большинство, образовавшееся для избранія предсѣдателя, должно раскрыть если не всю безконечную массу правонарушеній, ознаменовавшихъ выборы, то значительную ихъ часть, и дать имъ если не вполнѣ исчерпывающую, то во всякомъ случаѣ суровую оцѣнку. Кого же, однако, коснется эта оцѣнка? По всей вѣроятности—очень и очень многихъ изъ среды правыхъ партій. Чѣмъ больше будетъ число такихъ лицъ, тѣмъ менѣе правдоподобна кассаціи выборовъ, для которой законъ требуетъ двухъ третей голосовъ—а большинство 15-го ноября далеко ихъ не достигаетъ. Да и въ какой степени это большинство прочно вообще, до какой степени оно ограждено отъ распаденія? Элементы, входящіе въ его составъ, не слишкомъ ли разнородны для продолжитель-

наго совмѣстнаго дѣйствія? Можно ли ожидать отъ него сколько-нибудь удовлетворительнаго исполненія тѣхъ законодательныхъ трудовъ, о которыхъ упомянулъ М. В. Родзянко? Не напрашивается ли самъ собою такой логическій рядъ выводовъ: исправить результатъ выборовъ невозможно; при сохраненіи этого результата немыслима или мало правдоподобна рѣшительная перемѣна къ лучшему; крупное дѣло требуетъ и крупныхъ силъ; открыть для нихъ доступъ въ Думу можетъ только новый избирательный законъ.

Но если бы проектъ такого закона былъ внесенъ въ четвертую Думу, еслибы онъ былъ ею принятъ, было ли бы достигнуто тѣмъ самымъ возвращеніе къ завѣтамъ 17-го октября? Вѣдь онъ несомнѣнно былъ бы отклоненъ правительствомъ и отвергнутъ Государственнымъ Совѣтомъ? На это мы отвѣтимъ другимъ вопросомъ: а законодательные труды, клонящіеся къ «устраненію недопустимаго произвола», имѣютъ много шансовъ на одобреніе министерствомъ и Государственнымъ Совѣтомъ? Само собою разумѣется, что новый избирательный законъ—только одно изъ звеньевъ длинной цѣпи. Онъ важенъ, въ нашихъ глазахъ именно какъ краеугольный камень «представительнаго строя, основаннаго на конституціонныхъ началахъ. Нижняя палата, дѣйствительно представляющая собою народъ, предполагаетъ верхнюю палату, отзывчивую на народныя нужды. Коренное преобразованіе Государственнаго Совѣта необходимо во всякомъ случаѣ; лучшимъ доказательствомъ тому служитъ роль, сыгранная имъ въ теченіе минувшаго пятилѣтія. Если онъ оказался далеко позади даже третьей Думы, если изъ-за него не осуществились вовсе или осуществились въ искаженномъ видѣ немногіе законопроекты, что-нибудь улучшавшіе и исправлявшіе, то непреодолимыхъ препятствій слѣдуетъ ожидать отъ него, при настоящемъ его составѣ, не только истинно народному представительству, но и четвертой Думѣ, разъ она пойдетъ по пути, намѣченному ея предсѣдателемъ. Если бы въ четвертой Думѣ прошелъ проектъ закона, существенно измѣняющаго къ лучшему положеніе о выборахъ, это было бы яснымъ указаніемъ на то, что дальнѣйшая законодательная работа возможна только подъ условіемъ соотвѣтственныхъ измѣненій въ организаціи Государственнаго Совѣта... Для правительства, руководившаго выборами въ четвертую Думу, принятіе ею такого закона было бы, конечно, равносильно осужденію средствъ, съ помощью которыхъ проведена послѣдняя выборная кампанія; но вѣдь это осужденіе носится въ воздухѣ, оно чувствуется въ непредвидѣнномъ исходѣ выборовъ, въ непредвидѣнной группировкѣ думскихъ партій, въ словахъ предсѣдателя Думы—и, вѣроятно, выразится еще яснѣе

въ резолюціяхъ по поводу запросовъ, которые вскорѣ поступятъ на обсужденіе Думы. Вообще положеніе министерства въ четвертой Думѣ не можетъ не быть существенно инымъ, чѣмъ въ третьей. Пять лѣтъ тому назадъ думская сессія открылась при отсутствіи серьезнаго разногласія между кабинетомъ и большинствомъ Думы. На сторонѣ премьера, именно тогда достигшаго высшей точки вліянія и власти, стояли не только правые всѣхъ наименованій, но и многочисленный центръ, пожертвовавшій своей программой, чтобы обезпечить за собою призрачное и шаткое преобладаніе. Теперь центръ, разорвавшій съ правыми и численно ослабѣвшій, возвращается къ традиціямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ настроеніемъ кабинета. Не было, въ 1907-мъ году, и тѣхъ «облаковъ на міровомъ горизонтѣ» которыя, по выраженію М. В. Родзянко, могутъ «сгуститься въ грозныя тучи»... Хотя въ Россіи и «нѣтъ парламента»—т. е. нѣтъ парламентаризма,—но для совмѣстной дѣятельности министерства и Думы все же необходимы извѣстныя минимальныя условія, которыхъ напрасно было бы искать у насъ въ настоящую минуту. Большинство четвертой Думы едва ли забудетъ, что оно занимаетъ свои мѣста только благодаря неудачѣ, постигшей устроителей выборовъ,—а послѣдніе лишены возможности ссылаться на формулу: «побѣдителей не судятъ».

Новыхъ данныхъ, иллюстрирующихъ способъ производства выборовъ, накопилось, въ теченіе мѣсяца, очень много, но, въ виду предстоящихъ преній о запросахъ, мы коснемся только нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно характерныхъ. Цѣлый рядъ по истинѣ поразительныхъ фактовъ сообщаетъ вологодскій корреспондентъ «Рѣчи» (№ 313). Изъ двухъ уполномоченныхъ отъ волости одинъ прямо заявилъ, что онъ уже цѣлый годъ не проживаетъ въ предѣлахъ волости, а другой за восемь мѣсяцевъ до выборовъ состоялъ волостнымъ старшиной; между тѣмъ, губернской комиссіею устраняется отъ участія въ выборахъ, за непроживаніемъ въ волости, не первый, а второй—разумѣется, вслѣдствіе предполагаемой благонадежности одного и неблагонадежности другого. По городу Сольвычегодску было допущено къ выборамъ лицо, не внесенное въ избирательный списокъ и на это не жаловавшееся, по Кадниковскому уѣзду—лицо, по собственной его просьбѣ исключенное изъ списка мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Выборы по городу Устьсысольску уѣздная комиссія признала недѣйствительными и съ большою быстротою назначила новые выборы; губернская комиссія отмѣнила

постановленіе уѣздной, но такъ поздно, что въ губернскомъ избирательномъ собраніи принялъ участіе не первоначально избранный, а тотъ, кто прошелъ на вторыхъ, безъ законнаго основанія произведенныхъ выборахъ. На уѣздный съѣздъ въ Устьсысольскѣ явилось всего два избирателя—и оба оказались избранными въ выборщики, послѣ чего одинъ изъ нихъ попалъ въ члены Думы!... Петрозаводскій корреспондентъ «Рѣчи» сообщаетъ, что когда по второй куріи города Петрозаводска прошелъ въ выборщики не кандидатъ губернской администраціи (конечно—правый), а прогрессистъ, служившій секретаремъ губернскаго присутствія, начальство пригласило его подать въ отставку. Если это сообщеніе правильно— въ чемъ мы не видимъ основанія сомнѣваться,—то придется признать, что во время и по поводу выборовъ были пущены въ ходъ не только «предупредительныя», но и карательныя мѣры...

Когда стало выясняться, что дружными усиліями гражданскаго и духовнаго начальства далеко не вполнѣ достигнута намѣченная цѣль—созданіе подавляющаго «праваго» большинстаа въ четвертой Думѣ,—начались попытки затушевать ту роль, которую сыграло на выборахъ духовенство. Въ разрѣзъ съ этими попытками идутъ не только всѣмъ извѣстные, все ярче и ярче освѣщаемые факты: въ разрѣзъ съ ними идутъ и заявленія нѣкоторыхъ руководителей выборной кампаніи. Такова, напримѣръ, рѣчь епископа екатеринославскаго Агапита, произнесенная имъ передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, для участія въ засѣданіяхъ синода. «Скорбно и грустно—сказалъ онъ,—прошли наши выборы: побѣдили насъ масоны, кадеты и мѣстная жидовская газета... Да, православные, мы побѣждены, но побѣждены лишь политически: моральная побѣда на нашей сторонѣ и вотъ почему выборы протекли не нормально. Виною тому—октябристы: они дѣйствовали некорректно. Это съ одной стороны, а съ другой—шесть выборщиковъ-священниковъ оказались измѣнниками и отступниками: они подали голосъ за враговъ нашихъ»... [2]) На самомъ дѣлѣ «моральной побѣды» вожди священнической выборной рати не одержали нигдѣ—ни тамъ, гдѣ на ихъ долю выпалъ формальный успѣхъ, ни тамъ, гдѣ они претерпѣли полную или частичную неудачу. Неопровержимымъ доказательствомъ этому служатъ появившіяся на дняхъ въ «Русской Мысли» (кн. XI) выдержки изъ днев-

[1]) На выборахъ въ екатеринославской губерніи октябристы (М. В. Родзянко, М. М. Алексѣенко) отказались отъ союза съ правыми, требовавшими проведенія въ Думу, между прочимъ, небезъизвѣстнаго г. Образцова— и прошли въ Думу благодаря поддержкѣ, оказанной имъ оппозиціонными голосами.

[2]) Заимствуемъ слова епископа изъ № 306. «Рѣчи».

ника С. Н. Булгакова. «На выборахъ». Это разсказъ очевидца, принимавшаго личное участіе въ выборахъ—очевидца, котораго никакъ нельзя заподозрить въ пристрастно-враждебномъ отношеніи къ православному духовенству. Въ губерніи, о которой говоритъ С. Н. Булгаковъ—и которую нетрудно назвать, если вспомнить, откуда авторъ статьи былъ посланъ во вторую Думу,—«были примѣнены всѣ средства: запугиванія со стороны начальства, исключеніе изъ выборовъ въ послѣдній моментъ, правительственные эмиссары, правительственные кандидаты... Здѣсь не было политическихъ партій въ обычномъ смыслѣ слова: здѣсь просто была группа «помпадурцевъ» съ «примыкающими» и боровшаяся съ ней группа независимыхъ людей... Въ оффиціально-правомъ лагерѣ существуетъ спросъ не на убѣжденія, а на послушливое низкопоклонство, не на принципы, а на безпринципность... Политическая атмосфера избирательнаго зала оказалась совершенно отравленною, и смыслъ выборовъ совершенно извращенъ: на переднемъ планѣ оказались не политическія партіи, но главный кандидатъ администраціи—губернаторъ, который зарвался въ своей губерніи и нуждался въ депутатскомъ креслѣ для поправленія своей пошатнувшейся, карьеры, да главный организаторъ выборовъ по губерніи имѣвшій неусыпный надзоръ надъ выборщиками-крестьянами и батюшками»... И вотъ, въ этой атмосферѣ выдающуюся роль сыграло «воздѣйствіе архіерея. Нужно знать, какъ велика и безотвѣтственна власть архіерея надъ духовенствомъ, чтобы понять, какой кулакъ былъ поднятъ надъ головами духовенства и въ какое мучительное положеніе оно было поставлено. Чтобы положить по усмотрѣнію шаръ въ «тайномъ» голосованіи,—которое фактически было явнымъ, ибо за нимъ слѣдили и у самаго баллотировочнаго ящика, и на основаніи учета голосовъ,—надо было сознательно рисковать потерей мѣста, переводомъ на худшее, если не окончательнымъ его лишеніемъ, т. е. полнымъ разореніемъ... Было болѣе двадцати священниковъ на нашихъ выборахъ. Они не всѣ сознавали двусмысленность своего положенія и характеръ той политической кампаніи, въ которой оказались. Иные были ослѣплены той мнимой ролью, которая была имъ отведена, и по привычкѣ, не разсуждая, творили волю пославшаго. Лишь очень немногіе творили ее не за страхъ, но за совѣсть, и были захвачены «правымъ» политиканствомъ... Но были и такіе, которые дѣйствовали подъ вліяніемъ страха и противъ совѣсти, и сознавали это, стыдились и мучились. Конечно, для нихъ дни эти были горькимъ урокомъ политическаго воспитанія. И не знаю, удастся ли повторить снова этотъ экспериментъ его изобрѣтателямъ»... Одинъ изъ священниковъ, «какъ особенно подозритель-

ный и экспансивный, подвергался неоднократно прямымъ угрозамъ и воздѣйствіямъ отъ архіерея, прямо приказавшаго ему голосовать за «губернатора», при чемъ «владыка» прямо говорилъ, что было ему велѣно проводить губернатора и что ему самому въ тягость эти выборы... Послѣдствія этого сатанинскаго замысла—сдѣлать духовенство орудіемъ выборовъ правительственныхъ кандидатовъ—будутъ не исчислимы, ибо духовенству предстоитъ еще отчитываться предъ своей паствой за то, что по ихъ спинамъ прошли въ Государственную Думу «губернаторы» и иные ставленники своеобразныхъ правыхъ. Я не скоро забуду то острое чувство боли, которое я пережилъ въ ту минуту, когда было объявлено объ избраніи «губернатора», очевидно рѣшенное голосами духовенства... Въ скольких душахъ картина нынѣшнихъ выборовъ подломитъ слабые ростки вѣры, погаситъ еле тлѣющій огонь, соблазнитъ, смутитъ, возмутитъ»... Въ крайне мрачномъ свѣтѣ представляется С. Н. Булгакову, подъ вліяніемъ всего пережитаго имъ на выборахъ, будущее Россіи. Мы не раздѣляемъ его пессимистическихъ выводовъ, но вполнѣ понимаемъ глубокую скорбь, овладѣвшую имъ при видѣ контраста между дѣйствительностью и взлелѣяннымъ имъ идеаломъ.

Испытанія духовенства, искусственно вовлеченнаго въ политику, не окончились съ окончаніемъ выборовъ: они, очевидно, продолжаются и будутъ продолжаться въ Госуд. Думѣ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что серьезнымъ ограниченіямъ подвергнется свобода священниковъ-членовъ Думы—или, по крайней мѣрѣ, будутъ сдѣланы настойчивыя попытки въ этомъ направленіи. Еще до открытія Думы появились въ печати сообщенія о собраніи, въ которомъ епископъ кременецкій Никонъ (викарій волынской епархіи, игравшій выдающуюся роль въ «организаціи» мѣстныхъ выборовъ) доказывалъ необходимость образованія въ Думѣ церковно-народной партіи, съ подчиненіемъ депутатовъ-священниковъ руководству депутатовъ-епископовъ. Упоминалось и о горячихъ возраженіяхъ, встрѣченныхъ этимъ предложеніемъ. Нѣсколько дней спустя въ «Новомъ Времени» (№ 13181) появилось письмо преосвященнаго Никона, написанное съ цѣлью опроверженія газетныхъ слуховъ, но едва ли достигающее этой цѣли. «Я говорилъ, — читаемъ мы въ этомъ письмѣ,—что вести рѣчь объ образованіи церковно-народной партіи крайне преждевременно. Я говорилъ, что и архипастыри, и пастыри должны быть внѣ-партійными, что лица, носящія духовный санъ, должны бы постоянно, особенно въ дѣлахъ церковныхъ и въ дѣлахъ, очень тѣсно соприкасающихся съ таковыми, помнить о церковной дисциплинѣ, о дисциплинѣ св. православной церкви и ея ученіи и никогда не позволять, чтобы такъ называемая дисциплина «фракціонная»

вязала ихъ, заставляла молчать, когда имъ надо говорить... Никакой партіи я пока не организую... Отъ всей души хотѣлъ бы я, чтобы думское духовенство и хорошіе церковные свѣтскіе члены Думы объединились въ внѣдумское внѣпартійное братство, гдѣ собирались бы всѣ мы, связанные любовію и правдою, и обсуждали бы церковные, народные и иные вопросы. Итакъ, епископъ кременецкій *пока* не организуетъ партію, предоставляя себѣ, слѣдовательно, организовать ее позднѣе. Допустимъ, что она будетъ называться братствомъ «внѣдумскимъ» (хотя будетъ состоять только изъ членовъ Думы) и «внѣпартійнымъ» (хотя очень похоже на партійность сосредоточеніе вниманія на дѣлахъ церковныхъ и тѣсно соприкасающихся съ церковными); но вѣдь въ этомъ братствѣ—и даже раньше его образованія—пастыри должны будутъ «помнить о церковной дисциплинѣ», т. е. подчиняться архипастырямъ. Мы видѣли, мѣсяцъ тому назадъ, что по мнѣнію В. К. Саблера образъ дѣйствій духовенства во время выборовъ—т. е. голосованіе по приказу—объясняется и оправдывается «обѣтомъ строгаго исполненія всѣхъ церковныхъ уставовъ»; «повинуясь голосу высшей духовной іерархіи... священнослужители поступали именно такъ, «какъ имъ велитъ православная ихъ совѣсть». Вотъ, слѣдовательно, въ чемъ заключаются требованія церковной дисциплины, выдвигаемыя епископомъ кременецкимъ! Въ Думѣ, какъ и во время выборовъ, священники должны будутъ «творить волю пославшаго ихъ». На мѣстахъ провозгласителемъ этой воли былъ епархіальный архіерей; въ Думѣ имъ будетъ одинъ изъ архіереевъ-депутатовъ. Разсматриваемое при свѣтѣ синодальныхъ заявленій, письмо преосвященнаго Никона, въ сущности, подтверждаетъ именно то, что оно по видимому отрицаетъ... На сколько ненормально принудительное голосованіе на выборахъ, на столько же оно ненормально и въ законодательномъ собраніи. Одно изъ двухъ: или священнослужители, и какъ избиратели, и какъ депутаты, должны пользоваться такою же самостоятельностью и свободой, какъ всѣ другіе граждане—или, если этого не допускаютъ «церковные уставы», они должны быть совершенно лишены, наравнѣ съ воинскими чинами, и активнаго, и пассивнаго избирательнаго права.

Помимо «церковной дисциплины», въ послѣднее время приходится слышать о «каноническомъ надзорѣ», который синодъ предполагаетъ учредить надъ священниками-членами Думы. Если область этого надзора будетъ ограничена собственно церковными, священнослужительскими функціями—если ему будетъ подчинено, напримѣръ, совершеніе членами Думы богослуженія или отправленіе ими требъ,—то ничего ненормальнаго онъ собою не представитъ; но не получитъ ли онъ гораздо болѣе широкое распространеніе?

Во второмъ засѣданіи Государственной Думы выбраны товарищъ предсѣдателя (прогрессистъ) и секретарь (октябристъ). Выборы другого товарища предсѣдателя не могли состояться потому, что кандидатъ, намѣченный большинствомъ изъ среды безпартійныхъ правыхъ (кн. В. М. Волконскій, пользовавшійся общимъ уваженіемъ въ качествѣ старшаго товарища предсѣдателя третьей Думы), отказался отъ баллотировки. Побудило его къ этому несогласіе правыхъ поддержать избранника большинства—большинства, за которымъ правые не хотятъ признать рѣшающую роль въ образованіи президіума. Большинство, соединившееся 15-го ноября вокругъ имени М. В. Родзянко, нѣсколько уменьшилось: отъ него отпала группа П. Н. Крупенскаго, столь же быстро мѣняющая свои планы, какъ и свое имя (независимые націоналисты, умѣренно-правые, центръ)—но весьма можетъ быть, что это отпаденіе не означаетъ собою рѣшительнаго разрыва. И безъ группы «центра», впрочемъ, соединенныя силы октябристовъ болѣе лѣвыхъ партій представляются достаточными для успѣшной борьбы съ правыми. Понятно, поэтому, осужденіе, съ которымъ оффиціозная пресса относится къ «крену налѣво»; понятны усилія, направленныя къ расторженію «неестественнаго союза» или, по меньшей мѣрѣ, къ отторженію отъ него правыхъ октябристовъ. Въ цифрѣ голосовъ, поданныхъ на выборахъ 20-го ноября за товарища предсѣдателя, «Россія» съ радостью усматриваетъ признаки колебанія, начавшагося въ средѣ октябристовъ, и старается превратить его въ рѣшительное отступленіе. «Въ Государственной Думѣ»—восклицаетъ оффиціозная газета,—имѣются налицо всѣ данныя къ образованію совершенно опредѣленнаго и сплоченнаго большинства, которое обезпечивало бы Думѣ возможность спокойно и плодотворно работать». Въ составъ этого большинства, исчисляемаго ею въ 280 голосовъ, «Россія» вводитъ октябристовъ, «центръ», умѣренно-правыхъ, націоналистовъ и крайнихъ правыхъ. Это «естественное» соединеніе противополагается «противоестественному» союзу октябристовъ съ болѣе лѣвыми партіями, «врагами существующаго государственнаго строя, которые всѣми средствами и мѣрами подготовляютъ почву для мысли о государственномъ переворотѣ». Чтобы сойтись съ «политическими авантюристами», октябристы «должны отказаться отъ самихъ себя, принять на себя все то, противъ чего они всегда боролись». Стараясь подѣйствовать на самолюбіе октябристовъ, оффиціозъ напоминаетъ имъ о пораженіи, которое имъ нанесли кадеты на выборахъ въ Петербургѣ и Москвѣ; стараясь запугать ихъ, онъ ставитъ имъ на видъ, что «домогательствами» партій нельзя измѣнить «задачи правительства, заключающіяся въ одномъ—въ охранѣ общегосударственныхъ интересовъ, всецѣло построенной на

историческихъ началахъ». Не говорится прямо о возможномъ роспускѣ Думы, но дѣлается ясный намекъ на «отвѣтственность» тѣхъ, кто, передвигая большинство справа налѣво, устраняетъ возможность «реальной работы».

Итакъ, *противоестественно* соглашеніе октябристовъ съ оппозиціей, хотя бы временное, хотя бы заключенное въ тѣсные предѣлы. А постоянный ихъ союзъ съ правыми былъ бы естественнымъ? Естественной была бы совмѣстная дѣятельность сторонниковъ манифеста 17-го октября съ ожесточенными его противниками? Слишкомъ часто и слишкомъ долго тѣ и другіе дѣйствовали вмѣстѣ въ третьей Думѣ — и послѣдствія этого несомнѣнно «противоестественнаго сближенія» обнаружились съ полною ясностью во время послѣднихъ выборовъ. Не могла не пасть завѣса, закрывавшая глаза октябристовъ, когда они увидѣли воочію—и отчасти испытали на самихъ себѣ,—до чего можетъ дойти остающійся безъ отпора «недопустимый произволъ». Пораженіе октябристовъ въ Москвѣ и Петербургѣ, о которомъ злорадно напоминаетъ «Россія», произошло въ открытомъ, честномъ бою, веденномъ одинаковыми орудіями; а какими путями достигнуто было забаллотированіе октябристскихъ кандидатовъ въ губерніяхъ рязанской, орловской, черниговской? Могутъ ли тѣ, кто вновь созналъ обязанность защиты «представительнаго строя на конституціонныхъ началахъ», идти рука объ руки съ людьми, упорно лелѣющими мысль о возвращеніи къ старому режиму и готовыми проводить ее, не разбирая средствъ? Мыслимо ли согласіе между противниками произвола и фракціей, избранный вождь которой—бывшій нижегородскій губернаторъ—дошелъ, въ своей административной дѣятельности, до крайнихъ предѣловъ пренебреженія къ закону? Мыслимо ли въ одно и то же время протестовать противъ выборныхъ эксцессовъ—и вступать въ тѣсное общеніе съ партіей націоналистовъ, ради торжества которой совершена значительная часть этихъ эксцессовъ? Возможна ли была бы, при такихъ условіяхъ, «плодотворная» думская работа—дѣйствительно плодотворная, т. е. ведущая страну впередъ, направленная не къ охранѣ узко, рутинно понятыхъ «общегосударственныхъ интересовъ», а къ осуществленію давно назрѣвшихъ народныхъ нуждъ? И что это за охрана, «всецѣло построенная на историческихъ началахъ»? Какую судьбу она готовитъ для *новыхъ* началъ, провозглашенныхъ манифестомъ 17-го октября?... Вмѣсто того, чтобы оказать услугу поддерживаемому ею дѣлу, аргументація «Россіи» раскрываетъ полнѣйшую его безпочвенность и безнадежность.

К. Арсеньевъ.

ЗАМѢТКИ О ТЕАТРѢ.

Въ петербургскомъ литературномъ мірѣ событіе: впервые на императорской сценѣ появилась модернистская пьеса. Александринскій театръ поставилъ «Заложниковъ жизни» Ѳ. Сологуба, и спектакль имѣлъ успѣхъ, по признанію всей прессы; даже рецензентъ «Новаго Времени» Юрій Бѣляевъ констатировалъ «побѣду» символистскаго старосты. Нѣкоторый успѣхъ долженъ засвидѣтельствовать и я, но львиную долю его приходится отнести на счетъ театра, а не автора.

Дѣло въ томъ, что пьеса Сологуба въ чтеніи сильно разнится отъ того, что сдѣлало съ нею сценическое исполненіе. Авторъ не съумѣлъ выразить въ діалогѣ все, что ему хотѣлось, и существенные элементы своего замысла вынесъ въ ремарки, которыя разрастаются порою въ цѣлыя страницы и содержатъ не столько необходимыя техническія указанія, какъ то обычно, сколько самостоятельный художественный и идейный матеріалъ: подробныя психологическія характеристики дѣйствующихъ лицъ, свѣдѣнія изъ ихъ біографіи, черты ихъ міровоззрѣнія, факты, случившіеся въ промежуткѣ между двумя сосѣдними актами, красивые, существенно дополняющіе діалогъ и дѣйствіе образы и т. п. Все это входитъ въ сознаніе и настроеніе читателя, какъ интегральная часть, и все это неизбѣжно пропадаетъ на сценѣ. Какъ, напримѣръ, выполнить сценѣ требованіе автора, чтобы «песокъ дорожекъ весело смѣялся подъ ногами» Кати, или чтобы «капельки росы дрожали на ногахъ» Лилитъ. Или какъ воплотить такую ремарку: «Когда она пляшетъ, кажется, что луна свѣтитъ только на ея пляску, что только для нея пѣвучая плачетъ рояль» и т. д. Точно также пропадаетъ для сцены длинная повѣствовательная ремарка передъ вторымъ актомъ о томъ, что Рогачевъ служитъ по выборамъ, недоволенъ получаемымъ жалованьемъ, его имѣніе не разъ назначалось къ продажѣ и т. д. Подобная игра автора на ремаркахъ есть, конечно, пріемъ, абсолютно противорѣчащій самой сущности драматическаго творчества: или онѣ представляютъ ненужный привѣсокъ къ пьесѣ, и тогда ихъ должно выбросить, или онѣ несутъ нѣчто для пьесы су-

щественное, и тогда авторъ обязанъ спрятанный въ нихъ матеріалъ внести, въ той или другой формѣ, въ діалогъ или же облечь въ конкретно достижимыя формы сценической постановки. Поступать такъ, какъ Сологубъ, можетъ только авторъ, пишущій въ діалогической формѣ не для сцены, а для чтенія. Столь же мало считается иногда Сологубъ со сценическими условіями и въ своихъ декораціонныхъ заданіяхъ: для перваго акта онъ требуетъ, чтобы сцена была засажена зеленѣющими деревьями, а изъ-за нихъ гдѣ-то—очевидно, въ дали,—виднѣлась терраса помѣщичьяго дома, на которой разыгрывается дѣйствіе. Театру неизбѣжно пришлось поступить какъ разъ обратно: выдвинуть на первый планъ террасу, а подъ садъ отвести глубину сцены. И такая перестановка, несомнѣнно, накладываетъ печать различнаго тембра на воспріятіе этой части пьесы въ чтеніи и въ театрѣ.

Къ этимъ элементамъ, удаляющимъ зрителя отъ читателя и вызваннымъ самой писательской манерой Сологуба, постановка прибавила рядъ другихъ, безъ которыхъ физически можно было обойтись. Измѣнена вся гамма красокъ въ 3-мъ актѣ; тутъ же рояль, скрытый авторомъ за занавѣсомъ, выдвинулся на сцену и на немъ откровенно играетъ таперша; совершенно измѣнена (и далеко не къ лучшему) мизансцена самаго конца пьесы, измѣнены характеръ и цвѣтъ многихъ костюмовъ и рядъ другихъ, болѣе мелкихъ деталей, въ общей суммѣ, однако же, сильно вліяющихъ на настроеніе. Иначе, чѣмъ въ текстѣ Сологуба, трактуются отдѣльныя фигуры и сцены: каррикатура и гротескъ сглажены, сложную отвлеченность, то аллегорическую, то символическую, насытили, не безъ упрощенія, плотью и кровью бытового реализма. «Лунную сказку»,—Лилитъ,—явно хотѣли сдѣлать, согласно съ волею автора, воздушной антитезой «румяной бабищѣ-жизни», но исполнительницѣ не всегда удавалось достаточно побѣдить тѣлесность; впрочемъ, это обстоятельство относится къ порядку уже невольныхъ отступленій отъ замысла автора, обусловленныхъ предѣлами техническихъ силъ сценическаго дѣятеля. Но главное, что сдѣлалъ театръ—это то, что сочная игра артистовъ отвлекла вниманіе зрителей отъ идеи пьесы и отъ діалога. Зрители, непосредственно воспринимая мимику, пластику, интонацію артистовъ, не вслушивались въ слова, переживали совсѣмъ не то и совсѣмъ не такъ, какъ заставилъ бы ихъ переживать Сологубъ взятый самъ по себѣ, въ чистомъ видѣ. Вотъ чѣмъ для меня объясняется успѣхъ спектакля.

Ибо, если взять пьесу Сологуба, какъ она написана, то это одно изъ самыхъ плохихъ и просто неряшливыхъ его произведеній. Я высоко цѣню Сологуба, какъ стилиста. Когда онъ не манерни-

чаетъ, а истинно отдается утѣхѣ наслажденія русскимъ языкомъ, его гибкой выразительностью и пластичностью, музыкальностью, заключенной въ самыхъ звукахъ нашей рѣчи, тогда онъ достигаетъ своеобразнаго и красиваго стиля и въ стихахъ, и въ прозѣ. Но «Заложники жизни» написаны языкомъ бѣднымъ и блѣднымъ, образами шаблонными и вялыми, оборотами плоскими и избитыми, до элементарности лишенными всякой изобразительности и выразительности. Рѣдко-рѣдко въ этой нудной пустынѣ вспыхнетъ самоцвѣтный камушекъ счастливой энергіи слова—и сейчасъ же потеряется въ потокѣ сѣраго песка. А мѣстами языкъ пьесы прямо вульгаренъ. Лунная Лилитъ, утѣшая Михаила, зоветъ его: «Пойдемъ въ кабачокъ, пропьемъ пятачекъ» (вторая половина фразы выброшена на сценѣ), и далѣе: «Купи мнѣ розу. За гривенникъ» (гривенникъ тоже выброшенъ). А долженствующая служить воплощеніемъ жизни Катя про своихъ дѣтей выражается, что это «не настоящія, стилизованныя дѣти» (это сохранено). Если подобныя мѣста внесены въ пьесу умышленно, такъ сказать иронически, «pour épater le bourgeois», какъ это любятъ представители новой школы, то не мѣшаетъ помнить, что и иронизировать можно со вкусомъ и безвкусно. А ужъ въ общей вялости языка даже и ничего «épatant» нельзя предполагать.

Скудная по техникѣ выполненія, пьеса Сологуба скудна, а частію—прямо пошла и въ своемъ идейномъ содержаніи. «Внутренней основой пьесы,—читаемъ на театральной афишѣ,—служитъ излюбленная авторомъ идея противуположенія Мечты и Жизни, Идеала и Дѣйствительности». Совершенно вѣрно. Это та самая идея, которую Сологубъ на всякіе лады перелицовываетъ въ цѣломъ рядѣ своихъ крупныхъ и мелкихъ произведеній. Суть ея въ томъ, что между Мечтой и Жизнью нѣтъ никакой связи: это два міра, абсолютно разнородные, абсолютно самозамкнутые, и никакихъ путей изъ одного въ другой нѣтъ. Жизнь груба и грязна безнадежно, Мечта чиста и прекрасна безконечно. Жизнь не способна двигаться въ направленіи Мечты, Мечта не можетъ давать даже частичныхъ воплощеній въ жизни. Отъ всякой попытки связать эти два міра рождается только пошлость, и мудрецъ—лишь тотъ, кто дѣлитъ свое бытіе между перманентной грязью жизни, отворачиваясь въ эти минуты отъ мечты, и безплотной красотой мечты, въ эти минуты наглухо замыкаясь отъ жизни. Мечта и жизнь владѣютъ человѣкомъ попеременно, никогда — вмѣстѣ. Отрицается всякая динамика жизни, всякая способность ея развиваться въ направленіи идеальныхъ запросовъ духа человѣческаго. Отрицается и динамическое значеніе идеализма, какъ силы, просвѣщающей и об-

лагораживающей жизнь. Въ принципъ возводится пассивное примиреніе съ сущимъ и пассивное млѣніе въ сферѣ грезъ о должномъ.

На сей разъ Сологубу захотѣлось развернуть свою излюбленную схему въ образахъ, почерпнутыхъ изъ русской дѣйствительности. При такой попыткѣ схема оказалась узкой, психологическіе факты не захотѣли въ нее укладываться, и получилась необходимость видоизмѣнить, усложнить схему. Сологубъ и подался въ этомъ направленіи, но дойти до конца не захотѣлъ: это пришлось ему не по душѣ, и онъ предпочелъ, покинувъ на полупути преображеніе схемы, подогнать къ ней психологію по рецепту разбойника Прокруста. Однако и Прокрустову операцію онъ произвелъ не вполнѣ: искалѣчилъ своихъ героевъ, но недостаточно, и въ результатѣ пьеса оказалась лишенной даже формальнаго, искусственнаго единства. Центральныя фигуры написаны такъ, что героическія усилія артистовъ воплотить ихъ въ цѣльныхъ образахъ не могли не потерпѣть фіаско.

Въ самомъ дѣлѣ, конструкція пьесы такова: Лилитъ—символизуетъ Мечту, Катя—Жизнь. Между ними двухсоставный Михаилъ: онъ—воплощеніе жизненнаго активнаго типа и вмѣстѣ мечтательнаго начала. Поэтому онъ любъ одинаково и Жизни—Катѣ, и Мечтѣ—Лилитъ, но онѣ могутъ имъ владѣть только по очереди. По «излюбленной авторомъ идеѣ» полагалось бы изобразить Катю грубой Альдонсой, а Лилитъ—прекрасной, безплотной Дульцинеей, Михаилу же предоставить дѣлить себя между плотскими утѣхами съ Катей и духовными радѣніями съ Лилитъ. Сологубъ попробовалъ повернуть дѣло иначе: Михаилъ хочетъ избѣжать раздвоенія, не желаетъ дробиться между двумя началами и ставитъ себѣ задачей построить новую, свѣтлую жизнь, т. е. воплотить мечту въ жизни. Его стремленіе раздѣляетъ въ полной мѣрѣ и Катя, которая, слѣдовательно, уже не Альдонса, не Жизнь въ чистомъ видѣ, какъ противуположеніе Мечтѣ, а тоже сочетаніе Мечты и Жизни, т. е., наряду съ Михаиломъ, воплощеніе динамическаго начала, отрицающаго косность бытія и утверждающаго способность его къ просвѣтленію. При такой постановкѣ заданія мы уже вышли за предѣлы «излюбленной идеи», и Лилитъ становится излишней. Михаилъ и Катя должны рука объ руку идти прямо къ строенію новой жизни, къ борьбѣ за нее. Но вотъ тутъ-то Сологубъ и пускается на ухищренія, чтобы спасти свою схему, лунную Лилитъ и кочеваніе героя между Жизнью и Мечтой. Катя, хотя продолжаетъ любить Михаила, временно отказывается отъ союза съ нимъ, выходитъ замужъ за нелюбимаго и пошлаго человѣка, а Михаила предоставляетъ утѣшеніямъ нѣжной Лилитъ, которую Михаилъ не любитъ. Черезъ восемь

лѣтъ Катя возвращается къ Михаилу, бросая мужа и «стилизованныхъ» дѣтей, а Лилитъ, которая оказывается не русской барышней Еленой Лунагорской, а апокрифической первой женой праотца Адама, удаляется въ пространство, свершать новые подвиги, пока не будетъ «увѣнчана Дульцинея».

Второй актъ, гдѣ Катя отдаетъ свою руку Сухову, есть моментъ искусственной спайки, какого-то отвлеченно надуманнаго выверта. Ни психологически-интуитивному, ни отвлеченно-идейному уразумѣнію этотъ моментъ не поддается. Сологубъ самъ путается въ его мотивировкѣ. Не то Катю толкаетъ въ объятія Сухова необходимость помочь его деньгами разорившимся родителямъ ея и спасти отъ продажи родную усадьбу, не то малодушный страхъ передъ лишеніями, которыя ждутъ ее съ Михаиломъ, еще только пробивающимъ себѣ жизненный путь, не то «темная страстность», не позволяющая долго оставаться дѣвушкой. Но этихъ мотивировокъ нельзя принять, потому что онѣ знаменовали бы мелкую и слабую душу, неспособную на ту силу и яркость, съ которой Катя черезъ восемь лѣтъ вернется къ Михаилу и пойдетъ съ нимъ строить новую, прекрасную жизнь. Бракъ съ Суховымъ, такъ мотивируемый, есть безнадежная пошлость и мѣщанство, которыя для героической натуры, какою Сологубъ рисуетъ Катю, абсолютно невозможны. Извѣстное стихотвореніе Зинаиды Гиппіусъ, которое Катя въ теченіе всего акта повторяетъ на разные лады и которое трактуетъ объ единствѣ любви, съ кѣмъ бы она ни раздѣлялась, ничему не помогаетъ и ничего не объясняетъ. Это стихотвореніе воплощаетъ ту первобытную ступень индивидуальнаго воспріятія, ту животную тупость, при которой для самки всѣ самцы безразличны и которая сейчасъ же смѣняется различеніемъ настоящей любви отъ ея атавистическихъ суррогатовъ, какъ только личность поднимается до переживанія любви индивидуализированной. Но заставлять дѣвушку-однолюба продавать себя постылому и убѣждать въ то же самое время любимаго человѣка въ томъ, что это—вѣрный путь,—такой фактъ, если и мыслимъ психологически, то только на почвѣ аскетическихъ самоистязаній, а ужъ отнюдь не на плоскости нитчеанско-модернистскаго индивидуализма. Но вѣдь если бы Лиза Калитина вынуждена была, какъ Татьяна Ларина, выйти за нелюбимаго человѣка, то она приняла бы этотъ поступокъ, какъ конецъ ея личной жизни, и, встрѣтившись потомъ съ любимымъ, отвѣтила бы ему:

Но я другому отдана,
Я буду вѣкъ ему вѣрна.

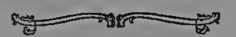
А Катя, выходя за Сухова, отлично знаетъ, что продается только на время, пока ея милый не разбогатѣетъ, а когда онъ сдѣ-

лаетъ карьеру, она броситъ мужа и уйдетъ къ Михаилу. Это ужъ не аскетизмъ и не нитчеанство и вообще никакая идея, а самая вульгарная пошлость, отвратительнаго лика которой не спрячутъ никакія модернистскія румяна. И я отлично понимаю простодушную даму, которая, сидя со мною рядомъ въ театрѣ и принявъ пьесу въ серьезъ, искренно возмутилась поведеніемъ Кати и квалифицировала ея отношеніе къ Сухову, какъ низкій обманъ. Убери Сологубъ на время Михаила изъ Катинаго поля зрѣнія, сдѣлай онъ Сухова увлекательнымъ животнымъ, вродѣ Анатоля Курагина, заставь Катю влюбиться въ него пьяной стихійной страстью,—все это было бы въ сферѣ подлинныхъ психологическихъ переживаній. Но тогда не было бы ни стиховъ Зинаиды Гиппіусъ, ни томленія Кати въ теченіе всего второго акта, ни сумасбродныхъ вопіяній ея къ Михаилу,—а для Сологуба, повидимому, весь центръ тяжести, вся оригинальность именно въ этой путаницѣ, сумятицѣ и жалкой безвкусицѣ. Онъ не понимаетъ, что въ его постановкѣ Катинъ поступокъ такъ же похожъ на подвигъ, какъ гвоздь на панихиду, что только жалкая ничтожность можетъ попасться на эту удочку и, какими бы мнимо-красивыми словами и позами она ни прикрывалась, пошлость останется пошлостью, и душа, способная на нее, уже не годится ни для какого строительства новой жизни. Какой ужъ тутъ «подвигъ»! Просто мѣщанскій разсчетъ или душевная тупость. И г-жа Тиме, которая на Александринской сценѣ провела роль Кати съ большимъ талантомъ и искренностью артистическихъ переживаній, сорвалась на второмъ актѣ—и не могла не сорваться, потому что настоящее искусство не пріемлетъ психологически фальшиваго, внутренне противорѣчиваго заданія: углубляя вѣрно взятыя темы, насыщая ихъ своей многоцвѣтной игрой, истинный художникъ тѣмъ разительнѣе и обнаженнѣе выставляетъ передъ нами ложь и уродство всякой нелѣпой выдумки. Безвыходнымъ въ этомъ пунктѣ оказывается и положеніе Михаила, который вообще очерченъ у Сологуба очень слабо и исполняется г. Лешковымъ посредственно. Менѣе отразилась художественная несообразность второго акта на фигурѣ Лилитъ. Во второй половинѣ пьесы авторъ даетъ ей рядъ выигрышныхъ моментовъ, которые довольно удачно использованы г-жей Тхоржевской.

Вообще, пьеса Сологуба, литературно весьма слабая, имѣетъ нѣкоторыя достоинства, какъ сценаріумъ. Не считая второго акта, неудачнаго и въ этомъ отношеніи, всѣ остальные акты содержатъ рядъ заданій, которыя могутъ дать толчекъ для творческаго почина режиссера и артистовъ. В. Э. Мейерхольдъ распорядился этимъ матеріаломъ, по большей части, умѣло, хотя далеко не съ той вдох-

новенной артистичностью, какую проявилъ при постановкѣ на Александринской же сценѣ «Шута Тантриса». Артисты тоже постарались. Кромѣ г-жъ Тиме и Тхоржевской, надо выдѣлить тонкій вкусъ, законченность и чувство мѣры въ игрѣ г. Лерскаго (отецъ Кати), умѣнье сгладить шероховатости текста со стороны г. Усачева (отецъ Михаила) и нѣсколько удачныхъ моментовъ у г. Горинъ-Горяйнова (Суховъ): не избѣжавъ шаржа во второмъ актѣ, давъ нѣсколько рѣзкихъ, утрированныхъ переходовъ настроенія и манеры въ началѣ четвертаго акта, онъ легко и натурально провелъ первый актъ и развилъ настоящій темпераментъ въ концѣ 4-го акта. Усиліямъ этихъ артистовъ и режиссера пьеса и обязана, главнымъ образомъ, успѣхомъ. Декораціи А. Я. Головина также нравятся публикѣ, но первый актъ навѣянъ декораціями къ Тургеневскимъ спектаклямъ Московскаго Художественнаго Театра, а четвертый—третьимъ актомъ «У жизни въ лапахъ» Гамсуна въ томъ же театрѣ. Остальныя декораціи не такъ ужъ примѣчательны; впрочемъ и первыя двѣ, послѣ московскихъ постановокъ, кажутся уже второсортными.

С. Адріановъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Перемиріе на Балканахъ.—Споръ о сербскомъ портѣ и объ албанской автономіи.—Странная воинственная кампанія Австро-Венгріи.—Взглядъ британскаго премьера и австрійскія притязанія.—Заявленія германскаго канцлера.

Въ двадцатыхъ числахъ ноября (нов. стиля) освободительная кампанія союзныхъ балканскихъ государствъ противъ Турціи могла считаться въ общемъ и главномъ законченною. Сербскія войска взяли 18 (5)-го ноября важнѣйшій укрѣпленный пунктъ западной Македоніи, Монастырь или Битолію, оттѣснили и преслѣдовали разбитую армію Зекки-паши къ югу, забрали отдѣльные ея отряды въ плѣнъ и двинулись по направленію къ Адріатическому морю; позднѣе они постепенно заняли значительную часть Албаніи и завладѣли ея побережьемъ, отъ Медуи и Алессіо до Дураццо. Греки водворились въ южной части Эпира и Ѳессаліи, вступили вмѣстѣ

съ болгарами въ Салоники, заняли почти всѣ острова Эгейскаго моря и подвергли блокадѣ приморскіе пункты турецкихъ владѣній. Болгары утвердились въ предѣлахъ остальной юго-восточной части Европейской Турціи, вплоть до послѣдней оборонительной линіи, защищающей доступъ къ Константинополю; они держатъ въ своихъ рукахъ территорію отъ Мидіи до Родосто, между Чернымъ и Мраморнымъ морями, вмѣстѣ съ побережьемъ Эгейскаго моря отъ Эноса до Кавалы. Только Адріанополь не поддавался усиліямъ болгаръ и продолжалъ отвлекать крупныя военныя силы отъ главной задачи, разрѣшеніе которой предстояло около фортовъ и болотъ Чаталджи. Турки увеличивали свою послѣднюю армію постояннымъ подвозомъ подкрѣпленій, снабжали ее изъ столицы орудіями, боевыми снарядами и провіантомъ, поддерживали ея духъ патріотическими и религіозными воззваніями, но были безсильны противъ болѣзней и эпидемій, распространявшихся въ страшныхъ размѣрахъ, при отсутствіи необходимыхъ санитарныхъ и врачебныхъ средствъ. Болгарскія войска, ослабленныя громадными потерями въ цѣломъ рядѣ кровопролитныхъ сраженій, предпринимали героическія атаки противъ турецкихъ позицій, но не могли одолѣть ихъ вслѣдствіе сравнительной недостаточности своей артиллеріи; они вынуждены были, поэтому, пріостановить дальнѣйшія наступательныя дѣйствія, въ ожиданіи паденія Адріанополя, и ничего не имѣли уже противъ переговоровъ о перемиріи. Черногорцы также не успѣли овладѣть важною для нихъ пограничною крѣпостью Скутари, и эти временныя неудачи союзниковъ давали Турціи нѣкоторую надежду на возможность добиться менѣе тягостныхъ мирныхъ условій, при благосклонномъ содѣйствіи великихъ державъ.

Послѣ неоднократныхъ безплодныхъ обращеній къ западно-европейскимъ кабинетамъ съ просьбами о вмѣшательствѣ и посредничествѣ, Порта убѣдилась, наконецъ, что ни одна изъ державъ не расположена нарушить свой нейтралитетъ и отступить отъ принципа «локализаціи войны», и что для достиженія сноснаго мира необходимо обратиться непосредственно къ Болгаріи. Болгарское правительство выразило согласіе вступить въ переговоры отъ имени союзниковъ и назначило своими уполномоченными предсѣдателя болгарскаго народнаго собранія Данева, главнокомандующаго генерала Савова и начальника главнаго штаба, генерала Фичева; съ турецкой стороны главнымъ уполномоченнымъ былъ главнокомандующій Назимъ-паша. Обѣ стороны какъ будто зондировали почву и старались выиграть время. Первоначальныя требованія показались туркамъ чрезмѣрными и были рѣшительно отклонены; болгары уступили въ нѣкоторыхъ пунктахъ и не настаивали на

немедленной сдачѣ Адріанополя и Скутари, послѣ чего мирныя совѣщанія приняли болѣе благопріятный оборотъ; но греки находили для себя невыгоднымъ отказываться отъ пріобрѣтенныхъ на морѣ преимуществъ до заключенія мира и уклонились отъ участія въ соглашеніи о перемиріи на предположенныхъ союзниками основаніяхъ. Соглашеніе состоялось такимъ образомъ между Турціей съ одной стороны, Болгаріею, Сербіею и Черногоріею — съ другой; соотвѣтственный протоколъ подписанъ 20-го ноября (3-го декабря) главнокомандующими турецкихъ и болгарскихъ войскъ. Точный срокъ перемирія не былъ установленъ; оно должно продолжаться, пока ведутся переговоры о мирѣ, которые начнутся въ Лондонѣ 17 (4)-го декабря; перемиріе теряетъ свою силу только черезъ 48 часовъ послѣ формальнаго заявленія одной изъ сторонъ о перерывѣ переговоровъ. Всякія передвиженія войскъ прекращаются на время перемирія; доставка провіанта въ осажденные города—Адріанополь, Скутари и Янину — не допускается. Условіе о снятіи блокады съ турецкихъ береговъ предоставлено на усмотрѣніе Греціи, въ зависимости отъ ея присоединенія къ перемирію. Перерывъ военныхъ дѣйствій на Балканахъ долженъ способствовать выясненію общаго международнаго положенія въ Европѣ, такъ какъ по мѣрѣ развитія балканскихъ событій наросталъ серьезный кризисъ, угрожавшій культурнымъ націямъ неисчислимыми бѣдствіями.

Неожиданные военные успѣхи балканскихъ государствъ вызвали сильную тревогу въ Австро-Венгріи. Вѣнскій кабинетъ обнаружилъ желаніе заранѣе опредѣлить или ограничить будущія условія мира по отношенію къ Сербіи; австрійская дипломатія категорически заявляла, что не допуститъ расширенія сербской территоріи въ ущербъ Албаніи и ни въ какомъ случаѣ не дозволитъ сербамъ утвердиться въ занятыхъ ими пунктахъ на Адріатикѣ. Между тѣмъ выходъ къ морю составляетъ для Сербіи насущную жизненную потребность, объ удовлетвореніи которой издавна мечтали сербскіе патріоты. Часть Адріатическаго побережья, съ городомъ Дураццо (Драчъ), нѣкогда принадлежала сербамъ. Сдавленная со всѣхъ сторонъ чужими землями, при могущественномъ сосѣдствѣ Австро-Венгріи, Сербія не можетъ развиваться свободно въ хозяйственномъ отношеніи и должна постоянно чувствовать свою экономическую зависимость отъ имперіи Габсбурговъ. Для сербскихъ продуктовъ нѣтъ другого рынка, кромѣ австрійскаго, и сербы не могутъ получать другихъ иностранныхъ товаровъ, кромѣ австрійскихъ, ибо нѣтъ путей для прямыхъ сношеній съ остальными культурными странами. Цѣною неимовѣрныхъ кровавыхъ жертвъ, въ равноправной борьбѣ съ турками, при точномъ соблюденіи поставленнаго

великими державами условія локализаціи войны, сербамъ удалось добраться до завѣтнаго моря,—и вдругъ ихъ останавливаетъ властный голосъ посторонняго «нейтральнаго» государства: «вы уйдете отсюда, потому что здѣсь замѣшаны мои интересы». Какіе интересы? Почему одна Австро-Венгрія можетъ, безъ согласія и участія другихъ державъ, распоряжаться судьбами балканскихъ народовъ и населяемыхъ ими турецкихъ областей? Появленіе сербовъ на Адріатикѣ, въ предѣлахъ небольшой прибрежной полосы, длиною приблизительно въ пятьдесятъ километровъ, не представляло бы, конечно, никакой опасности и даже никакого неудобства для австрійцевъ; напротивъ, все побережье несомнѣнно оживилось бы, еслибы владычество турокъ и арнаутовъ уступило мѣсто культурнымъ сербскимъ порядкамъ, и отъ этой перемѣны могла бы только выиграть австрійская торговля и промышленность. Правда, Сербія пріобрѣла бы тогда возможность сбывать свои продукты моремъ въ Англію или Францію и получать оттуда нужные ей заграничные товары помимо австрійцевъ; она освободилась бы отъ односторонней экономической опеки Австро-Венгріи, перестала бы зависѣть отъ австрійской таможенной политики и сдѣлалась бы болѣе самостоятельной въ своихъ экономическихъ отношеніяхъ,—и только этимъ, т. е. возможностью своего независимаго хозяйственнаго роста и процвѣтанія, она будто бы нарушала бы интересы сосѣдней монархіи! Австрійцы просто не хотятъ, чтобы Сербія вышла изъ-подъ ихъ экономической власти и открыла себѣ дорогу къ самостоятельной промышленной жизни; они хотятъ заставить ее довольствоваться своимъ прежнимъ зависимымъ положеніемъ и отказаться отъ стремленій къ международному простору, подъ угрозою военнаго вмѣшательства. Такъ какъ нельзя прямо высказывать претензію на принудительное ограниченіе экономической свободы небольшого сосѣдняго государства, формально признаннаго вполнѣ самостоятельнымъ и независимымъ, то вѣнскій кабинетъ не объясняетъ подлиннаго смысла и сущности своего «интереса» въ данномъ случаѣ. Интересъ этотъ, очевидно, только отрицательный: дѣло идетъ объ искусственномъ стѣсненіи сосѣдней страны, о насильственномъ удержаніи ея на извѣстномъ промышленномъ уровнѣ, а не о пріобрѣтеніи и сохраненіи какихъ-либо опредѣленныхъ положительныхъ выгодъ, которыя можно было бы откровенно формулировать съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ правдоподобія. Можно фактически прижимать и подавлять болѣе слабыхъ сосѣдей, но возводить эту практику на степень права и основывать на ней извѣстныя требованія и запрещенія—было бы ужъ слишкомъ явнымъ глумленіемъ надъ общепринятыми началами элементарной справедливости и

здраваго смысла. Поэтому австрійская оффиціозная пресса, ссылаясь на интересъ Австро-Венгріи—не допускать сербовъ къ Адріатикѣ, избѣгала всякихъ опредѣленій и поясненій этого интереса; она ни однимъ словомъ не касалась вопроса о томъ, въ чемъ именно заключается этотъ интересъ, чѣмъ онъ вызванъ и какими реальными мотивами онъ оправдывается.

На первыхъ порахъ вѣнскія газеты доказывали, что сербскій портъ на Адріатикѣ служилъ бы подходящимъ базисомъ для враждебныхъ предпріятій русскаго военнаго флота и слѣдовательно представлялъ бы большую опасность для Австро-Венгріи; но этотъ доводъ легко устранялся тѣмъ простымъ соображеніемъ, что Сербія по всей вѣроятности охотно согласилась бы признать свой адріатическій портъ исключительно торговымъ и нейтральнымъ, закрытымъ для иностранныхъ военныхъ судовъ. Вѣнскіе оффиціозы тотчасъ отреклись отъ своего аргумента, оказавшагося никуда не годнымъ, и заговорили о правахъ Албаніи на автономію и на неприкосновенность своей территоріи: сербы не должны вторгаться въ эту турецкую провинцію и завладѣвать ея побережьемъ, ибо еще въ 1900 г. между Австро-Венгріею и Италіею заключенъ былъ договоръ, въ силу котораго ни одна изъ этихъ державъ не имѣетъ права на присвоеніе какой-либо части албанскихъ земель или на политическое преобладаніе въ предѣлахъ албанскаго побережья. Австрійскіе публицисты только глухо говорили о существованіи какого-то австро-итальянскаго договора, предусматривающаго будто бы признаніе автономіи и территоріальной неприкосновенности Албаніи; но парижскій «Temps», съ обычною своею компетентностью въ международныхъ вопросахъ, поспѣшилъ разъяснить истинное значеніе и логическую основу этого соглашенія. Италія всегда опасалась, что Австро-Венгрія, при наступленіи извѣстныхъ обстоятельствъ, завладѣетъ восточными берегами Адріатическаго моря до Отрантскаго пролива и этимъ обезсилитъ положеніе итальянскихъ портовъ въ западной части того же моря. Портъ Валона (Авлона), въ Албаніи, имѣетъ для Отрантскаго пролива такое же значеніе, какъ Гибралтаръ—для Гибралтарскаго пролива: кто укрѣпился бы въ Валонѣ, тотъ держалъ бы въ своихъ рукахъ естественный выходъ изъ Адріатическаго моря. Пока эти албанскія гавани находятся въ запущенной турецкой провинціи, онѣ безопасны для Италіи; но дѣло радикально измѣнилось бы, еслибы онѣ попали подъ власть Австро-Венгріи, которая и безъ того обладаетъ рядомъ крупныхъ и превосходно оборудованныхъ портовъ на Адріатикѣ. Чтобы предотвратить возможную въ будущемъ опасность, Италія воспользовалась моментомъ возобновленія тройственнаго союза для заключенія до-

говора, которымъ обѣ стороны — Австро-Венгрія и Италія—обязываются воздерживаться отъ какихъ бы то ни было притязаній и посягательствъ на Албанію. Объ албанской автономіи, о какихъ-либо самостоятельныхъ правахъ албанской народности, не было при этомъ и рѣчи, и они, конечно, совершенно не интересовали участниковъ соглашенія. Очевидно, основанія и мотивы этого договора не имѣютъ никакого отношенія къ Сербіи и къ ея военнымъ дѣйствіямъ въ Албаніи. Сербія, даже увеличенная всѣми ея нынѣшними завоеваніями, остается все-таки настолько незначительною державою, что она не можетъ внушать какія-либо опасенія Италіи или Австро-Венгріи. Присоединеніе части албанскаго побережья къ Сербіи являлось бы для итальянцевъ вѣрнѣйшей гарантіей того, что по крайней мѣрѣ эта часть Адріатики не попадетъ въ австрійскія руки. Тѣ соображенія, которыми руководствовались составители австро-итальянскаго договора 1900 г., отпадаютъ въ настоящемъ случаѣ, какъ непримѣнимыя къ даннымъ условіямъ. Для Италіи было важно, чтобы Австро-Венгрія отказалась отъ корыстныхъ видовъ на Албанію; а для австрійцевъ желательно было имѣть такое же отреченіе со стороны Италіи. Обѣ державы условились не трогать извѣстной части турецкаго наслѣдства; но онѣ не могли запретить туркамъ воевать съ Сербіею, потерпѣть отъ нея пораженіе и отдать ей часть турецкой Албаніи по мирному договору. Приморскія пріобрѣтенія сербовъ никому помѣшать или угрожать не могутъ. Однако, они подрываютъ идею албанской автономіи, — говорятъ австрійскія газеты. Албанская автономія внезапно сдѣлалась любимымъ предметомъ разсужденій и заботъ вѣнской оффиціозной печати. Въ трогательныхъ выраженіяхъ говорилось о печальной участи албанцевъ, отданныхъ подъ жестокое иго сербовъ. Вѣнская «Neue Freie Presse», славящаяся съ давнихъ поръ изысканно ходульнымъ и многословнымъ краснорѣчіемъ своихъ передовыхъ статей, чуть не ежедневно печатала длинныя разсужденія о безспорномъ, признанномъ всей Европою правѣ Албаніи на самостоятельное существованіе; газета возмущалась необычайною дерзостью сербовъ, которые осмѣлились не только разбить турецкія войска, но и ворваться въ турецкія области, интересующія спеціально Австро-Венгрію, и даже настаивать на захватѣ отдѣльныхъ приморскихъ пунктовъ, объявленныхъ для нихъ запретными. Газета догадывается, что эта дерзость имѣетъ свой источникъ въ скрытомъ воздѣйствіи и поощреніи со стороны Россіи. Сербы ссылаются на право войны; но право войны существуетъ для сильныхъ, а Сербія несравненно слабѣе Австро-Венгріи. Сербы должны еще быть благодарны могущественной сосѣдней имперіи, что она не воспользовалась безза-

щитностью ихъ сѣверной границы и не накинулась на ихъ страну, пока ихъ войска заняты въ Турціи. Чтобы сохранить свою собственную цѣлость и неприкосновенность, они должны подчиниться австрійскому требованію и признать цѣлость и неприкосновенность Албаніи. Сербы защищаются и оправдываются, какъ могутъ, но возраженія ихъ не принимаются во вниманіе. «Вѣдь мы воюемъ съ турками, а не съ австрійцами,—говорятъ они,—и австрійцы не имѣли бы никакого повода напасть на насъ съ тыла. Сами турки не дѣлаютъ никакого различія между Албаніею и другими турецкими провинціями; албанцы добровольно подчиняются сербскимъ войскамъ и во многихъ мѣстахъ привѣтствуютъ ихъ прибытіе; почему же мы обязаны создавать для Албаніи автономію, когда тамъ существуетъ только анархія?»

Въ теченіе многихъ лѣтъ различныя балканскія народности добивались нѣкотораго подобія автономіи, обезпеченія минимальныхъ человѣческихъ правъ, установленія извѣстнаго внѣшняго порядка на основѣ законности—и на всѣ эти порывы и вопли злосчастныхъ жертвъ турецкаго безправія австрійская дипломатія обыкновенно отвѣчала указаніемъ на великій принципъ status quo. Теперь же, къ общему недоумѣнію, вѣнскій кабинетъ и солидарная съ нимъ печать горячо заступаются за полную автономію и самостоятельность Албаніи, фактически занятой сербскими войсками, и находятъ слишкомъ ничтожною ту долю культурности и порядка, которую могла бы внести въ албанскую неурядицу Сербія. А между тѣмъ именно Албанія, при разнородномъ племенномъ и вѣроисповѣдномъ составѣ своего населенія, всего менѣе приспособлена къ самостоятельному политическому существованію.

Отдѣльныя албанскія племена управляются по своимъ особымъ стариннымъ обычаямъ, часто враждуютъ между собою и не признаютъ надъ собою никакой общей государственной власти; католики-мирдиты подчиняются австрійскому вліянію черезъ посредство австрійской церковной іерархіи; они, какъ и православные туземцы, много разъ сражались противъ турокъ заодно съ черногорцами и имѣютъ очень мало общаго съ массою мусульманъ-арнаутовъ, которые отличались своею преданностью падишаху, хотя нерѣдко возставали противъ назначенныхъ имъ правителей и военныхъ командировъ. Внутреннія племенныя междоусобія принимали иногда характеръ истребительной партизанской войны на почвѣ старинныхъ, понынѣ господствующихъ обычаевъ родовой мести. Съ VII-го до половины XIV-го вѣка, съ значительными перерывами, Албанія находилась поочередно подъ владычествомъ сербовъ и болгаръ; преданія объ этихъ временахъ сохранились еще

въ народѣ. Потомки славянъ, сознающіе свою родственную связь съ болгарами и сербами, составляютъ весьма замѣтный элементъ населенія; но и остальные албанцы, болѣе или менѣе дикіе горцы, дорожатъ лишь своею племенною автономіею, своими мѣстными нравами и обычаями, и охотно примирятся со всякою властью, которая не будетъ нарушать основъ ихъ традиціоннаго быта. При такихъ условіяхъ мысль объ образованіи особаго албанскаго государства является чистѣйшей утопіею. Австрійскіе дипломатическіе агенты постарались на скорую руку устроить провозглашеніе албанской республики; они вызвали для этого въ Вѣну бывшаго депутата турецкаго парламента, албанца Кемаль-бея, который отправился затѣмъ въ Валону, собралъ нѣсколько беевъ и объявилъ независимость Албаніи, а самого себя назначилъ ея президентомъ, послѣ чего отправилъ правительствамъ великихъ державъ, и въ томъ числѣ «ея величеству французской республикѣ», оффиціальныя извѣщенія о новомъ государствѣ. Вѣнскія газеты серьезно обсуждали это событіе и сообщали о немъ разныя фантастическія подробности, въ родѣ того, что актъ независимости былъ объявленъ національнымъ собраніемъ изъ восьмидесяти делегатовъ отъ главныхъ племенъ и общинъ, — какъ будто организація подобнаго съѣзда была возможна въ военное время, когда въ странѣ хозяйничаютъ непріятельскія войска. Впрочемъ, австрійская затѣя продержалась недолго на столбцахъ газетъ, и западно-европейскія правительства не успѣли еще принять къ свѣдѣнію интересное сообщеніе Кемаль-бея, какъ получено было извѣстіе о бѣгствѣ послѣдняго за границу и объ исчезновеніи избравшаго его національнаго собранія. Но, конечно, выдѣлить Албанію изъ состава турецкихъ владѣній и придать ей видъ независимости подъ скрытымъ австрійскимъ протекторатомъ,— вполнѣ возможно, хотя польза такого проекта для Италіи и для Европы представляется весьма проблематичной. Албанія оставалась бы по прежнему гнѣздомъ хроническихъ междоусобій и внутреннихъ неурядицъ, и прочный миръ не могъ бы установиться на Ближнемъ Востокѣ.

Балканская политика Австро-Венгріи, особенно недоброжелательная и придирчивая къ Сербіи, не встрѣчаетъ сочувствія въ славянскихъ земляхъ монархіи и рѣзко критикуется въ чешской и хорватской печати. Славянскіе депутаты и публицисты напоминаютъ австрійскимъ патріотамъ, что прежде чѣмъ хлопотать объ автономіи албанцевъ слѣдовало бы позаботиться объ удовлетвореніи національныхъ потребностей хорватовъ и словинцевъ, состоящихъ въ австрійскомъ подданствѣ. Патріоты, разумѣется, уклонялись отъ этихъ щекотливыхъ темъ и направляли свою аргументацію въ другую сто-

рону; они старались возстановить общественное мнѣніе противъ Сербіи, приписывая ей разные вызывающіе поступки по отношенію къ имперіи и возводя случайные мѣстные инциденты на степень опасныхъ конфликтовъ. Такъ, нѣсколько недѣль продолжался «кризисъ», котораго героемъ или жертвой былъ австро-венгерскій консулъ въ Призрѣнѣ, Оскаръ Прохаска. При занятіи города сербскими войсками Прохаска и его кавасы стрѣляли, будто бы, въ сербовъ; военныя власти донесли объ этомъ правительству въ Бѣлградъ, и сербское правительство жаловалось на это въ Вѣнѣ; австрійское министерство пожелало провѣрить и разслѣдовать дѣло на мѣстѣ, хотѣло послать курьера въ Призрѣнъ, чтобы получить донесеніе отъ консула, но сербы противъ этого возражали, ссылаясь на военныя обстоятельства, и фактически отъ Прохаски долго не поступало никакихъ свѣдѣній. Распространялись слухи, что консулъ арестованъ сербами, что онъ лежитъ раненый въ своемъ домѣ, что къ нему никого не пускаютъ и даже письма и телеграммы до него не доходятъ; такое возмутительное обращеніе съ оффиціальнымъ представителемъ австро-венгерской монархіи не должно остаться безнаказаннымъ, и газеты изо дня въ день волновали публику разсужденіями о неслыханной наглости сербовъ. Всѣ сознавали неизбѣжность ультиматума, за которымъ должна послѣдовать военная экзекуція; столкновеніе съ Сербіею предвѣщало конфликтъ съ Россіею, и мрачныя тучи нависли надъ политическимъ горизонтомъ. Поведеніе сербскаго правительства казалось совершенно непонятнымъ и загадочнымъ. Изъ Вѣны былъ посланъ въ Призрѣнъ для разслѣдованія консулъ Эдль; предстояло скорое разъясненіе инцидента, и предпріимчивая редакція «Neue Freie Presse» догадалась наконецъ обратиться по телеграфу съ деликатнымъ запросомъ о здоровьѣ консула Прохаски къ двумъ компетентнымъ лицамъ—къ сербскому министру-президенту Пашичу и въ Призрѣнъ къ самому Прохаскѣ. Отъ Пашича былъ тотчасъ полученъ невиннѣйшій отвѣтъ: «По сдѣланной справкѣ консулъ въ Призрѣнѣ вполнѣ здоровъ. Нѣтъ основанія для безпокойства». Отъ Прохаски пришла депеша съ запозданіемъ на четыре дня: «Прерванное телеграфное сообщеніе только-что вновь возстановлено, и вашу телеграмму получилъ. Благодарю за запросъ. Я здоровъ и выѣзжаю въ Ускюбъ». Изъ отвѣтныхъ телеграммъ можно видѣть, что ни Пашичъ, ни Прохаска вовсе не подозрѣвали крупнаго политическаго значенія обращенныхъ къ нимъ запросовъ. Одинъ говоритъ просто о здоровьѣ и благополучіи консула, другой сообщаетъ о своемъ отъѣздѣ и о бывшемъ перерывѣ телеграфныхъ сношеній, которымъ и объясняется, конечно, долгое отсутствіе отъ него извѣстій; о какихъ-либо испытанныхъ затрудненіяхъ и препятствіяхъ нѣтъ

и помину,—а сколько было уже придумано ужасовъ по поводу пропавшаго безъ вѣсти консула! Между тѣмъ печать сдѣлала свое дѣло—возбудила враждебное чувство противъ Сербіи, и это чувство не скоро исчезнетъ, даже если вина сербскихъ военныхъ властей относительно австрійскаго консула окажется по разслѣдованію ничтожною. Осталось впечатлѣніе, что сербы черезчуръ зазнались, что ихъ слѣдуетъ обуздать или наказать, и эта точка зрѣнія уже съ большою настойчивостью примѣняется къ вопросу о сербскомъ портѣ на Адріатикѣ. Австрійскіе патріоты все чаще и сильнѣе напираютъ на то, что за спиною Сербіи дѣйствуетъ и вооружается Россія, что европейскому миру грозитъ опасность съ сѣвера и что русское правительство явно готовится къ войнѣ противъ Австро-Венгріи. Въ газетахъ появляется особая рубрика о русскихъ вооруженіяхъ; ежедневно сообщаются подробныя свѣдѣнія о передвиженіяхъ нашихъ войскъ къ австрійскимъ границамъ, съ обозначеніемъ полковъ и дивизій, какихъ и не существуетъ въ русской арміи,—свѣдѣнія о лихорадочныхъ приготовленіяхъ и мѣропріятіяхъ русскаго военнаго вѣдомства, о которыхъ ничего не слыхали непосредственно заинтересованные въ нихъ обыватели Россійской имперіи. Эти ежедневно сочиняемыя разнообразныя свѣдѣнія сопровождались соотвѣтственными обстоятельными разсужденіями и умозаключеніями, противъ которыхъ были уже безсильны славянскіе ораторы и публицисты. Грозная внѣшняя опасность устраняетъ всякія національно-партійныя разногласія и должна объединять всѣхъ гражданъ въ общемъ сознаніи патріотическаго долга. Этого не могутъ уже оспаривать ни чехи, ни хорваты. Къ сожалѣнію, наше военное вѣдомство не слѣдило съ надлежащимъ вниманіемъ за сообщеніями австрійскихъ газетъ и не опровергало ихъ своевременно, съ должною ясностью и убѣдительностью, такъ что враждебные Россіи фантастическіе слухи и разсказы свободно распространялись и довѣрчиво воспринимались заграничной публикою; за все время этой систематической оффиціозно-газетной кампаніи, кажется, только два раза опубликованы были нашимъ военнымъ министерствомъ краткія оффиціальныя опроверженія, которыя, разумѣется, терялись среди множества «фактическихъ» разоблаченій и указаній противоположнаго характера.

Такимъ образомъ создалась необходимая политическая обстановка для объясненія и оправданія весьма реальныхъ военныхъ мѣръ Австро-Венгріи, направленныхъ къ защитѣ ея жизненныхъ интересовъ на Балканскомъ полуостровѣ. А эти «жизненные интересы», какъ мы уже знаемъ, заключаются въ томъ, чтобы вырвать важнѣйшую часть турецкой добычи изъ сербскихъ рукъ и сохра-

нить Албанію для будущаго австрійскаго status quo, съ допущеніемъ нѣкотораго участія Италіи въ выгодахъ этой своеобразной албанской автономіи. Высшія придворныя и военныя сферы монархіи обнаружили дѣйствительно лихорадочную дѣятельность: императоръ Францъ-Іосифъ, не смотря на свой преклонный возрастъ, ежедневно совѣщался съ военнымъ министромъ барономъ Ауфенбергомъ, съ начальникомъ главнаго штаба генераломъ Шемуа и съ намѣченными главными командирами предположенныхъ отдѣльныхъ армій. Наслѣдникъ престола, эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ, считающійся вдохновителемъ и главою австрійской военной партіи, ѣздилъ къ Вильгельму II и, какъ говорятъ, успѣлъ во время удачной охотничьей экскурсіи заручиться его одобреніемъ и поддержкой австрійскихъ плановъ. Вслѣдъ затѣмъ прибылъ въ Берлинъ генералъ Шемуа для секретныхъ совѣщаній съ начальникомъ германскаго главнаго штаба, фонъ-Мольтке; инспекторъ австро-венгерской арміи, Конрадъ фонъ-Гетцендорфъ, отправился въ Букарештъ съ собственноручнымъ письмомъ императора къ королю Карлу и видѣлся съ главными военными и политическими дѣятелями Румыніи. Въ австрійскій парламентъ внесены три военныхъ законопроекта, съ указаніемъ необходимости скорѣйшаго ихъ разсмотрѣнія: о пособіяхъ семействамъ призываемыхъ резервистовъ, о способахъ комплектованія конскаго состава арміи, въ связи съ состоявшимся запрещеніемъ вывоза лошадей за границу, и о привлеченіи обывателей до 50-ти лѣтняго возраста къ исполненію нѣкоторыхъ обязанностей, имѣющихъ связь съ потребностями арміи въ военное время. Патріоты продолжали объяснять публикѣ, что всѣ эти мѣры вызываются безусловною необходимостью, въ виду угрожающихъ военныхъ приготовленій Россіи. «Почему Россія нарушаетъ нашъ миръ и наше спокойствіе?—спрашиваетъ «Neue Freie Presse».—Почему она позволяетъ себѣ, безъ всякаго основанія, подвергать всю Европу военной тревогѣ, затруднять соглашеніе монархіи съ Сербіею и грозить человѣчеству новыми бѣдствіями, какъ она дѣлала это уже четыре раза въ теченіе одного столѣтія? Если она ищетъ предлога для войны, то ей слѣдовало бы выбрать менѣе поверхностные и прозрачные мотивы, чѣмъ сербскій портъ, который безъ подстрекательства изъ Петербурга навѣрное не послужилъ бы поводомъ къ такому тяжелому кризису». Призракъ войны надвигается все ближе и сильнѣе, благодаря стараніямъ соединенныхъ силъ австрійской придворной военной партіи и оффиціозной прессы,—и виновницей этого воинственнаго кошмара оказывается, сверхъ всякаго ожиданія, Россія, представители которой, кажется, имѣли уже достаточно случаевъ подтвердить свою готовность почтительно принимать совѣты и внушенія императора Вильгельма II. Быть можетъ, у насъ вообще

не существуетъ опредѣленной и сознательной внѣшней политики, ибо такая политика возможна только на почвѣ постояннаго единенія и близкой связи правительства съ общественнымъ мнѣніемъ страны, при свободномъ и самостоятельномъ народномъ представительствѣ. Но о воинственныхъ замыслахъ у насъ во всякомъ случаѣ нѣтъ и рѣчи,—если не считать нѣкоторыхъ нашихъ сомнительныхъ славянолюбцевъ, обычныхъ противниковъ и гонителей одной изъ крупнѣйшихъ славянскихъ народностей: польской.

Но толки о русской воинственности нужны заграничнымъ военнымъ честолюбцамъ, преимущественно австрійскимъ, нашедшимъ свой центръ и опору въ личности будущаго монарха Австро-Венгріи. Эти толки о Россіи, собирающейся напасть на мирные сосѣдніе народы, несомнѣнно достигаютъ своей цѣли. Наивная публика вѣритъ громкимъ фразамъ шовинистовъ, и стремленія небольшого придворно-военнаго кружка легко превращаются въ такъ называемый голосъ общественнаго мнѣнія. Вѣнскій городской совѣтъ, въ торжественномъ засѣданіи 28-го ноября, единогласно принялъ резолюцію, въ которой отъ имени всего населенія столицы выразилъ рѣшимость твердо, всѣми силами, защищать «правое дѣло», не останавливаясь ни предъ какими жертвами, по первому слову императора. Какъ ни дорого сохраненіе мира, но вѣнскіе граждане несогласны поддерживать его цѣною «постыдной слабости». Въ чемъ состоитъ «правое дѣло», за которое вѣрноподданные обыватели призываются проливать свою кровь,—это ясно высказывалось въ тотъ-же день на публичномъ митингѣ во дворѣ ратуши, при участіи бургомистра, д-ра Неймайера. Рядомъ съ патріотическими возгласами: «да здравствуетъ Австрія»! раздавались шумные крики: «долой сербовъ!»—и эти возгласы повторялись послѣ каждой рѣчи. Когда собраніе окончилось, случился маленькій характерный эпизодъ: прежде чѣмъ расходиться, толпа опять стала кричать: «долой сербовъ!» Присутствовавшій въ толпѣ сербскій студентъ наконецъ не выдержалъ и отвѣтилъ возгласомъ: «долой Австрію!» Публика съ негодованіемъ набросилась на молодого человѣка и жестоко расправилась бы съ нимъ, еслибы его не забрала въ свои руки полиція. Если для австрійцевъ «правое дѣло» заключается въ подавленіи сербской народности, то со стороны сербовъ вполнѣ естественно выраженіе враждебныхъ чувствъ противъ Австріи. Толпа этого не понимаетъ, и часто ея «единогласныя» резолюціи только усиливаютъ внутренній разладъ, хотя временно и заглушаютъ его насиліемъ.

Австрійскіе дипломаты и публицисты издавна привыкли говорить отъ имени Европы; они чувствуютъ себя заодно съ Европою

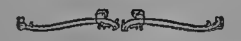
особенно съ тѣхъ поръ, какъ имѣютъ за собою союзъ съ Германіею. Передъ послѣдними миролюбивыми попытками великихъ державъ, наканунѣ балканской войны, нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ ошибочно полагалъ, что «Европа нашла себя»: въ сущности теперь, какъ и тогда, имѣются по меньшей мѣрѣ двѣ Европы, значительно расходящіяся между собою въ своихъ цѣляхъ и стремленіяхъ. Иногда онѣ рѣзко становятся одна противъ другой, въ видѣ двухъ военныхъ лагерей, ожидающихъ только сигнала для непріязненныхъ дѣйствій. Въ данномъ случаѣ трудно признавать серьезными тѣ военныя угрозы—не только словесныя, но и фактическія,—которыя вызываются вопросомъ о судьбѣ Албаніи и ея побережья. Самый взглядъ вѣнскаго кабинета на результаты балканской войны совершенно не раздѣляется той Европою, къ которой принадлежатъ Англія и Франція.

Британскій премьеръ, въ произнесенной имъ интересной рѣчи на банкетѣ лорда-мэра, 9-го ноября, формулировалъ свою мысль въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Нельзя уже возстановить то, что было прежде. Государственнымъ людямъ предстоитъ задача признать и принять совершившіеся факты. Когда Питтъ, пораженный вѣстью объ Аустерлицѣ, готовился умирать, онъ велѣлъ снять со стѣны висѣвшую предъ нимъ карту Европы. Но даже аустерлицкая кампанія не произвела перемѣнъ столь внезапныхъ и рѣшительныхъ, какъ тѣ, которыя въ теченіе послѣдняго мѣсяца совершены балканской федераціею. Карта восточной Европы должна быть сдѣлана вновь, и при этой работѣ многія идеи, предположенія, политическія правила, имѣвшія силу еще недавно, должны быть измѣнены и перестроены, или даже совсѣмъ выброшены за бортъ. Въ одномъ только общее мнѣніе Европы окажется, какъ я думаю, единодушнымъ,—что побѣдители не могутъ быть лишены плодовъ, добытыхъ ими такою дорогою цѣною». Это говоритъ, очевидно, не та Европа, которую олицетворяетъ Австро-Венгрія.

Прямо противоположнымъ духомъ проникнута рѣчь авторитетнаго представителя другой Европы, австро-германской—фонъ-Бетманъ-Голльвега. Въ засѣданіи имперскаго сейма 2-го декабря (нов. ст.), германскій канцлеръ кратко и ясно изложилъ ту идею, что право силы является высшимъ руководящимъ началомъ международной политики и что менѣе сильныя націи должны безусловно подчиняться болѣе сильнымъ. Кровавыя побѣды балканскихъ государствъ принесутъ имъ только тѣ плоды, которые найдутъ возможнымъ предоставить имъ великія державы. «Если при этомъ возникнутъ неразрѣшимыя противорѣчія, то отъ непосредственно заинтересованной державы будетъ зависѣть отстоять свои требованія.

Это—продолжалъ канцлеръ—примѣнимо и къ нашимъ союзникамъ. Но если при осуществленіи своихъ интересовъ они, вопреки всякому ожиданію, подверглись бы съ третьей стороны нападенію и ихъ существованію угрожала бы опасность, тогда, вѣрные нашему союзному долгу, мы обязаны были бы твердо и рѣшительно встать на ихъ сторону, и тогда мы сражались бы вмѣстѣ съ нашими союзниками для сохраненія нашего собственнаго положенія въ Европѣ, для защиты нашей собственной будущности и безопасности».

Другими словами, Австро-Венгріи обезпечена полная свобода дѣйствій относительно сербовъ: если она не убѣдитъ ихъ добровольно отказаться отъ занятаго ими Дураццо, то можетъ прибѣгнуть къ оружію, и никто не въ правѣ будетъ вмѣшиваться въ эту новую неравную борьбу, могущую угрожать самому существованію Сербіи; если же за Сербію заступится Россія, то это будетъ сочтено за нападеніе на Австро-Венгрію, и такое заступничество будетъ признано угрозою не только для существованія монархіи Габсбурговъ, но и для положенія ея союзницы въ Европѣ, для всей будущности и безопасности Германіи. Тогда Германія будетъ сражаться противъ Россіи, и вѣрная своему союзному долгу Франція вынуждена будетъ въ свою очередь напасть на Германію; въ силу соглашенія съ Франціей выступитъ противъ Германіи и Англія. И всѣ эти невѣроятные ужасы посыплются на Европу для нагляднаго доказательства мудраго миролюбія германскихъ правителей! Спокойная увѣренность, съ какою подобныя мысли излагаются публично и оффиціально отъ имени одной изъ самыхъ культурныхъ націй міра, производитъ впечатлѣніе какого-то тупого, нелѣпаго кошмара. Цѣль такихъ манифестацій, впрочемъ, не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній. Дѣло идетъ о томъ, чтобы пугать всеобщею войною иностранные кабинеты, несогласные подчиняться произвольнымъ требованіямъ Австро-Венгріи и высокомѣрнымъ угрозамъ Германіи. Но часто повторяемыя угрозы теряютъ свою силу, и только самая возможность ихъ смущаетъ общественное мнѣніе современной демократической Европы.

ИЗЪ БАЗЕЛЯ.

Надъ главнымъ порталомъ стараго базельскаго мюнстера—двѣ башни: св. Георга и св. Мартина. Внизу каждой башни, повыше портала, до сихъ поръ красуется конная статуя патрона башни: ихъ пощадилъ священный гнѣвъ иконоборцевъ Реформаціи.

Св. Георгъ особенно хорошъ въ своемъ родѣ. Чтобы его конь могъ удержаться въ равновѣсіи на своемъ каменномъ цоколѣ, подъ поднятое конское копыто заботливо подставленъ каменный столбикъ; длинное копье въ десницѣ святого протянуто къ другому цоколю, пониже, гдѣ въ довольно спокойной позѣ сидитъ совсѣмъ не страшный драконъ, этакъ величиною съ собачку. Драконъ старательно раскрываетъ пасть, чтобы дать мѣсто убивающему его копью. Наивное спокойствіе всей группы вызываетъ улыбку. Въ доброе готическое время вѣра довольствовалась схемой, идеей боя, испытывая и ужасъ, и радость по случаю побѣды добрыхъ силъ.

Мюнстеръ—отнюдь не такая пышная архитектурная поэма изъ колонокъ, арокъ и башенокъ, какъ св. Стефанъ въ Вѣнѣ или Миланскій бѣломраморный соборъ. Здѣсь нѣтъ этого экстаза, этого крылатаго порыва готическихъ стрѣлокъ excelsius, excelsius, этихъ безчисленныхъ завитковъ, тающихъ передъ нашими глазами гдѣ-то въ небесахъ. Здѣшній Мюнстеръ—дѣтище болѣе древней готики, простой и суровой, съ чисто базельскимъ, старо-нѣмецкимъ «акцентомъ». Повсюду въ городѣ вы находите въ старинныхъ домахъ такіе же нарочито расширенные внизу фасады, такіе же, неуклюжими скачками сбѣгающіеся кверху контуры. И Мюнстеръ на своей обрывистой площадкѣ—т. наз. Пфальцѣ—надъ быстрыми струями зеленаго Рейна, кажется, поэтому, какимъ-то кряжистымъ, ширококостнымъ старо-нѣмецкимъ великаномъ. Тѣло его построено изъ темно-краснаго песчаника. Крыша его—будто изъ дѣтской сказки: вся изъ ярко расписныхъ пряничковъ, зеленыхъ, золоченыхъ съ красными павлиньими глазками. Такія же крыши съ глазками вы найдете у многихъ часовенокъ и фигурныхъ фонтановъ на базельскихъ площадяхъ.

Эта-то feste Burg протестантская и дала пріютъ международному соціалистическому конгрессу, экстренно созванному для про-

тиводѣйствія войнѣ. Многіе пожимаютъ плечами, удивляясь непонятной выходкѣ базельскихъ пасторовъ. Отдать соборъ — кому? завѣдомымъ атеистамъ, врагамъ порядка и собственности, проповѣдникамъ разрушительныхъ доктринъ, сѣятелямъ классовой ненависти!... Но на самомъ дѣлѣ базельскіе пасторы, конечно, очень хорошо знали, что дѣлали, и сдѣлать это побудили ихъ, помимо христіанскихъ чувствъ, и самыя земныя соображенія. Правда, вѣра—вѣрой и атеизмъ—атеизмомъ, но... и въ соборахъ многое мѣняется, какъ всюду на свѣтѣ. Словомъ, въ родѣ того, какъ говорится у Гейне въ «Альманзорѣ»:

In dem Dome zu Corďova
Stehen Säülen dreizehnhundert,
Dreizehnhundert Riesensäulen
Tragen die gewalt'ge Kuppel...
Doch hat vieles sich verwandelt
In der Zeiten dunkelm Strudel.

Базельскіе пасторы увидѣли въ интернаціональной рабочей организаціи добрую *силу*, едва ли не единственную на землѣ силу, направленную, какъ копье св. Георга, въ дракона войны. Базельскіе пасторы потеряли наивную вѣру, которую раздѣляли ранѣе со всѣмъ почти свѣтомъ, вѣру—въ чудесныя свойства профессіональной дипломатіи, которая-де всегда готова и способна обезпечить намъ миръ. Они вѣдь швейцарцы, а швейцарцы вообще весьма мало довѣряютъ всякой бюрократіи, въ томъ числѣ дипломатической. А за послѣдніе годы они могли убѣдиться многократно, что если что-либо постоянно куется въ кузницахъ дипломатіи, то никакъ не миръ, а скорѣе война. Неотвязный кошмаръ войны нависъ въ наши дни надъ всею Европою, и ни правительства, ни господствующія въ парламентахъ и въ странахъ группы не даютъ ни малѣйшей гарантіи за завтрашній день. И эта горящая подъ ногами почва особенно чувствительна въ маленькой Швейцаріи, изъ всей же Швейцаріи, можетъ быть, всего чувствительнѣе именно въ Базелѣ. Базель вѣдь лежитъ какъ разъ почти у границы Франціи съ Германіей, и въ случаѣ наступленія кошмарной общеевропейской войны его территорія первая могла бы стать театромъ военныхъ дѣйствій; ибо никто не сомнѣвается здѣсь, что большіе сосѣди ни одной минуты не станутъ стѣсняться «нейтралитетомъ» Швейцаріи. Чтобы обойти рядъ крѣпостей противника, германцы (и французы), безъ всякаго сомнѣнія, преспокойно направятся черезъ швейцарскую территорію. Здѣсь даже лѣтній дружескій визитъ Вильгельма II приписываютъ желанію

«ревизовать» лично, насколько сильное препятствіе (а то и содѣйствіе?) въ случаѣ войны могли бы оказать швейцарскіе полки.

Страшно надвинувшаяся угроза войны, боязнь высоко культурныхъ базельцевъ за разрушеніе своей вѣками созидавшейся культуры, боязнь какъ бы и имъ самимъ, да пожалуй и ихъ Мюнстеру не пришлось пойти на пушечное мясо,—все это, вѣроятно, и побудило пасторовъ искать прибѣжища у «безбожниковъ» и враговъ порядка. Кромѣ этихъ послѣднихъ, сейчасъ въ цѣломъ мірѣ оказывается слишкомъ мало рѣшительныхъ, до конца послѣдовательныхъ борцовъ за миръ, притомъ такихъ борцовъ, которые бы представляли и ощутительную по размѣрамъ, физическую силу.

Бываютъ въ исторіи такіе видимые парадоксы, такая игра китайскихъ тѣней.

Повторяю, только реальныя обстоятельства могли привести къ столь неожиданному «притупленію противорѣчій». Правда, многія французскія газеты съ насмѣшкой отнеслись къ базельскому «легковѣрію» и къ «крикамъ соціалистовъ» о предстоящихъ бѣдствіяхъ. Соціалисты-де просто ищутъ легкаго способа прослыть апостолами мира, когда въ дѣйствительности ему ничто не угрожаетъ. И дипломатія полна мирныхъ намѣреній, да и европейская война въ XX вѣкѣ—абсурдъ: ея расходы и разстройство всѣхъ дѣлъ изъ-за нея были бы такъ колоссальны, что никто не рѣшится... (статьи газеты «Temps»). Французскія газеты забывали, однако, то и дѣло повторяющіеся за послѣдніе годы острые конфликты державъ и ту пугающую безцеремонность, съ какою хотя бы Италія напала на Турцію. Значитъ, это можетъ быть... Сверхъ того, если правительства въ наше время и отступили бы передъ рискомъ войны, то стоящіе за ними могущественные интересы, направленные къ захвату колоній, къ расширенію рынковъ, въ азартѣ слѣпой конкурренціи готовы на все. Конкурренція безпощадная, безоглядная—царь нашего времени. Правительства—ея часто слишкомъ покорные слуги.

Какъ хотите, есть что-то символическое въ этомъ наполненіи старыхъ мѣховъ Мюнстера виномъ новымъ. Этотъ соборъ, между Рыцарской улицей съ одной стороны и епископскимъ замкомъ съ другой, много перевидалъ за тысячу лѣтъ своего существованія. Видѣлъ драчливыхъ императоровъ Священной имперіи и князей-епископовъ, видѣлъ мирнаго гуманиста Эразма и боевого иконоборца Эколампадіуса (оба похоронены въ соборѣ). И Богъ знаетъ, чего еще будутъ свидѣтелями его вѣрные оруженосцы св. Георгъ и св. Мартинъ потомъ, послѣ насъ. Не увидятъ ли они,

пожалуй, чуда превращенія мечей въ плуги? чуда очеловѣченія, наконецъ, звѣря-человѣка?

Извиняюсь: такія мечты сами собою бродили въ головѣ на собраніяхъ мирнаго конгресса. Надо, впрочемъ, сказать, что его «будничныя» совѣщанія происходили, конечно, не въ соборѣ а въ такъ называемой Burgvogtei, залѣ собраній, принадлежащемъ базельскому правительству. Это тоже своего рода символъ. Зданіе Burgvogtei расположено на фабричной, слѣдовательно пролетарской сторонѣ Рейна, въ маломъ Базелѣ. Это—обширное кафэ, съ театромъ, садомъ и богатой читальней для рабочихъ. Вообще, Базель внушаетъ удивленіе распространеніемъ культуры въ массахъ. На каждомъ шагу—музеи, библіотеки, читальни, куда настойчиво приглашаютъ прохожихъ афиши на каждомъ углу: «идите въ читальню, помѣщеніе тамъ теплое, свѣтлое, удобное, открыто съ утра до вечера». Залъ Burgvogtei, правда тѣсноватъ для большого собранія, но болѣе обширнаго найти не удалось въ виду крайней экстренности созванія конгресса. Всѣ комиссіи конгресса не вмѣстились здѣсь, и для нихъ заняли сосѣднюю школу при церкви св. Клары. Не знаю, куда дѣвали школьниковъ.

Войдемте въ собраніе въ моментъ начала конгресса, въ воскресенье утромъ, 24 ноября н. с.

Пройдя ворота, садъ и вестибюль и предъявивъ нѣсколько разъ свою входную корреспондентскую карту, попадаю сразу въ людскую тѣсноту и табачный туманъ. Длинный, красный залъ весь биткомъ набитъ человѣческими головами сѣверныхъ, средне-европейскихъ, южныхъ типовъ, упорныхъ германскихъ, пламенныхъ романскихъ, нѣсколько расплывчатыхъ славянскихъ лицъ. Надъ головами торчатъ ряды бѣлыхъ плакатовъ съ надписями: Schweiz, Böhmen, Oesterreich, Ungarn, Polen, Russland, Dänemark, Portugal, Spanien, Italien, Rumämien, Deutschland и проч. Deutschland занимаетъ позицію въ серединѣ залы. Слѣва у колоннъ—надпись по-англійски: Great-Britain. Справа, — по-французски: France. Въ другомъ концѣ зала, на сценѣ (здѣсь, очевидно, бываютъ спектакли) за поперечными столами помѣщаются: у рампы—Интернаціональное бюро, у задней декораціи—совѣтъ Интернаціонала. Все больше сѣдыя, старыя головы, между которыми выдѣляются только рѣзкій профиль брюнета Гаазе (Германія) и характерная, курчавая шевелюра секретаря Бюро Камилла Гюисманса съ огромнымъ лбомъ и молодымъ, почти безусымъ лицомъ; лицо это съ перваго взгляда можно было бы принять за лицо русскаго студента-революціонера. Кулисы сцены изображаютъ зеленую березовую рощу, а на заднемъ планѣ—

Альпійскіе ледники. Надъ сценой бѣлая надпись на красномъ фонѣ: «Krieg dem Kriege, Guerre à le guerre, War against war. На стѣнахъ гербы кантоновъ, въ перемежку съ красными знаменами рабочихъ союзовъ. Рабочіе союзы съѣхались не только изъ Цюриха и Берна, но изъ Эльзаса и Бадена. Между знаменъ, какъ водится, скромные портреты Маркса, Энгельса и Лассаля. На хорахъ публика, что называется, другъ на дружкѣ сидитъ.

Иду за колонны, въ мѣста для прессы. Здѣсь тоже непролазная тѣснота. Такъ какъ я задержался въ городѣ съ осмотромъ базельской старины, то остаюсь безъ стула и становлюсь на ступенькахъ, спускающихся къ боковому выходу. Корреспонденты и стенографы всѣхъ странъ приготовились къ военнымъ дѣйствіямъ.

Засѣданіе еще не открылось; чего-то ждутъ. По залѣ проносится, какъ вѣтеръ, волненіе; затѣмъ буря аплодисментовъ: «Бебель»... Медленно проталкивается маленькій человѣкъ съ непокорными, сѣдыми вихрами, будто крылья бѣлой птицы, съ тонкими, сжатыми губами. Впереди и позади, какъ бы охраняя, его нѣмецкіе соратники. Потихоньку старичекъ всходитъ на сцену и тамъ располагается сзади всѣхъ, совсѣмъ закрытый отъ нашихъ любопытныхъ глазъ солидными фигурами Ансееле, Молькенбурга, Вальяна. Вотъ онъ—Мольтке Интернаціонала.

Горячо встрѣчаютъ еще Жореса и Адлера (Австрія). Затѣмъ, кантональный директоръ (министръ) внутреннихъ дѣлъ Вулльшлегеръ открываетъ собраніе привѣтственной рѣчью, сіяющей улыбкой и торжественнымъ адресомъ конгрессу отъ базельскаго правительства. Удивительное, право, это крохотное правительство. Оно не менѣе удивительно, чѣмъ христіанская церковь Базеля. Въ составъ этого правительства входятъ два соціалиста, которые преимущественно и заботились о пріемѣ конгресса. Соціалистъ Блохеръ—не только членъ правительства: онъ его выборный президентъ и притомъ исполняетъ функціи — страшно вымолвить — директора департамента полиціи. На нашъ слухъ эти созвучія парадоксальны—но въ Базелѣ министръ Блохеръ представляетъ собою весьма безобидную фигуру бородатаго «товарища». Его подчиненные—пѣшіе и конные городовые,—изо всѣхъ силъ старались расчищать дорогу «анти-милитаристскому» кортежу, направлявшемуся въ соборъ.

А другой членъ правительства — Вулльшлегеръ — старинный предсѣдатель швейцарскаго рабочаго союза Грютли. Его привѣтливость, и его лысина, можно сказать, освѣщали мягкимъ свѣтомъ залъ собраній. Впрочемъ и положеніе этихъ соціалистовъ внутри правительства существенно иное, чѣмъ было бы въ странахъ парламентскихъ министерствъ. Выбираются они непосредственно народомъ,

по системѣ пропорціональнаго представительства, и отнюдь не имѣютъ обязательства механически подчиняться большинству. Въ силу этого, напр., президентъ Блохеръ въ августѣ отказался встрѣчать Вильгельма II, уступивъ эту честь вице-президенту.

Не надо думать, что ближайшіе участники конгресса предавались золотымъ грезамъ о вѣчномъ мирѣ, о разоруженіи человѣчества. Прорывались, правда, у иныхъ ораторовъ искорки краснорѣчія, въ родѣ «Соединенныхъ Штатовъ Европы»; но главный грузъ рѣчей состоялъ изъ трезвыхъ, ближайшаго характера соображеній относительно даннаго момента: какъ отразить нависшую грозовую тучу европейской войны? какъ сдѣлать, чтобы пожаръ на Балканахъ не перешелъ далеко за балканскіе предѣлы? И въ духотѣ, и въ табачномъ дыму многолюднаго собранія я ясно ощущалъ присутствіе какъ бы притихшей и насторожившейся общей души всѣхъ этихъ людей съ разныхъ концовъ Европы. Лица вождей наверху, на сценѣ, были суровы и рѣшительны, какъ въ критическія минуты жизни, и особенно лицо Бебеля. Меня поражала тяжкая морщина между его бровей и выраженіе какого-то печальнаго укора въ утомленныхъ жизнью, умныхъ глазахъ. Одного я только не видалъ въ чертахъ его: призыва къ враждѣ между людьми. Много сдержанной страсти кипѣло въ рѣчахъ иныхъ ораторовъ — Жореса, Кэйръ-Гарди; но въ то же время добровольная дисциплина молча сжимала собраніе и казалась прямымъ отраженіемъ дисциплины милліонныхъ массъ, здѣсь представленныхъ—фактъ, мимо котораго врядъ ли пройдутъ съ улыбкой пренебреженія даже и безпечные наблюдатели.

Благодаря дисциплинѣ, въ собраніи было совершенно избѣгнуто столкновеніе весьма расходящихся сейчасъ въ разныхъ странахъ взглядовъ на средства, на тактику въ войнѣ противъ войны. Во Франціи, съ ея далеко не совершенной организованностью рабочихъ массъ, получила преобладаніе тактика какъ разъ наиболѣе «революціонная». На французскомъ партійномъ съѣздѣ, непосредственно предшествовавшемъ Базельскому конгрессу, порѣшили: требовать всеобщей стачки въ случаѣ войны, а затѣмъ—и возстанія. Въ Англіи, странѣ массовыхъ стачекъ по преимуществу, держатся, отчасти, тоже этого воззрѣнія (его представлялъ въ Базелѣ Кэйръ-Гарди). Но основное ядро Интернаціонала, соціалъ-демократія нѣмецкихъ странъ—Германіи, Австріи, Швейцаріи—воспротивилась, какъ и ранѣе, этой тактикѣ. Нѣмецкая тактика не прибѣгаетъ въ видѣ *перваго* аргумента передъ «правительствующими классами» сразу же къ *послѣднему* средству. Въ нѣмецкомъ арсеналѣ всегда имѣется большое богатство «всѣхъ родовъ оружія», отъ менѣе сильныхъ до самыхъ сильно-

дѣйствующихъ. И главнымъ оружіемъ нѣмцевъ, которому они обязаны всѣми успѣхами своей колоссальной мирной арміи пролетаріевъ, было всегда болѣе или менѣе корректное обращеніе къ уму, лучше сказать—къ разсчету власть имущихъ. Еще Лассаль сказалъ, что у прусскихъ—какъ и у прочихъ—правителей сила не въ теоріяхъ, а въ практикѣ: они хорошо умѣютъ цѣнить и взвѣшивать реальныя силы на шахматномъ полѣ политики. И вотъ, типичные нѣмецкіе революціонеры, типа Бебеля, исполнивъ очередную часть своей агитаціонной задачи въ массахъ, собравъ въ одно ихъ силы, обращаются затѣмъ наверхъ съ мирнымъ, но твердымъ увѣщаніемъ: «видите ли, сколько насъ? видите ли, что всѣ мы, по первому мановенію, двинемся всюду, куда потребуетъ наша судьба? дайте же дорогу нашимъ требованіямъ!» И реально-разсчетливые слушатели не разъ давали дорогу.

Нѣмецкая тактика неотразимо одержала верхъ и въ Базелѣ. Французы, несмотря на численный перевѣсъ, молча отступили. Чувство «трагической минуты» (выраженіе Жореса), минуты, какъ всѣ сознавали, требующей максимума единства, заставило ихъ пойти за Бебелемъ.

Впрочемъ, всѣ эти перипетіи, въ главномъ, происходили внѣ большого собранія, тамъ, въ школѣ св. Клары. Здѣсь же мы видѣли лишь слегка ропщущую дисциплину 120 французовъ, да слышали еще тихіе упреки стараго коммунара Вальяна. Его водятъ уже подъ руки, но, вступивъ на каѳедру, онъ упрекалъ собраніе за отказъ отъ возстанія.

Въ красномъ залѣ дѣло прошло для зрителя «какъ по нотамъ». Излагались точки зрѣнія отдѣльныхъ секцій, читались, напримѣръ, коллективныя заявленія отъ «малыхъ странъ», т. е. скандинавскихъ государствъ, Голландіи, Бельгіи, Швейцаріи; но всѣ рѣчи оканчивались однимъ и тѣмъ же: «малыя страны присоединяются... Италія присоединяется... Богемія присоединяется...» Въ результатѣ,—единогласно принятый «манифестъ» конгресса.

Голосованіе манифеста было особо торжественно. «Встаньте!—сказалъ предсѣдатель конгресса, швейцарецъ Грейлихъ; — это историческій моментъ». И, выпрямившись и выждавъ паузу, провозгласилъ громко и съ разстановкой: «Кто за манифестъ, поднимите руку». Всѣ подняли руки. Тогда Грейлихъ сказалъ прочувствованное слово о великой отвѣтственности, ложащейся на представителей пролетаріата. И, правду сказать, если кто имѣлъ право говорить о сознаніи этой отвѣтственности, то, конечно, онъ. Передъ самымъ конгрессомъ, на партійномъ съѣздѣ въ Невшателѣ, ему пришлось вынести на своихъ согбенныхъ плечахъ сильнѣйшую

атаку болѣе молодыхъ и нетерпѣливыхъ товарищей, призывавшихъ, какъ и французы, къ панацеѣ всеобщей стачки. Онъ упорно отрицалъ ея безусловную цѣнность. Болѣе того: онъ звалъ рабочихъ, въ случаѣ войны между большими державами, «идти на границу» силой оружія защищать швейцарскую демократію и общую драгоцѣнность—культуру—противъ вандализма тяжело вооруженныхъ сосѣдей.

Излагать содержаніе манифеста не стану; оно извѣстно изъ газетъ. Укажу лишь его практическій центръ тяжести. Манифестъ отнюдь не содержитъ угрозъ правительствамъ и призывовъ къ крайнимъ средствамъ со стороны массъ. Онъ лишь весьма сдержанно «предупреждаетъ» власть имущихъ на счетъ рѣшительнаго отвращенія организованнаго пролетаріата всѣхъ странъ къ братоубійственной войнѣ. Указывая возможность разрѣшенія полюбовнымъ путемъ и балканскаго, и всѣхъ другихъ международныхъ вопросовъ въ отдѣльности, манифестъ только ставитъ властителей современной Европы лицомъ къ лицу съ наглядной несообразностью: съ почти полной практической немыслимостью осуществить войну, когда значительныя массы пролетаріевъ войнѣ сознательно враждебны. Манифестъ апеллируетъ не къ физическимъ доводамъ, не къ терроризированію правительствъ, а къ ихъ благоразумію, къ здравому смыслу, наконецъ, къ ихъ чувству самосохраненія. Онъ не зоветъ рабочихъ массъ къ мѣрамъ отчаянія, но совѣтуетъ правительствамъ не доводить массы до отчаянія.

«А теперь—слово Бебелю»,—закончилъ Грейлихъ. По залѣ опять будто вѣтеръ пролетѣлъ. Мы такъ всѣ ждали этого гвоздя конгресса, и дождались только въ концѣ. Причина та, что ему слишкомъ много пришлось уже говорить въ комиссіи. Въ комиссіи же было должно быть жарковато, ибо нѣкоторые изъ ея членовъ, особенно Адлеръ, подъ конецъ третьяго дня ея засѣданій окончательно лишились голоса. На Адлера, желтаго и больного, жалко было глядѣть.

Бебель впрочемъ и тутъ сказалъ лишь два слова. Онъ благодарилъ за гостепріимство Швейцарію, Базель, его правительство и его безпримѣрный церковный совѣтъ. Особенно замѣчательнымъ казалось Бебелю, что кортежъ Интернаціонала сопровождался трезвономъ съ башенъ Мюнстера—«какъ встрѣчали нѣкогда епископовъ и папу». Голосъ Бебеля слабоватъ, но выразительность его простой рѣчи все прежняя.

А Мюнстеръ, и вправду, показалъ себя въ эти дни. Сколько его сверстниковъ по разнымъ угламъ міра лежатъ уже въ обломкахъ—добыча плюща, пріютъ летучихъ мышей, а онъ... Еще въ воскресенье утромъ влеченье къ старинѣ, занесло меня въ Мюнстеръ. Я осматривалъ интересный его Kreuzgang, крытую галлерею вокругъ зеле-

наго внутренняго двора. Довольно долго бродилъ я подъ низкими сводами, глядя на каменныя скамьи у стѣнъ и на подоконники, стертые временемъ. На подоконникахъ, изъ одного съ ними куска песчаника, прихотливою рукою мастера изваяны фигурки какихъ-то звѣрей, птицъ. Благочестивые прихожане встарь, съѣзжаясь на зарѣ изъ деревень, дожидались на скамьяхъ службы и забавляли своихъ ребятъ фигурками. Я поднимался въ просторный залъ совѣта. Тутъ тоже засѣдалъ нѣкогда конгрессъ, въ эпоху гусситскихъ войнъ, только конгрессъ князей духовныхъ и свѣтскихъ. Онъ судилъ и рядилъ, какъ удержать начавшійся развалъ католическаго міра. Засѣдали 17 лѣтъ, смѣщали папъ, которые слали конгрессу отлученія, назначали новыхъ папъ... Не помогло! Менѣе, чѣмъ черезъ 100 лѣтъ Базель и его соборъ были навсегда потеряны для католичества.

Меня вернулъ къ дѣйствительности звукъ органа и гимновъ въ соборѣ. Я пошелъ и въ соборъ. Только что началъ говорить проповѣдь главный пасторъ, какъ я узналъ потомъ—сильнѣйшій сперва противникъ допущенія сюда соціалистовъ. Говорилъ онъ о мирѣ и о соціалистахъ. Рекомендовалъ прихожанамъ предстоящій сегодня митингъ, громилъ народныхъ владыкъ за нарушеніе заповѣди любви Христовой и заявлялъ, что весь церковный совѣтъ присоединяется къ тѣмъ, кто нашелъ въ себѣ смѣлость воспротивиться демону войны.

Давненько я не слушалъ церковныхъ проповѣдей, а эта, признаюсь, меня глубоко заинтересовала. Тексты Ветхаго завѣта, тексты Евангелія... У пророка Исаіи сказано (гл. 57, ст. 19): Я хочу плодъ принести устамъ, проповѣдующимъ миръ, миръ и для тѣхъ, что вдали, и для тѣхъ, что вблизи; такъ говоритъ Господь и хочетъ ихъ исцѣлить». «Блаженны миротворцы»... «блаженны кроткіе»... На канвѣ этихъ текстовъ черный пасторъ вышиваетъ узоры балканскихъ ужасовъ, прибавляя: Іисусъ нигдѣ не говорилъ: «Будьте жестоки, какъ звѣри», нигдѣ не повелѣвалъ гнаться за славой, какую приноситъ побѣдоносная битва. «Долой оружіе!» повторяемъ мы за баронессой Зутнеръ, рисующей намъ ужасы битвъ при Сольферино и Кениггрецѣ. Война войнѣ, во имя несчастныхъ! Мы требуемъ всеобщаго мира, въ формѣ мирнаго союза, обнимающаго всѣ народы»... И о причинахъ войнъ—преступной жадности капиталистовъ, маніи величія владыкъ—проповѣдникъ говорилъ едва ли не сильнѣй всѣхъ соціалистовъ на конгрессѣ. И о крушеніи надеждъ всѣхъ народовъ на Гаагскія конференціи правительствъ—съ негодованіемъ долго вѣрившаго и надѣявшагося. На вопросъ, откуда же ждать всеобщаго мира, онъ отвѣчалъ: «Подобно тому, какъ въ царствѣ природы въ началѣ весны соки въ растеніяхъ под-

нимаются снизу верхъ, такъ и въ царствѣ духа остается вѣрнымъ слово: *снизу вверхъ*. Вѣдь и Іисусъ былъ сынъ плотника.

Необыкновенный проповѣдникъ! Замѣчательный соборъ! Я оглядывался по сторонамъ на толстыя колонны, очень похожія на слоновьи ноги, поднималъ взглядъ къ высокимъ сводамъ главнаго нефа и повторялъ про себя «Von unten herauf!»

Въ тотъ же день послѣ обѣда я стоялъ въ густой толпѣ на Среднемъ мосту черезъ Рейнъ и наблюдалъ кортежъ рабочихъ организацій, направлявшійся въ Мюнстеръ. Я уже привыкъ къ милому декоративному искусству, съ какимъ швейцарцы устраиваютъ свои кортежи. Но здѣсь были и свои собственныя, базельскія черточки. Такъ, колесницѣ Мира (дѣвица въ бѣломъ, съ трубой въ рукѣ, и дѣвочки съ пальмами) предшествовала цѣлая кавалькада герольдовъ и знаменщиковъ на велосипедахъ — велосипедный рабочій союзъ. Всѣ они были въ обыкновенныхъ пиджакахъ и фетровыхъ шляпахъ, или котелкахъ, но на груди и рукахъ было еще одѣто что-то вродѣ кожаной кирасы, а на шляпахъ развѣвались страусовыя перья, красныя, бѣлыя съ краснымъ, черныя съ краснымъ. Велосипедисты очень искусно, съ нарочитой медленностью подвигались впередъ и, несмотря на довольно комичную смѣсь одеждъ, нѣкоторые изъ нихъ до того напоминали своими мощно развитыми скулами и челюстями старинныхъ героическихъ швейцарцевъ съ картинъ Годлера, что комичность вовсе исчезала. Вспоминался нѣкій Гансъ Медвѣдь (Bär), портретъ котораго написанъ на ратушѣ Базеля, на огромной ея красной башнѣ, во весь ростъ этой башни, съ надписью: «Спасъ знамя Базеля въ битвѣ при Мариньяно и палъ смертью героя».

Всѣ 20.000 участниковъ кортежа не могли, конечно, помѣститься въ соборѣ. Большая часть, несмотря на холодъ, осталась на соборной площади, гдѣ состоялось 4 отдѣльныхъ митинга. Внутри собора, на скамьяхъ, размѣстилось тысячъ пять, и съ той же высокой каѳедры, откуда утромъ проповѣдывалъ пасторъ, раздавались теперь рѣчи Гаазе, Жореса, Кэйръ-Гарди, Адлера, Грейлиха, болгарина Саказова и поляка Дашинскаго. Всѣмъ церемоніаломъ митинга распоряжался министръ—«товарищъ» Блохеръ.

Непережитое еще ни разу ощущеніе сопровождало для меня этотъ митингъ: ощущеніе сна наяву. Длинное ожерелье газовыхъ огней подъ сводами собора странно и скупо освѣщало сѣрую громаду. Въ этомъ свѣтѣ я готовъ былъ принимать за обманъ глазъ эти слишкомъ обыкновенные, наскоро напечатанные плакаты надъ скамьями у хоръ, на мѣстѣ, гдѣ возвышался прежде католическій алтарь. Плакаты гласили: Regierungsrath, Kirchenrath.

Сзади насъ, за слоновьими ногами колоннъ, въ боковемъ притворѣ, еще плакаты: Grosser Rath, Bürgerrath, Synod. А рядомъ чьи-то гробницы: не трехъ ли Габсбурговъ, погребенныхъ здѣсь? Представители Базельской церкви, правительства, парламента и городской думы—почти всѣ здѣсь налицо. Какъ сквозь сонъ, слышалъ я и гнѣвные звуки органа и его нѣжное, какъ голоса маленькихъ ангеловъ пѣніе. Исполнялась фуга Баха на текстъ: «Чаю воскресенія мертвыхъ».

Берлинецъ Гаазе говорилъ дѣльно и конкретно, какъ своего рода министръ иностранныхъ дѣлъ Интернаціонала, о современной группировкѣ державъ и ихъ конфликтахъ, объ имперіализмѣ Германіи и Англіи и соперничествѣ ихъ, какъ несчастьѣ для всего человѣчества, наконецъ, о вполнѣ возможномъ ихъ союзѣ, какъ краеугольномъ камнѣ будущаго мира.

Французскій трибунъ Жоресъ былъ на каѳедрѣ живымъ воплощеніемъ трагическаго паѳоса, свойственнаго французскимъ поэтамъ, какъ В. Гюго или Э. Верхарнъ. Громадная фигура оратора въ страстномъ движеніи откидывалась назадъ, словно стараясь стряхнуть какую-то неимовѣрную, вѣковую ношу; это было воплощеніе пролетаріата, сталкивающаго съ груди міра кошмаръ войны. Крайне удивился я потомъ, удостовѣрившись вблизи, что ростъ Жореса не больше средняго. На каѳедрѣ же онъ казался богатыремъ.

Адлеръ, съ своимъ мягкимъ, даже застѣнчивымъ выраженіемъ и съ энергичнымъ жестомъ маленькой руки, и за нимъ Грейлихъ твердили о мирѣ, какъ о той необходимой средѣ, гдѣ только и можетъ жить, цвѣсти и приносить плоды наша культура, для которой война—смерть. Грейлиху совершенно непонятны ходячія мнѣнія, что нѣмецкая, напр., культура чуть ли не во враждѣ состоитъ съ французской. Въ дѣйствительности въ дѣлѣ человѣческой культуры существуетъ раздѣленіе труда и братскій обмѣнъ. Шиллеръ, Гёте, Кантъ — общая собственность. Но современная буржуазія отказалась отъ лучшихъ идей Гёте, Шиллера и Канта—Канта, автора трактата «О вѣчномъ мирѣ». Тѣмъ лучшей порукой за миръ служитъ фактъ наличности сильнаго пролетаріата именно въ центральной странѣ милитаризма—въ Германіи.

Есть что-то родственное у Грейлиха съ самимъ Мюнстеромъ. Такая же кряжистая, ширококостная внѣшность. Неловко скроенъ, крѣпко сшитъ этотъ выносливый пролетарій изъ Силезіи, съ юности ошвейцарившійся. И жестъ у него неуклюжій, простонародный: утирается въ разгаръ рѣчи оборотной стороною руки. Зато раскатистый басъ его, несмотря на его 70 лѣтъ, лучше всѣхъ другихъ ораторовъ приспособленъ къ размѣрамъ собора. Даже трубный го-

лосъ Жореса иногда дрожалъ, какъ струна, и Дашинскій сразу закашлялся, попробовавъ голосъ подъ сводами Мюнстера, а Грейлихъ говорилъ, точно въ своей комнатѣ.

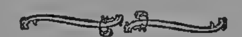
Дашинскій указалъ на вопіющую бѣду для поляковъ въ случаѣ войны Россіи съ Австріей и Германіей: полякамъ пришлось бы тогда стрѣлять въ поляковъ! Саказовъ, изображеніемъ страданій отъ войны, выпадающихъ на долю болгаръ-побѣдителей, старался отбить у слушателей охоту къ войнамъ.

Во время рѣчей ораторовъ словно волны моря гудѣли и бились въ ворота собора. То волновалась на площади толпа вокругъ другихъ ораторовъ.

Возможно, что первый въ своемъ родѣ союзъ традиціонныхъ учрежденій съ пролетаріатомъ, ищущимъ дороги къ миру, объясняется исключительными условіями внезапно нагрянувшей опасности войны и, кромѣ Базеля, мало гдѣ и когда повторится. Но вѣдь и то сказать: опасность войны въ наши дни стала чуть ли не хронической и скорѣе растетъ, чѣмъ уменьшается.

Кто знаетъ, можетъ быть, примѣръ Базеля и не останется безъ вліянія.

А. Дивильковскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— Л. Н. Толстой. Война и миръ. Подъ редакціей и съ примѣчаніями. П. И. Бирюкова. М., 1912.

Новое полное собраніе сочиненій Толстого (насколько при нашей «свободѣ печати» возможно «полное») выходитъ въ свѣтъ въ Москвѣ, подъ редакціей извѣстнаго толстовца, біографа Толстого, П. И. Бирюкова. Это—первое изданіе великаго художника, которое можетъ быть названо имѣющимъ хоть какую-либо редакцію, въ противоположность всѣмъ прежнимъ изданіямъ. Въ составъ его входятъ и четыре тома «Войны и мира», лежащіе предъ нами. Романъ изданъ весьма дешево, за 4 рубля, и что касается внѣшности—достаточно прилично. Въ приложеніяхъ помѣщено редакторомъ нѣкоторое число иногда весьма интересныхъ варіантовъ. Происхожденіе ихъ слѣдующее. Первыя двѣ части перваго тома печатались въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1865 и 66 гг., подъ заглавіемъ: «Ты-

сяча восемьсотъ пятый годъ». Г. Бирюковымъ возстановлены— не знаемъ, полностью ли, — иногда весьма крупныя сокращенія, сдѣланныя авторомъ въ журнальномъ текстѣ при изданіи имъ романа въ полномъ видѣ. Видно, какъ тщательно авторъ устранялъ подробности, замедлявшія темпъ и ходъ разсказа. Само по себѣ, выпущенное иногда полно настоящаго художественнаго интереса. Въ особенности это можно сказать о разсказѣ виконта въ салонѣ фрейлины Шереръ. Рѣчь идетъ о встрѣчѣ Бонапарта и герцога Энгіенскаго у актрисы Жоржъ, что и повело будто бы къ казни герцога. Разсказъ виконта блещетъ, какъ павлиній хвостъ, всею радугой пошлости: такъ характерно это объясненіе мелкою интригою и суевѣрнымъ вздоромъ крупныхъ историческихъ фактовъ. И слушатели, каждый по своему, рисуютъ себя и мѣру своего ума своими замѣчаніями и отношеніемъ къ разсказчику... Происхожденіе варіантовъ, приложенныхъ къ остальнымъ томамъ настоящаго изданія, нѣсколько иное. Въ Историческомъ Музеѣ, въ отдѣлѣ Чертковской библіотеки, сохранился экземпляръ корректуры перваго изданія романа въ полномъ его видѣ. По сообщенію редактора, этотъ экземпляръ авторской корректуры «Войны и мира» находится въ ужасномъ видѣ, представляя изъ себя массу обрѣзковъ корректурныхъ гранокъ, наклеенныхъ безо всякой послѣдовательности и порядка, такъ что извлечь удалось изо всего этого меньше крупныхъ и интересныхъ варіантовъ, чѣмъ то возможно было бы при другихъ обстоятельствахъ работы (повидимому, изданіе было сдѣлано спѣшно, чтобы поспѣть къ юбилею «Отечественной войны»). Но и за то, что извлечено, нельзя не выразить признательности редактору. Такъ близки, дороги и знакомы всѣ эти лица грандіозной эпопеи, что какъ о живыхъ и милыхъ сердцу радъ узнать о нихъ еще нѣчто, еще новыя подробности, мелкія и мимолетныя, но снова оживляющія знакомые образы. Къ сожалѣнію, редакторъ не указалъ, какой именно изъ печатныхъ текстовъ романа положенъ въ основу настоящаго новаго изданія.

— Щукинскій сборникъ. Выпускъ десятый. Изданіе отдѣленія Имп. Рос. Историческаго Музея имени Имп. Александра III—музея П. И. Щукина. М. 1912.

Настоящій выпускъ «щукинскаго сборника» является послѣднимъ вышедшимъ при жизни своего издателя и составителя, извѣстнаго московскаго коллекціонера историческихъ достопримѣчательностей, Петра Ивановича Щукина. Онъ скончался 12 октября текущаго года, а въ послѣднемъ выпускѣ своихъ сборниковъ по-

мѣстилъ свою автобіографію. Онъ родился 18 февраля 1853 г.; отецъ его, изъ купеческаго званія, былъ женатъ на родной сестрѣ Боткиныхъ, писателя Василія Петровича и Сергѣя Петровича, знаменитаго врача. Образованіе Щукинъ получилъ сначала дома у гувернантокъ, потомъ въ Выборгѣ въ нѣмецкой Бемской школѣ и въ Петербургѣ въ нѣмецкомъ же пансіонѣ Гирста. Послѣ пансіона Щукинъ готовился было въ высшее учебное заведеніе, при чемъ однимъ изъ его учителей былъ П. Е. Басистовъ, извѣстный педагогъ-словесникъ; но въ 1872-мъ году П. И. уѣхалъ съ отцемъ за границу и въ Берлинѣ занялся приготовленіемъ къ торговой дѣятельности, въ то же время находя время для слушанія лекцій выдающихся ученыхъ, напр. Гельмгольца, Вирхова и др. Затѣмъ онъ практически изучалъ тканье шелка и бархата, всего проведя за границей шесть лѣтъ. Тамъ же онъ началъ и коллекціонированіе книгъ, фотографій, потомъ гравюръ и т. п. Въ Москвѣ Щукинъ занялся торгово-промышленной дѣятельностью, по первѣйшимъ его духовнымъ интересомъ стало коллекціонированіе. Созданный имъ «Щукинскій музей», одно изъ высоко цѣнныхъ собраній предметовъ историческаго значенія, переданъ имъ московскому Историческому Музею. Воспоминанія Щукина представляютъ большой интересъ для любителя бытовой, быстро исчезающей старины Москвы и содержатъ много забавныхъ и характерныхъ черточекъ изъ жизни замѣчательныхъ московскихъ людей: достаточно назвать Боткиныхъ, Н. Х. Кетчера, П. В. Шумахера, Фета, Солдатенкова, д-ра Пикулина. Написаны воспоминанія далеко не литературно, съ перескакиваніями съ предмета на предметъ, что взбрело на память, даже напечатаны разбросанно, въ трехъ разныхъ мѣстахъ сборника, но прелестны въ своей непосредственности и капризности. Свои сборники покойный велъ тоже своеобразно. Почерпая безо всякой системы матеріалъ изъ собственныхъ богатыхъ собраній рукописей и писемъ, Щукинъ роскошно печаталъ ихъ въ хаотическомъ безпорядкѣ, отдавая въ наборъ, что подвернулось подъ руку—документы восемнадцатаго вѣка въ перемежку съ письмами конца XIX вѣка и т. п. Пользоваться его богатыми по содержанію сборниками довольно затруднительно, въ виду этой хаотичности и отсутствія указателей. Въ продажу сборники не поступали, печатались въ количествѣ 200 экземпляровъ, но издатель охотно разсылалъ ихъ въ библіотеки и людямъ серьезно занятымъ исторіей и исторіей литературы.

Какъ предыдущіе девять выпусковъ Щукинскаго сборника, и десятый содержитъ много цѣннаго матеріала для исторіи общественныхъ настроеній, для біографій выдающихся людей преимуще-

ственно середины и второй половины девятнадцатаго вѣка. Обращаютъ на себя вниманіе письма Т. Н. Грановскаго къ В. В. Григорьеву, до сихъ поръ извѣстныя только въ отрывкахъ. Бо́льшая часть ихъ относятся къ 1837 и 38 годамъ, времени пребыванія Грановскаго за границей, гдѣ онъ готовился къ каѳедрѣ въ московскомъ университетѣ. Письма, помимо внѣшнихъ подробностей, въ передачѣ которыхъ много свойственнаго Грановскому юмора, воскрешаютъ вполнѣ атмосферу приподнятаго философскаго и научнаго интереса, отличавшаго молодежь тридцатыхъ годовъ. Вскорѣ исполнится сто лѣтъ со дня рожденія Грановскаго и его друга Н. В. Станкевича (съ нимъ Грановскій жилъ въ Берлинѣ), и авторамъ обычныхъ поминальныхъ статей придется обратиться и къ этимъ письмамъ. Здѣсь мы находимъ, напр., такія характерныя признанія Грановскаго о вліяніи на него друга: «Я не легко и, признаюсь, не охотно поддаюсь чужому вліянію, но Станкевичъ имѣлъ на меня большое вліяніе, болѣе чѣмъ кто-нибудь послѣ моей матери. Онъ отучилъ меня отъ множества дурныхъ нравственныхъ привычекъ, и это только отрицательная часть его вліянія на меня. Онъ самъ не знаетъ, что для меня сдѣлалъ. Разъ я говорилъ о немъ съ Вердеромъ, профессоромъ философіи, у котораго мы слушали лекціи, и жаловался на лѣнь Станкевича. «Онъ такъ много можетъ сдѣлать и ничего не дѣлаетъ», сказалъ я. «А развѣ вы ни за что считаете, что онъ живетъ на свѣтѣ; самая жизнь такого человѣка уже есть хорошее дѣло», былъ отвѣтъ Вердера. И это истина! Въ немъ соединяются великія качества ума и сердца... его нельзя мѣрить тою мѣркою, какою я привыкъ мѣрить себя и другихъ». Письма Грановскаго отчасти характеризуютъ и его корреспондента, В. В. Григорьева, впослѣдствіи оріенталиста и реакціонера. Уже въ то время Грановскому приходилось отстаивать предъ пріятелемъ и право свободнаго изслѣдованія, и Гегеля, надъ которымъ тотъ, вслѣдъ за Сенковскимъ, не имѣя о философіи понятія, смѣялся.

Много мѣста занимаютъ въ сборникѣ письма изъ архива московскаго профессора И. К. Бабста (его имя почему-то скрыто подъ иниціалами то И. К., то Б.). Это—письмо Грановскаго, письма Н. П. Огарева (1854—55 годовъ), Ивана Аксакова, А. Афанасьева, К. Д. Кавелина, А. Корсакова, М. Г. Черняева. Письма Огарева касаются его промышленныхъ предпріятій, устроенныхъ съ цѣлью пересозданія быта крѣпостныхъ на новыхъ началахъ. Въ видахъ сближенія съ народомъ и изученія его, Огаревъ увлекался даже больницей и врачеваніемъ. Въ результатѣ всѣхъ увлеченій писчебумажная фабрика Огарева сгорѣла, и онъ остался при убѣжденіи, что ее сожгли сами рабочіе. «Странное дѣло, человѣкъ я добрый, никогда

не дрался и распоряжался тихо и скромно:—а подожгли! Ты спросишь—за что? Это очень мудрено сказать: за то ли, что я насколько возможно добивался отчетности и слѣдственно не давалъ случая красть, что рабочіе любили по привычкѣ и по охотѣ? За то ли именно, что я не дрался? Къ сожалѣнію, я смахиваю на послѣднее мнѣніе:

Le peuple, c'est la fille de taverne
Qui aime dans son amant le bras qui la gouverne.

«Результатомъ же всего этого, что потеря моя огромна, но что я дышу свободно и безконечно доволенъ, съ тѣхъ поръ какъ не вижу ни фабрики, ни конторщиковъ, ни ословъ, ни подлецовъ, съ которыми работать—родъ каторги». Разочарованія такого рода, какъ извѣстно, привели Огарева, подобно тому, что было въ тѣ же годы съ Львомъ Толстымъ и др., къ увѣренности, что помѣщикъ безсиленъ что-либо сдѣлать для крестьянъ, пока они остаются крѣпостными. Очень интересно письмо Кавелина, отъ 2 декабря (очевидно, 1857-го года). Письмо характеризуетъ мнительность кн. П. А. Вяземскаго, который, въ качествѣ управл. министерствомъ народнаго просвѣщенія, усмотрѣлъ въ статьѣ Бабста, говорившей о равной почтенности сословій, фурьеризмъ. То же письмо рисуетъ тогдашнюю тревогу Кавелина относительно началъ, на которыхъ будетъ осуществлена крестьянская реформа, въ тотъ моментъ только что поставленная на очередь. Не безъ основаній Кавелинъ опасался, что дѣло будетъ поведено въ интересахъ дворянства.

Любопытны также матеріалы изъ архива П. В. Шумахера, содержащіе стихи этого острослова, неизвѣстные широкой публикѣ, такъ какъ сборникъ его стихотвореній: «Для всякаго употребленія» былъ уничтоженъ по приговору суда въ 1872 г. Въ матеріалахъ находимъ, между прочимъ, крайне рѣзкую эпиграмму на Фета, начинающуюся словами: «Грошевикъ и экономъ, видитъ онъ во всемъ наживу»... Письма извѣстнаго этнографа С. В. Максимова къ декабристу Д. И. Завалишину рисуютъ безобразную цензуру, урѣзывавшую наблюденія и матеріалы, собранные неутомимымъ изслѣдователемъ въ Сибири. Нѣсколько коротенькихъ писемъ И. А. Гончарова касаются его кратковременнаго участія въ редакціи «Сѣверной Почты».

Можно пожелать, чтобы наслѣдникъ П. И. Щукина, московскій Историческій Музей, продолжалъ изданіе его замѣчательныхъ по содержанію сборниковъ, озаботившись составленіемъ указателей къ вышедшимъ уже томамъ и придавъ сборникамъ болѣе систематическій видъ.

— Баронъ А. И. Дельвигъ. Мои воспоминанія. Изд. Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ. 1912. Цѣна 2 рубля.

Баронъ Андрей Ивановичъ Дельвигъ (род. въ 1813 г., умеръ въ 1887 г.), скончавшійся сенаторомъ, былъ по образованію инженеромъ путей сообщенія, завѣдывалъ, между прочимъ, московскими водопроводными сооруженіями, служилъ на Кавказѣ и т. д. Сама по себѣ жизнь его мало замѣчательна, но онъ оставилъ въ наслѣдство московскому Публичному и Румянцевскому Музеямъ свои записки, вмѣстѣ со средствами на ихъ напечатаніе. Вышедшій теперь томъ обнимаетъ 1813-1842 годы. Написаны воспоминанія довольно утомительно, съ массой подробностей о людяхъ близкихъ автору, но мало интересныхъ. Не проявляетъ авторъ и той чуткости къ бытовымъ особенностямъ русской жизни, которая иногда дѣлаетъ живыми и интересными мемуары и мало замѣчательныхъ людей. Нѣтъ, наконецъ, и намека на воспроизведеніе психологіи минувшаго. Сравнительно немногое привлекаетъ вниманіе. Племянникъ поэта А. А. Дельвига, А. И. Дельвигъ въ самые юные годы входилъ въ кружокъ своего дяди, и вторая глава содержитъ весьма много мелочей о Дельвигѣ и окружавшихъ его людяхъ. Здѣсь авторъ воспоминаній встрѣчалъ Пушкина и всю плеяду тридцатыхъ годовъ. Но лишенный художественной воспріимчивости, онъ къ 60-ти годамъ своей жизни растерялъ давнія впечатлѣнія и очень блѣдно помнитъ и кругъ интересовъ кружка, и самыхъ людей, его составлявшихъ. По отношенію къ Дельвигу мы еще узнаемъ изъ этихъ мемуаровъ кое-что новое и важное. Такъ, разсказано подробно о томъ гнетущемъ впечатлѣніи, какое произвели на Дельвига грубыя распеканія со стороны начальника III Отдѣленія (за четверостишіе Делавиня по поводу іюльской революціи) и закрытіе «Литературной Газеты»; они повлекли за собою преждевременную смерть Дельвига. За то о Пушкинѣ разсказанъ, напр., въ сущности только пустой анекдотъ: однажды поэтъ съ Дельвигомъ и другими пріятелями, чтобы показать молодежи, въ какихъ веселыхъ дурачествахъ они проводили время въ юности, стали на ночной прогулкѣ привязываться къ прохожимъ... Чтобы помочь памяти, авторъ воспоминаній, писанныхъ въ 1872-мъ году, прибѣгаетъ къ обильнымъ цитатамъ изъ статей и стиховъ Пушкина и Дельвига, но это мало помогаетъ дѣлу.—Позднѣе, черезъ семью Левашевыхъ, бар. А. И. Дельвигъ былъ близокъ къ нѣкоторымъ замѣчательнымъ людямъ московской интеллигенціи сороковыхъ годовъ. Но и здѣсь то, что сообщаетъ онъ—напр. о Чаадаевѣ, какъ о мелко самолюбивомъ человѣкѣ,—носитъ крайне по-

верхностный характеръ и даже мало вѣроятно,—напр., утвержденіе, будто незадолго до смерти Чаадаевъ собирался писать о необходимости сохраненія крѣпостного права. Или другой примѣръ. На Кавказѣ, въ Ставрополѣ у генерала Граббе, Дельвигъ познакомился съ Лермонтовымъ и не разъ видался съ нимъ, но все, что можетъ сообщить объ этихъ встрѣчахъ, сводится къ одной фразѣ: поэтъ и Левъ Пушкинъ «съ перваго раза своими рѣзкими манерами, не всегда приличными остротами и въ особенности своею страстью къ вину» не понравились женѣ Дельвига. Затѣмъ вдвое больше мѣста отведено упоминанію о собакѣ Граббе, которая ласкалась къ Дельвигу. Эта крайняя бѣдность воспріимчивости къ дѣйствительно крупному дѣлаетъ утомительнымъ чтеніе воспоминаній Дельвига. Интересны кое-какія черты бытовой старины, сообщаемыя здѣсь и тамъ, воспоминанія объ ученьѣ въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія, кое-какіе разсказы о помѣщичьихъ нравахъ, о невѣжествѣ и произволѣ администраціи, возмутительное дѣло по ложному обвиненію сестры Дельвига въ поддѣлкѣ завѣщанія, въ которое вмѣшалась, по просьбѣ обвинителей, жандармская власть, произведшая въ ея домѣ разгромъ. Быть можетъ, въ послѣдующихъ частяхъ воспоминаній, гдѣ рѣчь должна идти о болѣе близкомъ времени, память сохранила Дельвигу больше интересныхъ подробностей.

— К. Кузьминскій. Художникъ иллюстраторъ А. А. Агинъ, его жизнь и творчество. Съ 45 иллюстраціями. Москва. 1913. Цѣна 2 руб.

Авторъ книги о художникѣ-иллюстраторѣ П. М. Боклевскомъ, вышедшей два года назадъ, г. Кузьминскій, продолжаетъ изучать исторію русской иллюстраціи и издалъ теперь данныя о другомъ иллюстраторѣ Гоголя, Александрѣ Алексѣевичѣ Агинѣ. Рисунки Агина къ «Мертвымъ Душамъ», дающіе преимущественно *сцены* Гоголя, пользуются теперь такою же, если не большею, извѣстностью, какъ и иллюстраціи Боклевскаго, дающія *типы* Гоголя. Жизнь Агина—печальная исторія таланта, погибшаго въ борьбѣ съ нуждою, съ недостаточною оцѣнкою современниковъ и собственной незадачливостью. Онъ родился въ 1816-мъ году, былъ побочнымъ сыномъ новоржевскаго помѣщика, учился въ Академіи художествъ, гдѣ былъ ученикомъ знаменитаго Брюллова. Иллюстраторскую извѣстность Агинъ получилъ рисунками къ Ветхому завѣту, въ свое время высоко цѣнившимися; они исполнены подъ вліяніемъ Брюллова и вышли въ 1846 г. Въ концѣ того же года начали выходить рисунки Агина къ «Мертвымъ Душамъ», собранные въ полномъ изданіи, однако, только въ 1892-мъ году. Эти рисунки, гравированные

Вернардскимъ, въ свое время, не смотря на благопріятные отзывы печати (особенно статья Вал. Майкова), у широкой публики особаго успѣха не имѣли, частью по дороговизнѣ, частью потому, что тогда еще не ощущалась въ такихъ рисункахъ надобность, въ качествѣ нагляднаго воспроизведенія ушедшихъ въ далекое прошлое типовъ, обстановки и т. п. Въ 1848 и 49 годахъ Агинъ продолжаетъ еще работать въ «Иллюстраціи», гдѣ даетъ рядъ разнообразныхъ рисунковъ, а также въ некрасовскихъ альманахахъ. Затѣмъ дѣятельность его неожиданно оборвалась: онъ поступилъ во флотъ охотникомъ, потомъ былъ учителемъ въ кіевскомъ кадетскомъ корпусѣ (съ 1859 по 1864 г.) и въ Кіевѣ же, вѣроятно, вскорѣ по выходѣ въ отставку, умеръ въ бѣдности и страдая алкоголизмомъ. Даже годъ его смерти неизвѣстенъ. Собранныя г. Кузьминскимъ свѣдѣнія объ Агинѣ, по неволѣ крайне скудныя, и включенныя въ книгу иллюстраціи даютъ понятіе о первыхъ шагахъ творчества Агина (иллюстраціи къ книжкѣ о Крыловѣ и изъ рисунковъ къ Ветхому Завѣту) и о быстромъ превращеніи его въ иллюстратора-реалиста, навсегда связавшаго свое имя съ однимъ изъ геніальнѣйшихъ созданій литературы XIX-го вѣка. Авторъ приписываетъ это превращеніе съ одной стороны возникшимъ новымъ вѣяніямъ въ самой художественной средѣ, съ другой—вліянію французскихъ иллюстраторовъ, въ особенности Гаварни, въ то время весьма популярныхъ въ средѣ русской читающей публики. Нѣкоторыя иллюстраціи къ «Мертвымъ Душамъ» позднѣйшихъ художниковъ, также включенныя г. Кузьминскимъ въ его книжку, наглядно показываютъ, до какой степени онѣ зависятъ отъ образовъ Агина. Очевидно, большая ихъ часть, какъ и у Боклевскаго, схвачена съ натуры, въ то время, когда гоголевскіе типы и образы мелькали вокругъ художниковъ въ дѣйствительности. Плюшкинъ, Собакевичъ и Ноздревъ ни однимъ худжникомъ послѣ Агина и Боклевскаго не были изображены оригинально. Перелистывая изящную, любовно составленную книжку г. Кузьминскаго, невольно жалѣешь, что мало включено въ нее рисунковъ Агина, появившихся въ «Иллюстраціи» и альманахахъ. Нѣкоторые изъ нихъ по экспрессивности и живости не хуже лучшихъ его рисунковъ къ Гоголю, напр. «Народный Вокансонъ»—давно исчезнувшая фигура уличнаго увеселителя, отставного солдата, наигрывающаго на балалайкѣ и готовящагося къ представленію вмѣстѣ съ приплясывающимъ паяцомъ. Этотъ «Вокансонъ» такъ и просится въ иллюстрацію къ прелестному забытому разсказу Глѣба Успенскаго: «Весною»; тамъ фигурируетъ именно такой увеселитель, съ тѣмъ же самымъ инструментомъ.

Ч. В—скій.

— Проф. С. Ѳ. Платоновъ. Сочиненія. Томъ I. Статьи по русской исторіи (1883—1912). Изданіе второе. С.-Петербургъ, 1912 г.

Первое изданіе сборника статей проф. Платонова, вышедшее въ 1903 году, давно уже разошлось; настоящее изданіе ихъ значительно пополнено статьями, написанными авторомъ за послѣднее десятилѣтіе. Всѣ отличительныя особенности ученой работы проф. Платонова ярко представлены въ сборникѣ. Тонкій, детальный анализъ, и исчерпывающее обслѣдованіе первоисточника соединяются здѣсь съ мастерскими синтетическими настроеніями, изящными и образными конструкціями. Одинаково силенъ авторъ и тогда, когда онъ умѣло разбирается въ памятникахъ смутнаго времени или объясняетъ запутанныя и сложныя особенности государственнаго механизма XVII в., когда рельефно изображаетъ эволюцію учрежденія или опредѣляетъ общественный укладъ, когда характеризуетъ дѣятелей прошлаго и вспоминаетъ своихъ учителей и ученыхъ соратниковъ или критикуетъ историческіе труды современности. Особенно выдаются статьи, посвященныя московскимъ приказамъ и земскимъ соборамъ, обширная статья о боярской думѣ—предшественницѣ сената, интересный разборъ мнѣній о происхожденіи перваго Лжедимитрія, характеристики царя Алексія и дѣятеля смутнаго времени—протопопа Саввы Ефимьева. Всѣ, даже наиболѣе спеціальныя статьи написаны чрезвычайно изящнымъ и живымъ литературнымъ языкомъ.

— Фридрихъ Кирхейзенъ. Наполеонъ I. Его жизнь и его время. Томъ I. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ предисловіемъ А. Дживелегова. Москва 1912.—Артуръ Леви. Наполеонъ Бонапартъ. Душевныя качества Наполеона. Переводъ съ французскаго. Москва, 1912.—Ипполитъ Тэнъ. Наполеонъ. Переводъ съ французскаго. Москва, 1912.

Въ связи съ юбилеемъ Отечественной войны замѣтно оживился у насъ интересъ къ Наполеону. Если въ нашей оригинальной исторической литературѣ не появилось о немъ ничего выдающагося, кромѣ нѣсколькихъ болѣе или менѣе удачныхъ характеристикъ въ юбилейныхъ сборникахъ и брошюрахъ, то въ русскомъ переводѣ вышло нѣсколько весьма примѣчательныхъ сочиненій. Изъ нихъ на первый планъ надо поставить первый томъ обширнаго, разсчитаннаго на 8—10 томовъ труда Кирхейзена. Кирхейзенъ является въ настоящее время однимъ изъ самыхъ выдающихся и освѣдомленныхъ спеціалистовъ по Наполеоновскому времени. Имъ составлена обширная библіографія о Наполеонѣ, превосходящая извѣ-

стную сводку итальянца Лумброзо. Превосходно ознакомившись съ источниками, Кирхейзенъ поставилъ себѣ широкую задачу—дать біографію Наполеона на обще-историческомъ фонѣ. Пока вышедшій первый томъ болѣе удовлетворяетъ первой части задачи; исторія времени уступаетъ мѣсто деталямъ, быть можетъ, даже слишкомъ подробной біографіи героя. Только послѣднія главы, трактующія о времени директоріи, даютъ яркій и занимательный бытовой матеріалъ, не касающійся непосредственно Наполеона. Но главное въ первомъ томѣ—это Наполеонъ, который проходитъ здѣсь передъ читателемъ отъ ранняго дѣтства до 18 фрюатидора (1797). Книга читается съ неослабѣвающимъ интересомъ; приведено много новаго и любопытнаго матеріала. Въ нѣкоторый упрекъ автору можно поставить излишнюю погоню за литературной живостью и слишкомъ частыя лирическія отступленія. Первый томъ обрывается на самомъ интересномъ мѣстѣ; но, судя по уже данному, можно многаго ожидать отъ дальнѣйшаго. Если трудъ Кирхейзена имѣетъ цѣлью дать всестороннее и возможно безпристрастное описаніе жизни и эпохи Наполеона, то ему является полной противоположностью блестящій и яркій этюдъ Тэна. Авторъ «Происхожденія современной Франціи» не жалѣетъ темныхъ красокъ для характеристики Наполеона какъ кондотьера, пользуясь при этомъ массой ссылокъ и цитатъ. Съ крайнимъ субъективизмомъ автора въ его оцѣнкѣ Наполеона согласиться нельзя. Цитаты подобраны весьма тенденціозно (на это Тэнъ былъ великій мастеръ, какъ неопровержимо доказалъ Оларъ) и легко могутъ быть опровергнуты другими выдержками изъ цитированныхъ Тэномъ источниковъ. Эту работу съ апологетическими цѣлями исполнилъ Артуръ Леви, «Napoleon intime» котораго пользуется громадной популярностью во Франціи. Опровергая шагъ за шагомъ утвержденія Тэна, Леви производитъ пересмотръ источниковъ и приходитъ къ выводамъ діаметрально противоположнымъ. Но здѣсь, какъ и слѣдовало ожидать, одна крайность уступаетъ мѣсто другой. Наполеонъ не былъ злодѣемъ, но врядъ ли былъ и добрымъ буржуа. Тѣмъ не менѣе, оба сочиненія чрезвычайно много даютъ для пониманія яркой и интересной фигуры великаго завоевателя. Къ сожалѣнію, переводъ книги Леви весьма мало удовлетворителенъ.

И. Бороздинъ.

— А. Н. Марковъ. Правила адвокатской профессіи въ Россіи. Опытъ систематизаціи постановленій совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ по вопросамъ профессіональной этики. Москва. 1913. Цѣна 3 руб.

Потребность въ систематизаціи этическихъ принциповъ и правилъ нашей присяжной адвокатуры ощущалась уже давно. Изданная еще въ 1889 г. книга П. В. Макалинскаго касалась только совѣта присяжныхъ повѣренныхъ округа С.-Петербургской судебной палаты. Книга г. Маркова приводитъ постановленія совѣтовъ С.-Петербургскаго (300 постановленій), Московскаго (960), Харьковскаго (88), Одесскаго (36), Казанскаго (22), Новочеркасскаго (21), Иркутскаго (7) и Саратовскаго (6). Составленіе сборника было начато авторомъ съ разсмотрѣнія дѣятельности Московскаго совѣта—и потому постановленія другихъ совѣтовъ, въ томъ числѣ и С.-Петербургскаго, вошли въ книгу г. Маркова только по тѣмъ вопросамъ, которые или не встрѣчались въ практикѣ Московскаго совѣта, или разрѣшены были Московскимъ совѣтомъ иначе. Авторъ поставилъ себѣ задачей показать, чего достигло сословіе присяжныхъ повѣренныхъ въ области своего самоуправленія и какія созданы имъ этическія правила для своихъ членовъ. Онъ вполнѣ правъ, утверждая, что адвокатскимъ сословіемъ установлены такія строгія правила поведенія, какихъ нѣтъ въ другихъ свободныхъ профессіяхъ, и что именно существованіемъ этой строгой морали, доходящей иногда до ригоризма, охраняется довѣріе общества къ присяжной адвокатурѣ. «Призваніе адвоката состоитъ не въ достиженіи личнаго матеріальнаго благополучія, а въ оказаніи юридической помощи нуждающимся, въ защитѣ правъ и интересовъ при посредствѣ суда. Въ дѣлѣ выполненія этой священной миссіи адвокатъ по необходимости долженъ поступиться въ извѣстныхъ случаяхъ своими личными выгодами въ интересахъ кліентовъ, ибо этого требуетъ самое свойство адвокатуры, какъ общественной службы». «Русская адвокатура, въ соотвѣтствіи съ общимъ теченіемъ русской общественной мысли и литературы, никогда не забывала, что въ душѣ каждаго преступника можно найти «искру Божію» и что соціальныя и личныя условія жизни часто объясняютъ и дѣлаютъ понятнымъ преступленіе, кажущееся на первый взглядъ только проявленіемъ похоти и злой воли. Поэтому случаи, когда присяжный повѣренный, защищающій по назначенію, не можетъ найти добраго слова въ защиту подсудимаго, чрезвычайно рѣдки въ нашей практикѣ». «Принимая на себя обязанность защитника, адвокатъ долженъ помнить, что онъ исполняетъ едва ли не самую важную общественную обязанность, возложенную на него закономъ». «Одна изъ обя-

занностей адвоката—говорить и доказывать на судѣ только одну правду и не прибѣгать ни къ какимъ обманамъ для введенія суда въ заблужденіе, хотя бы и для достиженія справедливой цѣли». Корпорація, исповѣдующая такіе принципы и карающая своихъ членовъ за ихъ нарушеніе, заслуживаетъ бóльшаго уваженія и вниманія, чѣмъ оказывается ей, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, нашей магистратурой и прокуратурой, отнюдь не всегда стоящими на высотѣ, предусмотрѣнной закономъ.

Въ книгѣ г. Маркова нѣтъ рѣшеній судебныхъ палатъ по дисциплинарнымъ адвокатскимъ дѣламъ. Авторъ хотѣлъ показать тѣ традиціи, которыя выработало само сословіе и не считалъ, поэтому, нужнымъ знакомить своихъ читателей съ взглядами среды, чуждой по самой своей организаціи воззрѣніямъ присяжной адвокатуры. Недостаткомъ книги можно признать отсутствіе алфавитнаго указателя.

Анатолій Кремлевъ.

— А. И. Ярошевичъ. Очерки экономической жизни юго-западнаго края. Вып. II—V. Кіевъ, 1911—12 гг.

Богатый по почвеннымъ и климатическимъ условіямъ, выгодно расположенный для заграничнаго сбыта своихъ сельско-хозяйственныхъ произведеній и для культурныхъ заимствованій съ Запада, многимъ обязанный аграрной реформѣ начала 60-хъ годовъ, проведенной здѣсь, не въ примѣръ большей части остальной Россіи, съ большимъ вниманіемъ къ крестьянскимъ интересамъ и пренебреженіемъ къ выгодамъ помѣщичьяго класса, и до извѣстной степени использовавшій всѣ эти преимущества, сохранивъ, несмотря на крайнее малоземелье крестьянъ, ихъ сравнительное благосостояніе и создавъ типъ высоко-культурнаго крупнаго хозяйства—нашъ юго-западный край извѣстенъ менѣе, чѣмъ многіе не столь интересные и важные раіоны Россіи. Эта малоизвѣстность края объясняется, главнымъ образомъ, долгимъ отсутствіемъ въ немъ выборнаго земства. Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ общаго оживленія земской жизни, землеустроительной политики правительства и т. д., приступлено къ производству мѣстныхъ изслѣдованій по землевладѣнію и сельскому хозяйству. «Очерки экономической жизни юго-западнаго края», съ первымъ выпускомъ котораго читатели «Вѣстника Европы» были ознакомлены въ свое время, основаны частью на такихъ мѣстныхъ изслѣдованіяхъ (в. II, «Типы хозяйствъ Кіевской губ.», и в. IV, «Бывшіе общинники Уманскаго уѣзда»), частью на данныхъ анкеты Кіевскаго общества экономистовъ (в. V, «Крестьянскія план-

таціи сахарной свеклы») и на оффиціальныхъ публикаціяхъ о желѣзнодорожной и водной перевозкѣ товаровъ (в. III, «Производительность сельск. хозяйства и производительныя раіоны Кіевской губ».). Главный выпускъ «Очерковъ»,—«Типы хозяйствъ Кіевской губ.», характеризующій владѣльческое, колонисткое и крестьянское, надѣльное и хуторное хозяйства,—не основанъ, впрочемъ, непосредственно на мѣстныхъ изслѣдованіяхъ; въ немъ въ краткихъ чертахъ излагаются (частью прямо перепечатываются) результаты болѣе крупной работы того же автора: «Хуторское хозяйство Кіевской губ.» (также отмѣченное нашимъ журналомъ), помѣщенной въ большомъ и малодоступномъ изданіи Кіевской Землеустроительной Комиссіи. Самый свѣжій матеріалъ данъ въ выпускѣ, посвященномъ вопросу о культурѣ свеклы въ крестьянскомъ хозяйствѣ; этотъ вопросъ имѣетъ важное значеніе въ томъ отношеніи, что посѣвы свеклы могутъ повести къ радикальному преобразованію крестьянскаго земледѣлія. Въ данной работѣ, впрочемъ, основанной на показаніяхъ сахарозаводчиковъ, выясняется не столько агрикультурная сторона вопроса, требущая внимательнаго изученія всего строя крестьянскаго хозяйства, сколько экономическая организація крестьянскихъ плантацій и отношеній, возникающихъ между заказчиками свеклы—сахарными заводами—и поставщиками ея—крестьянами.

— А. Н. Опацкій. Фабрично-заводская промышленность Харьковской губерніи и положеніе рабочихъ. Харьковъ. 1912.

У насъ мало мѣстныхъ изслѣдованій фабрично-заводскаго быта; главнѣйшія описанія, носящія такой характеръ, издаются организаціями предпринимателей (нефтепромышленниками, горнопромышленниками и т. п.). Описаніе промышленности Харьковской губерніи, составляющее предметъ настоящей замѣтки, принадлежитъ частному лицу, но основано главнымъ образомъ на оффиціальныхъ матеріалахъ (данныя фабричной инспекціи, акцизнаго вѣдомства и др.), пополненныхъ нѣкоторыми свѣдѣніями, полученными самимъ авторомъ отъ предпринимателей. Книга А. Н. Опацкаго состоитъ изъ трехъ частей, посвященныхъ промышленности, ея рабочему персоналу и санитарному состоянію фабрикъ, заводовъ и казармъ для рабочихъ. Сообразно главному источнику своихъ матеріаловъ, авторъ разсматриваетъ преимущественно тѣ стороны предмета, которыя фигурируютъ и въ оффиціальныхъ изданіяхъ: число рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, сумму производства, продолжительность рабочаго дня и года, высоту заработной платы (средній годовой заработокъ по производствамъ). Изъ не-

многихъ дополненій этихъ рамокъ укажемъ на собранныя самимъ авторомъ свѣдѣнія о затратахъ фабрикантовъ на сырой матеріалъ, производство и топливо, съ означеніемъ количества сырья, выписаннаго изъ-за границы, и количества продуктовъ производства, вывезенныхъ за границу; на данныя о расходахъ по питанію въ нѣсколькихъ пищевыхъ рабочихъ артеляхъ и о заработной платѣ мужчинъ и женщинъ въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ. Авторъ сопоставляетъ въ своей книгѣ данныя за послѣднія 10—15 лѣтъ и констатируетъ, такимъ образомъ, не только статику, но и динамику изучаемыхъ имъ явленій. Работа г. Опацкаго носитъ статистическій характеръ, и въ текстѣ по преимуществу излагается содержаніе таблицъ, которыя не всегда заслуживаютъ довѣрія; по крайней мѣрѣ изъ таблицы на стр. 24 слѣдуетъ такое маловѣроятное заключеніе, что производительность одного рабочаго въ сахарорафинадномъ производствѣ за послѣднія 10 лѣтъ понизилась въ 2—2½ раза. Описаніе санитарнаго состоянія фабрикъ, заводовъ и рабочихъ казармъ основано на актахъ осмотра, произведеннаго по распоряженію Харьковскаго губернатора въ 1911 г., при чемъ различныя стороны этого состоянія характеризуются въ большинствѣ случаевъ не объективными данными, а словами «удовлетворительно» и «неудовлетворительно». Пользуясь отчетомъ фабричнаго инспектора за 1885 г., авторъ констатируетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ улучшеніе санитарнаго состоянія заводовъ и помѣщеній для рабочихъ.

— Извѣстія Общества распространенія правильныхъ свѣдѣній о евреяхъ и еврействѣ. Выпускъ I. Москва, 1912.

«Если бы иностранецъ, ничего не вѣдающій о Россіи, вздумалъ ознакомиться по документамъ прошлаго года съ ея жизнью, онъ былъ бы пораженъ тѣмъ, что Государственная Дума, ежедневная пресса, административныя и государственныя учрежденія всѣ только и занимались, что евреями и еврейскими дѣлами»—такъ начинается первая статья сборника, указаннаго въ заголовкѣ настоящей замѣтки. Если бы этотъ иностранецъ сталъ ближе вникать въ дѣло, онъ еще разъ удивился бы тому, что въ литературныхъ и словесныхъ дебатахъ къ еврейскому вопросу относятся «какъ къ уголовному процессу, гдѣ во что бы то ни стало должны фигурировать обвиняемый, обвинитель и защитникъ», а въ реальной жизни еврей является уже какъ бы безапелляціонно осужденнымъ и подвергающимся многообразнымъ репрессіямъ. При этомъ не можетъ не броситься въ глаза фактическая безсодержательность обвиненій, какъ изъ рога изобилія сыпящихся на евреевъ. «Миѳическій и без-

содержательный терминъ: еврейское засилье, созданный по рецепту Мефистофеля: гдѣ смысла нѣтъ, тамъ слово тутъ какъ тутъ, звучалъ, какъ основной мотивъ, во всѣхъ препіяхъ и дебатахъ,—говорится въ томъ же изданіи. Русское общество дѣйствительно мало знакомо съ евреями и еврействомъ и готово удовлетвориться ходячими на ихъ счетъ афоризмами, не задаваясь вопросомъ о томъ, насколько они соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Большимъ распространеніемъ пользуется, напр., мнѣніе, что евреи не только уклоняются отъ воинской повинности, но и ложатся въ этомъ отношеніи бременемъ на остальное населеніе, выполняющее за нихъ эту тяжелую обязанность. Въ дѣйствительности же, какъ показало спеціальное изслѣдованіе г. Усова,—и это повторяется въ разбираемой нами книгѣ,—евреи отдаютъ военной службѣ большій процентъ своего населенія, чѣмъ не-евреи, и «можно говорить не о недоборахъ, а о переборахъ евреевъ-новобранцевъ».

Въ 1907 г. возникло общество распространенія правильныхъ свѣдѣній о евреяхъ и еврействѣ, а черезъ пять лѣтъ вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ «Извѣстій» этого общества, составляющій предметъ настоящей замѣтки. Въ «Извѣстіяхъ» однако, нѣтъ никакихъ свѣдѣній о дѣятельности общества и напечатанъ лишь уставъ послѣдняго. Въ нихъ помѣщены статьи о правовомъ положеніи евреевъ въ 1911 г., о положеніи евреевъ въ отношеніи отбыванія воинской повинности, статья И. О. Левина о книгѣ Зомбарта: «Евреи и хозяйственная жизнь», переводъ старой, но содержательной книжки К. Фишера о Талмудѣ и статья С. А. Ан-скаго на юбилейную тему: «Отечественная война и евреи». Изъ послѣдней статьи читатель узнаетъ, что и Наполеонъ, и Александръ I признавали важное значеніе евреевъ во время военныхъ дѣйствій на русской территоріи. Когда Наполеонъ I собралъ въ 1807 г. въ Парижѣ еврейскій синедріонъ, русское правительство выказало опасеніе, что этотъ шагъ сдѣланъ съ цѣлью пріобрѣтенія политическаго вліянія во всѣхъ странахъ, гдѣ обитаютъ евреи, и отмѣнилъ нѣкоторыя стѣснительныя для евреевъ распоряженія. Опасенія Александра I оказались, однако, напрасными. Хотя нѣкоторые польскіе цадики, не столько впрочемъ, изъ политическихъ, сколько изъ религіозныхъ соображеній, стояли за Наполеона, но еврейская масса, по свидѣтельству польскихъ, французскихъ и русскихъ источниковъ, «была всецѣло на сторонѣ Россіи и оказывала всевозможное содѣйствіе русской арміи». Евреи «повсюду извѣщали русскихъ генераловъ о проходѣ французскихъ войскъ, объ ихъ численности и состояніи», пишетъ Albert Lemoine. «Всѣ евреи, обитавшіе въ Польшѣ, были столь преданы намъ, что не хотѣли служить лазутчиками непріятелю и весьма

часто сообщали намъ важнѣйшія о немъ свѣдѣнія»,—свидѣтельствуетъ извѣстный партизанъ-поэтъ Давыдовъ; «евреи всюду оказывали русской арміи услуги, свидѣтельствующія объ ихъ усердіи и преданности» (изъ французскаго журнала въ Петербургѣ. Преданность евреевъ русскимъ интересамъ настолько признавалась французами, что отступавшій Наполеонъ основалъ на ней планъ спасенія остатковъ своей арміи. Въ «Военномъ Сборникѣ» за 1906 г. помѣщенъ разсказъ о томъ, какъ маршалы арміи, окруженной при Борисовѣ русскими войсками, казалось, отрѣзавшими всѣ пути отступленія, стали разспрашивать вліятельныхъ евреевъ Борисова объ удобныхъ мѣстахъ для переправы черезъ рѣку, пригрозивъ смертной казнью за донесеніе объ этомъ русскимъ. Этого было достаточно, чтобы борисовскіе евреи послали своихъ представителей для сообщенія важнаго извѣстія адмиралу Чичагову, и послѣдній настолько увѣровалъ въ намѣреніе французовъ уйти указаннымъ путемъ, что передвинулъ всѣ войска къ пункту предполагаемаго ихъ отступленія. Французы воспользовались этимъ и избѣжали вѣрной, казалось, гибели—а посланные преданныхъ евреевъ были за это повѣшены.

В. В.

— Проф. К. Гассертъ. Изслѣдованіе полярныхъ странъ. Переводъ подъ ред. проф. Г. И. Танфильева. Съ 2 картами. Одесса, 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Стремленіе къ изученію полярныхъ странъ всегда являлось излюбленной областью дѣятельности человѣка и въ эпохи крупныхъ открытій неизмѣнно вызывало интересъ среди всѣхъ слоевъ интеллигенціи. Никогда интересъ къ изученію этихъ странъ не стоялъ такъ высоко, какъ въ послѣдніе годы, благодаря открытію обоихъ полюсовъ. Оно особенно усилило общественное вниманіе къ полярнымъ странамъ вообще и, въ частности къ исторіи ихъ открытія, отмѣченной какъ трагической участью многихъ экспедицій (достаточно вспомнить судьбы экспедицій Франклина, Де-Лонга, бар. Толля), такъ и примѣрами замѣчательнаго подъема духа въ борьбѣ съ природой для достиженія цѣли, стремленіе къ которой руководилось исключительно научными или идеальными интересами. Исторія полярныхъ путешествій является, такимъ образомъ, одною изъ замѣчательныхъ и блестящихъ сторонъ человѣческой дѣятельности. Тѣмъ не менѣе ни на русскомъ, ни на другихъ языкахъ не имѣлось сжатаго и точнаго изложенія исторіи популярныхъ изслѣдованій послѣ появленія извѣстнаго труда Гелльвальда: «Въ области вѣчнаго льда», (1884), который имѣетъ теперь, конечно, лишь историческій интересъ. По-

этому можно только привѣтствовать появленіе въ русскомъ переводѣ книги проф. Гассерта, въ своемъ родѣ незамѣнимой для интересующихся предметомъ. Наиболѣе цѣнной представляется вторая половина этого труда, содержащая обзоръ южно-полярныхъ путешествій, единственный въ своемъ родѣ въ современной популярной географической литературѣ. Немаловажнымъ достоинствомъ книги нужно считать и подробную библіографію по каждому вопросу изслѣдованія полярныхъ странъ и ихъ изученія, вслѣдствіе чего читатель, интересующійся деталями, всегда можетъ подробнѣе изучить любую сторону предмета. Нѣкоторая, впрочемъ вполнѣ понятная, склонность автора останавливаться дольше на нѣмецкихъ успѣхахъ полярнаго изслѣдованія не нарушаетъ общей цѣльности положенія, такъ какъ во всякомъ случаѣ роль нѣмецкихъ путешественниковъ въ исторіи полярныхъ странъ весьма незначительна. Нѣмецкій текстъ книги заканчивается 1907-мъ годомъ. Къ числу достоинствъ русскаго перевода надо отнести дополненія, касающіяся путешествій послѣднихъ лѣтъ, въ частности — горно-полярной экспедиціи Шакльтона и знаменитаго спора между Кукомъ и Пири, (здѣсь, между прочимъ, допускается возможность достиженія Кукомъ сѣвернаго полюса или близкаго къ нему пункта), а также малозатронутыхъ нѣмецкимъ авторомъ описаній русскихъ полярныхъ путешествій: исторія путешествій на Нов. Землю, изслѣдованіе побережья Ледовитаго океана и Ново-Сибирскихъ острововъ, развитіе морского сообщенія Европы съ Сибирью. Нельзя не оцѣнить также въ русскомъ изданіи приложеніе къ нему двухъ хорошихъ, отчетливо исполненныхъ картъ сѣв. и южн. полярныхъ странъ, съ нанесеніемъ на нихъ маршрутовъ главнѣйшихъ экспедицій (Нансена, Пири, Шакльтона), взамѣнъ болѣе мелкихъ или спеціальныхъ картъ нѣмецкаго изданія. Все это дѣлаетъ переводъ книги Гассерта цѣннымъ вкладомъ въ нашу географическую литературу. А. Щ.

Въ теченіе ноября мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры.

Алтаевъ, А. Въ великую бурю. Историческій романъ для дѣтей старшаго возраста. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Аргайльскій, герцогъ. Отвѣтственность Англіи въ Восточномъ вопросѣ. Факты и воспоминанія за 40 лѣтъ. Переводъ М. К. Брянчаниновой, пред. Ф. Ф. Мартенса. Спб., 1908 г. Цѣна 1 р.

Ассасъ. Капли слезъ. Собраніе стиховъ. Годъ первый. Харьковъ. 1912 г. Цѣна 50 коп.

Астровъ, П. И. Борьба съ тотализаторомъ. Москва, 1912 г. Цѣна 30 коп.

Балаевъ, Н. и *Дмитріевъ, Н.* Литературная хрестоматія. Часть I. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Бергсонъ, Анри. Воспріятіе измѣнчивости. Пер. съ франц. В. А. Флеровой. Спб., 1912 г. Цѣна 50 коп.

Березинъ, Н. Земля. Спб., 1912 г. Цѣна 60 коп.

Бернетъ, Ф. Г. Маленькій лордъ Фаунтльрой. Пер. М. и Е. Соломиныхъ. Изд. 3-е. Спб., 1913 г. Цѣна 50 коп.

Благовидовъ, Ѳ. В. Высшіе женскіе курсы въ Тифлисѣ. 1911—1912 уч. годъ. Тифлисъ. 1912 г.

Богдановъ, Ал. Инженеръ Мэнни. Фантастическій романъ. Москва, 1912 г. Цѣна 50 коп.

Богдановъ, А. Философія опыта. Спб., 1913 г. Цѣна 2 р.

Бодуэнъ де-Куртенэ, И. Польскій языкъ сравнительно съ русскимъ и древне-церковно-славянскимъ. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 20 коп.

Борель-Штеккертъ. Элементарная математика. Часть II. Геометрія. Пер. съ нѣм. подъ ред. В. Ф. Кагана. Одесса, 1912 г. Цѣна 2 р.

Брандесъ, Георгъ. Что такое національное чувство? Рѣчь къ молодежи. Нижній-Новгородъ, 1912 г. Цѣна 10 коп.

Будищевъ, Ал. Степь грезитъ. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Бунинъ, Ив. Суходолъ. Повѣсти и разсказы. 1911—1912 гг. Москва 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Васенко, П. Г., Платоновъ, С. Ѳ., Тураевъ-Церетели, Е. Ф. Начало династіи Романовыхъ. Историческіе очерки. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Венгерова, З. А. Собраніе сочиненій. Т. I. Англійскіе писатели XIX вѣка. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Владиславлевъ, И. В. Тетрадь для записи о прочитанныхъ книгахъ. Пособіе для учащихся. Москва, 1912 г. Цѣна 20 коп.

Волконскій, Сергѣй, кн. Художественные отклики. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Вольтеръ. Сочиненія. Ред. и вступительная статья П. С. Когана. Спб. 1913 г. Цѣна 1 р.

Ганецкій, Н. Изгнанникъ. Поэма и стихотворенія. Спб., 1913 г. Цѣна 80 коп.

Гиро, Поль. Историческія чтенія. Частная и общественная жизнь грековъ. Пер. съ франц. Н. Н. Спиридонова. Москва, 1912 г. Цѣна 3 р.

— Частная и общественная жизнь грековъ. Вып. I. Спб., 1912 г. Цѣна 80 коп.

Городецкій, Сергѣй. Ива. Спб., 1913 г. Цѣна 2 р.

Грушевскій. Мих. Иллюстрированная исторія Украины. Спб., 1913 г. Цѣна 3 р. 50 коп.

Гуревичъ, Борисъ. Вѣчно человѣческое. Книга космической поэзіи Спб., 1912 г. Цѣна 2 р.

Гюго, Викторъ. Собраніе сочиненій. Т. I и II. Человѣкъ, который смѣется. Ред. и вступит. статья П. С. Когана. Спб., 1913 г. Цѣна каждаго тома 1 р. 75 коп.

Дзіобекъ, О. Курсъ аналитической геометріи. Часть I и II. Пер. съ нѣм. Вѣры Шиффъ. Одесса, 1911 и 1913 гг. Цѣна каждой части 2 р. 50 к.

Доморукихъ, А. Россія и пути прогресса. Вып. I. Москва, 1912 г. Цѣна 60 коп.

Дурново, О. Д. Такъ говорилъ Христосъ. Изд. 2-ое. Москва, 1912 г. Цѣна 3 р.

Дюваль, Эдмондъ. Историческій очеркъ возникновенія во Франціи и учрежденія въ Парижѣ правительственныхъ ссудныхъ банковъ Monts-de-Piété. Пер. подъ ред. А. И. Пукарева. Спб., 1913 г.

Евдокимовъ, Б. А. Цвѣтная фотографія. Спб., 1912 г. Цѣна 85 коп.

Елачичъ, Вѣра. Какъ считали люди въ древнія времена. Спб., 1912 г. Цѣна 17 коп.

Ефименко, А. Я. Краткая русская исторія. Спб., 1912 г. Цѣна 25 коп.

Жанэ, Пьеръ. Психическій автоматизмъ. Пер. съ франц. А. Вальцгефера. Москва, 1913 г. Цѣна 2 р.

Ивановъ, Р. В. Стихотворенія. Книга 2-ая. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р.

Ильина-Пожарская, Е. Д. Втроемъ на Бонапарта!.. Истор. повѣсть для дѣтей средняго возраста. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р.

Инфантьевъ, П. Жизнь народовъ Россіи. Этнографическіе разсказы. II. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р.

К. К. А. Въ водоворотѣ. Небылицы въ лицахъ. Москва, 1912 г. Цѣна 5 коп.

Кабановъ, Н. Очерки по физіологіи здороваго и больного человѣческаго организма. Москва, 1912 г. Цѣна 2 р. 40 коп.

Каренинъ, Вл. Сочиненія. Т. II. Разсказы и сказки. Спб., 1912 г Цѣна 1 р.

Карръ, Уильдонъ Г. Философія Бергсона. Пер. съ англ. И. Румеръ. Москва, 1912 г. Цѣна 30 коп.

Карѣевъ, Н. И. Собраніе сочиненій. Т. II. Философія исторіи къ русской литературѣ. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Кашкинъ, Н. Н. Родословныя развѣдки. Посмертное изданіе. Подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго. Спб., 1912 г.

Кисъ, Э. Основныя теченія современнаго масонства. Спб., 1912 г. Ц. 1 р.

Клоссовскій, А. Современное состояніе вопроса о предсказаніи погоды. Спб., 1913 г.

Ковалевскій, Михаилъ. Учебникъ русской исторіи. Часть II. Курсъ VI класса. Москва, 1912 г. Цѣна 50 коп.

Козьминыхъ-Ланинъ, И. М. Врачебная помощь фабрично-заводскимъ рабочимъ г. Москвы. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р.

Криницкій, Маркъ. Разсказы. Т. III. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Левинъ, Мих. Iuvenilia. Стихи. Харьковъ, 1912 г. Цѣна 60 коп.

Лазаревскій, Борисъ. Собраніе сочиненій. Т. 4-ый. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р.

Левенфельдъ, Л. Сомнабулизмъ и спиритизмъ. Пер. съ нѣм. Ал. Вальцгефдеръ. Москва, 1912 г. Цѣна 65 коп.

Леонтьевъ, К. Собраніе сочиненій. Т. I, II, III, IV и V. Москва, 1912 г. Цѣна каждаго тома 1 р. 75 коп.

Литцманнъ, В. Теорема Пиѳагора. Одесса, 1912 г. Цѣна 40 коп.

Лисовскій, Юрій. Предатели. Спб., 1912 г. Цѣна 80 коп.

Лобасъ, Н. С. Убійцы. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Лодыженскій, М. В. Свѣтъ незримый. Изъ области высшей мистики. Спб., 1912 г. Цѣна 2 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Собраніе сочиненій. Т. III. Золото. Романъ. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Мейерсонъ, Э. Тождественность и дѣйствительность. Спб., 1912 г. Цѣна 3 р. 50 коп.

Мечниковъ, И. И. Сорокъ лѣтъ исканія раціональнаго міровоззрѣнія. Москва, 1912 г. Цѣна 2 р.

Милицынъ, Е. Разсказы. Т. III. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Мукаловъ, Н. Лабораторные пріемы при изученіи ариѳметики. Изд 1-ое. Кіевъ, 1912 г. Цѣна 35 коп.

Мюллеръ, Максъ. Философія веданты. Пер. съ англ. И. Ф. Наживина. Москва, 1912 г. Цѣна 40 коп.

Наживинъ, Ив. Собраніе сочиненій. Т. V. Моя исповѣдь. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 20 коп.

Немировичъ-Данченко, Вас. Ив. Собраніе сочиненій. Т. XI и XII. Гроза Романъ въ двухъ частяхъ. Спб., 1912 г. Цѣна каждой части 1 р. 25 коп.

— Собраніе сочиненій. Томъ IX. Живые псы и мертвые герои. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Нетто, Е. Начало теорій опредѣлителей. Пер. съ нѣм. подъ ред. и съ примѣчаніями С. Ѳ. Шатуновскаго. Одесса, 1912 г. Цѣна 1 р. 20 коп.

Новиковъ, Иванъ. Разсказы (1905—1912 гг.). Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Ноппеманъ, К. «Наука побѣждать» генералиссимуса Суворова. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Обуховъ, А. М. Свободное воспитаніе и дисциплина. Изд. 2-ое. Москва, 1913 г. Цѣна 40 коп.

Онрудъ, Гансъ. Малыши. Пер. М. Благовѣщенской. Спб., 1913 г. Цѣна 30 коп.

Орнатскій, И. В. Разсказчикъ. Пособіе къ развитію рѣчи для школы и семьи. Въ 3-хъ книжкахъ. Спб., 1912 г. Цѣна всѣхъ трехъ кн. 70 коп.

Осиповичъ, Н. М. Собраніе сочиненій. Т. 4-ый. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Оствальдъ, Вильгельмъ. Организація и организаторы. Первая часть: Обобщающая теорія. Москва, 1912 г. Цѣна 30 коп.

Пасквале-Виллари. Джироламо Савонарола и его время. Т. I. Пер. съ итальянскаго Д. Н. Бережкова. Спб., 1913 г. Цѣна 4 р.

Пеннетъ, Р. К. Менделизмъ. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Петровичъ, П. Хлопководство въ Закавказьѣ (По даннымъ анкеты 1912 г.). Тифлисъ, 1912 г.

Петровъ, Аркадій. Рабочій вопросъ въ Японіи. Спб., 1912 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Пинесъ, М. Я. Исторія еврейской литературы (на еврейско-нѣмецкомъ языкѣ). Пер. съ франц. С. С. Вермель. Москва, 1913 г. Цѣна 3 р. 50 коп.

Писарева, Е. Памяти Анны Павловны Философовой. Спб., 1912 г. Цѣна 75 коп.

Писарева, М. К. Силуэты. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Политуръ, Н. Р. 1-ая серія разсказовъ и популярно-научныхъ брошюръ. I. Престольный праздникъ и Изъ семейнаго опыта. Цѣна 4 коп. II. Материнская любовь. Цѣна 6 к. III. Идолъ. Ц. 6 к. IV. Гдѣ счастье? Ц. 8 к. V. На передовой позиціи. Ц. к. VI. Иллюстрированная исторія воздухоплаванія. Ц. 15 к. Спб., 1912 г.

Понтоппидань, Хендрикъ Счастливчикъ Пер. Романъ. Т. I, II и III. Спб., 1913 г. Цѣна каждаго тома 1 р.

Посредниковъ, А. Начальное правописаніе, 1-ый, 2-ой и 3-ій годы обученія. Спб., 1912 г. Цѣна 3-хъ книжекъ 30 коп.

Потанинъ, Г. Н. Сага о Соломонѣ. Восточные матеріалы о происхожденіи саги. Томскъ, 1912 г. Цѣна 1 р.

Рабиновичъ, П. О. Курсъ электричества. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 10 к.

Раковъ, Д. Долгій путь. Какъ учились люди дѣлать себѣ одежду. Москва, 1912 г. Цѣна 25 коп.

Ровинскій, П. А. Албанцы и албанское движеніе. Спб., 1912 г.

Романовъ, Е. Р. Бѣлорусскій сборникъ. Вып. 8 и 9. Бытъ бѣлорусса. Словарь условныхъ языковъ. Вильна, 1912 г. Цѣна 3 р. 50 коп.

Сазоновъ, Глѣбъ. Органъ. Вторая книга стиховъ. Спб., 1912 г.

Сватиковъ, С. Г. Обзоръ литературы по исторіи искусства. 1-ое изданіе. Спб., 1912 г. Цѣна 16 коп.

Свирскій, А. Разсказы. Т. IV. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Сентюрина, Н. И. Живое слово ребенка въ выразительномъ чтеніи и устной рѣчи. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Слобожанскій, С. Европа. Географическая хрестоматія. Часть I. Вятка, 1913 г. Цѣна 1 р. 10 коп.

Слуцкій, Е. Е. Теорія корреляціи и элементы ученія о кривыхъ распредѣленіяхъ. Кіевъ, 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Сологубъ, Ѳедоръ. Собраніе сочиненій. Т. XII. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Солдатовъ, В. В. Къ переписи населенія города Харбина. Харбинъ, 1912 г.

Тахтаревъ, К. М. Очерки по исторіи первобытной культуры. Съ предисловіемъ проф. М. М. Ковалевскаго. Изданіе 2-ое. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Толстой, Л. Н. Ариѳметика. Въ двухъ частяхъ. Москва, 1913 годъ. Цѣна 25 коп.

Тэйлеръ, Ф. Научныя основы организаціи промышленныхъ предпріятій. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Украинскій, С. Какъ помогалъ Л. Н. Толстой. Москва, 1912 г. Цѣна 4 копѣйки.

Филипповъ, А. О. Четыре ариѳметическія дѣйствія. Числа натуральныя. Одесса, 1912 г. Цѣна 70 коп.

Филипповъ, Михаилъ. Что такое страхованіе? Москва, 1912 г.

Фонвизинъ, С. Разсказы. Книга 1-ая. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Фонъ-Ланге, П. Среди неудачъ. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р.

Холмогорскій, Ѳ. На зарѣ земледѣлія. Москва, 1912 г. Цѣна 25 коп.

Шмелевъ, Ив. Разсказы. Т. III. Человѣкъ изъ ресторана. Патока. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Энгельманъ, И. Е. Курсъ русскаго гражданскаго судопроизводства. Изд. 3-е. Юрьевъ, 1912 г. Цѣна 4 р.

Эрнъ, Вл. Г. С. Сковорода. Москва, 1912 г. Цѣна 2 р.

Ярковскій, И. О. Всемірное тяготѣніе, какъ слѣдствіе образованія вѣсомой исторіи внутри небесныхъ тѣлъ. Кинетическая гипотеза. Часть I. Изд. 2-ое. Спб., 1912 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Webb, Sidney et Béatrice. La lutte préventive contre la misère. Paris, 1913 г. Prix. 8 fr.

Альманахи изд-ва «Шиповникъ». Книга 15-ая. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Библіотека В. В. Протопопова. Театръ. Спб., 1912 г.

Боевая работа русской арміи въ войну 1904—1905 гг. Часть I. Спб., 1912 г. Цѣна 2 р.

Бюллетени литературы и жизни. Т. I и II. 1911—1912 гг. Москва. 1912 г.

Вопросы народнаго образованія. № 1. Спб., 1912 г. Цѣна 15 коп.

Вѣстникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества. Вып. 2, Харьковъ, 1912 г. Цѣна 50 коп.

Жатва. Вып. I, Жена; Вып. II, Лѣто; Вып. III. Зима. Москва, 1912 г. Цѣна каждаго выпуска 1 р. 50 коп.

Земля и люди. Географическая библіотека. Жизнь народовъ Россіи П. Инфантьевъ: № 13. Тигръ-людоѣдъ. № 14. Маленькій купецъ. № 15. Первобытныя грамотки. № 16. Дочь Шуленги. № 17. Въ Амурской тайгѣ. № 18. Соперники. № 19. Жертва вогула. Чары шамановъ. № 20. Чувашская свадьба. № 21. Тамыръ. Спб., 1912 г.

Изданія «Посредника». Борьба съ пьянствомъ. Вып. 27. Врачъ Францманъ. Объ алкоголизмѣ. № 121. Кузина, С. Какъ мы клеверъ посѣяли и что изъ этого вышло. № 147. Е. Горбунова. Какъ развести маленькій огородъ. № 756. Г. С. Солтъ. Гуманитарное ученіе или гуманитаризмъ. № 1061. Г. С. Солтъ. Мясо или плоды? № 1068. Е. Лозинскій. Вегетаріанство и воспитаніе. — Сельскій и деревенскій календарь И. Горбунова-Посадова на 1913 г.—Календарь для каждаго на 1913 г. — Деревенское хозяйство. № 106. Листы № 2, 3, 4 и 5.

Изданія Спб. общества грамотности. № 72. А. С. Пушкинъ. Дубровскій. № 73. А. С. Пушкинъ. Мѣдный всадникъ. № 74. Н. В. Гоголь. Заколдованное мѣсто. № 75. Н. В. Гоголь. Вечеръ наканунѣ Ивана Купала. № 76. Н. В. Гоголь. Ночь передъ Рождествомъ. № 77. Каталогъ педагогической библіотеки Спб. общества грамотности. № 78. Н. В. Гоголь. Вій. № 79. И. С. Никитинъ. Избранныя стихотворенія. № 80. 1812—1912. Отечественная война въ художеств. произведеніяхъ, запискахъ, письмахъ и воспоминаніяхъ современниковъ. Сост. А. В. Мезіеръ. № 72. А. Мендельсонъ. О душевныхъ болѣзняхъ.

Маски, № 1. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р.

Матеріалы къ пересмотру русско-американскаго торговаго договора. Спб., 1912 г.

Матеріалы къ пересмотру торговаго договора съ Германіей. Вып. I и IV. Спб., 1912 г.

Матеріалы по пересмотру торговыхъ договоровъ. № 4. Спб., 1912 г.

Міръ Ислама. Т. I, № 3. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Московское Городское Кредитное Общество. Очеркъ 50-лѣтія его дѣятельности. 1862—1912 г. Москва, 1912 г.

Наше право. Библіотека общедоступнаго законовѣдѣнія. I. А. И. Гуляевъ. Коммерческій справочникъ. Цѣна 2 р. П. Л. З. Котцъ. Наше избирательное право. Цѣна 1 р. 50 коп. Москва, 1912 г.

Обзоръ Бакинской нефтяной промышленности за 1911 г. Т. I и II. Баку, 1912 г. Цѣна за 2 тома 4 р.

Отчетъ об-ва библіотековѣдѣнія за 1911 г. Спб., 1912 г.

Отчетъ о состояніи народнаго здравія и организаціи врачебной помощи въ Россіи за 1910 годъ. Спб., 1912 г.

Памяти Макса Емельяновича Мандельштама. Рѣчи, статьи, некрологи. Кіевъ, 1912 г. Цѣна 60 коп.

Перевозка, потребленіе и цѣны топлива въ 1910 г. Харьковъ, 1912 г. Цѣна 2 р.

Практическая жизнь. № 1. Москва, 1912 г. Цѣна 20 коп.

Прямой путь. Выпускъ I. Спб., 1912 г.

Русскій Біографическій Словарь. Суворова-Ткачевъ. Спб., 1912 г.

Триста лѣтъ тому назадъ въ г. Ярославлѣ. Ко дню 24 мая 1912 года. Для общедоступнаго чтенія. Ярославль, 1912 г.

Труды Ярославской губ. ученой архивной комиссіи. Книга III, вып. 3-ій. Книга IV, вып. 2-ой. Ярославль, 1906 г.

Труды XIV съѣзда земскихъ врачей и членовъ земскихъ врачебно-санитарныхъ учрежденій Смоленской губ. Т. II. Смоленскъ, 1912 г.

Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей по сельскому хозяйству за 1904 годъ. Сост. А. Д. Педашенко. Спб., 1911 г.

Украинская Жизнь. № 9. Москва, 1912 г. Цѣна 90 коп.

Универсальная Библіотека. № 494—497. Г. Мало. Безъ семьи. Романъ. Часть II. № 582—583. Отечественная война въ русской поэзіи. № 584. Е. И. Гусевъ-Оренбургскій. Капитанъ Кукъ. Данилушка. Портретъ. № 659. И. Тэнъ. Чтенія объ искусствѣ. Часть I. № 660. И. Тэнъ. Чтенія объ искусствѣ. Часть II. № 748. Поль Верлэнъ. Избранныя стихотворенія въ переводахъ русскихъ поэтовъ. № 585. К. Ковальскій. Жизнь—мгновеніе. Въ осажденной крѣпости. Гуси ушли. № 749—750. Э. Ожешко. Мейръ Іозефовичъ. Повѣсть. Часть I. № 751—752. Э. Ожешко. Мейръ Іозефовичъ. Повѣсть. Часть II. № 759—761. С. Лагерлефъ. Домъ Лиліенкронъ. Романъ. № 767. Э. Кастельнтовъ. Рыцари непорочной новеллы. № 768—769. Поль Андрэ. Мужскія письма. № 775—780. Г. Манъ. Охота за любовью. Романъ. № 782—783. Г. офъ Гейфестамъ. Власть женщинъ. Романъ. Москва, 1912 г.

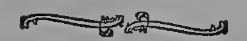
Философія техники. Вып. II и III. Спб., 1912 г. Цѣна каждаго выпуска 80 коп.

Хозяйственно-статистическій обзоръ Уфимской губ. за 1911 годъ. Уфа, 1912 г.

Чума въ Одессѣ въ 1910 г. Подъ ред. Л. Н. Малиновскаго, Д. К. Заболотнаго и П. Н. Булатова. Спб., 1912 г.

Японская лирика. Переводы А. Брандта. Спб., 1911. Цѣна 40 коп.

1912 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. III и IV. Спб., 1912 г.

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Измѣненіе устава о воинской повинности.—Интересы населенія и интересы арміи.—Новый порядокъ исполненія призыва.—Воинская повинность и содѣйствіе развитію народнаго образованія.—Разгромъ стародумцевъ въ Петербургѣ.—Безпримѣрный циркуляръ объ ученикахъ-евреяхъ.—Митрополитъ Антоній †.

1-го декабря вступаетъ въ дѣйствіе законъ 23-го іюня 1912 г. «объ измѣненіи устава о воинской повинности». Совершенно понятно, почему этотъ законъ привлекалъ къ себѣ особенное вниманіе, когда онъ разсматривался въ Государственной Думѣ. Но также понятны и тѣ опасенія, съ которыми общество и печать слѣдили за процессомъ его превращенія изъ предположеній военнаго министерства въ законодательный актъ, долженствующій регулировать отправленіе самой тяжелой для населенія государственной повинности, одинаково тяжелой, какъ въ экономическомъ отношеніи, такъ равно и въ моральномъ.

Къ концу пятилѣтія третьей Думы въ прогрессивной части русскаго общества возродился тотъ самый законодательный консерватизмъ, которымъ такъ ярко были отмѣчены восьмидесятые годы прошлаго столѣтія. Конечно, не были совершенствомъ ни судебные уставы 1864 г., ни организація суда присяжныхъ и мирового института, въ частности. Земское положеніе того же года и городовое 1870 г. одинаково не представляли собою ни полнаго осуществленія принципа самоуправленія, ни безупречно правильнаго разрѣшенія вопросовъ о порядкѣ избранія въ гласные или о соотношеніи между органами самоуправленія и административной властью. И въ теченіе семидесятыхъ годовъ настойчиво раскрывались, именно слѣва недостатки и компромиссный характеръ судебной, земской и городской реформъ. Но когда вопросъ о пересмотрѣ судебныхъ уставовъ, земскаго и городового положеній сталъ на очередь, забылись и эти недостатки, и всѣ компромиссы, допущенные при составленіи уставовъ и положеній. Самыя страстныя и горячія заботы оказались направленными на сохраненіе ихъ въ неприкосновенности. Не могли, само собою разумѣется, не поблекнуть недостатки мирового инсти-

тута, когда вырисовались земскіе начальники. Не могли не исчезнуть въ общественномъ сознаніи несовершенства суда присяжныхъ, когда стала выливаться въ реальныя формы мысль о полномъ его упраздненіи. Нельзя было не забыть преобладанія въ земствѣ гласныхъ отъ крупнаго землевладѣнія и обособленнаго представительства крестьянъ, когда опредѣлилось, что на смѣну крестьянъ, избранныхъ на сословныхъ сходахъ, идутъ крестьяне-гласные по назначенію губернаторовъ и что крупные землевладѣльцы-дворяне получаютъ вполнѣ за ними закономъ обезпеченное привилегированное положеніе вершителей и руководителей земскаго дѣла.

Явились новыя формы государственнаго строя. Явилась Государственная Дума, облеченная законодательной властью. Она получила жизнь во имя обновленія, во имя замѣны старыхъ несовершенныхъ законовъ, созданныхъ чуждой народу бюрократіей, новыми, совершенными, созданными самимъ народомъ въ лицѣ его представителей. Думу двухъ первыхъ созывовъ смерть постигла раньше, чѣмъ успѣла въ чемъ-либо кристаллизоваться творческая мысль народнаго представительства. Избирательный законъ 3-го іюня опредѣлилъ иной составъ нижней палаты: мѣста народныхъ представителей въ ней заняли «господа члены Государственной Думы». И по мѣрѣ того, какъ шли пять долгихъ лѣтъ, какъ постепенно—при неизмѣнномъ дѣйствіи усиленной и чрезвычайной охранъ, при смертныхъ казняхъ, при ненарушимомъ торжествѣ безправія—изъ надеждъ на обновленіе выростали кредиты на безвозвратные расходы сотенъ милліоновъ за счетъ неистощимой «послѣдней крестьянской копѣйки», какъ сгущались тучи надъ Финляндіей и Польшей, какъ увеличивались кары, какъ намѣчались способы «радикальнаго» разрѣшенія еврейскаго вопроса,—меркло даже то, что создала бюрократія въ мрачные годы доконституціонной реакціи. Черный радикализмъ «господъ членовъ Государственной Думы», въ канунъ четвертаго созыва, уже заставлялъ съ однимъ сплошнымъ страхомъ относиться къ ихъ законодательному творчеству.

Въ отношеніи измѣненій устава о воинской повинности чувство страха увеличивалось условіями разсмотрѣнія законопроекта. Въ комиссіонномъ порядкѣ онъ разсматривался за закрытыми даже для членовъ Думы дверями комиссіи государственной обороны. Тамъ работали надъ нимъ одни «благонадежные» умы правыхъ, націоналистовъ и октябристовъ. Изъ-за дверей залы общихъ собраній Думы о немъ сообщалось въ печати только то, на что давалъ разрѣшеніе военный министръ. И вмѣстѣ со всѣмъ этимъ было извѣстно, что составители проекта въ основу его положили противопоставленіе интересовъ арміи интересамъ населенія и стремленіе дать торже-

ство первымъ надъ вторыми. Извѣстно было, что военное министерство признаетъ главную «ошибку» создателя устава 1874 года, графа Д. А. Милютина, въ томъ, что онъ «слишкомъ» много отдавалъ вниманія интересамъ населенія. Легко было себѣ представить, во что, если не должны, то могли вылиться «измѣненія» на такой основѣ, при «патріотическомъ» размахѣ творческой мысли «господъ» законодателей.

По счастью, опасенія оправдались не въ той мѣрѣ, въ какой можно было ожидать. Конечныхъ выводовъ изъ отправного противопоставленія ни первоначальные авторы закона, ни Дума и Государственный Совѣтъ не сдѣлали. Въ главномъ старый уставъ остался въ силѣ. Въ него дѣйствительно внесены только «измѣненія», т. е. частичныя перемѣны отдѣльныхъ опредѣленій и правилъ. Интересы населенія уронъ понесли и, въ сущности, для интересовъ арміи—уронъ практически не нужный. Но по объему уронъ сравнительно небольшой, во всякомъ случаѣ, не соотвѣтствующій всей полнотѣ стремленія дать торжество интересамъ арміи надъ интересами населенія. Въ техническомъ же вопросѣ исполненія призыва и разверстки контингента новобранцевъ и даже въ одномъ вопросѣ принципіальнаго характера «измѣненія» отвѣтили дѣйствительно назрѣвшимъ насущнымъ потребностямъ.

Этотъ принципіальный вопросъ касается опредѣленія начальнаго момента военной службы. Въ уставѣ 1874 г. такой моментъ точно, самимъ закономъ, опредѣленъ не былъ. Уставъ зналъ два понятія: «принятіе» и «поступленіе» на службу. Новобранцы «принимались» воинскими присутствіями, а «поступали» въ воинскія части, т. е. по прибытіи изъ мѣстъ призыва въ мѣста назначенія. Къ присягѣ они приводились немедленно послѣ «принятія» и, согласно разъясненіямъ военно-судебной практики, моментъ принятія считался начальнымъ моментомъ службы. Такимъ образомъ, если не по закону, то по «разъясненіямъ», новобранецъ, отпущенный изъ воинскаго присутствія домой, съ обязательствомъ черезъ двѣ или три недѣли явиться на сборный пунктъ, трактовался въ теченіе этихъ двухъ или трехъ недѣль какъ воинскій чинъ, и за совершенныя преступленія подлежалъ военному суду и отвѣтственности по военно-уголовнымъ законамъ. Осень—періодъ призыва и одинаково время увольненія нижнихъ чиновъ въ отпускъ на родину. Если въ деревнѣ былъ отпускной унтеръ-офицеръ, то вчерашній крестьянинъ, а сегодня принятый въ воинскомъ присутствіи новобранецъ, еще и дня не пробывшій въ фактическихъ условіяхъ военной службы, оказывался въ дисциплинарныхъ отношеніяхъ къ этому унтеръ-офицеру. Случись между ними драка,—для него получалось

не простое деревенское буйство, а воинское нарушеніе чинопочитанія, влекущее вмѣсто дней ареста годы заключенія въ дисциплинарномъ батальонѣ.

Двѣ-три недѣли перерыва между «принятіемъ» новобранцевъ и явкою ихъ на сборные пункты—время деревенской гульбы. Въ пьяномъ разгулѣ будущіе солдаты совершаютъ большое число преступленій. Конечно, законъ не можетъ съ закрытыми глазами проходить мимо этого явленія. Но вопросъ не въ борьбѣ съ нимъ, а въ томъ, что будущіе солдаты еще не суть солдаты настоящіе, и потому бороться съ разгуломъ новобранцевъ, еще не поступившихъ на военную службу—задача общаго законодательства, а не военнаго. Не такъ давно въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ разсматривалось слѣдующее дѣло. Новобранецъ, отпущенный присутствіемъ домой, на почвѣ ревности убилъ однодеревенца, похвалявшагося, что какъ только тотъ уйдетъ на службу, онъ вступитъ въ связь съ его женой. Немедленно по совершеніи убійства новобранца арестовали. Изъ тюрьмы его привели въ судъ. Изъ суда—увели назадъ въ тюрьму, съ приговоромъ къ ссылкѣ въ каторгу. Чѣмъ можно оправдать, что его судилъ военный судъ, а не общій? Зачѣмъ понадобилось на одинъ день суда надѣвать на него солдатскую шинель?

Всѣ подобнаго рода явныя ненормальности закономъ 23-го іюня устранены. «Измѣненія» упразднили присягу въ воинскомъ присутствіи и пріурочили принесеніе присяги къ моменту явки на сборный пунктъ. Въ предупрежденіе излюбленнаго практикою распространительнаго толкованія спеціальныхъ ограничительныхъ постановленій, въ ст. 149 опредѣлено: «Со времени явки на сборный пунктъ, новобранцы за всѣ совершенные ими преступленія и проступки подлежатъ суду и наказанію по военно-уголовнымъ законамъ». До этого «времени», слѣдовательно, они — не воинскіе чины и въ случаѣ совершенія преступныхъ дѣяній отвѣчаютъ на общемъ основаніи. Справедливость требуетъ отмѣтить, что приведенная статья внесена по иниціативѣ законодательныхъ учрежденій. Въ проектѣ ея не было.

Новый порядокъ разверстки контингента имѣетъ цѣлью устранить, во-первыхъ, недоборъ новобранцевъ и, во-вторыхъ, неуравнительность въ призывѣ льготныхъ и безльготныхъ по отдѣльнымъ призывнымъ участкамъ. По дѣйствовавшему до настоящаго времени закону, размѣръ контингента, опредѣленный на данный годъ въ законодательномъ порядкѣ, разверстывался до призыва по всѣмъ участкамъ. Но такъ какъ единственнымъ матеріаломъ для разверстки служили статистическія свѣдѣнія и не было никакой возможности

заранѣе учитывать число призывныхъ, которые окажутся при освидѣтельствованіи физически неспособными, то получалось, что въ однихъ участкахъ освобождались отъ службы не только всѣ льготные, но и нѣкоторый процентъ не имѣющихъ льготы, а въ другихъ и за поголовнымъ принятіемъ льготныхъ третьяго и второго разрядовъ все-таки нельзя было набрать назначеннаго по разверсткѣ числа новобранцевъ. Въ общемъ итогѣ всегда оказывался недоборъ. По мѣрѣ сокращенія срока дѣйствительной службы и соотвѣтственнаго увеличенія контингента, недоборъ съ каждымъ годомъ увеличивался и въ послѣдніе годы превысилъ двадцать тысячъ человѣкъ. Но и такія цифры были лишь половиной, даже менѣе, цифръ дѣйствительнаго недобора. Стремясь исполнить призывъ согласно разверсткѣ, воинскія присутствія не производили достаточно строгой браковки, и одинаково съ недоборомъ въ присутствіяхъ каждый годъ хронически увеличивалось число новобранцевъ, которые по физической негодности къ службѣ возвращались изъ войскъ.

Обязанность предварительныхъ разсчетовъ по исполненію призыва закономъ 23 іюня снята съ военнаго министерства и возложена на министерство внутреннихъ дѣлъ. Это послѣднее къ 1-му сентября должно сообщать воинскимъ присутствіямъ не окончательныя цифры падающаго на губерніи, уѣзды и участки числа новобранцевъ, а указанія иного характера: какія категоріи призываемыхъ, т. е. одни ли безльготные или же и льготные и какихъ именно разрядовъ, начиная съ низшаго, подлежатъ принятію на службу, и если та или другая категорія не подлежитъ принятію полностью, то какой процентъ изъ нея долженъ быть принятъ. Такимъ образомъ, въ основу исполненія призыва, взамѣнъ неподвижныхъ по участкамъ цифръ, положены цифры условныя и подвижныя. Въ результатѣ, конечно, можетъ оказаться переборъ. Въ такомъ случаѣ, по выясненіи окончательнаго числа принятыхъ и неопротестованныхъ въ войскахъ новобранцевъ, излишекъ возвращается: сперва льготные, начиная съ высшихъ разрядовъ, затѣмъ безльготные—всѣ въ обратномъ порядкѣ номеровъ жеребья.

Но недоборъ и при подобной системѣ все-таки возможенъ. На такой случай установленъ запасъ жеребьевыхъ. Жеребій вынимаютъ всѣ внесенные въ общій призывной списокъ участка, за исключеніемъ льготныхъ перваго разряда (кромѣ евреевъ), и излишекъ временно зачисляется въ запасъ жеребьевыхъ. Если къ 15-му февраля опредѣлится недоборъ, то изъ запаса производится дополнительный пріемъ, также точно сначала изъ безльготныхъ, а потомъ изъ льготныхъ, начиная съ низшихъ разрядовъ. По полученіи указаній изъ министерства, воинскія присутствія заносятъ подлежащихъ дополнительному пріему въ пріемную роспись и дѣлаютъ

распоряженіе объ объявленіи имъ, что они приняты на службу и обязаны явиться на сборный пунктъ. 15-го же февраля присутствія зачисляютъ непринятыхъ на службу, но оказавшихся къ ней годными, въ ополченіе.

Съ точки зрѣнія интересовъ населенія, главная разница между прежнимъ и новымъ порядками исполненія призыва заключается въ томъ, что при прежнемъ порядкѣ въ самый день призыва судьба призываемаго, въ благопріятномъ для него смыслѣ, разрѣшалась окончательно и безповоротно. Вытянувшій далекій номеръ жеребья, если вытянувшихъ ближайшіе было достаточно для заполненія назначеннаго по разверсткѣ съ участка числа новобранцевъ, тутъ же зачислялся въ ополченіе и затѣмъ уже ничто не могло измѣнить его судьбы. По новому порядку, со дня призыва и до 15-го февраля всѣ непринятые, но годные къ службѣ, остаются въ неопредѣленномъ положеніи: они могутъ не попасть въ войска, но могутъ и попасть. Кромѣ того, при возможности перебора, на дѣйствительной военной службѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ могутъ оказаться такіе изъ призывныхъ, которые, по имѣющимся у нихъ льготамъ и сообразно съ номеромъ жеребья, не обязаны были вовсе служить подъ знаменами въ мирное время.

Если имѣть въ виду индивидуальные интересы, то, само собою разумѣется, всѣ преимущества лежатъ на сторонѣ стараго порядка. Но если подъ интересами населенія разумѣть интересы общіе, то вопросъ представляется еще весьма спорнымъ. Постоянно растущій недоборъ вынуждалъ опредѣлять размѣръ ежегоднаго контингента съ надбавкой противъ потребности. А потому, если при старомъ порядкѣ невозможенъ былъ формальный переборъ, т. е. пріемъ бо́льшаго числа новобранцевъ, чѣмъ назначено въ законодательномъ порядкѣ,—то переборъ фактическій, т. е. пріемъ выше потребности, былъ возможенъ въ той же мѣрѣ, какъ при новомъ. Независимо отъ устраненія несправедливости въ распредѣленіи тяжести воинской повинности по губерніямъ, уѣздамъ и такимъ дробнымъ территоріальнымъ единицамъ, какъ призывные участки, существенное преимущество новаго порядка заключается въ томъ, что при немъ законодательныя учрежденія могутъ съ полной точностью сообразовывать вотируемый контингентъ съ дѣйствительной потребностью.

Новый порядокъ исполненія призыва — самое крупное, въ сущности, изъ «измѣненій» устава о воинской повинности. И зачѣмъ понадобилось для его обоснованія противопоставленіе интересовъ арміи интересамъ населенія—совершенно непонятно. Составители «измѣненій» вообще пользовались этимъ противопоставле-

ніемъ весьма своеобразно. «Измѣненіями», между прочимъ, значительно усиленъ составъ воинскихъ присутствій представителями военнаго вѣдомства. Такая мѣра, по существу, конечно, есть мѣра второстепеннаго характера. Но въ глазахъ авторовъ проекта она выдвигалась на первое мѣсто, и они настойчиво требовали ея осуществленія именно для наибольшаго огражденія интересовъ арміи, несущихъ, яко бы, ущербъ отъ того, что «штатскимъ» членамъ присутствій «ближе» интересы населенія.

Доказательствомъ этой «близости» приводилась склонность присутствій принимать такихъ мало пригодныхъ къ военной службѣ новобранцевъ, которые, по освидѣтельствованіи въ частяхъ войскъ, признавались неспособными и возвращались на родину. Что воинскія присутствія дѣйствительно недостаточно широко браковали физически слабыхъ призывныхъ — это подтверждаютъ цифры. Но чтобы принятіе на военную службу больныхъ и слабыхъ было слѣдствіемъ «близости» для воинскихъ присутствій интересовъ населенія — въ этомъ по меньшей мѣрѣ позволительно усумниться. Ибо въ данномъ случаѣ интересы населенія, очевидно, совпадаютъ съ интересами арміи. Если больные и слабые, неспособные нести военную службу, новобранцы напрасно обременяютъ армію, то и населеніе отъ принятія ихъ только страдаетъ. Оставаясь въ условіяхъ обычной домашней обстановки и работы, такіе юноши призывнаго возраста могутъ жить долгіе годы. Перенесенные же въ условія казарменной жизни и тяжелаго военнаго обученія, они если не сразу погибаютъ, то ихъ здоровье въ конецъ разстраивается, и они возвращаются не слабыми только, а вовсе неработоспособными калѣками.

Авторы проекта допускали грубую несправедливость, укоряя губернаторовъ, предводителей дворянства и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ чиновниковъ въ томъ, что интересы населенія имъ ближе, чѣмъ интересы арміи. Чиновничьему усердію, когда оно переходитъ въ угодливость, одинаково далеки и тѣ, и другіе. И изъ пріема на военную службу новобранцевъ, къ службѣ неспособныхъ, можно дѣлать выводъ о «близости» воинскимъ присутствіямъ интересовъ совсѣмъ посторонняго и арміи, и населенію порядка. Пріемъ полностью назначеннаго по разверсткѣ участковаго контингента присутствія считали своимъ служебнымъ долгомъ. За исполненіе его они ждали похвалы. При неисполненіи—опасались косого взгляда начальства. Если измѣненныя въ составѣ воинскія присутствія перестанутъ принимать неспособныхъ къ военной службѣ, равно выиграютъ и интересы арміи, и интересы населенія.

Отправное противопоставленіе получило реальное выраженіе,

главнымъ образомъ, въ игнорированіи того интереса населенія, вѣрное служеніе которому большинство третьей Думы ставило себѣ въ особенную заслугу. Графъ Д. А. Милютинъ понималъ, что системою льготъ и изъятій при отправленіи воинской повинности можно широко содѣйствовать подъему уровня образованія въ странѣ. И онъ тридцать восемь лѣтъ назадъ смѣло пошелъ по этому пути. Спустя десять лѣтъ, при его преемникѣ, П. С. Ванновскомъ, льготы и изъятія въ зависимости отъ полученнаго образованія были значительно урѣзаны. При «обновленномъ» строѣ получило торжество признаніе, что дѣло народнаго образованія нуждается въ поощреніи лишь въ отношеніи образованія низшаго, да и то учителя отъ низшей школы отняты: по старому уставу они вовсе освобождались отъ службы въ мирное время, а согласно «измѣненіямъ» обязаны служить два года и лишь въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ послѣ введенія «измѣненій» въ дѣйствіе—одинъ годъ.

Сокращеніе срока службы подъ знаменами для лицъ, прошедшихъ среднюю и высшую школу, по праву полученнаго ими образованія—въ случаѣ назначенія въ части пѣхоты и артиллеріи (кромѣ конной), т. е. въ отношеніи главной массы такихъ лицъ—отмѣнено. Какъ и всѣ вообще призываемые, они должны служить три года. И только выдержавшіе экзаменъ на производство въ офицеры увольняются не черезъ три, а черезъ два года. Лица, имѣющія высшее медицинское образованіе, по старому уставу зачислялись на весь срокъ службы въ запасъ и въ случаѣ войны призывались для занятія должностей военныхъ врачей. Такимъ образомъ, отъ службы въ нижнемъ званіи они освобождались, какъ въ мирное время, такъ и въ военное. Это было наиболѣе льготное изъятіе. Вызвано оно было дѣйствительно заботою объ интересахъ населенія и притомъ въ двоякомъ направленіи: въ видахъ поощренія молодыхъ людей къ полученію медицинскаго образованія и въ видахъ крайняго недостатка врачей въ странѣ. Законъ, изданный въ 1874 г., исходилъ изъ мысли, что если русская деревня лишена самой примитивной организаціи медицинской помощи, то слишкомъ нецѣлесообразно отнимать отъ населенія молодыхъ врачей и не допускать въ отношеніи ихъ изъятія въ примѣненіи принципа равенства въ отправленіи воинской повинности.

Составители закона 1912-го года стали на противоположную точку зрѣнія. По «измѣненіямъ», врачи, ветеринары и фармацевты призываются на службу на общемъ основаніи, и льгота для нихъ заключается лишь въ томъ, что дѣйствительную службу они проходятъ въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ въ нижнемъ званіи и затѣмъ въ теченіе остального времени до двухъ лѣтъ—на соотвѣтствующихъ

ихъ спеціальности классныхъ военныхъ должностяхъ сверхъ штата. Молодые врачи, слѣдовательно, отнынѣ будутъ отниматься отъ населенія на два года: на четыре мѣсяца для солдатской службы и на годъ и восемь мѣсяцевъ — для безвозмезднаго исполненія обязанностей военныхъ врачей. Но и такая льгота—что особенно характерно для закона, изданнаго въ условіяхъ «конституціи», — не есть льгота по праву полученнаго образованія. Въ отношеніи назначенія врачей на классныя должности сверхъ штата, она поставлена въ зависимость отъ воли начальства. Законъ говоритъ: «Назначаются по удостоенію военнаго начальства». Значитъ, если «удостоенія» не будетъ, врачъ не четыре мѣсяца, а всѣ два года останется на службѣ въ строю и «въ нижнемъ званіи».

И въ отношеніи двухъ лѣтъ службы, вмѣсто трехъ, тоже имѣется въ «измѣненіяхъ» оговорка. Врачъ, ветеринаръ или фармацевтъ, для полученія льготы, долженъ пользоваться «правомъ на занятіе въ военномъ вѣдомствѣ соотвѣтствующей его спеціальности классной военной должности». Юридическое содержаніе этой ограничительной оговорки составителями проекта объяснено не было. Пренія въ Государственной Думѣ его также, насколько помнимъ не освѣтили. О немъ можно только догадываться. Но если, съ одной стороны, принять во вниманіе, что оговорка, очевидно, не можетъ относиться къ лицамъ, не имѣющимъ права занимать классныхъ военныхъ должностей по физическимъ недостаткамъ, такъ какъ такія лица вообще освобождаются отъ воинской повинности, а съ другой—если имѣть въ виду, что законъ проходилъ черезъ законодательныя учрежденія во время господства антисемитскихъ тенденцій,—то смыслъ оговорки будетъ вполнѣ понятенъ. Законодательнаго запрета допускать на классныя военныя должности евреевъ пока еще не существуетъ. Но отсутствіе запрета законодательнаго, при нашемъ «всемѣрномъ» торжествѣ законности, не исключаетъ запрета «разъяснительно-циркулярнаго». Въ соотвѣтствіе съ нимъ готова оговорка, на основаніи которой врачи-евреи, независимо отъ полученнаго ими образованія, будутъ три года служить строевыми рядовыми.

Выше мы говорили, что интересамъ населенія новымъ закономъ нанесенъ уронъ небольшой. Конечно, повторяемъ—небольшой сравнительно. Можно было опасаться неизмѣримо бо́льшаго. И только поэтому возможно если не мириться съ отнятіемъ льготъ по образованію, съ привлеченіемъ на военную службу учителей и съ созданіемъ такой системы отбыванія повинности для врачей, при которой врачи одну шестую часть срока должны быть строевыми солдатами, а пять шестыхъ—неполучающими жалованья военными

врачами,—то хоть съ нѣкоторымъ спокойствіемъ относиться къ одной изъ первыхъ существенно важныхъ послѣконституціонныхъ «реформъ». Но что выиграли интересы арміи? Въ пятилѣтіе 1904—1908 гг. въ среднемъ принималось въ годъ: имѣющихъ льготу по образованію перваго разряда 380 чел., или 0,09 процента общаго числа новобранцевъ, имѣющихъ льготу второго разряда—5.970, или 1,36 процента. Эти цифры достаточно краснорѣчивы. Военное вѣдомство желаетъ, чтобы лица, прошедшія высшую и среднюю школу, подготовлялись для службы въ военное время офицерами. Но зачѣмъ держать ихъ для этого солдатами три или два года? Неужели неправы были составители устава 1874 г., разсуждавшіе, что образованный человѣкъ можетъ въ полгода усвоить ту солдатскую науку, для усвоенія которой умственно неразвитому нужны годы? За то же пятилѣтіе освобождалось ежегодно отъ дѣйствительной службы въ мирное время лицъ, получившихъ высшее медицинское образованіе, и педагоговъ разныхъ категорій немногимъ болѣе 2.000 въ годъ, т. е. дробная часть процента, которая ясно говоритъ, что число освобожденныхъ, для интересовъ милліонной арміи, не могло имѣть значенія. Въ отношеніи привлеченія на военную службу учителей составители проекта этого и не скрывали. Ими руководило желаніе, чтобы учителя, особенно низшей народной школы, приблизились къ типу солдата-учителя. Законодательныя учрежденія имъ не сказали, что такъ ставить вопросъ—не ихъ задача.

Стремленіе третьей Думы смотрѣть на повышеніе карательныхъ ставокъ, какъ на панацею отъ всѣхъ золъ, типично отразилось и на измѣненіяхъ устава о воинской повинности. Кары повышены за всѣ преступныя нарушенія устава. При опредѣленіи размѣра повышенія не считались даже съ воинскимъ уставомъ о наказаніяхъ. И въ результатѣ получилось: воинскіе нижніе чины за уклоненіе отъ военной службы посредствомъ побѣга, обмана и членовредительства подвергаются наказанію, не соединенному съ лишеніемъ правъ, а лица, «обязанныя отбываніемъ воинской повинности, но отъ нея уклонившіяся», и пособники членовредителямъ отнынѣ будутъ обязательно подвергаться праволишенію.

Выборы гласныхъ петербургской городской думы закончились полнымъ разгромомъ стародумскаго большинства. Подлежали избранію и избраны: 27 гласныхъ по первому разряду избирателей и 54—по второму. По первому разряду прошли 19 обновленцевъ и 8 стародумцевъ; по второму—47 и 7. Вмѣстѣ съ гласными, избран-

ными въ 1909-мъ году и сохраняющими полномочія еще въ теченіе трехъ лѣтъ, обновленцы съ 1-го января будутъ имѣть въ думѣ не менѣе 110 гласныхъ, стародумцы—не болѣе 50.

Особенно яркимъ показателемъ отношенія населенія Петербурга къ системѣ кормленія, пустившей крѣпкіе корни въ веденіи городского хозяйства и приведшей къ сенаторской ревизіи и къ судебнымъ приговорамъ за взяточничество, могутъ служить выборы по первому разряду. Съ первыхъ же выборовъ по положенію 1903-го года, о городскомъ общественномъ управленіи въ Петербургѣ, первый разрядъ былъ всегда вѣрнымъ и неизмѣннымъ оплотомъ стародумцевъ. При шестнадцати слишкомъ тысячахъ избирателей второго разряда, первый разрядъ состоитъ менѣе чѣмъ изъ четырехсотъ крупнѣйшихъ домовладѣльцевъ. Такіе домовладѣльцы—сплошь представители купеческой и родовой аристократіи, симпатіямъ которой органически претитъ всякая новизна и всякое обновленіе, чего бы оно ни касалось. Кромѣ того, среди нея безчисленны узы родства, свойства и знакомства, которыя при небольшомъ составѣ избирателей всегда обращаютъ выборы изъ общественнаго дѣла въ дѣло домашнее. Такъ было и въ нынѣшній разъ. Въ первомъ разрядѣ предвыборныхъ собраній не устраивалось. Главари боровшихся группъ приглашали къ себѣ «на чашку чая», сами ѣздили, словомъ, принимали мѣры личнаго воздѣйствія на избирателей. Также точно, правда, дѣйствовали въ первомъ разрядѣ и главари обновленцевъ. Но ни опытностью стародумцевъ, ни ихъ умѣньемъ «дѣлать» выборы за чашкой чая, обновленцы, само собою разумѣется, не обладали. И, все-таки, за ними осталась полная побѣда. Еще всего три года назадъ выборы дали въ первомъ разрядѣ стародумцамъ 25 гласныхъ, а обновленцамъ—двоихъ. Тогда въ первомъ разрядѣ выборы сдѣлалъ нынѣшній городской голова г. Глазуновъ. Теперь по предложному имъ списку не избранъ никто.

Въ петербургскомъ городскомъ дѣлѣ, такимъ образомъ, предстоитъ черезъ мѣсяцъ смѣна хозяина. Хозяевами станутъ обновленцы. Стародумцы перейдутъ въ положеніе оппозиціи. Обновленцамъ будетъ нелегко. Какъ ни условна ихъ политическая лѣвизна, они, все-таки, стремятся къ новому—къ новымъ пріемамъ веденія текущихъ дѣлъ, къ новшествамъ въ способахъ удовлетворенія нуждъ и потребностей городского населенія, къ отказу отъ сложившейся и вошедшей въ общую привычку рутины. А все новое въ общественныхъ дѣлахъ всегда вызываетъ, по меньшей мѣрѣ, подозрительность въ глазахъ «начальства», зорко надзирающаго у насъ за общественностью и за общественной самодѣятельностью во всѣхъ ея проявленіяхъ. Стародумцы, будучи въ большинствѣ, вели борьбу вну-

треннюю. Обновленцамъ придется вести, главнымъ образомъ, внѣшнюю. Какъ сила внутренняя, стародумцы представляли одну силу баллотировочную—силу шаровъ. Этой силы они лишились, и внутри городской думы обновленцы не будутъ имѣть не только врага, но даже оппонентовъ. За то внѣ думы имъ придется затрачивать много энергіи. Они вѣроятно встрѣтятся съ систематическимъ неутвержденіемъ членовъ управы, предсѣдателей и членовъ исполнительныхъ комиссій и т. д., и т. д.

По волѣ стародумскаго большинства, предсѣдателемъ городской училищной комиссіи состоитъ г. Бельгардъ. Когда его выбрали, онъ занималъ должность начальника главнаго управленія по дѣламъ печати. Обновленцы считали, что подобное совмѣстительство по закону недопустимо и протестовали противъ его избранія. «Начальство», въ лицѣ особаго по дѣламъ гор. Петербурга присутствія, отвѣтило, что сенатору быть предсѣдателемъ городской исполнительной комиссіи нельзя, а начальнику главнаго управленія по дѣламъ печати—можно. Прошелъ съ небольшимъ годъ. Г. Бельгардъ получилъ назначеніе присутствовать въ сенатѣ, и вотъ уже скоро тоже годъ, какъ г. Бельгардъ соединяетъ съ званіемъ сенатора должность, подчиненную городскому головѣ, который подчиненъ сенату и въ составѣ коллегіи сената—г. Бельгарду. И никто затрудненій, связанныхъ съ избраніемъ новаго лица, стародумцамъ не создаетъ. Не только о подобной незакономѣрной благосклонности обновленцы не могутъ мечтать для себя, но первые же шаги въ роли большинства могутъ доказать имъ, что и при полномъ соблюденіи закона во власти «начальства» чинить неисчислимыя затрудненія и препятствія.

Поживемъ—увидимъ. А пока пожелаемъ обновленцамъ петербургской городской думы полнаго успѣха.

Самыя смѣлыя фантастическія представленія о нашихъ «неограниченныхъ возможностяхъ» превзошелъ циркуляръ г. Кассо о порядкѣ вывода среднихъ балловъ за успѣхи въ наукахъ учениковъ-евреевъ. Содержаніе циркуляра настолько невѣроятно, что мы не рискуемъ его воспроизводить въ своемъ изложеніи и перепечатываемъ то, что прочли въ «Рѣчи» (№ 305), за подписью: «Скептикъ».

«Г. Кассо—писалъ г. Скептикъ—обратилъ вниманіе на то, что въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ ученики-евреи выдаются своими отмѣтками и часто получаютъ медали. Явленіе вполнѣ понятное, особенно понятное для г. Кассо, который вмѣстѣ со своими предшественниками создалъ это явленіе. Среди евреевъ производится

чрезвычайно острый отборъ, и надо быть дѣйствительно семи пядей во лбу, чтобы побѣдить ихъ на конкурсѣ. Кромѣ того, еврей понимаетъ, что безъ медали ему ни въ какомъ случаѣ въ университетъ не попасть. Значитъ, ему нужно напрягать всѣ свои силы и даже работать сверхъ силъ, что бы добиться привилегіи продолжать свое образованіе.» Но г. Кассо объясняетъ это явленіе иначе. По его мнѣнію, выдающіеся успѣхи евреевъ объясняются тѣмъ, что они, въ отличіе отъ христіанъ, не изучаютъ Закона Божія и не посѣщаютъ богослуженія и что поэтому они находятся въ гораздо болѣе выгодныхъ условіяхъ, имѣя лишнее, сравнительно со своими товарищами, время. Если бы г. Кассо отсюда сдѣлалъ выводъ, что нужно уравнять тѣхъ и другихъ, и прибавилъ, поэтому, евреямъ спеціальные предметы для изученія, то онъ, несомнѣнно, вскорѣ убѣдился бы, что это новое «препятствіе» было бы взято. Но г. Кассо такого опыта не желаетъ дѣлать. Онъ поступаетъ совершенно иначе. Онъ не требуетъ, чтобы евреи изучали новые предметы, а чтобы неизучаемые предметы, вродѣ мертвыхъ душъ, присоединялись къ изучаемымъ и принимались во вниманіе при опредѣленіи средней отмѣтки. Такимъ образомъ, если ученикъ имѣлъ по всѣмъ предметамъ пять, то въ среднемъ выводѣ онъ все-таки получитъ четыре съ чѣмъ-то отъ присоединенія предметовъ, по которымъ у еврея отмѣтка—нуль. А такъ какъ больше пяти отмѣтки нѣтъ, то, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ еврей не получитъ въ среднемъ выводѣ пяти и, слѣдовательно, сразу число медалей уменьшится весьма замѣтно».

Неужели правда? Неужели такой циркуляръ дѣйствительно изданъ? Опроверженія мы не читали.

Въ лицѣ митрополита Антонія сошелъ въ могилу единственный, быть можетъ, представитель высшей православной іерархіи, стоявшій въ сторонѣ отъ попытокъ вмѣшательства въ политическую жизнь—попытокъ, направленныхъ къ поддержанію или возстановленію стараго режима въ государствѣ и въ церкви. Вступивъ на петербургскую каѳедру въ то время, когда еще ненарушимо господствовала тишина и ничто не предвѣщало близости движенія, покойный митрополитъ сразу расширилъ кругъ своихъ пастырскихъ заботъ, въ сторону попеченія о слабыхъ и несчастныхъ. Мы помнимъ, съ какой горячей симпатіей М. М. Стасюлевичъ разсказывалъ о посѣщеніи митрополитомъ одного изъ городскихъ училищъ, объ истинно отцовскомъ отношеніи его къ учащимся, о вниманіи, которое онъ и потомъ продолжалъ оказывать столичнымъ школамъ. Желаннымъ гостемъ онъ явился и въ тюрьмахъ, которыя едва ли видали его

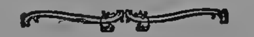
предшественниковъ. Онъ проникъ и въ шлиссельбургскую крѣпость, походившую тогда на кладбище политическихъ осужденныхъ, и говорилъ узникамъ слова утѣшенія и ободренія. Онъ допускалъ свободныя, по условіямъ того времени, пренія въ религіозно-философскомъ обществѣ, и не отъ него—какъ о томъ недавно засвидѣтельствовалъ Д. В. Философовъ,—зависѣло прекращеніе засѣданій, на которыхъ, послѣ долгаго взаимнаго отчужденія, пытались найти общую почву представители духовенства и представители интеллигенціи. Когда русское общество сдвинулось съ мертвой точки и всюду проникла жажда новаго и лучшаго, у митрополита Антонія собралась группа священниковъ, представившая извѣстную записку «о неотложности возстановленія канонической свободы православной церкви въ Россіи». Самъ митрополитъ внесъ въ комитетъ министровъ, которому ввѣрена была разработка реформъ, поставленныхъ на очередь указомъ 12-го декабря 1904-го года, программу преобразованій, желательныхъ въ постановкѣ православной церкви. [1]) Отнюдь не возражая противъ расширенія правъ старообрядцевъ и сектантовъ, митрополитъ Антоній ставилъ вопросъ: «не благовременно ли устранить или хотя бы нѣсколько ослабить ту постоянную опеку и тотъ слишкомъ бдительный контроль свѣтской власти надъ жизнью церковной и надъ дѣятельностью церковнаго правительства, который лишаетъ церковь самостоятельности и иниціативы». Онъ стоялъ за возрожденіе и оживленіе прихода, «возможное только при условіи децентрализаціи церковнаго управленія». Онъ доказывалъ необходимость «пересмотра церковнаго строя и нѣкоторыхъ сторонъ церковнаго управленія, особенно церковнаго суда, правъ и полномочій епархіальныхъ съѣздовъ, участія въ нихъ міранъ, какъ представителей приходовъ».

Церковная жизнь, какъ извѣстно, пошла не по тому руслу, которое было указано для нея покойнымъ митрополитомъ; лозунгомъ ея стала и продолжаетъ быть не реформа, а реакція. Причины этого явленія, тѣсно связаннаго съ общегосударственной политикой, лежатъ глубоко, и устранить ихъ было бы не по силамъ одного лица. Весьма вѣроятно, однако, что немалое вліяніе на ходъ церковныхъ дѣлъ оказала болѣзнь митрополита, удалившая его на цѣлые годы отъ систематическаго и активнаго участія въ церковномъ управленіи. Что, при другихъ условіяхъ, могло бы быть имъ сдѣлано или предупреждено—объ этомъ даетъ понятіе знаменательное различіе между ходомъ послѣдней выборной кампаніи въ петербургской

---

[1]) Эта программа приведена in extenso въ статьѣ г. Каменева: «С. Ю. Витте и К. П. Побѣдоносцевъ о современномъ положеніи православной церкви», напечатанной въ № 2 нашего журнала на 1909-ый годъ.

епархіи и во многихъ (если не во всѣхъ) другихъ. Если въ петербургской губерніи не было ничего похожаго на принудительное участіе духовенства въ выборахъ, если число священниковъ, голосовавшихъ на предварительныхъ, уѣздныхъ и городскихъ съѣздахъ, было здѣсь поразительно невелико, то это зависѣло, безъ сомнѣнія, отъ твердо установившихся традицій, не потерявшихъ силы не смотря на продолжительное отсутствіе ихъ насадителя. И кто бы ни былъ возведенъ на осиротѣвшую каѳедру, второго митрополита Антонія она дождется, по всей вѣроятности, нескоро.

Издатель: М. М. Ковалевскій. Ред. К. К. Арсеньевъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»

въ 1912 году.

Хроника.

животныхъ.—А. Щ.—«Пензенскій городской вѣстникъ».—«Извѣстія Архангельскаго Городского Общественнаго Управленія и врачебно-санитарное дѣло въ Архангельской губ.».—Николай Ивановичъ Пироговъ и его наслѣдіе пироговскіе съѣзды.—В. Б—ъ.—Новыя книги и брошюры (стр. 377).—Февраль.—Толстовскій Музей. Томъ I. Переписка Л. Н. Толстого съ гр. А. А. Толстой (1857—1903).—Валерій Брюсовъ. Далекіе и близкіе. Статьи и замѣтки о русскихъ поэтахъ отъ Тютчева до нашихъ дней.—Ч. В—аго.—Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова. Томъ I—А. А. Кондратьевъ. Гр. А. К. Толстой. Матеріалы для исторіи жизни и творчества.—Н. Л.—С. Елпатьевскій. Собраніе сочиненій. Т. I Разсказы.—Е. Колтоновской.—Новыя идеи въ физикѣ.—П. Юшкевича.—С. Ю. Витте. «Конспектъ лекцій о народномъ и государственномъ хозяйствѣ.—И. Иванюкова.—Торговля и промышленность Европейской Россіи по районамъ. Общая часть и приложенія, выпуски I—XII.—В. Вельскій (В. Кирьяковъ). Выбитые на хутора.—Ил. Чернышевъ. Крестьяне объ общинѣ наканунѣ 9 ноября 1906.—В. В.—Сборникъ археологическихъ статей, поднесенный графу А. А. Бобринскому въ день 25-лѣтія предсѣдательства его въ Императорской Археологической Комиссіи. Со многими таблицами и рисунками.—И. Бороздина.—Статистическій атласъ города Москвы. Территорія, составъ населенія, грамотность и занятія.—Отчетъ о состояніи народнаго здравія и организація врачебной помощи за 1909 годъ.—Д-ръ мед. В. П. Кравковъ. Заразные факторы людского злополучія и раціональныя нормы практической постановки мѣръ личной, общественной и правительственной борьбы съ ними.—В. Б—ъ.—Самоубійства, покушенія на самоубійство и несчастные случаи среди учащихся учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1909 году.—В. Б—ъ.—Новыя книги и брошюры (стр. 364).—Мартъ.—С. Подъячевъ. Разсказы.—Е. Колтоновской.—П. Е. Щеголевъ. Пушкинъ. Очерки.—В. И. Тумановскій. Стихотворенія и письма. Редакція, біографическій очеркъ и примѣчанія С. Н. Браиловскаго.—С. Я. Надсонъ. Проза. Дневники. Письма.—Ч. В—скаго.—Александръ Бенуа. Путеводитель по картинной галлереѣ Императорскаго Эрмитажа.—Н. Л.—С. И. Солнцевъ. Заработная плата, какъ проблема распредѣленія.—Н. Шапошникова.—Пособіе къ ознакомленію съ условіями и пріемами собиранія и разработки свѣдѣній при земско-статистическихъ изслѣдованіяхъ. Составилъ Н. Каблуковъ.—Изданіе 34 земствъ по общей экономической и оцѣночной статистикѣ.—Ник. Гиммеръ. Крестьянскій бюджетъ на сѣверѣ. В. В.—В. О. Ключевскій. Характеристики и воспоминанія.—И. Бороздина.—Я. М. Магазинеръ. Чрезвычайно-указное право въ Россіи (ст. 87 осн. зак.).—В. Матвѣева.—Новыя книги и брошюры (стр. 385).—Апрѣль.—М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке. Томъ II. Съ 3-мя портретами.—Л. Слонимскаго.—Н. П. Кашинъ. Этюды объ Островскомъ.—Письма А. П. Чехова. Томъ I (1876—1887). Съ иллюстраціями. Изданіе М. П. Чеховой. Ч. В—скаго.—А. Кипенъ. Разсказы. Т. I.—Е. Колтоновской.—Полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя, подъ редакціей Н. И. Коробки. Т. I. Юношескіе опыты и «Вечера на хуторѣ».—Н. Л.—Б. А. Тураевъ, проф. Спб. Университета.—Исторія древняго Востока. Часть II.—И. Бороздинъ.—Генри-Чарльзъ Ли. Исторія инквизиціи въ средніе вѣка. Переводъ съ франц. А. В. Башкирова подъ редакціей С. Г. Лозинскаго. Т. I и II. Съ иллюстраціями.—Л. С.—Проф. А. Филиппсонъ. Средиземье (область Средиземнаго моря). Его географическая и культурная характеристика. Съ 10 табл. (ландшафтами), 10 картами и 9 чертежами въ текстѣ. Переводъ со 2-го нѣм. изданія П. А. Бѣльскаго, подъ редакціей проф. Д. Н. Анучина.—А. Щ.—Н. Н. Полянскій. Статьи по уголовному праву.—Ал. Маклецова.—О. Шрейнеръ. Женщина и трудъ. Переводъ съ англійскаго Э. А. Серебрякова. Съ предисловіемъ Н. В. Чайковскаго.—Ежегодникъ газеты «Рѣчь».—Обзоръ главнѣйшихъ отраслей промышленности и торговли за 1910 г.—В. В.—А. Чаяновъ. Ленъ и другія культуры въ организаціонномъ планѣ крестьянскаго хозяйства нечерноземной полосы. Томъ I и таблицы. Вып. I. Волоколамскій уѣздъ (семинарій проф. А. Ѳ. Фортунатова при Моск. сельско-хозяйственномъ институтѣ).—С. Первушина.—Статистико-экономическое изслѣдованіе грунтовыхъ дорогъ Тверской губерніи». Издано подъ редакціей К. Я. Воробьева тверскимъ губернскимъ земствомъ.—Д. Р.—Статистическій ежегодникъ Финляндіи. 1911 г. Изданіе центральнаго статистическаго бюро.—Изъ географіи и статистики подмосковныхъ губерній. Составилъ А. Ѳ. Фортунатовъ, проф. М. С.-Х. Института.—Статистика по казенной продажѣ питей 1904 г. Изданіе главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. В. Б—ъ.—Новыя книги и брошюры (стр. 376).—Май.—Шаховская. В. Г. Короленко. Опытъ біографической характеристики. Ч. В—скаго. Э. Дюркгеймъ. Самоубійство. Соціологическій этюдъ. Пер. съ франц. А. Ильинскаго, подъ ред. В. Базарова; съ предисловіемъ и библіогр. указателемъ русской литературы о самоубійствѣ д-ра Г. Гордона.—П. Юш-

кевича.—D-r H. Iordan. Die Lebenserscheinungen und der naturphilosophichse Monismus.—Л. Мамлокъ. Стереохимія. Ученіе о пространственномъ расположеніи атомовъ въ молекулѣ. Перев. съ нѣм. подъ ред. проф. П. Г. Меликова. Съ 58 рис. въ текстѣ.—А. Щ. — Atlas de Finlande 1910. Helsingfors. 1911. Fennia 30. Bulltin de la Société de Geographie de Finlande. Atlas de Finlande, 1910. Texte. I. Nature. II. Population et Civilisation. Helsingfors. 1911. — Х. М. Лебедь-Юрчикъ. Распредѣленіе дохода и оплата труда въ сахарной промышленности.—Ив. Шмелевъ. Разсказы т. II.— Верхоустинскій. Разсказы т. I. Изд. Т-ва писателей. — Е. Колтоновской. — Новый сборникъ писемъ Л. Н. Толстого. Собралъ П. А. Сергѣенко. Подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. Съ 10-ю портретами и многими автографами.—Ч. В—скаго.—Образцовый каталогъ книгъ по вопросамъ мѣстнаго самоуправленія. Вып. II. Городскія библіотеки. Изд. редакціи журнала «Городское Дѣло», составилъ Б. Б. Веселовскій.— К. П.—Новыя книги и брошюры (стр. 372). — Іюнь. — Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина. Томъ двѣнадцатый. Письма. 1840—1853.— Ч. В—скаго. — И. В. Лучицкій. Состояніе земледѣльческихъ классовъ во Франціи наканунѣ революціи и аграрная реформа 1789—1793 гг. — Н. Карѣева. — Исторія русскаго народнаго хозяйства, проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Т. I. — Б. И. Сыромятникова.—I. М. Гольдштейнъ. Синдикаты и тресты и современная экономическая политика. Часть I. Изданіе 2-ое. — М. И. Назаревскаго. — А. О. Гушко. Представительныя организаціи торгово-промышленнаго класса въ Россіи. — Фабричный инспекторъ Московской губерніи инженеръ И. М. Кузьминыхъ-Ланинъ. Девятилѣтній періодъ (1901—1909 гг.) фабрично-заводской промышленности Московской губерніи.—В. В.—Николай Гастфрейндъ. Товарищи Пушкина по Императорскому Царскосельскому Лицею. Томъ I.—О. — Новыя книги и брошюры (стр. 366). — Іюль. — В. Я. Переверзевъ. Творчество Достоевскаго. Съ предисловіемъ П. Н. Сакулина. — Библіотека всемірной литературы. Европейскіе классики. Шекспиръ въ двухъ томахъ, подъ редакціей А. Е. Грузинскаго.—Поэмы Гомера, въ переводахъ Гнѣдича и Жуковскаго, подъ редакціей А. Е. Грузинскаго.—В. Я. Богучарскій. Изъ исторіи политической борьбы въ 70-хъ и 80-хъ гг. XIX вѣка.— Б. Кистяковскій. Страницы прошлаго. Къ исторіи конституціоннаго движенія въ Россіи.—Ч. В—скаго. — С. А. Котляревскій. Юридическія предпосылки русскихъ Основныхъ Законовъ. — А. С. Тагера. — Н. Н. Алексѣевъ. Науки общественныя и естественныя въ историческомъ взаимоотношеніи ихъ методовъ. — Н. Е. Михайлова. — Памятники музея изящныхъ искусствъ имени императора Александра III въ Москвѣ. Выпуски I—II. Таблицы и текстъ. — Христіанскій Востокъ. Серія, посвященная изученію Христіанской культуры народовъ Азіи и Африки. Томъ I. Выпускъ I. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. — И. Бороздина. — Вернеръ Зомбартъ. Евреи и хозяйственная жизнь. Авторизованный переводъ подъ редакціей Г. Гроссмана. Часть первая (экономическая).—Профессоръ Вернеръ Зомбартъ. Будущность еврейскаго народа. Переводъ съ нѣмецкаго Х. Гринберга. Со вступительной статьей д-ра Д. С. Пасманика: Голосъ христіанина о еврейскомъ вопросѣ.—В. В.—Шарль Жидъ. Потребительныя Общества. Книга первая. — К. П.—Prof. Dr. H. Bechhold. Die Kolloide in Biologie und Medizin. — R. Liescgarg. Beiträge zu einer Kolloidchemie des Lebens.— Handbuch der Biochemie des Menchen und der Tiere. — Biochemisches Handlexikon. — А. С. Щепотьева. — Новыя книги и брошюры (стр. 367).—Августъ.—Евг. Ляцкій.—Гончаровъ. Жизнь, личность, творчество. Критико-библіографическіе очерки. Изд. второе, переработанное и дополненное.—М. Ф. Суперанскій. Каталогъ выставки въ память И. А. Гончарова въ Симбирскѣ 6—15 іюня 1912 г. — Баронъ Врангель. Воспоминанія о Достоевскомъ въ Сибири 1854—56 гг.—Ч. В—скаго. — А. Корниловъ. Курсъ исторіи Россіи XIX в. Ч. I и II.—Д. К. — А. Коллонтай. По рабочей Европѣ. Силуэты и эскизы. —Кустарные промыслы Уфимской губерніи. — Статистическій Ежегодникъ на 1912 годъ. — В. В. Леонтьевъ. Объ изученіи положенія рабочихъ. — Заработная плата служащихъ и рабочихъ бакинскаго нефтепромышленнаго района.—Л. С. Закъ. Форма экономической самопомощи въ области ремесленнаго труда. Съ приложеніемъ очерка К. Л. Ароновича: «О профессіональномъ образованіи ремесленниковъ».—Организація сбыта ремесленныхъ издѣлій. — Кредитная кооперація въ чертѣ еврейской осѣдлости.—Матеріалы по экономическому изслѣдованію внутреннихъ водныхъ путей. Отдѣлъ первый. Томъ I. Выпускъ I. — С. Прокоповичъ. Аграрный кризисъ и мѣропріятія Правительства. — В. В.—Новыя книги и брошюры (стр. 387).— Сентябрь. — Любовь Гуревичъ. Литература и эстетика. Критическіе опыты и этюды.—Ч. В—скаго. — Б. К. Книповичъ. Къ вопросу о дифференціаціи русскаго крестьянства.—О. Иващенко. Воспоминанія объ англійской школѣ. — В. Миславскій. Поземельная община въ Россіи. К. Гассертъ. Города. Географическій очеркъ. — В. В. — Новыя книги и брошюры (стр. 395). — Октябрь.—П. Муратовъ. Образы Италіи.

T. I и II.—П. Шаскольскаго.—Ѳ. И. Тютчевъ. Полное собраніе сочиненій. Съ критико-библіографическимъ очеркомъ В. Я. Брюсова, библіографическимъ указателемъ, примѣчаніями, варіантами, факсимиле и портретомъ. Изданіе шестое, исправленное и дополненное. Редакція П. В. Быкова.—С. А. Соболевскій. Эпиграммы и экспромты. Подъ редакціей В. В. Каллаша.—П. М. Ковалевскій. Стихи и воспоминанія. Посмертное изданіе.—Александръ Закржевскій. Карамазовщина. Психологическія параллели. Достоевскій, В. Брюссовъ, В. Розановъ, М. Арцыбашевъ.—Д. В. Философовъ. Старое и новое. Сборникъ статей по вопросамъ искусства и литературы.—Ч. В—скаго.—Дѣти-преступники. Сборникъ статей съ предисловіемъ и подъ редакціей М. Н. Гернета.—А. Маклецова.—Проф. М. И. Назаревскій. Очерки по исторіи и теоріи коллективно-капиталистическаго хозяйства.—Т. I. Часть первая. Очерки по исторіи объединеній американской промышленности.—А. Е. Лосицкій. Распаденіе общины.—В. В.—Новыя книги и брошюры (стр. 357).—Н о я б р ь.—А. Г. Горнфельдъ. О русскихъ писателяхъ. Томъ первый. Минувшій вѣкъ.—В. А. Михайловъ. Отголоски декабристскаго движенія во французской литературѣ. Историко-литературный очеркъ. Популярная библіотека № 102.—Х. Д. Алчевская. Передуманное и пережитое. Дневники, письма, воспоминанія.—М. Туганъ-Барановскій. Къ лучшему будущему. I. Этика и общественная жизнь. II. Кооперація. III. Экономическая жизнь.—Ч. В—скаго.—С. А. Венгеровъ. Собраніе сочиненій. Т. III. Передовой боецъ славянофильства—К. Аксаковъ.—Е. Колтоновской.—В. М. Устиновъ. Ученіе о народномъ представительствѣ. Т. I. Идея народнаго представительства въ Англіи и Франціи до начала XIX вѣка.—П. Михайлова.—К. А. Пажитновъ. Современная дороговизна на Западѣ и въ Россіи.—Государственные доходы по главнымъ источникамъ поступленій въ 1907—1911 г.—Государственные расходы по главнымъ предметамъ назначенія въ 1907—1912 гг.—Распредѣленіе госуд. доходовъ за 1907—1911 гг. по числу душъ населенія.—Свободная наличность государственнаго казначейства за 1892—1911 гг.—П. И. Лященко. Хлѣбная торговля на внутреннихъ рынкахъ Европейской Россіи.—В. В.—Исторія города Харькова за 250 лѣтъ его существованія (съ 1655 по 1905 годъ). Историческая монографія проф. Д. И. Багалѣя и Д. П. Миллера.—Альбомъ старинныхъ плановъ г. Харькова, снимковъ его видовъ и портретовъ его дѣятелей.—К. П.—Новыя книги и брошюры (стр. 373).—Д е к а б р ь.—Л. Н. Толстой. Война и миръ. Подъ редакціей и съ примѣчаніями П. И. Бирюкова.—Щукинскій сборникъ. Выпускъ десятый. Изданіе отдѣленія Имп. Рос. Историческаго Музея им. Имп. Александра III—музея П. И. Щукина.—Баронъ А. И. Дельвигъ. Мои воспоминанія. Изд. Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музея.—К. Кузьминскій. Художникъ-иллюстраторъ А. А. Агинъ, его жизнь и творчество. Съ 45 иллюстраціями.—Ч. В—скаго.—Проф. С. Ѳ. Платоновъ.—Сочиненія. Томъ I. Статьи по русской исторіи (1883—1912).—Фридрихъ Кирхейзенъ. Наполеонъ I. Его жизнь и его время. Томъ I. Переводъ съ нѣм. М. Кадишъ. Съ предисловіемъ А. Дживилегова. Изданіе «Современныя Проблемы».—Артуръ Леви.—Наполеонъ Бонапартъ. Душевныя качества Наполеона. Переводъ съ франц.—Ипполитъ Тэнъ. Наполеонъ. Переводъ съ французскаго.—И. Бороздина.—А. Н. Марковъ. Правила адвокатской профессіи въ Россіи. Опытъ систематизаціи постановленій совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ по вопросамъ профессіональной этики.—Анатолія Кремлева.—А. И. Ярошевичъ. Очерки экономической дѣятельности юго-западнаго края. Вып. II—V.—А. Н. Опацкій. Фабрично-заводская промышленность Харьковской губерніи и положеніе рабочихъ.—Извѣстія Общества распространенія правильныхъ свѣдѣній объ евреяхъ и еврействѣ.—В. В.—Проф. К. Гассертъ. Изслѣдованіе полярныхъ странъ. Переводъ подъ редакціей проф. Г. И. Танфильева. Съ 2 картами.—А. Щ.—Новыя книги и брошюры (стр. 397).

VI. Библіографическій Листокъ.—Я н в а р ь.—В. Я. Богучарскій. Изъ исторіи политической борьбы въ 70-хъ и 80-хъ гг. XIX-го вѣка. Партія «Народной Воли», ея происхожденіе, судьба и гибель. А. А. Кизеветтеръ. Историческіе очерки. Н. Карѣевъ. Парижскія секціи временъ французской революціи (1790—1795). Вл. Н. Кранихфельдъ. Въ мірѣ идей и образовъ. Томъ первый. Е. А. Колтоновская. Критическіе этюды.—Ф е в р а л ь.—С. Я. Надсонъ. Проза. Дневники. Письма. Съ шестью фототипіями. Собственность литературнаго фонда. Наполеонъ и Александръ I. Франко-русскій союзъ во время первой Имперіи. Т. II. Второй бракъ Наполеона. Упадокъ Союза. Альберта Вандаля. Переводъ съ 6-го франц. изданія В. Шиловой, съ портретами Румянцева и Меттерниха. Проф. Р. Пишель. Будда, его жизнь и ученіе. Перев. съ нѣмецкаго, съ дополнительными примѣчаніями и приложеніемъ рисунковъ, подъ редакціей проф. Д. Н. Анучина. М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке. Т. II. Съ тремя портретами. Нижегородскій Ежегодникъ. Иллюстрированный литературный календарь-справочникъ. Подъ редакціей Г. И. Сергѣева и В. Е. Чешихина (Ч. Вѣтрин-

скаго).—Мартъ.—Алексѣй Веселовскій. Этюды и характеристики. Т. I и II. Четвертое, значительно дополненное изданіе. Изъ моего дѣтства. Воспоминанія А. К. Чертковой (Библіотека свободнаго воспитанія и образованія и защиты дѣтей, подъ редакціей И. Горбунова-Посадова. Вып. LII). В. Г. Вальтеръ. Рихардъ Вагнеръ (Иллюстрированныя біографіи композиторовъ, подъ редакціей В. Г. Вальтера). Д. С. Пасманикъ. Странствующій Израиль. Психологія еврейства въ разсѣяніи. А. Изгоевъ. П. А. Столыпинъ. Очеркъ жизни и дѣятельности (Біографическая библіотека, № 1).—Апрѣль.—Евгеній Чириковъ. Цвѣты воспоминаній. Ада Чумаченко. Стихи. А. Ө. Кони. На жизненномъ пути. Т. I. Два года съ Л. Н. Толстымъ. Записки бывшаго секретаря Л. Н. Толстого, Н. Н. Гусева. Изданіе Посредника, входящее въ составъ Всемірной библіотеки въ память Л. Н. Толстого. Левъ Толстой и голодъ. Сборникъ подъ редакціей Ч. Вѣтринскаго. В. Чарнолускій. Вопросы народнаго образованія на первомъ общеземскомъ съѣздѣ.—Май.—В. Я. Богучарскій. Александръ Ивановичъ Герценъ. Борьба за вѣру. Историко-бытовые очерки и обзоръ законодательства по старообрядчеству и сектантству. В. И. Ясевичъ-Бородаевской. Христофоръ Марло. Трагическая исторія доктора Фауста. Переводъ К. Бальмонта. Россія и Наполеонъ. Отечественная война въ мемуарахъ, документахъ и художественныхъ произведеніяхъ. Изданіе исторической комиссіи учебнаго отдѣла общества распространенія техническихъ знаній. Роосъ. Съ Наполеономъ въ Россію. Записки врача великой арміи. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ предисловіемъ И. Н. Бороздина.—Іюнь.—Любовь Гуревичъ. Литература и эстетика. Критическіе опыты и этюды. «Добролюбовъ для школы». А. С. Пругавинъ. «Братцы» и трезвенники. Изъ области религіозныхъ исканій. Проф. Випперъ. Двѣ интеллигенціи и другіе очерки. Сборникъ статей и публичныхъ лекцій.—Іюль.—П. Соловьева (Allegro). Тайная правда и другіе разсказы. Е. А. Колтоновская. Женскіе силуэты. Съ 16 портретами. А. Г. Горнфельдъ. О толкованіи художественныхъ произведеній. Д-ръ Карлъ Диль, профессоръ Фрейбургскаго Университета. Комментарій къ «Основнымъ началамъ» Д. Рикардо. Разрѣшенный авторомъ переводъ со 2-го исправленнаго изданія. Съ предисловіемъ проф. А. С. Посникова. Часть I. Сборникъ. Спб. Общества вспомоществованія бывшимъ студентамъ Кіевскаго университета. За сорокъ лѣтъ. 1871—1911.—Августъ.—М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке. Т. III. Съ двумя портретами. Народное образованіе въ Россіи съ 60-хъ годовъ XIX вѣка. Составилъ Н. В. Чеховъ. Съ рисунками и таблицами. Французы въ Россіи. 1812-ый годъ по воспоминаніямъ современниковъ-иностранцевъ. Ч. I и II. Сборникъ составленъ А. М. Васютинскимъ, А. К. Дживелеговымъ и С. П. Мельгуновымъ. Отечественная война въ родной поэзіи. Составилъ Ч. Вѣтринскій.—Сентябрь.—Третья Государственная Дума. Сессія пятая. Фракція народной свободы въ періодъ 15 октября 1911 г.—9 іюня 1912 г. Отчетъ и рѣчи депутатовъ. Физическое воспитаніе. Гимнастика, спортъ и подвижныя игры. Составилъ докторъ медицины В. Е. Игнатьевъ. Съ рисунками и таблицами. В. Твердохлѣбовъ. Пособія государства мѣстнымъ союзамъ.—Октябрь.—Историко-литературная библіотека подъ редакціею А. Грузинскаго. Выпускъ VII. Ө. М. Достоевскій въ воспоминаніяхъ современниковъ, письмахъ и замѣткахъ. Составилъ Ч. Вѣтринскій. (Вас. Е. Чешихинъ). С. М. Гинзбургъ. Отечественная война 1812-го года и русскіе евреи. Съ иллюстраціями. Г. Е. Аоанасьевъ. Наполеонъ и Александръ. Причины войны 1812-го года. Библіотека новаго воспитанія и образованія и защита дѣтей. Выпускъ XXXI. И. Горбуновъ-Посадовъ. Къ русскимъ учителямъ начальной, средней и высшей школы. Учитель и школа въ борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ.—Ноябрь.—Свобода печати при обновленномъ строѣ. Сборникъ статей В. Набокова, М. Ганфмана, А. Горбунова, гр. П. Толстого, С. Ордынскаго, В. Обнинскаго и В. Розенберга. Н. И. Карѣевъ. Неизданные документы по исторіи парижскихъ секцій 1790—95 гг. (Изъ «Записокъ Импер. Академіи Наукъ по Историко-филологическому отдѣленію, т. XI; № 2). К. Н. Соколовъ. Парламентаризмъ. Опытъ правовой теоріи парламентскаго строя. С. А. Сухановъ. Патологическіе характеры. Очерки по патологической психологіи.—Декабрь.—А. Богдановъ. Философія живого опыта. Популярные очерки.—Е. Е. Колосовъ. Очерки міровоззрѣнія Н. К. Михайловскаго. Теорія раздѣленія труда, какъ основа научной соціологіи. Опытъ литературнаго анализа.—Левъ Ждановъ. Въ стѣнахъ Варшавы. Цесаревичъ Константинъ. Историческій романъ-хроника (1814—31). Съ портретами и снимками.—С. Я. Бѣляцкинъ. Новое авторское право въ его основныхъ принципахъ.

3.—

